



ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

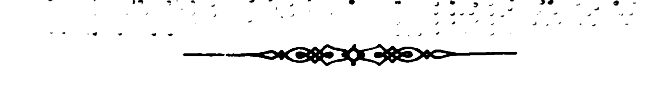
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805—1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.





КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1887.



Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Д. Бѣляевъ.*

Отдѣльные оттиски изъ „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго университета за 1875, 1880 и 1886 годы.

Считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько объяснительныхъ словъ этой книгѣ, появляющейся отдѣльнымъ изданіемъ. Меньшая половина ея, именно первые 16 листовъ (1—256 стр.) была и давно написана, и давно напечатана ([1]). Болѣе десяти лѣтъ отдѣльные оттиски, какъ гонораръ автора, лежали въ типографіи и ждали продолженія. Обязательная дѣятельность по университету мѣшала продолжать изслѣдованіе и только въ послѣдній годъ, съ того времени, какъ авторъ сталъ пользоваться свободою отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, онъ могъ возвратиться всецѣло къ начатой работѣ и отдать ей все свое свободное время. Остальная, и большая часть настоящей *первой* части, послѣдніе 24 листа (257—639 стр.), были написаны въ этомъ году.

Такой невольный перерывъ въ работѣ, которая должна представлять одно цѣлое, вытекающее изъ одной мысли, естественно отразился на ней невыгодно. Это авторъ и считаетъ необходимымъ объяснить. Начало нашихъ разсказовъ было писано еще при суще-

---

([1]) Она появилась безъ имени автора въ очень мало распространенномъ органѣ «Ученыя Записки Казанскаго университета», подъ названіемъ «Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху», въ 1875 (стр. 3—48, 242—288 и 439—488) и въ 1880 (стр. 1—112) годахъ.

ствованіи университетскаго устава 1863 года. О немъ авторъ говоритъ, какъ объ уставѣ дѣйствующемъ; вторая половина этой первой части была писана въ то уже время, когда для русскихъ университетовъ начался новый историческій періодъ какъ во внутренней ихъ организаціи, такъ и въ самомъ содержаніи и направленіи ихъ научной дѣятельности. При изложеніи фактовъ прошедшаго, для сравненія и объясненія, случалось брать доказательства изъ настоящаго, но въ теченіе десяти лѣтъ это настоящее измѣнилось и вотъ источникъ тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя можетъ быть замѣтитъ читатель. Такъ между прочимъ не разъ авторъ упоминаетъ о семидесяти годахъ существованія Казанскаго университета, тогда какъ онъ недавно праздновалъ 82-ю годовщину своей жизни, со времени высочайшаго утвержденія его перваго устава (1804 г.). Противорѣчія эти впрочемъ не существенны.

Не измѣнилась однако та точка зрѣнія, которую высказалъ авторъ на первыхъ страницахъ предлагаемой книги (3—8), какъ на значеніе и исторію нашихъ университетовъ, такъ и на характеръ работы, посвященной первымъ годамъ Казанскаго университета. Авторъ глубоко убѣжденъ въ достоинствахъ европей-

ской университетской науки, которой и самъ онъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ увѣренъ, что никакой другой и быть не можетъ въ нашихъ высшихъ школахъ, такъ какъ историческій ходъ науки всегда и вездѣ одинъ и тотъ же. Но совершая свое переходное движеніе по разнымъ странамъ и государствамъ, на вѣчной службѣ человѣческому прогрессу, наука необходимо должна подчиняться государственнымъ и общественнымъ, временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, которыя сильно вліяютъ на нее, видоизмѣняютъ ее. Эта, независимая отъ науки, временная обстановка ея и составляетъ предметъ исторіи образованія той или другой страны. По нашему мнѣнію такая исторія образованія, или исторія одного котораго либо нашего университета, и весьма любопытна, и крайне поучительна для будущаго. Она важна еще и тѣмъ, что совершенно оправдываетъ тѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ исторически сложившіяся формы и содержаніе университетской науки въ Европѣ, которыя были перенесены къ намъ. Неуспѣхъ или извращеніе зависѣли не отъ нея, а отъ совершенно побочныхъ и чуждыхъ ей обстоятельствъ.

Писать однако такую исторію образованія, какъ мы убѣдились личнымъ опытомъ, не совсѣмъ легко. Для нея необходимо особенное богатство архивныхъ документовъ и живыя преданія. И тѣмъ и другимъ мы могли пользоваться, на сколько позволяли намъ собственныя силы и побочныя обстоятельства. Какъ уже было говорено на вступительныхъ страницахъ этой книги, наши разсказы не имѣютъ ничего общаго съ тѣми оффиціальными университетскими исторіями, которыя составляются и печатаются къ юбилеямъ университетовъ. Мы хотѣли правды, какова бы она ни была, желали показать то, что было въ самой дѣйствительности, не руководясь при этомъ никакою заднею мыслію. Очень можетъ быть, что не совсѣмъ пріятныя картины прошедшей жизни стараго университета являются на нашихъ страницахъ, но мы не выбирали ихъ. Могутъ упрекнуть насъ и въ томъ, что мы долго разсказывали о личностяхъ, которыя сами по себѣ не стоятъ разсказа, что мы передавали и разные анекдоты некрасиваго свойства, останавливались на мелочахъ, на скандалахъ профессорской жизни, на интимныхъ исторіяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ.... Скажутъ, что все это *мелочи*, незаслуживавшія вниманія, но и жизнь

складывается изъ мелочей; онѣ обрисовываютъ жизнь, служатъ ей окраской. А жизнь провинціальнаго русскаго университета, по разнымъ причинамъ, особенно богата этими мелочами. При томъ онѣ сохранились въ оффиціальныхъ актахъ, какъ по всей вѣроятности сохранятся потомъ и мелочи настоящаго. Не поучительно ли это обстоятельство для современниковъ, именно въ провинціальномъ городѣ, гдѣ въ особенности извѣстна всѣмъ самая интимная жизнь лица и характеръ его общественныхъ отношеній? Не напоминаетъ ли оно имъ и о будущей исторіи, когда, не смотря на необходимость молчанія въ настоящемъ, по словамъ латинскаго гимна—

Quidquid latet—adparebit,
Nil inultum remanebit—

и о завѣтѣ великаго русскаго поэта:

„Служенье музъ не терпитъ суеты"....

Это *служенье музамъ*, т. е. уваженіе къ наукѣ, какъ она сложилась вѣковыми усиліями европейскаго человѣчества, есть единственное условіе власти надъ жизнію и историческаго успѣха всякой страны. Сознаніе этой мысли особенно важно въ наше время....

По исключительно мѣстному характеру своему,

наша книга едва-ли найдетъ читателей (она и выходитъ поэтому въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ), хотя, казалось намъ, общее ея содержаніе, т. е. судьба европейской науки у насъ, должна интересовать тѣхъ, для которыхъ дорога послѣдняя. Надѣемся однако, что въ 1904 году, когда Казанскій университетъ будетъ праздновать свою столѣтнюю годовщину, устроители праздника вспомнятъ о нашей книгѣ. Авторъ не можетъ быть собственнымъ судьею, но если эта первая часть найдетъ сочувствіе въ людяхъ интересующихся судьбою нашего образованія, онъ не откажется отъ продолженія труда. Вторая часть заключаетъ въ себѣ дальнѣйшую исторію развитія университетской жизни въ Казани, біографіи многихъ профессоровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, открытіе университета, при полномъ введеніи въ дѣйствіе устава 1804 года, преподаваніе и научную дѣятельность того времени и наконецъ ревизію Магницкаго. Авторъ такъ долго служилъ Казанскому университету, столь много обязанъ ему, что трудъ этотъ доставлялъ и доставляетъ ему большое наслажденіе, особенно контрастомъ печальнаго прошлаго нашего просвѣщенія съ мечтою о лучшемъ будущемъ....

Декабрь, 1886 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

I.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО И САЛТЫКОВА.

(1804—1819 г.).

Глава I.

Общій характеръ изслѣдованія. Уставъ 1804 года и его значеніе. Біографія перваго Казанскаго Попечителя Румовскаго.

Если наука и высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ, со времени великаго дѣла Петрова, составляютъ историческую необходимость пробужденной и развивающейся жизни, то даже до самыхъ послѣднихъ годовъ нельзя утверждать, чтобы стремленіе къ нимъ было свободнымъ актомъ самаго общества. Въ главѣ всѣхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій Россіи должна быть поставлена необходимо державная воля. Она пробуждаетъ дремлющія общественныя силы, она указываетъ цѣли, она и требуетъ высшаго научнаго образованія отъ подданныхъ для цѣлей своихъ, государственныхъ. Эти послѣднія указали на необходимость высшаго образованія еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что и было тогда причиною учрежденія Московскаго университета. Правда, при такомъ значеніи въ нашемъ отечествѣ науки и высшаго научнаго образованія, въ нихъ замѣчается еще мало своей, внутренней жизни; наши университеты не похожи на заграничные, считающіе существованіе свое вѣками, тѣсно слитые со всею духовною и историческою жизнью страны, посреди которой они выросли много вѣковъ тому назадъ. У насъ не можетъ быть той *свободной науки*, которая составляетъ необходимое условіе европейскихъ университетовъ, науки не зависящей отъ мѣняющихся направленій власти, отъ вѣяній времени, науки, въ самой

себѣ почерпающей жизнь и развитіе и стремящейся къ собственнымъ, а не извнѣ указаннымъ ей цѣлямъ. Наши университеты не исторически-народныя, а государственныя учрежденія, наша наука только въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ не на жалованьи; ея произведенія—по большей части или курсы, преподаваемые въ университетахъ, или сочиненія, написанныя для полученія ученыхъ степеней. Но, несмотря на этотъ невыгодный характеръ нашей университетской науки, оправдываемый множествомъ историческихъ и необходимыхъ причинъ, для жизни русской и для ея историческаго хода впередъ, наши молодые университеты принесли столько добра, столько пользы, столько нравственныхъ и образовательныхъ силъ, что существованіе ихъ и дальнѣйшее развитіе вполнѣ упрочены и масса слушателей ихъ растетъ прогрессивно. Пусть покуда двери ихъ отворены для тѣхъ главнымъ образомъ молодыхъ людей, которые видятъ въ наукѣ тамъ преподаваемой средства для будущей жизни, для извѣстной профессіи, но если сама уже жизнь требуетъ образованныхъ и прошедшихъ университетскую школу дѣятелей, то придетъ время, надѣемся, что не долго ждать его будущимъ поколѣніямъ, когда у насъ будетъ и независимая наука, которая сама, спокойно и гордо, поставитъ сознанныя и выработанныя ею требованія для той же жизни, которая теперь ее подавляетъ.

Вотъ почему на университеты наши надобно смотрѣть скорѣе какъ на зародыши будущаго духовнаго развитія и будущей самостоятельной научной дѣятельности, чѣмъ на историческіе памятники прошлаго. Ихъ молодая жизнь еще впереди, хотя каждому изъ нихъ, въ теченіе непродолжительнаго сравнительно существованія своего, пришлось пережить внутри себя достаточно треволненій, вызываемыхъ и столкновеніями съ обществомъ, ихъ окружающимъ, и общимъ историческимъ положеніемъ страны; каждый изъ нихъ долженъ былъ четыре, пять и даже иногда больше разъ измѣнять свой внѣшній видъ и внутреннее направленіе. Дѣйствительная наука не терпитъ такихъ метаморфозъ; она страдаетъ и глохнетъ при такихъ условіяхъ. И жизнь нашихъ университетовъ, естественно вдвинутыхъ въ общій строй государственной жизни, шла такимъ образомъ неровно, скачками, то впередъ, то назадъ; вмѣстѣ съ наукою, обстоятельства подавляли и личности; немного свѣтлыхъ

именъ можно насчитать въ прошлой жизни нашихъ университетовъ, но тѣмъ они ярче, тѣмъ они болѣе заслуживаютъ уваженія со стороны общества. И происхожденіемъ своимъ, и обстоятельствами развитія наши университеты никогда не были самостоятельными учрежденіями въ странѣ, а потому многія изъ падавшихъ на нихъ обвиненій относились къ нимъ несправедливо и должны быть сняты безпристрастной исторіей.

Причины и обстоятельства такой измѣнчивой судьбы нашихъ университетовъ довольно извѣстны въ литературѣ. Общія черты ихъ развитія и даже нѣкоторыя болѣе характерныя подробности не разъ обсуждались печатнымъ образомъ. Вопросъ кажется исчерпанъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, мы позволяемъ себѣ думать, что нѣсколько полная картина всей жизни одного какого либо высшаго научнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ, какъ это видно изъ имѣющихся въ нашей литературѣ исторій нѣкоторыхъ академій и университетовъ, представляетъ весьма значительный общій интересъ, не только для бывшихъ питомцевъ ихъ, естественно связанныхъ съ своею alma mater сердечными узами воспоминаній, но и для всѣхъ образованныхъ людей страны. Въ исторіи человѣческаго развитія конечно на первомъ мѣстѣ стоятъ вопросы культуры и науки, такъ какъ въ нихъ заключаются высшіе интересы человѣчества, а у насъ, гдѣ наука еще такъ молода, такъ долго была въ загонѣ и въ презрѣніи, исторія ея медленнаго роста, посреди различнаго рода препятствій, представляетъ еще болѣе поучительную картину. Многое при подробномъ и безпристрастномъ изученіи историческихъ обстоятельствъ получаетъ совершенно неожиданное освѣщеніе; воззваніе къ прошлому, чтобъ опорочить неудовлетворяющее настоящее или восхваленіе этого послѣдняго, при чемъ все прошлое топчется въ грязь, составляютъ, какъ всѣмъ извѣстно, увлеченія людей плохо знакомыхъ съ исторіей. Пусть они вспомнятъ судьбу всякаго зерна въ нашемъ печальномъ сѣверномъ климатѣ и тѣ могущественныя препятствія, которыя приходится преодолѣть ему, чтобъ пустить свой жалкій ростокъ.

Предпринявъ изложеніе исторіи Казанскаго университета, существованіе котораго продолжалось уже семьдесятъ лѣтъ, мы руководились именно этимъ, высказаннымъ нами впере-

ди уваженіемъ къ университетской наукѣ. Намъ казалось, что весьма любопытно будетъ прослѣдить, шагъ за шагомъ, въ лицѣ ея разнообразныхъ представителей и питомцевъ, судьбы этой университетской науки въ самой глухой изъ русскихъ провинцій, ея значеніе для окружающей жизни и ея столкновенія съ нею. Въ самомъ дѣлѣ: ни одинъ русскій университетъ не отодвинутъ такъ далеко на востокъ, какъ Казанскій, а мы убѣждены, что такое восточное положеніе науки столь же невыгодно для нея, какъ восточная долгота для болѣе нѣжныхъ западныхъ растеній. Если Московскій университетъ выросъ посреди старинной и коренной русской жизни, былъ окруженъ великими историческими воспоминаніями, если Кіевскому университету возможно продолжать собою народную академію Петра Могилы и козаковъ, то университетъ Казанскій не окружали никакія историческія воспоминанія, кромѣ татарскихъ, а татарская среда и до сихъ поръ живетъ въ понятіяхъ временъ Тохтамыша. За рѣкою, составляющею границу между Европой и Азіей, вдали даже отъ русскихъ столицъ, въ весьма печальныхъ климатическихъ условіяхъ, онъ былъ поставленъ всѣмъ этимъ въ самыя невыгодныя отношенія. Глубокое невѣжество, печальные нравы и грубый произволъ всякаго рода, произволъ увеличиваемый отдаленіемъ, окружали его со всѣхъ сторонъ. За то тѣмъ болѣе прекрасное и свѣтлое призваніе выпало ему на долю въ окружавшемъ его мракѣ. Какъ устоялъ онъ (а насильственное прекращеніе существованія не разъ грозило ему), что онъ вынесъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, что онъ сдѣлалъ для государства и общественной жизни, въ какомъ видѣ и какого рода преподавалась въ немъ университетская наука,—вотъ вопросы, на которые будетъ обращено главное вниманіе въ теченіе этого разсказа о его судьбѣ. Распространеніе высшаго образованія, согласно только одной волѣ правительства, въ краю глухомъ и невѣжественномъ, гдѣ не сознавалась къ тому вовсе надобность, гдѣ не было ничего къ тому приготовлено, представитъ намъ любопытную картину нравовъ и общественной жизни, въ которой и самыя подробности будутъ интересны. Пользоваться мы будемъ преимущественно подлинными дѣлами архивовъ, не оставляя безъ вниманія всего того, что сдѣлано было нашими предшественниками для исторіи университета и того, что сохранилось въ воспоминаніяхъ со-

временниковъ. Мы лично, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ и жизнью, поставлены въ весьма благопріятныя условія къ предмету нашего разсказа. Намъ доводилось слышать воспоминанія еще живыхъ свидѣтелей первыхъ годовъ университета; всѣ остальные, сколько нибудь замѣчательные дѣятели, прошли передъ нашими глазами; многое придется черпать изъ собственной памяти, особенно въ характеристикѣ личностей. Къ сожалѣнію воспоминаніями питомцевъ университета, особенно для средняго періода его исторіи, мы вовсе не богаты въ печати. Людская память коротка въ нашемъ обществѣ, привыкшемъ жить впечатлѣніями минуты, а потому, не смотря на непродолжительный, казалось бы, семидесятилѣтній возрастъ университета, многое въ его исторіи представляется темнымъ, хотя и живы тѣ, которые знали первыхъ свидѣтелей и выслушивали ихъ разсказы. Въ дальнѣйшемъ поколѣніи мы все меньше и меньше встрѣчаемъ разсказовъ. Причины этого равнодушія, кажется намъ, надобно искать въ томъ разладѣ, который давно у насъ существуетъ между университетомъ и живнью общественною (т. е въ смыслѣ дѣятельнаго служенія обществу), особенно въ нашей провинціи, гдѣ такъ часто приходилось намъ наблюдать это печальное явленіе разлада. Если и теперь, весьма нерѣдко, попадаются намъ личности, даже изъ молодыхъ, которыя въ нѣсколько лѣтъ теряютъ отпечатокъ университетскаго образованія и весьма скоро становятся неузнаваемыми, то прежде естественно такіе примѣры встрѣчались чаще. Забывая скоро все то, чѣмъ они обязаны университету, они сохраняютъ и мало воспоминаній. Виною этого равнодушія не можетъ быть одинъ университетъ и совершенно возможные и объяснимые недостатки преподаванія въ немъ и ничтожное вліяніе его на жизнь его окружающую; надобно оставить что нибудь на долю и самой этой жизни и ея тлетворнаго вліянія. Вотъ почему простая и правдивая исторія университета, написанная безъ увлеченія, на основаніи положительныхъ фактовъ и документовъ, слышаннаго и видѣннаго, будетъ заключать въ себѣ не одну внутреннюю исторію этого высшаго учрежденія для науки, но и цѣлую исторію духовнаго развитія всего края. Въ нашемъ изложеніи, если когда либо обстоятельства позволятъ намъ довести его до конца, мы не скроемъ ни темныхъ, ни свѣтлыхъ сторонъ въ судьбѣ учрежденія насъ

занимающаго, въ какихъ бы близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ мы лично ни находились къ нему, какъ бы много ни были обязаны ему. Мы не станемъ класть гуще черную краску тамъ, гдѣ безъ того уже есть темное пятно, не будемъ и иллюминовать свѣтлыя стороны, а постараемся сдѣлать разсказъ нашъ вполнѣ безпристрастнымъ, на сколько это намъ доступно. Этотъ разсказъ нашъ будетъ походить больше на простую хронику, чѣмъ на оффиціальную исторію; характеръ его очень далекъ отъ того, какой получаетъ подобное сочиненіе въ виду напримѣръ приближающагося юбилея заведенія. Передъ нами нѣтъ такой цѣли, но мы можемъ завѣрить нашихъ читателей, если только такіе окажутся, въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ тому, чему университетъ служитъ органомъ. Безъ этого чувства невозможна справедливая исторія университета и его жизни.

---

5 ноября 1804 года Императоръ Александръ I подписалъ въ С.-Петербургѣ составленный Главнымъ Правленіемъ Училищъ уставъ Казанскаго университета и съ этого дня университетъ ведетъ свое счисленіе, поминая его ежегодно въ своихъ публичныхъ собраніяхъ. Въ § 1 устава положительно высказано опредѣленіе университета и та цѣль, которая имѣлась въ виду у правительства, при его учрежденіи: „Императорскій Казанскій университетъ, говорится здѣсь, есть вышнее *ученое сословіе*, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Такимъ образомъ университетъ является правительственнымъ учрежденіемъ; онъ служитъ государственнымъ цѣлямъ. Уставъ этотъ, подвергаясь конечно съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ, просуществовалъ однако болѣе тридцати лѣтъ и въ общихъ чертахъ своихъ, снятый съ подобныхъ историческихъ учрежденій Германіи, сохранился и въ послѣднемъ университетскомъ уставѣ, составители котораго, какъ извѣстно, обратились къ широкимъ началамъ и представленіямъ о народномъ просвѣщеніи вообще, существовавшимъ въ первые свѣтлые годы царствованія Императора Александра I. Внѣ преподаванія членамъ университетскаго сословія особенно рекомендовалась чисто научная дѣятельность: „Къ особливому достоинству университета, говорится въ § 9 устава, отнесет-

ся составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes)". Къ той же цѣли клонился и § 53 устава, по которому университетъ могъ ежегодно предлагать задачу, „служащую къ распространенію наукъ", съ извѣстною наградою за удовлетворительное ея рѣшеніе по всѣмъ четыремъ факультетамъ по очереди. Это не была исключительно тема для студенческихъ работъ и писать на нее могъ всякій; на рѣшеніе ея полагалось два года. Уставъ призывалъ „благотворителей просвѣщенія" назначать содержаніе неимущимъ студентамъ, а университету вмѣнялось „употребить способы отъ него зависящіе для изъявленія должной благотворителямъ признательности предъ лицемъ общества". Недовольствуясь общественной благотворительностью, уставъ полагалъ опредѣленное число студентовъ на казенномъ содержаніи

Дѣленіе университета на факультеты или отдѣленія соотвѣтствовало тогдашнему состоянію университетской науки и тому, что было принято въ этомъ отношеніи въ нѣмецкихъ университетахъ. Факультетовъ было четыре: 1) *Отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ*, соотвѣтствующее настоящему юридическому факультету, но въ числѣ главныхъ предметовъ его находилась „умозрительная и практическая философія", которая въ настоящее время не входитъ въ составъ юридическаго образованія; 2) *Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ*, въ наше время представляющее два разряда; 3) *Отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ*, въ которомъ былъ только одинъ профессоръ *скотолѣченія*, потребовавшаго въ настоящее время существованія отдѣльныхъ ветеринарныхъ институтовъ или факультетовъ; 4) *Отдѣленіе словесныхъ наукъ* или нынѣшній историко-филологическій факультетъ, въ которомъ между прочимъ полагался и одинъ профессоръ восточныхъ языковъ. Эта профессура, съ первыхъ лѣтъ существованія Казанскаго университета, удачно занятая дѣйствительно учеными нѣмцами, которыхъ влекла близость города къ мусульманскому востоку и возможность познакомиться въ немъ съ живыми восточными нарѣчіями, положила основаніе тому *восточному отдѣленію,* которое, какъ извѣстно, получило широкое развитіе въ университетскомъ уставѣ 1835 года и прославило Казанскій университетъ, какъ центръ орьентализма.

По всѣмъ четыремъ отдѣленіямъ назначено было 28 каѳедръ; самое большее число ихъ (9) опредѣлено для отдѣленія физико-математическихъ наукъ; на долю отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ досталось 7 каѳедръ; въ остальныхъ двухъ отдѣленіяхъ было по 6 каѳедръ. Кромѣ профессоровъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, полагалось 12 адъюнктовъ и шесть лекторовъ и учителей языковъ и искусствъ. Щедрость правительства не ограничивалась этимъ широкимъ для того времени распредѣленіемъ университетской науки: § 23 устава предоставлялъ совѣту университета „ежели онъ будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго ученіемъ мужа, или ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрятъ, что съ пользою университета могутъ занять мѣсто адъюнкта"—пріобщать ихъ къ университету и для опредѣленія ихъ представлять только министру народнаго просвѣщенія, чрезъ попечителя округа. Университету дано было естественное право удостоивать учеными степенями; правила возведенія въ университетское достоинство, заключающіяся въ §§ 93—105 устава были почти тѣже, что и нынѣ (на степень доктора экзаменъ требовался, что отмѣнено теперь) и только диспуты магистерскіе и докторскіе, должны были происходить на латинскомъ языкѣ; впрочемъ и здѣсь отдѣленію, „по причинамъ, до учености касающимся", дозволялось производить ихъ на языкѣ русскомъ. Преподаваніе, какъ и слѣдовало ожидать, не пользовалось полной свободой. Для чтенія лекцій профессоръ обязанъ былъ избрать „книгу своего сочиненія, или другаго извѣстнаго ученаго мужа"; сочиненіе это должно быть разсмотрѣно совѣтомъ, который имѣлъ право сдѣлать въ немъ измѣненія.

Для современнаго состоянія науки распредѣленіе и число каѳедръ было вполнѣ достаточно. Образцомъ въ этомъ отношеніи служили нѣмецкіе университеты, которые были богаче только богословскими своими факультетами, невозможными у насъ, по разнымъ историческимъ условіямъ, и въ настоящее время. Но за то германскіе университеты были неизмѣримо выше нашихъ, существовавшихъ только in spe, въ проэктѣ, наличными умственными силами; тамъ возможенъ былъ выборъ между конкуррентами на каѳедру, у насъ же приходи-

лось довольствоваться первымъ предложеніемъ, если только оно было. Всѣ мѣры для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ правда были предвидѣны и опредѣлены уставомъ 1804 года; мѣры эти тѣже, что существуютъ и въ послѣднемъ университетскомъ уставѣ, но въ то время, за семьдесятъ лѣтъ до нашего, онѣ еще меньше приносили пользы, чѣмъ теперь, когда такъ часто, и по большей части несправедливо, раздаются упреки университетамъ въ незамѣщеніи вакантныхъ каѳедръ. Была впрочемъ одна мѣра, которая будучи дѣйствительнѣе прочихъ, позволила скоро только что основаннымъ университетамъ нашимъ собственными средствами пріобрѣтать преподавателей и давать имъ приготовленіе. То былъ *педагогическій институтъ* при нихъ, организація котораго составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ университетскаго устава 1804 года. Онъ составлялъ одно цѣлое изъ профессоровъ, выбранныхъ совѣтомъ и находился подъ управленіемъ одного изъ нихъ, съ названіемъ директора (§ 122). Назначеніемъ института было образованіе учителей для гимназій и училищъ округа, для чего предназначалось опредѣленное число казенныхъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ, обязанныхъ прослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Кандидаты, съ успѣхомъ проведшіе три года въ педагогическомъ институтѣ и потомъ подвергшіеся особому экзамену, получали или степень магистра или опредѣлялись учителями. Магистры и старшіе учителя гимназій, прослужившіе по крайней мѣрѣ три года, производились въ адъюнкты, а самые лучшіе изъ нихъ, двое по выбору совѣта, чрезъ каждые два года, могли быть отправлены на казенный счетъ за границу для усовершенствованія. Этотъ педагогическій институтъ, какъ мы увидимъ, дозволилъ Казанскому университету, уже чрезъ три года послѣ его учрежденія, замѣщать мѣста адъюнктовъ лицами, приготовленными собственными средствами.

Что касается до внутренняго управленія университета, то его функціи: ректоръ и деканы, совѣтъ и правленіе имѣли почти тотъ же кругъ дѣйствій, какой опредѣленъ и послѣднимъ уставомъ. Но ректоръ и деканы выбирались только на одинъ годъ, при чемъ уставомъ (§ 20) требовалось, какъ это въ обычаѣ въ нѣмецкихъ университетахъ и въ настоящее время, чтобы прежній ректоръ, слагая съ себя это званіе, и новый, принимая его, говорили въ торжествен-

номъ собраніи университета рѣчи, приличныя случаю. Секретарь совѣта выбирался изъ ординарныхъ профессоровъ; онъ велъ переписку отъ лица совѣта съ частными лицами и „потому долженъ быть искусенъ въ россійскомъ и иностранныхъ языкахъ“ (§ 68); къ обязанности его принадлежало составленіе исторіи университета.

Къ особенностямъ университетскаго устава 1804 года, въ которомъ проглядывало желаніе дать университетамъ извѣстную долю самоуправленія, былъ „университетскій судъ“ (§§ 143—159), отчасти возстановленный и уставомъ 1863 года, хотя совершенно въ иномъ видѣ и съ другою цѣлью. Ректоръ является въ должности судьи и составляетъ первую судебную инстанцію университета. Онъ могъ вести дѣла и словесно и письменно. Въ послѣднемъ случаѣ его совѣтниками были непремѣнный засѣдатель и синдикъ университета, а письменнымъ производствомъ занимался секретарь правленія. Ректорскій судъ простирался только на чиновниковъ университета. Онъ приговаривалъ безапелляціонно по денежнымъ искамъ не свыше 15-ти рублей и по проступкамъ и оскорбленіямъ, за которые по университетскимъ законамъ виновные подвергаются выговору или заключенію подъ стражу на три дни. Высшую инстанцію суда составляло правленіе университета, которое въ сомнительныхъ и важныхъ случаяхъ, могло приглашать двухъ профессоровъ правъ. Въ правленіе можно было подавать жалобы и на ректора. Его вѣдѣнію подлежали иски не свыше 50-ти рублей, проступки студентовъ, за которые слѣдуетъ двухнедѣльное заключеніе подъ стражу, жалобы на университетскихъ чиновниковъ и служителей. Въ теченіи восьми дней недовольный рѣшеніемъ правленія могъ принести на него апелляціонную жалобу въ университетскій совѣтъ. На рѣшенія послѣдняго не могло быть апелляціи и приговоры его приводились въ исполненіе немедленно. Онъ рѣшалъ окончательно дѣла по искамъ, не свыше 500 рублей и могъ приговаривать къ денежной пенѣ не свыше 100 рублей. Въ другихъ случаяхъ, недовольные рѣшеніемъ университетскаго совѣта могли приносить на него жалобу только въ Правительствующій Сенатъ, для чего положенъ былъ также осьмидневный срокъ. Замѣчательно, что правленіе университета завѣдывало раздѣломъ наслѣдственнаго имущества между членами университета и лицами, отъ него зависящими, дѣла же о недвижимомъ имуще-

ствѣ шли въ общія учрежденія судебныя. Само собою разумѣется, что судъ университета не распространялся также и на дѣла уголовныя, но правленіе имѣло право дѣлать первоначальное изслѣдованіе о преступленіи и препровождало виновнаго въ подлежащее присутственное мѣсто съ своимъ мнѣніемъ.

Самое главное отличіе устава 1804 года отъ настоящаго, придававшее университету новый и даже чуждый ему характеръ, состояло въ зависимости отъ него всѣхъ казенныхъ училищъ округа. Попеченіе объ успѣхѣ этихъ училищъ и главное—заботы о снабженіи ихъ достойными преподавателями—возлагались уставомъ непосредственно на университеты. „Университетъ, говорится здѣсь (§ 160), имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями, и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ неослабно“. Вслѣдствіе такого отношенія университета ко всѣмъ училищамъ округа, ему предоставлено было выбирать губернскаго директора училищъ и назначать учителей гимназіи, смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ. Такое, отчасти чуждое университетской главной цѣли, т. е. преподаванію наукъ занятіе, возлагалось на особенный *училищный комитетъ*, состоящій, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, выбираемыхъ ежегодно совѣтомъ. Комитету этому предоставлено было, подъ контролемъ университетскаго совѣта, не только попеченіе объ образовательной и воспитательной части гимназій и училищъ, но и полное административное завѣдываніе ими во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что самъ попечитель округа находился какъ бы вдали отъ этого дѣла. Но какъ завѣдываніе гимназіями и училищами необходимо требовало личнаго и непосредственнаго знакомства съ ними, а такое знакомство невозможно было изъ далекаго университетскаго города, то уставомъ возлагалась на совѣтъ обязанность ежегодно отправлять въ одну или двѣ губерніи такъ называемыхъ *визитаторовъ*. Штатъ опредѣлялъ особыя путевыя деньги для нихъ, которыя въ казанскомъ округѣ должны были быть значительнѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ онъ былъ гро-

мадныхъ размѣровъ, заключая въ себѣ не только все Поволжье отъ Нижняго, съ существовавшими тогда по теченію Волги губерніями, но и примыкающія къ нему губерніи: Пензенскую и Тамбовскую на З, на С. и СВ. губерніи Вятскую и Пермскую, всю Сибирь, которая дѣлилась тогда на двѣ губерніи: Тобольскую и Иркутскую, а на В. и Ю. губерніи Оренбургскую и Кавказскую (¹).

Мы разскажемъ потомъ дѣйствія училищнаго комитета при Казанскомъ университетѣ, распространявшіяся въ такихъ широкихъ границахъ и увидимъ какого рода пользу и сколько ея могъ приносить университетъ въ этомъ отношеніи; здѣсь же замѣтимъ только, что такая дѣятельность университетскаго сословія, совершенно почти неизвѣстная университетамъ нѣмецкимъ, послужившимъ образцами для нашихъ и заимствованная, какъ можно думать, изъ плана эдукаціонной коммиссіи Рѣчи Посполитой, вытекала изъ самаго положенія вещей въ то время, когда только что начиналось у насъ просвѣщеніе. Кому было поручить это зачинавшееся просвѣщеніе какъ не такимъ лицамъ, которыя по своимъ занятіямъ дѣломъ науки и по научному образованію своему были единственными способными судьями въ немъ; знатоки университетскаго вопроса въ то время въ Европѣ, какъ напр. Мейнерсъ, именно съ этой точки зрѣнія одобряли такую мѣру нашего Главнаго Правленія Училищъ (²). Правда поѣздки въ отдаленные края округа требовали много времени, должны были отвлекать нѣкоторыхъ профессоровъ отъ преподаванія, но съ другой стороны онѣ были весьма полезны и водворенію просвѣщенія въ мѣстахъ глухихъ и заброшенныхъ, и самому университету. Поѣздкамъ визитаторовъ посвящалось вакаціонное время, самое удобное для нихъ и потому большаго ущерба для преподаванія отъ нихъ не было. Образованныхъ чиновниковъ, въ родѣ настоящихъ окружныхъ инспекторовъ училищъ при попечителѣ, въ то время не было и замѣнить университетскихъ визитаторовъ было некѣмъ. Они одни были способны, являясь въ отдаленную глушь, окружить себя тѣмъ необходимымъ для

(¹) Сборникъ Постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Т. I. № 7, стр. 22.

(²) *М. И. Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи просвѣщенія Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Ст. I. стр. 117.

того времени внѣшнимъ декорумомъ, который входилъ въ общіе правительственные планы по народному просвѣщенію и долженъ былъ располагать къ нему коснѣющее и невѣжественное общество, вызывая напр. его на пожертвованія въ пользу училищъ и просвѣщенія вообще. Значительная масса этихъ пожертвованій, о которыхъ министерство народнаго просвѣщенія доводило до всеобщаго свѣдѣнія путемъ печати и вызывало ихъ, можно полагать, возникала по большей части вслѣдствіе просвѣщенныхъ усилій этихъ университетскихъ визитаторовъ. Выигрывала и наука. Въ сношеніяхъ университета съ различными подчиненными училищами весьма часто на первомъ планѣ стояли любознательныя цѣли. Директоры и учителя гимназій, смотрители и учителя училищъ не были только чиновниками, у которыхъ главное дѣло администрація, охраненіе порядка, исполненіе предписаній начальства. Желая угодить университету, отъ котораго они зависѣли, эти лица невольно втягивались въ болѣе высшую сферу понятій и служили дѣлу науки. По вызову университета, а иногда и вполнѣ самостоятельно, они доставляли ему описаніе особенностей часто весьма отдаленнаго, мало извѣстнаго и интереснаго края, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ. Они присылали метеорологическія, статистическія и всякаго рода другія свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ интересныя, которыя послужили матеріаломъ для первыхъ нашихъ университетскихъ изданій. Наконецъ и эти лица, и сами университетскіе визитаторы, служили прямо и непосредственно дѣлу начинающихъ университетовъ собираніемъ разнообразныхъ предметовъ для заваждавшихся университетскихъ коллекцій и музеевъ. Въ этомъ отношеніи было особенно благопріятно положеніе Казанскаго университета: его округъ заключалъ въ себѣ чрезвычайное богатство предметовъ естественно-историческихъ и этнографическихъ.

Студенты и ихъ положеніе въ университетѣ и обществѣ дали немного параграфовъ уставу 1804 года и это происходило отъ того, что число ихъ въ то время было весьма ограниченно; ихъ нужно было еще приготовить. Жгучіе студенческіе вопросы, вызванные въ послѣдующее время развитіемъ университетской жизни и увеличеніемъ числа слушателей, тогда еще не существовали; не было и надобности въ кодификаціи множества правилъ, опредѣляющихъ коло-

блющіяся отношенія. Въ уставѣ говорилось только объ отношеніи студентовъ къ наукамъ, преподаваемымъ въ университетѣ. Уставъ требовалъ отъ нихъ главнымъ образомъ образованія общаго и только тотъ, кто „прослушалъ науки пріуготовительныя" (§ 109), т. е. общія, „которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству", только тотъ „можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію", т. е. къ спеціальнымъ лекціямъ по опредѣленному факультету. Ни возрастъ студента, ни плата за слушаніе университетскихъ лекцій, уставомъ не опредѣлялись. Для надзора за ними, и то собственно за казенными студентами, избирался совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ *инспекторъ казенныхъ студентовъ*, какъ „блюститель порядка и благочинія сего общества". Между этимъ лицемъ и казенными студентами, жившими въ самомъ зданіи университета, стояли два его помощника, выбираемые также совѣтомъ изъ числа кандидатовъ или магистровъ; они жили вмѣстѣ съ студентами и пользовались общимъ казеннымъ столомъ, наблюдая за поведеніемъ и образомъ жизни студентовъ, доводя о всякомъ поступкѣ, нарушающемъ установленныя правила благочинія, до свѣдѣнія инспектора и записывая дѣяніе или поступокъ студента въ особую для того заведенную книгу, справки съ которою имѣли значеніе при годовомъ испытаніи. Совѣтъ университета долженъ былъ составить особыя правила благочинія студентовъ, безъ сомнѣнія сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, и представить ихъ на утвержденіе начальства. Вся забота устава была направлена на общія цѣли и главнымъ образомъ на развитіе студентовъ, для чего онъ требовалъ нѣкотораго рода сближеніе ихъ съ профессорами. „Желательно, говорится въ уставѣ (§ 119), чтобы профессоры нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философическихъ и юридическихъ, учредили бесѣды со студентами, въ которыхъ предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія, и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли"....

Въ отношеніи къ умственной дѣятельности всего края, къ которому принадлежалъ университетъ, уставъ 1804 года сближалъ его съ нею посредствомъ цензуры. Благодѣяніями послѣднихъ, современныхъ намъ законовъ о печати,

какъ извѣстно, провинція не имѣетъ права пользоваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ она лишена и установленной цензуры, что безъ сомнѣнія должно парализовать умственную дѣятельность провинціи. Уставъ 1804 года, написанный людьми искренно расположенными къ дѣлу русскаго просвѣщенія, предвидѣлъ такое невыгодное положеніе умственнаго труда и старался предупредить его учрежденіемъ при университетѣ особаго *цензурнаго комитета*, состоящаго изъ декановъ всѣхъ факультетовъ. Они собственно были предсѣдателями комитета, но цензорами были всѣ профессоры, адъюнкты и магистры, которымъ давалось на просмотръ представленное въ цензуру сочиненіе. Въ случаяхъ сомнительныхъ, рѣшеніе участи сочиненія предоставлено было большинству голосовъ комитета, недовольные же рѣшеніемъ могли жаловаться въ Главное Правленіе Училищъ. Дѣйствія этого цензурнаго комитета простирались на всѣ губерніи, составляющія округъ, но цензурѣ не подлежало все то, что университетъ печаталъ отъ своего имени и книги духовнаго содержанія. Университету и *профессорамъ порознь* (и это находилось только въ уставѣ 1804 года) предоставлено было право выписывать „безпрепятственно всѣ сочиненія, какого бы они содержанія ни были". Въ этомъ сказывалось полное довѣріе власти къ представителю науки.

Уставъ Казанскаго университета, общій въ главныхъ чертахъ своихъ съ уставомъ Харьковскаго, учрежденнаго одновременно съ нимъ и преобразованнаго Московскаго, удовлетворялъ вполнѣ современному состоянію университетской науки въ Германіи и принадлежалъ, вмѣстѣ съ другими правительственными актами, къ лучшимъ мѣрамъ для водворенія въ народѣ просвѣщенія, которыя составляли стремленіе первыхъ лучшихъ просвѣтительныхъ годовъ царствованія Императора Александра I. Какъ ни много враговъ было у всѣхъ реформъ, ознаменовавшихъ эту замѣчательную эпоху русской исторіи, а въ томъ числѣ и у молодыхъ нашихъ университетовъ, встрѣченныхъ, какъ извѣстно, самыми неодобрительными отзывами людей, державшихся стараго порядка, люди образованные по европейски, люди смотрѣвшіе впередъ, считали тогда университеты необходимостью и такое мнѣніе о значеніи ихъ скоро было доказано дѣйствительными фактами. Русская жизнь того времени, съ множествомъ неблагопріятныхъ условій для дальнѣйшаго разви-

тія университетовъ, ставила имъ величайшія затрудненія, но было бы въ высшей степени несправедливо, на основаніи этихъ временныхъ затрудненій, упрекать царствованіе Александра I за его широкій планъ народнаго просвѣщенія и за тѣ денежныя затраты, которыя были необходимы для его осуществленія. Желчные упреки Карамзина Александру, въ его „Запискѣ о древней и новой Россіи", за то что онъ „употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ", въ чемъ онъ видитъ „болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества" (³),—лишены правды и давно опровергнуты, какъ самою жизнью, такъ и лучшими людьми современности, смотрѣвшими дальше историка государства россійскаго. Карамзинъ не хотѣлъ понять необходимости университетовъ для правильнаго осуществленія плановъ народнаго просвѣщенія, не хотѣлъ согласиться, что безъ нихъ невозможны были и гимназіи и другія, низшія училища, потому что правительство нуждалось въ образованныхъ помощникахъ и дѣятеляхъ и что дѣло правильнаго распространенія просвѣщенія въ народѣ надобно было начать именно сверху, съ университетовъ. Поклонникъ царствованія Императрицы Екатерины II, Карамзинъ забывалъ, что и при ней, ея „коммиссіею объ учрежденіи училищъ", въ 1787 году, предполагалось открыть нѣсколько университетовъ, слѣдовательно и тогда уже признана была государственная потребность этихъ высшихъ органовъ просвѣщенія (⁴). Эта государственная цѣль видна и изъ распредѣленія предполагаемыхъ Екатерининскихъ университетовъ по русскимъ городамъ, при чемъ назначались центры въ разныхъ концахъ государства, въ пропорціональномъ разстояніи другъ отъ друга: Псковъ, Черниговъ, Пенза. Въ Казани, не смотря на похвалы этому городу въ письмахъ Екатерины къ Н. И. Панину, и на ея какъ бы отдѣльный и своеобразный историческій и этнографическій міръ, университета не предполагалось открывать. При Александрѣ потребность въ высшемъ образованіи сознавалась и больше и яснѣе, но и тогда въ выборѣ Казани руководствовались не представленіями о городѣ съ своеобразными особенностями, а такимъ же выборомъ географическихъ пунктовъ, по возможности въ про-

---

(³) Русск. Арх. 1870 г. стр. 2294—2296.
(⁴) Сухомл. Матеріалы. I, 40.

порціональныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Это видно изъ намѣренія правительства, послѣ открытія новыхъ университетовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, открыть въ послѣдствіи времени еще три: въ Кіевѣ, Тобольскѣ и *Устюгѣ-Великомъ* (!)

Попеченіе о благоустройствѣ всѣхъ училищъ въ округѣ, открытіе только что учрежденнаго университета, однимъ словомъ, какъ говорилось въ „Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія": „заботы о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ мѣстахъ ему ввѣренныхъ", возлагались на извѣстное лицо—*попечителя* университета и его округа. Всѣ попечители округовъ, вмѣстѣ съ другими лицами, назначаемыми Высочайшею волею, составляли въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Главное Правленіе Училищъ, на которое возлагались заботы о распространеніи просвѣщенія во всей имперіи. Согласно замѣчаніямъ нѣмецкихъ знатоковъ университетскаго дѣла, попечителю не вмѣнялось въ обязанность жить постоянно въ округѣ и вблизи университета, съ цѣлію постояннаго личнаго наблюденія за послѣднимъ. Напротивъ было постановлено, чтобы попечитель, какъ членъ Главнаго Правленія Училищъ, имѣлъ пребываніе свое въ столицѣ и только разъ въ два года обязанъ былъ лично посѣщать всѣ училища ввѣреннаго ему округа. Это казалось необходимымъ тогда потому, что попечитель, живя вблизи университета и постоянно вращаясь въ кругу университетскомъ, легко могъ подчиниться, какъ это въ самомъ дѣлѣ и бывало потомъ не разъ въ исторіи нашихъ университетовъ, вліянію той или другой неизбѣжной университетской партіи и своимъ личнымъ участіемъ, при значительномъ объемѣ ввѣренной ему власти, нарушить свободное развитіе университета (*). Понятно однако, что въ ту пору первоначальнаго созданія и развитія нашихъ университетовъ, когда личная воля должна была одна только дѣйствовать, не имѣя при себѣ помощниковъ, приготовленныхъ университетскимъ развитіемъ, отъ личности попечителя зависѣло весьма много, даже самый созидающійся университетъ долженъ былъ по необходимости получить то или другое направленіе, согласно характеру и личнымъ вкусамъ своего попечителя. Если въ первоначаль-

(*) Тамъ же, стр. 42.

ной исторіи Харьковскаго университета мы замѣчаемъ непосредственное вліяніе, живое участіе и даже личныя ученыя наклонности такой высоко-почтенной личности, какою былъ образованный, ученый и богатый польскій вельможа графъ Северинъ Потоцкій, искренно преданный дѣлу ввѣреннаго ему университета и могшій, по своему положенію въ свѣтѣ, импонировать обществу, окружавшему университетъ, то въ первыхъ шагахъ Казанскаго Университета мы увидимъ присутствіе другой, совершенно не похожей на первую личности, болѣе скромной по своему происхожденію и положенію въ обществѣ, съ другими направленіями и вкусами, съ иными научными цѣлями и стремленіями. Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 20 іюня 1803 года, вмѣсто совершенно неизвѣстнаго графа Мантейфеля, Попечителемъ Казанскаго университета былъ назначенъ Вице-Президентъ Академіи Наукъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, лицо уже весьма извѣстное своими многолѣтними учеными трудами. Опредѣленный за полтора года до Высочайшаго утвержденія устава Казанскаго университета, Румовскій, какъ членъ Главнаго Правленія училищъ, безъ сомнѣнія принималъ участіе въ составленіи этого устава и ввелъ въ него нѣкоторыя особенности, отличающія его отъ уставовъ другихъ университетовъ того времени. Такъ въ физико-математическомъ факультетѣ Казанскаго университета, по желанію Румовскаго, прибавлена была лишняя девятая каѳедра по наукѣ, которой онъ посвятилъ такъ много лѣтъ своей жизни—каѳедра теоретической астрономіи. Румовскому, при назначеніи его попечителемъ Казанскаго университета, было уже за семьдесятъ лѣтъ; по лѣтамъ онъ былъ современникомъ перваго директора казанскихъ гимназій во времена Императрицы Елизаветы Петровны М. И. Веревкина, родившись съ нимъ почти въ одинъ годъ, но не смотря на эту замѣчательную старость, въ теченіи девятилѣтняго управленія своего Казанскимъ учебнымъ округомъ, онъ успѣлъ сдѣлать многое для новорожденнаго университета и дать ему на нѣсколько лѣтъ, до радикальнаго переворота въ его исторіи, извѣстное, опредѣленное направленіе. Мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться на біографическихъ подробностяхъ этого перваго Казанскаго попечителя, прежде разсказа о его дѣйствіяхъ при осуществленіи устава.

Румовскій родился въ 1732 или 1734 году, 29 октября ([6]), въ селѣ Дубовскомъ, въ 13 верстахъ отъ Владиміра, въ семьѣ священника. Получивъ первоначальное образованіе въ семинаріи Владимірской, онъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской Невской семинаріи, гдѣ вскорѣ любимымъ предметомъ занятій его сдѣлались математическія науки. Для наполненія классовъ академической гимназіи, члены академіи наукъ набирали учениковъ изъ семинарій, на основаніи 37 пункта академическаго регламента 1747 года. Въ 1748 году, 6 апрѣля, Браунъ и Ломоносовъ экзаменовали для этой цѣли учениковъ Невской семинаріи и изъ класса піитики и реторики выбрали шесть лучшихъ; въ числѣ ихъ былъ и Румовскій ([7]). Съ этихъ поръ, почти до конца жизни, дѣятельность Румовскаго тѣсно связывается съ С.-Петербургскою академіею наукъ и посреди ученыхъ нѣмцевъ, составлявшихъ ее, Румовскій является однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые пробились впередъ въ ученыя степени, не смотря на неблагосклонность и вражду, ихъ окружавшія, только благодаря своему уму, способностямъ и любви къ наукѣ.

Здѣсь, въ академической гимназіи, любовь Румовскаго къ занятіямъ математикою должна была найти болѣе удовлетворенія, чѣмъ въ семинаріи Александро-Невскаго монастыря. Мы не имѣемъ однако положительныхъ свѣдѣній какъ и у кого могъ онъ учиться тамъ математикѣ. Единственнымъ наставникомъ Румовскаго въ этой наукѣ былъ извѣстный больше своими мемуарами о физикѣ нѣмецкій ученый

([6]) Годъ 1732 показанъ въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, но вѣрнѣе принять именно 1734 годъ, потому что онъ находится въ біографической статьѣ о Румовскомъ, помѣщенной въ *Zach*, Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd und Himmelskunde. Gotha, 1800. Erster B. März. S. 281—291 и составленной, какъ это можно видѣть изъ нея самой, на основаніи собственныхъ указаній Румовскаго, который доставилъ Цаху и портретъ свой. Литографія съ него приложена къ книжкѣ астрономическаго журнала Тотъ же 1734 годъ находится и въ рукописной біографіи Румовскаго, которую мы нашли въ дѣлахъ Казанскаго университета. Она составляетъ переводъ статьи Цаха, съ нѣкоторыми неважными дополненіями, но къ сожалѣнію неокончена.

([7]) *Билярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 100. Едвали однако справедлива здѣсь замѣтка автора, что Румовскому было тогда 12 лѣтъ.

и академикъ Рихманъ, павшій жертвою при своихъ электрическихъ опытахъ, которыми онъ хотѣлъ повѣрить теорію Франклина о громоотводахъ въ 1753 году. До этого времени Румовскій посѣщалъ и химическія лекціи Ломоносова, который свидѣтельствуетъ о немъ, что онъ лучше другихъ отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы по химіи (⁸). Въ 1753 году Румовскій получилъ уже званіе адъюнкта.

Вскорѣ послѣ смерти Рихмана любовь Румовскаго къ математикѣ нашла полное удовлетвореніе въ самой лучшей тогда въ Европѣ математической школѣ, у знаменитаго берлинскаго академика Леонарда Эйлера. Это былъ величайшій ученый своего времени, не только по одной математикѣ. Съ Петербургскою академіею наукъ Эйлеръ былъ давно въ близкихъ сношеніяхъ. Еще въ 1733 году онъ сдѣлался ея членомъ по каѳедрѣ математики. послѣ отъѣзда Даніила Бернулли въ Швейцарію. Въ Петербургѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ, но политическая жизнь Россіи того времени не внушала ему никакихъ симпатій; для его ума и убѣжденій она стала вскорѣ невыносимою, и вслѣдъ за паденіемъ Бирона, онъ поспѣшилъ переѣхать въ Берлинъ по приглашенію молодаго прусскаго короля Фридриха II, покровителя наукъ и друга современной философіи. Фридрихъ II основалъ тогда въ Берлинѣ академію и Эйлеръ сдѣлался однимъ изъ первыхъ ея членовъ. Впослѣдствіи времени, по вступленіи на престолъ Екатерины II, Эйлеръ, уже лишенный зрѣнія, какъ бы примирился съ страною, изъ которой бѣжалъ, съ страною, гдѣ, по его словамъ „нельзя говорить, чтобы не погибнуть“ и по приглашенію императрицы снова воротился въ 1766 году въ С.-Петербургъ въ качествѣ члена академіи наукъ. Потеря зрѣнія не мѣшала его занятіямъ и, по словамъ его біографовъ, это насильственное удаленіе Эйлера отъ предметовъ внѣшняго міра еще болѣе развило энергію его ума. До самой смерти Эйлера, въ 1783 году, Румовскій былъ близкимъ къ нему человѣкомъ и пользовался его наставленіями.

(⁸) *Билярскій*, Мат. стр. 190. Послѣ строгихъ экзаменовъ въ началѣ 1750 года, Румовскій былъ признанъ, въ числѣ пяти другихъ, отличнѣйшимъ изъ студентовъ. Его товарищами были и будущіе профессоры Московскаго университета: Барсовъ и Поповскій. См. Сборн. Ст. по Отд. русск. яз. и слов. т. II, № 4, стр. 33.

Въ берлинскій промежутокъ своей жизни геніальный математикъ не прерывалъ сношеній съ академіею наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1752 году къ нему явился присланный академіею, по его собственному вызову, первый русскій ученикъ Котельниковъ, извѣстный потомъ, какъ членъ академіи и писатель по математикѣ. Котельниковъ и жилъ у Эйлера и пользовался его семейнымъ столомъ. Въ 1754 году академія снова прислала къ нему двухъ молодыхъ русскихъ воспитанниковъ своихъ, произведенныхъ ею въ адъюнкты, сочиненія которыхъ были одобрены Эйлеромъ: Софронова и Румовскаго. Первый изъ нихъ, не смотря на свои прекрасныя дарованія и чрезвычайное прилежаніе, о чемъ Эйлеръ не разъ съ участіемъ писалъ къ академику Миллеру, былъ однако большой пьяница и великій математикъ, видя, что всѣ употребляемыя имъ для исправленія средства не привели ни къ какому результату, просилъ взять его въ Петербургъ обратно на другой же годъ. Румовскій и Котельниковъ оставались еще съ годъ у Эйлера и жили въ домѣ его въ Шарлоттенбургѣ. Это были любимые ученики Эйлера и онъ съ похвалами отзывался о нихъ въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, ставя ихъ гораздо выше тѣхъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ академія желала вызвать изъ Германіи на свободныя мѣста академиковъ (⁹). Денежныя отношенія помѣшали болѣе продолжительному пребыванію Румовскаго у Эйлера. Шумахеръ, управлявшій тогда самолично академіею, скупо высылалъ въ Берлинъ условленную плату за содержаніе студентовъ; нѣсколько разъ съ неудовольствіемъ писалъ Эйлеръ о томъ въ Петербургъ; жаловались и молодые люди съ своей стороны, что профессоръ неохотно уже занимается съ ними, и потому Котельниковъ и Румовскій лѣтомъ 1756 года были отозваны въ Петербургъ. Ихъ способностями и успѣхами Эйлеръ былъ вполнѣ доволенъ, но боялся ихъ рекомендовать академіи, зная, какъ писалъ онъ къ секретарю ея Миллеру, что „академія кажется очень равнодушна, выучились ли они чему нибудь или нѣтъ?“ (¹⁰). Для Румовскаго двухлѣтнее пребываніе въ домѣ Эйлера, въ теченіи котораго онъ тѣсно сдружился съ

(⁹) *Пекарскій*, Исторія Академіи Наукъ. I, стр. 275.
(¹⁰) Тамъ же, стр. 277.

сыномъ его, столь же извѣстнымъ математикомъ, какъ и отецъ и впослѣдствіи нашимъ академикомъ въ Петербургѣ, было въ высшей степени плодотворно. Леонардъ Эйлеръ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей того времени; онъ внушалъ своимъ ученикамъ самую живую и горячую привязанность къ себѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда въ Берлинъ Румовскаго, оттуда уѣхалъ астрономъ Лаландъ, который съ увлеченіемъ, и на старости лѣтъ, говорилъ о томъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Эйлеру, а Румовскій писалъ о томъ же чувствѣ къ нѣмецкому ученому: „Воспоминаніе о благодѣяніяхъ моего несравненнаго учителя исчезнетъ изъ души моей только съ послѣднимъ моимъ вздохомъ“ ([11]). По возвращеніи въ Петербургъ, Румовскій не прервалъ сношеній съ Эйлеромъ и нѣкоторыя письма его къ нему, напечатанныя Пекарскимъ ([12]), свидѣтельствуютъ о томъ. Они любопытны въ особенности по тому взгляду, какой составилъ себѣ Румовскій о научныхъ открытіяхъ и заслугахъ своего славнаго учителя въ академіи—Ломоносова. Взглядъ этотъ основывался на строгой наукѣ Румовскій вообще не высокаго мнѣнія объ этихъ открытіяхъ, о знаменитой *ночезрительной трубѣ* отзывается почти насмѣшливо и проситъ Эйлера разъяснить разныя его недоумѣнія по поводу имѣющагося появиться въ свѣтъ разсужденія Ломоносова, которымъ онъ „намѣревается ниспровергнуть все, что до сихъ поръ успѣли открыть“, именно тѣ математическія начала, на основаніи которыхъ самъ Эйлеръ сдѣлалъ величайшія открытія (въ небесной механикѣ). Такіе отзывы конечно стали скоро извѣстны впечатлительному и подозрительному Ломоносову, а у многочисленныхъ враговъ его въ академіи Румовскій только выигрывалъ ими.

На Румовскаго, по возвращеніи его въ Петербургъ, возложена была обязанность преподаванія математики академическимъ студентамъ. Преподаваніе должно было происходить по русски, а русскаго математическаго учебника въ то время не существовало въ печати, кромѣ сочиненія Николая Муравьева, первая часть котораго появилась въ 1752 году, подъ названіемъ „Начальное основаніе математики“. Румовскій является такимъ образомъ однимъ изъ пер-

---

([11]) Zach. M. C. I. S. 283.
([12]) Исторія Ак. Н. II. 599—602.

выхъ нашихъ писателей по чистой математикѣ. Учебникъ его носитъ слѣдующее заглавіе: „Сокращенія математики; часть первая, содержащая: начальныя основанія ариѳметики геометріи и тригонометріи“. СПБ. 1760, 8°. Подробностей однако о математическомъ преподаваніи Румовскаго мы не имѣемъ. Намъ извѣстно только, что скоро сталъ онъ заниматься исключительно астрономіей и эта наука сдѣлалась для него любимою. Еще въ 1757 году, въ журналѣ Миллера „Ежемѣсячныя Сочиненія“ помѣщено его „Разсужденіе о кометахъ“, безъ подписи имени автора (Іюль, стр. 40—53). Вскорѣ онъ сдѣлался присяжнымъ астрономомъ академіи наукъ.

Съ конца 1759 года въ ученомъ мірѣ Европы заговорили о предстоящемъ въ 1761 году прохожденіи Венеры чрезъ дискъ солнца. Парижская академія наукъ для наблюденій этого явленія намѣревалась отправить въ Восточную Индію своего астронома Жантиля, и наша академія, съ своей стороны, считала тоже своею обязанностію участвовать въ общемъ научномъ дѣлѣ всего образованнаго міра. Секретарь академіи Миллеръ представилъ о томъ президенту графу Разумовскому, доказывая необходимость ученой экспедиціи и ученыхъ наблюденій въ предѣлахъ Россіи, подъ руководствомъ русскаго астронома. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ Парижѣ нашлось частное лицо, желавшее сдѣлать путешествіе въ Сибирь на русскія деньги для наблюденія рѣдкаго и важнаго для науки астрономическаго явленія. То былъ извѣстный аббатъ Шаппъ, сдѣлавшій потомъ дѣйствительно путешествіе въ Сибирь и описавшій его въ книгѣ, надѣлавшей у насъ столько шума въ концѣ прошлаго вѣка. Академіи наукъ надобно было предупредить непрошенаго француза и сдѣлать наблюденіе собственными средствами. Это она хорошо понимала. „Такое намѣреніе французской академіи наукъ, писалъ 23 октября 1760 года въ академическую канцелярію графъ Разумовскій объ экспедиціи Шаппа, показалося мнѣ для санктъ-петербургской Ея Императорскаго Величества академіи весьма предосудительнымъ, чего ради не меньше совершенная польза въ мореплаваніи и другихъ по астрономіи объясненіяхъ, какъ честь и слава академіи санктъ-петербургской требуетъ того, чтобъ сіе произвести дѣломъ самимъ, безъ помощи французскихъ астрономовъ“ ([18]). Но у нашей академіи въ то время не было

([18]) Билярскій, 468—469. Пекарскій, Ист. А. Н. II. 696—697.

достаточныхъ научныхъ средствъ для снаряженія астрономической экспедиціи. Академикъ по астрономіи Гришевъ или Гришау былъ тяжко боленъ; онъ и умеръ еще въ 1760 году, указавъ, какъ кажется, на Румовскаго, который бы могъ его замѣстить. Дѣйствительно ордеромъ президента 23 окт. 1760 года онъ былъ и назначенъ въ экспедицію для наблюденія. Но Румовскій до тѣхъ поръ не дѣлалъ никакихъ астрономическихъ наблюденій и академіи наукъ, чтобъ не уронить себя въ глазахъ ученой Европы, приходилось спѣшить. Приготовить Румовскаго къ наблюденію надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце поручено было профессору Эпинусу, который и самъ, если вѣрить Ломоносову „по астрономіи весьма малъ въ разсужденіи практики". Ломоносовъ увѣрялъ потомъ, что Эпинусъ былъ только два года въ Берлинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного хорошаго инструмента и только одинъ *заржавелый* квадрантъ и что онъ видѣлъ только одни инструменты въ Петербургѣ у Гришева. Какъ бы то ни было, но Румовскій занимался у Эпинуса астрономическою практикою въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и Ломоносовъ удивлялся, что онъ въ такое короткое время „можетъ сдѣлать обсервацію, которой и славные астрономы не безъ осторожности ожидаютъ". „Коль легкая и подлая наука астрономія!— прибавляетъ онъ: плоше сапожнаго дѣла!" ([14]). Мы уже говорили о возможныхъ причинахъ непріязненныхъ отношеній Ломоносова къ Румовскому. Явились и другія. Въ 1759 году, по жалобѣ на пьянство своего цензора, адъюнкта Попова, Сумарокову назначили при изданіи имъ журнала „Трудолюбивая Пчела" новыхъ цензоровъ: Румовскаго и Котельникова и тогда въ „Пчелѣ" стали появляться статейки, принимаемыя Ломоносовымъ за злобныя противъ него выходки. Вражда къ Румовскому усиливалась еще и тѣмъ, что онъ былъ вообще близокъ съ академическими врагами Ломоносова. По рекомендаціи одного изъ нихъ, и самаго сильнаго, Тауберта, Румовскій сдѣлался учителемъ дѣтей президента академіи графа Разумовскаго и даже жилъ въ его домѣ. Это обстоятельство въ особенности способствовало успѣхамъ Румовскаго.

Академія наукъ снарядила двѣ экспедиціи, крайними пунктами которыхъ были города Нерчинскъ и Якутскъ. На-

---

([14]) Билярскій, стр. 493.

чальниками этихъ экспедицій были назначены Поповъ и Румовскій. Они отправились въ январѣ 1761 года, за мѣсяцъ до пріѣзда Шаппа въ Петербургъ. Изъ письма Румовскаго къ Ломоносову, отъ 4 іюня 1761 года изъ Селенгинска, въ которомъ онъ страннымъ образомъ увѣряетъ его теперь, что содержитъ въ твердой памяти всѣ его отмѣнныя къ нему милости, видно, что экспедиція не удалась; онъ не доѣхалъ до Нерчинска и остановился въ Селенгинскѣ, этомъ „наихудшемъ всей Сибири городѣ“, гдѣ не зналъ что дѣлать дальше. День 26 мая, когда должно было происходить рѣдкое небесное явленіе, въ Селенгинскѣ, куда онъ поѣхалъ по совѣту губернатора Соймонова, и гдѣ, по его увѣренію, въ эту пору года небо бываетъ всегда ясно, выдался ненастный, и онъ не былъ въ состояніи наблюдать ([15]). Впрочемъ это обстоятельство не помѣшало однако потомъ Румовскому въ его разсужденіи „О солнечномъ параллаксѣ“ утверждать, что ему удалось сквозь облака примѣтить при выходѣ „наиважнѣйшее дѣло сего явленія, т. е. внутреннее прикосновеніе края Венерина до краю солнечнаго“. Въ Тобольскѣ Румовскій видѣлся каждый день съ Сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, гидрографическія сочиненія котораго печатались въ академическомъ журналѣ Миллера. Этотъ замѣчательный подвижникъ Петра В., наказанный кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей, по дѣлу Артемія Волынскаго, и проведшій нѣсколько лѣтъ въ каторгѣ, прощенный Елизаветою и сдѣланный ею Сибирскимъ губернаторомъ въ 1757 году, повидимому сильно обрадовался, найдя въ заѣзжемъ астрономѣ собесѣдника, какихъ онъ давно не видалъ ([16]).

Мы не знаемъ никакихъ другихъ подробностей объ этой первой научной экспедиціи Румовскаго; намъ неизвѣстенъ и путь его. Видно только, что онъ астрономически опредѣлялъ долготу нѣкоторыхъ мѣстностей и писалъ въ академію обстоятельные рапорты, которые должны находиться въ ея архивахъ. Шаппъ, бранившій все русское въ своей книгѣ, отзывается о Румовскомъ съ похвалою ([17]). Неудача, постиг-

---

([15]) Билярскій, стр. 525—526; стр. 685.

([16]) Чтенія Общ. Ист. 1865 г. т. III, стр. 190.

([17]) Осмнадцатый вѣкъ. IV. 429.

шая Румовскаго въ этомъ первомъ его опытѣ астрономическихъ наблюденій тѣмъ болѣе должна была казаться ему тяжелою, что неминуемо вызывала новыя и сильныя на него и на партію, къ которой онъ принадлежалъ, нападенія со стороны Ломоносова, становившагося годъ отъ году все рѣзче и раздражительнѣе. Наблюденіе въ самомъ Петербургѣ дало поводъ новымъ раздражительнымъ спорамъ между Ломоносовымъ и Эпинусомъ (18). Самъ Ломоносовъ сильно интересовался имъ и писалъ о томъ же явленіи и заранѣе и послѣ него (19). Извѣстно даже, что Ломоносовъ одинъ изъ первыхъ говорилъ о существованіи атмосферы вокругъ Веперы.

По возвращеніи Румовскаго изъ его неудачной поѣздки въ Селенгинскъ, онъ продолжалъ свои практическія занятія на обсерваторіи академіи наукъ. Непріязненныя отношенія его къ Ломоносову кончились только смертью послѣдняго: знаменитый русскій ученый, какъ извѣстно, былъ неуступчивъ. Не смотря однако на вражду Ломоносова, отчетъ Румовскаго о его экспедиціи и его исчисленія солнечнаго параллакса были одобрены академіей, и въ 1763 году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ професоромъ астрономіи. Теперь становится онъ въ более самостоятельное отношеніе къ Ломоносову. Въ томъ же году, на торжественномъ собраніи академіи наукъ, на которомъ въ первый разъ присутствовала Императрица Екатерина II съ наслѣдникомъ престола, Румовскій читалъ по русски „исторію о началѣ и приращеніи оптики". Въ этой рѣчи между прочимъ онъ затронулъ Ломоносовскую теорію о цвѣтахъ, не раздѣляя ея положеній. Ломоносовъ обидѣлся и хотя говорилъ, что „одобреніе Румовскаго въ сей матеріи не важно и охуленіе неопасно, какъ отъ человѣка въ физикѣ незнающаго", но въ сердцѣ хранилъ сильную досаду. Плодомъ этого новаго раздраже-

(18) Пекарскій, II, 730.

(19) «Явленіе Венеры на солнцѣ». Соч. Изд. Смирдина. ч. II стр. 257—274 и «Показаніе пути Венерина» у *Будиловича*, Ломоносовъ, какъ писатель, стр. 281—284. Наблюденія петербургскія, сдѣлавшись извѣстными за границею, признаны были тамъ вообще неудовлетворительными. Объ астрономѣ на академической обсерваторіи, въ которомъ весьма легко видѣть Румовскаго («толстое горло»—ясный намекъ на него) упоминается и въ сатирѣ Ѳ. Эмина «Сонъ видѣнный въ 1765 году», сторонника Ломоносова. См. Русск. Арх. 1873 г. т. II, стр. 1913, 1923—1924.

нія Ломоносова было его представленіе въ канцелярію академіи наукъ отъ 4 марта 1764 года, гдѣ между прочимъ говорится о дурномъ состояніи обсерваторіи. Ломоносовъ указываетъ на безпрерывныя и ненужныя, на одной только прихоти основанныя въ ней передѣлки, жалуется на то, что нѣкоторые наблюдатели, которые при прежнихъ астрономахъ Делилѣ и Гришовѣ, имѣли свободный доступъ на обсерваторію, теперь туда не допускаются, а тѣ, „коимъ она поручена (т. е. Румовскій), производятъ ли что въ пользу астрономіи, мнѣ неизвѣстно“ (20). Румовскому было приказано отъ президента дать объясненіе по поводу этихъ обвиненій, и въ своемъ отвѣтѣ на доносъ Ломоносова (21), онъ весьма подробно объясняетъ нисколько отъ него независящее дурное состояніе старой академической обсерваторіи и дѣйствительно частыя передѣлки въ ней, только крайнею необходимостью, говоритъ далѣе, что наблюденія, дѣланныя астрономами, которыхъ хвалитъ Ломоносовъ, напр. Кургановымъ и Красильниковымъ, не имѣли никакихъ результатовъ и произвели только смѣхъ въ Европѣ, въ отвѣтъ же на упрекъ Ломоносова, что на обсерваторіи академія наукъ не дѣлается никакихъ наблюденій, онъ доказываетъ, что ежедневныя наблюденія и невозможны, по плохому состоянію обсерваторіи и потому что квартира его далека отъ нея. Въ доказательство своей дѣятельности, онъ ссылается на свой журналъ, изъ котораго видно, что не было ни одного сколько нибудь замѣчательнаго небеснаго явленія, къ наблюденію котораго онъ не предпринималъ бы мѣръ съ своей стороны, но сдѣлать это наблюденіе мѣшала часто неблагопріятная погода. Что онъ работалъ по своей наукѣ, можно доказать и сочиненіями его за эти годы: двумя рѣчами, читанными въ публичныхъ собраніяхъ, тремя напечатанными диссертаціями, изъ которыхъ въ одной говорилось о наблюденіяхъ его въ Селенгинскѣ, а въ двухъ о солнечномъ параллаксѣ; кромѣ того онъ критически разобралъ ошибки наблюденій, сдѣланныхъ надъ прохожденіемъ Венеры въ С.-Петербургѣ (Курганова и Красильникова) и Иркутскѣ (Попова); въ 1763, 1764, 1765 годахъ онъ сочинялъ календари (этимъ дѣломъ онъ занимал-

---

(20) Билярскій, стр. 631.
(21) Тамъ-же, стр. 681—686.

ся потомъ, въ теченіи тридцати лѣтъ), а для адмиралтейской коллегіи собралъ изъ разныхъ книгъ способы, какъ находить долготу мѣста на морѣ посредствомъ луны. Въ объясненіе этого надобно прибавить, что сочиненіе календарей поручено было въ 1763 году Румовскому самою академіею наукъ, которая нашла невѣрности въ прежнихъ, составленныхъ адъюнктомъ Красильниковымъ.

Какъ бы мы ни смотрѣли на частыя, иногда рѣзкія и видимо пристрастныя нападенія Ломоносова, къ которымъ увлекала его неугомонная натура, нельзя не видѣть съ другой стороны, что его зоркій глазъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ академіи, во всѣхъ ея отдѣлахъ, и, указывая на дѣйствительные, а иногда и мнимые недостатки, онъ шевелилъ жизнь академическую, которая, какъ это весьма часто и было въ ней въ XVIII вѣкѣ, наполнялась хозяйственными вопросами, личными спорами и превращалась легко въ самодовольную спячку. По проекту Ломоносова, поданному президенту академіи въ 1764 году, Румовскій долженъ былъ участвовать въ задуманныхъ и предложенныхъ имъ географическихъ экспедиціяхъ для составленія подробнаго атласа Россіи. Ломоносовъ и здѣсь утверждалъ, что Румовскій больше принесетъ пользы въ экспедиціи, чѣмъ на академической обсерваторіи, гдѣ „дѣло его отправлять есть кому и не такъ нужно", но послѣдній рѣшительно отказался, ссылаясь на состояніе своего здоровья, разстроеннаго недавнимъ путешествіемъ въ Восточную Сибирь и доказывая безполезность опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, и въ особенности долготы ихъ, употребляемыми тогда способами (тогда только дѣлались опыты надъ хронометромъ Гаррисона). Румовскій питаетъ вообще недовѣріе къ этой экспедиціи, задуманной однимъ только Ломоносовымъ и не надѣется отъ нея успѣха, въ особенности потому, что въ распоряженіи академіи нѣтъ достаточнаго числа астрономовъ; при этомъ онъ дѣлаетъ намекъ, что самъ Ломоносовъ не участвуетъ въ экспедиціяхъ, тогда какъ „въ другихъ академіяхъ предлагающія подобныя предпріятія особы, сами оныхъ не только отправлять не отрекаются, но и примѣромъ своимъ поощряютъ трудовъ своихъ самопроизвольныхъ сообщниковъ" ([22]).

([22]) Билярскій, стр. 691.

Это обстоятельство и то что онъ называетъ „принужденное учрежденіе экспедицій“, а вовсе не плохое здоровье, которымъ Румовскій отличался до глубокой старости, были причиною его отказа. Но тутъ же онъ напоминалъ академіи, что въ 1769 году снова будетъ явленіе прохожденія Венеры чрезъ солнце, что важность этого явленія извѣстна всѣмъ, что лучше бы заранѣе прикоммандировать къ нему (т. е. Румовскому), для обученія астрономическимъ наблюденіямъ, двухъ или трехъ студентовъ, которые могли бы съ пользою отправиться въ новую экспедицію; въ ней и онъ вызывается съ своей стороны участвовать. Этотъ отказъ Румовскаго, который вѣроятно былъ причиною почему академія наукъ не дала дальнѣйшаго хода проэкту Ломоносова о географическихъ экспедиціяхъ, долженъ былъ усилить еще его враждебное отношеніе къ прежнему ученику. И въ дѣлѣ Шлецера, омрачившемъ послѣдніе дни Ломоносова, Румовскій былъ тоже не на его сторонѣ. Въ 1765 году, не задолго до смерти Ломоносова, Румовскій принужденъ былъ даже жаловаться на притѣсненія его своему знаменитому учителю Эйлеру и писать ему въ Берлинъ. Это вызвало въ самомъ дѣлѣ заступничество Эйлера. Въ письмѣ къ исторіографу Миллеру, которое онъ просилъ довести до свѣдѣнія канцлера, онъ говоритъ о Румовскомъ въ весьма для него лестныхъ выраженіяхъ, выставляетъ его прекрасный умъ, приносящій честь русскому народу и высказываетъ сожалѣніе, что его притѣсняютъ его же собственные единоземцы. Эйлеръ рекомендовалъ сверхъ того Румовскаго и молодому графу Воронцову. Заступничество великаго ученаго привело Ломоносова, не за долго до его смерти, въ чрезвычайное раздраженіе, свидѣтельствомъ котораго могутъ служить энергическія до грубости выраженія въ отвѣтѣ его Эйлеру. Здѣсь называетъ онъ Румовскаго „Таубертовой комнатной собачкой“ ([22]). Только смерть Ломоносова, послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого письма, положила конецъ враждѣ его къ Румовскому, начавшейся съ самаго того времени, какъ онъ воротился изъ за границы. Нельзя сравнивать обѣ эти личности, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣть, изъ всего нами разсказаннаго, что въ дѣйствіяхъ Румов-

---

([22]) Пекарскій. II. 873.

скаго положительно не замѣтенъ элементъ личный, который всегда мѣшалъ ясному сужденію великаго борца за русскую науку. Румовскій исключительно занятъ вопросами научными и личность его нигдѣ не выдвигается.

Со смертью Ломоносова, для біографіи котораго собрано такъ много матеріаловъ, прекращаются и наши болѣе подробныя свѣдѣнія о Румовскомъ; матеріалъ становится скуднѣе и отрывочнѣе, но Румовскаго по прежнему мы постоянно встрѣчаемъ въ ученомъ и административномъ кругу академіи наукъ. Въ первые годы своего царствованія, посвященные реформамъ, Екатерина обратила вниманіе и на академію, куда вскорѣ призвала она изъ Берлина знаменитаго Эйлера, съ которымъ любила бесѣдовать. Разстройство академіи, матеріальное и духовное, было ей хорошо извѣстно. Для приведенія ея въ лучшее состояніе была образована коммиссія изъ академиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Румовскій, подъ предсѣдательствомъ новаго *директора* академіи графа Владиміра Орлова. Этой коммиссіи поручены были исключительно дѣла хозяйственныя, изъ за которыхъ главнымъ образомъ и ссорились академики. Теперь Румовскому пришлось встать противъ Тауберта. Имъ изготовлялись доклады коммиссіи, которая вела свое дѣло по французски, и переводились на русскій языкъ. Но личность его мало выдается въ тогдашней исторіи академіи. Исключительно, какъ кажется, занятъ онъ вопросами чисто научными. Академическая обсерваторія, плохое состояніе которой было уже замѣчено Ломоносовымъ, обратила на себя главное вниманіе Румовскаго; но въ теченіи всего царствованія Екатерины ему не удалось выстроить новую, соотвѣтствовавшую болѣе развитію науки и пришлось довольствоваться старымъ, неудобнымъ зданіемъ, требовавшимъ по прежнему частыхъ поправокъ. Въ латинскихъ мемуарахъ академіи наукъ съ 1765 по 1783 годъ помѣщено довольно много мелкихъ статей Румовскаго, состоящихъ изъ разныхъ астрономическихъ наблюденій небесныхъ явленій, математическихъ выкладокъ и опредѣленій географическаго положенія многихъ мѣстъ Россіи ([24]). Съ самаго начала задуманнаго Екатериною пре-

---

([24]) Указанія содержанія этихъ статей Румовскаго можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Бакмейстера: Russische Bibliothek, B-de I—XI, 1772—1789.

образованія нашей академіи наукъ, она обратила особенное вниманіе на изученіе огромной и еще мало извѣстной страны, съ которою хотѣла познакомиться и устроить ее согласно современнымъ идеямъ. То было блестящее время „Наказа“, коммиссіи для составленія законовъ и задуманнаго съ тою же цѣлью путешествія по Волгѣ. Географическій отдѣлъ академіи порученъ былъ президентомъ ея графомъ Орловымъ старому Эйлеру и Румовскому. Послѣдній конечно съ радостью работалъ вмѣстѣ съ прежнимъ уважаемымъ учителемъ своимъ. На долю его выпало изданіе географическаго атласа Россійской Имперіи и всѣ подробности этого дѣла. Близость съ Эйлеромъ, то уваженіе, которое оказывала Императрица знаменитому ученому, дали Румовскому поводъ въ 1768 году начать переводъ на русскій языкъ извѣстнаго сочиненія Эйлера, изданнаго имъ по возвращеніи въ С.-Петербургъ: „Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ“. Первая часть этого перевода, посвященнаго Румовскимъ Екатеринѣ, которой онъ былъ уже лично извѣстенъ, вышла въ томъ же 1768 году, вторая и третья въ 1771 и 1774 годахъ. Содержаніе этой книги весьма извѣстно и русское общество получало въ переводѣ ея большой образовательный матеріалъ, за что Румовскій заслуживаетъ полной благодарности. Въ прошломъ вѣкѣ переводъ этотъ имѣлъ четыре изданія.

Между тѣмъ приближалось снова вѣковое небесное явленіе. На этотъ разъ оно уже не застало въ расплохъ нашихъ ученыхъ, какъ было въ 1761 году и мы видѣли, что Румовскій уже тогда сталъ готовиться къ нему. Еще въ мартѣ 1767 года, т. е. болѣе чѣмъ за два года до явленія, въ то время, когда Екатерина открывала въ Москвѣ свою законодательную коммиссію, она выражала письмомъ графу Орлову, директору академіи, о своемъ желаніи, чтобъ академія сдѣлала самыя тщательныя наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце. Она требовала указать и выбрать мѣста имперіи, удобныя для наблюденій, чтобы можно было заранѣе принять всѣ мѣры и въ случаѣ, если въ академіи нѣтъ достаточнаго числа астрономовъ-наблюдателей, она указывала на необходимость выбрать ихъ изъ моряковъ и приготовить ихъ. Академія тотчасъ же донесла

о выборѣ ею четырехъ мѣстъ для наблюденій; въ каждое изъ нихъ она назначала по наблюдателю и его помощнику, и кромѣ того въ каждое мѣсто посылала особаго естествоиспытателя. Этимъ положено было начало извѣстнымъ ученымъ экспедиціямъ, которыя сдѣлали такъ много для изученія русскихъ провинцій въ царствованіе Екатерины. Академія требовала покупки нѣкоторыхъ необходимыхъ инструментовъ и книгъ, представила планы временныхъ обсерваторій и проч. На издержки Екатерина дала шесть тысячъ рублей, болѣе чѣмъ просила сама академія. Она чрезвычайно интересовалась этимъ дѣломъ и съ своей волжской галеры писала еще письма къ Орлову, спрашивая о ходѣ приготовленій. Академія дѣятельно принялась за нихъ и Румовскій здѣсь былъ главнымъ лицомъ. Иниціатива принадлежала теперь Россіи, именно Екатеринѣ. Первое письмо ея, опубликованное въ иностранныхъ газетахъ, было причиною того, что многіе изъ европейскихъ ученыхъ изъявили желаніе принять участіе въ нашихъ экспедиціяхъ, сами вызывались въ наблюдатели; это прибавило много ученыхъ силъ къ академіи для задуманныхъ ею географическихъ путешествій. Указомъ Сенату, всѣ лица участвовавшія въ экспедиціяхъ получили двойное содержаніе и прогоны, а Высочайшее повелѣніе губернаторамъ вызывало ихъ на содѣйствіе наблюдателямъ. Астрономы, отправляясь въ экспедиціи, представлялись Императрицѣ и Великому князю Наслѣднику.

Самое важное изъ всѣхъ наблюденій (экспедиція отправились на сѣверъ и югъ Россіи) принадлежитъ Румовскому. Онъ наблюдалъ явленіе въ Колѣ, а подчиненные ему астрономы изъ иностранцевъ находились въ сосѣднихъ мѣстахъ: Понoѣ и Умбѣ, на берегахъ Бѣлаго моря. Результаты этого наблюденія академія издала сначала, какъ и донесенія всѣхъ астрономовъ отдѣльно (Observationes spectantes transitum Veneris per discum solis et eclipsin solarem die 23 Mai (3 Iuni) Kolae in Lapponia institutae a Stephano Rumovski. Petrop. 1769. 4°. 22 p.), а потомъ всѣ вмѣстѣ, и въ XIV томѣ своихъ латинскихъ комментаріевъ. Это было сдѣлано для ученой Европы; для русской публики Румовскій приготовилъ особое изданіе: „Наблюденія явленія Венеры въ солнцѣ въ Россійской Имперіи въ 1769 году учиненныя, съ историческимъ

предувѣдомленіемъ". Спб. 1771. Здѣсь разсказана вся исторія русскихъ наблюденій и показано значеніе ихъ для науки ([25]). Замѣтимъ кстати, что квадрантъ, который служилъ Румовскому для наблюденій въ Колѣ, былъ привезенъ въ Казань, гдѣ онъ до сихъ поръ находится въ обсерваторіи университетской.

Въ 1774 году графъ В. Орловъ сложилъ съ себя званіе директора академіи наукъ и на его мѣсто назначенъ былъ каммергеръ Домашневъ. Нѣсколько лѣтъ его управленія не принадлежатъ къ лучшимъ въ исторіи нашей академіи. Его отношенія къ коммиссіи, въ которой уже не было обоихъ Эйлеровъ, отца и сына, дали поводъ къ новымъ столкновеніямъ и ссорамъ между академиками; неудовольствія проникли даже и въ ученыя изданія академіи. Румовскій былъ близокъ къ Домашневу; вся переписка директора съ враждебной ему коммиссіей, всѣ жалобы, просьбы, оправданія, отвѣты послѣдней доводились до свѣдѣнія Екатерины. Извѣстно, что академія, зависѣвшая прежде отъ Сената, перешла теперь въ личное завѣдываніе Императрицы; она входила во всѣ мелочи, но нельзя сказать, чтобъ у ней доставало всегда время и дѣлу это вредило. Румовскій одинъ составлялъ тогда всѣ доклады Домашнева по управленію академіей; это конечно сильно отвлекало его отъ занятій научныхъ, но приблизило къ Екатеринѣ. Въ 1777 году напечатанъ былъ въ С.-Петербургѣ „Планъ объ учрежденіи гимназіи для чужестранныхъ единовѣрцевъ" и тогда же возникла эта гимназія, обязанная существованіемъ своимъ тѣмъ политическимъ планамъ, которые занимали въ это время Екатерину и Потемкина. Въ гимназіи этой должны были воспитываться Греки; двѣсти мальчиковъ привезены были на нашихъ корабляхъ изъ Греціи и Архипелага; всякій желающій могъ заявлять о томъ русскому посланнику и его тотчасъ же отправляли въ Петербургъ. Общій курсъ ученія продолжался четыре года и устройство преподаванія, согласно плану, поручалось особому инспектору, отъ котораго требовалось и значительное образованіе и высокая нравственность. Такимъ инспекторомъ назначенъ былъ Румовскій, уже хорошо извѣстный Екатеринѣ. Въ первый разъ

([25]) Bacmeister, Russ. B. I. 40—59.

онъ вступалъ на педагогическое поприще, но намъ впрочемъ совершенно неизвѣстна его дѣятельность въ этомъ родѣ, а равно и то долго ли онъ пробылъ инспекторомъ греческой гимназіи. Во всякомъ случаѣ назначеніе на это мѣсто, хотя оно отрывало Румовскаго отъ научныхъ занятій, свидѣтельствуетъ о томъ, что Екатерина знала и цѣнила его. Она любила астрономію; еще въ 1769 году она желала сама наблюдать въ Петербургѣ явленіе Венеры. Не задолго до ея кончины, англійскій король прислалъ ей въ подарокъ десятифутовой телескопъ Гершеля. Румовскій долженъ былъ поставить его и научить употребленію. По цѣлымъ часамъ случалось ему бесѣдовать съ нею въ Царскомъ Селѣ объ астрономіи. „Разговоръ нашъ касался по большей части предметовъ астрономическихъ, писалъ онъ въ Германію къ Цаху (²⁶) и меня въ высшей степени удивляли тѣ познанія, которыя выказывала монархиня въ своихъ разговорахъ и сужденіяхъ. Часто ея сомнѣнія и вопросы, ею предлагаемые о формѣ земли, о теченіи луны, объ ея неровностяхъ, о движеніи кометъ, ихъ возвращеніи и т. п., приводили меня въ крайнее затрудненіе“. Екатерина удостоила тогда Румовскаго и весьма щедраго подарка.

Въ 1782 году директоромъ академіи наукъ сдѣлана была княгиня Дашкова; управленіе этой замѣчательно умной женщины было лучшимъ временемъ для академіи въ XVIII вѣкѣ. Она прекратила недоразумѣнія и пререканія, такъ сильно отвлекавшія академиковъ отъ занятій научныхъ и только этихъ послѣднихъ требовала отъ нихъ. Она задумала нѣсколько періодическихъ изданій, въ которыхъ академики могли бы дѣлиться съ русскимъ обществомъ своими научными свѣдѣніями и дѣйствовать на него литературнымъ образомъ. Она оживила замолкнувшую было переводческую дѣятельность при академіи. Румовскій принужденъ былъ отказаться отъ своего инспекторскаго мѣста въ греческой гимназіи и исключительно наукѣ посвятить свое время. Астрономическія наблюденія его печатаются въ латинскихъ комментаріяхъ академіи, хотя нельзя сказать, чтобъ было ихъ особенно много. По указаніямъ „Словаря митрополита Евгенія“, статьи Румовскаго помѣщались въ „Собесѣдникѣ люби-

---

(²⁶) Monatl. Corresp. 1800. I. S. 290.

телей Россійскаго слова" ([27]), но тамъ почти вовсе нѣтъ статей ученаго содержанія, а тѣ, какія есть, весьма немногія, напечатаны безъ подписи. Въ другомъ журналѣ, задуманномъ также княгинею Дашковою, „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія" (1786—1796 г.), въ которомъ по плану издателей должны были помѣщаться такія „сочиненія, которыя бы для всякаго рода читателей были понятны и привлекали бы къ себѣ ихъ то пользою своего содержанія, то остротою мыслей или отмѣннымъ ихъ содержаніемъ", Румовскій въ первыхъ книжкахъ его помѣстилъ три небольшія статьи. Кажется, что онъ былъ и редакторомъ этого журнала ([28]). По указанію же Дашковой начатъ былъ въ 1789 году переводъ одной изъ знаменитыхъ книгъ прошлаго вѣка, конченный печатаніемъ уже въ 1808 году. Въ переводѣ, вмѣстѣ съ Лепехинымъ, Озерецковскимъ и другими извѣстными русскими академиками, принималъ участіе и Румовскій. Это была „Всеобщая и частная естественная исторія графа де Бюффона", Спб. 10 частей. Какъ велико было участіе въ этомъ переводѣ Румовскаго мы не знаемъ.

При открытіи Россійской Академіи, задуманной Екатериною и Дашковою, въ первомъ торжественномъ ея собраніи, происходившемъ 21 октября 1783 года, въ числѣ тридцати четырехъ ея членовъ, имена которыхъ принадлежали іерархамъ церкви, вельможамъ и русскимъ людямъ того времени, извѣстнымъ въ наукѣ и литературѣ, было провозглашено и имя Румовскаго ([29]). Въ теченіи всего перваго періода академіи, во время президентства Дашковой, Румовскій былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого учрежденія. Первымъ и главнымъ дѣломъ академіи было составленіе словаря русскаго языка. Трудъ былъ раздѣленъ между членами по отдѣламъ и Румовскій значится въ отдѣлѣ *объяснительномъ* ([30]). Онъ взялъ на себя объясненіе всѣхъ словъ,

---

([27]) Словарь Свѣтск. Пис. II, 158. См. также сочиненія Добролюбова, изд. 1862 ч. I, стр. 16 и 19.

([28]) *А. П. Неустроевъ*: Библіограф. указатель академ. журнала «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія». Спб. 1874. стр. 4.

([29]) *М. И. Сухомлинова*, Исторія Россійской Академіи. Спб. 1874, вып. I, стр. 17.

([30]) *А. Красовскій*. Первый періодъ Имп. Росс. Академіи. Спб. 1849. стр. 14.

относящихся къ звѣздословію. Въ 1788 году Румовскій участвуетъ и *въ издательномъ* отдѣлѣ ([31]). За эти труды по составленію словаря, Румовскій въ засѣданіи 21 декабря 1790 года былъ удостоенъ, вмѣстѣ съ княгинею Дашковою, золотой медали. Въ спискѣ членовъ, составленномъ по окончаніи словаря, съ засвидѣтельствованіемъ академіи о трудахъ каждаго, о Румовскомъ говорится, что „при составленіи всѣхъ шести частей опаго, опредѣлялъ слова, въ звѣздословіи и отчасти математикѣ употребительныя, и почти всегдашнимъ присутствіемъ въ собраніяхъ академіи много вспомоществовалъ въ ея трудахъ своими на оные примѣчаніями" ([32]).

Въ царствованіе Императора Павла Румовскій, не смотря на свою старость, не оставлялъ ни астрономическихъ наблюденій, ни науки. Снова, чрезъ длинный періодъ времени, онъ кромѣ того является преподавателемъ. Русское адмиралтейство, по приказанію Павла должно было послать нѣсколько морскихъ офицеровъ въ Бѣлое и Ледовитое моря для мореходныхъ и географическихъ наблюденій, вообще для практики. Офицеры эти, въ теченіи зимы 1798 года и лѣтомъ 1799 года, учились у Румовскаго астрономіи. Онъ научилъ ихъ употребленію отражательнаго инструмента, искусственнаго горизонта и другихъ инструментовъ, необходимыхъ въ предстоящей имъ дѣятельности. Къ этому роду занятій относится и переводъ Румовскаго сочиненія Ѳ. Шуберта: „Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ". Спб. 1803. Въ 1800 году Румовскій сдѣланъ былъ Вице-Президентомъ академіи наукъ. Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Румовскаго, надъ которымъ онъ работалъ уже въ глубокой старости, будучи попечителемъ Казанскаго университета, былъ переводъ Тацитовыхъ Лѣтописей, изданный вмѣстѣ съ подлинникомъ Россійской Академіею въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1806—1809. Въ своемъ трудѣ Румовскій пользовался однако въ значительной степени французскими переводами. Ему было тогда уже около восьмидесяти лѣтъ, но онъ сохранилъ, какъ

([31]) Тамъ-же, стр. 32.
([32]) Тамъ-же, стр. 93.

свидѣтельствуетъ его академическій некрологъ ([22]), всѣ свои физическія и умственныя способности, благодаря чрезвычайно трезвому и правильному образу жизни. Румовскій всегда оставался холостымъ.

Мы считали необходимымъ изложить здѣсь въ связномъ разсказѣ эти немногія, къ сожалѣнію, и съ разныхъ сторонъ собранныя нами біографическія свѣдѣнія о первомъ казанскомъ попечителѣ. Въ исторіи Казанскаго университета, кажется намъ, настоящее ихъ мѣсто. И въ наше время, при значительномъ самоуправленіи русскихъ университетовъ, но при извѣстномъ характерѣ нашей научной дѣятельности, въ общей жизни университета весьма важное значеніе получаетъ личность попечителя; съ нею, во многихъ отношеніяхъ, связана на цѣлые годы судьба университета, характеръ и направленіе высшаго образованія въ цѣломъ краѣ. Свѣтлыя и темныя краски университетской жизни очень часто получаютъ тоны отъ той же личности. Тѣмъ болѣе она имѣла значенія при самомъ началѣ университетской жизни, когда ей приходилось дѣйствовать съ гораздо большими полномочіями и создавать новое такъ сказать изъ ничего. Выборъ попечителей въ первые годы царствованія Александра былъ въ полной мѣрѣ удаченъ; до сихъ поръ они остаются почти недостижимыми идеалами въ этомъ отношеніи. Очевидно, что этимъ выборомъ направляли высшія, чистыя цѣли; онъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ наукѣ, къ просвѣщенію, о желаніяхъ создать университетскую жизнь на началахъ широкихъ, соотвѣтствовавшихъ стремленіямъ времени и мечтамъ о преобразованіяхъ, которымъ былъ сердечно преданъ Императоръ Александръ и его ближайшіе совѣтники. Попечители принадлежали вообще къ высшимъ, широкимъ сферамъ жизни гражданской или умственной. Являясь создателями и охранителями ввѣренныхъ имъ университетовъ посреди мѣстнаго общества, они могли занять въ немъ первое мѣсто и этимъ способствовать развитію уваженія къ университетской наукѣ, значеніе которой мало сознавалось. Тутъ были кураторы съ государственными способностями и взглядами, какъ Новосильцевъ, князь Чарторысскій и Муравьевъ, всѣ трое близкіе къ государю люди (послѣдній еще съ

([22]) Mémoires de l'Académie de SPB. Tome V. 1815. p. 6.

замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ), или люди высокаго происхожденія, но съ самою идеальною преданностью къ наукѣ, какъ графъ Потоцкій, или поэты и извѣстные писатели, какъ Клингеръ, или ученые, всю жизнь обращавшіеся съ наукою, какъ Румовскій. Этотъ послѣдній, указанный какъ кажется Императору Александру Новосильцевымъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ составлялъ регламентъ академіи наукъ, имѣлъ свои типическія особенности сравнительно съ другими. У него не было ни высокаго происхожденія и богатства, которыя бы много значили въ провинціальной глуши, ни государственныхъ взглядовъ. Своимъ положеніемъ въ свѣтѣ Румовскій обязанъ былъ только себѣ, труду и долгой жизни. Но за нимъ была наука, сдѣлавшая имя его почтеннымъ и уважаемымъ и въ Европѣ. Онъ былъ почти современникомъ началу нашей умственной дѣятельности; его выбралъ изъ семинаристовъ великій начинатель Ломоносовъ; онъ учился у Эйлера; онъ бесѣдовалъ съ Екатериною и княгинею Дашковою; вся умственная жизнь наша XVIII вѣка прошла передъ глазами Румовскаго и онъ былъ въ ней не маловажнымъ участникомъ. Но Румовскій былъ старъ, а старость имѣетъ свои естественные недостатки. Всѣ эти особенности личности перваго казанскаго попечителя не могли не отразиться на мѣрахъ, предпринятыхъ имъ къ осуществленію устава Казанскаго университета и на первыхъ шагахъ этого учрежденія, вступающаго въ жизнь.

Къ разсказу о тѣхъ и другихъ мы переходимъ теперь.

Глава II.

Причины замедлившія полное открытіе университета. Казанскія гимназіи. Директоръ И. Ѳ. Яковкинъ. Основаніе университета. Первые профессоры: русскіе и иностранцы. Постройки и помѣщеніе университета.

Дѣйствительное открытіе Казанскаго университета, съ отдѣленіями, указанными въ уставѣ 1804 года и съ выборными представителями университетскаго самоуправленія, произошло не вдругъ и въ этомъ отношеніи онъ отсталъ значительно отъ своего современника Харьковскаго университета (уставы Виленскаго и Дерптскаго были утверждены за полтора года до Казанскаго). Въ продолженіи девяти лѣтъ, хотя въ немъ и происходило преподаваніе нѣкоторыхъ университетскихъ предметовъ, явилось нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ, раздавались университетскія ученыя степени и постепенно возрастало число студентовъ, однимъ словомъ, хотя въ немъ и видимъ мы зародыши университетской жизни, хотя онъ и носитъ названіе университета, но того, чего требовалъ уставъ 1804 года, передъ нами нѣтъ. Казанскій университетъ тѣсно слитъ еще съ гимназіею; они и живутъ вмѣстѣ, помѣщаясь въ одномъ домѣ; они находятся въ одномъ управленіи, подъ властію и распоряженіемъ одного лица, которому слѣпо довѣрился Румовскій въ тѣ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ былъ попечителемъ Казанскаго университета и его округа.

Причины этой продолжительной запоздалости и неполнаго развитія университетской жизни въ Казани были двоякаго рода: и общія и частныя. Съ одной стороны ихъ надобно искать въ самой новости дѣла, въ недостаткѣ лицъ, ко-

торыя могли бы съ честію занять университетскія каеедры и начать преподаваніе въ рамахъ предположенныхъ уставомъ отдѣленій. Единственный до тѣхъ поръ существовавшій въ Россіи Московскій университетъ былъ еще слишкомъ бѣденъ духовными силами, чтобы достало ихъ на новооткрытые университеты; другой источникъ—Екатерининскія педагогическія учрежденія—могъ дать также немного выработавшихся уже впослѣдствіи профессоровъ; всего этого было мало конечно и потому по необходимости пришлось обратиться за помощью въ Европу. Главный контингентъ профессоровъ въ началѣ существованія Александровскихъ университетовъ былъ доставленъ нѣмецкими университетами, но изъ иностранцевъ немногіе принесли дѣйствительную пользу молодымъ русскимъ университетамъ; нуженъ былъ осмотрительный и строгій выборъ. Правда недостатка за охотниками переселиться въ Россію на сравнительно лучшее тогда жалованье нашего профессора не было, особенно изъ Германіи, гдѣ университетская наука была давно уже въ полномъ развитіи и гдѣ ищущихъ мѣстъ было довольно. Политическая жизнь этой страны въ то время, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, напоминавшая собою всеобщій разладъ временъ религіозныхъ войнъ, много способствовала этому выселенію интеллигенціи въ страну, которая гостепріимно раскрывала свои объятія для науки и давала спокойный пріютъ ея представителямъ. Нѣсколько честныхъ профессоровъ, людей дѣйствительной науки, для которой не существуетъ узкихъ національныхъ рамокъ, ученыхъ, которые составили потомъ себѣ славное имя въ наукѣ, Россія дѣйствительно пріобрѣла въ эти годы; но вмѣстѣ съ ними было довольное число и такихъ людей, для которыхъ на первомъ планѣ стоялъ только денежный интересъ. Эти иностранные профессоры встали тогда лицомъ къ лицу съ русскимъ обществомъ, которое почти вовсе не сознавало значенія и пользы науки и посылало дѣтей своихъ учиться единственно изъ за тѣхъ правъ служебныхъ, которыя могло дать имъ образованіе; между тѣмъ трудность и продолжительность университетскаго курса задерживали на нѣсколько лѣтъ полученіе этихъ вожделѣнныхъ правъ. „Открытые университеты едва дышатъ о сію пору, замѣчаетъ

свидѣтель первыхъ шаговъ нашихъ университетовъ (¹). Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія. Ктожъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ еще наукахъ твердятъ Иппократово слово: Ars longa, vita brevis etc. Родимся же мы на свѣтъ не умствовать, а дѣйствовать". Правда современникъ этотъ не былъ вообще расположенъ къ новымъ преобразованіямъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, видѣлъ въ нихъ больше фразъ, чѣмъ сущности, но вышеприведенныя слова его выражали дѣйствительность. Это положеніе вещей еще ярче должно было представляться въ нашей удаленной казанской провинціи.

Здѣсь къ общимъ причинамъ медленнаго развитія университета и неполнаго его открытія, присоединились и свои, домашнія, частныя причины. Прежде всего передъ нами полное равнодушіе казанскаго общества и передоваго сословія его—дворянства къ зараждающемуся по волѣ Императора Александра университету. Высочайше утвержденныя „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія", въ послѣднемъ параграфѣ своемъ, вызывали мѣстную администрацію „споспѣшествовать исполненію намѣреній правительства не понудительными средствами, но благоразуміемъ и дѣятельностью" и этимъ могли они обратить на себя „отличное его вниманіе". Они вызывали также и „всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, которые при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей, и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предбудущее время благосостояніе и славу отечества". Этотъ благородный вызовъ правительства, свидѣтельствующій о его глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ народному просвѣщенію, только у насъ, въ Казани, не нашелъ отвѣта и встрѣченъ былъ, и со стороны

(¹) Митроп. Евгеній въ письмахъ къ другу своему Македонцу. Русск. Арх. 1871 г. стр. 838.

мѣстной администраціи, и со стороны мѣстнаго общества, гробовымъ молчаніемъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь не только какого либо существеннаго пожертвованія, но и вообще никакого сочувственнаго заявленія. Университетъ падалъ съ неба; всѣ сторонились отъ него съ уваженіемъ или вѣрнѣе сказать съ недоумѣніемъ. Конечно страна наша еще далека отъ тѣхъ сознательныхъ и изумительныхъ пожертвованій въ пользу науки и просвѣщенія, которыми отличаются страны англо-саксонскаго племени, съ поразительнымъ развитіемъ частной инціативы, но и у насъ, въ эпоху основанія нашихъ университетовъ, почти вездѣ на вызовъ власти откликалось тогда общество. Вспомнимъ о знаменитыхъ пожертвованіяхъ Демидова, харьковскаго дворянства для своего университета, значительныхъ приношеній со стороны общества губерній западныхъ и остзейскихъ. Все это свидѣтельствовало о возможности тамъ болѣе быстраго развитія университетскаго образованія, все это говорило, что наука пользуется тамъ сочувствіемъ и скорѣе получитъ гражданскія права; въ Казани встрѣчаемъ мы только тупое восточное равнодушіе.

Безъ сомнѣнія основаніе Казанскаго университета согласно Высочайше утвержденному уставу, являлось такимъ образомъ лишь исполненіемъ правительственныхъ предначертаній. Исполнители, не находя сочувствія и отзыва, должны были, кажется намъ, охладѣвать въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ ими, съ какимъ бы уваженіемъ сами они ни смотрѣли на порученное имъ дѣло. Вѣроятно, опираясь на сочувствіе окружавшаго его общества, и по своимъ собственнымъ побужденіямъ, попечитель Харьковскаго университета, еще за полтора года до утвержденія устава, уже выбралъ для него профессоровъ, которые тогда же были утверждены въ должности Главнымъ Правленіемъ Училищъ изъ немногочисленныхъ въ то время русскихъ людей, способныхъ занять каѳедру и изъ иностранныхъ ученыхъ (*). Тоже самое было въ Дерптѣ. Въ первый годъ основанія Виленскаго университета мы уже находимъ тамъ донесенія нѣсколькихъ молодыхъ адъюнктовъ, отправленныхъ для

(*) Періодич. Сочин. о успѣхахъ Народн. Просв. 1803 г. № 1 стр. 68.

усовершенствованія въ чужіе края. Конечно все это, и въ Дерптѣ и Вильнѣ, свидѣтельствовало объ историческомъ и давнемъ существованіи тамъ науки: это была нѣмецкая или польская наука, не новость въ тѣхъ мѣстахъ, но въ Харьковѣ энергическія и раннія мѣры для открытія университета и замѣщенія каѳедръ надобно, какъ кажется, отнести исключительно къ личности попечителя графа Потоцкаго; это было уже его дѣло. Казанскій попечитель Румовскій, мы видѣли, былъ очень старъ; характеръ его науки и ученыхъ трудовъ, его дѣятельность въ кругу академиковъ, были слишкомъ далеки отъ общества; съ его живыми потребностями едвали онъ и встрѣчался близко. Дѣлу, которому онъ призванъ былъ служить, Румовскій не могъ сочувствовать въ той степени, какъ прочіе его товарищи, члены Главнаго Правленія Училищъ. Изъ его дѣйствій, медленныхъ не столько по осторожности и обдуманности, сколько изъ весьма понятной старческой апатіи, мы легко можемъ заключить, что онъ былъ далекъ отъ того, чтобъ положить въ это дѣло свою душу, а между тѣмъ все отъ него зависѣло; онъ одинъ долженъ былъ явиться дѣйствующимъ лицомъ. Какъ человѣкъ Екатерининскаго вѣка, притомъ не изъ тѣхъ людей этого вѣка, которыхъ мысль созрѣла въ ея тогдашнихъ порывахъ и тревогахъ, человѣкъ далекій вообще отъ всего современнаго общественнаго движенія въ Россіи, Румовскій не могъ имѣть передъ собою государственныхъ цѣлей, раздѣляемыхъ другими попечителями. Напротивъ, кажется намъ, онъ не довѣрялъ реформамъ, ознаменовавшимъ новое царствованіе, а потому могъ быть на своемъ мѣстѣ только исполнителемъ, но исполнителемъ холоднымъ, безстрастнымъ. Недовѣріе къ новымъ стремленіямъ выразилось въ немъ съ одной стороны недовѣрчивымъ отношеніемъ къ людямъ болѣе молодымъ, а съ другой—довѣріемъ къ лицамъ, которыя умѣли найти въ немъ слабую струну, и, окружая его лестію, успѣвали все дѣлать изъ старика. Такимъ образомъ первые шаги университетской науки въ Казани запутываются съ самаго начала въ личныя отношенія и къ сожалѣнію эти личныя отношенія, которымъ провинціальная среда необходимо придаетъ вообще непривлекательный оттѣнокъ, будутъ сопровождать университетъ до самаго позднѣйшаго времени: ясное доказательство того значенія нашихъ универ-

лище могло замѣнить собою прежнюю гимназію, „было единственнымъ разсадникомъ для образованія юношей свѣтскаго званія и славилось, какъ обширными свѣдѣніями въ наукахъ своихъ наставниковъ (одинъ изъ нихъ, Чернявскій, былъ опредѣленъ профессоромъ россійской словесности въ Виленскій университетъ), которые были присылаемы сюда первоначально изъ Педагогическаго Института, такъ и превосходило прочія учебныя заведенія по обширности преподаваемыхъ въ немъ предметовъ" (*).

Но какъ бы ни было хорошо обставлено главное народное училище, какъ ни обширно было въ немъ преподаваніе разныхъ предметовъ, все же оно не могло замѣнить для Казани, и въ особенности для ея дворянства, прежней университетской гимназіи, которая въ теченіи всего XVIII вѣка воспитала много дворянскихъ дѣтей и постоянно старалась угождать не только сословному чувству, сильному въ то время, отдѣленіемъ дворянскихъ дѣтей отъ разночинцевъ, но и вкусу дворянства заботами о языкахъ, о наружности и формахъ, о свѣтскихъ манерахъ и проч. Ничего этого не было въ народномъ училищѣ, гдѣ сливались сословія, преподавался только одинъ, и къ тому же нѣмецкій языкъ, и ни одного изъ предметовъ, приготовлявшихъ къ главному служебному поприщу дворянскаго сословія—военному. Екатерининская коммиссія училищъ, какъ извѣстно, дѣйствовала въ общихъ идеяхъ, управлявшихъ тѣмъ вѣкомъ и думала не о сословномъ, а объ общемъ гражданскомъ воспитаніи; она опередила въ этомъ отношеніи русское общество. Этимъ причинамъ надобно приписать возстановленіе въ царствованіе Императора Павла закрывшейся Казан-

ственнаго Призрѣнія съ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній пересталъ отпускать на нихъ суммы, когда было открыто училище. Хотя Владиміровъ (Спр. Л. № 85) и старался не видѣть тутъ сомнѣній и недоумѣній, но не убѣдилъ отвѣтомъ. Намъ кажется вопросъ разрѣшается очень просто: Екатерининскій уставъ 1786 года естественно отмѣнялъ предшествовавшее временное распоряженіе 1785 года и если, со времени открытія училища, года два продолжала еще существовать и гимназія, то это происходило частію отъ того, что ученикамъ, начавшимъ обученіе въ гимназіи, надобно было и окончить въ ней курсъ, а частію отъ недоразумѣнія губернскихъ властей.

(*) *Рыбушкинъ*, Исторія Казани. ч. II стр. 34.

ской гимназіи, съ прежнимъ раздѣленіемъ сословій въ ней и съ особенною цѣлью приготовленія въ ней молодыхъ людей къ службѣ гражданской и военной, но не „къ состоянію, отличающему ученаго человѣка" (¹). Уставъ этой гимназіи, утвержденный Павломъ въ первый разъ 21 декабря 1797 года, а во второй во время посѣщенія имъ Казани, 29 мая 1798, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, представляетъ намъ училище съ весьма широкимъ объемомъ преподаванія и съ науками, которыя имѣли и обще-образовательный характеръ, и приготовляли людей для самыхъ разнообразныхъ родовъ служебной дѣятельности. Это была уже не гимназія, а скорѣе высшее училище, нѣчто въ родѣ послѣдующихъ лицеевъ. Кромѣ первоначальныхъ и общихъ предметовъ гимназическаго ученія, здѣсь преподавались изъ языковъ: латинскій, французскій, нѣмецкій и, въ угожденіе мѣстнымъ потребностямъ, какъ это было и въ Елизаветинской гимназіи—татарскій; изъ философскихъ наукъ: логика и практическая философія; изъ физико-математическихъ: геометрія и тригонометрія, механика, гидравлика, физика, химія, натуральная исторія, землевѣдѣніе (т. е. землемѣріе) и гражданская архитектура; изъ юридическихъ: практическое законоискусство; изъ военныхъ: артиллерія, фортификація, тактика и наконецъ изъ искусствъ: рисованіе, музыка, фехтованье и танцы. Изъ этого объема преподаванія видно, что Павловская гимназія, которую и тогда уже называли Императорскою, приготовляла къ жизни и службѣ людей разносторонне образованныхъ и соотвѣтствовала болѣе вкусамъ и потребностямъ сословій привиллигированныхъ. Говорить о томъ, какую пользу дѣйствительно принесла она обществу мы не имѣетъ надобности, тѣмъ болѣе, что и періодъ ея существованія былъ весьма непродолжителенъ: новая реформа просвѣщенія въ началѣ царствованія Александра I, новыя гимназіи съ другими цѣлями и назначеніемъ и университетъ, основанный въ Казани, задержали ея развитіе весьма скоро послѣ ея учрежденія. Мы упомянули о ней только потому, что къ ней примкнуло преподаваніе молодаго Казанскаго университета, что первыми профессорами въ немъ сдѣлались ея преподаватели въ высшихъ классахъ, преимущественно изъ питомцевъ Московскаго университета, что первыми студентами

(¹) Владиміровъ. Истор. Зап. II, 5.

вообще были только ея ученики, что ея старинная библіотека, коллекціи и пособія послужили основаніемъ для библіотеки, музеевъ и кабинетовъ университета. Наконецъ съ личностію пятаго директора этой гимназіи (они быстро смѣнялись другъ другомъ) Ильи Өедоровича *Яковкина* на нѣсколько лѣтъ сливается первоначальная исторія этого университета.

Какъ Людовикъ XIV въ извѣстныхъ словахъ соединялъ въ своей личности представленіе о цѣломъ государствѣ и являлся полнымъ его выразителемъ, такъ точно и Яковкинъ, въ теченіи слишкомъ девяти лѣтъ, пока не было допущено въ Казанскомъ университетѣ самоуправленіе по смыслу устава 1804 года, могъ съ полнымъ сознаніемъ произнести подобную же знаменательную фразу: „университетъ—это я!" И въ самомъ дѣлѣ, въ его словахъ и заявленіяхъ, которыя такъ часто подхватывались безчисленными врагами директора, слышится такое же гордое сознаніе; оно ясно видится и во всѣхъ его дѣйствіяхъ по гимназіи и университету, самовластныхъ и рѣшительныхъ, полныхъ присутствія твердой и неограниченной воли. Христіаннѣйшій король, продолжимъ немного употребленную нами параллель, имѣлъ надъ собою только Бога въ небѣ; ему только онъ былъ обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ личныхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію Франціей; контроль съ этой точки зрѣнія становится невозможнымъ: совѣсть самодержца не судима. И Яковкинъ отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному богу: этотъ богъ на берегахъ Невы для него былъ Румовскій; но тутъ уже являются чисто земныя отношенія; дѣйствіе происходитъ не въ глубокихъ извилинахъ человѣческой совѣсти, а на бумагѣ; сохранились слѣды этихъ отношеній и поздній историкъ долженъ явиться судьею: людская совѣсть выносливѣе бумаги, если согласиться съ словами русской пословицы, что послѣдняя терпитъ все. Это давало другой видъ положенію Яковкина посреди управляемаго имъ университета; знаменитая фраза самодержавнаго короля должна была здѣсь нѣсколько смягчиться въ своемъ содержаніи. Яковкинъ зависѣлъ отъ другой живой личности. Конечно онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ ней; онъ самъ управлялъ ею, но долженъ былъ скрываться за

нее и призывать ея имя. „Моя мысль есть мысль попечителя" (7)—часто говорилъ онъ, прибавляя къ этому, что онъ можетъ сдѣлать счастливымъ или несчастнымъ того и того— и аргументъ этотъ перевѣшивалъ силу всякихъ другихъ.

Мы имѣемъ дѣло съ началомъ водворенія въ нашемъ краѣ высшаго образованія и университетской науки; мы высоко ставимъ ихъ значеніе и важность, а потому необходимость заставляетъ насъ, и будетъ заставлять, вдаваться въ такія подробности, которыя могутъ показаться и мелкими. Намъ дорога вообще умственная жизнь провинціи, а впереди ея конечно стоитъ университетъ и отсюда, если все совершалось личностями, то мы не имѣемъ права пренебрегать ими: личность Яковкина, соединенная съ судьбою университета, невольно влечетъ къ себѣ. Этотъ старикъ съ своими дѣйствіями, окруженный множествомъ преданій, теперь уже почти исчезнувшихъ въ живыхъ устахъ, съ одной стороны воспоминаніями учениковъ очень неясными, но вообще благопріятными, съ другой—преслѣдуемый постоянною ненавистью и сильною враждою всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, за весьма малыми исключеніями, стоитъ того, чтобъ объяснить его.

Сила и самовластіе Яковкина зависѣли отъ той неограниченной довѣренности, которою онъ пользовался у Румовскаго, но и самъ онъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Его умъ, его житейская ловкость, его знаніе человѣческаго сердца, какъ это видно изъ подлинныхъ документовъ времени,— поразительны. Окруженный или своими креатурами, имъ воспитанными съ ученической скамейки, людьми вполнѣ ему обязанными и чувствовавшими это, потому что они зависѣли отъ него и потомъ, или иностранцами, незнавшими языка и условій незнакомой имъ жизни, Яковкинъ былъ головою выше всего, что стояло рядомъ съ нимъ. Въ педагогическомъ провинціальномъ мірѣ нерѣдко встрѣчаются подобныя личности, которыя, опираясь на свои способности, на умѣнье подслуживаться начальству и на полную безгласность и зависимость отъ нихъ подчиненныхъ, весьма скоро развиваютъ въ себѣ самовластныя замашки и неограниченный деспотизмъ. Будучи нѣсколько времени директоромъ гимназіи, гдѣ онъ распоряжался произвольно, Яковкинъ легко могъ

(7) Письмо проф. Каменскаго къ Румовскому отъ 10 іюля 1806 г.

перенести и перенесъ такія привычки въ болѣе широкую университетскую сферу.

Мы говорили уже о тѣхъ причинахъ, которыя преп ствовали дать Казанскому университету съ самаго его нованія полное самоуправленіе и коллегіальное устройство, требовавшееся уставомъ; оно могло бы тотчасъ создать настоящую и спокойную университетскую жизнь. Управленіе университетомъ и гимназіею, составлявшими изъ себя какую-то амфибію, было придумано Румовскимъ и Яковкинымъ вмѣстѣ и утверждено Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Эта система послужила, какъ мы увидимъ, главнымъ источникомъ тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя наполнили собою первые годы Казанскаго университета, сильно вредили ему въ общемъ мнѣніи и отвлекали профессоровъ отъ ихъ прямой обязанности и занятій научныхъ. Эта система управленія, противная Высочайше утвержденному уставу, поставившая въ главѣ университета „человѣка, невидавшаго организма университетовъ“, какъ говорили его противники, создала ему множество враговъ, между которыми мы встрѣтимъ весьма почтенныя въ наукѣ имена. Ненависть и озлобленіе къ Яковкину доходили иногда до крайняго раздраженія, возбуждаясь періодически; противники употребляли всѣ средства въ своей борьбѣ съ нимъ, гдѣ весьма часто общій вопросъ смѣшивался съ частными побужденіями, но Яковкинъ, сильный довѣріемъ высшаго начальства, всегда являлся побѣдителемъ, пока наконецъ допущенное самоуправленіе университета не положило конецъ его власти и гордынѣ. Были для него тяжелыя минуты, можетъ быть онъ и сознавалъ иногда, что не въ состояніи побѣдить и сладить съ врагами, что они одолѣютъ его въ борьбѣ, но сильный довѣріемъ начальства, онъ снова оживалъ, и укрѣплялся для новой борьбы. „Неисповѣдимыя судьбы всеуправляющаго Провидѣнія, писалъ однажды Яковкинъ къ Румовскому, послѣ цѣлаго ряда бурныхъ совѣтскихъ засѣданій (11 декабря, 1806 года), кончившихся удаленіемъ отъ должности двухъ самыхъ главныхъ противниковъ его, и прозорливое начальство, прекращая буйственное своевольство, снабдѣваютъ истинное усердіе и чистую ревность новыми силами къ достойному прохожденію возложенныхъ должностей, хотя многоглавая адская гидра и старается еще употреблять всѣ мѣры къ спасенію себя отъ конечной погибели“. Описавъ

происки враговъ своихъ, [illegible] смотрѣлъ съ точки зрѣнія, гидры“, Яковкинъ заключаетъ [illegible] въ его положеніи: онъ полное его самодовольство: „Я, [illegible] женъ дать молодому ключаетъ онъ, подобно императору [illegible] разованіе или пред-не нашелъ. по милости Господней [illegible] чія. „Дабы сту-пятенъ на лицѣ моемъ“. Но это торжество [illegible] ніе о всецѣ-лостью начальства, какъ крещеніемъ [illegible] му (14 авг. Яковкину ввести въ письмо самую ядовитую [illegible] евосходи-противъ враговъ своихъ [illegible] поели-[illegible] семъ [illegible] чнъ [illegible] ѣ

Соединяя въ себѣ двѣ главныя должности: директора гимназіи, что давало ему право предсѣдательствовать въ со-вѣтѣ профессоровъ и инспектора казенныхъ студентовъ, бу-дучи вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики россійскаго государства. держа въ рукахъ своихъ всю хозяйственную часть, гдѣ немаловажное значеніе имѣли разнообразныя постройки для начинающагося универ-ситета, Яковкинъ поражаетъ насъ своею дѣятельностію. Его доставало на все и вездѣ онъ оставилъ слѣдъ этой дѣятель-ности. Это сознаніе своего вездѣприсутствія и необходимо-сти еще болѣе развивали въ немъ самоувѣренность и гор-дость. Яковкинъ принадлежалъ къ числу здоровыхъ, энер-гическихъ и чрезвычайно подвижныхъ русскихъ натуръ, какія уже не встрѣчаются, но какими еще изобиловалъ нашъ XVIII вѣкъ; такія только натуры годятся въ піонеры циви-лизаціи и такихъ требовало тогда время. Но Яковкинъ былъ скорѣе практическою, чѣмъ теоретическою натурою; наука съ ея идеальными требованіями давно была забыта имъ: она и невозможна была въ то время въ нашей провинціи. Если мы порой и встрѣчаемъ въ Яковкинѣ кое-какія научныя поползновенія, то они имѣютъ чисто практическій харак-теръ или являются только изъ приличія. Яковкинъ весь пре-данъ администраціи; въ дѣйствительности онъ только одинъ управляетъ университетомъ и слова Яковкина въ письмахъ его къ Румовскому, отправляемыхъ еженедѣльно (почта хо-дила тогда въ Петербургъ разъ въ недѣлю) для попечителя— verba magistri. Румовскій или самъ разрѣшаетъ частное представленіе Яковкина, или сдѣлавъ выписку изъ письма его, вноситъ ее на разрѣшеніе Главнаго Правленія Училищъ. Это конечно патріархально, но другаго управленія не было и совѣтъ, состоявшій изъ профессоровъ, очень часто не зналъ того, о чемъ ходатайствовалъ директоръ. Эти письма Яков-

перенести и перенесъ такія привычки въ болѣе широкую университетскую сферу.

Мы говорили уже о тѣхъ причинахъ, которыя препятствовали дать Казанскому университету съ самаго его основанія полное самоуправленіе и коллегіальное устройство, требовавшееся уставомъ; оно могло бы тотчасъ создать настоящую и спокойную университетскую жизнь. Управленіе университетомъ и гимназіею, составлявшими изъ себя какую-то амфибію, было придумано Румовскимъ и Яковкинымъ вмѣстѣ и утверждено Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Эта система послужила, какъ мы увидимъ, главнымъ источникомъ тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя наполнили собою первые годы Казанскаго университета, сильно вредили ему въ общемъ мнѣніи и отвлекали профессоровъ отъ ихъ прямой обязанности и занятій научныхъ. Эта система управленія, противная Высочайше утвержденному уставу, поставившая въ главѣ университета „человѣка, невидавшаго организма университетовъ", какъ говорили его противники, создала ему множество враговъ, между которыми мы встрѣтимъ весьма почтенныя въ наукѣ имена. Ненависть и озлобленіе къ Яковкину доходили иногда до крайняго раздраженія, возбуждаясь періодически; противники употребляли всѣ средства въ своей борьбѣ съ нимъ, гдѣ весьма часто общій вопросъ смѣшивался съ частными побужденіями, но Яковкинъ, сильный довѣріемъ высшаго начальства, всегда являлся побѣдителемъ, пока наконецъ допущенное самоуправленіе университета не положило конецъ его власти и гордынѣ. Были для него тяжелыя минуты, можетъ быть онъ и сознавалъ иногда, что не въ состояніи побѣдить и сладить съ врагами, что они одолѣютъ его въ борьбѣ, но сильный довѣріемъ начальства, онъ снова оживалъ, и укрѣплялся для новой борьбы. „Неисповѣдимыя судьбы всеуправляющаго Провидѣнія, писалъ однажды Яковкинъ къ Румовскому, послѣ цѣлаго ряда бурныхъ совѣтскихъ засѣданій (11 декабря, 1806 года), кончившихся удаленіемъ отъ должности двухъ самыхъ главныхъ противниковъ его, и прозорливое начальство, прекращая буйственное своевольство, снабдѣваютъ истинное усердіе и чистую ревность новыми силами къ достойному прохожденію возложенныхъ должностей, хотя многоглавая адская гидра и старается еще употреблять всѣ мѣры къ спасенію себя отъ конечной погибели". Описавъ

происки враговъ своихъ, эти „послѣднія усилія издыхающей гидры“, Яковкинъ заключаетъ сравненіемъ, показывающимъ полное его самодовольство: „Я, смотрѣвшись въ зеркало, заключаетъ онъ, подобно императору Константину Великому не нашелъ, по милости Господней, никакихъ язвъ, ниже пятенъ на лицѣ моемъ“. Но это торжество и очищеніе милостью начальства, какъ крещеніемъ, не мѣшало тутъ же Яковкину ввести въ письмо самую ядовитую инсинуацію противъ враговъ своихъ.

Соединяя въ себѣ двѣ главныя должности: директора гимназіи, что давало ему право предсѣдательствовать въ совѣтѣ профессоровъ и инспектора казенныхъ студентовъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики россійскаго государства, держа въ рукахъ своихъ всю хозяйственную часть, гдѣ немаловажное значеніе имѣли разнообразныя постройки для начинающагося университета, Яковкинъ поражаетъ насъ своею дѣятельностію. Его доставало на все и вездѣ онъ оставилъ слѣдъ этой дѣятельности. Это сознаніе своего вездѣприсутствія и необходимости еще болѣе развивали въ немъ самоувѣренность и гордость. Яковкинъ принадлежалъ къ числу здоровыхъ, энергическихъ и чрезвычайно подвижныхъ русскихъ натуръ, какія уже не встрѣчаются, но какими еще изобиловалъ нашъ XVIII вѣкъ; такія только натуры годятся въ піонеры цивилизаціи и такихъ требовало тогда время. Но Яковкинъ былъ скорѣе практическою, чѣмъ теоретическою натурою; наука съ ея идеальными требованіями давно была забыта имъ; она и невозможна была въ то время въ нашей провинціи. Если мы порой и встрѣчаемъ въ Яковкинѣ кое-какія научныя поползновенія, то они имѣютъ чисто практическій характеръ или являются только изъ приличія. Яковкинъ весь преданъ администраціи; въ дѣйствительности онъ только одинъ управляетъ университетомъ и слова Яковкина въ письмахъ его къ Румовскому, отправляемыхъ еженедѣльно (почта ходила тогда въ Петербургъ разъ въ недѣлю) для попечителя— verba magistri. Румовскій или самъ разрѣшаетъ частное представленіе Яковкина, или сдѣлавъ выписку изъ письма его, вноситъ ее на разрѣшеніе Главнаго Правленія Училищъ. Это конечно патріархально, но другаго управленія не было и совѣтъ, состоявшій изъ профессоровъ, очень часто не зналъ того, о чемъ ходатайствовалъ директоръ. Эти письма Яков-

престарѣлому дѣдушкѣ Чистопольскому протопопу"; Балясниковъ назначается въ Тамбовъ „для призрѣнія сиротѣющихъ двухъ малолѣтнихъ своихъ сестеръ", а Перевощиковъ въ Пензу „для присмотру близь находящейся маленькой наслѣдственной деревушки" (17 іюля, 1806 года). Но за то, когда тотъ же Балясниковъ вздумалъ было хлопотать о томъ, чтобъ его оставили при университетѣ въ званіи кандидата, Яковкинъ оказалъ неуступчивость: „жесткость его характера и примѣтная даже нынѣ напыщенность, необходимо требуютъ, писалъ онъ къ Румовскому, чтобъ его хорошенько выполировали самыя обстоятельства общежительныя въ губернскомъ училищѣ" (27 ноября, 1806 года). Яковкинъ располагалъ къ себѣ студентовъ и заступничествомъ своимъ за нихъ передъ профессорами, оказавшимися черезъ чуръ строгими. Подвергается, напр. особому экзамену студентъ Графъ, но экзаменаторамъ „вмѣсто потребнаго поощренія и одобренія, по особливымъ и имъ только извѣстнымъ намѣреніямъ, пишетъ Яковкинъ, что-то заблагоразсудилось нарочно его сбивать, такъ что милой сей молодой человѣкъ впадаетъ въ уныніе, не взирая на мои отечественныя и начальническія увѣщанія и увѣренія" (23 октября, 1806 г.). Онъ оставляетъ этого Графа при университетѣ „по тихому и скромному его характеру", что считаетъ онъ важнѣе его достаточныхъ познаній въ наукахъ и искусствахъ.

Всѣ подобныя отношенія были совершенно возможны въ то блаженное время, когда молодаго человѣка влекло въ университетъ идеальное стремленіе, не къ наукѣ и знанію конечно въ ихъ строгомъ смыслѣ, а къ общему образованію. Тутъ никакъ не могло быть тяжелыхъ и очерствляющихъ человѣка заботъ о кускѣ хлѣба, о желаніи узнать ту или другую спеціальность, которая вслѣдствіе требованій развивающейся государственной жизни, обезпечитъ ему въ будущемъ этотъ желанный кусокъ хлѣба, для достиженія котораго всѣ средства иногда являются хорошими. Жизнь не ставила еще тяжелыхъ требованій, которымъ нужно было удовлетворить такъ или иначе, а самъ Яковкинъ не имѣлъ никакого понятія объ университетской наукѣ и жизни. Это былъ исключительно педагогъ; дальше гимназіи онъ не шелъ. Она, по его мнѣнію, была „камнемъ испытанія и искушенія для педагога: въ ней можно было только испытать на педагогѣ латинскую поговорку: Hic Rhodos, hic salta!" (4 сент.

1806 г.). На университетъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія, возможной только въ то время и въ его положеніи: онъ былъ увѣренъ, что университетъ долженъ дать молодому человѣку, въ него вступившему, общее образованіе или представленіе о всемъ кругѣ человѣческаго знанія. „Дабы студентамъ нашимъ доставить хотя краткое познаніе о всецѣломъ ходѣ наукъ, писалъ Яковкинъ къ Румовскому (14 авг. 1806 года), не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству *пригласить какого добраго энциклопедиста*, поелику даже и сами студенты меня просили представить о семъ на начальственное благоусмотрѣніе“. Впрочемъ Яковкинъ имѣлъ основаніе: нѣчто подобное читалось въ XVIII вѣкѣ въ Московскомъ университетѣ.

Преподаваніе носило весьма неопредѣленный характеръ; о какой либо спеціальности и думать было нечего, при слишкомъ незначительномъ числѣ профессоровъ на первыхъ порахъ существованія университета. Съ лекціи, гдѣ разбирались стилистическія красоты Ломоносовской оды, студенты шли слушать теорію гальванизма; отъ объясненій на Овидія переходили къ тригонометрическимъ задачамъ, съ германскаго права шли на ботаническія лекціи Студенты „учились по немногу, чему нибудь и какъ нибудь“. Когда нѣкоторые нѣмецкіе профессора, пріѣхавшіе въ Казань изъ страны, гдѣ и въ нравахъ общественныхъ давно существовало строгое отношеніе къ наукѣ, заявили было и у насъ болѣе серьезныя требованія,—они не нашли сочувствія и ничего не добились. Легкій взглядъ на университетскую науку господствовалъ всюду и нельзя думать, чтобъ Яковкинъ съ своимъ заступничествомъ за студентовъ, съ глядѣньемъ сквозь пальцы на ихъ успѣхи, слѣдовалъ только заранѣе составленной системѣ и искалъ такими средствами популярности и любви между молодежью. Жизнь давалась тогда гораздо легче чѣмъ теперь; карьера служебная составлялась легко, незначительными средствами. И образованіе вообще носило характеръ эстетическій, почему и самые нравы молодежи были гораздо мягче и податливѣе. Существовавшія тогда историческія условія общественной жизни съ своей стороны благопріятствовали этому внѣшнему эстетическому лоску: извѣстно, что и въ Америкѣ рабовладѣльческіе штаты отличались передъ другими внѣшнимъ лоскомъ и изящностію, любовью къ искусству и вообще къ красивымъ фор-

мамъ жизни. И у насъ, въ ту пору, юноши щеголяли внѣшнею изящностью, манерами и свѣтскостью Пастораль напоминаютъ эти нравы. Наука принимала невинныя формы: считалось научнымъ занятіемъ веселое бѣганье за бабочками или жучками по лугамъ, окружающимъ Казань или писанье наивно - дѣтскихъ стиховъ, составлявшихъ потомъ репутацію молодаго человѣка. Интересы искусства являлись въ видѣ сценическихъ представленій, которыя всегда, за неимѣніемъ другихъ, высшихъ, такъ заманчиво увлекаютъ молодежь и вообще людей мало развитыхъ, въ видѣ немудренаго исполненія легкой музыкальной пьесы, русской пѣсни, романса. Жилось весело и безпритязательно. Яковкинъ, посреди этой наивной молодежи, являлся чѣмъ то въ родѣ патріарха, отцемъ между дѣтьми (онъ самъ писалъ къ Румовскому, что жена его питаетъ материнскія чувства къ студентамъ). Любилъ онъ устраивать тутъ, въ кругу этой молодежи, незатѣйливые праздники: „23 числа февраля, какъ приснопамятный день основанія университета, пишетъ онъ, въ вечеру студенты, въ той-же самой залѣ, въ коей они за годъ отдѣлены отъ учениковъ, *составили домашній патріаршій концертъ*, на который приглашены были и университетскіе чиновники, а студенты угощаемы были чаемъ и нѣкоторыми не столь дорогими закусками“; „12-й же день марта (день восшествія на престолъ), какъ начало всемилостивѣйшихъ монаршихъ щедротъ и благотвореній къ просвѣщенію народа, нужнымъ я почелъ также почтить съ вечера всенощною, а въ тотъ день въ вечеру *концертомъ* же, на который билетами приглашены были всѣ университетскіе чиновники, также академическіе и народныхъ училищъ начальники, а изъ постороннихъ званы только статскій совѣтникъ *Герженъ* съ женою, предсѣдатель уголовной палаты *Сокольской*, подполковникъ *Страховъ* и гвардіи прапорщикъ *Есиповъ*, какъ любители, защитники и споспѣшествователи учености и полезныхъ знаній“ (письмо 13 марта, 1806 года). День 30 августа празднуется тоже „домашнимъ патріаршескимъ концертомъ и раздачею студентамъ и питомцамъ нѣкоторыхъ не дорогихъ овощей, арбузовъ и яблоковъ“ (письмо 4 сентября 1806 года). День коронаціи празднуется также „концертомъ съ домашнею вокальною музыкою“ и раздачею овощей (письмо 18 сент. 1806 года). Въ Троицынъ день, въ саду Тенищевскомъ (принадлежащемъ къ одному

изъ домовъ, вошедшихъ въ составъ университетскаго зданія и теперь уже не существующемъ) Яковкинъ „собственною музыкою и своими охотниками пѣвчими“ устроилъ студентамъ *серенады*, на которыя приглашались и университетскіе чиновники (письмо 8 мая, 1806 года).

Особенною торжественностію обставлена была церемонія раздачи воспитанникамъ гимназіи шпагъ, съ чѣмъ соединялось и полученіе званіе студента. Она напоминала собою обряды посвященія въ рыцари. Въ первый разъ шпаги розданы были студентамъ въ день открытія университета самимъ Румовскимъ, съ особеннымъ торжественнымъ обращеніемъ къ молодымъ людямъ, произнесеннымъ по этому случаю Яковкинымъ. На другой годъ нѣкоторые изъ профессоровъ не желали было дѣлать изъ этой раздачи шпагъ особеннаго торжества и предлагали просто выдать ихъ студентамъ въ залѣ совѣта; но Яковкинъ любилъ парадъ и торжественность обстановки. „Я намѣренъ настоять, писалъ онъ къ попечителю (12 іюня 1806 года), чтобъ обрядъ сей учинить въ публичномъ собраніи, чѣмъ онъ будетъ важнѣе и величественнѣе“. Вотъ почему Яковкинъ всегда старался какъ можно краснорѣчивѣе описывать свои торжественныя собранія въ письмахъ къ Румовскому. Не разъ встрѣчаемъ мы въ этихъ описаніяхъ знаменитую стереотипную фразу: „Многіе изъ соприсутствовавшихъ, даже и изъ мущинъ, проливали слезы радости“ (письмо 11 іюля 1805 года). Правда Яковкинъ иногда жалуется, что „публика казанская на посѣщенія столько скупа, что кажется и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники“ (письмо 20 іюля 1805 года), но на простыя и непосредственныя натуры того времени, инстиктивно привыкшія смотрѣть на ученіе и науку съ уваженіемъ сердечнымъ, наивная торжественность публичныхъ актовъ гимназіи и университета дѣйствовала возбуждающимъ образомъ. Такъ книгопродавецъ *Акоховъ,* „бывши у насъ на концертѣ, пишетъ Яковкинъ (13 марта 1806 года), столько былъ растроганъ успѣхами учащихся, что объявилъ мнѣ намѣреніе прислать въ Казанскій университетъ разныхъ учебныхъ и нравственныхъ книгъ въ переплетѣ на 300 рублей, что и сегодня подтвердилъ, и я увѣренъ, что онъ сдержитъ свое слово“. Намъ неизвѣстно, сдержалъ ли Акоховъ свое слово, но это было единственное въ первые годы существованія

университета пожертвованіе въ его пользу, или по крайней мѣрѣ искреннее сочувствіе къ нему.

Въ такихъ разнообразныхъ, по большей части житейскихъ отношеніяхъ, представляется намъ личность перваго и самаго главнаго дѣятеля въ Казанскомъ университетѣ. Мы сказали, что съ дѣятельностію Яковкина на нѣсколько лѣтъ сливается совершенно первоначальная судьба этого учрежденія и не разъ еще, въ теченіи нашего повѣствованія, придется имѣть съ нимъ дѣло, не разъ станемъ мы касаться его въ высшей степени живой натуры, особенно въ его отношеніяхъ къ профессорамъ сослуживцамъ. Посмотримъ теперь, какъ попалъ Яковкинъ въ профессоры. Единственная возможность русскому ученому въ ту пору сдѣлаться удовлетворительнымъ профессоромъ, такимъ, которому не чужда бы была организація университетовъ и значеніе науки, въ ней преподаваемой, заключалась въ томъ, чтобъ пройти школу Московскаго университета. Яковкинъ былъ лишенъ этого пути; его образованіе и развитіе шло совершенно по другой дорогѣ; онъ вовсе не понималъ университетской науки и былъ приготовленъ къ другому, именно къ педагогическому поприщу. Этому непониманію требованія университетской жизни, при самоувѣренности, развитой въ немъ исключительнымъ положеніемъ и довѣріемъ начальства, надобно приписать по большей части всѣ столкновенія его съ членами университетскаго совѣта и его легкій взглядъ на университетъ.

Яковкинъ родился въ 1764 году въ селѣ Богоявленскомъ бывшаго Обвенскаго заказа или уѣзда (городъ Обвинскъ, нынѣ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи, переименованный такъ въ 1781 году изъ села Язвенскаго при рѣчкѣ Язвѣ, впадающей въ Обву, уже въ царствованіе Александра I сдѣлался заштатнымъ). Яковкинъ называлъ себя поэтому пермякомъ и постоянно поддерживалъ сношенія съ родиною; какъ пермякъ, онъ былъ лично извѣстенъ и богатому владѣльцу тѣхъ мѣстъ графу Строганову. Управляющій послѣдняго былъ родственникомъ Яковкину и чрезъ него онъ выписывалъ на соляныхъ и желѣзныхъ Строгановскихъ судахъ, для начинающагося ботаническаго сада въ университетѣ, кедры, тополи, лиственницы съ своей родины (письмо къ Румовскому 30 окт. 1806 года). Будучи сыномъ священника, и обучившись первоначально грамотѣ у дяди

своего, игумена Соликамскаго Вознесенскаго монастыря, Яковкинъ 8 лѣтъ поступилъ въ ученики Вятской семинаріи, гдѣ оставался въ теченіе 10 лѣтъ, до 1782 года, пройдя съ большимъ успѣхомъ весь богословскій курсъ [10]. Хотя въ семинаріи новые языки не преподавались, какъ видно изъ аттестата, выданнаго Яковкину, но молодой пермякъ, отличавшійся любознательностію, успѣлъ собственными средствами довольно основательно познакомиться съ языками французскимъ и нѣмецкимъ. Плодомъ этого знакомства, еще въ Вяткѣ, былъ сдѣланный имъ переводъ французской книги, который былъ имъ напечатанъ потомъ: „Исторія Роберта, Герцога Нормандскаго, прозваннаго дьяволомъ; переводъ съ французскаго И. Я. Спб. 1785. 8.“ (Сопиковъ № 4883). Тотчасъ по окончаніи курса въ Вятской семинаріи, Яковкинъ въ ней же сдѣлался учителемъ грамматики россійской, славянской и латинской и географіи, но учительство его продолжалось очень не долго и вскорѣ представилась ему возможность получить болѣе широкое образованіе. На другой годъ, вслѣдствіе Синодскаго указа, онъ былъ вытребованъ въ С.-Петербургъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семинаристовъ изъ разныхъ епархій, въ только что въ 1783 году учрежденное главное народное училище, при которомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Янковича, существовало съ самаго начала педагогическое отдѣленіе, образовавшееся въ 1786 году въ учительскую семинарію [11]. Въ этомъ главномъ народномъ училищѣ и потомъ въ семинаріи Яковкинъ пробылъ шесть лѣтъ, то слушая уроки у разныхъ лицъ и приглашенныхъ академиковъ: математики и физики у Головина, естественной исторіи у Зуева, всеобщей и русской исторіи и географіи у Гакмана (семинарія имѣла два отдѣленія: физико-математическое и историческое), то преподавая въ училищѣ исторію, географію, русскую грамматику

---

(10) *Владимірова*, Истор. Зап. II, 28. *Сухомлиновъ*. Матер. I, 83. Послѣдній авторъ пользовался біографіею (по всей вѣроятности автобіографіею) Яковкина, доставленною митрополиту Евгенію графомъ Хвостовымъ и хранящеюся въ рукописныхъ матеріалахъ для Словаря Евгенія въ Императорской Публичной Библіотекѣ. См. Сборн. Статей по русск. яз. и слов. V, 273.

(11) См. *А. Вороновъ*, Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Округа. Спб. 1849. стр. 20 и 55.

и латинскій языкъ. Въ теченіе этого времени, именно въ 1786 году, Яковкинъ, по экзамену, получилъ званіе *учителя высшихъ разрядовъ*. Съ 1787 года Яковкинъ является преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ придворномъ Пѣвческомъ корпусѣ, а съ 1789 и въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ преподаетъ сверхъ того языки французскій, нѣмецкій и естественную исторію. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ до самаго переселенія Яковкина въ Казань и это преподаваніе въ такихъ видныхъ учебныхъ заведеніяхъ доставило ему извѣстность и связи въ педагогическомъ мірѣ столицы. Очень возможно, что въ теченіе этого времени узналъ Яковкина лично и будущій его начальникъ по университету.

Къ шестнадцатилѣтнему періоду петербургской жизни Яковкина относится и его первоначальная литературная дѣятельность, состоявшая въ учебникахъ по предметамъ, имъ преподаваемымъ и вызванная его связью съ педагогическими учрежденіями Екатерины. Учебники эти имѣли много достоинствъ для того времени; они указывали въ составителѣ ихъ большую практическо-педагогическую опытность, но не имѣли ничего общаго съ наукою, которая требуется на университетской каѳедрѣ. Яковкинъ и не приготовлялся къ профессурѣ; онъ могъ быть превосходнымъ учителемъ, но не годился въ университетскіе преподаватели, для чего нужны совершенно иныя условія. Но Яковкинъ все таки жилъ въ умственныхъ интересахъ, пока оставался въ Петербургѣ; въ Казани онъ пошелъ по другой дорогѣ и все время его здѣсь поглощено исключительно административными заботами. Потомъ, когда ревизія Магницкаго лишила его мѣста въ университетѣ и средствъ къ жизни, уже подъ старость, Яковкинъ снова обращается къ умственному труду, снова печатаетъ: доказательство, что мы имѣемъ дѣло съ живою, крѣпкою натурою, въ которой не заглушены были интересы ума. Въ составленіи учебниковъ руководителемъ Яковкина былъ извѣстный педагогъ Екатерининскаго времени Янковичъ де Мирьево; онъ и разсматривалъ и редактировалъ руководства, составляемыя для народныхъ училищъ при педагогической семинаріи. Первый учебникъ Яковкина по географіи: „Зрѣлище свѣта или всемірное землеописаніе, Спб. 1789. 12°“. Это былъ собственный трудъ Яковкина, краткій учебникъ географіи. Потомъ, какъ руководство для народныхъ училищъ, онъ передѣлывался нѣ-

сколько разъ [12]. По исторіи всеобщей и русской Яковкинъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на хронологію и труды его въ этомъ родѣ представляются таблицами, печатанными въ листъ: „Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ“ (Спб. 1794. 3 л.), тоже древней всемірной исторіи (Спб. 1798 6 л.) и наконецъ— Россійской исторіи (Спб. 1798. 2 л.). Послѣднія двѣ таблицы изданы были въ томъ же году отдѣльною книжкою, которая удостоилась въ 1802 году нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго Шлецеромъ. Это весьма ясное и точное, хотя и краткое, обозрѣніе событій русской исторіи, законченное царствованіемъ Екатерины. Шлецеръ и выбралъ его, какъ точный учебникъ, любопытный для нѣмецкой публики, и хвалитъ его во многихъ отношеніяхъ [13]. Послѣдній учебникъ Яковкина былъ посвященъ новымъ языкамъ: „Словарь французскихъ реченій первообразныхъ и такихъ, коихъ начала во французскомъ языкѣ нѣтъ, или кои отъ своего первообразнаго весьма отдалены, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и россійскимъ переводами и съ показаніемъ грамматическихъ принадлежностей“. Спб 1796. 8°. Трудъ этотъ, въ которомъ авторъ имѣлъ въ виду дѣтей и иностранцевъ, показываетъ въ составителѣ правильное понятіе о филологіи. Яковкинъ предполагалъ издать еще три части для остальныхъ трехъ языковъ, но предпріятіе не пошло далѣе этой книжки.

Намъ неизвѣстны тѣ обстоятельства, которыя заставили Яковкина оставить педагогическую карьеру въ Петербургѣ и искать мѣста въ провинціи Вѣроятно причины этого переѣзда имѣли личный характеръ: увеличеніе семейства и дороговизна столичной жизни, а затѣмъ и перспектива повышенія Возстановляемая гимназія въ Казани имѣла кромѣ того значительныя преимущества, сравнительно съ главными народными училищами Екатерининской коммиссіи и другими тогдашними учебными заведеніями. Въ началѣ 1799 года Яковкинъ получилъ мѣсто учителя историческихъ и географическихъ наукъ въ Казанской гимназіи и съ тѣхъ

(12) См. тамъ-же. стр. 68. Тутъ-же указанъ и трудъ Яковкина по всемірной исторіи, но на сколько онъ принималъ въ немъ участіе— неизвѣстно.

(13) Сухомлиновъ, Матер. I, 84—85.

поръ его педагогическая карьера быстро пошла впередъ. Умѣя заслужить благорасположеніе нѣсколькихъ попечителей гимназіи, тогдашнихъ казанскихъ губернаторовъ, которые въ Павловское время такъ быстро смѣнялись одинъ другимъ, будучи и опытнѣе и умнѣе и директоровъ и своихъ сослуживцевъ, Яковкинъ вскорѣ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гимназіи. Въ 1802 году онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ и почти постоянно исправляя должность главнаго надзирателя и директора, онъ назначенъ былъ, по увольненіи Лихачева, 16 ноября 1804 года правящимъ должность директора гимназіи, но при этомъ, соединяя въ въ себѣ три или даже четыре должности: главнаго надзирателя, инспекторскую въ гимназіи, а потомъ и инспекторскую надъ казенными студентами и директорскую, Яковкинъ долженъ былъ отказаться отъ учительства. „Четыре нынѣшнія мои должности неминуемо требуютъ особеннаго развлеченія по разнымъ частямъ ихъ, писалъ онъ Румовскому (21 ноября 1804 года); тягостнѣе всего мнѣ должность главнаго надзирателя, обязывающая, какъ возможно чаще осматривать комнаты и посѣщать питомцевъ, между тѣмъ какъ должность директорская требуетъ видѣться съ ними рѣже для надлежащаго внушенія имъ уваженія къ сему званію“. Но увольненіе отъ должности учителя было не совсѣмъ пріятно Яковкину и „привычка бесѣдовать съ образуемымъ юношествомъ“ заставила его просить Румовскаго дозволить ему остаться и учителемъ. Надобно думать, что Яковкинъ въ этомъ случаѣ былъ искрененъ и не одна забота о сохраненіи лишняго оклада руководила имъ; денежныя награды получалъ онъ и въ это время и потомъ довольно часто.

Былъ ли Яковкинъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ Румовскому—мы не знаемъ, но въ Казанской гимназіи въ началѣ іюня 1804 года произошло событіе, хотя и весьма обыкновенное въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, но по послѣдствіямъ своимъ и по принадлежности нѣкоторыхъ пострадавшихъ тогда воспитанниковъ къ лучшему казанскому обществу, надѣлавшее шуму не только въ Казани, но и въ Петербургѣ. То были безпорядки, произведенные старшими воспитанниками, или, какъ выражается историкъ гимназіи, „возмущеніе“, кончившееся увольненіемъ отъ должности тогдашняго директора Лихачева. Источникъ этихъ безпорядковъ лежалъ прежде всего въ неумѣлости началь-

ства, допустившаго въ гимназіи такія явленія, которыя необходимо должны были возмутить чувства и сердца лучшихъ воспитанниковъ; ни въ чемъ нельзя обвинить ихъ, кромѣ благороднаго порыва молодаго сердца, хотя и выраженнаго въ нѣсколько рѣзкой формѣ ([14]). Инспекторъ Яковкинъ своими дѣйствіями и распоряженіями въ то время, какъ директоръ Лихачевъ совершенно растерялся и постыдно, заднимъ ходомъ, бѣжалъ изъ гимназіи, уже тогда заслужилъ особенное вниманіе начальства. „Не могу преминуть, писалъ Румовскій въ совѣтъ гимназіи (14 іюля 1804 года, № 108), чтобы г. инспектору Яковкину не изъявить особливой благодарности, который, какъ усматриваю изъ слѣдствія, наиболѣе споспѣшествовалъ благоразуміемъ своимъ къ успокоенію волнующихся воспитанниковъ". Тогда же, по общему согласію всѣхъ членовъ совѣта, поручена была Яковкину и должность главнаго надзирателя гимназіи, вмѣсто уволеннаго слабаго и стараго нѣмца фонъ-Фишера. Яковкинъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ. Умѣлъ онъ заслужить благорасположеніе и любовь воспитанниковъ не только своею доступностью и педагогическимъ тактомъ, но даже заботами о столѣ гимназистовъ. Къ числу разныхъ, по большей части странныхъ нововведеній Лихачева, должно отнести и постный столъ, введенный имъ даже въ лѣтніе посты. Яковкинъ, тотчасъ же по вступленіи въ должность директора, представилъ по начальству о дозволеніи возвратиться къ прежнему мясному столу. „Казань, почитаемая вообще рыбнымъ мѣстомъ, писалъ онъ Румовскому (21 ноября 1804 года) лѣтомъ и осенью столько бываетъ бѣдна рыбою (разумѣя живую, свѣжую и для воспитанія дѣтей здоровую), что часто, за недостаткомъ ея, принуждены бывали

([14]) Событіе довольно подробно описано Аксаковымъ. См. Семейная Хроника и Воспоминанія, стр. 343—347. Старческая память писателя удивительно вѣрно сохранила образы и воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ. Познакомившись съ подлиннымъ дѣломъ о безпорядкахъ, мы можемъ сказать, что за исключеніемъ именъ множества дѣйствовавшихъ тогда лицъ, общій характеръ и содержаніе происшествія переданы вполнѣ точно. Владиміровъ не читалъ подлиннаго дѣла; это видно изъ того, что главнаго виновника происшествій, квартермистра Михайлова онъ называетъ Волковымъ (Ист. Зап. I, 44) и ограничивается только пересказомъ того, что записалъ Аксаковъ.

кормить питомцевъ кушаньями изъ фруктовъ, и особливо изъ черносливу“. Умѣлъ Яковкинъ внушить къ себѣ довѣріе начальства заботами о сохраненіи казеннаго интереса и тѣми энергическими и настойчивыми дѣйствіями, которыми онъ принуждалъ своего предшественника по директорству Лихачева, запутавшаго экономическую часть гимназіи и вообще счеты, къ формальной сдачѣ должности, что длилось почти два года. Жалуясь на трудность возложенныхъ на него должностей, Яковкинъ умѣлъ вообще ловко выказать предъ начальствомъ свою разнообразную и въ самомъ дѣлѣ пеструю дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь на порядки, существовавшіе до него. „Слабость прежнихъ начальниковъ, писалъ онъ (29 мая 1805 года) весьма много разстроила должную подчиненность и повиновеніе“; или „разстроиваемая должная подчиненность и оказываемое къ тому одобреніе опровергнутъ за собою и весь законный порядокъ“ и проч. Эти и подобныя имъ фразы, такъ часто встрѣчающіяся въ письмамъ Яковкина, выставляли его передъ начальникомъ человѣкомъ твердой воли и необходимымъ. „Великое благодѣяніе, сіятельнѣйшій графъ, писалъ Румовскій изъ Казани, куда онъ пріѣхалъ для основанія университета, къ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому, оказать изволили избраніемъ Яковкина къ правленію должности директорской; желалъ бы я, чтобъ всѣ директоры училищъ толико достойны были званія. Для большаго его уваженія осмѣлился я провозгласить его директоромъ гимназіи и имѣю причину ласкать себя надеждою, что сіе переименованіе, къ пользѣ гимназіи клонящееся, не вмѣнится мнѣ въ дерзновеніе, поелику онъ по всей справедливости достоинъ сего названія и оно не принесетъ ни малѣйшаго казнѣ ущерба“. Пребываніе Румовскаго въ Казани и личное знакомство его съ Яковкинымъ еще болѣе усилило значеніе послѣдняго и придало ему нѣкотораго рода полномочіе. Въ декабрѣ же 1804 года, такъ какъ съ начала будущаго года предполагалось непремѣнно открыть Казанскій университетъ, и сумма на содержаніе его была уже ассигнована Государственнымъ Казначействомъ, Яковкинъ, по представленію Румовскаго, назначенъ былъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики Россійской Имперіи, какъ „оказавшій знанія свои изданными сочиненіями, до сего предмета касающимися“. Какъ старшій профессоръ

университета и директоръ гимназіи, онъ становился такимъ образомъ въ главѣ обоихъ учрежденій, дѣлался предсѣдателемъ совѣта и конторы, завѣдывающихъ учебною и экономическою частію обоихъ, слитыхъ въ одно учрежденій, а, какъ пользующійся довѣріемъ начальства, становился вполнѣ самовластнымъ распорядителемъ всего.

Въ половинѣ января 1805 года Румовскій далъ предписаніе конторѣ Казанской гимназіи объ очищеніи и о протапливаніи надлежащимъ образомъ въ нижнемъ этажѣ гимназическаго дома комнатъ, означенныхъ на планѣ № 8 и кладовой № 7. Онъ ѣхалъ основывать университетъ и въ Казани, конечно главнымъ образомъ только между лицами принадлежащими къ педагогическому міру и между учащеюся въ гимназіи молодежью, появились различныя неопредѣленныя надежды и ожиданія. Аксаковъ передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ молодыя чувства, которыя волновали его и его товарищей, ждавшихъ, что передъ ними раскроется вдругъ, какъ бы по знаку волшебника, безконечный міръ науки и знанія и та свободная, полная молодаго пыла и восторговъ, товарищеская жизнь студентовъ, гдѣ рядомъ съ полнотою жизни, стоятъ идеальныя, чистыя стремленія. „Прекрасное, золотое время! говоритъ онъ, время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!" (15). Не съ такими чувствами ѣхалъ конечно старикъ Румовскій; его поѣздка была для него исполненіемъ служебнаго долга. Почти сорокъ лѣтъ не выѣзжалъ онъ изъ Петербурга и не видалъ внутренней Россіи со времени своихъ поѣздокъ для астрономическихъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ прошло два царствованія; перемѣны въ народномъ бытѣ, выдержавшемъ нѣсколько историческихъ испытаній, должны были быть значительными и Румовскій замѣтилъ ихъ, но къ сожалѣнію съ исключительной только точки зрѣнія. „Дважды отъ академіи отправляемъ я былъ въ путешествія для наблюденія Венеры въ солнцѣ, писалъ онъ изъ Казани графу Завадовскому, въ первый разъ въ 1761 году въ Селенгинскъ, а другой разъ въ

(15) Сем. Хрон. и Воспом. стр. 352.

1769 году въ Колу; въ первое путешествіе точно слѣдовалъ тѣмъ путемъ, которымъ нынѣ слѣдовалъ, но по причинѣ избитой дороги и *перемѣны мыслей народа* испыталъ я несравненно большія въ пути затрудненія, нежели въ 1761 году, такъ что одну повозку долженъ бросить на дорогѣ, а здѣсь принужденнымъ себя нахожу купить новыя, отчего *путевые расходы такъ увеличились, что едва въ состояніи буду исправиться пожалованными на путешествіе мое деньгами.* Сверхъ того на пути за малѣйшую починку долженъ я былъ платить неимовѣрную плату; за приколачиваніе каждаго гвоздя нужда заставляла меня платить по десяти копѣекъ, а числа оныхъ, поспѣшая путемъ, и вспомнить не могу и за одинъ только входъ въ крестьянскую избу, во время перемѣны лошадей, должно было хозяину дѣлать воздаяніе, чего въ прежнія путешествія и слышать мнѣ не случалось. Толь великая въ гостепріимствѣ народа послѣдовала перемѣна!".

Основаніе университета совершилось довольно просто, безъ особеннаго торжества. Румовскій пріѣхалъ въ Казань 13 февраля, и на другой день созвалъ въ собраніе тѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые были или назначены прежде или услыхали о назначеніи своемъ въ этомъ самомъ собраніи. Секретарь совѣта и учитель гимназіи, Левицкій привѣтствовалъ попечителя рѣчью, текстъ которой не дошелъ до насъ. Вслѣдъ за этимъ Румовскій прочиталъ собранію утвердительную грамоту университета, передалъ ее, вмѣстѣ съ подлиннымъ уставомъ для храненія, и объявилъ о назначеніи Яковкина профессоромъ, а четырехъ учителей гимназіи адъюнктами по разнымъ предметамъ. „Все собраніе, говорится въ оффиціальномъ описаніи основанія университета ([16]), приведено было въ восхищеніе безпримѣрными щедротами монарха и *неожидаемымъ* (напеч. особеннымъ) благорасположеніемъ начальства къ награжденію знаній и заслугъ". Яковкинъ говорилъ отъ лица собранія благодарственную рѣчь и за тѣмъ, по приказанію попечителя, прочелъ изъ устава статьи о должностяхъ профессоровъ и адъ-

---

([16]) Період. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XII, стр. 523. Тоже описаніе, съ нѣкоторыми дополненіями и различіями, сохранилось въ современномъ листкѣ, напечатанномъ въ Казани.

юнктовъ, которые тогда же приведены были Румовскимъ къ присягѣ на новую службу университету. За тѣмъ собраніе закрыто. Такъ положено было начало основанію (но не открытію, которое послѣдовало чрезъ девять лѣтъ) Казанскаго университета и день 14 февраля долго поминался въ немъ торжественными собраніями, какъ начало университетской дѣятельности.

Чрезъ недѣлю, въ теченіе которой происходилъ не по экзамену однако, а на основаніи прилежанія, выборъ желающихъ и достойныхъ носить званіе студента изъ учениковъ гимназіи, наводились разныя справки и велась переписка съ родителями о ихъ согласіи, 22 февраля, въ присутствіи попечителя, въ большой гимназической залѣ, Яковкинъ, какъ правящій должность директора, вызвалъ по списку назначенныхъ учениковъ, прочелъ имъ изъ грамоты и устава статьи объ обязанностяхъ студентовъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые должны составлять педагогическій институтъ, и о ихъ привиллегіяхъ, и привѣтствовалъ, какъ ихъ, такъ и оставшихся въ гимназіи учениковъ, которымъ ставилъ первыхъ въ примѣръ, краткою рѣчью. Онъ призывалъ „со временемъ возблагодарить отечеству знаніями и добрыми сердцами; монарху—воздать достойнымъ и непостыднымъ служеніемъ; общежитію—всѣми похвальными гражданскими добродѣтелями". Нѣкоторые изъ выбранныхъ въ студенты показали при этомъ случаѣ свои таланты: Кондыревъ и А. Панаевъ привѣтствовали Румовскаго стихами, Перевощиковъ поднесъ ему свои упражненія въ стихахъ, а Поповъ опыты искусства рѣзьбы на кости. Попечитель былъ очень доволенъ и въ заключеніе самъ сказалъ студентамъ наставленіе, объясняя имъ цѣль воспитанія и обязанности. Всего выбранныхъ студентовъ было 33, изъ которыхъ 26 человѣкъ были казенными воспитанниками; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ нимъ прибавилось еще 8 человѣкъ ([17]). Студенты были помѣщены въ отдѣльныя отъ учениковъ гимназіи ком-

---

([17]) Списки этихъ первыхъ студентовъ, кромѣ современнаго листка, напечатаны: 1) въ Період. Соч. № XII, стр. 521, 2) у Аксакова, стр. 353 и 3) у Владимірова, II. 7—8. Въ настоящее время (мартъ 1875 года) мы знаемъ, что есть еще въ живыхъ единственный изъ этого списка: это престарѣлый членъ Академіи Наукъ Д. М. Перевощиковъ.

наты; ихъ одѣли иначе и пищу стали давать другую. Лекціи должны были начаться 24 февраля. Румовскій тотчасъ же возвратился въ Петербургъ. Такъ, въ небольшомъ зародышѣ, возникалъ новый молодой міръ студентовъ, безъ сомнѣнія полный искренняго рвенія и свѣтлыхъ надеждъ, какъ все свѣжее и живое въ тогдашнемъ возбужденномъ обществѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Самое слово университетъ соединяло съ собою широкую перспективу для ума и жизни; радугой рябило въ глазахъ.

Познакомимся теперь съ тѣми, на долю которыхъ выпалъ завидный и высокій жребій удовлетворить надеждамъ юношей и ихъ въ ту пору безкорыстнымъ порывамъ къ знанію.

Первымъ, по времени опредѣленія, профессоромъ Казанскаго университета является ученый иностранецъ *Цеплинъ* (русское имя его было Петръ Андреевичъ). О первоначальной его жизни, а равно и о томъ была ли у него какая либо ученая и литературная дѣятельность до переѣзда въ Россію, къ сожалѣнію мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, за недостаткомъ, почти только въ отношеніи къ нему, подлинныхъ документовъ. Извѣстно только, что Цеплинъ былъ мекленбургскій уроженецъ, что учился онъ въ университетахъ Ростокскомъ и Геттингенскомъ, что въ 1801 году онъ получилъ степень доктора философіи, но печатнаго сочиненія его по этому поводу не знаемъ. Цеплинъ былъ принятъ на службу Румовскимъ еще въ февралѣ 1804 года для преподаванія всеобщей исторіи въ Казанскую гимназію, съ тѣмъ условіемъ, что онъ по открытіи университета, перейдетъ въ него ординарнымъ профессоромъ этого предмета. По основаніи университета, Цеплинъ настаивалъ на своемъ старѣйшинствѣ и требовалъ, чтобъ имя его, въ спискѣ чиновъ, стояло первымъ; этому онъ давалъ большое значеніе. По русски онъ зналъ весьма немного; мнѣнія его и бумаги, подаваемыя въ совѣтъ, а равно и письма его къ Румовскому, по разнымъ случаямъ, были писаны имъ по латыни или по нѣмецки. Яковкинъ свидѣтельствуетъ, что посѣщая историческій классъ Цеплина въ гимназіи неоднократно, по отвѣтамъ учениковъ и по „партикулярнымъ“ распросамъ его

самаго, онъ убѣдился, что ученики Цеплина понимаютъ его хорошо: на сколько справедливы были его слова въ этомъ случаѣ намъ неизвѣстно ([18]).

Если мы ничего не знаемъ объ ученыхъ заслугахъ Цеплина и о его преподаваніи, кромѣ программъ, то личность его, какъ человѣка и какъ члена совѣта раждающагося университета, намъ довольно подробно извѣстна по сохранившимся архивнымъ документамъ. Это былъ самый непримиримый, ожесточенный врагъ Яковкина, столкнувшійся съ нимъ на первыхъ засѣданіяхъ совѣта и надѣлавшій ему въ первые два года службы своей въ университетѣ очень много непріятностей. Но и Яковкинъ не пропускалъ ни одного, даже самаго пустаго повода, чтобъ выставить Цеплина въ неблагопріятномъ свѣтѣ передъ начальствомъ. „Съ особеннымъ сердечнымъ прискорбіемъ замѣтилъ я, пишетъ онъ къ попечителю, да и наибольшая часть публики взяла на замѣчаніе, что г. Цеплинъ пришелъ уже въ собраніе (университетскій актъ) подъ конецъ большой нѣмецкой рѣчи, спустя два часа послѣ назначенныхъ къ началу собранія четырехъ часовъ по полудни" (11 іюля, 1805 года). Онъ доводитъ до свѣдѣнія начальства и о томъ, что Цеплинъ въ высокоторжественный день 30 августа протѣснился напередъ всѣхъ въ соборѣ въ сюртукѣ и имѣлъ по этому поводу непріятное столкновеніе съ вицегубернаторомъ; что вычетъ изъ жалованья одного процента на госпиталь „сопровождается крайнѣйшимъ со стороны гг. Цеплина и Германа роптаніемъ"; „прискорбно ему также слышать разносимые по городу гг. Цеплинымъ и Германомъ особливо, *слухи о военныхъ, особенную грусть наводящихъ происшествіяхъ* (по времени письма эти слухи относились къ пораженію при Аустерлицѣ), о коихъ будто бы, послѣднему пишутъ прямо изъ Берлина . . . Я опасаюсь, заключаетъ Яковкинъ, что рано или поздно кто нибудь здравомыслящій, услышавъ таковыя новости и засвидѣтельствовавъ о нихъ присутствующимъ, нанесетъ имъ многія непріятности, законами

([18]) Замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ Аксакова не сохранилась ни личность, ни уроки Цеплина. Онъ упоминаетъ только его имя (стр. 350) и ошибается, что Цеплинъ и Германъ пріѣхали въ Казань вмѣстѣ съ Румовскимъ. Первый пріѣхалъ раньше, а второй—послѣ основанія университета.

предписываемыя за несправедливыя разглашенія“ и проч. По какимъ то причинамъ, весьма темнымъ, мальчикъ, служившій по найму у Цеплина бѣжалъ отъ него; Цеплинъ требуется для объясненія въ совѣстный судъ; университетъ, хотя и основанъ, но не открытъ еще, а потому Яковкинъ полагаетъ, что Цеплинъ не можетъ пользоваться привиллегіями, дарованными уставомъ профессору, т. е правомъ суда университетскаго и посылаетъ его въ общій судъ. По словамъ Яковкина—Цеплинъ „главный, высокій крикунъ“ въ совѣтѣ, человѣкъ „безпокойнаго и дерзкаго характера“, „споры его безпрерывны, крикъ нестерпимъ“; „поборники его надѣются на него, какъ на каменную стѣну“ и Яковкинъ настаиваетъ и утверждаетъ передъ начальствомъ, что „потребная тишина и порядокъ дотолѣ въ совѣтѣ не водворятся, доколѣ Цеплинъ будетъ въ немъ имѣть голосъ“ (27 ноября, 1806 года). Кажется, что эта бурная совѣтская дѣятельность, содержаніемъ которой была борьба съ самовластіемъ Яковкина и съ которой мы познакомимся при дальнѣйшемъ изложеніи, поглощала все время Цеплина въ первые полтора года существованія университета. Никакихъ слѣдовъ, кромѣ простыхъ указаній на пройденное изъ его предмета, не осталось и отъ преподаванія Цеплина; лекціи его вполнѣ неизвѣстны. Борьба съ Яковкинымъ кончилась однако для Цеплина весьма неудачно: въ концѣ уже 1806 года онъ былъ не только удаленъ изъ совѣта, по настоянію Яковкина, но и принужденъ былъ выдти въ отставку. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1813 году, при другомъ попечителѣ, Цеплинъ снова поступилъ въ Казанскій университетъ профессоромъ по другой каѳедрѣ, а именно дипломатики и политической экономіи; въ 1814 году, по открытіи университета, Цеплинъ былъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ.

Казанская гимназія, при самомъ основаніи университета, доставила ему четырехъ преподавателей-адъюнктовъ, трехъ русскихъ: Карташевскаго, Левицкаго и Запольскаго (всѣ трое воспитанники Московскаго университета) и одного нѣмца Эриха. Всѣ они болѣе или менѣе, и въ жизненныхъ своихъ отношеніяхъ, и какъ преподаватели, обрисованы въ воспоминаніяхъ Аксакова Кромѣ того они извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ: Румовскій, передъ самымъ основаніемъ университета, обратился къ Яковкину

за свѣдѣніями о всѣхъ четырехъ, ему какъ директору конечно хорошо извѣстныхъ въ качествѣ преподавателей и тотъ сообщилъ эти свѣдѣнія „со всѣмъ должнымъ безпристрастіемъ“, увѣряя Румовскаго, что имъ „довѣренность начальства почитаема была всегда, яко священный залогъ, и исполняема пребудетъ съ благоговѣйною правотою, дабы въ противномъ случаѣ не быть безотвѣтну передъ Сердцевѣдцемъ, вся сокровенная испытующимъ, и не подпасть проклятію, которое назначается творящему дѣло Божіе съ небреженіемъ“. Отзывы Яковкина, мы убѣдились въ томъ, вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности.

Григорій Ивановичъ *Карташевскій*, воспитанникъ Московскаго университета, весьма подробно и съ разныхъ сторонъ, какъ въ высшей степени привлекательная личность и по уму, и по характеру, и по образованію общему и научному, изображенъ въ воспоминаніяхъ Аксакова, сообщившаго о немъ обстоятельныя свѣдѣнія ([19]). Не одна привязанность ученика къ любимому учителю, не одно родственное чувство (Карташевскій женился потомъ на сестрѣ Аксакова) водили перомъ его. Не говоря о внутренней правдѣ, которая невольно чувствуется во всей характеристикѣ Аксакова, мы имѣемъ подтвержденіе этой правды и въ другихъ современныхъ документахъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Карташевскаго во время его, къ сожалѣнію, весьма кратковременнаго служенія Казанскому университету. Возьмемъ сухой, оффиціально-канцелярскій отзывъ Яковкина, человѣка потомъ лично не расположеннаго къ Карташевскому и бывшаго главною причиною почему онъ уже въ концѣ 1806 года принужденъ былъ оставить свою службу въ университетѣ. „Г. Карташевскій, пишетъ онъ къ Румовскому, въ знаніи всѣхъ частей математики, а особливо чистой высшей, отличенъ какъ по счастливымъ дарованіямъ своимъ, такъ и по продолжаемому всегда старанію усовершать все оное чтеніемъ и опытностію, въ чемъ свидѣтельствуюсь представленными отъ него, какъ уповаю, Вашему Превосходительству на благоразсмотрѣніе, основаніями математики, преподаваемой имъ въ здѣшней гимназіи съ самаго ея открытія донынѣ чрезъ пять лѣтъ съ половиною всегда съ неослаб-

---

([19]) Сем. Хроника стр. 331—335 и во многихъ мѣстахъ сочиненія.

нымъ прилежаніемъ; поведеніе его до нынѣ было благородно. Языки знаетъ хорошо латинскій, французскій и нѣмецкій". Хотя мы не имѣемъ ни одного печатнаго сочиненія Карташевскаго, но изъ вышеприведенныхъ словъ Яковкина и другихъ свидѣтельствъ видно, что онъ составилъ свой собственный курсъ математики. Онъ вообще страстно любилъ свой предметъ; преподаванію его въ университетѣ (въ первый годъ онъ читалъ ариѳметику, геометрію и тригонометрію по руководству Шульца) онъ отдался съ полнымъ жаромъ и для этого даже отказался отъ преподаванія въ гимназическихъ классахъ, чего не сдѣлали его товарищи, съ цѣлью сохранить лишній окладъ жалованья. Карташевскій достойно положилъ основаніе математическому преподаванію въ Казанскомъ университетѣ, высотою котораго онъ всегда отличался. Уже въ первые два года, при Карташевскомъ, изъ университета вышелъ такой извѣстный впослѣдствіи времени математикъ, какъ академикъ Д. М. Перевощиковъ. Сверхъ преподаванія, Карташевскій выдавался впередъ большимъ общимъ образованіемъ и прекрасно развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Личныя свойства Карташевскаго внушали къ нему общее уваженіе и дозволили ему имѣть вліяніе на товарищей.

Но независимый характеръ Карташевскаго, чувство собственнаго достоинства и возвышенный взглядъ на университетъ, на преподаваніе въ немъ вообще, на необходимость для развитія университетской жизни предоставить университету полное самоуправленіе, что все конечно онъ могъ вынести только изъ школы Московскаго университета, поставили его тотчасъ же по основаніи университета въ непріязненныя отношенія къ самовластительному директору. Назначеніе Яковкина прямо ординарнымъ профессоромъ было не совсѣмъ пріятно молодымъ адъюнктамъ. Яковкинъ былъ только директоръ начальникъ; его профессорскія достоинства казались имъ сомнительными. Конечно такого рода отзывы доходили до Яковкина, а тотъ съумѣлъ высказывающихъ ихъ выставить заносчивыми и вредными передъ начальствомъ. Имя Карташевскаго, какъ главнаго дѣйствующаго лица, поэтому безпрестанно упоминается въ бурныхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ первыхъ двухъ лѣтъ. Онъ вызвалъ къ себѣ самое сильное нерасположеніе начальства; онъ и долженъ былъ пасть въ неравной борьбѣ.

На первыхъ порахъ своей университетской дѣятельности Карташевскій весь полонъ восторга отъ предстоящихъ ему впереди новыхъ занятій. Личность Румовскаго произвела на него сильное впечатлѣніе. „Никогда въ жизни моей, писалъ онъ къ нему (20 марта, въ подлинникѣ ошибочно 20 февраля, 1805 года), такія почтенныя лѣта не представлялись въ такомъ почтенномъ образѣ. Добродѣтель, Геній, Музы соединились, чтобъ ихъ украсить. Достойно, чтобъ предъ симъ Мужемъ, ознаменовавшимъ себя дѣятельною ревностію чрезъ такое пространство времени, которое вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый обыкновенный вѣкъ человѣческій,—чтобъ предъ Нимъ приносить обѣты свои Отечеству; и я обѣщаюсь свято употребить себя, приложить труды къ трудамъ, чтобъ отвѣчать назначенію своему и вниманію столь благомыслящаго начальства“. Письмо это представляетъ намъ и характеръ и содержаніе научныхъ занятій Карташевскаго: „три раза обращался уже полный курсъ чистой математики въ гимназіи; я имѣлъ случай осмотрѣть свой предметъ въ довольной подробности, и время прочесть хорошихъ новѣйшихъ писателей въ сей наукѣ. Смѣю сказать, что могу упражняться въ ней съ успѣхомъ и что не лишонъ дара изъяснять, немаловажнаго въ каждомъ учащемъ. При чистой математикѣ я никогда не оставлялъ и прикладной; для удовлетворенія любопытства занимался критическою философіею, которая стоила мнѣ многаго времени; иностранная словесность была также предметомъ моихъ часовъ отдохновенія. Приуготовивъ себя такимъ образомъ, намѣренъ соискать высшей степени по своей части“. Въ письмѣ проглядываетъ далѣе желаніе быть профессоромъ; Карташевскій проситъ помощи у Румовскаго въ этомъ случаѣ; онъ не хочетъ терять времени: „меня и природа не такъ сложила, пишетъ онъ, чтобъ виды относить вдаль“. Румовскій указалъ ему единственный путь къ профессорству: представить печатныя сочиненія по своему предмету на судъ академіи наукъ. Карташевскій, какъ видно изъ другаго письма его (26 апрѣля 1805 года), намѣренъ былъ издать на свой коштъ курсъ всей чистой математики и, присоединивъ къ нему какой нибудь трактатъ, подвергнуть себя суду академіи, такъ какъ не предполагалось скораго открытія университета. Но Карташевскій боялся, что пока

онъ будетъ собираться издавать свое сочиненіе, мѣсто п
фессора чистой математики въ Казани будетъ уже зан
„а это, писалъ онъ, положитъ предѣлъ всѣмъ моимъ
деждамъ“ и просилъ отсрочки, назначенія термина. Опа
нія его вполнѣ оправдались.

Уже при назначеніи особаго инспектора гимназіи,
да Яковкинъ сдѣлался инспекторомъ казенныхъ студент
не былъ выбранъ ни одинъ изъ молодыхъ адъюнкт
какъ бы слѣдовало ожидать, потому, по словамъ Яковки
чтобъ „не подать имъ чрезъ то вящій поводъ возмечтат
себѣ болѣе надлежащаго“. Такъ смотрѣлъ Яковкинъ, а
глазами и Румовскій. Съ апрѣля 1805 года Яковкинъ
стаиваетъ передъ начальствомъ о необходимости друг
преподавателя математики хотя основательныхъ прич
этой необходимости и не высказываетъ, выражаясь вес
неопредѣленно: „судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ“,
причины эти ясно видны въ беззастѣнчивыхъ словахъ
„дабы противопоставить преграду молодому высокоумію“ (пи
мо 16 мая, 1805 года) и тутъ же выставляетъ Карташ
скаго искателемъ инспекторской должности. Термина, п
симаго Карташевскимъ для напечатанія сочиненій, Рум
скій не назначилъ, отвѣчалъ ему, вѣроятно подъ вліяні
навѣтовъ Яковкина, весьма сухо, тогда же повелъ пере
воры съ швейцарскимъ ученымъ Бартельсомъ о назначе
его профессоромъ въ Казань и въ добавокъ, когда было
шено въ совѣтѣ о томъ, чтобы адъюнкты университета п
должали преподаваніе и въ гимназіи, за окладъ въ двѣ т
ти университетскаго, Румовскій предписалъ, чтобъ изъ т
гонометріи, преподаваемой Карташевскимъ, не дѣлать
дѣльнаго класса, потому что „она не составляетъ особли
науки и заключается только въ четырехъ задачахъ“.
частные поводы присоединились къ тѣмъ общимъ вопроса
и причинамъ, которые заставили Карташевскаго, почти т
часъ же по основаніи университета, повести борьбу въ
вѣтѣ противъ самовластныхъ распоряженій Яковкина и
товать за университетское самоуправленіе, ненавидимое
ректоромъ. Борьба эта для Карташевскаго кончилась так
неудачно, какъ и для Цеплина и Казанскій университ
потерялъ въ немъ достойнаго преподавателя.

Другимъ адъюнктомъ изъ учителей Казанской гимназ
по прикладной математикѣ, былъ другъ Карташевскаго, з

лявъ его по Малороссіи и товарищъ по Московскому университету Иванъ Ипатовичъ *Запольскій*. Лицо это столь же извѣстно по воспоминаніямъ Аксакова, какъ и Карташевскій, но нравственная и умственная физіономія его очень не похожа на первую. У него жилъ Аксаковъ и въ памяти читателя весьма опредѣленно рисуется эта личность съ ея слабодушіемъ, безтактностью въ педагогическомъ отношеніи, положительнымъ отсутствіемъ въ немъ высшихъ умственныхъ интересовъ и съ своею домашнею жизнію, полною грязи и безпорядочности, какая разумѣется встрѣчалась тогда во всякомъ помѣщичьемъ семействѣ средней руки. И Яковкинъ, съ своей стороны, дѣлаетъ о Запольскомъ отзывъ, только подтверждающій вѣрность, съ какою сохранила старческая память Аксакова лица и характеры окружавшіе его въ дѣтствѣ, подтверждающій художественность его изображеній: „Г. Запольскій, пишетъ онъ, въ преподаваніи опытной физики хорошъ, хотя и мало видно старанія его о пріобрѣтеніи новыхъ открытій и между прочимъ о чудесномъ и благотворномъ гальванизмѣ, о коемъ ученикамъ своимъ едва поверхностное познаніе дать въ состояніи. О раздѣленіи и различіи газовъ онъ первый здѣсь преподавать началъ, и похвально. Въ знаніи смѣшенной математики весьма посредственнъ, хотя и прочиталъ курсъ ея съ здѣшними учениками по сокращенному Вольфію. Женившись на здѣшней дворянкѣ (Елагиной) и прилѣпившись къ экономіи, къ должности своей сдѣлался менѣе старателенъ, по коварному же своему характеру не любимъ безпристрастными людьми. Изъ языковъ знаетъ хорошо латинскій и французскій". Надобно замѣтить, что Румовскій требовалъ вообще знанія языка латинскаго и европейскихъ. Это было тогда необходимостью.

Запольскій, родившійся въ 1773 году, происходилъ изъ духовнаго званія, учился сначала въ Сѣвской, потомъ въ Бѣлгородской семинаріи; высшее образованіе получилъ въ Кіевской академіи и наконецъ въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь принадлежалъ онъ къ числу лучшихъ студентовъ и въ теченіи курса за успѣхи былъ награжденъ два раза золотою медалью и одинъ разъ серебрянною. Это обѣщало въ Запольскомъ хорошаго преподавателя, но, какъ видно изъ всего, казанская жизнь и казанскія отношенія погубили въ немъ скоро и любовь къ наукѣ и желаніе совершенствовать себя. Слѣдовъ его умственной дѣятельности,

кромѣ изобрѣтенія солнечныхъ весьма сложныхъ астрономическихъ часовъ, поставленныхъ имъ во дворѣ гимназическомъ ([20]), за что произведенъ онъ былъ въ титулярные совѣтники, мы не находимъ.. Свои лекціи читалъ онъ по учебникамъ Гиляровскаго, Бриссона, а смѣшанную математику по Вольфу, котораго онъ переводилъ. „Коварный характеръ" его, замѣченный Яковкинымъ, можетъ быть выказался въ томъ, что въ борьбѣ съ директоромъ, Запольскій сталъ въ ряды его враговъ, за что и былъ удаленъ вмѣстѣ съ другими отъ присутствія въ засѣданіяхъ совѣтскихъ въ концѣ 1806 года. Кажется, что и со стороны тогдашнихъ студентовъ Запольскій не пользовался уваженіемъ. По свидѣтельству Яковкина, студенты его не любили за то, что онъ о всѣхъ ихъ дурно отзывался въ разныхъ домахъ по городу, а разъ позволилъ себѣ даже въ аудиторіи студенту Балясникову „приказывать стать въ уголъ за то, что тотъ невинно улыбнулся". Студенты разумѣется наговорили ему грубостей, а Запольскій побѣжалъ жаловаться начальству. Яковкинъ не далъ дѣлу дальнѣйшаго хода: заставилъ студентовъ просить прощенія, а Румовскій, по письму его прислалъ неодобреніе Запольскому (письма 30 октября и 4 декабря, 1806 года).

Третьимъ адъюнктомъ, по наукамъ философскимъ, былъ Левъ Семеновичъ *Левицкій*, товарищъ первыхъ двухъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился первоначально въ Рязанской семинаріи; въ 1790 году поступилъ въ разночинскую гимназію при Московскомъ университетѣ, а въ 1791 году произведенъ въ студенты. Въ университетѣ слушалъ съ успѣхомъ больше науки математическія и философскія, за что въ 1793 году получилъ серебряную медаль. Въ Казанскую гимназію учителемъ высшаго россійскаго класса, логики и нравоученія поступилъ въ 1799 году. Въ университетѣ онъ читалъ преимущественно логику по руководству Рижскаго и практическую философію—по Сори. Аттестація, сдѣланная ему Яковкинымъ, состоитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Г. Левицкій въ россійскомъ слогѣ успѣлъ довольно хорошо, особливо отъ опытности и чтенія авторовъ, въ филосо-

---

([20]) Описаніе см. въ Період. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1803 г. № 1. стр. 88—90.

фическихъ познаніяхъ кажется слабъ и болѣе, мнится, по тучному его тѣлосложенію, натурально воспящающему заниматься умозрительностію; къ должности своей всегда былъ прилеженъ, въ поведеніи и чувствованіяхъ благороденъ. Изъ языковъ знаетъ хорошо латинскій, французскій и нѣмецкій".

Это „тучное тѣлосложеніе" было болѣзненнаго свойства и Левицкій не долго служилъ университету. Послѣ вакаціи 1805 года онъ заболѣлъ и хворалъ долго; однако поправился, читалъ лекціи, исправлялъ должность секретаря совѣта, въ которомъ принадлежалъ къ числу сторонниковъ Яковкина. Въ концѣ 1806 года, Левицкій вслѣдъ за простудною горячкою получилъ водяную въ животѣ и, не смотря на операцію выпущенія воды, сдѣланную Фуксомъ и Эвестомъ, 25 января 1807 года „обновилъ мать земпородныхъ первымъ адъюнктомъ Казанскаго университета" ([21]), по выраженію Яковкина (письмо 29 января, 1807 года). Директоръ, любившій вообще торжественность обстановки, сочинилъ и прислалъ Румовскому подробный церемоніалъ дежурствъ при гробѣ, выноса и погребенья. Лекціи Левицкаго по философіи временно поручены были по его распоряженію еще не кончившему курса студенту Порфирію Безобразову.

Послѣдній изъ учителей Казанской гимназіи, произведенный въ адъюнкты университета по каѳедрѣ латинскаго и греческаго языка (потомъ онъ дослужился и званія ординарнаго профессора), былъ довольно пожилой нѣмецъ, давно уже жившій въ Россіи—Иванъ Ивановичъ *Эрихъ*. Былъ онъ урожениемъ Эрфуртскимъ, учился, судя по аттестатамъ его, въ университетахъ: Эрфуртскомъ, Іенскомъ и Геттингенскомъ, имѣлъ степень кандидата теологіи, но печатнымъ образомъ не заявилъ своихъ знаній. Мы не знаемъ когда переселился онъ въ Россію; кажется первоначально Эрихъ былъ домашнимъ учителемъ въ разныхъ мѣстностяхъ, а въ 1794 году

([21]) Первымъ покойникомъ изъ студентовъ Казанскаго университета былъ единственный сынъ Яковкина. Владиміровъ, найдя въ оградѣ Кизическаго монастыря плиту съ надписью: «здѣсь погребено тѣло умершаго перваго студента» и проч., не понялъ ея смысла и говоритъ: «Нѣтъ ничего удивительнаго что сынъ Яковкина считается первымъ студентомъ; отецъ могъ записать сына первымъ въ спискѣ студентовъ» и пр. См. Истор. Зап. II, 34.

поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Нижегородское главное народное училище, откуда въ 1799 году перешелъ въ Казанскую гимназію, гдѣ преподавалъ въ разныхъ классахъ языки французскій, нѣмецкій и латинскій. Яковкинъ рекомендуетъ его начальству въ слѣдующихъ словахъ: „Г. Эрихъ, по глубокому и основательному его знанію языковъ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго, англійскаго, итальянскаго, также по хорошему свѣдѣнію греческаго и россійскаго, по отличной своей памяти и чтенію авторовъ, и какъ по полученнымъ еще въ иностранныхъ университетахъ, что видно изъ иностранныхъ его аттестатовъ, такъ и по пріобрѣтеннымъ отъ времени и опытности многолѣтней знаніямъ, достойно почитается здѣсь вообще многоязычникомъ, а между пріятелями оракуломъ; въ должности своей всегда былъ пунктуозенъ, какъ истый нѣмецъ (благоволите великодушно простить сіе справедливое выраженіе); въ поведеніи благороденъ; въ чувствованіяхъ безпристрастенъ. Можно по всей справедливости сказать, что онъ сдѣлаетъ честь всякому мѣсту, въ которомъ будетъ находиться; по особеннаго сожалѣнія достойно, что при отличныхъ его знаніяхъ произношеніе его не совершенно ясно, какъ по лѣтамъ его (слишкомъ 50 лѣтъ), такъ и по недостатку зубовъ переднихъ". И Аксаковъ, вспоминая, что Эрихъ заставлялъ переводить въ классѣ съ русскаго повѣсти Карамзина, называетъ его „большимъ лингвистомъ" ([22]). Въ университетѣ, до назначенія другаго профессора, Эрихъ объяснялъ болѣе легкихъ латинскихъ авторовъ, но первые студенты, какъ мы увидимъ, были плохіе латинисты. Въ отношеніяхъ своихъ къ сослуживцамъ, во время первыхъ бурныхъ совѣтскихъ засѣданій, Эрихъ, по свидѣтельству Яковкина, отличался своимъ безпристрастіемъ и директоръ не разъ имѣлъ въ немъ посредника для сношеній съ ними.

Почти одновременно съ основаніемъ университета былъ по представленію Румовскаго назначенъ и первый профессоръ медицины *Протасовъ* ([23]), операторъ и штабъ-лѣкарь, служившій въ Пермской врачебной управѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Пермской же семинаріи, а

([22]) Сем. Хрон. и Воспом. стр. 332.
([23]) Період. сочин. № XII, стр. 516.

медицинское по всей вѣроятности въ Московскомъ университетѣ; сверхъ того изъ представленія о немъ Румовскаго министру видно, что Протасовъ, служа на Пермскихъ горныхъ заводахъ, познакомился тамъ съ ботаникою и вообще съ естественною исторіею, почему и предполагалось предоставить ему мѣсто учителя этихъ предметовъ въ Казанской гимназіи; въ университетѣ же онъ долженъ былъ преподавать патологію, терапію и клинику. Сочиненія, представленныя имъ въ медицинскую коллегію, были ею одобрены; кромѣ нихъ, Протасовъ имѣлъ нѣсколько свидѣтельствъ о достоинствѣ своего преподаванія (откуда—не знаемъ). Румовскій, зная его лично, поручилъ Протасову подробно обревизовать главное народное - училище въ Перми и произвести даже экзаменъ его директору, но предписаніе его о томъ не застало въ живыхъ Протасова, который умеръ, не выѣзжая изъ Перми, 10 апрѣля 1805 года. Преподаваніе медицинскихъ предметовъ началось еще не скоро въ Казани.

Въ такомъ незначительномъ составѣ научныхъ и преподавательскихъ силъ, которыя всѣ даны были мѣстною гимназіею, представляется намъ первоначальный Казанскій университетъ въ моментъ его основанія. Едвали онъ заслуживалъ громкаго имени университета и естественно должно было пройти нѣсколько лѣтъ, необходимыхъ для развитія въ немъ преподаванія и пріобрѣтенія новыхъ научныхъ силъ.

Въ теченіи 1805 и 1806 годовъ назначено было въ Казанскій университетъ еще нѣсколько профессоровъ, преимущественно изъ иностранцевъ. Мы остановимся теперь на ихъ личностяхъ.

Выборъ всѣхъ профессоровъ лежалъ на обязанности одного Румовскаго; въ этомъ дѣлѣ помощниковъ не было у него никого и онъ предоставленъ былъ тутъ вполнѣ своимъ собственнымъ средствамъ и своему личному знакомству съ умственнымъ содержаніемъ того времени. Правда его сослуживцы по Главному Правленію Училищъ и въ особенности по академіи наукъ, рекомендовали ему то того, то другаго иностраннаго ученаго въ профессоры, но онъ самъ и почти всегда взвѣшивалъ критически эти рекомендаціи. Нельзя не отдать полной справедливости его образованности,

начитанности и большимъ свѣдѣніямъ въ разныхъ научныхъ областяхъ. Съ каждымъ изъ приглашаемыхъ имъ ученыхъ онъ велъ самъ переписку на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ или латинскомъ, вдаваясь въ этихъ письмахъ въ разныя спеціальныя подробности. Надобно замѣтить еще при этомъ, что Румовскій не хлопоталъ исключительно о преподавателяхъ тѣхъ наукъ, которыми онъ самъ занимался въ теченіи своей жизни, напротивъ, онъ имѣлъ въ виду общія цѣли, что видно изъ его собственныхъ словъ. „Послѣдуя Высочайше конфирмованному уставу Казанскаго университета, писалъ онъ министру народнаго просвѣщенія, представляя профессора Германа на каѳедру древностей, литературы и языка латинскаго, долгомъ почиталъ и почитаю стараться о наполненіи онаго достойными профессорами, преимущественно такихъ наукъ, коимъ предварительно должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, или короче сказать, мужами, кои составили бы отдѣленіе словесныхъ наукъ“. Это впрочемъ былъ общій взглядъ времени и самаго министерства.

Первымъ изъ приглашенныхъ въ Казань иностранныхъ ученыхъ былъ докторъ Мартинъ Готфридъ *Германъ*, называемый въ Казани Мартыномъ Ивановичемъ (1754 + декабрь 1822). Онъ опредѣленъ былъ въ маѣ 1805 года и началъ свое преподаваніе уже во второй половинѣ этого года.

Мартинъ Готфридъ Германъ былъ Тюрингенскій уроженецъ и родился въ небольшомъ городкѣ Киндельбрюкѣ. Начальное и общее образованіе получилъ въ Нордгаузенской школѣ, а всѣми научными познаніями своими онъ обязанъ Геттингенскому университету, гдѣ учился у знаменитаго Гейне, перваго филолога того времени, и гдѣ получилъ степень доктора. Подъ руководствомъ Гейне, на глазахъ его, были написаны Германомъ тѣ сочиненія по греческой миѳологіи на нѣмецкомъ языкѣ, которыя сдѣлали довольно извѣстнымъ имя его въ ученой Германіи ([24]). Они повторяли

([24]) Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod. Mit Anmerk. von Hofr. Heine. 3 Bde mit einer Sternkarte. Berl. 1787—1795. 8°. Сочиненіе это, пользовавшееся въ свое время извѣстностью, было передѣлано Германомъ, въ видѣ краткаго руководства миѳологіи, два раза: для *высшихъ классовъ* гимназій (2 ч. съ 32 рис. Берлинъ, 1801) и для *низшихъ классовъ* (съ 12 рис. Берлинъ, 1802). Второе сочиненіе Гер-

взгляды Гейне на символическое происхожденіе миѳовъ и отличались тѣмъ же аллегорическимъ толкованіемъ ихъ; Германъ пользовался повидимому очень усердно и лекціями Гейне о миѳологіи ([25]) Первое сочиненіе его было даже издано съ примѣчаніями Гейне. „Въ изъясненіи притчей, приведемъ слова современной нѣмецкой ученой рецензіи въ переводѣ Румовскаго, творецъ оказываетъ сколько учености, столько и остроумія. Догадки его суть отважны, но онъ ихъ предлагаетъ только вѣроятными и не выдаетъ ихъ за несумнѣнныя истины“. Второе сочиненіе Германа, какъ недавно напечатанное, не было еще извѣстно Румовскому.

Университетской карьеры на родинѣ, не смотря на сочиненія свои, Германъ не сдѣлалъ. Намъ извѣстно, что онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ торговой академіи города Гамбурга, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ. Изъ этого послѣдняго города онъ, вѣроятно не задолго до опредѣленія въ Казань, переѣхалъ въ Петербургъ искать ученой службы. Здѣсь узналъ его Румовскій. Послѣдній, чтобъ вполнѣ удостовѣриться въ знаніи Германомъ латинскаго языка, такъ какъ онъ писалъ по нѣмецки, далъ ему тему для сочиненія по латыни Небольшая статья эта на восьми страницахъ „M. Porcii Catonis Uticensis ingenium“, по мнѣнію Румовскаго, написана чистымъ латинскимъ языкомъ и вообще Германъ понравился ему своимъ литературнымъ и философскимъ образованіемъ, такъ что онъ думалъ поручить ему на время и преподаваніе философіи, притомъ, пишетъ онъ въ представленіи, Германъ „человѣкъ пожилой, женатый, тихаго нрава“; эти свойства имѣли тоже значеніе для попечителя, но достоинство тихости нрава, какъ оказали послѣдствія, не оправдалось на дѣлѣ.

Германъ пріѣхалъ въ Казань въ концѣ іюля 1805 года. Румовскій, отправляя его, предполагалъ также поручить ему

мана: Die Feste von Hellas historisch-philosophisch bearbeitet etc. 2 Thle. Berl. 1803. 8°. стоитъ на той же Гейневской точкѣ зрѣнія на миѳологію, какъ и предшествовавшее. Первая часть его посвящена Наполеону Бонапарте, тогда еще первому консулу французской республики, которому Германъ восторженно поклонялся; вторая учителю его—Гейне.

([25]) См. *Voss, J. H.* Antisymbolik. I. S. 5 и *Petermann*, Religion и Mythologie der alten Griechen въ Энциклопедіи Эрша и Грубера I. 82. стр. 47, гдѣ указано главное содержаніе перваго сочиненія Германа.

и должность инспектора гимназіи, но Яковкинъ справедливо встрѣтилъ непреодолимыя тому препятствія въ положительномъ незнаніи Германомъ русскаго языка и дѣло о назначеніи его инспекторомъ не получило хода. Это обстоятельство, а можетъ быть и другія личныя причины, сдѣлали Германа самымъ сильнымъ противникомъ Яковкина: тотчасъ по пріѣздѣ онъ присоединился къ врагамъ его. По немногу стала образовываться въ университетѣ нѣмецкая партія, на которую директоръ не могъ не смотрѣть подозрительно, особенно при господствовавшемъ тогда въ обществѣ и выражавшемся въ литературѣ патріотическомъ настроеніи во время первыхъ войнъ съ Наполеономъ. Съ другой стороны и иностранцевъ, не смотря можетъ быть на все различіе ихъ взглядовъ, убѣжденій и характеровъ, соединяли въ одно общія преданія и привычки европейскаго образованія и университетской жизни на родинѣ и чувство отчужденности, посреди враждебнаго и грубаго общества провинціи. Тутъ, даже съ русскими сослуживцами было у нихъ мало общаго и Германъ, напримѣръ, въ латинскомъ письмѣ, которое поручилъ ему совѣтъ написать въ Дерптскій университетъ, въ отвѣтъ на присланный имъ каталогъ своихъ лекцій, имѣлъ нѣкоторое основаніе сравнить свое положеніе съ положеніемъ Овидія, сосланнаго въ Понтъ ([26]). „Умноженіе иностранцевъ чиновниковъ университета, писалъ съ своей стороны Яковкинъ (22 августа, 1805 года), чтобы не навлекло и высшему начальству болѣе еще безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія“. И Германъ, не смотря на „тихій нравъ“, засвидѣтельствованный Румовскимъ, раздражался въ совѣтскихъ засѣ-

---

([26]) «... qui quasi e republica litteraria in exilium, ut olim bonus Ovidius Roma in Pontum, missi sumus»... (30 іюля, 1806 года). Фраза эта, тотчасъ же разумѣется доведенная до свѣдѣнія Румовскаго, возбудила сильное его негодованіе и сразу уронила его высокое мнѣніе о Германѣ. Онъ счелъ даже долгомъ своимъ донести о ней министру народнаго просвѣщенія: «Содержаніе письма сего, писалъ онъ, есть плодъ необузданнаго самовольства, и есть надежда, что оно со временемъ принесетъ обильнѣйшій, не взирая на мои попеченія. Въ словахъ: qui quasi etc. проницательные словесники найдутъ можетъ быть острую и высокую мысль, но я, не имѣя сего дара, ничего кромѣ кощунства и неблагодарности къ милостямъ монаршимъ не обрѣтаю». Германъ получилъ выговоръ.

даніяхъ: „безпрестанно со стуломъ своимъ, пишетъ Яковкинъ, то отодвигался отъ стола, угрожая принесть жалобу не только г. министру, но и самому Государю Императору, на что я по нѣмецки принужденъ былъ тогда же сказать: къ чему, государь мой, такія угрозы? онѣ не кстати,—то подвигался ко мнѣ съ лѣвой стороны, какъ будто тѣснилъ меня съ мѣста, такъ что и я немного подвинулся вправо и при дальнѣйшемъ его ко мнѣ приближеніи намѣренъ былъ совершенно подвинуться на правый уголъ стола, дабы давъ ему мое мѣсто, привести его тѣмъ сколько нибудь въ чувствіе; но не успѣлъ ничего сдѣлать своимъ крикомъ и ни мало не возмогши преодолѣть моего хладнокровія, самой нестерпимой для нихъ черты моего характера, схватилъ себя за голову и, сказавшись больнымъ, вышелъ изъ залы совѣта“. Германъ былъ постоянно „въ одномъ комплотѣ“ съ Цеплинымъ. О его горячности было донесено попечителю и тотъ не преминулъ поставить ему на видъ этотъ недостатокъ ([27]).

Оригинально въ значительной степени было положеніе Германа въ Казанскомъ университетѣ, какъ перваго профессора классической древности, съ преданіями и пріемами науки, вошедшей въ жизнь европейскаго общества со времени великихъ гуманистовъ эпохи возрожденія. Геттингенская школа Гейне, къ которой принадлежалъ онъ, имѣетъ, какъ извѣстно, высокое историческое значеніе въ германской наукѣ о классической древности. Простое матеріальное знакомство съ древними языками, какъ со средствомъ

([27]) «Je vous conseille, Monsieur, писалъ Румовскій къ Герману, de retenir votre vivacité»; elle ne convient pas à la place, où doit régner la tranquillité et la bienséance; en outre, elle peut tourner à votre désavantage»... Германъ, еще прежде полученія этого замѣчанія, объяснялъ начальнику свою горячность слѣдующими словами: «Quand je parle, je parle naturellement de haute voix, parce que je parle pour être compris. Je parle encore plus haut, lorsque je parle en société pour être entendu de tout le monde. Je parle ainsi toujours avec vivacité et énergie et je prononce à haute voix. C'est mon naturel, et «quamvis naturam furca expellas tamen usque recurret». L'on me reproche de l'emportement, et on me fait tort. C'est selon mon avis, plutôt une vertu, lorsque l'honnête homme parle vivement pour le bien public, pour le salut de l'humanité!» (3 сент. 1807 года). Нельзя не замѣтить, что ни въ одномъ русскомъ членѣ университетской корпораціи того времени не могло быть и десятой доли этой энергіи убѣжденія и чувства собственнаго достоинства.

понимать классическихъ авторовъ, стоявшее конечно въ нѣмецкихъ гимназіяхъ и университетахъ на высокой степени, школа эта превратила въ широкое и всестороннее изученіе всей древней культуры. Жизнь классическаго міра, во всѣхъ ея проявленіяхъ, сдѣлалась одною изъ самыхъ живыхъ сторонъ университетскаго преподаванія и только послѣ дѣятельности Гейне возможенъ былъ дальнѣйшій ходъ этой науки и появленіе знаменитыхъ трудовъ Фридриха Вольфа, Іоганна Готфрида Германна, Августа Бёка и др. (28). Казанскій Германъ правда не принадлежалъ къ числу геніальныхъ творцевъ въ наукѣ о классической древности; онъ не пошелъ дальше своего учителя; по знанію и критическому такту онъ былъ слабѣе его, но на своемъ мѣстѣ, при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы приносить пользу. Въ Казани такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ не представилось. Существеннымъ условіемъ для того, чтобы лекціи Германа могли приносить пользу его слушателямъ, было бы съ его стороны знаніе русскаго языка, но Германъ, только черезъ три недѣли по пріѣздѣ въ Казань узналъ на столько русскій алфавитъ, что могъ подписываться подъ протоколами совѣтскихъ засѣданій русскими буквами (впрочемъ успѣхи его одноземцевъ и сослуживцевъ по университету въ этомъ отношеніи были еще медленнѣе). Онъ могъ сообщаться съ своими слушателями или по латыни или на новыхъ европейскихъ языкахъ: нѣмецкомъ и французскомъ, преподаваемыхъ въ гимназіи. Естественно, что ему пришлось жаловаться на неуспѣхъ своего преподаванія.

Въ первые годы своей службы Германъ въ лекціяхъ о латинской словесности объяснялъ своимъ слушателямъ оды Горація съ тѣми обширными критическими пріемами, какіе употреблялъ учитель его Гейне; образцики его лекцій лежатъ передъ нами. Кромѣ того, по смерти адъюнкта Левицкаго, Германъ сталъ преподавать логику и психологію, пользуясь за это половиннымъ вознагражденіемъ. Послѣднее преподаваніе въ особенности затрудняло его и онъ жалуется, что не могъ въ теченіе года пройти и краткой логики. Но вина

(28) См. объ этомъ: *Benfey, Theod.*, Geschichte der Sprachwissenschaft in Deutschland. Münch. 1869. S. 328. flg.

въ этомъ не его, а неприготовленныхъ слушателей. Попечитель требуетъ чтенія лекцій на языкѣ латинскомъ; студенты не понимаютъ профессора и онъ по необходимости долженъ былъ объяснять латинскій текстъ на двухъ языкахъ, потому что одна половина студентовъ понимаетъ только по французски, а другая только по нѣмецки. Мы имѣемъ однако основаніе сомнѣваться, чтобъ и въ этихъ европейскихъ языкахъ слушатели были на столько сильны, что могли слѣдить за живымъ преподаваніемъ. Германъ жалуется въ особенности на незавидное состояніе преподаванія латинскаго языка въ гимназіи, состоявшее тогда, какъ видно изъ словъ его, почти исключительно въ заучиваніи наизусть грамматическихъ правилъ. Какъ настоящій филологъ хорошей школы, онъ разумѣется возстаетъ противъ такого безплоднаго преподаванія ([29]) и проситъ попечителя распорядиться о покупкѣ достаточнаго для учениковъ числа экземпляровъ Евтропія, Юстина и Корнелія Непота и внушить учителямъ гимназіи о необходимости частаго и прилежнаго чтенія съ учениками этихъ писателей. Требованіе совершенно естественное и понятное, тѣмъ болѣе, что и прочіе приглашенные изъ за-границы профессора находились въ одинаковомъ положеніи съ Германомъ: для всѣхъ нихъ единственнымъ языкомъ науки, на которомъ они могли и должны были объясняться съ слушателями, былъ языкъ латинскій. Это предвидѣлъ и университетскій уставъ 1804 года, который въ своемъ § 119, учреждая бесѣды профессоровъ со студентами, по нѣкоторымъ предметамъ, особенно словеснымъ и юридическимъ, высказывалъ желаніе, чтобъ бесѣды эти производились преимущественно на латинскомъ языкѣ.

Чтобъ привести въ исполненіе это указаніе устава, надобно бы было, чтобъ ученики, поступившіе въ университетъ изъ единственной тогда Казанской гимназіи, были сколько нибудь приготовлены въ латинскомъ языкѣ; между тѣмъ эта гимназія, существовавшая до основанія университета, не была вовсе приготовительнымъ къ нему заведеніемъ и имѣла свои самостоятельныя цѣли. За исключеніемъ духовныхъ

([29]) «Point de salut à cette méthode ennuyante et stérile, qui ne donne ni quantité de notions communes, ni multitude de mots, ni nombre de phrases, ni le génie de la langue; méthode mieux faite pour détester une langue, qu'exciter le désir et l'ardeur de s'en rendre maître»...

заведеній нашихъ, въ которыхъ дѣйствительное знаніе и преподаваніе классическихъ языковъ и до настоящаго времени стоитъ на схоластической ступени XVII вѣка, не имѣя ничего общаго съ образовательными элементами нѣмецкихъ гимназій, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, не было никакихъ классическихъ преданій. „Не безъизвѣстно Вашему Превосходительству, пишетъ Яковкинъ (10 сентября, 1807 года), что было для гимназіи время, въ которое полагаемо было и совсѣмъ изъ нея изгнать латинскій языкъ, такъ что едино токмо сопротивленіе тогдашняго инспектора (т. е. его самаго) едва могло остановить пагубное сіе намѣреніе и заключить его по крайней мѣрѣ въ одномъ классѣ, а вмѣсто его хотѣли было ввести англійскій языкъ по новозатѣянному положенію гимназіи“. Мудрили и случайные коммандиры. Такъ казанскій губернаторъ, изъ совѣтниковъ коммерцъ-коллегіи, Кацаревъ, не смотря на то, что онъ управлялъ губерніей съ небольшимъ годъ (1802—1803), въ качествѣ попечителя гимназіи „производилъ противу латинскаго языка гоненіе“. Мнѣніе губернатора раздѣляли и нѣкоторые члены гимназическаго совѣта, такъ что въ ученикахъ это гоненіе „произвело вредное о семъ языкѣ впечатлѣніе и даже отвращеніе“. Основаніе университета должно было усилить преподаваніе латинскаго языка; стали преподавать сначала въ двухъ, а потомъ и во всѣхъ трехъ классахъ; всѣ казенные гимназисты обязаны были непремѣнно учиться по латыни. Всѣ эти мѣры были однако слишкомъ недавни и не могли принести вдругъ осязательныхъ результатовъ. Поэтому жалобы Германа на плохое знакомство его слушателей съ латинскимъ языкомъ, переданныя попечителемъ въ совѣтъ, имѣли основаніе. Совѣтъ, руководимый Яковкинымъ, взглянулъ на это дѣло легко; онъ обидѣлся, кромѣ того, заявленіями профессора, что экзаменныя сочиненія учениковъ гимназіи приносятся въ залу совѣта уже исправленными и требованіемъ, чтобы каждый изъ учителей латинскаго языка, въ доказательство своихъ знаній, прочиталъ урокъ въ присутствіи членовъ совѣта. Яковкинъ принялъ къ сердцу жалобы Германа и видя въ нихъ личное оскорбленіе, обвинялъ съ своей стороны профессора, что студенты не понимаютъ его „худаго нѣмецкаго произношенія латинскихъ словъ“, что психологія, читаемая имъ, наполнена непонятными и новыми для нихъ метафизическими термина-

ми, что только по его убѣжденіямъ и настояніямъ Германъ имѣетъ „охотныхъ" слушателей; наконецъ, передъ попечителемъ, всѣ эти заботы о латинскомъ языкѣ онъ выставлялъ, какъ „усилія самоуправленія, тлѣющаго еще донынѣ подъ пепломъ" (онъ думалъ было, что побѣдилъ его).

Съ своей стороны Германъ справедливо доказывалъ, что лекціи его не могутъ имѣть успѣха, при незнаніи слушателями того языка, на которомъ онѣ читаются, что по той же причинѣ неисполнимъ и § 119 устава, требующій бесѣдъ со студентами по латыни ([30]). Онъ предлагалъ для дѣйствительнаго водворенія классическаго образованія въ Казанскомъ университетѣ учрежденіе, которому наука въ Германіи главнымъ образомъ обязана своими успѣхами. Это была филологическая семинарія, по образцу заведенной въ Геттингенѣ профессоромъ Гейне, гдѣ и самъ Германъ учился. Подробно изложивъ ея устройство и цѣль, состоящую въ правильномъ приготовленіи, какъ для дальнѣйшаго ученаго развитія, такъ и для занятія учительскихъ мѣстъ въ гимназіи, Германъ справедливо доказывалъ, что такая семинарія, необходимая и при учрежденіи педагогическаго института (уставъ, глава XII), принесла бы существенную пользу. По плану его такую семинарію можно бы было составить на первый разъ изъ десяти лучше другихъ знающихъ латинскій языкъ студентовъ и трехъ учителей этого языка въ гимназіи; какъ было въ Геттингенѣ, каждый изъ нихъ долженъ получать по 100 р въ годъ. Въ главѣ семинаріи, въ качествѣ руководителя, Германъ ставилъ себя и просилъ за этотъ трудъ прибавку въ 1000 рублей къ своему жалованью. Румовскій не согласился на это предложеніе, ссылаясь на то, что на учрежденіе такой семинаріи въ штатѣ суммы не положено и указывая на могущія замѣнить ее бесѣды на латинскомъ языкѣ, требуемыя уставомъ „Намѣреніе Германа, пишетъ онъ къ Яковкину, не въ томъ состояло, чтобы охулить гимназическое ученіе, но чтобы въ сословіи, имъ по примѣру Геттингенскаго предлагаемомъ, быть главою и получить прибавку въ жалованье въ 1000 р... Не усердіе тутъ дѣйствовало". Онъ даже совѣтовалъ Герману отказаться во-

---

([30]) Comment converser avec une jeunesse en latin, qui ne possède pas le latin? спрашиваетъ онъ.

все отъ побочныхъ лекцій по философіи и сосредоточить весь трудъ свой исключительно на главномъ предметѣ своей каѳедры. Дѣло преподаванія латинскаго языка осталось такимъ образомъ въ прежнемъ видѣ, безъ правильной организаціи. Германъ не успѣлъ образовать учениковъ. О латинскихъ рѣчахъ его, писанныхъ для торжественныхъ собраній университета, о дальнѣйшихъ судьбахъ классицизма у насъ, мы скажемъ на своемъ мѣстѣ.

Первымъ преподавателемъ по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ былъ профессоръ правъ естественнаго, политическаго и народнаго Генрихъ Лудвигъ *Бюнеманъ*, пріѣхавшій въ Казань въ концѣ сентября 1805 года. Это былъ уже человѣкъ пожилой (родился въ 1752 году), нѣсколько лѣтъ служившій въ Петербургѣ, но нисколько не обрусѣвшій, тоже только чрезъ мѣсяцъ, подобно Герману, выучившійся подписываться по русски и совершенно неизвѣстный въ ученой нѣмецкой литературѣ. Каѳедру, которую занялъ Бюнеманъ, Румовскій считалъ очень важною. Изъ его представленія видно, что онъ долго и напрасно искалъ въ нѣмецкой землѣ человѣка достойнаго занять ее. Бюнеманъ самъ явился къ нему въ 1805 году, въ Петербургѣ, какъ претендентъ на нее. Въ это время онъ былъ безъ службы. Бюнеманъ, ганноверскій уроженецъ, candidatus juris, представилъ старыя свидѣтельства, выданныя ему нѣкоторыми профессорами Геттингенскаго университета, и въ томъ числѣ Г. Л. Бёмеромъ (сыномъ *великаго* у юристовъ Бёмера), что онъ до 1773 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, слушалъ съ успѣхомъ ихъ лекціи и занимался частнымъ образомъ подъ ихъ руководствомъ разными предметами права. Когда пріѣхалъ онъ въ Россію намъ неизвѣстно, но съ 1786 года по 1800 годъ онъ былъ учителемъ географіи въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. Пять лѣтъ, до назначенія въ Казань, Бюнеманъ жилъ въ отставкѣ. Никакихъ другихъ мотивовъ къ его опредѣленію не было у Румовскаго; онъ хвалитъ только его знаніе языковъ: латинскаго и французскаго.

Бюнеманъ привезъ съ собою разныя словесныя инструкціи Попечителя, его mentis cogitata circa pacem et tranquillitatem omnium. Онъ не нахвалится въ письмѣ своемъ къ Румовскому пріемомъ, сдѣланнымъ ему и женѣ его со сто-

роны Яковкина ([31]) и своею пріятною на первыхъ порахъ обстановкою. Съ своей стороны и Яковкинъ доволенъ Бюнеманомъ; онъ радъ его безпристрастію, говоритъ о дружбѣ съ нимъ, увѣдомляетъ, что онъ вноситъ своимъ хладнокровіемъ примиреніе въ совѣтскіе споры, но не прошло и года, какъ эти отношенія измѣнились въ другія; Бюнеманъ оказался перебѣжчикомъ. Этотъ человѣкъ, которому Яковкинъ довольно характерно придавалъ эпитетъ „простенькаго", самъ проповѣдывавшій по пріѣздѣ своемъ въ Казань Friede, Freude und Einigkeit, „по слабости своей впалъ въ разставленныя для него коварственныя сѣти" или, выражаясь проще, сталъ противникомъ самовластія директора. Въ особенности возмущало послѣдняго то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, гдѣ не присутствовалъ главный врагъ Яковкина Цеплинъ, Бюнеманъ записывалъ на особой бумагѣ, для передачи ему потомъ, текстъ латинскихъ разсужденій членовъ и постановленія совѣта новыми еврейскими буквами. Такую передачу отсутствующимъ членамъ совѣтскихъ постановленій Яковкинъ считалъ противозаконною. Впрочемъ о Бюнеманѣ онъ не былъ высокаго мнѣнія и писалъ о немъ, что онъ скорѣе заслуживаетъ по слабости своей сожалѣнія, нежели взысканія. Лекціи Бюнемана, какъ и его личность, были такого рода, что не могли положить достойное основаніе юридическому преподаванію въ Казанскомъ университетѣ. По свидѣтельству Яковкина сами студенты жаловались на медленность преподаванія Бюнемана и просили даже позволенія не посѣщать его аудиторіи, чтобъ не терять даромъ времени. Вѣроятно главная причина заключалась въ латинскомъ текстѣ этихъ лекцій. Объемъ ихъ былъ крайне не великъ. Въ 1805—1806 году онъ читалъ Prolegomena juris naturae, что составило тетрадку in 4°, въ 56 страницъ студенческаго письма, а въ теченіе перваго полугодія 1806—1807 года, лекціи по системѣ juris naturae образовали только 28 страничекъ.

([31]) In domino directore virum probum, bonum et honestum inveni, et hucusque spes mea me de ipso non fefellit, uti etiam uxor ipsius honoratissima dignata est dignatur nos amicissima receptione apud se, ita ut non possim non justum perhibere testimonium de utriusque conjuges in nos summa benevolentia.

Каѳедра греческаго языка и греческой словесности была замѣщена Максимиліаномъ Викентіемъ Лудвигомъ Штёрлемъ (Stoehrl) или, какъ онъ называется въ русскихъ бумагахъ,—*Сторлемъ* (1761—1812 г.). Этотъ докторъ философіи и магистръ словесныхъ наукъ былъ уроженцемъ города Праги (не видно однако ни изъ чего, чтобы Сторль былъ Чехомъ), учился въ Вѣнѣ и тамъ получилъ свои ученыя степени; по вѣроисповѣданію былъ католикомъ. Сторль жилъ въ Дрезденѣ, гдѣ у него было нѣчто въ родѣ пансіона, но онъ не задумавшись разстался съ своими учениками и охотно согласился ѣхать въ Казань. Изъ словъ Сторля, въ одномъ изъ писемъ его къ Румовскому, видно, что у него былъ обширный кругъ знакомства въ русской и польской аристократіи, представителей которыхъ онъ встрѣчалъ при дворахъ вѣнскомъ и дрезденскомъ. Эти личныя знакомства доставили ему рекомендацію къ Румовскому. Въ судьбѣ Сторля принималъ большое участіе князь Адамъ Чарторыскій, знавшій его лично и переславшій къ Румовскому образцики его знаній въ греческомъ языкѣ и литературѣ и въ особенности графъ д'Антрагъ, извѣстный совѣтникъ нашего посольства въ Дрезденѣ, бывшій въ 1789 году членомъ Національнаго собранія, а потомъ вскорѣ эмигрировавшій изъ Франціи. Д'Антрагъ выставлялъ Сторля глубокимъ ученымъ, говорилъ съ восторгомъ о его достоинствахъ и совѣтовалъ поспѣшить приглашеніемъ его въ какой либо университетъ, чтобъ не потерять его. Сторль былъ немедленно назначенъ.

Никакихъ особенныхъ правъ не было у Сторля для занятія каѳедры греческаго языка и литературы. Образцики научныхъ работъ его, представленные имъ Румовскому, ничтожны. Это переводъ на латинскій, французскій и итальянскій языки небольшаго гомерическаго гимна къ Вакху (**), безъ всякаго комментарія, доказывавшаго бы знаніе и критическій талантъ ученаго и небольшое разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ: „Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета", которое Румовскій называлъ „изящнымъ". Сильное вліяніе на попечителя, какъ кажется, имѣли рекомендаціи, особенно князя Чарторыскаго, котораго онъ называетъ „juge compétant des mérites de sçavants". На во-

(**) Homeri carmina. Edit. Didot. 1838. p. 566—567.

просъ, заданный Румовскимъ Сторлю, уже по пріѣздѣ его въ Петербургъ, о томъ, какъ онъ думаетъ преподавать въ Казани греческій языкъ и литературу, какъ первый профессоръ этого предмета, онъ отдѣлался только безсодержательными фразами; въ свободное же отъ занятій главнымъ предметомъ время, онъ брался преподавать не только основанія алгебры и геометріи, безъ примѣненія ихъ однако къ инженерному искусству и артиллеріи (jusqu'au point où ces sciences se croisent avec les écoles du génie et de l'artillerie), но даже открыть курсъ изящной словесности (cours de belles lettres) по языкамъ: нѣмецкому, французскому, итальянскому, испанскому и англійскому. Изъ этихъ заявленій Сторля видно, какъ легко смотрѣлъ онъ на главное свое дѣло и какъ мало былъ къ нему приготовленъ.

Сторль пріѣхалъ въ Казань въ ноябрѣ 1805 года. Съ слѣдующаго же мѣсяца онъ сталъ излагать греческую грамматику, толковать Горація, захватывая такимъ образомъ обязанности профессора Германа и читать миѳологію. Съ половины 1806 года, изъ отчетовъ о лекціяхъ, видно, что онъ читалъ уже греческій синтаксисъ и переводилъ со студентами различныя исторіи изъ Эліана, краткіе разговоры Лукіана, а потомъ и Одиссею и даже первое дѣйствіе Аристофановой комедіи Плутусъ; въ латинскомъ языкѣ Горація смѣнилъ Виргилій. Самъ Сторль называлъ свои лекціи „курсомъ изящной словесности“ и дѣлилъ его на теоретическую и практическую части. Курсъ этотъ посвященъ былъ древности. Главною составною частію его была миѳологія, преподаваніе которой было необходимымъ условіемъ для образованія въ XVIII вѣкѣ; но въ объясненіяхъ миѳовъ Сторль, повидимому, отсталъ сильно отъ современной ему науки о древности въ Германіи: онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія александрійцевъ Евгемера и Палефата. Что касается до курса изящной словесности, то въ немъ Сторль излагаетъ то, что въ позднѣйшіе годы называлось вообще эстетикою: „Je commence par la nature, telle que les anciens nous la retracent, je fais le tableau des grandes passions, des diverses grades de la beauté, du sublime etc.“ Сторль объяснялъ различные роды и виды поэзіи, какъ это требовалось въ піитикѣ, съ изложеніемъ историческаго развитія каждаго. Практическая часть преподаванія заключалась въ томъ, что Сторль показывалъ своимъ слушателямъ и объяснялъ изображенія въ извѣстномъ

сочиненіи Монфокона: L'antiquité expliquée et représentée en figures. Это могло нагляднымъ образомъ знакомить студентовъ съ художественными памятниками античнаго міра и способствовать развитію въ нихъ эстетическаго чувства, „éclairer leur ésprit, en touchant plus vivement leur imagination", какъ писалъ самъ профессоръ. На сколько Сторль приносилъ своимъ преподаваніемъ пользы, намъ неизвѣстно, но изъ всего, что мы знаемъ о немъ, для насъ очевидно, что преподаваніе это имѣло самый неопредѣленный характеръ; притомъ Сторль былъ въ одинаковомъ съ Германомъ положеніи: живаго общенія съ слушателями не могло у него быть. Но онъ не жаловался однако, или по мягкости своего характера, или потому, что постоянно принадлежалъ къ числу сторонниковъ и угодниковъ Яковкина. Сторлю приходилось начинать съ греческой азбуки и медленно идти шагъ за шагомъ; путь этотъ былъ труденъ и для профессора и для студентовъ и по необходимости пришлось ограничиться тѣмъ, что казалось легче и занимательнѣе. Впрочемъ Сторль скоро, какъ кажется, замѣтилъ и самъ безполезность своего преподаванія вовсе неприготовленнымъ слушателямъ, что видно изъ его представленія совѣту о необходимости завести въ Казанской гимназіи классъ греческаго языка, въ которомъ, по его предположенію, ученики должны были выучиться читать и писать по гречески и познакомиться по крайней мѣрѣ съ склоненіями и съ спряженіями. Съ разрѣшенія попечителя такое преподаваніе было и поручено учителю латинскаго языка Бѣлоусову, но оно, какъ кажется, продолжалось очень не долго, главнымъ образомъ потому, что ученики гимназіи должны были и безъ того учиться тремъ иностраннымъ языкамъ и для греческаго недоставало времени.

„По причинѣ обширнаго знанія словесныхъ наукъ", которое въ Сторлѣ очень цѣнилъ Румовскій, онъ назначилъ его первымъ библіотекаремъ Казанскаго университета и поручилъ ему разобрать всѣ книги, принадлежащія гимназіи и университету, раздѣлить по содержанію книгъ библіотеку на университетскую и гимназическую и сочинить для обѣихъ катологи по тому порядку и расположенію, какія Сторль признаетъ лучшимъ. Румовскій первый обратилъ вниманіе изъ Петербурга, на состояніе и порядокъ библіотеки; онъ потребовалъ прежде всего списокъ сколько книгъ и кѣмъ

изъ библіотеки забрано. „Однимъ профессоромъ Цеплинымъ, писалъ онъ въ совѣтъ (8 ноября, 1806 года, № 403), къ удивленію моему, забрано восемьдесятъ одна книга; въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своевольство, которому конецъ положить почитаю своимъ долгомъ". Поэтому Румовскій поручалъ совѣту немедленно собрать всѣ находящіяся у профессоровъ книги, а Сторлю довѣрялъ составить правила, по которымъ можно бы было пользоваться книгами изъ библіотеки. Еще прежде онъ вытребовалъ къ себѣ каталоги всѣхъ имѣющихся книгъ и самъ принималъ живое участіе въ выборѣ назначаемыхъ профессорами книгъ, бракуя нѣкоторыя и замѣняя ихъ по своему усмотрѣнію другими. Съ конца 1806 года начинается такимъ образомъ исторія университетскаго книгохранилища.

Первоначальная библіотека Казанскаго университета, состоявшая по каталогу Сторля въ 1807 году, изъ 1737 названій въ 4022 переплетахъ, на сумму, по позднѣйшей и разумѣется низкой и невѣрной оцѣнкѣ, 13,328 р. 57¼ коп. сер., образовалась случайно, изъ разныхъ собраній, но происхожденіе ихъ весьма замѣчательно. Главныя собранія принадлежали князю Потемкину-Таврическому и очень извѣстному въ нашей церковной исторіи прошлаго вѣка Евгенію Булгарису, архіепископу Славенскому и Херсонскому (1716—1806). Происходя изъ огреченной болгарской фамиліи, переселившейся на островъ Корфу, Евгеній вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ получилъ блестящее научное образованіе, сначала въ итальянскихъ, а потомъ и въ германскихъ университетахъ, прославился своими сочиненіями на ново-греческомъ языкѣ и глубокими философскими знаніями. Не смотря на эти достоинства и на то, что онъ уже пріобрѣлъ славу краснорѣчиваго проповѣдника въ Македоніи, печальное политическое положеніе его родины подъ турецкимъ гнетомъ заставило Евгенія искать счастія въ другихъ странахъ. Лѣтъ шесть онъ пробылъ въ Германіи, гдѣ сблизился со многими профессорами и печаталъ свои сочиненія, сдѣлавшія имя его извѣстнымъ до такой степени, что Фридрихъ Великій въ 1769 году ре-

комендовалъ его Екатеринѣ въ качествѣ ученаго грека для перевода на ново-греческій языкъ ея „Наказа“. По окончаніи этого перевода Императрица въ 1771 году назначила его своимъ собственнымъ библіотекаремъ. Черезъ четыре года Евгеній посвященъ былъ въ архіепископы славенскіе и херсонскіе (нынѣ Екатеринославская епархія) „по случаю переселившихся въ тотъ край иноплеменниковъ, незнающихъ русскаго языка, а исповѣдывающихъ однако православную греческую вѣру“ и сдѣлался такимъ образомъ участникомъ *греческаго проэкта*, занимавшаго съ 1769 года умъ и фантазію Екатерины и Потемкина. Евгеній впрочемъ управлялъ своею епархіею только до 1779 года, но жилъ до 1801 года въ Полтавѣ на покоѣ, а потомъ уже переселился въ Петербургъ въ Александро-невскую лавру, гдѣ и умеръ. Его библіотека, состоявшая главнымъ образомъ изъ сочиненій богословскихъ (здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ изданія греческихъ отцевъ церкви), философскихъ и историческихъ была, по всей вѣроятности, пріобрѣтена по распоряженію Потемкина и вмѣстѣ съ другими купленными имъ книгами, предназначалась для утвержденнаго уже Екатериною университета въ Екатеринославѣ (³³). Еще въ 1784 году Ека-

---

(³³) Что главная часть библіотеки Евгенія Булгариса вошла въ составъ Потемкинской, видно изъ старыхъ, еще до основанія Казанскаго университета написанныхъ каталоговъ ея, гдѣ находятся всѣ тѣ книги, которыя имѣютъ на себѣ собственноручную надпись Евгенія о принадлежности ихъ ему. Это нѣсколько противорѣчитъ показаніямъ біографовъ Евгенія Булгариса, что онъ завѣщалъ отдать по смерти свою библіотеку въ Александро-невскую академическую (*Евгеній*, митроп., Слов. Духовн. Писат. 1827 г. I, 162 и *Соловьевъ Петръ*, въ журн. «Странникъ» 1867 г. т. III, № 7, стр 11), но у митрополита Евгенія говорится только о «печатныхъ книгахъ, оставшихся уже въ немногомъ числѣ», изъ чего слѣдуетъ, что главнаго собранія, при смерти Евгенія Булгариса, уже не существовало. Когда оно было пріобрѣтено Потемкинымъ—мы не знаемъ, но невѣрно также и указаніе А И. Артемьева (статья «Прогулки по Казани». VI. Университетская Библіотека. *Губ. Вѣдом.* 1850 г. № 16, стр. 130), по которому библіотека Евгенія Булгариса поступила въ вѣдѣніе университета уже по смерти его въ 1806 году: въ дѣлахъ архивныхъ нѣтъ на это даже и намека. Поэтому нѣтъ никакой возможности говорить о составѣ Потемкинской библіотеки, какъ бы ни было это любопытно (*Владиміровъ;* Истор. Зап. I, 39). Впрочемъ, не смотря на печальную судьбу, постигшую библіотеку «великолѣпнаго князя Тавриды», понятную

терина повелѣвала именнымъ указомъ князю Потемкину „основать университетъ, въ которомъ не только науки, но и художества преподаваемы быть долженствуютъ, какъ для вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, такъ и для сосѣдственныхъ намъ, наипаче же единовѣрныхъ нашихъ" ([34]). Еще гигантскій городъ, долженствовавшій и по имени быть славою Екатерины, съ окружностью въ 50 верстъ, съ улицами въ 30 саж. ширины, существовалъ только въ проэктѣ, а на Екатеринославскій университетъ уже ассигновалась въ годъ громадная по времени сумма въ 311,341 р. 30 к., приглашались профессора, которымъ Потемкинъ поручалъ уже разводить по берегамъ Днѣпра виноградники, покупались библіотеки, музеи. . . .

Прошли годы. Широкіе фантастическіе планы о господствѣ надъ славяно-греческимъ востокомъ и о великолѣпныхъ городахъ, выроставшихъ, какъ бы по волшебству, въ безлюдныхъ пустыняхъ новороссійскихъ, уступили мало по малу вліяніямъ болѣе узкой исторической дѣйствительности. Смерть Потемкина и старость Екатерины отвлекли значительную долю правительственнаго вниманія отъ края, которому въ мечтахъ ихъ представлялась такая блестящая историческая будущность. Не прошло и шести недѣль по смерти Екатерины, какъ и самый городъ ея, Екатеринославъ, по указу императора Павла, переименованъ былъ въ Новороссійскъ. Громадныя постройки пріостановились вслѣдъ за смертію князя Таврическаго; университетъ не осуществился, а библіотека и другія собранія для него, пріобрѣтенныя по распоряженію Потемкина, были переданы въ вѣдомство приказа общественнаго призрѣнія ([35]). Нѣсколько лѣтъ эти

въ странѣ, гдѣ уваженіе къ книгѣ не составляетъ еще гражданской добродѣтели, не смотря на расхищенія людей и времени, историкъ Потемкина и его широкихъ фантастическихъ замысловъ, найдетъ и теперь въ библіотекѣ Казанскаго университета, въ нѣкоторыхъ современныхъ брошюрахъ, въ рукописяхъ лично принадлежавшихъ Потемкину и въ планахъ и рисункахъ еще довольно любопытнаго. Мы были бы очень счастливы, еслибъ наше указаніе возбудило чью либо провинціальную любознательность.

([34]) Полн. Собр. Зак. № 16057.

([35]) Изъ этой передачи видно, что библіотека не была частною собственностью Потемкина и что нѣкоторыя его книги и рукописи попали въ нее случайно.

собранія, не имѣя ни каталоговъ, ни описей, что безъ сомнѣнія еще болѣе способствовало ихъ расхищенію, безъ цѣли и назначенія, находились въ Новороссійскѣ, въ томъ печальномъ видѣ, въ какомъ привыкли мы часто находить научныя пособія въ нашемъ отечествѣ, пока не вспомнили о нихъ совершенно случайно и не вспомнили въ Казани. Одинъ изъ кратковременныхъ казанскихъ военныхъ губернаторовъ при императорѣ Павлѣ, генералъ-лейтенантъ де-Лассій (онъ управлялъ губерніею съ января по августъ 1798 года), въ пребываніе Павла въ Казани, дѣлая ему докладъ о возстановленіи гимназіи въ Казани, упомянулъ о находящихся безъ всякаго употребленія въ Новороссійскѣ библіотекѣ и нѣкоторыхъ собраніяхъ князя Потемкина и ходатайствовалъ о томъ, чтобъ они переданы были въ вѣдѣніе Казанской гимназіи, тогда же утвержденной Павломъ(86). Это представленіе губернатора было немедленно утверждено (87) и библіотека въ началѣ слѣдующаго года была доставлена въ Казань на 18 подводахъ. На перевозку деньги употреблены были изъ губернскихъ доходовъ. Безъ сомнѣнія это были только обломки первоначальнаго собранія (88).

---

(86) Существованіе этой библіотеки могло быть извѣстно Де-Лассію и не отъ одного учителя Мари (*Владиміровъ*, I, 37), а потому что онъ самъ служилъ при Потемкинѣ. Де-Лассій былъ вообще человѣкъ образованный, съ твердыми и независимыми убѣжденіями. См. Записки *Энгельгардта*. М. 1867 г. стр. 209, 213.

(87) П. С. З. Росс. Имп. 1798 г. т. XXV. № 18539.

(88) Изъ описи, сдѣланной пріемщикомъ библіотеки, учителемъ Казанской гимназіи Богданомъ Линкеромъ, подписанной также сдатчикомъ ея новороссійскаго главнаго народнаго училища математическихъ наукъ учителемъ Василіемъ Якубовскимъ, и хранящейся въ архивѣ Казанскаго университета (Дѣла Совѣта, 1806 года. № 43), видно, какъ много было дефектовъ въ этой библіотекѣ, какъ много эстамповъ вырвано было руками вандаловъ изъ дорогихъ и рѣдкихъ иллюстрированныхъ гравюрами изданій прошлаго вѣка. Невѣжественное отношеніе общества къ умственнымъ сокровищамъ выразилось здѣсь вполнѣ. Гимназія нѣсколько лѣтъ вела переписку о дефектахъ, но ничего не добилась; сама она тоже довольно равнодушно отнеслась къ подареннымъ ей книгамъ и помѣстила ихъ въ какомъ то подвалѣ. См. объ этомъ подробно у *Владимірова*, I. 37—31.

Другою составною частію первоначальной библіотеки Казанскаго университета были книги, пожертвованныя въ Павловскую гимназію 26 ноября 1798 года образованнымъ казанскимъ помѣщикомъ надворнымъ совѣтникомъ Василіемъ Ипатовичемъ Полянскимъ, собранныя имъ во время его путешествій по Европѣ. Лицо это, о которомъ живыя преданія давно исчезли въ Казани, но котораго потомки по женской линіи живутъ еще въ ней, представляется во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ и не по одному тому, что онъ высказалъ своимъ пожертвованіемъ живое участіе къ учебному заведенію родного города. Къ сожалѣнію біографическія свѣдѣнія о немъ весьма неопредѣленны, случайны и вообще даютъ неясное понятіе объ этомъ человѣкѣ, на которомъ въ сильной степени отразилась умственная жизнь XVIII вѣка, даже съ ея крайностями (39). Все-таки на темномъ фонѣ стараго провинціальнаго невѣжества Полянскій является свѣтлымъ и привлекающимъ къ себѣ явленіемъ.

Рода Полянскихъ нѣтъ ни въ бархатной, ни въ старинныхъ разрядныхъ книгахъ (40); давно ли онъ существовалъ въ Казани—также неизвѣстно; но у Полянскаго были деревни и вообще онъ былъ человѣкомъ не бѣднымъ, хотя и не принадлежалъ къ мѣстнымъ богачамъ. Ни годъ рожденія Полянскаго (1742?), ни годъ его смерти (41), ни мѣсто

---

(39) «Было бы весьма желательно, говоритъ А. И. Артемьевъ въ упомянутой статьѣ (*Губ. Вѣд.* 1850 г. № 16), чтобы кто нибудь изъ лицъ, знавшихъ обстоятельства жизни В. И. Полянскаго, короче нашего, составилъ болѣе полную біографію его». Прошло двадцать пять лѣтъ и такой біографіи не явилось. Потомки Полянскаго, не смотря на вызовъ къ нимъ, не разъ повторяемый въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, не откликнулись ни словомъ, а очень можетъ быть, что фамильныя бумаги Полянскаго и уцѣлѣли. Въ нашемъ очеркѣ мы воспользовались всѣмъ, что сдѣлалось извѣстно въ печати со времени статьи Артемьева.

(40) Только при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ упоминается дьякъ иноземнаго приказа Еремѣй, да подъячій приказа Казанскаго дворца Макаръ Полянскіе. *Разрядн. Кн.* II, 1110 и 1215.

(41) Записки *Добрынина* въ Русск. Стар. 1871 г. т. IV стр. 132 На любопытномъ надгробномъ памятникѣ Полянскаго, съ мистическими эмблемами, находящемся во дворѣ загороднаго казанскаго архіерейскаго дома, рядомъ съ памятниками семьи Юшковой (родная сестра Полянскаго Надежда Ипатовна была за-мужемъ за Юшковымъ; другая же сестра его

первоначальнаго образованія его намъ неизвѣстны. Изъ письма Екатерины къ Вольтеру видно, что Полянскій служилъ въ военной службѣ и служилъ въ Сибири (она называетъ его jeune officier). Онъ отличился тамъ честностью, превосходно, по порученію губернатора, разложилъ въ двухъ округахъ налоги, безъ тѣхъ притѣсненій, какія производились издавна. Губернаторъ очень рекомендовалъ Полянскаго Екатеринѣ: онъ находилъ въ немъ, кромѣ другихъ качествъ, сильное желаніе образовать себя и Екатерина доставила ему средства отправиться въ чужіе края. Безъ сомнѣнія Полянскій представлялся Екатеринѣ.

Въ маѣ 1771 года онъ уже путешествуетъ за границей и посѣщаетъ Вольтера въ Фернеѣ, какъ человѣкъ лично извѣстный императрицѣ Екатеринѣ. Вольтеръ въ восторгѣ отъ его обращенія, любезности, ума, его признательности къ императрицѣ за ея благодѣянія. Изъ писемъ Вольтера видно, что Полянскій бывалъ при дворѣ Екатерины и восхищалъ его своими разсказами о великолѣпіи этого двора, о привѣтливости императрицы, о ея трудахъ и занятіяхъ. Болѣе полугода пробылъ Полянскій вблизи Вольтера. Въ декабрѣ 1771 года фернейскій пустынникъ пишетъ къ Екатеринѣ, что „у Полянскаго сильное желаніе видѣть Италію, гдѣ онъ научился бы лучше служить Вашему Императорскому Величеству, нежели въ сосѣдствѣ Швейцаріи и Женевы; онъ давно уже ждетъ на то вашихъ приказаній и вашихъ щедротъ. Это человѣкъ весьма умный и весьма доб-

за казанскимъ прокуроромъ Романовымъ. См. *Гротъ*, Держ. V. 350—351), говорится о нравственномъ *возрожденіи* покойнаго, послѣдовавшемъ 23 ноября 1784 года и что всего житія его было 59 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и пять дней. Этотъ счетъ относится уже къ настоящей, человѣческой жизни. См. *Справочн. Лист.* города Казани 1867 г. № 91. По указанію Добрынина, Полянскому въ 1780 году было 38 лѣтъ (стр. 121), а, принимая въ соображеніе надгробную надпись, можно приблизительно опредѣлить для рожденія его 1742 годъ, а для смерти 1800 или 1801 годы. Напрасно только авторъ статейки въ Справочн. Листкѣ (г. Ильминскій), котораго нельзя не поблагодарить за любопытное указаніе, повѣрилъ на слово, что Полянскій былъ ученикомъ Вольтера и отсюда вывелъ ненужныя нравоученія.

рый; его сердце искренно предано Вашему Величеству" ([42]). Деньги и на это путешествіе были также присланы Екатериною и Полянскій посѣтилъ Италію. Можно предполагать, что въ путешествіи Полянскаго сильно занимало искусство, хотя самъ онъ не былъ художникомъ. Это видно изъ того, что по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, въ концѣ 1772 года, онъ былъ назначенъ секретаремъ Академіи Художествъ. Вольтеръ такъ полюбилъ Полянскаго, что когда дошло до него ложное извѣстіе, что тотъ, по возвращеніи въ Россію, утонулъ въ Невѣ, онъ очень о немъ сокрушался и сильно жалѣлъ его, но Екатерина поспѣшила успокоить Вольтера.

Эта личная извѣстность Полянскаго Екатеринѣ, его умъ, его образованіе, превосходное знаніе языковъ французскаго и итальянскаго, на которыхъ онъ, по свидѣтельству современника, говорилъ какъ на родномъ, даръ слова и остроуміе, увлекательное и охватывающее общество, все это, казалось, должно было обѣщать Полянскому блестящую карьеру и на служебномъ поприщѣ, и въ жизни, и въ умственной дѣятельности. Но натура Полянскаго одарена была свойствами пылкими и страстными; своей воли онъ не умѣлъ сдерживать и это повело его къ такимъ столкновеніямъ житейскимъ, которыя испортили окончательно его будущность. Главную роль въ его судьбѣ играли женщины; увлеченіе ими погубило Полянскаго. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, кромѣ исправленія должности секретаря академіи художествъ, Полянскій служилъ еще въ коммиссіи о составленіи законовъ, подъ начальствомъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, того самаго, который былъ начальникомъ и Державина, хорошо знакомаго Полянскому, какъ видно изъ переписки его съ казанскимъ директоромъ Кауницемъ. И тутъ остался слѣдъ его дѣятельности. По свидѣтельству человѣка, хорошо его знавшаго, Полян-

---

([42]) *Voltaire*. Oeuvres complètes. Gotha. 1788. t. IV. p. 213 и тамъ же p. 162. 223. 261. 263. 267. Свѣдѣнія о сибирской службѣ Полянскаго находятся въ письмѣ Екатерины къ Вольтеру, не напечатанномъ ни въ одномъ сборникѣ ихъ корреспонденціи и только недавно изданномъ у насъ съ черновой рукописи. См. *Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.* Спб. 1874. т. XIII. стр. 123—124.

скому въ Екатерининскомъ учрежденіи о губерніяхъ принадлежитъ XXVI глава, заключающая въ себѣ статьи „о совѣстномъ судѣ“ (⁴³). Въ 1777 или 1778 году увлеченіе женщиной въ Петербургѣ испортило его служебное положеніе. Онъ увезъ жену какого-то Демидова; городская полиція гналась за нимъ, а Полянскій вздумалъ отбиваться отъ нея оружіемъ. За это онъ былъ отданъ подъ судъ, и во время слѣдствія надъ нимъ, сидѣлъ подъ карауломъ въ Сенатѣ. Въ отвѣтахъ на вопросные пункты, предложенные ему генералъ-полицмейстеромъ, Полянскій увлекся до того, что въ оправданіе себя говорилъ чрезвычайно смѣло и, по выраженію современника, „дописался до вершины горъ, на которыхъ сами боги обитаютъ, творя подобная всѣмъ человѣкамъ“ (⁴⁴). По суду Сенатъ, нашедшій въ отвѣтахъ Полянскаго оскорбленіе государыни, опредѣлилъ отрубить ему руку, но Екатерина поступила въ этомъ случаѣ великодушно; она цѣнила достоинства Полянскаго, простила его и только посмѣялась надъ его увлеченіемъ. Продолжать однако службу въ Петербургѣ Полянскому было уже нельзя. Въ это время первый намѣстникъ Бѣлоруссіи графъ З. Г. Чернышевъ принялъ участіе въ судьбѣ его, говорилъ въ его пользу государынѣ и съ согласія ея помѣстилъ его совѣтникомъ въ только что открытое Могилевское намѣстническое правленіе.

Служба Полянскаго, начавшаяся въ Могилевѣ въ 1778 году, продолжалась однако очень не долго и окончилась также крупнымъ скандаломъ, имѣвшимъ болѣе рѣшительное вліяніе на судьбу его, чѣмъ петербургское приключеніе. Въ Могилевѣ узналъ его Добрынинъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ, и въ своихъ запискахъ оставилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о немъ. Вмѣстѣ ѣздили они по губерніи и открывали новыя присутственныя мѣста по уѣзднымъ городамъ. Добрынина поражали свѣдѣнія Полянскаго, его знаніе дѣла и желаніе изучить новый край. Изъ его замѣтокъ видно, что въ Полянскомъ сильно было развито честолюбіе, страсть играть первую роль въ губерніи и, пользуясь сво-

---

(⁴³) Записки *Добрынина* стр. 134.

(⁴⁴) Тамъ-же, стр. 135.

нимъ положеніемъ, распоряжаться самовластно и рѣшительно, съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему тому, что окружало его и было въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ничтожно передъ нимъ. Это разумѣется возбудило общую и сильную вражду къ Полянскому, въ особенности между наѣхавшими въ новую губернію русскими чиновниками. Выходило, что Полянскій одинъ управлялъ губерніей. И въ умственномъ отношеніи онъ стоялъ гораздо выше всего окружавшаго его общества. Изъ словъ Добрынина, темныхъ и сдержанныхъ, по его собственному боязливому отношенію къ предмету, видно, что Полянскій завелъ тогда же въ Могилевѣ масонскую ложу (45).

Въ концѣ 1780 года пылкій не по лѣтамъ Полянскій снова увлекся женщиною. Предметомъ его увлеченія была молодая жена стараго генерала, лютеранка по вѣроисповѣданію, открыто бросившая мужа для любовника. Полянскій хлопоталъ уже о разводѣ, дѣло близилось къ благопріятному концу, какъ вдругъ обиженный супругъ прибѣгнулъ къ грубому средству отмстить за свой позоръ. Однажды, изъ служебной поѣздки, Полянскаго привезли домой избитаго и едва живаго: надъ нимъ сильно поработали руки наемныхъ негодяевъ. Судъ преслѣдовалъ ихъ и они не избѣгли потомъ законнаго наказанія, но Полянскому было отъ того не легче: нравственныя и тѣлесныя передряги отозвались сильно на его здоровьи; пораженный параличомъ, онъ уже до конца жизни не могъ поправиться. Разводъ генеральши былъ между тѣмъ рѣшенъ законнымъ порядкомъ, Полянскій принужденъ былъ выдти въ отставку и вмѣстѣ съ нею уѣхать въ свои казанскія деревни (впослѣдствіи времени онъ женился на ней и имѣлъ двоихъ дѣтей).

Послѣ шумной, исполненной треволненій и разнообразныхъ умственныхъ впечатлѣній жизни, съ подорваннымъ навсегда здоровьемъ, Полянскій воротился на родину. Впрочемъ онъ не вдругъ разстался съ дѣятельною жизнью и нѣкоторое время служилъ еще совѣтникомъ въ казанскомъ намѣстническомъ правленіи, но служилъ не болѣе года Болѣзни и годы, и, какъ кажется, смерть малолѣтнихъ дѣтей,

---

(45) Тамъ же, стр. 110.

въ копіи учителя рисованія Крюкова (отца извѣстнаго московскаго профессора). Оригиналъ портрета, писанный, какъ видно изъ надписи, въ 1777 году довольно извѣстнымъ датскимъ живописцемъ Дарбсомъ, славившимся сходствомъ своихъ портретовъ, безъ сомнѣнія остался въ семействѣ Полянскаго и существуетъ ли въ настоящее время—намъ неизвѣстно. „На этомъ портретѣ Полянскій лѣтъ 30; лицо его открытое, довольно полное; тонкія черныя брови осѣняютъ выразительные большіе черные глаза; немного приподнятый носъ и тонкія, съ улыбкою сжатыя губы, придаютъ всей его физіономіи добродушно-насмѣшливое выраженіе. Онъ одѣтъ въ теплый голубой халатъ или въ легкую шубку; между полъ виднѣется разстегнутый воротъ рубашки съ манжетами; на головѣ пудреный парикъ съ короткими кудрями" (80). Въ числѣ пожертвованныхъ Полянскимъ вещей былъ и очень хорошій современный портретъ Вольтера, по преданію лично подаренный имъ казанскому путешественнику Онъ тоже сохранился до сихъ поръ въ университетѣ.

Личность и похожденія Полянскаго отвлекли насъ отъ профессора Сторля и отъ труда его надъ библіотекою Казанскаго университета, но мы считали своимъ долгомъ помянуть на этихъ страницахъ, посвященныхъ его прошлому, рѣдкаго и замѣчательнаго Казанца, имя котораго нѣкоторымъ образомъ сливается съ судьбами мѣстнаго просвѣщенія. Что касается Сторля, то онъ очень скоро выполнилъ возложенное на него порученіе, чему много способствовало и незначительное количество книгъ; его каталоги, его раздѣленіе книгъ, его правила для пользованія библіотекою были безпрекословно одобрены Румовскимъ. Библіотечное дѣло было любимымъ дѣломъ Сторля и онъ предался ему съ полнымъ увлеченіемъ. Самъ онъ былъ человѣкъ тихій и скромный, не любившій споровъ въ совѣтѣ университетскомъ и не интересовавшійся вопросами о самоуправленіи, поднимаемыми въ немъ. За эти качества Сторль пользовался расположеніемъ самовластнаго Яковкина. Директоръ называлъ его обыкновенно „безпристрастнымъ, чистосердечнымъ и добродушнѣйшимъ" и ссылался на его мнѣнія въ письмахъ къ

---

(80) *А. И. Артемьевъ* «Университетская библіотека». Губ. Вѣд. 1850 г. № 16, стр. 129.

Румовскому. Подобно Фуксу, онъ старался удаляться отъ всякихъ служебныхъ тревогъ. Но мягкій характеръ, скромная личность и положительное незнаніе русскаго языка очень часто приводили его въ столкновеніе съ грубыми властями провинціальнаго города. Въ концѣ 1806 года, по Высочайшему указу Правительствующему Сенату, отъ 28 ноября 1806 года, по случаю нашихъ европейскихъ войнъ въ то время, и въ Казани была открыта при городской шестигласной думѣ такъ называемая коммиссія для разбора иностранцевъ, какъ изъ природныхъ французовъ, такъ и уроженцевъ изъ странъ, подъ властью французскаго правительства состоящихъ; послѣднихъ было довольно и въ гимназіи и въ университетѣ. Всѣ они должны были являться въ коммиссію и предъявлять свои пашпорты и званія; многіе жаловались на дерзость и грубости частнаго пристава Потто, распоряжавшагося въ коммиссіи, но больше всѣхъ досталось Сторлю: по его собственнымъ словамъ „on l'avait traité comme un gueux, comme le dernier des garçons de métier". Яковкинъ принялъ къ сердцу жалобы Сторля и стойко хлопоталъ за права университетскихъ преподавателей передъ начальникомъ губерніи. Высочайшимъ манифестомъ того времени, кромѣ того, отъ всѣхъ иностранцевъ требовалась новая присяга на службу, въ томъ числѣ и отъ профессоровъ. Это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. „Кажется, что всѣ они дадутъ оную безпрекословно на вѣчное россійское подданство, писалъ къ Румовскому Яковкинъ (18 декабря, 1806 года), потому что, кромѣ профессоровъ Сторля, Фукса и адъюнкта Эвеста, прочихъ за долги не выпустятъ изъ Россіи. Казанскому аптекарю Зассу, какъ мнѣ извѣстно, г. Германъ долженъ болѣе 2000 р., Цеплинъ болѣе 1500, Бюнеманъ болѣе 500 р.; а жалованье забираютъ тотчасъ при началѣ наступившаго мѣсяца". Въ другой разъ Сторль принесъ формальную жалобу по латыни университетскому начальству на полицію, которая нарушила его профессорскія права и поставила на квартиру въ домъ его проходившую военную команду ([81]). Кромѣ занятій по библіотекѣ, гдѣ помощникомъ его былъ студентъ—кандидатъ

([81]) Приведемъ для курьеза эту жалобу, тѣмъ болѣе что въ ней видѣнъ взглядъ полиціи на профессора: «Anni 1807 die 15 Januarii copiae

Кондыревъ, любимый ученикъ Яковкина, впослѣдствіи профессоръ, и чтенія лекцій, отъ Сторля не осталось никакихъ слѣдовъ научной дѣятельности. Какъ до Казани, такъ и въ ней, онъ ничего не печаталъ. Умеръ онъ въ началѣ 1813 года.

На каѳедру естественной исторіи и ботаники, вакантную за смертію въ Перми профессора Протасова, въ сентябрѣ 1805 года назначенъ былъ докторъ медицины Карлъ Ѳедоровичъ *Фуксъ* (1779—1846 г.). Человѣкъ этотъ, служившій около тридцати лѣтъ Казанскому университету и слишкомъ сорокъ лѣтъ проведшій въ Казани, до сихъ поръ еще не умеръ въ памяти отживающаго поколѣнія ея жителей. Еще часто можно слышать отъ стариковъ характерные и любопытные разсказы объ этомъ человѣкѣ, любимомъ и уважаемомъ всѣми его знавшими. Въ умственной жизни Казани онъ и жена его, казанская уроженка Александра Андреевна Фуксъ, извѣстная въ мѣстной литературѣ многими стихотвореніями и сочиненіями, описывающими бытъ нѣкоторыхъ инородцевъ Казанской губерніи (въ сочиненіяхъ этихъ принималъ непосредственное участіе ея мужъ), въ теченіи многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ такой общій для всѣхъ, свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ тѣ въ Казани, для которыхъ почему либо были дороги умственные интересы. Въ тѣ годы, когда жили и дѣйствовали

---

equestres a finitimis Asiae provinciis venientes et ad exercitum proficiscentes Casanam intrarunt. Manus horum militum, a quodam officiciali politiæ (квартальный) ducti, in domicilium meum, ut noctem scilicet ibi transigerent, irruperunt. Dictus ille officialis, licet admonitus, hoc habitaculum a Professore conductum esse, januam culinæ vi effregit, et coqui mei caput baculo comminuisset, nisi ille fuga se subduxisset. Cui violentiæ officialis responsi loco ad commonitionem haec verba addidit: «et si Diabolus hic habitaret loci, ego Dominus atque Herus, ego volo et jubeo, hosce milites hic . . . . . et noctem hic transigere». Non ego urgeo Professoris dignitatem per hanc violentiam fuisse laesam, sed sacrum mandatum Augustissimi Imperatoris, quo sancivit, Professorum domicilia debere esse tuta, et nullo sub praetextu laedi.

оба супруга, привѣтливые центры въ родѣ ихъ дома были вполнѣ возможны; въ темной жизни провинціи они составляли отрадное явленіе. Въ настоящее время нѣтъ уже условій для ихъ существованія. Не говоря о значеніи самой, въ высшей степени привлекательной личности старика Фукса, при рѣчи о собраніяхъ въ его домѣ, не слѣдуетъ выпускать изъ виду исчезнувшихъ историческихъ условій общественной жизни. Послѣдняя въ ту пору не отличалась современною пестротою и разнообразіемъ; интересы ея были весьма односторонни и одноцвѣтны. Вопросы ума, литературы, искусства, во имя которыхъ собирались нѣкоторые лучшіе казанскіе люди въ домѣ Фуксовъ, были такого отвлеченнаго, идеальнаго, общаго свойства, уходили такъ далеко отъ жизни, что на ихъ нейтральной почвѣ легко могло происходить соединеніе личностей, различныхъ и по общественному положенію, и по средствамъ, и по возрасту, и по умственному развитію. Къ чисто отвлеченнымъ вопросамъ не примѣшивалось тогда вовсе отношенія къ жизни дѣйствительной, которое придаетъ имъ теперь жгучія свойства. Въ наше время въ провинціи соединеніе людей во имя безотносительныхъ, чистыхъ интересовъ поэзіи или просто во имя образованныхъ взглядовъ едва ли возможно (другое дѣло наука, но она едва только начинается у насъ, и собранія во имя ея носятъ пока только оффиціальный характеръ). Люди нашего времени, какимъ нибудь чудомъ собравшіеся въ гостепріимный домъ Фукса, для чтенія стихотвореній и статей, разумѣется съ современнымъ, близкимъ къ живой и дѣйствительной жизни содержаніемъ, едва ли бы разошлись мирно и съ удовлетвореннымъ чувствомъ.

Ведя разсказъ о первыхъ годахъ университетской жизни, мы считаемъ не у мѣста говорить здѣсь ни о литературныхъ вечерахъ Фуксовъ, ни о содержаніи ихъ литературной дѣятельности. Все это относится къ значительно болѣе позднему времени, но конечно не можетъ быть обойдено молчаніемъ на нашихъ страницахъ: съ дѣятельностію Фукса и его личностію намъ придется еще часто встрѣчаться.

Современный читатель, слыша теперь передаваемые разсказы о литературныхъ собраніяхъ въ домѣ Фуксовъ и о томъ, какъ иной разъ на нихъ присутствовало въ каче-

ствѣ слушателей и слушательницъ много лицъ изъ лучшаго общества казанскаго, очень ошибется однако, полагая, что масса привлекалась участіемъ къ тѣмъ общимъ отвлеченнымъ интересамъ литературнымъ, о которыхъ мы говорили. Весьма только незначительное меньшинство привлекалъ самъ Фуксъ съ его развитіемъ научнымъ, съ богатымъ и разнообразнымъ, опытнымъ умомъ, съ обширными свѣдѣніями во всемъ, что только можетъ интересовать образованнаго человѣка, съ своею добродушно-хитрою и тонкою ироніею. Все это цѣнить могли немногіе, и цѣнили главнымъ образомъ люди заѣзжіе, особенно иностранные путешественники, искавшіе въ старикѣ Фуксѣ знатока мѣстнаго края. Съ другой стороны стихотворныя произведенія его супруги слушались вообще съ едва скрываемой насмѣшливой улыбкой; на ея поэмы смотрѣли, какъ на тщеславную слабость свѣтской женщины того времени. Случайный бракъ Фуксовъ, о которомъ сохранилось нѣсколько юмористическихъ преданій между старожилами, для такого профессора и ученаго, какъ Фуксъ, былъ mésaillance въ духовномъ отношеніи; мужу единственно жена была обязана, если не механизмомъ стиха, можетъ быть наслѣдственнымъ даромъ въ семьѣ Каменева, къ которой она принадлежала, то выборомъ и содержаніемъ своихъ поэмъ; безъ мужа г-жа Фуксъ едва ли бы могла выйдти изъ узкой сферы своей пошленькой провинціальной свѣтской жизни; ученый и профессоръ, на сколько могъ старался возвысить ее до себя. Прежде и больше всего въ Фуксу привлекало его служеніе обществу; во имя его посѣщались и литературныя собранія въ его домѣ и посѣщались многими. Фуксъ былъ практическій врачъ, врачъ, какъ говорится между медиками, счастливый, почти единственный въ Казани, пользовавшійся популярностью не только между разноплеменнымъ ея населеніемъ, но и въ нѣсколькихъ окрестныхъ губерніяхъ. Имя Фукса, какъ врача было извѣстно всей Казани и любимо во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Если въ богатомъ классѣ, слишкомъ дорожащемъ жизнью и ея благами, на Фукса смотрѣли какъ на Бога, раздавателя жизни и смерти, то посреди семей бѣдняковъ онъ являлся не только врачемъ тѣлесныхъ страданій, но и дѣйствительнымъ помощникомъ въ нуждѣ и горѣ. Душу полную любви и участія вносилъ Фуксъ въ жилища бѣдныхъ. При обширной своей практикѣ, при томъ всеоб

щемъ уваженіи, которымъ онъ пользовался за свое знаніе дѣла и дѣйствительное множество счастливыхъ случаевъ излѣченія, Фуксъ могъ бы нажить большое состояніе, но онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ и въ ту пору врачамъ безкорыстнымъ, не жалѣлъ для бѣдняковъ своего времени, и ту плату, которую онъ часто неохотно бралъ съ людей зажиточныхъ, раздавалъ людямъ неимущимъ. Слава врача практика окружила Фукса не вдругъ. Началась она въ концѣ 1812 года и двухъ послѣдующихъ, когда французское вторженіе принудило многихъ жителей среднихъ губерній переселиться въ Казань и въ ней сдѣлался сильный наплывъ народонаселенія, развившій заразительныя болѣзни; апогея своей славы достигъ Фуксъ въ холерную эпидемію 1830 года. Параличъ, поразившій его въ 1842 году, долженъ былъ по необходимости прекратить его ежедневные выѣзды по многочисленнымъ больнымъ, но остальные четыре года гораздо менѣе дѣятельной жизни ни сколько не умалили всеобщей любви къ нему городскаго населенія, большими массами и непритворнымъ горемъ окружившаго его гробъ.

Много условій, и общихъ, и чисто личныхъ, соединилось для того, чтобъ образовать изъ Фукса врача столь опытнаго, знающаго, глубоко понимающаго и внутреннюю натуру людей, и внѣшнія условія ихъ существованія. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда онъ писалъ свою докторскую диссертацію и разумѣется мечталъ о будущемъ своемъ призваніи, онъ выбралъ къ ней эпиграфомъ слова Гиппократа, что „врачъ есть мудрецъ богоподобный“ ([52]) и первымъ тезисомъ ея поставилъ, согласно съ общимъ направленіемъ того времени и своимъ личнымъ развитіемъ и образованіемъ, необходимость для медика изученія древнихъ литературъ, греческой и латинской ([53]). Его молодость и университетскія занятія совпали съ временемъ развитія въ Германіи философскихъ идей Шеллинга о природѣ, которыми увлекалось все тогдашнее молодое поколѣніе и естествоиспытателей и медиковъ. До конца жизни, не смотря на богатство

([52]) *Ιατρὸς γαρ φιλόσοφος ἰσόθεος.*

([53]) Studium litterarum Graecarum et Romanarum medicis perquam necessarium.

чисто опытнаго знанія, Фуксъ не забывалъ этихъ синте ческихъ увлеченій своей молодости и объединяющія идеи природѣ были всегда любимымъ предметомъ его разго ровъ (54). Болѣе строгая и положительная школа извѣстна натуралиста Блуменбаха, который былъ въ числѣ профе соровъ Фукса въ Геттингенѣ, положила конецъ его увле ніямъ философіей и образовала изъ него естествовѣда. даромъ онъ въ теченіи четырнадцати лѣтъ былъ единств нымъ профессоромъ естественныхъ наукъ въ Казани. Ка медикъ, онъ принадлежалъ еще къ той старой школѣ, котор требуетъ отъ врача всесторонняго изученія природы и пр рода была любимымъ предметомъ занятій Фукса до самы послѣднихъ годовъ его жизни. Онъ былъ неутомимымъ с бирателемъ; богатыя собранія птицъ и насѣкомыхъ, его ге барій, на который онъ положилъ столько многолѣтняго тр да, свидѣтельствовали о постоянномъ родѣ его занятій и любви его къ природѣ. Пріобрѣтеніе чего-либо новаго д его собраній приводило Фукса въ полный восторгъ. Надо но присоединить къ этому знанію о природѣ и любви ней то широкое образованіе, которымъ отличался Фукс его въ высшей степени развитой вкусъ, интересъ и пон маніе искусства. Солидное знаніе классическихъ языко составляло фонъ его образованія; русскимъ языкомъ, и разговорѣ и въ письмѣ, онъ владѣлъ черезъ нѣсколько лѣ своей службы также свободно, какъ и роднымъ, нѣмецки одинаково хорошо онъ зналъ языки французскій и англі скій. Это не было только простое, чисто практическое, в выкомъ пріобрѣтенное знаніе: Фуксъ былъ въ высшей ст пени литературно-образованный человѣкъ и ни одно, скол ко нибудь выходящее изъ ряда произведеніе литератур не было незнакомо ему. Въ Фуксѣ, кромѣ того, было рѣдк свойство, довольно часто встрѣчающееся въ натурахъ евр

---

(54) Пишущему эти строки, меньше чѣмъ за годъ до смерти Фук доводилось по счастливому случаю, лѣтомъ, проводить по нѣскольку ч совъ въ день съ этимъ глубокопочтеннымъ старцемъ; разговоръ ше о Спинозѣ, о его построеніи вселенной, объ Окенѣ и Шеллингѣ. Затр денная параличемъ рѣчь Фукса, мы помнимъ, проникалась юношески одушевленіемъ и оставляла сильное впечатлѣніе.

пейскихъ ученыхъ, писателей, государственныхъ людей и почти невозможное въ русскихъ людяхъ, вслѣдствіе историческихъ условій нашей духовной жизни. Это свойство состояло въ томъ, что онъ учился и развивался до конца жизни, что онъ не останавливался на первыхъ ступеняхъ своего духовнаго и научнаго развитія и радостно, съ полнымъ сочувствіемъ, встрѣчалъ въ новомъ то, что имѣло историческое значеніе, право на существованіе. Отъ того добротою и ясностью душевною вѣяло отъ „незлобиваго“ старика, казавшагося увлекательнымъ юношей; прелесть чарующаго слова, полнаго утѣшенія, приносилъ онъ къ постели больнаго и конечно его привлекательная личность была главнымъ ингредіентомъ въ его медицинскихъ средствахъ. Правда „рецепты Фукса, по словамъ медика, хорошо его знавшаго въ послѣдніе годы, отзывались старыми школами Гофмана, Рихтера, Гуфеланда; но при помощи его практическаго ума, они доставляли ему обильные плоды“ (55). Въ его время спеціализація медицинскихъ знаній почти не существовала. „Слѣдствіемъ было то, что въ Казани не осталось почти ни одного семейства, ни одного дома, въ который бы когда нибудь не приглашали Фукса на помощь, въ которомъ когда нибудь не была его нога“ (56).

Всю свою довольно долгую жизнь Фуксъ учился и узнавалъ; при его широкомъ умѣ, при его глубокомъ первоначальномъ образованіи, ему легче доставался, чѣмъ другому, этотъ постоянный трудъ саморазвитія. Въ особенности превосходно зналъ Фуксъ мѣстный край и всѣ разнообразныя условія его. Владѣя довольно порядочно русскимъ языкомъ уже при самомъ вступленіи въ службу казанскаго профессора („Фуксъ надѣется, писалъ къ Румовскому рекомендовавшій его попечитель московскаго учебнаго округа и товарищъ министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьевъ, что скоро будетъ въ состояніи преподавать лекціи на россійскомъ языкѣ“), Фуксъ слѣдовательно имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи главное средство приносить пользу второму своему отечеству, какъ онъ обыкновенно называлъ

(55) Рѣчь профессора *Китера* у могилы К. Ѳ. Фукса, *Губ. Вѣд.* 1846 г. № 22. стр. 216.

(56) Тамъ же.

Россію. Новый міръ, въ которомъ поселился Фуксъ, инте ресовалъ въ высшей степени его чуткую любознательност и скоро сдѣлался онъ знатокомъ его. Въ немногихъ и бѣд ныхъ содержаніемъ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи Фукса, посвященныя изученію края, являлись луч шимъ ихъ украшеніемъ. Начавъ наблюденіями надъ клима тическими условіями города и края, надъ температурой онъ первый заговорилъ о состояніи общественнаго здоровья при этихъ условіяхъ, первый считалъ важнымъ дѣломъ ме дицинскую статистику и первый представилъ цифры в этомъ отношеніи. Это прежде всего давало ему возможност хорошо познакомиться съ мѣстными болѣзнями и удачн лѣчить ихъ, а съ другой стороны указывало раціональны взглядъ Фукса на его медицинское призваніе. Его собствен ныя собранія, нами уже упомянутыя, естественныхъ произ веденій почти всего поволжскаго края, собранія въ нѣко торыхъ отдѣлахъ своихъ совершенно погибшія отъ невѣже ства тѣхъ, кому они достались, доказываютъ, какъ зна хорошо Фуксъ край и въ этомъ отношеніи. Различныя мел кія племена финскихъ инородцевъ и болѣе многочисленно когда-то господствовавшее въ краѣ татарское населеніе, в особенности сдѣлались предметомъ его наблюденій, изучені и литературной дѣятельности. Въ эту, повидимому совер шенно чуждую его медицинскому призванію область, Фукс вносилъ пріемы европейской науки и то развитое, честно отношеніе къ предмету, какое отличало и его современник и соотечественника, извѣстнаго орьенталиста, профессор Казанскаго университета Френа. У того и другаго, какъ европейцевъ и людей науки, не было гордыхъ и самолюби выхъ, иногда на личныхъ интересахъ основанныхъ притяза ній, дѣйствовать практически на инородческія племена края Знаменитая и исключительно научная теза его учител Блуменбаха: „De generis humani varietate nativa“ была глав ною его руководительницею. Все, что было написано Фук сомъ въ этнографическомъ отдѣлѣ его изученій, до сихъ поръ не утратило относительнаго значенія для спеціали стовъ, а иное, напр. то, что собралъ онъ о Татарахъ, кото рые охотно лѣчились у Фукса и сильно любили его, оста ется образцемъ. Втягиваясь по немногу въ казанскій ино родческій міръ, Фуксъ отъ этнографическаго изученія его перешелъ къ историческому; пришлось знакомиться съ вос

точными языками, чтобъ разбирать восточныя преданія и надписи на восточныхъ монетахъ и медаляхъ, какъ на главныхъ источникахъ мѣстной исторіи. И вотъ въ кабинетѣ Фукса, рядомъ съ произведеніями трехъ царствъ природы, прибавилось собраніе восточныхъ монетъ (оно перешло посредствомъ покупки потомъ въ нумизматическій кабинетъ университета), а въ мѣстномъ періодическомъ изданіи появилась „Краткая исторія города Казани", остающаяся до сихъ поръ лучшею (57), не смотря на то, что она имѣла двухъ продолжателей. Фуксъ является такимъ образомъ и археологомъ и историкомъ и этнографомъ и такимъ можно признать его конечно не „подъ великимъ штрафомъ". Кажется, что посреди увлеченія этимъ новымъ предметомъ любознательности, засталъ Фукса Сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій, посѣтившій Казань въ 1819 году, проѣздомъ къ мѣсту своего служебнаго назначенія. Сдѣлавъ визитъ Фуксу, онъ записалъ въ отрывочномъ дневникѣ своемъ: „Профессоръ одинъ, Фуксъ, чудо! Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ Татарскомъ и Арабскомъ языкѣ Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ. Большое его вліяніе на Татаръ по медицинѣ" (58). Еще одну сторону слѣдуетъ вспомнить въ разнообразныхъ интересахъ чисто духовнаго свойства, занимавшихъ сильно Фукса и занимавшихъ въ то время, когда русскіе люди смотрѣли на предметъ или съ исключительно административной точки зрѣнія или враждебными глазами: мы говоримъ объ отношеніяхъ нашего образованнаго медика къ русскимъ раскольникамъ различныхъ сектъ. Какъ протестанта и человѣка вообще въ высшей степени чуткаго на все, заслуживающее изученія, Фукса интересовало религіозное состояніе народа, посреди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ; многочисленные казанскіе раскольники не могли уйти отъ его просвѣщеннаго вниманія. Фуксъ умѣлъ съ ними сближаться, совершенно по человѣчески изучалъ ихъ разномыслія въ вѣрѣ и они были

(57) *Каз. Изв.* 1817 г. №№ 67, 68 и сл. Единственный, сколько намъ извѣстно, экземпляръ отдѣльнаго оттиска этого труда Фукса, находится у казанскаго книгопродавца З. П. Рязанова.

(58) Жизнь графа Сперанскаго, II. 190.

образомъ заключается слава Цезальпина и на эту сторону ученыхъ его изслѣдованій обратилъ преимущественно вниманіе Фуксъ. Цезальпинъ положилъ болѣе точныя основанія этой наукѣ, критически разобравъ всѣ фантастическія средневѣковыя представленія о растеніяхъ, былъ первымъ классификаторомъ, primus verus systematicus, по словамъ Линнея, при чемъ основывался для системы или дѣленія растеній на условіяхъ, заключенныхъ въ сѣмени растенія (63). Въ его сочиненіи де Plantis находятся зародыши анатоміи и физіологіи растеній и Цезальпинъ предчувствовалъ даже Линнеево открытіе пола въ растеніяхъ. Это главное направленіе трудовъ Цезальпина, усердно изучаемое Фуксомъ, имѣло, какъ кажется, вліяніе и на его собственныя научныя занятія: онъ полюбилъ ботанику, которою занимался еще прежде. Уже въ 1794 году фитографическое общество въ Геттингенѣ выбрало Фукса въ свои члены и говорило о его трудахъ по составленію гербарія.

Намъ неизвѣстны тѣ причины, которыя заставили Фукса оставить родину и переселиться въ Россію, но уже въ 1800 году мы находимъ его въ Петербургѣ. Здѣсь занимается онъ нѣсколько времени частною практикою и не имѣетъ какъ кажется служебнаго положенія, хотя и есть неопредѣленное указаніе на то, что онъ былъ полковымъ врачемъ. Въ 1801 году Фуксъ путешествуетъ и довольно продолжительное время по Восточной Россіи, съ естественно-научными, преимущественно ботаническими цѣлями, но на какія средства—мы не могли разъискать. Изъ его небольшаго Prodromus Floræ Rossicæ Cisuralensis, представленнаго Фуксомъ при его опредѣленіи въ Казанскій университетъ профессоромъ, можно сдѣлать заключеніе о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ былъ. Въ 1804 году, какъ видно изъ формулярнаго списка, Фуксъ назначенъ былъ врачемъ при китайскомъ посольствѣ графа Головкина, но едвали въ дѣйствительности онъ занималъ эту должность: по крайней мѣрѣ въ подробномъ спискѣ всѣхъ чиновъ и лицъ, составлявшихъ свиту графа Головкина, записанномъ Вигелемъ (64),

(63) Тамъ же, III, 373—387.

(64) Воспоминанія Вигеля. Часть 2. *Русск. Вѣстн.* т. L. стр. 562—572.

имени Фукса не встрѣчается и въ то время, когда посольство только что прибыло въ Иркутскъ, онъ уже находился въ Казани. Сюда назначенъ онъ былъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники 4 сентября 1805 года, когда онъ находился въ Петербургѣ.

Фуксъ явился къ своей должности въ университетъ въ началѣ декабря 1805 года и тотчасъ же приступилъ къ чтенію своихъ лекцій по руководству учителя своего Блуменбаха (65), обращая впрочемъ главное вниманіе на ботаническія лекціи, въ програму которыхъ входили прогулки со студентами по полямъ для собиранія растеній. На этихъ прогулкахъ, лицомъ къ лицу съ природою, Фуксъ сблизился съ нѣкоторыми изъ студентовъ, болѣе другихъ подготовленными, умѣлъ внушить имъ любовь къ занятіямъ естественными науками, т. е. къ собиранію разныхъ произведеній природы и къ изученію ихъ въ живыхъ экземплярахъ. И студенты полюбили его страстно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ увлекался предметомъ своихъ занятій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ любовь къ природѣ и ея красивымъ явленіямъ, подъ вліяніемъ лекцій и бесѣдъ Фукса, осталась до глубокой старости. Въ особенности, какъ это видно изъ живыхъ воспоминаній Аксакова, студентамъ понравилось собираніе бабочекъ, занятіе идущее и къ веснѣ природы и къ веснѣ жизни (66). О микроскопѣ тогда еще никто не упоминалъ; но студенты полюбили природу и сдѣлались собирателями. Ихъ добыча, въ часы лѣтнихъ недалекихъ экскурсій, расположенная по системѣ Блуменбаха, играла роль на экзаменахъ. Такое направленіе

---

(65) Оно было переведено на русскій языкъ *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Терлевымъ*. Спб. 1796. 8°, почему Яковкинъ тотчасъ же распорядился выпискою 30 экземпляровъ этой книги для студентовъ. Обстоятельство это очень помогло студентамъ, потому что Фуксъ на первыхъ порахъ читалъ свои лекціи по французски. О книгѣ упоминаетъ и Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Сем. Хрон. стр. 399

(66) «Собираніе бабочекъ». Разсказъ изъ студенческой жизни. *Сем. Хрон.* стр. 397—454. Мы сами лично были свидѣтелями не разъ того неподдѣльнаго, хотя нѣсколько наивнаго восторга, которымъ весь проникался В. И. Панаевъ, бывшій студентъ Казанскаго университета, тогда уже сановникъ и статсъ-секретарь, лѣтомъ, въ белѣбѣевскихъ степяхъ, гдѣ онъ писалъ свои «Воспоминанія», если ему удавалось ловко подхватить сѣткою какого нибудь кавалера Подалиріуса или Махаона.

осталось надолго между казанскими натуралистами; даже въ пятидесятыхъ годахъ были между ними страстные собиратели. Направленіе это дано было Фуксомъ и нѣкоторые изъ первыхъ, любимыхъ имъ студентовъ, сдѣлались потомъ преподавателями естественныхъ наукъ въ университетѣ, напр. Тимьянскій и Кайсаровъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, Фуксъ началъ и практиковать. Въ 1806 году, по представленію Яковкина, онъ былъ назначенъ врачемъ при гимназической больницѣ: „Доброта души его, тихій характеръ, многолѣтняя опытность при врачеваніи въ полкахъ (единственное указаніе на прежнюю практическую службу медика Фукса) достойны полнаго уваженія съ моей стороны"—писалъ директоръ Румовскому (17 іюля, 1806 года). Эти свойства и полное безучастіе Фукса къ тѣмъ спорамъ о самоуправленіи, которые происходили въ совѣтѣ, сдѣлали Фукса любимцемъ Яковкина.

Какъ пособіе при преподаваніи ботаники, уже съ весны 1806 года, по желанію Фукса, стали разводить первый *ботаническій садъ* (другой, по упраздненіи перваго за недостаткомъ мѣста, уже гораздо въ позднѣйшіе годы, именно въ 1829 году, былъ разведенъ на купленномъ университетомъ мѣстѣ за городомъ). Яковкинъ, какъ строитель, весьма усердно хлопоталъ о немъ, стараясь все устроить экономически. Мѣсто для сада, парниковъ и небольшой теплички было выбрано въ такъ называемомъ *губернаторскомъ* саду (прилегавшемъ къ губернаторскому дому, рядомъ съ Тенищевскимъ, составившими главный корпусъ университета). Оно было расположено на югъ и юговостокъ, по склону горы (позади настоящихъ зданій физическаго кабинета, анатомическаго театра и астрономической обсерваторіи). Сады эти были обширны, запущены и во время рекрутскихъ наборовъ служили обыкновенно мѣстомъ укрывательства для бѣглыхъ. По распоряженію Яковкина скоро все было приведено въ порядокъ и разчищено. „Бывшая дичь и пустыня походитъ теперь на нѣчто порядочное"—писалъ онъ. Старыя, сухія деревья были вырублены, а насажено было много молодыхъ липокъ, „что дѣлаетъ особенную красу и строенію и гимназическому корпусу", писалъ Яковкинъ. Онъ желалъ положить ботаническому саду, „хотя малое, но твердое начало". Въ своихъ Маниловскихъ мечтахъ строителя,

онъ полагалъ, что садъ этотъ „по сухости мѣста весною можетъ быть со временемъ, подлѣ университетскаго строенія, *булевардомъ* для гулянья цѣлому городу, потому что лучшаго мѣста для сего въ цѣлой Казани не сыщется" и былъ увѣренъ, что выбранное имъ и Фуксомъ мѣсто „совершенно на всегда свободно отъ перемѣнъ, долженствующихъ происходить на пространствѣ, университету предоставленномъ" (письмо 14 авг. 1806 года), но ошибся въ своихъ предположеніяхъ (теперь это мѣсто снова сдѣлалось пустыремъ). Мы упомянули уже, какъ Яковкинъ выписывалъ изъ Перми для ботаническаго сада кедры, тополи и лиственницы; первые почти всѣ принялись. Графу Строганову, на судахъ котораго были привезены эти деревья изъ Пермской губерніи, совѣтъ выразилъ бумагою свою признательность. Сѣмена растеній Фуксъ выписывалъ на свой счетъ, покуда на первыхъ порахъ отъ знакомыхъ ему русскихъ ботаниковъ и садоводовъ: война мѣшала ему вести сношенія съ Германіею, о чемъ онъ сокрушался.

Въ октябрѣ того же 1805 года былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ *Фридрихъ Эвестъ* (по нѣмецки писался Evst), пріѣхавшій въ Казань одновременно съ Фуксомъ. Это былъ обрусѣвшій нѣмецъ, родные котораго давно жили въ Москвѣ. Учился онъ сначала дома, потомъ въ качествѣ аптекарскаго ученика въ московской аптекѣ Биндгейма, а въ 1794 году (Эвесту было тогда 17 лѣтъ), выдержавъ въ московской конторѣ медицинской коллегіи установленный экзаменъ изъ химіи и фармацевтики, снова поступилъ въ туже аптеку, гдѣ и оставался до 1797 года. Желанье учиться медицинѣ заставило Эвеста бросить карьеру аптекаря и искать высшаго медицинскаго образованія. Въ томъ же 1797 году онъ записался въ университетскую гимназію, а на слѣдующій годъ поступилъ въ студенты Московскаго университета по врачебному отдѣленію. Его успѣхи и прилежаніе доказываются тѣмъ, что въ 1800 году онъ получилъ золотую медаль. На слѣдующій годъ, по окончаніи медицинскаго курса, Эвестъ отправленъ былъ для усовершенствованія въ медико-хирургическую академію, гдѣ оставался четыре года. Въ 1804 году, по пред-

всѣхъ ему извѣстныхъ языкахъ и людей едва узнающаго, такъ что и меня узнать едва могъ". Далѣе идетъ цѣлая исторія болѣзни, повтореніе припадковъ и перечисленіе врачебныхъ средствъ, принятыхъ Фуксомъ. Подробности и патріархальны и любопытны. Въ заключеніе Яковкинъ требуетъ настоящаго слѣдствія, которое бы доказало справедливость его словъ и вѣрность служебной присягѣ.

Румовскій предписалъ разсмотрѣть обвиненіе взведенное Каменскимъ на Эвеста въ совѣтѣ. Каждый изъ членовъ представилъ свое письменное на латинскомъ языкѣ мнѣніе о болѣзни Эвеста, но ни одинъ однакоже не рѣшился прямо обвинить его въ запойномъ порокѣ, такъ что сущность болѣзни Эвеста нисколько не выяснилась. При этомъ, такъ какъ въ протоколы засѣданія записывалось очень многое, по требованію предсѣдателя и самихъ членовъ, личности и ссоры между ними достигли крайняго раздраженія. Цѣлыхъ пять продолжительныхъ совѣтскихъ засѣданій посвящено было разбору этого страннаго дѣла и Яковкинъ имѣлъ основаніе жаловаться, что тогда всѣ прочія дѣла по гимназіи и университету остановились. Большинство держалось мнѣнія Фукса, что болѣзнь Эвеста есть „febris callida, произведшая послѣ maniam" (**); прочіе, какъ не медики, высказывали самыя неопредѣленныя мнѣнія. Нельзя не согласиться съ словами самого Эвеста, доктора медицины, что товарищи его по службѣ рѣшились эту болѣзнь его, по его собственнымъ словамъ „для самого его тяжкую и непонятную" истолковывать совершенно несправедливо. Вообще, какъ кажется, съ Эвестомъ происходило по временамъ какое то психическое разстройство, на которое при тогдашнихъ жалкихъ врачебныхъ силахъ въ Казани, взглянули слишкомъ поверхностно или черезъ чуръ просто. Очень можетъ быть, что Эвестъ прибѣгалъ и къ неумѣренному употребленію вина. Причина нравственнаго и душевнаго разстройства Эвеста коренилась, какъ можно догадываться, въ его печальныхъ семейныхъ

(**) Самъ Каменскій называлъ болѣзнь Эвеста mania pathematica и ссылался для ея опредѣленія на сочиненія Мих. Сагара, Боазье и Пинеля. Но изъ этого опредѣленія все таки ничего не выходило, «nam cum locutus sit *de quodam affectu*, справедливо полагалъ одинъ изъ членовъ совѣта, nec adparet de quo, nec de quo summo affectus cujusdam gradu».

обстоятельствахъ. Это можно заключить изъ его собственнаго чистосердечнаго разсказа на латинскомъ языкѣ, historia morbi, который находится въ дѣлѣ (70). Въ концѣ 1807 года самъ Яковкинъ долженъ былъ доносить попечителю о „домашнихъ фамильныхъ неустройствахъ, сварахъ и раздорахъ въ семействѣ адъюнкта Эвеста", которыя причиняютъ безпокойство живущимъ вмѣстѣ съ нимъ въ казенномъ Бурнаевскомъ домѣ и „могутъ наносить также нареканіе университету". Яковкинъ, въ качествѣ начальника, безполезно хлопоталъ: „совѣты, увѣщанія, примиренія, выговоры, угрозы все было съ моей стороны употребляемо для возстановленія домашняго спокойствія". По его содѣйствію Эвестъ далъ даже женѣ увольнительное письмо для свободнаго проживанія, обязавшись на содержаніе ея давать ей половину жалованья. Не смотря на это мужъ и жена сходились нѣсколько разъ и, вслѣдъ за соединеніемъ ихъ, снова начинались безпорядки, сильно озабочивавшіе директора. Не помогали ни выговоры, ни угрозы донести попечителю. Въ концѣ 1807 года, въ виду неурядицъ семейной жизни, Эвестъ хотѣлъ уже выйдти совсѣмъ въ отставку и уѣхать изъ Казани, но остался однако и провелъ еще около двухъ лѣтъ на службѣ. На лекціи онъ ходилъ рѣдко, засѣданія совѣтскія часто пропускалъ, болѣзнь его повторялась не разъ и наконецъ свела въ могилу. Мы бы не упомянули о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, еслибъ они не занимали городское общество, жадное вообще до скандаловъ въ университетской жизни, не возбуждали бы переписки и сужденій въ совѣтѣ, не озабочивали попечителя и директора, который по своему личному характеру и по характеру власти того времени, считалъ своею обязанностью вмѣшиваться въ семейную жизнь членовъ университета и гордился тѣмъ, что и въ этомъ случаѣ „съ его стороны не упущено ни что, чего только требовали отъ него совѣсть, человѣчество и христіанство". Онъ

(70) Tristis idea juris sacri matrimonialis laesi ab innocentissima uxore affligebat lugentem tanquam factum verum. Me invito, licet nulli rationi inniteretur idea haec omnes alias supprimens, timidum societatem hominum fugere cogebat Summam solummodo impendebam attentionem in ea, quæ agebantur ab uxore, frustra omni opera studente satisfacere vel morosissimis postulatis meis....

видѣлъ однако, что теряетъ служба и что заботы его напрасны. „Жаль обширныхъ знаній и доброты души Эвеста, прибавляетъ онъ; но обязанность всего превыше".

Преподаваніе россійской словесности студентамъ, въ особенности какъ упражненіе въ ней, Яковкинъ считалъ необходимымъ. Онъ представлялъ о томъ нѣсколько разъ Румовскому и тотъ съ своей стороны пріискивалъ подходящаго *чиновника для россійской словесности*, какъ выражались они. Наличными силами, находящимися въ Казани, считали невозможнымъ обойтись. Преподаватель русскаго языка въ гимназіи Н. М. Ибрагимовъ, имѣвшій одинаковыя права на адъюнктство съ своими товарищами по Московскому университету и сослуживцами: Карташевскимъ, Запольскимъ и Левицкимъ, преподаватель даровитый и умѣвшій возбуждать въ ученикахъ горячую привязанность къ своему предмету и къ себѣ, не былъ однако назначенъ адъюнктомъ. Это его оскорбляло. Русская словесность временно поручена была Левицкому, но нѣкоторые студенты, особенно тѣ, которымъ Ибрагимовъ умѣлъ внушить любовь къ практическимъ словеснымъ упражненіямъ, продолжали ходить къ нему въ гимназическій классъ. Ибрагимовъ и самъ добивался мѣста въ университетѣ; съ этою цѣлью онъ представилъ по начальству на разсмотрѣніе составленную имъ „Славено-россійскую грамматику" и хлопоталъ о ея напечатаніи. Главное Правленіе Училищъ препроводило ее для разбора въ Россійскую Академію, но послѣдняя не занялась ею и даже не возвратила ее. Составлялъ Ибрагимовъ, шедшій вообще впередъ и принадлежавшій къ поклонникамъ Карамзина, и реторику, но мѣста въ университетѣ не получилъ. Яковкинъ, какъ видно изъ всего, очень любилъ Ибрагимова, принималъ въ немъ живое сердечное участіе и цѣнилъ его дарованія (въ печати осталось отъ него нѣсколько стиховъ), но не могъ или не хотѣлъ подвинуть его впередъ. Причины этого заключались въ нѣсколько разгульной жизни Ибрагимова и можетъ быть въ остромъ языкѣ его, котораго всѣ боялись. Въ сентябрѣ 1806 года Ибрагимовъ „воспріялъ, по милости Господнѣй, благонамѣреніе сочетаться бракомъ съ Өедорою, дочерью покойнаго пресвитера и ду-

ховника Данкова" (71). Сообщая объ этомъ событіи Румовскому, Яковкинъ пишетъ, что отвелъ Ибрагимову двѣ комнаты надъ своею квартирою, „съ тѣмъ дабы новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнію. Удостойте Ваше Превосходительство великодушно простить сему моему дерзновенію, имѣющему цѣлію своею благо общественное. Отъ Ибрагимова надѣюсь я много добраго, а особливо отъ женатаго, какъ *долженствующаго остепениться*". Но надежды Яковкина на исправленіе Ибрагимова не оправдались.

Въ ноябрѣ 1806 года пріѣхалъ наконецъ въ Казань только что назначенный адъюнктъ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка (такъ называлась тогда каѳедра) Григорій Николаевичъ *Городчаниновъ*, впослѣдствіи ординарный профессоръ, долго служившій въ Казанскомъ университетѣ, опредѣлившій вслѣдствіе своего оффиціальнаго поло-

---

(71) Пресвитеръ *Гавріилъ Данковъ*, воспитанникъ Невской семинаріи, извѣстенъ нѣкоторыми переводами съ латинскаго въ осмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка (см. Филарета, Обзоръ духовн. литерат. II. 168); потомъ былъ въ теченіе двадцати лѣтъ священникомъ при нашей миссіи въ Берлинѣ и наконецъ четыре года духовникомъ Великой Княгини Елены Павловны. По кончинѣ ея, узнавъ изъ газетъ, что мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ Казанской гимназіи вакантно, Данковъ обратился къ Румовскому съ прошеніемъ о немъ и былъ опредѣленъ въ концѣ 1804 года. Румовскій разсчитывалъ на него, какъ на профессора богословія въ будущемъ университетѣ. Данковъ былъ человѣкъ образованный, знакомый по видимому съ состояніемъ науки въ Германіи. «Затрудняется токмо въ выборѣ книги, по которой бы могъ преподавать лекціи, писалъ Румовскій къ министру народнаго просвѣщенія; говорилъ мнѣ о лучшихъ въ Нѣмецкой землѣ изданныхъ богословіяхъ, но я ему совѣтовалъ, для избѣжанія неудовольствія Св. Синода, взять за основаніе богословію преосвященнаго Платона, а чего въ ней недостаетъ заимствовать изъ иностранныхъ» (представленіе 9 декабря, 1804 г. № 295). Въ февралѣ 1805 года Данковъ пріѣхалъ въ Казань, былъ членомъ совѣта и принималъ участіе въ первыхъ его засѣданіяхъ по основаніи университета, но въ началѣ августа умеръ. Яковкинъ принялъ самое живое участіе въ его семействѣ, далъ вдовѣ казенную квартиру, помѣстилъ малолѣтнихъ сыновей, почти не знавшихъ по русски, на казенный счетъ въ гимназію, а дочь Ѳедору выдалъ за Ибрагимова. Двѣ каѳедры: 1) богословіи догматической и нравоучительной и 2) толкованія Священнаго Писанія и церковной исторіи, положенныя уставомъ 1804 года, не скоро еще были замѣщены.

женія на много лѣтъ направленіе мѣстной литературной дѣятельности, хотя самъ онъ, ни по таланту, ни по научнымъ свѣдѣніямъ, не принадлежалъ къ числу выдающихся людей въ университетѣ. Слишкомъ осмидесяти лѣтъ, живя давно въ отставкѣ въ Казани, Городчаниновъ умеръ въ 1852 году (22 декабря), совершенно забытый и тогдашнимъ университетомъ и цѣлымъ обществомъ города, которое интересовалось развѣ только смѣшными сторонами въ личности и характерѣ этого мѣстнаго профессора „элоквенціи". Впрочемъ забвеніе Городчанинова было совершенно естественно и понятно. Не смотря на то, что во время своего служенія университету, Городчаниновъ писалъ довольно много стиховъ, преимущественно одъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли прямое отношеніе къ казанскимъ событіямъ, не смотря на свое положеніе профессора, которое обязывало его не останавливаться и идти впередъ, не смотря на быстрые успѣхи русской литературы, онъ остался неподвижно на той же точкѣ развитія, на которой стоялъ, когда пріѣхалъ въ Казань и съ тѣми же самыми эстетическими и историко-литературными убѣжденіями, которыя онъ вынесъ изъ школы. Это была натура совершенно не похожая на живую натуру старика Фукса. Риторъ, для котораго Карамзинъ былъ страшнымъ нововводителемъ, шишковистъ по убѣжденіямъ, Городчаниновъ не развивался дальше. При первомъ своемъ появленіи на каѳедрѣ, Городчаниновъ произвелъ невыгодное впечатлѣніе на своихъ слушателей, судя по воспоминаніямъ Аксакова, вѣрность которыхъ намъ уже не разъ случалось подтверждать. Даже для мало приготовленныхъ студентовъ 1805 года это былъ „человѣкъ бездарный и отсталый", считавшій опаснымъ писателемъ Карамзина и остановившійся на формахъ Ломоносовскаго періода русской литературы ([72]). Филологическаго образованія у Городчанинова не было никакого; вопросы языка интересовали его только со стороны слога. Проходило время; содержаніе русской литературы расширялось вмѣстѣ съ развитіемъ русскаго общества; формы смѣнялись однѣ другими, а для Городчанинова какъ бы не существовало ни этой жизни, ни этого развитія. Только попечительство Магниц-

([72]) Сем. Хрон. и Воспом. стр. 388—389.

каго, который очень благоволилъ, какъ мы увидимъ, къ Городчанинову, наложило окончательно печать на направленіе его литературной дѣятельности и на содержаніе его стиховъ и переводовъ. Городчаниновъ сдѣлался жаркимъ проповѣдникомъ идей и плановъ своего начальника, которые онъ распространялъ въ своихъ рѣчахъ и стихахъ. Назидательное, почти богословское содержаніе проникло въ прозу и стихи Городчанинова. Прежній тяжкій, хотя и невольный грѣхъ перевода Рейналя былъ искупленъ теперь передъ грознымъ начальникомъ переводами изъ Фенелона и Трюблета и это направленіе осталось у Городчанинова до конца жизни ([73]). Въ послѣдніе годы свои Городчаниновъ погрузился весь въ старческій піэтизмъ и примѣнялъ его къ произведеніямъ русской литературы. Онъ остановился на знаменитой одѣ Державина „Богъ" и толковалъ ея выраженія то Евангеліемъ, то акаѳистами ([74]). Къ счастью Городчаниновъ былъ человѣкъ робкій, слабохарактерный; эти свойства не давали ему возможности имѣть большое вліяніе на дѣла университета, а вѣчная риторика и надутыя оды возбуждали невольную улыбку. Не разъ смѣшныя стороны старика проникали и въ столичную печать: Арзамасцы смѣялись надъ его стихами и привязанностью къ Шишкову, смѣялись особенно надъ его примѣчаніями, которыми онъ снабдилъ стихотворный переводъ L'art poétique Боало, сдѣланный графомъ Хвостовымъ.

([73]) Уже въ отставкѣ, Городчаниновъ собралъ во второй разъ свои произведенія въ одно цѣлое: «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ» Каз. 1831. 8°. 532 стр. Онъ посвятилъ это собраніе митрополиту Кіевскому Евгенію, «незабвенному своему на поприщѣ ученыхъ трудовъ, мудрыми совѣтами и наставленіями отъ давнихъ лѣтъ руководителю». Большая часть этой книги наполнена статьями, заслужившими полное одобреніе Магницкаго, вызванными имъ. С. Т. Аксаковъ, пропустившій въ качествѣ цензора, эту книгу въ печать, могъ теперь, черезъ 25 лѣтъ, познакомиться съ *новымъ* направленіемъ своего стараго учителя (см. рецензію *Полевого* въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1831 г. ч. XLIII, № 22, стр. 241—243). Послѣ того Городчаниновъ напечаталъ еще: «Историко-критическій взглядъ на философію. Переводъ съ Французскаго». Каз. 1832. 8°, 55 стр. Это былъ оффиціальный взглядъ Магницкаго.

([74]) См. переписку Городчанинова съ Шишковымъ въ журналѣ *Маякъ соврем. просв. и образованія* 1842 г. т. III, кн. 5. и 1843 г. т. IX, кн. 18 (въ Смѣси) и «Записки, мнѣнія и переписка адмирала *А. С. Шишкова*». Прага. 1870. т. II. стр. 27 и 438—439.

Полевой въ „Телеграфѣ" отзывался о немъ съ ироніей. И Городчаниновъ умеръ, забытый всѣми ([75]).

Къ Румовскому Городчаниновъ обратился самъ. Заботы о здоровьи кажется были главною причиною, почему онъ вздумалъ переѣхать въ Казань и оставить петербургскую службу. Въ литературѣ Городчаниновъ имѣлъ уже тогда довольно извѣстное имя: оно стояло въ „Новомъ словарѣ россійскихъ писателей" (Евгенія, тогда епископа Старорусскаго, викарія Новгородской митрополіи, впослѣдствіи митрополита) ([76]) и Городчанинову не нужно было никакихъ рекомендацій, чтобъ получить мѣсто адъюнкта въ Казанскомъ университетѣ.

Городчаниновъ родился въ 1772 году въ городѣ Балахнѣ, Нижегородской губерніи ([77]) и происходилъ изъ мѣ-

---

([75]) См. некрологъ его въ *Губ. Вѣдом.* 1853 г. №№ 34 и 36.

([76]) Словарь этотъ первоначально печатался въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія» (1804—1806 г.); издателями его были: графъ Д. И. Хвостовъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ и графъ Салтыковъ. Евгеній сталъ печатать свой словарь въ 1805 году, съ первой книжки, и продолжалъ до конца 1806 года, когда журналъ прекратился (послѣдняя біографія была Ивана Кирилова). Потомъ словарь въ цѣломъ видѣ былъ изданъ Погодинымъ. М. 1845 г. 2 ч. Краткое упоминаніе имени Городчанинова въ немъ было отчасти плодомъ дружбы къ нему Евгенія: «Вчера дописался и до вашего имени, сообщаетъ онъ Городчанинову изъ Новгорода (22 сент. 1805 г.). Прошу прислать мнѣ записку о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и мѣстѣ вашего рожденія, воспитанія, наукъ и пр. и пр. А списокъ вашихъ сочиненій есть у меня, вами привезенный. *Надобно вставить и друга въ цехъ писцовъ русскихъ*» . . . Подробной біографіи своей Городчаниновъ не прислалъ однако, какъ ни просилъ о томъ Евгеній. «И вы въ цеху»—пишетъ онъ къ нему по напечатаніи свѣдѣній о немъ. См. *Сборн. стат. отдѣл. Русск. яз. и слов.* т. V, вып. I. стр. 15.

([77]) «О Мининъ! гражданинъ родной моей страны,
Почтенной древностью, мнѣ милой Балахны» . . .

См. стихотвореніе «Къ гражданину города Балахны, Минину». Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Гр. Городчанинова. Каз. 1816. стр. 39. Въ стихотвореніи «Надгробіе моему родителю» (Сочин. и перев. изд. 1831 г. стр. 543), Городчаниновъ называетъ отца своего *купцомъ балахонскимъ* (по мѣстному выраженію—вмѣсто *балахнинскій*) и благодаритъ его за образованіе. Онъ, по словамъ его, былъ первымъ его *руководителемъ къ наукамъ*, не принуждалъ его къ торговлѣ («данный мнѣ талантъ въ товарахъ не зарылъ») и, «презирая мнѣнье непросвѣщенныхъ», доставилъ ему возможность образовать себя.

щанской семьи. Первоначально учился онъ въ Нижегородской духовной семинаріи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ концѣ 1797 года. Никакихъ подробностей о его университетской жизни намъ неизвѣстно (78). До поступленія своего на службу, Городчаниновъ является уже литераторомъ и первое его сочиненіе было: „Добродѣтельный богачъ, нравоучительная повѣсть“; М. 1791. (по указанію м. Евгенія). Нѣсколько, вѣроятно первыхъ стихотвореній его, было помѣщено въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (1794 и 1795 г.). Въ 1797 году, по окончаніи курса, Городчаниновъ поступилъ на службу въ главное почтовое управленіе, гдѣ имѣлъ званіе переводчика и дослужился въ 1804 году до чина коллежскаго ассесора. Здѣсь начальникомъ его былъ извѣстный Д. М. Трощинскій, дѣлецъ Екатерининскаго времени, враждебно относившійся къ реформамъ въ царствованіе Александра, котораго Городчаниновъ называлъ своимъ благодѣтелемъ. Онъ рекомендовалъ подчиненнаго лично министру

(78) Его университетскій дипломъ долженъ находиться въ почтовомъ вѣдомствѣ, откуда поступилъ онъ на службу въ Казань. Едва ли вѣрно показаніе преосвященнаго Макарія, который получилъ списокъ писемъ митрополита Евгенія отъ сына Городчанинова въ Новгородѣ, что Евгеній и Городчаниновъ сдружились между собою въ то время, когда Евгеній, ученикъ Славяно-Греко Латинской академіи, слушалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета «вмѣстѣ съ студентомъ Городчаниновымъ» (Ж. М. Н. П. 1857 г. т. XCIV, Отд. VII, стр. 2). Это показаніе Макарія повторилъ и И. И. Срезневскій (Сборн. ст. V. I. стр. 5). Евгеній былъ пятью годами старше Городчанинова и уже въ 1788 году былъ въ Воронежѣ (*Н. С. Тихонравова*: «Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ». въ Русск. Вѣстн. 1869 г. т. LXXXI, 25), когда тотъ еще не могъ поступить въ университетъ. Дружба ихъ, основанная на любви къ словесности, безъ сомнѣнія началась въ Петербургѣ и не раньше того времени, когда Болховитиновъ, овдовѣвъ, пошелъ въ монахи и въ 1800 году назначенъ былъ префектомъ Александро-Невской академіи. Письма Евгенія начинаются съ 1804 года, когда Евгеній уѣхалъ въ Новгородъ и прекращаются только за пять дней до его смерти, въ 1837 году. Числомъ ихъ 140. Списокъ ихъ находился у преосвященнаго Макарія и И. И. Срезневскаго. Къ сожалѣнію первый напечаталъ изъ нихъ только 32 письма (Ж. М. Н. П. XCIV. Отд. VII, стр. 1—23), а второй только отрывки. Писемъ самого Городчанинова вѣроятно не существуетъ.

народнаго просвѣщенія. Служба въ почтовомъ вѣдомствѣ не мѣшала Городчанинову заниматься литературою и онъ писалъ стихи, большею частію оды, печаталъ комедіи и переводы, съ тѣмъ направленіемъ и содержаніемъ, какія существовали въ нашей словесности до Карамзина. Вліяніе послѣдняго нисколько не коснулось Городчанинова. Изъ такихъ сочиненій и переводовъ, извѣстныхъ намъ только по библіографическимъ указателямъ, назовемъ еще слѣдующія: 1) *Кукла Лизанькѣ* (это была единственная дочь Городчанинова отъ перваго брака), драматическое дѣйствіе для дѣтей; Спб. 1799 г.; 2) *Ренальдъ*, въ 12 пѣсняхъ, подражаніе Тассу; перев. съ франц. 3 части; Спб. 1799 г.; 3) *Митрофанушка въ отставкѣ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ; М. 1800. Наконецъ въ 1805 году появился первый томъ перевода Городчанинова извѣстнаго сочиненія аббата Рейналя: „Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ". Переводъ, съ портретомъ автора и картою, былъ изданъ по Высочайшему повелѣнію; посвященъ онъ переводчикомъ Императору Александру и напечатанъ на счетъ кабинета только въ количествѣ трехъ сотъ экземпляровъ. (До 1811 года издано было 6 частей, изъ которыхъ переводъ шестой принадлежалъ В. Анастасевичу). Второе изданіе появилось гораздо позже (Спб. 1834—1835. 6 ч., уже безъ посвященія Императору (⁷⁹)). По какимъ связямъ и отношеніямъ Городчаниновъ былъ переводчикомъ этой замѣчательной книги, идеи которой можетъ быть отчасти раздѣлялись молодымъ Императоромъ Александромъ и его ближайшими совѣтниками,—намъ неизвѣстно, но выборъ книги былъ указанъ переводчику и за свой трудъ онъ получилъ награду. Книга аббата Рейналя, одного изъ самыхъ ярыхъ и отважныхъ проповѣдниковъ просвѣтительнаго вѣка, потомъ, при началѣ революціи, сдѣлавшагося ея противникомъ и реакціонеромъ, принадлежала къ числу вліятельныхъ книгъ прошлаго вѣка и разомъ составила громкую славу сочинителю. Рейналь сдѣлался вдругъ великимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ къ кружку энциклопедистовъ въ Парижѣ, былъ друженъ почти со

(⁷⁹) См. объ этомъ *Полторацкаго*: «Матеріалы для словаря Русскихъ писателей» въ Русск. Вѣстн. т. XVIII. Совр. Лѣт. стр. 194—196.

всѣми ими, раздѣлялъ ихъ идеи. Мысль самаго сочиненія возникла тамъ же. Книга эта была орудіемъ борьбы того времени. Рейналь задумалъ представить исторію европейскихъ колоній въ Америкѣ и Восточной Индіи съ конца XVI вѣка и вліяніе ихъ на Европу, ея политику, торговлю, общественное богатство и вообще развитіе въ ней цивилизаціи. Для фактической стороны такого сочиненія у Рейналя не было ни знаній, ни науки, ни достаточныхъ матеріаловъ, ни даже времени собрать ихъ. За то книга вполнѣ проникнута страстной полемикой времени и тогдашній читатель поглощалъ съ жаромъ страницы, исполненныя пламенныхъ выходокъ противъ всего, что называли тогда предразсудками среднихъ вѣковъ. Рейналь точно стоитъ на трибунѣ и декламируетъ съ нея, поучая правителей и народы. Это даже не его собственный трудъ, а компиляція друзей его, которыхъ убѣжденія онъ раздѣлялъ: цѣлыя страницы въ книгѣ написаны Дидро, Д'Ольбахомъ и многими другими. Второе изданіе, нѣсколько расширенное новыми документами, которые Рейналь собиралъ между тѣмъ, явилось въ 1780 году и выдержало сильное преслѣдованіе: по опредѣленію парижскаго парламента оно было сожжено рукою палача, а авторъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. За ея предѣлами онъ явился страдальцемъ за свои убѣжденія и былъ окруженъ почетомъ; и Екатерина приняла его съ уваженіемъ въ Петербургѣ. Таковъ былъ авторъ и его книга, которую поручили перевести Городчанинову, какъ оффиціальному переводчику въ вѣдомствѣ почтъ. По собственному выбору онъ не взялся бы за эту книгу. Взглядовъ и убѣжденій Рейналя Городчаниновъ никогда не раздѣлялъ, а потому весьма любопытенъ фактъ появленія русскаго перевода по Высочайшему повелѣнію. Впрочемъ, говоря словами тогдашняго критика, „сочиненіе Рейналя благоразуміемъ цензуры и самаго г. русскаго переводчика, во многихъ мѣстахъ получило иной видъ, не измѣнивъ (?) впрочемъ ни красотъ подлинника, ни исторической истины“ (80).

Кажется, что Городчаниновъ, занимаясь службою, переводами, стихами и чисто литературными произведеніями, вовсе не думалъ объ ученой карьерѣ и о возможности явиться

(80) *Мартыновъ* въ журналѣ «Лицей», 1806 г. Іюль, ч. 3, стр. 55.

преподавателемъ на университетской каѳедрѣ. Мы имѣемъ основаніе думать, что первая мысль о профессорствѣ внушена ему была его ученымъ другомъ Евгеніемъ. Этотъ человѣкъ, какъ видно искренно любившій Городчанинова, переѣхалъ въ 1804 году викарнымъ епископомъ въ Новгородъ. Здѣсь, окруженный историческою, столь дорогою для него стариною, онъ съ особенною любовью занялся своими учеными изслѣдованіями. Это былъ самый блестящій періодъ его литературной дѣятельности. Оставшійся въ Петербургѣ Городчаниновъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку и доставлялъ Евгенію то книги, то разныя свѣдѣнія и факты, нужные особенно для печатавшагося тогда его словаря писателей. Евгеній безпрестанно проситъ его то поразвѣдать, то справиться относительно русскихъ писателей и ихъ сочиненій. Эти порученія продолжались потомъ и въ Казани. Интересы такого свойства мало по малу охватывали Городчанинова. Не имѣя подъ руками полнаго собранія писемъ Евгенія къ Городчанинову (они и печатались только въ отрывкахъ, служащихъ разумѣется къ характеристикѣ перваго) и ни одного изъ писемъ Городчанинова, мы не можемъ сказать утвердительно, что мысль о профессорствѣ внушена ему была Евгеніемъ. Можетъ быть тому способствовали и семейныя обстоятельства. Въ 1805 году онъ овдовѣлъ; дочь свою отдалъ къ роднымъ жены и остался, по выраженію Евгенія, „одинокимъ монахомъ и сущимъ философомъ". Евгеній даетъ ему жизненные совѣты и, выхваляя холостую жизнь, которая по словамъ его, „есть блаженство противъ жизни женатой", вовсе не годящейся для философовъ, говоритъ ему: „только ведите жизнь періодическую и не будьте праздны. Вотъ секретъ не скучать уединеніемъ". Евгеній радъ, что сердце его друга успокоивается въ объятіяхъ философской жизни. Въ особенности любопытны совѣты Евгенія остерегаться „убійственнаго хмельнаго газу", которые Городчаниновъ частенько забывалъ потомъ въ Казани. Эти совѣты „даны въ напутствіе отъ искренняго сердца,—пишетъ Евгеній. Помните, что вы должны беречь здоровье не для одного себя. Есть еще на свѣтѣ pars aliquota tui—Лизушка, которая имѣетъ полное право на вашу жизнь" ([81]). Евгеній и по-

---

([81]) *И. И. Срезневскій* «Воспоминаніе о научной дѣятельности митрополита Евгенія». Сборн. Ст. V. I, 49—50.

томъ принималъ живое участіе въ этой дочери Городчанинова.

Какъ мало былъ приготовленъ къ своему служенію въ университетѣ Городчаниновъ, видно изъ того, что написавъ письмо къ Румовскому объ опредѣленіи въ Казань, въ августѣ 1806 года, онъ тогда только обратился къ Евгенію съ просьбою рекомендовать ему разныя сочиненія для своего подготовленія. „Вы опять спрашиваете о книгахъ, нужныхъ для профессора словесности, отвѣчаетъ онъ (6 сентября): Сами вы живете въ морѣ книгъ и не нагнетесь ощупью выбрать. Такъ и быть рекомендую вамъ слѣдующія книги, какія при первомъ воображеніи впали на память: 1. Реторика Блерова, 2. 3. Реторика и логика Рижскаго, 4. логика Кондильяка, 5. Ролленевъ способъ словесныхъ наукъ, 6. Мейснерова теорія изящныхъ наукъ и искусствъ, книга необходимая (Мейснера купите въ Москвѣ, когда будете. Онъ только нынѣшняго года напечатанъ съ примѣчаніями переводчика. Переводъ лучше оригинала, который писанъ на нѣмецкомъ). И этого довольно для правилъ. А примѣры? Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Измайловъ и журналы (Евгеній въ литературныхъ вкусахъ былъ вообще развитѣе своего друга). Что впредь вспомню, увѣдомлю“ (⁸²). Такимъ образомъ Городчанинову въ теоріи приходилось начинать съ начала: онъ былъ съ нею незнакомъ.

Какъ образчикъ своихъ будущихъ занятій со студентами, Городчаниновъ представилъ Румовскому „Опытъ риторическаго разбора одной строфы изъ торжественной оды г-на Ломоносова“, съ эпиграфомъ изъ Квинтиліана, въ которомъ заключалось опредѣленіе и всей его будущей профессорской дѣятельности въ Казани: „Ритора должность собственная есть та, чтобы подать слушателямъ свѣдѣніе о красотахъ, находящихся въ рѣчи, да и о самыхъ порокахъ, если случатся въ оной“ (⁸³). И этотъ эпиграфъ и свой взглядъ на

(⁸²) Тамъ же, стр. 54.

(⁸³) Потомъ онъ помѣстилъ этотъ отрывокъ въ своей книгѣ «Опытъ краткаго руководства къ эстетическому разбору по части Россійской словесности, въ пользу и употребленіе обучающагося въ Казанскомъ учебномъ округѣ юношества». Каз. 1813. 8°. стр. 31—37. Вся эта книжка Городчанинова, своимъ содержаніемъ и источниками, изъ которыхъ она

Ильи Өедоровича Яковкина, человѣка почтенія достойнѣйшаго, сколько радуюсь, находя отмѣнное къ слушанію моихъ лекцій усердіе въ гг. студентахъ, писалъ онъ къ Румовскому (28 янв. 1807 г.), столько здѣшній климатъ не благопріятствуетъ моему здоровью, само по себѣ, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, слабому. Дорога, хотя нѣсколько движеніемъ поправила оное; но онъ и то испортилъ. Въ двумѣсячное мое здѣсь пребываніе всю сижу дома и лѣчусь и худѣю: по увѣренію здѣшнихъ жителей и самыхъ врачей, здѣсь весна и осень для слабаго моего сложенія могутъ быть бѣдственны и я предчувствую, что мнѣ этого не вынести". Городчаниновъ подалъ въ отставку. Между тѣмъ открылось мѣсто директора гимназіи въ Пензѣ и Городчаниновъ началъ хлопотать о переводѣ туда, считая климатъ Пензы для своего здоровья благопріятнѣйшимъ.

Ни попечителю, ни Яковкину не хотѣлось разстаться съ Городчаниновымъ: ихъ пугала затруднительность найти на его мѣсто другаго словесника. Между тѣмъ подъ жалобами на казанскій климатъ скрывалось недовольство Городчанинова своимъ адъюнктскимъ положеніемъ, печальною ролью, которую онъ игралъ въ совѣтѣ, какъ сторонникъ Яковкина и можетъ быть недовѣріе къ директору. Яковкинъ видѣлъ въ этихъ жалобахъ только „мнительность", усиленную смертью Левицкаго; даже другъ его Евгеній бранилъ Городчанинова за „ипохондрическую меланхолію", представлявшую казанскую природу въ превратномъ видѣ. Просьба объ отставкѣ была уже послана въ Петербургъ, мѣсто директорское въ Пензѣ замѣщено и Городчаниновъ передумалъ. Кажется его успокоили тѣмъ, что поручили ему чтеніе философіи, за лишній окладъ. Совѣту пришлось дѣлать представленіе попечителю о желаніи Городчанинова продолжать службу и объяснять прежнюю просьбу его объ отставкѣ тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству Фукса, „страдалъ сильными припадками хипохондріи, отъ которой теперь, будучи совершенно свободенъ, принялъ сверхъ настоящей своей должности на себя занимать классъ философіи". Вотъ что писалъ объ этомъ эпизодѣ первоначальной службы Городчанинова Яковкинъ къ Румовскому: „Теперь совѣтъ ожидаетъ начальственнаго вашего разрѣшенія на учиненное отъ него представленіе, да и самъ г. Городчаниновъ, выздоровѣвши увидѣлъ, что бросился въ воду, не измѣривъ броду: и потому до

полученія разрѣшенія его участи, рѣшился жертвовать своими знаніями и способностями университету безмездно, не имѣя ни желанія, ни охоты разстаться съ возстановляемыми его здоровьемъ и совѣта спокойствіемъ, да также (позвольте предъ моимъ Богомъ и начальникомъ сказать необиновенно) и со мною, когда онъ меня, разсмотрѣвъ короче, полюбилъ сердечно. Дружбою его, усердіемъ къ службѣ, тихимъ и постояннымъ характеромъ всякой можетъ быть доволенъ, хотя и все подъ небесами измѣняется" (2 апрѣля 1807 года).

Не долго однако и на этотъ разъ прослужилъ Городчаниновъ въ Казанскомъ университетѣ. Мысль о званіи экстраординарнаго профессора не давала ему покоя; такъ или иначе онъ хотѣлъ получить это званіе. Вѣроятно онъ сообщалъ о томъ Евгенію. „Желаю поскорѣе поздравить васъ экстра-профессоромъ, писалъ Евгеній, о чемъ, думаю, не упустите увѣдомить меня" ([89]). Въ началѣ 1808 года Городчаниновъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ. Въ февралѣ, основываясь на ласковомъ пріемѣ министра, онъ подалъ тамъ просьбу Румовскому, въ которой, выставляя труды свои по преподаванію философіи (съ февраля 1807 года) и свои знанія по этой части, просилъ переименовать себя въ профессоры экстраординарные. До сихъ поръ всѣ университетскія званія давались лицамъ по усмотрѣнію начальства Университетъ еще не былъ открытъ; выборовъ въ немъ не происходило никакихъ. „Право удостоенія въ высшія университетскія званія, писалъ Яковкинъ, неминуемо должно зависѣть единственно отъ мудрости, справедливости и благоволенія Его Превосходительства г. Попечителя и кавалера". На этотъ разъ попечитель какъ бы вспомнилъ впервые объ уставѣ и его § 36 ([90]), такъ какъ на каѳедру филосо-

([89]) Ж. М. Н. Пр. 1857 г. т. XCIV. Отд VII. 4.

([90]) Въ немъ говорится: «Четырехъ изъ двѣнадцати адъюнктовъ, трудолюбіемъ предъ прочими отличившихся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшихъ, Совѣтъ по предложенію Ректора балотированіемъ удостоиваетъ въ экстраординарные профессоры, и когда они по представленію Попечителя въ званіи семъ Министромъ народнаго просвѣщенія утверждены будутъ, тогда по разсмотрѣнію Попечителя получаютъ прибавку въ жалованьѣ, какую дозволитъ сдѣлать экономическая сумма».

фіи уже былъ опредѣленъ профессоръ Фойгтъ и предписалъ совѣту, ссылаясь на свое отсутствіе и незнакомство съ трудами и преподаваніемъ Городчанинова, поступить по указанному § и дать свое мнѣніе о томъ, заслуживаетъ ли Городчаниновъ званія профессора экстраординарнаго? Это было первое примѣненіе устава въ Казанскомъ университетѣ. Балотированія впрочемъ не происходило и мнѣніе каждго члена совѣта было представлено попечителю отдѣльно. Всѣ единогласно отрицали въ Городчаниновѣ знаніе философіи, даже самъ осторожный Фуксъ, выражая свое убѣжденіе въ заслугахъ Городчанинова по россійской словесности, сомнѣвался въ его философскихъ познаніяхъ, достоинства которыхъ совершенно неизвѣстны въ публикѣ, а Сторлъ прямо заявилъ, что когда Городчаниновъ уѣзжалъ изъ Казани, то былъ не въ своемъ умѣ (signa indubia mentis conturbatae dederit). Въ особенности неблагопріятно было для Городчанинова мнѣніе вліятельнаго директора. Онъ указывалъ на то, что Городчаниновъ читалъ по Баумейстеру только нравственную философію и ту не кончилъ въ теченіе года „по частымъ своимъ болѣзненнымъ припадкамъ“, что сочиненій по философіи онъ не представилъ никакихъ и проч. Искатель не получилъ желаемаго званія экстраординарнаго профессора и оскорбленный невыгоднымъ заключеніемъ о немъ совѣта, подалъ въ отставку. Уволенный отъ службы въ мартѣ 1808 года, Городчаниновъ тогда же получилъ мѣсто библіотекаря въ московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи и исправлялъ въ немъ должность ученаго секретаря до декабря 1810 года, когда снова опредѣленъ министромъ въ Казанскій университетъ на каѳедру россійской словесности уже экстраординарнымъ профессоромъ. Въ послѣдующемъ разсказѣ нашемъ мы снова встрѣтимся съ Городчаниновымъ.

Въ концѣ 1805 года совѣтъ гимназіи, разсуждая о нуждахъ постепенно возрастающаго числа членовъ университета, замѣтилъ, что „здоровье каждаго можетъ быть подвержено разнымъ болѣзнямъ“ и что университетъ „по сіе время не имѣетъ достойнаго и опытнаго между своими сочленами врача, который бы, какъ сотрудникъ, поставлялъ осо-

бенною своею обязанностію, пещися о сохраненіи здоровья и всевозможномъ вспомоществованіи въ приключающихся университета членамъ болѣзняхъ, а особливо, что опытомъ уже дознано, что климатъ Казани подвергаетъ въ извѣстныя времена жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимся опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета такъ какъ бы къ тому въ особенности по совѣсти своей обязанъ былъ сочленъ онаго (¹)". Это разсужденіе побудило совѣтъ ходатайствовать предъ попечителемъ „о дарованіи университету достойнаго, опытнаго и искуснаго врача въ члены онаго". Мотивы просьбы были искренни со стороны членовъ начинающагося университета; всѣ они, по большей части пріѣзжіе люди, страдали отъ казанскаго климата и жаловались; Яковкинъ называлъ эту просьбу „гласомъ бѣдствующаго человѣчества". Желаніе совѣта Румовскій поспѣшилъ исполнить; онъ выставилъ это желаніе въ представленіи министру народнаго просвѣщенія главнымъ поводомъ къ открытію въ Казани медицинскаго преподаванія тѣмъ изъ студентовъ, которые старше другихъ и болѣе успѣли въ словесныхъ наукахъ. Что это не было дѣйствительное открытіе медицинскаго факультета въ Казани, видно изъ словъ представленія Румовскаго министру: „По сіе время *въ гимназіи* Казанской (слово университетъ даже не употреблено) преподаваемы были профессорами *пріуготовительныя студентамъ наставленія*; въ теченіе будущаго года преимущественно тѣже наставленія будутъ продолжаемы, но по окончаніи года, смотря на возрастъ студентовъ, на успѣхи въ словесныхъ наукахъ и на ихъ желаніе, надобно будетъ нѣкоторымъ преподавать лекціи въ наукахъ, до прочихъ отдѣленій принадлежащихъ". На первый разъ открывалась одна изъ каѳедръ врачебнаго отдѣленія.

Первымъ дѣйствительно читавшимъ профессоромъ врачебныя науки въ Казанскомъ университетѣ былъ докторъ ме-

---

(¹) Протож. засѣд. совѣта 18 ноября, 1805 года.

дицины Иванъ Петровичъ *Каменскій* (род. въ 1773 году). Уроженецъ Малороссіи, сынъ войсковаго товарища, онъ учился въ Полтавской семинаріи и, по окончаніи въ ней богословскаго курса, поступилъ въ 1793 году въ Московскую Медико-хирургическую академію. Учился онъ съ такимъ успѣхомъ, что еще будучи студентомъ, за сочиненіе „De ulcere ventriculi penetrante", исправлялъ два года должность прозектора. Получивъ въ 1797 году степень кандидата хирургіи, Каменскій съ годъ пробылъ при Московскомъ госпиталѣ и при родильной палатѣ Воспитательнаго Дома, а въ 1798 году, уже съ званіемъ лѣкаря, опредѣленъ въ Навагинскій мушкатерскій полкъ, гдѣ пробылъ однако очень не долго, такъ какъ въ слѣдующемъ же году поступилъ на прежнюю ученую службу—прозекторомъ въ туже академію, гдѣ получилъ медицинское образованіе, и нѣкоторое время исправлялъ тамъ же должность адъюнктъ-профессора. Степенью доктора медицины Каменскій былъ удостоенъ по экзамену и послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: „De restringendo sordibus quamvis in primis viis praesentibus evacuantium usu". Когда вскорѣ за тѣмъ Медико-хирургическая академія въ Москвѣ была упразднена, Каменскій принужденъ былъ искать другой службы и въ 1804 году поступилъ врачемъ при Ассигнаціонномъ и Заемномъ банкѣ въ С.-Петербургѣ, откуда уже перешелъ въ Казанскій университетъ.

Опредѣленіемъ Каменскаго, состоявшимся 6 января 1806 года, замѣщалась первая изъ шести медицинскихъ каѳедръ, положенныхъ для Казанскаго университета по уставу 1804 года, а именно: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, но Каменскій, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе столкновеній своихъ съ Яковкинымъ, пробылъ въ Казани очень не долго. Онъ оставилъ службу въ Казанскомъ университетѣ съ большимъ шумомъ и не имѣлъ ни возможности ни времени положить основаніе медицинскому преподаванію. Столкновенія съ Яковкинымъ произошли изъ за того, что Каменскій, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, вмѣсто исключительнаго занятія наукой и преподаваніемъ, слишкомъ ревностно отдался хозяйственнымъ дѣламъ соединенныхъ гимназіи и университета. Въ конторѣ, гдѣ сосредо-

точивались и велись всѣ эти дѣла, имѣвшей тогда функцію настоящаго правленія университета, съ основаніемъ университета и съ необходимостью удовлетворять постоянно возрастающимъ нуждамъ новорожденнаго высшаго учрежденія, занятій оказалось теперь больше чѣмъ вдвое. Если съ одной стороны совѣтъ управлялъ дѣлами университетскими и гимназическими, то контора, это оригинальное явленіе, существовавшее тогда только въ Казани, удовлетворяла хозяйственнымъ потребностямъ обоихъ учрежденій. Она была въ полномъ распоряженіи директора-инспектора, но члена отъ университета въ ней не было. Отсюда возникали естественно жалобы и этимъ положеніемъ дѣлъ, какъ и вообще ихъ увеличеніемъ въ конторѣ, Яковкинъ тяготился. Онъ искалъ себѣ помощника, но иностранцы, окружавшіе его въ совѣтѣ, по незнанію ими русскаго языка и мѣстныхъ отношеній, не годились для того и потому понятно, что онъ обрадовался, узнавъ о назначеніи новаго, русскаго по происхожденію профессора. Румовскій обѣщалъ ему помощника по конторѣ. „О, если бы я возмогъ его обрѣсти въ г. Каменскомъ, писалъ онъ къ попечителю (20 февраля 1806 года), что особенно нужно какъ по частымъ припадкамъ усерднаго моего сотрудника Баннера, такъ и по начавшимся выдачамъ суммы университетской, по крайней мѣрѣ хотя для присмотру отъ лица университета, вмѣсто того, что нынѣ *незнающіе обстоятельствъ думаютъ, что сумма университетская употребляется по однимъ токмо назначеніямъ моимъ и конторы*“.

Яковкинъ ждалъ Каменскаго нетерпѣливо; по желанію Румовскаго онъ намѣревался „разсмотрѣть его покороче“, и конечно обрадовался, когда тотъ наконецъ явился въ засѣданіе совѣта 10 марта 1806 года. Лекціи его начались тогда же. По его заявленію „за недостаткомъ многихъ пособій, для полнаго курса потребныхъ, онъ намѣренъ преподавать учащимся: 1) науку о костяхъ, со включеніемъ ученія объ образованіи оныхъ; потомъ 2) изъ физіологіи—о дѣйствіяхъ живаго здороваго человѣческаго тѣла, сколько можно будетъ занять объясненіе оныхъ изъ разсматриванія животныхъ“. Это и было исполнено имъ въ немногіе мѣсяцы 1806 года, остававшіеся до лѣтней вакаціи. О костяхъ Каменскій училъ на принадлежащемъ ему, при-

везенномъ съ собою скелетѣ, а связки и мышцы объяснялъ на такихъ животныхъ, строеніе которыхъ сходно съ человѣческимъ. „Остается проходить ученіе о кровеносныхъ сосудахъ, нервахъ и внутренностяхъ, коихъ организмъ поелику не разнится отъ человѣческаго, то я также намѣренъ показать на животныхъ четвероногихъ, особливо тѣхъ, кои употребляются въ пищу. Тѣмъ лучше, что сей видъ анатоміи, не производя отвращенія въ учащихся, еще къ ней непривыкшихъ, между тѣмъ представляетъ имъ такіе предметы, кои возбуждаютъ любопытство и охоту къ изслѣдованіямъ строенія самаго человѣческаго тѣла"—писалъ Каменскій къ Попечителю. Читалъ онъ шесть часовъ въ недѣлю и такъ какъ былъ единственнымъ преподавателемъ по медицинѣ и началъ свои лекціи въ половинѣ учебнаго года, то для доставленія времени ему пришлось у слушателей отнять одни часы (1-е два часа) отъ иностранныхъ языковъ и одни же отъ искусствъ.

Необходимость имѣть мертвыя тѣла для предстоящихъ анатомическихъ лекцій заставила совѣтъ тогда же ходатайствовать предъ попечителемъ снестись съ казанскимъ гражданскимъ начальствомъ о томъ, чтобы тѣла скоропостижно умершихъ были присылаемы въ университетъ. На это представленіе, черезъ три недѣли, пришла отъ Румовскаго слѣдующая резолюція: „По мнѣнію моему къ вскрытію труповъ какъ по настоящему лѣтнему времени, такъ и по не имѣнію еще потребныхъ къ тому пособій, приступить съ удобностію не можно; но нужно чтобы для сего назначенъ былъ, внѣ университетскаго дома, гдѣ совѣтъ за способнѣе признаетъ, отдѣленной и особливой покой, и чтобы приготовлены были всѣ нужныя къ тому вещи сколько же на то потребно будетъ суммы, сдѣлать соображеніе и мнѣ представить; а до того времени г. профессоръ Каменскій потщился бы при преподаваніи лекцій дѣлать возможныя объясненія по рисункамъ". Только къ концу 1806 года отдѣленныя для анатомическаго театра двѣ комнаты въ Тенишевскомъ домѣ были готовы и на новое ходатайство предъ попечителемъ о полученіи мертвыхъ тѣлъ Румовскій предписалъ, чтобы сама контора отнеслась въ полицію или къ г. губернатору о доставленіи ихъ въ зимнее время. Думалъ также Каменскій и о томъ, что ему надобенъ

будетъ прозекторъ и заранѣе представлялъ попечителю въ это званіе лѣкаря Европеуса, обучавшагося подъ его руководствомъ въ Москвѣ. Съ этимъ былъ согласенъ и Румовскій. Въ началѣ академическаго года Каменскій представилъ два списка вещей, необходимыхъ для анатомическихъ лекцій (покуда онъ употреблялъ собственныя). Однѣ изъ этихъ вещей можно было пріобрѣсть въ Казани, другія приходилось выписывать, но въ разсужденіе выписки Каменскій находилъ „великое затрудненіе“ и рѣшено было обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ попечителю въ С.-Петербургъ. Въ теченіе слишкомъ кратко-временной службы Каменскаго въ Казанскомъ университетѣ изъ вещей, предназначенныхъ къ пріобрѣтенію для анатомическаго театра, едва ли было что либо куплено. Каменскій на первыхъ порахъ заботился очевидно о томъ, чтобъ обставить свое преподаваніе научнымъ образомъ и снабдить его пособіями. Проѣздомъ изъ Петербурга чрезъ Москву, онъ узналъ, что препараты и уродцы упраздненной, или какъ онъ выражается, уничтоженной Московской Медико-хирургической академіи находятся безъ употребленія и назначенія и написалъ о томъ къ Румовскому. Достоинства и свойства этихъ предметовъ Каменскому, какъ служившему въ Медико-хирургической академіи прозекторомъ, были хорошо извѣстны. Румовскій не оставилъ безъ вниманія письма профессора и тотчасъ же завелъ переписку о пріобрѣтеніи пособій для Казанскаго университета. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находилась прежняя академія, изъявилъ полное согласіе на уступку, по оцѣнкѣ, ученаго имущества академіи (главныя части его впрочемъ, а именно анатомическій кабинетъ и физическіе инструменты были уже уступлены Московскому университету); попечитель московскаго округа Муравьевъ доставилъ списокъ вещамъ и инструментамъ, отъ которыхъ университетъ Московскій отказался и Румовскій поручилъ разсмотрѣть его особой коммиссіи, состоящей изъ профессоровъ Каменскаго и Фукса и адъюнкта Евеста. Между тѣмъ Каменскій былъ уволенъ отъ службы, а остальные члены коммиссіи донесли, что лучшіе препараты и уродцы Московской академіи выбраны и пересланы въ Петербургскій хирургическій институтъ, что за оставшимися присмотръ былъ не надлежащій,

а потому вещи могли попортиться и что вообще назна
ніе цѣны имъ, безъ предварительнаго осмотра на мѣс
затруднительно. Такъ устройство анатомическаго кабин
при Каменскомъ не было даже начато. О немъ вновь п
ходилось хлопотать другому лицу, вскорѣ занявшему
же каѳедру.

Но преподаваніе и забота о наукѣ скоро отошл
Каменскаго въ Казани на второй планъ. Отпуская
изъ Петербурга, Румовскій намекнулъ ему о возможно
быть помощникомъ Яковкину по конторѣ, на что тотъ
гласился. Опредѣленіе впрочемъ зависѣло отъ согласі
удостоенія директора. Румовскій ждалъ мнѣнія Яковки
но этотъ послѣдній медлилъ и изучалъ человѣка. Кам
скій не выдержалъ и напомнилъ о дѣлѣ попечителю: „П
отправленіи моемъ въ Казань, дабы имѣть честь служ
въ университетѣ, попеченію вашему Высочайше ввѣр
номъ, писалъ онъ черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ, я
однократно имѣлъ счастіе слышать намѣреніе ваше п
поручить мнѣ смотрѣніе за больницей и быть въ комм
сіи о строеніи попеченіе имѣющей. Никогда не предпо
гая отказываться выполнять препорученія и приказа
начальства, я ожидалъ на то вашего повелѣнія, но м
дленность онаго заставила меня думать, не требуется
чтобы я донесъ Вашему Превосходительству о согла
моемъ, тѣмъ болѣе, что я помню, какъ Ваше Превосхо
тельство не оставили упомянуть мнѣ и о томъ, чтобы
познакомяся на мѣстѣ съ существомъ дѣла, письме
вамъ донесъ“. Съ тою же почтою Румовскій получил
рекомендацію Каменскаго отъ Яковкина: „Какъ со сто
ны совѣта необходимо нужно имѣть въ конторѣ еще чле
университета, коему особенно можно препоручить унив
ситетскія экономическія по конторѣ дѣла, писалъ дир
торъ 22 мая 1806 года, то не благоугодно ли будетъ
шему Превосходительству предписать совѣту и конто
дабы профессоръ Каменскій засѣдалъ въ конторѣ прен
щественно для университетскихъ экономическихъ дѣ
*за что не благоугодно ли будетъ назначить ему и каз
ную квартиру съ дровами*, чѣмъ надѣюсь будетъ онъ о
бенно доволенъ, по причинѣ трудности пріисканія зд
квартиръ. Причиною медленности представленія о се

Вашему Превосходительству была потребная осторожность въ выборѣ и время разсмотрѣнія человѣка“. Тогда только Румовскій далъ предписаніе совѣту объ опредѣленіи Каменскаго членомъ конторы, согласно представленію Яковкина.

Но едва только Каменскій сдѣлался сочленомъ Яковкина по конторѣ, какъ оказалось, что директоръ не хорошо разсмотрѣлъ его и нажилъ въ немъ врага. „Позвольте Ваше Превосходительство признаться чистосердечно, писалъ онъ Румовскому (31 іюля 1806 года), что соприсутствіемъ его, вмѣсто ожиданной помощи и слѣдовавшей кажется признательности, *навязалъ я себѣ камень на шею* и едино только благорасположеніе Вашего Превосходительства подкрѣпляетъ еще меня въ плачевной юдоли нынѣшняго моего прискорбнаго состоянія“. Каменскій одновременно повелъ аттаку и въ конторѣ и въ совѣтѣ. Онъ повидимому сталъ въ главѣ всѣхъ враговъ Яковкина. Въ конторѣ Каменскій не подписывалъ многихъ опредѣленій объ уплатахъ изъ университетскихъ суммъ, начиная съ уплаты сорока пяти рублей за какой то особенный мѣхъ для химическихъ опытовъ, сдѣланный по заказу адъюнкта Евеста университетскому машинисту Горденину и нужный Евесту при испытаніи водъ, находя, по всей вѣроятности, сумму за мѣхъ высокою. Обстоятельство это Яковкинъ тотчасъ же постарался представить начальству весьма вреднымъ для теченія дѣлъ. „Университетскія экономическія дѣла, по причинѣ многихъ приглашеній г. Каменскаго въ присутствіе конторы и обѣщанныхъ имъ, но съ 13 августа неисполненныхъ приходовъ, теперь остановились, такъ что ни голоса не подаетъ и не соглашается подписывать опредѣленій, *особливо такихъ, кои постановлены по даннымъ отъ меня конторѣ именемъ Вашего Превосходительства предложеніямъ.* По сей же самой причинѣ и кровля на главномъ корпусѣ по наступающему позднему времени едва ли успѣетъ быть выкрашена, какъ и изъ меморій конторы Ваше Превосходительство усмотрѣть соизволите“. Едва прошолъ мѣсяцъ со времени опредѣленія Каменскаго въ члены конторы, какъ Яковкинъ хлопоталъ уже о возвращеніи прежняго порядка въ ней. „По причинѣ обнаружившихся пустыхъ споровъ и противозаконныхъ противорѣчій, также

нарушенія порядка законами приказамъ предписаннаго, удаленіе Каменскаго отъ соприсутствія въ конторѣ и оставленіе теченія и экономическихъ дѣлъ обоихъ заведеній на прежнемъ, какъ было до Каменскаго основаніи, впредь до начальственнаго распоряженія, доставить могутъ на первый случай болѣе спокойствія Вашему Превосходительству: но все сіе зависитъ отъ начальственнаго благоусмотрѣнія"— писалъ Яковкинъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма (въ началѣ сентября 1806 года) Каменскій былъ уже уволенъ отъ званія университетскаго члена въ конторѣ. Въ своемъ предложеніи Румовскій оправдывалъ безусловно всѣ распоряженія Яковкина о разныхъ денежныхъ выдачахъ, конторскіе журналы которыхъ Каменскій не хотѣлъ подписывать и иронически заключалъ: „А какъ г. профессоръ Каменскій, въ письмѣ отъ 14 августа, между прочимъ пишетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, выведенномъ изъ терпѣнія, который въ послѣдніе дни былъ мученикомъ своей должности, и не могъ предвидѣть сотой доли огорченій, которыя встрѣтили его въ конторѣ, то для спокойствія толико нужнаго по главной его должности, т. е. по должности профессора, и прекращенія въ конторѣ распрей, служащихъ единственно къ остановкѣ теченія дѣлъ, увольняется онъ отъ присутствія въ конторѣ, а сумму университетскую принять конторѣ въ свое вѣдомство и въ чрезвычайныхъ выдачахъ спрашивать моего разрѣшенія" [1].

Этому увольненію Каменскаго предшествовала личная переписка его съ попечителемъ, въ которой онъ рѣшился поколебать довѣріе Румовскаго къ Яковкину. Онъ рѣшился не вдругъ; прошло четыре мѣсяца со времени пріѣзда его въ Казань: „надобно было узнавать положеніе всего заведенія, ходъ дѣлъ и характеры лицъ, вліяніе имѣющихъ"—говоритъ онъ. Только послѣ того, какъ всѣ обстоятельства стали ему извѣстны, Каменскій сообщилъ свои наблюденія. Вотъ какую характеристику дѣлаетъ онъ лицу, всѣмъ управлявшему въ соединенныхъ университетѣ и гимназіи и пользовавшемуся полною довѣренностью попечите-

---

[1] Протоколы засѣд. сов. 19 сент. 1806 года.

ля: „Сожалѣю, что я вынужденъ былъ начать самымъ непріятнымъ. Сожалѣю, что долженъ писать противу такого человѣка, который пользуется совершенною довѣренностію; долго колебался, но мѣра исполнилась: дерзость и личность вывели изъ терпѣнія. Все вызвало меня, чтобы для пользы общей и чести начальника, отважиться на самый гнѣвъ его, если бы это было возможно. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я старался имѣть связь съ такимъ человѣкомъ, который столь выгодно обратилъ на себя вниманіе своего начальника. Я былъ хорошо имъ принятъ сначала; имѣлъ нѣкоторую его довѣренность, старался узнать чрезъ него людей; между тѣмъ наблюдалъ его самого, и скоро стало открываться, что подъ прекраснѣйшею наружностью скрывались такія свойства, которыя ни мало ей не отвѣчали. Извините, Ваше Превосходительство! Быть не можетъ, чтобы это не было Вамъ огорчительно читать, но смѣю Васъ увѣрить, что придетъ время, когда сія истина можетъ быть разительно отдастся въ чувствительномъ и невинномъ вашемъ сердцѣ. Въ продолженіе времени находилъ я, что почти всегда въ вѣрномъ контрастѣ были тѣ хороши, коихъ онъ худо описывалъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ самыхъ худыхъ были имъ покровительствуемы". (Здѣсь Каменскій приводитъ въ примѣръ Евеста и слова его о немъ, или по выраженію Румовскаго „извѣтъ", дали поводъ къ особому дѣлу, возбудившему личныя страсти въ совѣтѣ, о чемъ было говорено выше). „Таковыя превратныя дѣйствія, соображаемыя съ личными видами, съ планами его пріязни или вражды противу того или другаго, естественно ведутъ за собой всеобщій безпорядокъ". Каменскій указываетъ далѣе на разныя упущенія по гимназіи, на то что у учителей нѣтъ общаго плана преподаванія, на слабость успѣховъ учениковъ. Совѣтъ съ сожалѣніемъ видитъ всѣ эти безпорядки, но долженъ уступать обстоятельствамъ, „чтобъ безъ пользы не дѣлать шуму; „неудовольствіе членовъ возрастаетъ; грубости чувствуются всѣми; тоны какого-то неограниченнаго ректорства становятся оскорбительны. *Человѣкъ съ обыкновенными способностями, невидавшій организма университетовъ, отставшій отъ книгъ*, имѣетъ однакожъ столько дерзости, чтобы говорить: я того и того могу сдѣлать счастливымъ или несчастливымъ....

Многіе въ городѣ знаютъ его приватную жизнь, хотя онъ столько остороженъ, что не выводитъ себя въ общество. *Покупка домовъ во всеобщей молвѣ*: одинъ изъ нихъ былъ проданъ за четыре тысячи пятьсотъ рублей, но отъ него отказались; онъ же потомъ взялъ въ казну за шесть тысячъ".

Нельзя сказать, чтобы эти обвиненія, кромѣ послѣдняго, имѣли опредѣлительный характеръ. Мы склонны думать, что они были вполнѣ справедливыми, такъ какъ повторяются съ разныхъ сторонъ и наблюдателями позднѣйшихъ лѣтъ, но Каменскій не могъ ихъ сдѣлать точными и опредѣленными; для этого онъ слишкомъ не долго жилъ въ провинціи и писалъ вѣроятно подъ первыми впечатлѣніями слуховъ, чѣмъ нибудь обиженный со стороны Яковкина. Послѣдній пользовался полною довѣренностью попечителя и эта довѣренность давала ему тѣ „тоны какого-то неограниченнаго ректорства", о которыхъ говоритъ Каменскій. Такимъ образомъ мысль нѣмецкаго ученаго Мейнерса, что пребываніе попечителя въ томъ же городѣ, гдѣ находится университетъ, весьма вредно, такъ какъ попечитель, живя постоянно въ университетскомъ кругу, подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета (¹), мысль которую приводили въ исполненіе на практикѣ попечители Александровской эпохи, была не совсѣмъ справедлива. Румовскій, живя въ Казани, безъ сомнѣнія разглядѣлъ бы лицо, которому безусловно вѣрилъ и спасъ бы университетъ отъ будущихъ смутъ и жалкихъ пререканій между членами.

Письмо Каменскаго нисколько не поколебало довѣрія попечителя къ директору. Онъ отвѣчалъ Каменскому длиннымъ письмомъ, въ которомъ совершенно справедливо доказавъ, что большая часть высказанныхъ имъ обвиненій слишкомъ общи, опровергалъ эти обвиненія всѣ до одного, а неопредѣленное обвиненіе *о страсти* Евеста, которую Каменскій не желалъ назвать пьянствомъ, предписалъ раз-

---

(¹) М. И. Сухомлиновъ, Матер. для исторіи образ. I. 42.

смотрѣть въ совѣтѣ. Въ совѣтѣ Каменскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, стоялъ за отдѣленіе гимназическихъ дѣлъ и за самоуправленіе университета. Тамъ онъ повелъ борьбу съ Яковкинымъ, подкрѣпляемый нѣкоторыми членами, кончившуюся для него удаленіемъ отъ должности, какъ мы постараемся разсказать въ слѣдующей главѣ, посвященной дѣламъ совѣтскимъ. На эту борьбу Каменскій былъ вынужденъ силою обстоятельствъ. „Къ несчастію дѣла заведены слишкомъ далеко, чтобы можно было отступить съ честію; и такъ я долженъ буду защищать то, чего нѣтъ дороже для меня"…. „Я долженъ имѣть дѣло съ самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ, говоритъ онъ о Яковкинѣ, которому чужда та людкость, тотъ просвѣщенный благонамѣренный образъ мыслей, то деликатное обращеніе, которыя украшаютъ человѣка его званія". Къ сожалѣнію многое въ этихъ словахъ оказалось фразою: Каменскій писалъ еще нѣсколько писемъ къ попечителю и тотъ замѣтилъ, сообщая о перепискѣ Яковкину, что онъ „инымъ голосомъ пѣть начинаетъ". Мелкій и личный интересъ проглядываетъ въ жалобахъ на Яковкина: „профессору Фуксу, по представленію г. Яковкина, дана квартира и больше и лучше моей. Секретарь конторы занимаетъ въ Тенишевскомъ домѣ цѣлое отдѣленіе нижняго этажа, пользуется конюшнею и сараемъ, между тѣмъ какъ я совершенно стѣсненъ. Извините Ваше Превосходительство,—это несносная обида!" Румовскій справедливо могъ замѣтить, въ письмѣ къ директору: „г. Каменскій письмами своими лучше обнаружилъ качества свои, нежели ваши жалобы и учиненныя вамъ огорченія".

Борьба Каменскаго въ совѣтѣ кончилась для него очень печально. „Чтобы прекратить существующіе въ совѣтѣ Казанской гимназіи безпорядки, писалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 14 ноября 1806 года, за № 603, къ Попечителю Румовскому, о которыхъ Ваше Превосходительство мнѣ представили, обуздать непослушаніе и тѣмъ отвратить вредное вліяніе ихъ примѣровъ, предоставляю Вамъ главныхъ виновниковъ неустройства: профессора Каменскаго, адъюнкта Карташевскаго и другихъ имъ подобныхъ отрѣшить отъ ихъ должностей". Яковкинъ считалъ Каменскаго главнымъ своимъ врагомъ. По словамъ его противъ него

**начался *комплотъ* съ самаго прiѣзда Каменскаго
Комплотъ этотъ собирался въ домѣ вице-губерн
которымъ Каменскiй былъ знакомъ. У него, и
казанскихъ домахъ, обсуждался образъ жизн
„Старались внушить, пишетъ онъ, что жизнь
дочна и невоздержна, и что ей одной толь
должно продолжаемое мною уединенiе от
сѣтительныхъ поклоновъ, а не привер
должностямъ"... Каменскiй, какъ ка
недавнее пребыванiе свое въ Казани
гихъ домахъ ея извѣстностiю, какъ
нiя отъ должности профессора, онъ
этомъ городѣ и жить практико
своемъ врагѣ Яковкинъ: „Гов
на умъ мода, на пряжки мод
коими Каменскiй не послѣдн
Однакожъ другъ мой статскiй совѣ
его, люди очень умные и безпристрастные,
Каменскомъ не такъ выгодныя мысли; они въ гор
ютъ сильный голосъ". Не преминулъ Яковкинъ
начальнику и о неудачныхъ случаяхъ практики К
го, конечно съ особеннымъ злорадствомъ и непрi

([1]) Приводимъ отрывокъ изъ письма его, любопытный,
щикъ тогдашняго положенiя врача: «Г. Каменскiй доказалъ
въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова,
четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась
опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскiй
въ рака, а преждевременнымъ употребленiемъ хины произвелъ
страшную обструкцiю, такъ что нѣтъ уже никакихъ средо
больную и всѣ прочiе врачи отказались. Отчаянный мужъ, о
пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу
лѣкарства и образъ лѣченiя. Изслѣдованiе сiе учинено 26
настоянiю г. Губернатора въ домѣ его и при немъ. Всѣ е
охулили и лѣкарства и образъ лѣченiя, основываясь на самы
рныхъ правилахъ медицины. Каменскiй, не имѣя что отвѣ
словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ. Губернатор
валъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка жена
мейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строг
новъ. Чѣмъ окончится сiя трагедiя, еще неизвѣстно теперь,—

начался *комплотъ* съ самаго пріѣзда Каменскаго въ Казань. Комплотъ этотъ собирался въ домѣ вице-губернатора, съ которымъ Каменскій былъ знакомъ. У него, и въ другихъ казанскихъ домахъ, обсуждался образъ жизни Яковкина. „Старались внушить, пишетъ онъ, что жизнь моя безпорядочна и невоздержна, и что ей одной только приписывать должно продолжаемое мною уединеніе отъ обществъ и посѣтительныхъ поклоновъ, а не приверженности моей къ должностямъ“.... Каменскій, какъ кажется, не смотря на недавнее пребываніе свое въ Казани, пользовался во многихъ домахъ ея извѣстностію, какъ врачъ. Послѣ отрѣшенія отъ должности профессора, онъ даже думалъ остаться въ этомъ городѣ и жить практикою. Иронически говорилъ о своемъ врагѣ Яковкинъ: „Говорилъ почтенный Стародумъ: на умъ мода, на пряжки мода, и на докторовъ мода, межъ коими Каменскій не послѣднюю ролю играетъ на сей сценѣ. Однакожъ другъ мой статскій совѣтникъ Геркенъ и жена его, люди очень умные и безпристрастные, возъимѣли о г. Каменскомъ не такъ выгодныя мысли; они въ городѣ имѣютъ сильный голосъ“. Не преминулъ Яковкинъ сообщить начальнику и о неудачныхъ случаяхъ практики Каменскаго, конечно съ особеннымъ злорадствомъ и непріязнью ([1]).

([1]) Приводимъ отрывокъ изъ письма его, любопытный, какъ образчикъ тогдашняго положенія врача: «Г. Каменскій доказалъ себя нынѣ въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова, не болѣе четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась маленькая опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскій превратилъ въ рака, а преждевременнымъ употребленіемъ хины произвелъ въ животѣ страшную обструкцію, такъ что нѣтъ уже никакихъ средствъ спасти больную и всѣ прочіе врачи отказались. Отчаянный мужъ, окруженный пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу разсмотрѣть лѣкарства и образъ лѣченія. Изслѣдованіе сіе учинено 26 ноября, по настоянію г. Губернатора въ домѣ его и при немъ. Всѣ единогласно охулили и лѣкарства и образъ лѣченія, основываясь на самыхъ неоспоримыхъ правилахъ медицины. Каменскій, не имѣя что отвѣчать далѣе словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ. Губернаторъ упрашивалъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка женатаго и семейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строгости законовъ. Чѣмъ окончится сія трагедія, еще неизвѣстно теперь,—только не

Но тогдашнее казанское общество, котораго Яковкинъ чуждался по разнымъ причинамъ, предпочитая быть царемъ въ своемъ болотѣ, было какъ кажется на сторонѣ отрѣшенныхъ и винило Яковкина. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное отрѣшеніемъ: „Шумъ, произведенный отрѣшеніемъ и удаленіемъ, содѣлался необычайнымъ: сколько ни приходило ко мнѣ здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ, всякій объявлялъ мнѣ новости, а рѣдко подтвержденія прежде слышаннаго. Разнесеніе самыхъ непріятныхъ обо мнѣ слуховъ въ дворянскомъ и англійскомъ общественныхъ собраніяхъ, въ маскарадѣ и театрѣ, усильныя просьбы гг. Молоствова Порфирія и родственника его Пушкина, также почтъ-директора Карпеки къ г. Губернатору о заступленіи невинно отрѣшенныхъ и притѣсненныхъ (слѣдствія дровянаго дѣла, также уклончивости и врачеванія г. Каменскаго въ ихъ семействахъ),— всѣхъ ихъ ходатайство за него предъ бывшимъ тогда въ Казани графомъ Головкинымъ (посолъ въ Китай),—обѣщаніе г. Карпеки писать о семъ происшествіи прямо къ Его Сіятельству г. Министру Просвѣщенія, якобы по старинному знакомству,—письменныя гг. Каменскаго и Германа, поданныя на меня г. графу Головкину жалобы и доносы,— увѣреніе его, будто бы онъ о семъ дѣлѣ самъ представитъ Государю Императору въ защищеніе невинности,—мятежныя совѣщанія въ вечернихъ собраніяхъ по домамъ единомышленниковъ о погубленіи меня, — повсюдное описаніе всего меня самыми постыдными и черными красками суть послѣднія *усилія издыхающей гидры*“..... (Письмо 11 декаб. 1806 года). Эти слова Яковкина, который имѣлъ возможность знать даже отъ кого и кому въ Петербургъ пошли съ казанскою почтою жалобы отрѣшенныхъ, эти, какъ онъ выражается, „разныя покушенія наказуемаго буйства и злобы“, очень живо изображаютъ университетскую исторію въ провинціальномъ городѣ. Тѣже сплетни и толки, такіе же

добромъ. Такимъ же образомъ Каменскій прежде сего простуду простую почтъ-директорши Карпеки превратилъ въ чахотку, что и было причиною ея смерти». (Письмо 3 дек. 1807 года).

крики и угрозы повторялись и много лѣтъ спустя въ подобныхъ этому случаяхъ. Всѣ увлекались волною событій и принимали участіе въ нихъ и словомъ и дѣломъ. Казанскій гражданскій губернаторъ, письмомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, не говоря прямо о послѣднихъ событіяхъ, доносилъ ему о разстройствѣ всѣхъ дѣлъ въ гимназіи и объ упущеніи въ ней воспитанія вообще. Яковкину пришлось отписываться, но онъ былъ большой мастеръ этого дѣла.

Отрѣшенный Каменскій, для очищенія своей прежней службы, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ ему выдали аттестатъ, въ которомъ бы значилось, что онъ уволенъ по прошенію. Съ этою цѣлью онъ подалъ въ совѣтъ Казанской гимназіи прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просилъ о выдачѣ ему разныхъ копій съ предписаній и протоколовъ дѣлъ, участіе въ которыхъ повело его къ отрѣшенію, и аттестата о службѣ Тутъ, по предварительному уговору съ Румовскимъ на письмѣ, Яковкинъ не долженъ былъ исполнить этой просьбы, но онъ облекъ все дѣло въ канцелярскія формальности. Прошеніе уволеннаго тогда же Карташевскаго о томъ же предметѣ, писанное на простой бумагѣ и присланное въ совѣтъ не запечатаннымъ, было по опредѣленію совѣта возвращено ему, какъ „не по формѣ писанное и поданное". Каменскій прислалъ свое и на гербовой бумагѣ и запечатанное, но „по разсмотрѣніи его оказалось, что оно писано не по формѣ, законами предустановляемой, какъ то: писано и по самому штемпелю и слова упущены или перемѣнены противу самой формы, а потому и возвращено ему съ надписью". Черезъ нѣсколько дней Каменскій подалъ вторичную просьбу о томъ же. На этотъ разъ состоялось такое опредѣленіе совѣта, управляемаго теперь неограниченно Яковкинымъ: „Возвратить означенное прошеніе г. профессору Каменскому съ надписью, что оно написано въ противность указовъ 1723 года ноября 5 дня и 1762 года іюля 2 дня, ибо онъ въ 1-мъ пунктѣ, прежде объясненія дѣла, помѣстилъ просительные термины, кои опять повторяетъ во 2-мъ пунктѣ. Означенную же надпись на прошеніи скрѣпить одному изъ членовъ совѣта". Въ третій разъ Каменскій, „пришедъ въ комнату канцеляріи совѣта, еще до открытія засѣданія, положилъ

на столъ конвертъ запечатанный и надписанный на имя совѣта, заключающій, по надписи, прошеніе его; но какъ таковая подача просьбы противна узаконенію генеральнаго регламента, то и велѣлъ я письмоводителю Курбатову оставить оной конвертъ тамъ, гдѣ онъ положенъ самимъ г. Каменскимъ, не вводя его въ дѣло и не распечатывая" (письмо Яковкина къ Румовскому отъ 15 января 1807 года).

Каменскому, какъ онъ и самъ излагалъ въ прошеніи, нужно было оправдаться; онъ хотѣлъ жаловаться: быть отрѣшеннымъ отъ должности, то есть опороченнымъ, ему было тяжело и онъ добивался получить отъ казанскаго совѣта въ копіи всѣ тѣ протоколы его, въ которыхъ были записаны дѣла, давшія поводъ къ его обвиненію, его мнѣнія, опредѣленія совѣта и разныя предписанія попечителя и министра; онъ просилъ также, чтобъ ему выданъ былъ аттестатъ по прежней службѣ его въ Ассигнаціонномъ банкѣ, представленный имъ при опредѣленіи въ Казань и формулярный списокъ о профессорской службѣ. Наконецъ 17 января 1807 года была заслушана въ совѣтѣ четвертая просьба Каменскаго, на сей разъ оказавшаяся написанною по формѣ. Но и въ этотъ разъ онъ не получилъ желаемыхъ копій съ дѣлъ и опредѣленій совѣтскихъ. Совѣтъ, въ мотивированномъ отказѣ своемъ, ссылался на предписанія Попечителя, писанныя на имя директора, которыми это запрещалось даже для членовъ совѣта, почему совѣтъ на выдачу просимыхъ копій „самъ собою рѣшиться не можетъ, да и приступить къ сему почитаетъ несоотвѣтственнымъ съ указами" (слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ указовъ отъ 1737 до 1800 года, касающихся копій съ дѣлъ тяжебныхъ и судныхъ). Что касается до прежняго аттестата и формулярнаго списка о послѣдней службѣ Каменскаго, то они были выданы ему, но только вслѣдствіе особеннаго на то разрѣшенія Румовскаго, сообщеннаго Яковкину. На выдачу просимыхъ копій Румовскій не согласился потому, что Каменскій принесъ уже на него жалобу министру народнаго просвѣщенія.

Въ то время, какъ Яковкинъ придумывалъ, съ помощью старыхъ подъячихъ, которые сидѣли въ его канцеляріи, эти хитрые извороты съ безконечными ссылками на

лабиринтъ русскихъ указовъ, Свода Законовъ еще не существовало. Ему легко было жечь на медленномъ огнѣ юридическихъ крючковъ и канцелярскихъ кляузъ своихъ враговъ—профессоровъ, чуждыхъ этому темному міру, разъѣдавшему тогда юридическую жизнь Россіи и очень хорошо понятому въ то время Сперанскимъ. Съ этими печальными условіями приходилось бороться при началѣ своемъ наукѣ и университетскому преподаванію. Язва крючкотворства, желаніе прикрыть темные личные разсчеты покровомъ легальности, непонятнымъ для человѣка, искренно преданнаго наукѣ, проникала и водворялась въ молодые университеты наши. Старые профессора ихъ, на нашей памяти, были большими законниками: они носили въ головѣ готовый запасъ ссылокъ и пугали имъ всегда молодыхъ членовъ, умѣя по своему истолковывать простой смыслъ параграфовъ университетскаго устава. Да, этотъ старый юсъ Яковкинъ, не зналъ организаціи университетовъ. Мы имѣли терпѣніе провѣрить его ссылки на указы и смѣемъ увѣрить читателя, что они совершенно правильны. Но какимъ пугаломъ должны были являться эти secreta secretorum старыхъ указовъ для профессоровъ иностранцевъ, вовсе незнавшихъ по русски! Яковкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ мастеръ пугать ихъ.

Эта недостойная процедура мелкихъ уколовъ, которою Яковкинъ преслѣдовалъ врага своего, была извѣстна Румовскому. О всемъ директоръ сообщалъ попечителю и находилъ въ немъ одобреніе и поддержку. „Г. Каменскій опоздалъ въ намѣреніи своемъ отдалиться отъ университета, писалъ Румовскій къ Яковкину въ то время, когда уже представилъ министру объ его отрѣшеніи. Я жалѣлъ о судьбѣ его, а теперь хотя и жалѣю, но не столько“. Попечитель успокоиваетъ Яковкина, ободряетъ его, напуганнаго криками казанскаго общества при отрѣшеніи непокорныхъ профессоровъ: „Произведенный отрѣшеніемъ по городу шумъ ни малѣйшаго уваженія недостоинъ. Празднымъ людямъ надобна пища, и въ то время, когда сіе пишу, я думаю, что онъ, ежели не совсѣмъ умолкъ, то весьма уменьшился“. Не придаетъ онъ значенія и обѣщанію графа Головкина, данному отрѣшеннымъ, представить о ихъ дѣлѣ Государю Императору: „Навѣрное можно сказать, что Госу-

дарь Императоръ жалобу ихъ отдастъ на разсмотрѣніе министру народнаго просвѣщенія, потому что отрѣшеніе послѣдовало по его предписанію". Каменскій, получивъ наконецъ аттестатъ и формуляръ, ѣздилъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Карташевскимъ, онъ подалъ прошеніе графу Завадовскому о томъ, чтобъ въ аттестатѣ не значилось слово *отрѣшеніе*, а увольненіе по прошенію, съ одобреніемъ его профессорской службы. „Гг. Каменскій и Карташевскій *выплакали* у министра народнаго просвѣщенія, чтобы я далъ имъ аттестатъ, писалъ Румовскій, съ прописаніемъ что они по прошенію отпускаются. Графъ Головкинъ многое говорилъ г. министру въ пользу выходцевъ казанскихъ, но ничего успѣть не могъ. Они думали, что возмутятъ съ письмомъ г. губернатора весь городъ; но здѣсь есть чѣмъ заниматься". При личномъ посѣщеніи попечителя, Каменскій произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, тогда какъ Карташевскому за его крикъ, онъ долженъ былъ „показать двери". „Первый въ разговорахъ своихъ соблюдалъ надлежащую умѣренность". „Онъ со слезами просилъ меня, чтобы я доставилъ ему способъ къ оправданію"... Въ Казань воротился Каменскій въ іюлѣ 1807 года. И объ этомъ сообщилъ Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю: „Въ нынѣшнюю субботу возвратился г. Каменскій въ Казань; разсказы его и пускаемые по городу слухи напоминаютъ пословицу, что ни одна лиса хвоста своего не замараетъ".

Такъ кончилось кратковременное служеніе перваго медицинскаго профессора въ Казанскомъ университетѣ. Мы принуждены были однако разсказать о немъ довольно подробно: факты характерны для первоначальной исторіи этого университета ([1]).

([1]) По своемъ увольненіи, Каменскій жилъ нѣкоторое время и даже служилъ въ Казани. Некрологъ его (*Украинскій Вѣстникъ*, 1819 года, книжка 8-я, августъ, стр. 239) говоритъ, что онъ «преподавалъ всѣ медицинскія науки студентамъ Казанской духовной академіи; но въ книгѣ «Старая Казанская Академія» (г. *Можаровскаго*, 1877) объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто, помѣщено только свѣдѣніе, что Каменскій былъ лѣкаремъ при академической больницѣ, преподавателемъ же медицинскаго класса было другое лицо. Въ 1809 году Каменскій перешелъ на службу въ Воронежъ акушеромъ при врачебной управѣ, а въ 1811

крики и угрозы повторялись и много лѣтъ спустя въ подобныхъ этому случаяхъ. Всѣ увлекались волною событій и принимали участіе въ нихъ и словомъ и дѣломъ. Казанскій гражданскій губернаторъ, письмомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, не говоря прямо о послѣднихъ событіяхъ, доносилъ ему о разстройствѣ всѣхъ дѣлъ въ гимназіи и объ упущеніи въ ней воспитанія вообще. Яковкину пришлось отписываться, но онъ былъ большой мастеръ этого дѣла.

Отрѣшенный Каменскій, для очищенія своей прежней службы, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ ему выдали аттестатъ, въ которомъ бы значилось, что онъ уволенъ по прошенію. Съ этою цѣлью онъ подалъ въ совѣтъ Казанской гимназіи прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просилъ о выдачѣ ему разныхъ копій съ предписаній и протоколовъ дѣлъ, участіе въ которыхъ повело его къ отрѣшенію, и аттестата о службѣ Тутъ, по предварительному уговору съ Румовскимъ на письмѣ, Яковкинъ не долженъ былъ исполнить этой просьбы, но онъ облекъ все дѣло въ канцелярскія формальности. Прошеніе уволеннаго тогда же Карташевскаго о томъ же предметѣ, писанное на простой бумагѣ и присланное въ совѣтъ не запечатаннымъ, было по опредѣленію совѣта возвращено ему, какъ „не по формѣ писанное и поданное". Каменскій прислалъ свое и на гербовой бумагѣ и запечатанное, но „по разсмотрѣніи его оказалось, что оно писано не по формѣ, законами предустановляемой, какъ то: писано и по самому штемпелю и слова упущены или перемѣнены противу самой формы, а потому и возвращено ему съ надписью". Черезъ нѣсколько дней Каменскій подалъ вторичную просьбу о томъ же. На этотъ разъ состоялось такое опредѣленіе совѣта, управляемаго теперь неограниченно Яковкинымъ: „Возвратить означенное прошеніе г. профессору Каменскому съ надписью, что оно написано въ противность указовъ 1723 года ноября 5 дня и 1762 года іюля 2 дня, ибо онъ въ 1-мъ пунктѣ, прежде объясненія дѣла, помѣстилъ просительные термины, кои опять повторяетъ во 2-мъ пунктѣ. Означенную же надпись на прошеніи скрѣпить одному изъ членовъ совѣта". Въ третій разъ Каменскій, „пришедъ въ комнату канцеляріи совѣта, еще до открытія засѣданія, положилъ

на столъ конвертъ запечатанный и надписанный на имя совѣта, заключающій, по надписи, прошеніе его; но какъ таковая подача просьбы противна узаконенію генеральнаго регламента, то и велѣлъ я письмоводителю Курбатову оставить оной конвертъ тамъ, гдѣ онъ положенъ самимъ г. Каменскимъ, не вводя его въ дѣло и не распечатывая" (письмо Яковкина къ Румовскому отъ 15 января 1807 года).

Каменскому, какъ онъ и самъ излагалъ въ прошеніи, нужно было оправдаться; онъ хотѣлъ жаловаться: быть отрѣшеннымъ отъ должности, то есть опороченнымъ, ему было тяжело и онъ добивался получить отъ казанскаго совѣта въ копіи всѣ тѣ протоколы его, въ которыхъ были записаны дѣла, давшія поводъ къ его обвиненію, его мнѣнія, опредѣленія совѣта и разныя предписанія попечителя и министра; онъ просилъ также, чтобъ ему выданъ былъ аттестатъ по прежней службѣ его въ Ассигнаціонномъ банкѣ, представленный имъ при опредѣленіи въ Казань и формулярный списокъ о профессорской службѣ. Наконецъ 17 января 1807 года была заслушана въ совѣтѣ четвертая просьба Каменскаго, на сей разъ оказавшаяся написанною по формѣ. Но и въ этотъ разъ онъ не получилъ желаемыхъ копій съ дѣлъ и опредѣленій совѣтскихъ. Совѣтъ, въ мотивированномъ отказѣ своемъ, ссылался на предписанія Попечителя, писанныя на имя директора, которыми это запрещалось даже для членовъ совѣта, почему совѣтъ на выдачу просимыхъ копій „самъ собою рѣшиться не можетъ, да и приступить къ сему почитаетъ несоотвѣтственнымъ съ указами" (слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ указовъ отъ 1737 до 1800 года, касающихся копій съ дѣлъ тяжебныхъ и судныхъ). Что касается до прежняго аттестата и формулярнаго списка о послѣдней службѣ Каменскаго, то они были выданы ему, но только вслѣдствіе особеннаго на то разрѣшенія Румовскаго, сообщеннаго Яковкину. На выдачу просимыхъ копій Румовскій не согласился потому, что Каменскій принесъ уже на него жалобу министру народнаго просвѣщенія.

Въ то время, какъ Яковкинъ придумывалъ, съ помощью старыхъ подъячихъ, которые сидѣли въ его канцеляріи, эти хитрые извороты съ безконечными ссылками на

лабиринтъ русскихъ указовъ, Свода Законовъ еще не существовало. Ему легко было жечь на медленномъ огнѣ юридическихъ крючковъ и канцелярскихъ кляузъ своихъ враговъ—профессоровъ, чуждыхъ этому темному міру, разъѣдавшему тогда юридическую жизнь Россіи и очень хорошо понятому въ то время Сперанскимъ. Съ этими печальными условіями приходилось бороться при началѣ своемъ наукѣ и университетскому преподаванію. Язва крючкотворства, желаніе прикрыть темные личные разсчеты покровомъ легальности, непонятнымъ для человѣка, искренно преданнаго наукѣ, проникала и водворялась въ молодые университеты наши. Старые профессора ихъ, на нашей памяти, были большими законниками: они носили въ головѣ готовый запасъ ссылокъ и пугали имъ всегда молодыхъ членовъ, умѣя по своему истолковывать простой смыслъ параграфовъ университетскаго устава. Да, этотъ старый юсъ Яковкинъ, не зналъ организаціи университетовъ. Мы имѣли терпѣніе провѣрить его ссылки на указы и смѣемъ увѣрить читателя, что они совершенно правильны. Но какимъ пугаломъ должны были являться эти secreta secretorum старыхъ указовъ для профессоровъ иностранцевъ, вовсе незнавшихъ по русски! Яковкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ мастеръ пугать ихъ.

Эта недостойная процедура мелкихъ уколовъ, которою Яковкинъ преслѣдовалъ врага своего, была извѣстна Румовскому. О всемъ директоръ сообщалъ попечителю и находилъ въ немъ одобреніе и поддержку. „Г. Каменскій опоздалъ въ намѣреніи своемъ отдалиться отъ университета, писалъ Румовскій къ Яковкину въ то время, когда уже представилъ министру объ его отрѣшеніи. Я жалѣлъ о судьбѣ его, а теперь хотя и жалѣю, но не столько". Попечитель успокоиваетъ Яковкина, ободряетъ его, напуганнаго криками казанскаго общества при отрѣшеніи непокорныхъ профессоровъ: „Произведенный отрѣшеніемъ по городу шумъ ни малѣйшаго уваженія недостоинъ. Празднымъ людямъ надобна пища, и въ то время, когда сіе пишу, я думаю, что онъ, ежели не совсѣмъ умолкъ, то весьма уменьшился". Не придаетъ онъ значенія и обѣщанію графа Головкина, данному отрѣшеннымъ, представить о ихъ дѣлѣ Государю Императору: „Навѣрное можно сказать, что Госу-

дарь Императоръ жалобу ихъ отдастъ на разсмотрѣніе министру народнаго просвѣщенія, потому что отрѣшеніе послѣдовало по его предписанію“. Каменскій, получивъ наконецъ аттестатъ и формуляръ, ѣздилъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Карташевскимъ, онъ подалъ прошеніе графу Завадовскому о томъ, чтобъ въ аттестатѣ не значилось слово *отрѣшеніе*, а увольненіе по прошенію, съ одобреніемъ его профессорской службы. „Гг. Каменскій и Карташевскій *выплакали* у министра народнаго просвѣщенія, чтобы я далъ имъ аттестатъ, писалъ Румовскій, съ прописаніемъ что они по прошенію отпускаются. Графъ Головкинъ много говорилъ г. министру въ пользу выходцевъ казанскихъ, но ничего успѣть не могъ. Они думали, что возмутятъ съ письмомъ г. губернатора весь городъ; по здѣсь есть чѣмъ заниматься“. При личномъ посѣщеніи попечителя, Каменскій произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, тогда какъ Карташевскому за его крикъ, онъ долженъ былъ „показать двери“. „Первый въ разговорахъ своихъ соблюдалъ надлежащую умѣренность“. „Онъ со слезами просилъ меня, чтобы я доставилъ ему способъ къ оправданію“... Въ Казань воротился Каменскій въ іюлѣ 1807 года. И объ этомъ сообщилъ Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю: „Въ нынѣшнюю субботу возвратился г. Каменскій въ Казань; разсказы его и пускаемые по городу слухи напоминаютъ пословицу, что ни одна лиса хвоста своего не замараетъ“.

Такъ кончилось кратковременное служеніе перваго медицинскаго профессора въ Казанскомъ университетѣ. Мы принуждены были однако разсказать о немъ довольно подробно: факты характерны для первоначальной исторіи этого университета ([1]).

([1]) По своемъ увольненіи, Каменскій жилъ нѣкоторое время и даже служилъ въ Казани. Некрологъ его (*Украинскій Вѣстникъ*, 1819 года, книжка 8-я, августъ, стр. 233) говоритъ, что онъ «преподавалъ всѣ медицинскія науки студентамъ Казанской духовной академіи; но въ книгѣ «Старая Казанская Академія» (г. *Можаровскаго*, 1877) объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто, помѣщено только свѣдѣніе, что Каменскій былъ лѣкаремъ при академической больницѣ, преподавателемъ же медицинскаго класса было другое лицо. Въ 1809 году Каменскій перешелъ на службу въ Воронежъ акушеромъ при врачебной управѣ, а въ 1811

стройки анатомическаго театра по плану Брауна, выбравшаго и мѣсто для него въ нижнемъ углу пустыря Спижарнаго, выходящаго на нижнюю улицу (т. е. то мѣсто, которое теперь занято обсерваторіею). Планъ, фасадъ и расположеніе комнатъ, представленные Брауномъ, сохранились въ существующемъ зданіи театра, но оно выстроено было не скоро. „Къ строенію театра приступить время еще не приспѣло, писалъ совѣту Румовскій. Надобно прежде воздвигнуть главное зданіе и потомъ, имѣя въ виду строенія, къ ботаническому саду принадлежащія, лабораторію, клиническій институтъ и обсерваторію, назначить мѣста гдѣ какое зданіе мѣстное положеніе удобнѣе и приличнѣе воздвигнуть позволитъ“ (Предлож. 12 сент. 1807 г. № 473) и тогда же указывалъ, какъ видно изъ письма его къ Брауну (11 ноября 1807 года), на главный недостатокъ плана: „c'est la grandeur du bâtiment qui demanderait de grandes dépenses, auxquelles les circonstances actuelles ne permettent pas aspirer“. Въ 1811 году, по предложенію Румовскаго, составленъ былъ совѣтомъ университета комитетъ изъ нѣкоторыхъ членовъ, съ приглашеніемъ губернскаго архитектора, для составленія плана, фасада и смѣты анатомическаго театра. Университетъ настаивалъ на его необходимости: „Никто изъ слушателей, писалъ онъ (28 авг. 1811 г. № 373), не можетъ сдѣлать въ университетѣ постоянныхъ, надежныхъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ медицинскихъ наукахъ, проходя анатомію и не видя на практикѣ строенія человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ успѣхи отъ таковыхъ слушателей нынѣ чрезвычайно нужны, какъ для правительства, дабы болѣе имѣть людей способныхъ къ отправленію медицинской практики, такъ и для университета, дабы съ большею пользою гг. преподаватели по части медицины могли отправлять свою должность, а слушатели достигать высшихъ степеней и тѣмъ скорѣе содѣйствовать къ устройству медицинскаго факультета“. Но прошло тридцать лѣтъ до того времени, когда анатомическія лекціи начались въ отдѣльномъ и приспособленномъ для нихъ помѣщеніи.

Большими затрудненіями было обставлено для профессора Брауна начало его преподаванія. Онъ дѣлалъ все, что могъ и сколько позволяли ему средства, въ той средѣ, гдѣ наука являлась случайною и гдѣ все преподаваніе ме-

дицины ограничивалось пока его лекціями. „Для сравнительной анатоміи, писалъ онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности, къ покровителю своему Франку, я сдѣлалъ нѣсколько сухихъ препаратовъ; что же касается до препаратовъ, которые должны храниться въ спирту, то въ Казани вовсе нельзя найти для нихъ стекляной посуды. Все, что я могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, состоитъ лишь въ томъ, что я потребовалъ спиртъ и посуду. Если получу требуемое, то у меня не будетъ недостатка въ препаратахъ, особенно по ихтіологіи; но для меня будетъ большое счастіе, если мнѣ удастся получить эти предметы въ теченіе года. Моя аудиторія состоитъ изъ трехъ слушателей, которымъ я читаю по латыни физіологію Прохаски. Анатомическихъ свѣдѣній у нихъ вовсе нѣтъ, такъ какъ предшественникъ мой демонстрировалъ имъ строеніе человѣческаго тѣла по овцамъ. Я постараюсь изучить съ ними отдѣльные органы, на сколько позволятъ то обстоятельства, чтобъ дать имъ нѣкоторыя понятія объ анатоміи“ (¹).

Браунъ повидимому разсчитывалъ для себя въ Казани на практическую дѣятельность, но на первыхъ порахъ ея почти вовсе у него не было, да и потомъ онъ не пользовался въ городѣ особенною славою, за исключеніемъ нѣсколькихъ глазныхъ операцій. Любопытны его замѣтки въ этомъ отношеніи: „Врачъ-практикъ не сдѣлаетъ себѣ фортуны здѣсь,

---

(¹) Какъ велики должны были быть препятствія при преподаваніи анатоміи и какъ трудно было сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи Брауну, могутъ свидѣтельствовать слова Магницкаго объ анатомическомъ театрѣ, въ его запискѣ о Казанскомъ университетѣ, представленной министру народнаго просвѣщенія тотчасъ послѣ ревизіи: «Ничего не можетъ быть постыднѣе, говоритъ онъ, для публичнаго учебнаго заведенія, какъ то, что при Казанскомъ университетѣ называется *анатомическимъ театромъ*. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами, и недалеко небольшой шкапъ, съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ остатковъ человѣческихъ тѣлъ, мужескаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ». С. *Ѳеоктистова*, Магницкій, Спб. 1865, стр. 47.

такъ какъ русскій человѣкъ вообще рѣдко нуждается въ медикѣ. Случится заболѣть ему,—онъ идетъ въ свою баню и заставляетъ натирать спину тертою рѣдькою, или пьетъ огуречный разсолъ, прибавляя въ него обыкновенно меду для лучшаго дѣйствія; не поможетъ и это—пьетъ водку и тогда только шлетъ за докторомъ, когда смерть на носу. Здѣсь еще вовсе не знаютъ разницы между врачемъ и фельдшеромъ, такъ какъ ни одинъ искусный врачъ не захаживалъ въ эти страны, а еслибъ и случилось что либо подобное, то господа *штабные* врачи, ставящіе себя гораздо выше Гиппократа и выдающіе себя за величайшихъ врачей въ мірѣ, вовсе не дадутъ ему хода. Изъ подобныхъ людей состоитъ здѣшняя *управа* и весь практикующій цѣхъ. Моя практика ограничивается одною пока истерическою женщиною, да еще другою, у которой большая наклонность къ чахоткѣ. Глазныхъ паціентовъ еще не видалъ. Слава Богу, что жалованье въ 2000 рублей на столько достаточно здѣсь, что освобождаетъ отъ всякихъ разсчетовъ на такіе невѣрные источники дохода. Не смотря на то, что сначала все это произвело на меня въ высшей степени непріятное впечатлѣніе, теперь я уже привыкъ нѣсколько, и, если расширится кругъ моихъ знакомыхъ, я надѣюсь совершенно быть довольнымъ Казанью. Къ чему человѣкъ однако ни привыкаетъ!“ А привыкать было конечно не легко, такъ какъ условія казанской жизни не походили на тѣ, посреди которыхъ выросъ Браунъ. Приведемъ еще описаніе города, сдѣланное имъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; оно любопытно, какъ наглядное изображеніе Казани болѣе чѣмъ за семьдесятъ лѣтъ до нашего времени:

«Городъ расположенъ въ остромъ углѣ, образуемомъ Казанкою, текущею съ сѣвера, и Волгою, въ которую Казанка впадаетъ. Послѣдняя проходитъ подъ крѣпостью и до впаденія своего въ Волгу, течетъ по болотистому полю, покрытому кустарникомъ на протяженіи семи верстъ. Это поле, называемое лугомъ, лѣтомъ служитъ для пастьбы скота, а въ сырые годы обращается въ болото. Городъ очень великъ, такъ что по объему не уступитъ Вѣнѣ, но такъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, что въ самомъ городѣ есть площади, напоминающія степи. Холмы большею частію состоятъ изъ глины: между ними водою вымыло глубокіе овраги. Большая часть города лежитъ на болотистой равнинѣ, на Юго-Западъ, по направленію къ Волгѣ, и эта часть въ свою очередь дѣлится на двое длиннымъ озеромъ Кабаномъ (воду котораго, за неимѣніемъ луч-

шей. пьетъ цѣлый городъ) и отводнымъ каналомъ изъ него—Булакомъ, впадающимъ въ Казанку. Другая часть города, къ Сѣверу, лежитъ на лѣвомъ берегу Казанки. Большая часть города вообще расположена въ болотѣ. Весною, вслѣдствіе разлива Волги до самаго города, это болото становится озеромъ, такъ что лодки съ товарами по Булаку входятъ въ самый городъ. Сверхъ того, частію внутри города, частію въ его окрестностяхъ, находятся еще пять озеръ, или лучше сказать—болотъ съ стоячею водою. При здѣшнихъ сильныхъ жарахъ, вода загниваетъ и дѣлаетъ очень нездоровыми прилежащія части города. Дома по большей части выстроены изъ дерева, безъ этажей, притомъ весьма некрасивы и неудобны. Очень часто дѣлаются они добычею пламени. Такой печальный случай былъ и сегодня: отъ 6 до 10 часовъ вечера два дома, со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями, обращены въ пепелъ. Внутреннія стѣны домовъ покрыты только известью; двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встрѣчаются весьма рѣдко. Кухни вообще удалены отъ главнаго строенія, такъ какъ хозяйка считаетъ за стыдъ появляться на кухнѣ. Немногіе каменные дома непрочны. Всѣ они выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго изъ одной глины и только наполовину высушеннаго, почему онъ скоро вывѣтривается, а дома смотрятъ развалинами. Только въ крѣпости есть небольшой клочокъ мостовой, всѣ же остальныя улицы не вымощены. При сухой погодѣ можно еще ходить пѣшкомъ, но въ дождь и осенью нельзя обойтись безъ экипажа, особенно въ низкихъ частяхъ города, куда стекаетъ сверху вся вода и гдѣ грязь подымается до самыхъ осей дрожекъ. Какъ скоро однако вода стекла, размягченная глина такъ пристаетъ къ колесамъ, что пара лошадей съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ экипажъ. Въ Казани до 17/т. жителей, но число это нѣсколько уменьшается лѣтомъ, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ; зимою они возвращаются, чтобъ повеселиться. Знатныхъ фамилій, по европейскимъ понятіямъ, между ними нѣтъ однако вовсе. Большая часть населенія въ городѣ состоитъ изъ Русскихъ; Татаръ считается около 5/т.; они живутъ въ особой части города; нѣмецкихъ семействъ около ста; это по большей части ремесленники». Далѣе Браунъ сообщаетъ цѣны на жизненные припасы, замѣчаетъ, что въ теченіи двухъ большихъ постовъ чрезвычайно трудно купить мяса; «за то иностранныхъ винъ много въ Казани, но они большею частью представляютъ подделку: привозятъ плохое вино изъ Тамани и въ большомъ употребленіи цимлянское».

Любопытнѣе всего для насъ на первыхъ порахъ дѣятельности Брауна въ Казанскомъ университетѣ должны бы быть его отношенія къ самовластному Яковкину, но объ этомъ у насъ мало свѣдѣній. Браунъ былъ „человѣкомъ характера чрезвычайно серьезнаго и стойкаго“, какъ выражается о немъ его пасынокъ, профессоръ К. К. Фойгтъ,

и весьма сдержаннаго и осторожнаго, прибавимъ мы отъ себя. Пріѣхавъ въ Казань вскорѣ послѣ увольненія нѣкоторыхъ профессоровъ, такъ неудачно боровшихся съ Яковкинымъ, онъ очень хорошо понималъ свое положеніе, хотя и выражался объ окружавшей его жизни нѣсколько аллегорически: „Никогда ни одинъ городъ, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не производилъ на меня столь непріятное впечатлѣніе, какъ Казань, не по мѣстоположенію своему, которое весьма пріятно, но потому что все здѣсь такъ сказать находится еще въ мукахъ рожденія и потому каждый, владѣющій двумя крѣпкими кулаками, думаетъ о себѣ, что онъ призванъ быть помощникомъ въ этихъ родахъ, не смотря на слабость собственной головы. Бѣдные люди эти не знаютъ того, что нельзя вызывать на Божій свѣтъ еще несозрѣвшіе зародыши, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ и слабую жизнь. Много неловкихъ опытовъ произвели наконецъ то, что честный и миролюбивый человѣкъ едва ли рѣшится предпринять что либо для общаго блага, если не желаетъ, чтобъ съ нимъ поступлено было какъ съ этими людьми. Тутъ болѣе одной гидры, у которой надобно отрубить голову, но это сдѣлается еще не скоро: гидры живутъ и пугаютъ во мракѣ, а испорченное дѣло поправить не легко. Все это однако не должно охлаждать моего стремленія быть полезнымъ. Для меня это только предостереженіе и оно заставляетъ меня быть осмотрительнымъ и осторожнѣе приниматься за дѣло, для того чтобъ не погубить и ту частицу добра, которую я въ состояніи принести“.

Эти достоинства характера были причиною, что Браунъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни своей въ Казани успѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе, не только въ средѣ близкихъ ему нѣмецкихъ профессоровъ, для которыхъ онъ былъ, по выраженію Яковкина, „оракуломъ“, но и между русскими, даже въ городѣ, мало сочувствовавшемъ университету. Яковкинъ очень хорошо понималъ, что рядомъ съ нимъ, по немногу, выростаетъ въ общемъ мнѣніи человѣкъ нравственной силы, который долженъ смѣнить его и потому конечно старался представить его не въ благопріятномъ свѣтѣ въ глазахъ Румовскаго. На первыхъ порахъ онъ видимо расположенъ къ Брауну: „отъ прамодушія его, особенной ревности его къ должности и откровеннаго безпристрастія здѣшній университетъ много добраго ожидать

можетъ" сообщаетъ онъ попечителю (12 мая 1808 г.), но когда въ концѣ 1810 года сдѣлана была со стороны министра народнаго просвѣщенія и попечителя неудавшаяся попытка дать самоуправленіе университету, и при избраніи ректора большинство голосовъ соединилось въ пользу Брауна, Яковкинъ видимо сталъ преслѣдовать его. Онъ иначе не называетъ Брауна какъ оракуломъ между нѣмцами. его общество считаетъ онъ „предосудительнымъ", жалуется на его самолюбіе, сообщаетъ о его *нетерпимомъ характерѣ* и о скупости, когда около того времени Браунъ, послѣ неутвержденія его ректоромъ, рѣшался было совсѣмъ оставить Казанскій университетъ: „Имѣя до пятидесяти тысячъ рублей, какъ знающіе увѣряютъ, (что доказывается и здѣсь тѣмъ, что разные профессоры ему должны, а учитель Стефани переводилъ ему съ русскаго на нѣмецкій языкъ ломбарда московскаго билетъ на сорокъ пять тысячъ, собранные имъ изъ долговъ въ Вильнѣ и отданные въ проѣздъ чрезъ Москву) въ процентахъ, свободно можетъ онъ жить и безъ должности; но непомѣрная его скупость того ему не позволитъ, когда онъ и здѣсь имѣетъ себѣ постояннымъ правиломъ, чтобъ и съ кухаркою не издерживать въ день болѣе пятидесяти копѣекъ на все содержаніе" (6 ноября 1811 г.) [1]. Мелкія преслѣдованія Яковкина были въ то время на столько важны, что даже такое пустое обстоятельство, какъ поѣздка Брауна на нѣсколько дней въ вакаціонное время въ сосѣдній Свіяжскъ, была поводомъ къ оффиціальной перепискѣ. „Своевольнаго отъѣзда Брауна я не хвалю, отвѣчалъ Румовскій Яковкину на увѣдомленіе его объ этомъ обстоятельствѣ, но надобно дать ему время еще посвоевольничать"; тѣмъ не менѣе онъ тогда же (21 авг. 1811 г., № 848) донесъ министру, что „профессоръ Браунъ отлучился изъ Казани, не предъувѣдомя ни совѣтъ ни директора объ отъѣздѣ своемъ, въ городъ Свіяжскъ, чтобы воспользоваться временемъ отдохновенія, въ уставѣ назначенномъ" и просилъ постановленія, такъ какъ въ уставѣ ничего не сказано о правѣ отлучки безъ отпуска въ другіе города на вакаціонное время.

---

(1) Въ 1811 году Браунъ имѣлъ намѣреніе купить деревню, но гражданская палата отказала ему въ томъ, вѣроятно потому что онъ не былъ потомственнымъ дворяниномъ.

До этого выбора въ ректоры, столь не понравившагося Румовскому, послѣдній относился къ Брауну съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ. У Брауна было личное дѣло. Находясь еще на службѣ въ Вильнѣ, онъ сговорилъ за себя дочь гейдельбергскаго профессора Лангсдорфа и имѣлъ намѣреніе въ каникулярное время 1807 года жениться и переѣхать уже съ женою въ Казань, но тогда не удалось это сдѣлать за военными обстоятельствами. Лѣтомъ 1808 года онъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему съѣздить въ Германію, сверхъ вакаціоннаго времени, на которое полагалось тогда только одинъ мѣсяцъ, еще на два мѣсяца, безъ вычета жалованья. Два раза представлялъ объ этомъ Румовскій министру, и очень энергически, но сохранить содержаніе на три мѣсяца министръ не согласился. Посылая Брауну заграничный паспортъ, попечитель писалъ ему: „Довѣріе, питаемое мною къ вашему уму и познаніямъ, побудило меня просить васъ поискать во время путешествія ученаго, который согласился бы ѣхать въ Казань въ званіи профессора патологіи, терапіи и клиники, съ нужными для того свѣдѣніями“. Свадьба Брауна состоялась однако безъ поѣздки за границу ([1]). Тѣмъ не менѣе онъ рекомендовалъ Румовскому Шмидтмюллера, профессора въ Ландсгутѣ, Здекауэра и Субботина, военнаго врача, котораго онъ зналъ еще въ Вильнѣ. Поступленіе ихъ въ Казанскій университетъ не состоялось однако по разнымъ причинамъ. Точно также онъ хвалилъ для замѣщенія каѳедры акушерства Бонгарда и, входя въ кругъ требованій Румовскаго и Яковкина отъ профессора, онъ писалъ о Бонгардѣ: „Le caractère moral de M-r Bonhard est tel,

([1]) Отецъ невѣсты требовалъ непремѣнно, чтобъ женихъ самъ пріѣхалъ за нею въ Гейдельбергъ и долго не отпускалъ ее. Наконецъ она пріѣхала въ Москву въ декабрѣ 1808 года съ какимъ то нѣмецкимъ купцомъ, давно жившимъ въ этомъ городѣ; туда же пріѣхалъ и Браунъ изъ Казани. Свадьба была въ концѣ декабря. Браунъ тотчасъ же воротился въ Казань и, совершенно счастливый, какъ писалъ онъ къ Румовскому, занялся устройствомъ своего маленькаго хозяйства и казенной квартиры, не топленной въ его отсутствіе, гдѣ онъ не находилъ мѣста отъ страшнаго холода. Жена его умерла въ Казани черезъ четыре мѣсяца, вслѣдствіе нервной горячки, а Браунъ года чрезъ три женился на вдовѣ профессора Фойгта.

qu'il doit être pour l'université naissante de Kasan, si elle doit prospérer. Il est tranquille, pacifique, il aime à faire son devoir et ne se mêle pas dans les affaires, qui ne sont pas de son ressort, en un mot: il est un honnête homme". Этими моральными свойствами безъ сомнѣнія обладалъ и Браунъ или по крайней мѣрѣ онъ старался быть такимъ. Такой характеръ, въ соединеніи съ сдержанностью и стойкостью, и былъ причиною, что на долю Брауна выпала честь быть первымъ выборнымъ ректоромъ Казанскаго университета въ 1814 году, когда онъ дѣйствительно былъ открытъ, согласно уставу (¹). Высказывая въ своей латинской рѣчи въ торжественномъ собраніи университета по поводу его открытія, значеніе для жизни университета выборнаго ректора, когда Императоръ Александръ „mediis in castris (т. е. въ заграничномъ походѣ) jussit, ut Rector praeesset is, qui plurimorum suffragiis creatus", Браунъ говорилъ и о личномъ чувствѣ своемъ, въ виду важной и тяжелой обязанности, возложенной на него довѣріемъ товарищей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ и на тѣ нравственныя качества, которыя всегда были вѣрными помощниками ему въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и которыя считаетъ онъ необходимыми

(¹) Браунъ умеръ 8 января 1819 года. на 44 году жизни, будучи выбранъ въ должность ректора на второй срокъ. Нѣсколькими недѣлями онъ не дожилъ до ревизіи Магницкаго. Съ какимъ почетомъ и уваженіемъ университетъ хоронилъ своего перваго ректора, можно видѣть изъ современнаго печатнаго описанія (*Казанскія Извѣстія* 1819 года, № 6) и изъ церемоніала, составленнаго въ совѣтѣ университета и сохранившагося въ дѣлахъ. Очевидно, что Браунъ, не смотря на уединенную жизнь свою, пользовался общимъ уваженіемъ. Для насъ въ особенности любопытно, что его, представителя свѣтской науки въ молодомъ университетѣ, и притомъ, какъ кажется католика, почтили участіемъ представители высшаго духовенства въ краѣ, единственные хранители науки въ провинціи до созданія Александровскихъ университетовъ. Въ это свѣтлое время (передъ самой однакожъ реакціонной бурей) антагонизма не было. Брауна полнымъ православнымъ обрядомъ, по личному желанію, отпѣвалъ извѣстный проповѣдникъ, архіепископъ Казанскій и Симбирскій Амвросій Протасовъ, въ церкви Покрова Богородицы, и провожалъ его въ полномъ облаченіи до церкви Грузинской Божіей Матери, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, а ректоръ семинаріи, въ которую была только что преобразована академія, архимандритъ Ѳеофанъ, говорилъ покойному надгробное слово (Браунъ былъ врачемъ при академической больницѣ).

для ректора: conscia mens recti, vitae integritas, religiosissima officiorum cura et fiducia in Deo opt. maximo reposita“ (¹).

Въ теченіе двѣнадцатилѣтней профессорской службы Браунъ читалъ по латыни: 1) физіологію, пользуясь сочиненіями по этой части учителя своего Прохаски. Вотъ конспектъ его лекцій, насколько можно было составить его изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о преподаваніи, представляемыхъ попечителю. „Отправленія нервовъ души; чувства внѣшнія и внутренія; расположеніе и строеніе органовъ чувствъ; строеніе кровевозвратныхъ и біющихся жилъ, кругообращеніе крови; силы производящія сіе движеніе; различія движеній крови и ея употребленія и пользы; о всасываніи (absorbtio), о преобращеніи вообще (de assimilatione in genere); о голодѣ и жаждѣ, о пищѣ и питіи; о жеваніи и глотаніи; о вареніи пищи; о приготовленіи питательнаго сока и испражненіяхъ вообще, de omento, de pancreate, о селезенкѣ, о печени и желчи и объ отправленіяхъ кишекъ толстыхъ и тонкихъ; о кровотвореніи; о кровопроизвожденіи (sanguificatio); о питаніи; отдѣленіи (secretio); объ отправленіяхъ половыхъ; о различіи пола вообще; о зачатіи и рожденіи человѣка; о зародышѣ; объ обезображеніи плода или объ уродахъ, о кровяной пасокѣ, кровяномъ пирогѣ, о волокнистой части крови и о кровяныхъ шарикахъ; о воздухѣ и водѣ; о климатѣ и электричествѣ; о свѣтѣ, пищѣ, лѣкарствахъ; объ эѳирѣ, магнитѣ и вліяніи звѣздъ и организаціи; объ инстинктѣ; о силѣ производящей; о привычкѣ, темпераментѣ и собственномъ здоровьи.“ (²). По открытіи университета и образованіи медицинскаго факультета, Браунъ читалъ 2) анатомію, руководствуясь сочиненіемъ Видемана. Практическая часть преподаванія сильно страдала. Часто въ отчетахъ мы встрѣчаемъ такого рода извѣстія: „Профессоръ Браунъ, за неимѣніемъ кадаверовъ, на коихъ бы нужно было показать строеніе мозга и происхожденіе нервовъ, прервалъ порядокъ автора (Прохаски) и показывалъ мозгъ на Лодеро-

---

(¹) Oratio solemnia inaug. V Julii an. 1814. p. 3.

(²) Все это совершенно соотвѣтствуетъ оглавленію книги Прохаски: Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen. Zum Gebrauch seiner Vorlesungen. 1—2. Wien 1797. 8°.

выхъ таблицахъ". Изъ дѣлъ видно, что Браунъ нѣсколько разъ представлялъ совѣту о неимѣніи для лекцій труповъ, совѣтъ писалъ о томъ въ полицію, жаловался на нее губернатору, представлялъ Попечителю, но отвѣта ни откуда не получалъ. Анатомическія лекціи происходили лишь въ зимнее время и то только въ такомъ случаѣ, если доставлялись трупы. Пришлось ограничиваться Лодероными таблицами и объяснять напр. внѣшнія чувства и физіологическіе процессы „сколько можно", на препаратахъ изъ „безсловесныхъ животныхъ: четвероногихъ, птицъ, питающихся зернами, рыбъ и насѣкомыхъ".—Кромѣ упомянутыхъ предметовъ Браунъ читалъ 3) судебную медицину, по сочиненію Мецгера и медицинскую, полицію по книгѣ Шрауда. Въ составъ этого курса входили слѣдующія части: „О качествахъ судебнаго врача, о вспомогательныхъ наукахъ судебной медицины; о смертельности поврежденій всякой части нашего тѣла (головы, груди, брюха) въ разсужденіи ихъ положенія и дѣйствій". Въ 1817 году онъ принялъ на себя чтеніе 4) хирургіи, за неимѣніемъ профессора этого предмета, съ половиннымъ окладомъ жалованья. До открытія университета лекціи Брауна имѣли совершенно случайный характеръ и случайныхъ слушателей; врача изъ этихъ слушателей конечно не вышло ни одного. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ у него было два студента. Эти студенты обязаны были слушать кромѣ его лекцій слѣдующіе предметы: греческую и латинскую словесность, химію и матерію медику; одинъ изъ нихъ слушалъ кромѣ того философію, а другой технологію (вмѣсто химіи); оба занимались сверхъ того живописью. Большаго труда стоило Яковкину, при опредѣленіи всякаго новаго профессора, вербовать для него добровольныхъ и недобровольныхъ слушателей. Только въ 1812 году, вѣроятно подъ вліяніемъ войны, набралось у Брауна 12 студентовъ.

Кромѣ упомянутой рѣчи при открытіи университета, Браунъ произнесъ и напечаталъ въ 1817 году еще рѣчь: „De circulatione sanguinis ejusque organis", p. 1—14.

Въ засѣданіе совѣта 9 октября 1807 года въ первый разъ явился, не задолго до того (3 августа) утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія профессоромъ на единственную каѳедру восточныхъ языковъ, положенную уста-

вомъ 1804 года, докторъ *Христіанъ Мартинъ Френъ*, столь извѣстный въ послѣдствіи въ наукѣ членъ С. Петербургской Академіи Наукъ. На долю этого человѣка выпало быть начинателемъ и *восточнаго отдѣленія* или факультета, которымъ когда-то гордился Казанскій университетъ и дѣйствительной, строгой науки, посвященной изученію восточнаго міра, къ чему казалось призывали Россію и историческія судьбы и географическое ея положеніе.

Казань этимъ восточнымъ положеніемъ своимъ была въ самомъ дѣлѣ, какъ думали тогда, предназначена для того, чтобъ сдѣлаться дѣятельнымъ центромъ изученія Востока въ Россіи. Столица когда-то сильнаго татарскаго царства, она и до сихъ поръ сохранила слѣды татарскаго періода и въ памятникахъ, и въ значительной части своего населенія, отличающейся и одеждой, и обликомъ. Въ татарскихъ слободахъ вѣетъ Востокомъ; съ минаретовъ мечетей звучатъ горловыя призыванія на молитву правовѣрныхъ. Тамъ и ученость восточная въ многолюдныхъ медресе, образовывающихъ муллъ и изучаемая иногда въ теченіе многихъ лѣтъ. Этотъ восточный характеръ города и необходимость изучать въ немъ восточные языки сознаны были очень рано, еще въ первые годы существованія гимназіи въ Казани. Уже первый директоръ этой гимназіи, тотъ при которомъ учился Державинъ, сознавалъ необходимость изученія здѣсь, на мѣстѣ, татарскаго языка: „Здѣшній городъ, писалъ онъ въ рапортѣ своемъ въ Московскій университетъ 18 сентября 1759 года, есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка? Современемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты; *правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый можетъ быть не малой свѣтъ въ русской исторіи*“ (1). Выгодность и удобства положенія Казани для изученія Востока и восточныхъ языковъ были не разъ указываемы въ разныхъ актовыхъ рѣчахъ и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ успѣхамъ и развитію восточной словесности въ царствованіе Императора Николая (2), когда

(1) Русская Бесѣда 1860. ч. 4. Біографія Веревкина, стр. 16.

(2) См. напр. акад. *Дорна:* «Ueber die hohe Wichtigkeit und die nahmhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland» въ Recueil des

собственно и существовало въ Казани восточное отдѣленіе или факультетъ.

Научное изученіе восточныхъ языковъ, начиная съ татарскаго, какъ мѣстнаго и ближайшаго, возникло изъ практическихъ потребностей, сознаваемыхъ уже въ царствованіе Екатерины II. Эта государыня, во время своего перваго путешествія по Россіи, передъ самымъ созваніемъ депутатовъ, наглядно узнала какимъ разнообразнымъ и разноплеменнымъ міромъ народовъ выпало на долю ея управлять. Безъ сомнѣнія въ самой Коммиссіи встрѣчались затрудненія при заявленіяхъ желаній депутатовъ отъ инородцевъ, и это обстоятельство, а также гуманное желаніе правительства точно знать нужды разноязычныхъ народовъ указали на необходимость имѣть знающихъ и образованныхъ переводчиковъ. Это былъ естественный ходъ науки и практическая цѣль должна была превратиться въ научную, именно ту, которая остается въ исторіи духа. Такъ успѣхи и громадное развитіе знанія о Востокѣ въ Англіи, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, обязаны началомъ своимъ сильнѣйшему стимулу въ душѣ такого практическаго народа, какъ англичане,—интересу, собственной выгодѣ, какъ это прямо и высказываетъ знаменитый орьенталистъ сэръ Вильямъ Джонсъ. Выгода привела къ научному изслѣдованію; послѣднее скрѣпило англійскія завоеванія на Востокѣ. Точно такъ и у насъ потребность въ переводчикахъ вызвала первые классы восточныхъ языковъ въ разныхъ училищахъ при Екатеринѣ. Съ 12 мая 1769 года въ Казанскихъ гимназіяхъ введено преподаваніе татарскаго языка. Указъ Императрицы Екатерины отъ этого числа на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина прямо говоритъ о необходимости переводчиковъ съ татарскаго и заключаетъ въ себѣ повелѣніе: „учредить *единожды навсегда* (послѣднимъ уставомъ гимназій 1874 года этотъ указъ Екатерины отмѣненъ) при Казанской гимназіи для охотниковъ *классъ того языка* и опредѣлить учителемъ онаго Старой и Новой татарскихъ слободъ *депутата* (т. е. въ Коммисіи о сочи-

---

actes, SPB. 1840, S. 93. Или: *Ковалевскаго*: «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ до настоящаго времени». Казань. 1842. 8°.

ненія проэкта новаго уложенія) и тамошней адмиралтейской конторы толмача *Сагита Хальфина*, котораго пожаловавъ въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ губернскаго переводчика, какъ его самаго, такъ и дѣтей его мы исключили изъ податнаго оклада, дабы онъ съ своей стороны къ обоимъ ему поручаемымъ должностямъ прилежаніе, а дѣти его къ наученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли (1)". Этотъ Сагитъ былъ потомъ переводчикомъ въ слѣдственной коммиссіи по Пугачевскому бунту (2). Тотчасъ по присоединеніи Крыма оказалась опять надобность въ знатокахъ татарскаго языка, и для сношеній съ Татарами во всѣхъ учрежденіяхъ новой Таврической области должны были быть надежные переводчики и знатоки татарскаго языка. Потемкинъ за такими лицами обратился къ Казанскому генералъ-губернатору князю Мещерскому, а тотъ естественно написалъ въ гимназію. Доставила ли гимназія переводчиковъ — неизвѣстно. Но тогдашній директоръ Казанскихъ гимназій подполковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Людеманъ, въ благодарность Потемкину за лично оказанныя ему милости съ самаго вступленія его въ службу россійскую, поднесъ ему въ 1785 году словарь и грамматику татарскія, составленныя по его порученію при гимназіяхъ (3). „Нѣтъ надобности упоминать,

---

(1) *Ковалевскій*, Обозрѣніе стр. 3. *Артемьева*, Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. Спб. 1874. стр. 90.

(2) *Артемьевъ*, ibid. Сагиту принадлежитъ «Азбука татарская, съ россійскимъ переводомъ, и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ». М. 1778. 8°. Она, по указанію Артемьева, служила руководствомъ при преподаваніи. Сагитъ былъ учителемъ до 1785 года, когда отказался по старости.

(3) Рукопись библіотеки Каз. Унив. подъ № 1582: «Татарскій словарь и краткая татарская грамматика въ пользу обучающагося при Казанскихъ гимназіяхъ юношества татарскому языку. Сочиненный при оныхъ же гимназіяхъ». Прекрасный экземпляръ этотъ въ двухъ частяхъ, съ виньеткою, и съ золотымъ обрѣзомъ, безъ сомнѣнія тотъ самый, который былъ посланъ Потемкину. Очень можетъ быть, что онъ остался безъ употребленія, вслѣдствіе разности нарѣчія крымскихъ Татаръ съ нарѣчіемъ казанскихъ и черезъ 15 лѣтъ снова воротился въ Казань, вмѣстѣ съ библіотекою князя Потемкина. Когда Румовскій прислалъ въ 1806 году десять экземпляровъ русско-татарскаго словаря, составленнаго въ Тобольскѣ свя-

говорилъ въ своемъ посвященіи книги Principi pacificatori Crimeae Людеманъ, о тѣхъ бѣдствіяхъ, какъ всѣмъ уже довольно извѣстныхъ, которые Россіи отъ оной безпокойной области издревле причиняемы были, ниже о тѣхъ великихъ, также небезпримѣтныхъ выгодахъ, кои отъ нынѣшняго щастливаго оной присоединенія проистекаютъ. При таковомъ преславномъ произшествіи всевозможно присовокуплять, есть долгъ каждаго вѣрноподданнаго, по поелику до нынѣшняго времени словаря татарскаго для дѣлъ съ онымъ народомъ потребнаго, еще не находилось, то я, имѣя дирекцію надъ Казанскими гимназіями, съ радостію предпріялъ о сочиненіи онаго, тоже и краткой татарской грамматики приложить стараніе". Принималъ ли Сагитъ Хальфинъ участіе въ составленіи этого словаря—неизвѣстно. Замѣчательно, что предпріятіе Людемана совпало по времени съ составленіемъ словарей инородческихъ нарѣчій для общаго сравнительнаго словаря, задуманнаго Екатериною. Въ 1784 году она поручила Казанскому архіепископу Антонію составить татарскій словарь (¹), какъ поручила въ тоже время такое же дѣло составленія иноязычныхъ словарей Нижегородскому епископу Дамаскину (²), какъ поручала и другимъ, доставляя и планъ работы. Архіепископъ Антоній не обошелся безъ помощи гимназіи, которая доставила ему для этого дѣла ученика Семена Мальцева и солдата Имангула Чурикова. О словарѣ Антонія свѣдѣній у насъ не имѣется.

Послѣ Сагита Хальфина татарскій языкъ въ гимназіи преподавалъ до 1800 года сынъ его *Искакъ* (³), а съ 1800 по 1828 годъ внукъ — *Ибрагимъ* Хальфинъ, впослѣдствіи

щенникомъ *Гигановымъ* (Спб. 1804 г.). Яковкинъ, какъ кажется ошибочно, писалъ, что вѣроятно списокъ Потемкинскаго словаря какъ нибудь попалъ въ Тобольскъ: «Напечатанъ онъ изъ слова въ слово съ нашимъ и со всѣми находящимися въ немъ ошибками и пропусками».

(¹) *Артемьевъ* ibid. стр. 180.

(²) *Русская Старина*, 1878 г. XXIII. 705—707.

(³) Искакъ по порученію правительства перевелъ на татарскій языкъ «Учрежденіе о губерніяхъ» и «Уставъ Управы Благочинія», которые были напечатаны въ Спб. въ 1792 году въ особой типографіи. За трудъ этотъ Искакъ получилъ чинъ губернскаго секретаря и 1000 рублей. Во время отсутствія его для этого дѣла въ Петербургъ, должность учителя исправлялъ братъ его Измаилъ.

адъюнктъ университета. Этого послѣдняго засталъ Френъ, сблизился съ нимъ, познакомился съ его помощью съ казанско-татарскимъ нарѣчіемъ, завелъ черезъ него связи съ учеными муллами и не прерывалъ съ нимъ сношеній и по переѣздѣ въ Петербургъ. По представленію Френа въ 1811 году, Ибрагимъ Хальфинъ, сверхъ учительства въ гимназіи, сдѣланъ былъ лекторомъ татарскаго языка при университетѣ. Преподаваніе семьи Хальфиныхъ не могло имѣть никакого другаго характера кромѣ практическаго; оно давало возможность изучать живой разговорный языкъ и изъ школы Хальфиновъ вышли отличные переводчики, по свидѣтельству Ковалевскаго. Этотъ практическій характеръ, необходимый для надобностей государства, считающаго въ предѣлахъ своихъ милліоны людей восточнаго племени, остался бы на долго, и въ царствованіе Александра, еслибъ не были основаны въ университетахъ каѳедры восточныхъ языковъ и, еслибъ самая наука изученія Востока не получила около того времени, подъ вліяніемъ событій историческихъ и въ области духа, особеннаго и весьма важнаго содержанія.

Дѣйствительно тогда знакомство съ Востокомъ получило особенно широкое развитіе. Не говоря уже объ успѣхахъ еврейскаго изученія, начавшагося въ Германіи со времени Лютеровой реформы и представлявшаго тогда много блестящихъ ученыхъ именъ, вспомнимъ какія событія сопровождали расширеніе свѣдѣній о Востокѣ. Египетская экспедиція Наполеона, вызвавшая ученую экспедицію, раскрыла передъ Европой впервые таинственную страну пирамидъ и чудеса ея древней мудрости, которой поучались основатели греческой цивилизаціи; Анкетиль Дю-Перронъ открылъ и издалъ отрывки знаменитой книги Ирана, трактующей о борьбѣ добра и зла съ основанія міра, труды Азіатскаго королевскаго общества въ Лондонѣ и изданія восточно-индійскихъ англійскихъ обществъ въ Батавіи, Мадрасѣ, вызванныя политическими нуждами Англіи, раскрыли мысль, поэзію, всю цивилизацію и языкъ Ведъ и браминовъ, и дали содержаніе для нѣмецкой науки. Рядомъ съ этими явленіями шло и развивалось изученіе мухамеданскаго Востока, главнымъ центромъ котораго сдѣлалось Парижское Азіатское Общество. Наука, ея содержаніе и направленіе всегда даются и создаются общимъ духомъ времени, невидимымъ вліяніемъ переживаемыхъ событій, которыя направ-

ляютъ теченіе мысли человѣческой. Такъ было и въ то время, о которомъ мы говоримъ. Для людей, потрясенныхъ сильными революціонными бурями въ концѣ вѣка, изученіе Азіи, далекаго Востока, древнихъ преданій, получило особенную, съ современнымъ почти содержаніемъ, прелесть. Это дѣлалось невольно, но иногда и высказывалось. Такъ высказалъ глубокое значеніе для современной эпохи изученія Востока одинъ изъ самыхъ развитыхъ русскихъ людей времени, сдѣлавшій потомъ, въ званіи министра народнаго просвѣщенія такъ много для изученія Востока, въ нашемъ отечествѣ (¹). „Измученные кровавыми неистовствами, совершенными во имя разума человѣческаго, мы не должны ждать повторенія потрясеній, говорилъ онъ. Мы призваны на защиту громадныхъ развалинъ, къ возстановленію, а не къ постройкѣ новаго зданія. Одинаковыя причины и насъ, какъ Неоплатониковъ, заставляютъ обратиться къ далекой древности, изучать ее. Это изученіе дастъ благородное занятіе взволнованному духу и окажетъ услуги европейской цивилизаціи, опредѣляя первоначальныя основы ея происхожденія. А въ этомъ отношеніи какой предметъ человѣческой любознательности можетъ сравниться съ изученіемъ Азіи? Расширеніе знаній объ этой обширной и чудесной странѣ можетъ быть дастъ намъ нить въ лабиринтѣ человѣческаго духа, можетъ быть откроются древніе, забытые, скрытые подъ развалинами источники и они-то дадутъ этому духу и силу и новую свѣжесть, предвѣстниковъ великихъ эпохъ, когда раждаются геніальныя созданія". „Juvat integros accedere fontes" — приводилъ онъ стихъ Лукреція, говоря объ изученіи Востока.

Отъ изученія Востока ждали обновленія. Азія являлась колыбелью всемірной цивилизаціи; въ ней думали найти источники просвѣщенія, начала всѣхъ наукъ, прославившихъ европейскій Западъ; это подтверждалось и библейскими разсказами и преданіями Грековъ. Источникъ умственнаго развитія Греціи искали въ древней Индіи, въ Египтѣ; на Востокѣ—древнѣйшіе памятники исторіи; самая древняя и самая священная по религіознымъ преда-

---

(¹) Мы говоримъ о графѣ С. С. Уваровѣ. См. его «Projet d'une académie asiatique. SPB. 1810. p. 28—29.

ніямъ наука человѣчества—астрономія родилась на Востокѣ; Востокъ — родина самаго древняго и самаго совершеннаго языка браминовъ; на немъ писаны Веды—самый древній памятникъ, предшествующій исторіи. Тогда еще не знали сравнительнаго языкознанія. „Изучать языкъ народа“ значило тогда „изучать рядъ его идей“. Вниманіе орьенталиста, какъ и изучающаго классическіе языки, все было сосредоточено тогда на одномъ какомъ либо языкѣ, на его грамматикѣ, на его особенностяхъ, на знакомствѣ и объясненіи его литературныхъ памятниковъ. „Аналитическое изученіе языка вводитъ насъ въ геній народа“—говорили тогда, а за изученіемъ восточныхъ языковъ скрывалось „раскрытіе забытыхъ, но вѣчныхъ и великихъ тайнъ человѣческаго развитія“.

Такое обще-человѣческое, культурное и цивилизаціонное значеніе получило тогда въ Европѣ изученіе восточныхъ языковъ и литературъ, тогда какъ у насъ существовали только низшіе практическіе классы для переводчиковъ съ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми Россія входила въ сношенія или которые жили въ ея предѣлахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каѳедры восточныхъ языковъ въ уставахъ Александровскихъ университетовъ учреждены были отчасти подъ вліяніемъ общихъ европейскихъ взглядовъ на эту отрасль науки, успѣхи которой были уже извѣстны составителямъ уставовъ, но незначительное число этихъ каѳедръ (по одной на университетъ) и неопредѣленность состава каждой (она называлась вообще каѳедрою восточныхъ языковъ), указываютъ на то, что это была лишь дань духу времени, а не дѣйствительное сознаніе необходимости дать широкое развитіе этой наукѣ, особенно важной для Россіи по ея географическому положенію, международнымъ и внутреннимъ отношеніямъ и по ея исторической миссіи на Востокѣ. Между тѣмъ около того же времени государственный умъ Уварова понималъ и высказывалъ это общее гуманитарное и спеціальное для Россіи значеніе изученія Востока: „Въ эпоху возрожденія изученія Востока, останется ли Россія позади всѣхъ европейскихъ народовъ?—говорилъ онъ въ мемуарѣ, посвященномъ тогдашнему нашему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому. Россія, сопредѣльная съ Азіей, обладательница всей сѣверной части этого материка, не можетъ не раздѣлять съ

прочими народами общаго нравственнаго побужденія въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ, но у ней есть особенное, политическое побужденіе къ тому; при одномъ взглядѣ на географическую карту, оно становится яснымъ и несомнѣннымъ. Россія опирается, такъ сказать, на Азію. Сухопутная граница громаднаго протяженія приводитъ ее въ соприкосновеніе почти со всѣми народами Востока; между тѣмъ едва ли можно повѣрить тому, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ Россіи меньше всего сдѣлано для изученія Азіи. Довольно самыхъ первоначальныхъ политическихъ свѣдѣній для пониманія тѣхъ выгодъ, которыя Россія могла бы извлечь изъ серьезнаго изученія Азіи. Россія, имѣя самыя близкія сношенія съ Турціей, Китаемъ, Персіей, Грузіей, легко могла бы не только способствовать чрезвычайно успѣхамъ всеобщаго просвѣщенія, но преслѣдовать и свои, самые близкіе и дорогіе интересы. Никогда государственная польза не являлась въ такомъ согласіи съ обширными видами цивилизаціи нравственной (¹)". Этотъ упрекъ въ недостаткѣ изученія Востока, столь необходимаго для насъ въ политическомъ отношеніи, Уваровъ старался устранить потомъ, когда сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Никогда у насъ не было сдѣлано такъ много для изученія Востока; никогда не было открыто столько восточныхъ каѳедръ и факультетовъ, какъ въ его управленіе. Здѣсь конечно не мѣсто распространяться объ успѣхахъ восточнаго знанія въ министерство графа Уварова, но мы обязаны напомнить, что при немъ возникла, развилась и исчезла слава восточнаго отдѣленія въ Казанскомъ университетѣ. Правда польза, принесенная этимъ отдѣленіемъ имѣла больше практическій характеръ; „успѣхи всеобщаго просвѣщенія" отъ изученія Востока у насъ были не очень значительны, но это уже зависѣло отъ общаго хода развитія науки и отъ особенныхъ историческихъ условій ея въ нашемъ отечествѣ. Тѣмъ не менѣе почтенныя имена Френа, Эрдмана, Ковалевскаго, Казембека, Попова, Петрова, И. Н. Березина, В. П. Васильева пріобрѣли извѣстность въ исторіи науки и способствовали славѣ Казанскаго университета. И между студентами встрѣчались, правда не многія лично-

(¹) Projet, стр. 8—9.

ымъ и идеальнымъ, вполнѣ научнымъ, не „таш-
веніемъ, отдававшіяся изученію Востока, его мы-
оріи, его поэзія. Графъ Уваровъ, какъ человѣкъ
енный понималъ, что нашимъ завоеваніямъ на Во-
ходима санкція интеллигенціи, что одна только она
прочность. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Россія
опирается, такъ сказать, на Азію": вся средняя Азія
ъ составъ ея. Наши завоеванія и ближайшія сно-
съ Азіей разогнали много иллюзій; таинственный по-
спять съ Востока, поблѣднѣла та „дивная прелесть
вославныхъ земель", которая увлекла Грибоѣдова въ
ю, но права науки остались. Между тѣмъ мы не ви-
увеличенія нашихъ научныхъ свѣдѣній о Востокѣ, не
имъ, чтобъ огромныя пространства, завоеванныя рус-
имъ оружіемъ для всемірной культуры, нуждались въ зна-
цихъ орьенталистахъ и знатокахъ Востока ([1]).

Но обратимся къ началу преподаванія восточныхъ язы-
ковъ въ Казанскомъ университетѣ. Едва только былъ уч-
режденъ университетъ, какъ уже Государственная Коллегія
иностранныхъ дѣлъ обратилась къ Румовскому съ прось-
бою о переводчикахъ съ восточныхъ языковъ: „Князь Адамъ
Адамовичъ (Чарторыскій) предоставилъ мнѣ имѣть честь
изъясниться съ Вашимъ Ир-ствомъ, писалъ тайный совѣт-
никъ Вейдемейеръ (12 августа 1805 года), нельзя ли съ
вашей стороны поручить ректору Казанскаго университе-
та, или кому заблагоразсудите, чтобы приложилъ стараніе,
чтобы пріискать двухъ или хотя одного искуснаго и испы-

([1]) Еще въ 1836 году профессоръ Казембекъ, воспитанный и образованный впрочемъ Англичанами, въ рѣчи своей «О появленіи и успѣхахъ восточной словесности въ Европѣ и упадкѣ ея въ Азіи», жаловался, съ англійской точки зрѣнія, что «прихоти страсти и *собственная выгода* у насъ еще мало имѣютъ вліянія на судьбу восточныхъ языковъ». Онъ объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что у насъ «вкусъ къ ученію не такъ замѣтенъ въ кругу средняго класса», что у насъ «*число людей менѣе необходимыхъ для сношеній съ азіатскими племенами того, которое могутъ выпускать всѣ учебныя заведенія по сей части*». См. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XI, стр. 249). Слѣдовательно спросъ правительства на знатоковъ восточныхъ языковъ былъ весьма незначителенъ; оно не нуждалось въ интеллигенціи и знаніи. Вотъ почему оканчивавшіе курсъ въ восточномъ отдѣленіи выбирали весьма часто карье-
…ждую ихъ спеціальности и должны были забывать то, чему учи-

таннаго въ татарскомъ и россійскомъ языкахъ человѣка, изъ находящихся въ семъ университетѣ, или и изъ посторонних людей, но такого, который бы при похвальномъ поведеніи, имѣя достаточное въ обоихъ языкахъ познаніе, былъ въ состояніи переводить вѣрно и безошибочно. А какъ нужно Коллегіи имѣть надежный способъ къ снабдѣнію себя и впредь хорошими татарскаго языка переводчиками, то Вашему Пр-ству много бы я былъ обязанъ, еслибы, сообщая мнѣ по оному предмету ваши мысли, изволили увѣдомить меня и о томъ, не можно ли распорядиться такъ, чтобы всегда трое изъ находящихся на казенномъ содержаніи студентовъ онаго университета, по склонности своей по выбору начальниковъ, особливо приготовляемы были для означенной должности". Румовскій на другой же день предписалъ совѣту гимназіи „поискать въ Казани человѣка акихъ качествъ, какихъ требуетъ г. Вейдемейеръ и учинить му испытаніе въ общемъ собраніи посредствомъ учителя атарскаго языка" и кромѣ того „выбрать изъ учениковъ, бучающихся татарскому языку, съ согласія ихъ и по склонности, троихъ и ученіе ихъ такъ расположить, чтобы они наиболѣе времени употребляли на татарскій языкъ и на ругіе языки". Такимъ образомъ опредѣленіе Френа было скорено этимъ требованіемъ Иностранной Коллегіи. Сверхъ біщаго числа казенныхъ воспитанниковъ, по ея желанію, редполагалось еще имѣть человѣкъ 20 для восточныхъ зыковъ, человѣка четыре для татарскаго, „прочіе же 16 еловѣкъ, писалъ Румовскій, должны посвятить себя не татарскому, но другимъ языкамъ, какъ то: турецкому, персидскому, мунгальскому, китайскому и пр. Съ симъ наипаче намѣреніемъ и Френъ выписывается". Но Румовскій вѣроятно понималъ невозможность устройства такого института при одномъ профессорѣ и одномъ учителѣ татарскаго языка и не спѣшилъ этимъ дѣломъ. Рѣшились пока ограничиться однимъ татарскимъ языкомъ. Не теряя времени совѣтъ доносилъ попечителю (18 сент. 1805 г.), что директоръ-профессоръ Яковкинъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, преимущественно для обученія татарскому языку, выбралъ пятерыхъ, на что они изъявили ему собственное свое согласіе, „а что число ихъ превышаетъ предписанное, то сіе признаетъ онъ, г. профессоръ, нужнымъ для лучшаго достиженія цѣли и предполагаемой отъ

сего пользы для иностранной коллегіи и для самой гимназіи". Яковкинъ распорядился удвоить для нихъ число учебныхъ часовъ, „отдѣливъ ихъ отъ искусствъ, какъ менѣе нужнаго для нихъ предмета". Онъ писалъ о неимѣніи татарскаго лексикона и просилъ купить для азіатской типографіи, существовавшей при гимназіи, гдѣ восточнаго шрифта было много, русскихъ литеръ хотя бы на три съ половиною листа, чтобъ можно было приступить къ печатанію необходимыхъ для преподаванія книгъ: букваря и этимологіи сначала, а потомъ и лексикона (1). „Кажется что и шести человѣкъ для одного татарскаго не будетъ достаточно, писалъ не задолго до прибытія въ Казань Френа Яковкинъ къ Попечителю (24 сент. 1807 г.): поелику кромѣ двоихъ, предназначаемыхъ для иностранной коллегіи, какъ университету для себя особенно нужно заготовлять ихъ, такъ и приготовлять еще въ званіе учителей для такихъ губернскихъ гимназій, въ коихъ неминуемо долженъ быть назначенъ татарскій языкъ, каковы уфимская, астраханская, симбирская и другія, по причинѣ обитающихъ въ нихъ Татаръ, а особливо, что съ самаго начала обученія сему языку въ здѣшней гимназіи, *по моему предположенію* учащіеся руководствуются и въ древнемъ аравійскомъ, какъ корнѣ (?) турецкаго, персидскаго и татарскаго, различествующихъ между собою весьма не во многомъ; слѣдовательно, хотя

(1) Румовскій немедленно прислалъ въ Казань десять экземпляровъ татарско-русскаго словаря *Гиганова*, напечатаннаго по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1804, а первоначальное руководство, состоящее въ азбукѣ и грамматикѣ татарскаго языка, съ правилами арабскаго чтенія, составленное Ибрагимомъ Хальфинымъ, напечатано въ Казани, 1809. 8°, 106 стр.—Азіатская типографія заведена была въ Казани, по просьбѣ оренбургскихъ, казанскихъ и другихъ губерній Татаръ для печатанія алкорановъ, молитвенниковъ и другихъ подобныхъ книгъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ маѣ 1800 года. Два стана азіатской типографіи, состоящей на содержаніи Шнора, были перемѣщены въ Казань. Она находилась въ вѣдѣніи гимназіи, а потомъ университета и впослѣдствіе времени слилась съ университетскою. По большей части ее сдавали по контракту Татарамъ. Цензура лежала на обязанности гимназіи и университета. Типографія эта много помогла Френу при печатаніи имъ первыхъ его сочиненій въ Казани. Съ 1800 по 1808 годъ, т. е. до пріѣзда Френа, въ этой типографіи азбукъ, корана и разныхъ назидательныхъ и богословскихъ сочиненій и стихотвореній вышло числомъ 26. (См. *Dorn*, Chronol. Verzeichn. 307—308). Въ 1807 году все напечатанное, по одному экземпляру, было послано въ Ростокъ къ Тихсену.

не собственно, но уже во многомъ готовятся у насъ ученики и для обоихъ первыхъ языковъ. Надѣюсь, что г. Френъ будетъ доволенъ успѣхами ихъ и *стараніями начальства* по сей части". Для Френа же безъ сомнѣнія Яковкинъ распорядился въ лексиконѣ Гиганова, вмѣсто татарскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами, что „для умѣющаго читать по татарски совершенно ненадобно", вставлять латинскій переводъ изъ словаря Менинскаго. Это дѣлали студентъ Риттау, учившійся татарскому языку и самъ Хальфинъ, который „довольно разумѣетъ полатыни". Студента Риттау особенно хвалилъ Яковкинъ. Для большихъ успѣховъ въ татарскомъ языкѣ, Яковкинъ просилъ для Риттау разрѣшенія пожить нѣсколько времени въ домѣ Хальфина въ Татарской слободѣ ([1]) и ходить даже въ мечеть для „пріобученія произношенія и познанія арабскаго языка".

Опредѣленіе Христіана Даниловича Френа профессоромъ восточныхъ языковъ въ Казанскій университетъ произошло при содѣйствіи одного изъ первыхъ казанскихъ профессоровъ, мекленбургскаго уроженца и бывшаго студента въ Ростокскомъ университетѣ Цеплина. Не прерывая своихъ связей съ родиною, онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ извѣстному орьенталисту, профессору Ростокскаго университета Олаю Гергарду Тихсену (1734—1815), знаменитому гебраисту и нумизмату, упомянулъ о томъ, что въ недавно основанномъ Казанскомъ университетѣ находится вакантною каѳедра восточныхъ языковъ и Тихсенъ немедля обратился съ письменнымъ вопросомъ къ ученику своему Френу: не пожелаетъ ли онъ занять эту каѳедру. Для Яковкина то обстоятельство, что Френъ былъ землякомъ Цеплину, врагу его въ совѣтѣ, казалось очень опаснымъ. „Профессоръ Френъ, какъ землякъ, а можетъ быть и соученикъ Цеплина, писалъ онъ Румовскому, не преминетъ свести съ нимъ тѣсную дружбу. Дай Богъ, чтобъ характеръ его не походилъ на Цеплиновъ и чтобъ предъопасеніе сіе было напрасно! въ противномъ случаѣ не оставятъ они оба возбуждать новыхъ, вящихъ безпокойствъ" (4 дек. 1806 г.).

([1]) Это сдѣлалось потомъ обычнымъ средствомъ для казанскихъ *восточниковъ* знакомиться практически не только съ языкомъ татарскимъ, но и съ арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, такъ какъ въ слободахъ были знатоки ихъ и заѣзжіе мухаммедане-иностранцы жили обыкновенно между Татарами.

Френу было двадцать четыре года, когда по предложенію Тихсена открылась ему возможность получить каѳедру въ Казани. Френъ родился въ Ростокѣ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ 23 мая (4 іюня) 1782 года. Изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Френѣ (¹), мы знаемъ весьма мало существеннаго объ его первоначальномъ образованіи. Послѣ курса городской латинской школы, Френъ въ 1800 году началъ слушать лекціи въ Ростокскомъ университетѣ по богословскому факультету, гдѣ, подъ руководствомъ Тихсена, особенно пристрастился къ восточнымъ языкамъ и мухамеданскимъ древностямъ и нумизматикѣ. Въ Ростокѣ онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ. Всего болѣе онъ обязанъ былъ лекціямъ Тихсена, такъ что лекціи, которыя онъ слушалъ въ Геттингенѣ въ 1803 году, уже не удовлетворяли Френа. Въ 1804 году Френъ напечаталъ свое первое произведеніе: „Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi. Ex apographo Escorialensi etc. (арабскій текстъ и латинскій переводъ), Halae. Очень короткое время Френъ пробылъ и въ Тюбингенѣ, гдѣ слушалъ лекціи профессора Шнуррера. Отсюда Френъ весною 1804 года переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ пробылъ два года, сначала учителемъ латинскаго языка въ извѣстномъ педагогическомъ институтѣ Песталоцци въ Бургдорфѣ, а потомъ домашнимъ учителемъ въ Обоннѣ, въ Ваатландскомъ кантонѣ. Здѣсь въ первый и какъ кажется въ послѣдній разъ посѣтило его поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго было стихотвореніе „Die Abendstunden des einsamen Fremdling's“ (²). Здѣсь же получилъ онъ изъ Ростока дипломъ на степень доктора философіи и магистра liberalium artium. Въ 1806 году въ Ростокѣ, куда онъ воротился, Френъ напечаталъ свое второе сочиненіе „Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimen“, за которое онъ получилъ степень доктора богословія и званіе приватъ-доцента въ Ростокскомъ университетѣ. Въ этомъ сочиненіи Френъ ста-

---

(¹) См. *Савельева*, П. «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа». Съ портретомъ. Спб. 1855. 8° и *Bernh. Dorn*, «Fraehn's Leben въ Fraehnii opusculorum postumorum pars prima. Petrop. 1855. 8° p. 407—414.

(²) Оно напечатано въ Петербургскомъ нѣмецкомъ журналѣ «Ruthenia, 1807.

рался объяснить темныя мѣста еврейскаго текста въ пророкѣ Наумѣ языкомъ арабскимъ. Такимъ образомъ имя Френа пользовалось уже извѣстностью въ области изученія еврейскаго и арабскаго языковъ, когда пришлось ему собираться въ Казань. Вотъ въ какихъ словахъ, по собственному почину, рекомендовалъ въ письмѣ своемъ къ Румовскому, познанія и нравственныя достоинства молодаго ученаго учитель его Тихсенъ: „Vir juvenis est in flore aetatis constitutus, quem merito suo, cum ob morum suavitatem, modestiam, vitae innocentiam, caeteraque animi et corporis ornamenta, tum ob singularem eruditionem, et strenuam, quam in litteris elegantioribus et orientalibus navavit operam, impense amo. Persicas quidem et turcicas linguas a limine solummodo salutavit, quas tamen usu et consuetudine harum gentium facile sibi familiares reddet. Gallicas, anglicas et italicas linguas quoque callet" (XVIII iunii 1806).

Съ чувствомъ молодой радости принялъ Френъ предложеніе своего учителя. Оно совпало съ желаніемъ его сердца; онъ былъ въ восторгѣ даже отъ предстоящихъ ему трудностей пути въ далекій чужой городъ, находящійся чуть не въ самой Азіи (¹). Онъ былъ убѣжденъ, что въ Ка-

(¹) Vous me proposez la chaire de professeur des langues orientales à Kasan et Vous me demandez mon sentiment à cet égard. Si Vous connaissez, monsieur, mieux qu'un autre, le zèle avec lequel j'ai devoué presque tout mon tems à l'étude de ces langues, si Vous connaissez mon attachement à cette littérature et l'amour ardent, avec lequel je l'embrasse et qui va toujours en augmentant, si Vous connaissez enfin le penchant, nourri dans mon coeur il y a déjà longtems, *de saluer une fois en personne les contrées chéries de l'Orient* ou au moins de m'approcher d'elles d'avantage que je ne le suis ici sur le bord de la mer Baltique: Vous en jugerez facilement, si l'espérance que votre lettre hon. m'a excitée de voir peut être bientôt rempli le souhait de mon coeur, me pouvait surprendre autrement que d'une manière très agréable. Aussi connaissez Vous mon inclination pour les voyages, Vous savez que j'ai encore l'âge où les voyages même les plus longs et les plus fatigants se font avec plaisir et sans faire beaucoup de tort à la santé, et qu'ainsi le long trajet ne saurait pas me décourager. Et fût-il même le double aussi long qu'il ne l'est pas, la pensée d'aller prendre une place où je ne serais occupé que de ma science favorite, où je pourrais agir pour elle avec succès, où *aidé par la situation favorable de l'université*, je serais à même de faire des recherches, me ferait sans doute oublier toutes les fatigues et les désagrémens qui pourraient

зани откроется ему неизвѣстная область для науки. Было и другое чувство въ душѣ Френа, совершенно понятное и созданное обстоятельствами времени, чувство политическое, которое облегчало ему разлуку съ родиною, повидимому имъ горячо любимою. Это было печальное для Германіи время, вскорѣ послѣ Іены. Несчастія Германіи, гдѣ не было простора для мысли, облегчали для людей экспатріацію и давали возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣщать, часто людьми очень достойными, вакантныя каѳедры нашихъ университетовъ. И Френъ, въ письмѣ своемъ къ Румовскому, просилъ его покровительства „à celui, qui voyant sa patrie qu'il aime tendrement, foulée aux pieds et presque anéantie, la quittera afin de chercher une autre patrie dans le sein de la grande monarchie du grand empereur de toutes les Russies“. Вотъ почему между прочимъ Френъ съ такою готовностью рѣшился ѣхать въ Казань. Румовскій предложилъ ему званіе ординарнаго профессора, съ жалованьемъ въ 2000 р. и 800 рублей на путешествіе (500 р. до Петербурга и 300 р. оттуда до Казани). Но тогдашнія обстоятельства, наша война съ Наполеономъ замедлили нѣсколько отъѣздъ Френа изъ Ростока. Румовскій затруднялся высылкою ему векселя; даже письма Тихсена и Френа писались изъ осторожности дубликатами. Переписка о замѣщеніи каѳедры Френомъ началась въ іюнѣ 1806 года, а еще въ началѣ іюля слѣдующаго года Френъ былъ въ Ростокѣ, затрудняясь выборомъ пути въ Россію. Блокада гавани въ Варнемюнде и другихъ ближайшихъ къ Ростоку мѣшала выходу въ море судамъ мекленбургскимъ и любекскимъ; Френъ рѣшился ѣхать на кораблѣ американскомъ, чрезъ Копенгагенъ, не смотря на дороговизну и окольность этого пути и 26 іюля явился къ Румовскому въ Петербургѣ. Здѣсь онъ обратился съ просьбою къ по-

arriver». Френъ очевидно былъ чрезвычайно радъ неожиданному предложенію и этою радостью объясняетъ даже то обстоятельство, что вздумалъ писать Тихсену не на родномъ языкѣ, а по французски: «C'est un phénomène assez singulier, que j'ai souvent apperçu chez moi-même, qu'étant enjoué, j'aime à user de la langue des Français enjoués, qu'au contraire il me serait impossible d'exprimer des sentiments pénibles dans la langue d'un peuple, que je n'ai vu que riant et badinant».

печителю, прося его о выдачѣ ему впередъ за треть его жалованья, объясняя, что сборы въ далекій путь, желаніе обзавестись всѣмъ необходимымъ и въ особенности пополненіе библіотеки необходимыми пособіями, принудили его надѣлать долговъ въ Ростокѣ, расплатиться съ которыми онъ обязанъ еще до выѣзда изъ Петербурга. „C'est le poid de ces dettes-là, qui m'accable comme le poid d'un péché et qui m'a ôté depuis plusieures semaines toute tranquillité de mon ame“ — писалъ онъ Румовскому. Лично Френъ произвелъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на Румовскаго и онъ выхлопоталъ у министра не только лишніе 100 рублей на проѣздъ отъ Петербурга до Казани (съ Фрѐномъ было три сундука книгъ по его спеціальности (¹) и, какъ иностранецъ, онъ не находилъ другаго способа доставки ихъ въ Казань, какъ везти съ собою), но и выдачу ему впередъ третнаго жалованья, конечно съ вычетомъ потомъ. „Профессоръ Френъ, писалъ Румовскій къ министру, имѣя не больше двадцати шести или семи лѣтъ, горитъ желаніемъ видѣть въ Казани Татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, и, судя по его готовности и простому, ничѣмъ не прикрашенному обращенію, имѣю причину ожидать отъ него желаемыхъ успѣховъ“. Румовскій же помогъ Френу развязаться скорѣе съ петербургскою таможнею и писалъ въ Яковкину о приготовленіи ему на первое время казенной квартиры. Френъ выѣхалъ 30 августа чрезъ Москву въ двухъ кибиткахъ и на четырехъ лошадяхъ, въ сопровожденіи слуги француза, родомъ изъ Монпелье.

Десять лѣтъ профессорской жизни Френа въ Казани, десять молодыхъ и дѣятельныхъ лѣтъ, очень важны въ томъ отношеніи, что они положили основаніе строго-научному преподаванію восточныхъ языковъ въ университетѣ: передъ глазами казанскихъ ученыхъ всегда былъ примѣръ трудолюбиваго, точнаго и осмотрительнаго ученаго, умѣвшаго воспользоваться для науки тѣмъ, что давала ему окружающая его среда и мѣстность. Въ ученомъ развитіи самаго Френа пребываніе его въ Казани важно въ томъ отноше-

---

(¹) Нѣсколько книгъ изъ своего запаса Френъ тотчасъ по пріѣздѣ принесъ въ даръ библіотекѣ университета, въ пользу слушателей, у которыхъ не было никакихъ руководствъ.

ніи, что новый міръ окружившій его, далъ направленіе его ученой дѣятельности и нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало его столь драгоцѣнныхъ для древней русской исторіи трудовъ, основанныхъ на изученіи арабскихъ историковъ и географовъ, было положено здѣсь, въ Казани, подъ вліяніемъ исторической почвы здѣшняго края и памятниковъ, преимущественно нумизматическихъ, которые онъ нашелъ здѣсь. Древній, татарскій періодъ края скоро сталъ для Френа предметомъ самаго внимательнаго изслѣдованія и едва ли что либо существенное было прибавлено послѣдующими разысканіями.

Тотчасъ по пріѣздѣ, 23 октября 1807 года, Френъ представилъ въ совѣтъ записку о томъ, что онъ намѣренъ преподавать до начала новаго года. Это была *этимологія арабскаго языка* и, „ежели позволятъ время и успѣхи слушателей“, то объясненіе Африки у Абульфеды или Локмановыхъ басенъ. Не смотря на чувство радости, съ которымъ онъ приступалъ къ преподаванію любимаго имъ круга знаній („Intranda enim palaestra a Te mihi patefacta, in qua sola multis inde annis subactus mihi placeo“—писалъ онъ Румовскому), Френу пришлось примѣняться къ новой дѣйствительности и измѣнить даже направленіе своихъ занятій. „Вы полагаете, пишетъ онъ Румовскому, что я въ состояніи распространить знакомство съ *учеными* восточными языками, почти неизвѣстными въ Россіи. Я въ состояніи сдѣлать это только отчасти; говорю — *отчасти*, потому что сознаю всю слабость моихъ силъ. Прибавьте и то, о чемъ я не долженъ молчать, что въ Россіи приходится мнѣ отказаться отъ прежнихъ занятій. Къ области моего преподаванія изъ языковъ восточныхъ, или сказать правильнѣе, изъ нарѣчій семитическихъ, принадлежали бы въ нѣмецкихъ университетахъ нарѣчія: еврейское, раввинское, талмудическое, халдейское, самаританское, эѳіопское. Здѣсь совершенно другія условія. Знаніе упомянутыхъ выше языковъ, хотя нельзя отрицать вообще важности и значенія ихъ изученія, больше всего однако служитъ для лучшаго пониманія и истолкованія книгъ Ветхаго Завѣта, вмѣстѣ съ языками сирійскимъ и арабскимъ; молодые же люди, которые будутъ слушать меня, не предназначаютъ себя къ духовному званію, поэтому я намѣренъ эту часть ученой дѣятельности моей предоставить въ настоящее время ученымъ

духовной семинаріи (какъ будто бы въ ней преподавалось что либо подобное). Съ большою неохотою оставляю я эту часть моихъ занятій, такъ какъ они были главнымъ моимъ дѣломъ прежде, но радуюсь, что въ числѣ предметовъ, которые придется мнѣ излагать, находится ученый арабскій языкъ (lingua arabica erudita) и на немъ сосредоточу я теперь всю любовь и все рвеніе. Имъ я и сдѣлаю начало моихъ лекцій".

Главнымъ предметомъ преподаванія Френа въ теченіе десяти лѣтъ былъ арабскій языкъ. Онъ начиналъ съ азбуки, передавалъ грамматику и переводилъ съ арабскаго, мѣняя каждый годъ авторовъ. Онъ переводилъ басни Локмана, географическія сочиненія Абульфеды и Ибнъ эль Варди, Абульфараджа и въ особенности долго останавливался на исторіи Мусульманъ (Тарихъ-эль муслеминъ), сочиненіи Ешшайха ель Мацина; за тѣмъ шли Коранъ (главнымъ образомъ 7-я часть его Гефтіекъ), Исторія десяти визирей, поэма Эль-Борда, сочиненіе Шерефъ эдъ-динъ эль Бузири, моаллакаты и нѣкоторыя другія стихотворенія, отчасти изданныя самимъ Френомъ въ Казани ([1]). Другою весьма любимою частью преподаванія Френа была восточная нумизматика, сначала куфическая (по сочиненію Тихсена и по сочиненію Макризія „Исторія монетъ арабскихъ", а потомъ Золотой Орды. Онъ знакомилъ съ нею только „успѣвшихъ" и

([1]) Въ 1814 году. См. *Dorn*, Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen etc. Werke въ Bulletin de l'Acad. de St. Pétersb. 1867. t. XI, p. 310. Прося совѣтъ о напечатаніи этихъ стихотвореній, чтобъ дать какую либо книгу студентамъ для перевода, на казенный счегъ, Френъ выговаривалъ себѣ только 25 экз. и увѣрялъ, что печатаніе не будетъ въ убытокъ. «Эти двѣ арабскія поэмы пользуются большою извѣстностью у мусульманъ, писалъ онъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ будутъ покупать Татары изъ русскихъ подданныхъ, между которыми не мало ученыхъ». Въ 1810 году Френъ представлялъ въ совѣтъ о необходимости издать для своихъ слушателей не хрестоматію, которую онъ считалъ безполезною, но «Исторію Мусульманъ», отъ Магомета до династіи Атабековъ auctore Dschirsifio Ibn el 'amid, съ комментаріями и лексикономъ, а также татарскую книгу, которую бы напечаталъ Хальфинъ, съ тѣмъ, чтобъ ему и Хальфину выдано было за каждый отпечатанный листъ по десяти рублей, но представленіе это не было уважено попечителемъ, за неимѣніемъ въ штатѣ назначенной на то суммы.

приватно „любителямъ татарскихъ древностей“ излагалъ нумизматику въ продолженіе царствованія хановъ Золотой Орды, главный предметъ его ученыхъ трудовъ въ Казани. Намъ совершенно неизвѣстно много ли было этихъ „любителей“ или другихъ также „кои изъявятъ желаніе учиться еврейскому, раввинскому, халдейскому, сирійскому и друг. восточнымъ языкамъ“, о чемъ онъ объявилъ въ обозрѣніи университетскихъ преподаваній на 1815-1816 годъ.

Преподаваніе Френа вообще было случайно; онъ имѣлъ совершенно неподготовленныхъ слушателей и притомъ они являлись на его лекціи часто и противъ желанія и безъ призванія, по выбору и указанію директора-инспектора. Студентъ Риттау, котораго приготовлялъ Яковкинъ для Френа, скоро поступилъ въ учители гимназіи, четыре или пять его слушателей, въ началѣ профессорства, потомъ сократились до двухъ и наконецъ до одного, а въ случаѣ болѣзни или отпуска этого единственнаго слушателя, лекціи вовсе не читались. Сильно возмущался этимъ Яковкинъ. „Г. Френъ, съ самаго начала получивъ шестерыхъ слушателей, пишетъ онъ къ попечителю, занялся только съ однимъ Кручининымъ, а по смерти его съ однимъ только Ярцовымъ, хотя и послѣ нынѣшняго производства (т. е. въ студенты) назначены къ нему еще трое, коихъ онъ *самъ собою* предоставилъ только Ярцову ([1]), произведенному въ кандидаты (и Ярцовъ и Кручининъ подъ руководствомъ Френа занимались арабскимъ языкомъ съ начинающими). За 2500 рублей въ годъ заниматься только съ однимъ слушателемъ кажется весьма несовмѣстно, какъ и изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей Ваше Пр-ство всегда усматривать изволили; а между тѣмъ Ярцовъ собственнымъ своимъ особеннымъ стараніемъ столько успѣлъ въ аравійскомъ языкѣ, что съ нѣкоторою помощью лексикона свободно читаетъ и переводитъ книги, а въ татарскомъ, коего г. Френъ совсѣмъ не

([1]) Занятія Ярцова съ новыми слушателями, состоявшія въ первоначальномъ ознакомленіи ихъ съ алфавитомъ и грамматическими правилами, допущены были съ разрѣшенія совѣта. Такія же точно приготовительныя занятія съ начинающими восточные языки велъ, съ разрѣшенія совѣта и съ согласія попечителя, въ 1809 году Кручининъ. Тотчасъ послѣ письма Яковкина, попечитель воспретилъ это.

разумѣетъ, успѣлъ столько, что *перевелъ на татарскій языкъ мою Россійскую исторію, долженствующую вскорѣ поступить въ печать*; сверхъ того, занимаясь особенно съ троими младшими слушателями восточныхъ языковъ, наставилъ уже ихъ столько, что они весьма хорошую подаютъ надежду къ успѣхамъ въ восточныхъ языкахъ. Ежели бы благоугодно было Ярцова и еще съ нимъ двоихъ, по подобію Московскаго университета, отправить для усовершенствованія въ какой либо нѣмецкій университетъ, то *гораздо съ большею выгодою и съ лучшими успѣхами можно бы было обойтись и въ семъ дѣлѣ безъ иностранцевъ*, презирающихъ россійскій языкъ" (21 ноября 1811 года) ([1]).

([1]) Изъ этого Ярцова, о которомъ упоминаетъ Яковкинъ въ письмѣ своемъ и о которомъ Френъ, его любившій, отзывался всегда съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, при талантѣ, способностяхъ и знаніяхъ его, при особенной любви къ предмету, могъ бы образоваться *свой* профессоръ восточныхъ языковъ, еще до образованія восточнаго отдѣленія, еслибъ не обстоятельства. Имя его во всякомъ случаѣ достойно воспоминанія, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ Казанскаго университета на этихъ страницахъ, посвященныхъ его исторіи. Январій Осиповичъ Ярцовъ, сынъ губернскаго секретаря, родился въ Екатеринбургѣ 10 марта 1792 года, поступилъ въ Казанскую гимназію на казенное содержаніе въ 1803 году (въ ней онъ между прочимъ учился у Хальфина татарскому языку) и, получая ежегодно награды, перешелъ въ университетъ въ 1809 году. Въ 1812 году, въ ноябрѣ, по экзамену, состоявшему изъ словесныхъ и *семи* письменныхъ вопросовъ, онъ удостоенъ былъ степени студента-кандидата восточной словесности, при чемъ Френъ далъ о немъ самый лестный отзывъ. Судя по обширной программѣ Френа для экзамена, можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что экзаменъ былъ очень строгъ. До этого экзамена Ярцовъ, вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, подали на Высочайшее имя прошеніе въ совѣтъ университета о переименованіи ихъ изъ студентовъ «въ кадеты втораго волонтернаго корпуса, гдѣ бы, пріуготовивъ себя нужнѣйшими воинскими познаніями, могли мы встать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго Вашего Императорскаго Величества воинства на защиту престола и государства». Попечитель не согласился уволить казенныхъ студентовъ. Ярцовъ остался при университетѣ. Въ 1814 году Астраханскій губернаторъ просилъ совѣтъ университета уволить Ярцова въ Астраханскую губернію для опредѣленія въ должность переводчика съ жалованьемъ, но совѣтъ, по новому, въ высшей степени лестному для Ярцова представленію Френа, который называлъ его Jartsovius meus, удержалъ его, увѣдомивъ губернатора, что «Ярцовъ приготовляется для занятія мѣста адъюнкта или ма-

Въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Румовскому, написанномъ чрезъ два года своей профессорской

гистра по части восточныхъ языковъ, въ вспоможеніе г. профессору Френу, въ случаѣ умножающихся слушателей». Съ какимъ трудомъ однако приходилось Ярцову заниматься своимъ дѣломъ видно изъ того обстоятельства, что ему надобно было подавать просьбу въ совѣтъ университета о выдачѣ на домъ ему арабскаго лексикона Менинскаго, доказывать въ просьбѣ, что «безъ лексиконовъ ни въ какомъ языкѣ не можно пріобрѣсть надлежащихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе въ языкахъ восточныхъ, обильнѣйшихъ и труднѣйшихъ передъ прочими», что библіотекарь тогдашній, профессоръ Броннеръ, соглашался выдать лексиконъ не иначе, какъ въ особомъ ящикѣ подъ замкомъ (ea conditione, ut illud (lexicon) in scrinio, quod hac de causa confici curabo, claustello munitum, solerter conservet) и ручался, что Ярцовъ книгъ не продастъ (vix puto periculum subesse, ne librum divendat). Ярцовъ, съ позволенія попечителя, жилъ съ 1815 года на вольной квартирѣ въ Татарской слободѣ, для практическаго изъ разговоровъ съ учеными муллами усвоенія татарскаго и персидскаго языковъ, а въ 1816 году лѣтомъ, въ деревнѣ Саба, въ ста верстахъ отъ Казани, въ обществѣ ученаго муллы Сейфуддина, учившагося въ Бухарѣ и Самаркандѣ, путешествовавшаго по Востоку въ теченіе десяти лѣтъ и собравшаго «лучшую и многочисленнѣйшую библіотеку восточныхъ писателей въ здѣшнихъ мѣстахъ». Только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія можно было выдать Ярцову на эту поѣздку сто рублей. Въ томъ же году Ярцовъ, послѣ экзамена и за представленную латинскую диссертацію «О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ», которую онъ 12 мая публично защищалъ, былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ. Не задолго до диспута, онъ читалъ по латыни публичную лекцію «De indole et consilio poëmatis Seif ül-mülk». Отдѣленіе словесныхъ наукъ доносило, что оно «почло бы нужнымъ напечатать его разсужденіе, еслибы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онаго сдѣлана была бо́льшая отдѣлка и еслибы самъ сочинитель захотѣлъ обработать предметъ свой пространнѣе», а Френъ писалъ въ Германію съ большою похвалою о немъ. Въ началѣ 1817 года магистръ Ярцовъ, по именному Высочайшему соизволенію на ходатайство тогдашняго попечителя Салтыкова, былъ помѣщенъ на штатное мѣсто канцелярскаго служителя при нашемъ Персидскомъ посольствѣ, на время пребыванія его въ Персіи, съ производствомъ жалованья по 50 р. сер. въ мѣсяцъ. Ровно чрезъ годъ воротился Ярцовъ въ Казань и тотчасъ же представилъ въ совѣтъ, правда въ черновомъ видѣ: 1) Дневныя записки о провинціяхъ отъ Тифлиса до Астрахани, 2) Разсужденіе о религіи Персіянъ и при немъ сводъ Аль-Корана и 3) Краткій журналъ путешествія по Персіи. Все это Ярцовъ предполагалъ потомъ обработать. «Поелику же, писалъ о немъ въ совѣтъ университета изъ Тифлиса (1 ноября 1817 года) нашъ посланникъ, столь извѣстный Ермоловъ, какъ благоповеденіемъ своимъ, такъ и усерднымъ

дѣятельности, Френъ откровенно сознается въ неуспѣхѣ своего преподаванія въ Казани. Письмо это, обрисовывая

исполненіемъ должности и порученій, каковыя по службѣ составляли его обязанность, заслужилъ онъ мое одобреніе, то я не преминулъ представить о немъ въ числѣ прочихъ министерству иностранныхъ дѣлъ, яко о чиновникѣ, достойномъ награды отъ монаршихъ щедротъ, и за долгъ себѣ вмѣнилъ довесть чрезъ сіе до свѣдѣнія совѣта Казанскаго университета». Отъ Шаха Ярцовъ получилъ знакъ ордена Льва и Солнца 2 степени. Въ маѣ 1818 года Ярцовъ, уже по переходѣ Френа въ С.-Петербугскую Академію Наукъ, удостоенъ совѣтомъ университета званія адьюнкта восточной словесности, но въ росписаніи лекцій на 1818—1819 годъ преподаваніе его не указано, потому что въ іюнѣ того же года поступило въ совѣтъ университета увѣдомленіе попечителя о томъ, что президентъ Академіи Наукъ представилъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ утвержденіи магистра Ярцова адъюнктомъ Академіи Наукъ по части восточныхъ языковъ. Попечитель спрашивалъ совѣтъ: нѣтъ ли препятствій къ увольненію Ярцова и есть ли собственное желаніе его быть помѣщеннымъ въ академію? Въ своемъ отзывѣ на запросъ совѣта, Ярцовъ писалъ: «Отказаться отъ столь лестнаго для меня званія я не могу, какъ потому, что оно открываетъ мнѣ новый путь и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ особенно и потому, что я, зная пособія академическія, самъ искалъ онаго, и самъ давно уже изъявилъ мое желаніе открытымъ письмомъ къ г. академику Френу, предлагавшему мнѣ мѣсто именемъ Его Превосходительства господина президента Академіи Наукъ. Сверхъ сего, *получивъ образованіе въ сихъ языкахъ попеченіями* г. *академика Френа*, бывшаго при семъ университетѣ профессоромъ восточныхъ языковъ, *я особеннымъ для себя почту счастіемъ и нынѣ находиться подъ сію руководствомъ и* отдавать труды мои на судъ его, какъ цѣнителя достойнѣйшаго и ученѣйшаго». Впрочемъ Ярцовъ не отказывался остаться на нѣкоторое время въ университетѣ, но «съ жалованьемъ э. о. профессора и не лишаясь имени адъюнкта академіи». Совѣтъ университета не удерживалъ Ярцова. Вскорѣ послѣ того каѳедру восточныхъ языковъ въ Казани, по рекомендаціи Френа, занялъ другой ученикъ Тихсена—докторъ Ѳ. И. Эрдманъ изъ Ростока. Съ переходомъ Ярцова въ Петербургъ, не смотря на близость къ Френу, ученая дѣятельность его прекратилась. О петербургской жизни его намъ мало извѣстно. Ярцовъ служилъ драгоманомъ въ азіатскомъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ и послѣ изданія Френомъ въ Казани въ 1825 году на счетъ графа Румянцева текста «Исторіи Монголовъ и Татаръ» Абулгази Багадуръ Хана, предпринялъ было русскій переводъ этого важнаго для русской исторіи сочиненія, но смерть графа Румянцева помѣшала его изданію (см. *Dorn*, Ueber die hohe Wichtigkeit etc. S. 88). Судьба перевода Ярцова неизвѣстна. Объ этомъ трудѣ не упоминаютъ: ни Сенковскій

ситета нѣкоторыя изданія, слишкомъ для меня дорогія и, еслибъ при вашемъ участіи я могъ получить доступъ къ библіотекѣ петербургской Академіи Наукъ, гдѣ навѣрное, подъ слоями пыли, скрывается много драгоцѣнныхъ и мнѣ чрезвычайно необходимыхъ книгъ и рукописей. Но я отклонился отъ предмета: возвращаюсь къ юношамъ, судьба которыхъ заботитъ меня.

«Я слышу, что они предназначены быть переводчиками. Не думайте однако, что они когда либо будутъ годными для этого дѣла, безъ измѣненія или расширенія того способа, какъ они знакомятся съ языкомъ. Есть между ними такіе, которые отъ четырехъ до пяти лѣтъ уже учатся по татарски и не смотря на то не въ состояніи понимать самой легкой книги на этомъ языкѣ. Опасаюсь что тоже можетъ случиться съ моими слушателями и въ отношеніи арабскаго языка. Но пусть они и хорошо понимаютъ арабскія и татарскія книги, пусть они вполнѣ знакомы съ грамматикою этихъ языковъ, все же они никогда не будутъ хорошими переводчиками для восточныхъ языковъ. Имъ нужна практика, имъ нуженъ разговоръ на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, а этой практики у нихъ нѣтъ и ея не будетъ, пока не измѣнится самый способъ приготовленія ихъ въ переводчики. Такая практика нигдѣ не можетъ быть устроена лучше Казани, посреди мусульманъ, а между тѣмъ до сихъ поръ на эти удобства не обращали никакого вниманія. Вы сами лично указали мнѣ планъ восточнаго училища, подобнаго тѣмъ, какія существуютъ уже въ Вѣнѣ, Парижѣ и другихъ городахъ Европы, гдѣ изучающіе восточные языки живутъ вмѣстѣ и пользуются въ одно время и обществомъ европейскихъ профессоровъ, излагающихъ часть ученую и учителей мухамеданъ, которые пріучаютъ молодыхъ людей къ разговору. Вамъ извѣстно, что ни одинъ изъ русскихъ университетовъ столь не удобенъ для осуществленія этого плана, какъ Казанскій. Не откладывайте же на долго его исполненіе. Татарскія слободы, гдѣ раздаются только азіатскіе звуки (ubi non strepunt nisi soni asiatici)—въ самомъ городѣ; дома тамъ гораздо дешевле. Пусть съ молодыми людьми живетъ учитель Ибрагимъ Хальфинъ, съ которымъ они могли бы постоянно говорить по татарски, пусть поселится съ ними и какой нибудь ученый имамъ, который пріучилъ бы ихъ къ народной арабской рѣчи: полагаю, что легко найдутся и такіе, съ кѣмъ можно говорить и по персидски. Прислуга должна быть непремѣнно изъ Татаръ, чтобы студенты самою практикою жизни привыкли къ нравамъ и обычаямъ мусульманъ. Пусть они воображаютъ, что живутъ на Востокѣ. Или я очень ошибаюсь, или это единственный способъ приготовить дѣльныхъ переводчиковъ восточныхъ языковъ. Я съ удовольствіемъ готовъ удвоить число часовъ моего преподаванія чтобъ преподавать и грамматическое начало и высшія части моей науки: объясненіе трудныхъ писателей, поэтовъ, археологію, нумизматику; если желаете—буду преподавать и латинскій языкъ. Ради Бога не думайте, что я говорю все это изъ денежнаго разсчета; только изъ любви къ наукѣ и къ юношамъ я рѣшился напомнить вамъ о вашемъ же планѣ».

Почти въ такомъ видѣ, хотя и не въ Татарской слободѣ, было образовано гораздо позже при первой Казанской гимназіи такъ называемое *Восточное Отдѣленіе*, гдѣ въ обществѣ представителей разныхъ восточныхъ національностей, между которыми бывали и буддійскій лама, и бѣглый, спасшійся отъ катастрофы при Махмудѣ II, турецкій янычаръ, жили студенты, не кончившіе и кончившіе курсъ. Но во время Френа не было, да и не могло быть ничего подобнаго. Продолженіе войнъ съ Наполеономъ и отечественная война скоро измѣнили направленіе правительства при Александрѣ; гуманитарныя цѣли мало по малу забывались, стремленія съуживались. Такъ къ числу ожиданій того времени, въ сферѣ изученія восточныхъ языковъ принадлежала возможность, съ учрежденіемъ преподаванія ихъ, „открыть въ учебныя заведенія свободный входъ чадамъ Азіи", „озарить ихъ благотворными лучами истиннаго просвѣщенія". Этихъ „чадъ Азіи", воспитывавшихся въ казанской гимназіи и въ университетѣ было самое ничтожное количество, а на сколько они были „озарены лучами истиннаго просвѣщенія"—судить мы отказываемся. „Въ прошедшій вторникъ приходилъ ко мнѣ здѣшній старшій ахунъ отъ имени муфтія съ просьбою о принятіи тринадцатилѣтняго сына его въ гимназію для обученія, знающаго уже хорошо читать и писать по татарски, арабски, французски, а по русски и говорить, но *съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ у меня подъ особеннымъ моимъ руководствомъ* и имѣлъ бы особливый для себя столъ по ихъ обычаю, что я ему и обѣщалъ. *Примѣръ сей конечно послужитъ къ вящему распространенію просвѣщенія между мослемами*". Такъ сообщаетъ Яковкинъ Румовскому (12 янв. 1809 г.). Но дѣло ничѣмъ не кончилось. Въ 1815 году „высокостепенный" ханъ меньшой киргизской орды Ширгазый Айчуваковъ задумалъ было отдать въ казанскую гимназію двухъ своихъ сыновей и племянника, сына хана Джантюри и обратился о томъ съ просьбою къ тогдашнему Оренбургскому генералъ-губернатору князю Волконскому, который сообщилъ о томъ министру народнаго просвѣщенія. „Я увѣренъ, писалъ послѣдній совѣту, что университетъ, дабы поддержать довѣренность сего народа къ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, при малѣйшей возможности дастъ приказаніе о помѣщеніи въ гимназію означенныхъ дѣтей". Совѣтъ, съ своей стороны, распорядился сдѣлать все чтобъ

угодить хану. „Для нихъ назначится, писалъ онъ между прочимъ, особенная комната, гдѣ помѣстятся еще двое или трое лучшихъ питомцевъ, кои могли бы споспѣшествовать какъ образованію ума ихъ, такъ и пріучали бы ихъ въ европейскому просвѣщенію.... Какъ для стола питомцевъ никогда не приготовляются кушанья изъ свинаго мяса, посему сіи трое киргизъ-кайсаковъ могутъ свободно продовольствоваться общимъ столомъ. Чтобъ религія, въ коей они воспитываются, не ослабѣвала въ сердцахъ ихъ, то начальство гимназіи,—въ дни особенно для нихъ священные,—можетъ отпускать ихъ для совершенія молитвъ въ мечети, подъ надзоромъ какого либо чиновника магометанскаго исповѣданія изъ служащихъ въ гимназіи". Но и эти „чада Азіи", уже „высокостепенные", не вкусили плодовъ европейскаго образованія. Ханъ повидимому шутилъ и высказалъ свое желаніе за обѣдомъ, угощая въ степной кибиткѣ заѣхавшаго къ нему генералъ-губернаторскаго чиновника по особымъ порученіямъ. Вотъ что въ заключеніе писалъ совѣту по этому дѣлу князь Волконскій: „Нынѣ высокостепенный ханъ увѣдомилъ меня, что онъ *безъ вспомоществованія отъ казны не согласенъ дѣтей своихъ и племянника отдавать обучаться на собственномъ иждивеніи въ казанскую гимназію*, но желаетъ обучить ихъ въ ближнихъ здѣшнихъ магометанскихъ школахъ. Зная достаточное состояніе хана Ширгазыя Айчувакова, я заключаю изъ таковаго его отзыва уклоненіе отъ прежняго намѣренія, и признаю перемѣну его мыслей тѣмъ основательнѣйшею, что дѣти ханскіе, и наипаче племянникъ, достигаютъ уже такого возраста, въ который азіатцы вступаютъ въ брачные союзы и уже получили въ управленіе особенныя отдѣленія ордынцевъ". Боязнь ли свинаго мяса, которую не могли разогнать увѣренія совѣта Казанскаго университета, была слишкомъ сильна въ ханѣ или у него вовсе не было намѣренія учить дѣтей своихъ въ Казани—мы не знаемъ, но увѣрены въ томъ, что отдѣльные случаи воспитанія „чадъ Азіи" въ Казанской гимназіи, и непремѣнно на казенномъ содержаніи, происходили отнюдь не добровольно, а вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ ([1]).

[1]) Ханъ впрочемъ посылалъ въ Казань своего секретаря «для узнанія здѣшняго учебнаго порядка». См. *Каз. Изв.* 1814 г. № 31, стр 420.

Если Френъ сознавалъ самъ малоуспѣшность своего преподаванія въ Казани, то за то этотъ городъ, съ своими историческими воспоминаніями изъ татарскаго періода, этотъ край „классическій въ мірѣ татарщины“, по выраженію біографа Френа, съ разрушенными болгарскими городами и другими памятниками древности, долженъ былъ дать богатое содержаніе и новое направленіе научной дѣятельности Френа, посвященной, въ бытность его въ Казани, почти исключительно объясненію татарскаго періода русской исторіи. Говорить о всѣми признанныхъ заслугахъ Френа въ этомъ отдѣлѣ науки—не наше дѣло: имя Френа, начиная съ Карамзина и до историковъ и археологовъ нашихъ дней, встрѣчается въ безчисленныхъ ссылкахъ на его труды, какъ только рѣчь зайдетъ или о древнѣйшихъ мусульманскихъ извѣстіяхъ о Россіи, или о Золотой Ордѣ. Въ изученіи древней исторіи нашего края все сдѣланное Френомъ до настоящаго времени не утратило нисколько значенія и можетъ служить образцомъ глубокаго знанія, необходимаго въ этомъ дѣлѣ (т. е. знанія языковъ восточныхъ), тонкой критики и осмотрительнаго сужденія. Новымъ изслѣдователямъ въ этой области часто приходилось лишь пользоваться тѣмъ, что было сдѣлано этимъ ученымъ.

Въ школѣ Тихсена Френъ привыкъ къ изслѣдованію монетъ, какъ историческихъ памятниковъ прошедшаго. Какъ ученый, онъ былъ совершенно чуждъ наивной страсти собирателя, но умѣлъ пользоваться монетою, какъ документомъ, который говорилъ ему объ исчезнувшей жизни. Исторія многихъ странъ Востока создалась исключительно по монетамъ и Френъ по монетамъ создалъ исторію Золотой Орды и древняго Булгара на Волгѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Казань, то нашелъ въ ней уже нѣсколько замѣчательныхъ нумизматическихъ кабинетовъ, принадлежавшихъ разнымъ иностранцамъ, жившимъ здѣсь. Въ ту пору такія собранія составлялись легко, край изобиловалъ древностями, монетные клады находились и исчезали, переплавляясь пудами, и Френъ нашелъ множество совершенно неизвѣстныхъ ему монетъ въ собраніяхъ Пото, Лудовика Венга и профессора Фукса, которыя естественно должны были обратить на себя его вниманіе [1]. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, познако-

[1] Иванъ Осиповичъ *Пото*, учредитель перваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ въ Казани, остался въ памяти у старожиловъ Казани

для древней исторіи Руси". И самъ Френъ такъ смотрѣлъ на свои труды этого рода. Онъ требовалъ, чтобъ въ аттестатѣ, выданномъ ему изъ Казанскаго университета, между прочими учеными заслугами его, было упомянуто то обстоятельство, что онъ „нѣкоторыми своими сочиненіями, касающимися вопросовъ русско-азіатской древности, въ особенности объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды".

Френа долго занимала мысль написать сочиненіе о булгарскомъ городѣ и объяснить его по монетамъ, памятникамъ и восточнымъ авторамъ съ того самаго времени, какъ онъ познакомился съ болгарскими развалинами и сталъ встрѣчать въ массѣ разбираемыхъ имъ восточныхъ монетъ такія, на которыхъ стоитъ имя Булгара и Биляра (1). Значительная часть его изслѣдованій въ Казани была посвящена этому вопросу, и потомъ, когда онъ былъ уже академикомъ въ Петербургѣ, Френъ не разъ возвращался къ нему въ статьяхъ своихъ. По монетамъ слѣдилъ онъ за началомъ исламизма на Волгѣ и за вѣроятнымъ началомъ монетнаго дѣла въ Булгарѣ (2). Легенды всѣхъ извѣстныхъ ему болгарскихъ монетъ объяснены были имъ съ замѣчательною обстоятельностью; но онъ не остановился на этомъ, а пошелъ дальше. Онъ объяснялъ важнѣйшія историческія даты этихъ монетъ, имена болгарскихъ хановъ, отношенія ихъ къ халифату, указывалъ на поводъ къ чеканкѣ монеты на Волгѣ и дѣлалъ общіе выводы о степени культуры въ булгарскомъ ханствѣ. Онъ доказывалъ по монетамъ, что здѣсь, на Волгѣ, за долго до татарскаго нашествія, а именно уже въ VIII или по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ былъ распространенъ исламъ, что Булгары были сунниты секты Абу Ханифа, что они были татарско-тюркское племя, познакомившееся съ арабскимъ языкомъ посредствомъ ислама и т. д. Его занимали и надгробныя надписи въ Болга-

(1) Bulgharum urbem... e numis monumentisque et auctoribus illustrare in animo habeo. *Numophyl Potot.* p. 42—43.

(2) De numorum bulgharicorum forte antiquissimo, Liber primus et secundus. Cas. 1816. 4°. Впослѣдствіи въ Петербургѣ Френъ нашелъ еще болѣе древнюю булгарскую монету: Drei Münzen der Wolga-Bulgharen (1832).

рахъ. Услышавъ, что въ Академіи Наукъ находятся копіи съ нихъ, онъ просилъ прислать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Казань. „Изъ этихъ копій булгарскихъ надписей, которыя какъ я лично убѣдился при поѣздкѣ въ Болгары, находятся далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ были за 70 или 60 лѣтъ, когда ихъ копировали, я надѣялся извлечь какой либо положительный результатъ для татарской исторіи, пишетъ онъ, но въ просьбѣ о присылкѣ ихъ было мнѣ отказано (¹). Френъ на столько сдѣлался знатокомъ мѣстныхъ древностей, что къ нему прибѣгали съ просьбами объяснить ихъ. Къ сожалѣнію это случалось рѣдко, такъ какъ на всѣ находки въ историческихъ мѣстностяхъ края тогда, да и долгое время спустя, смотрѣли исключительно только съ точки зрѣнія цѣнности металла (²); сохранялись только не цѣнныя въ этомъ отношеніи вещи. Френъ призывалъ въ своихъ рѣчахъ и юношей-студентовъ и общество къ изученію мѣстныхъ древностей, и доказывалъ ихъ важность и значеніе для русской исторіи, говорилъ какъ много достойнаго вниманія скрывается въ камняхъ, старыхъ монетахъ, говорилъ съ глубокимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, но къ сожалѣнію говорилъ на латинскомъ языкѣ и рѣчь его была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ этой „Musarum ultima Thule“, какъ называлъ онъ Казанскій университетъ, дѣло его не скоро нашло продолжателей.

(¹) Leipzig. Litter. Zeitung. 1815. № 134.

(²) Такъ въ 1815 году духовная академія въ Казани прислала для объясненія въ университетъ нѣсколько мѣдныхъ вещей, найденныхъ въ развалинахъ Бюляра лѣтъ за сорокъ. Съ нѣкоторыхъ, болѣе любопытныхъ, Френъ дѣлалъ свинцовыя копіи для Тихсена, Уварова и барона де Саси. Объясненія вещей Френомъ приведены въ книгѣ г. *Шпилевскаго* «Древніе города и пр. стр. 357—359. Приведемъ сужденіе Френа объ одномъ мѣдномъ блюдѣ изъ болгарскихъ древностей, неизвѣстномъ г. Шпилевскому, фигуры на которомъ Френъ описалъ: «Какъ вы видите, пишетъ онъ въ заключеніе къ Тихсену, вещь эта не восточнаго, а можетъ быть нѣмецкаго происхожденія. Она служила вѣроятно подставкою для чаши, или, принимая во вниманіе металлъ, можетъ быть для умывальника. Ее занесли сюда когда-то или европейскіе путешественники или послы, а можетъ быть это была военная добыча монголо-татарскихъ ордъ». *Leipz. Litter. Zeit.* 1815, №, 134.

Совершенно темная, полная только разнообразныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ исторія булгарскаго царства или ханства, вызывавшаго такъ много нападеній со стороны Русскихъ, начиная съ великаго князя Владиміра, отношенія древняго Булгара къ халифату и къ татарскимъ завоевателямъ отъ Батыя до Тамерлана, связь этого царства съ Казанью, судьба разныхъ болгарскихъ городовъ занимали Френа не только во время службы его въ Казани, но и потомъ. Для рѣшенія этого вопроса у него было довольно источниковъ: кромѣ памятниковъ, надписей, монетъ, онъ владѣлъ полною начитанностью во всѣхъ извѣстныхъ тогда и ему доступныхъ арабскихъ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ; онъ собиралъ и пользовался татарскими лѣтописями, приводя ихъ въ отрывкахъ и разбирая ихъ неоднократно критически ([1]). Изъ его собственныхъ словъ видно, что онъ намѣревался писать о разныхъ вопросахъ этой темной исторіи ([2]) и отъ него конечно, при глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, при его ученой осмотрительности и осторожной критикѣ, можно было ожидать дѣйствительнаго освѣщенія, но переходъ въ Петербургъ долженъ былъ дать другое направленіе его ученой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе отъ Френа, за время его казанской жизни, мы все же имѣемъ полную и точную, хотя и очень краткую исторію древняго Булгара на Волгѣ. Если къ ней и слѣдуетъ прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ, тогда неизвѣстныхъ, то и эти послѣд-

---

([1]) Bülariae urbis origo atque fata, tatarice et latine. Fundgruben d. Orients. 1816. T. V. p. 205. Отрывки изъ другихъ лѣтописей въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Исторіи Абулъ-Гази въ Казани Френъ не имѣлъ, но онъ указалъ на ея важность и значеніе извѣстному любителю и покровителю историческихъ изслѣдованій о Россіи канцлеру графу Румянцеву. Послѣдній былъ въ Казани въ началѣ августа 1819 года и отсюда проѣхалъ для осмотра болгарскихъ развалинъ Онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ ректора Брауна, Цеплина и Френа.

([2]) «Ad hujus nominis origines ipsiusque *fata Bulghariae* ad Volgam quae spectant, *peculiari libello* reservantes..... *De num. Bulgh.* I. p. 26. «De *Brächimow*, quae ad Kamam fluvium sita erat, et de *Bulghar*, quas urbes passim confunderunt auctores, *tractabo* in Symbolis ad Bulghariae historiam»... Ib. II. 6. Вѣроятно много отдѣльныхъ замѣтокъ Френа есть въ его бумагахъ, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ.

ніе были пріобрѣтены для науки имъ же Френомъ [1]. Въ Казани для изученія мѣстной исторіи и древностей онъ сдѣлалъ все что былъ въ состояніи, и примѣръ этого ученаго нѣмца, который съ такою любознательностью относился къ тому, что его окружало, касаясь его спеціальности, весьма поучителенъ. Къ сожалѣнію Френъ не зналъ русскаго языка, а потому сфера дѣятельности его была незначительна.

Мы ограничились изъ ученой дѣятельности Френа только тѣмъ, что было сдѣлано имъ въ Казани для изученія татарскаго періода русской исторіи и мѣстныхъ древностей. Изложеніе прочей научной дѣятельности Френа не входитъ въ нашъ планъ. Замѣчательно то однако, что вниманіе Френа и въ Казани было направлено главнымъ образомъ на арабскихъ

---

(1) Мы говоримъ здѣсь о статьѣ Френа «Geschichte Bulghar's», составляющей вторую половину часто цитируемой статьи профессора Эрдмана «Die Ruinen Bulghars», помѣщенной въ первый разъ въ *Bertuch's*, Neue allgemeine geographische Ephemeriden. 1820. VII B. S. 412—434. Принадлежность этой статьи Френу мы основываемъ на словахъ самаго Эрдмана. Этотъ образованный медикъ говоритъ: «Die historischen Notizen welche ich hier mittheile verdanke ich *fast alle* (за исключеніемъ ссылокъ на русскія лѣтописи, сдѣланныхъ проф. Цеплинымъ) dem Fleisse des Herrn Prof. Fraehn» и указанію академика Дорна, который статью эту включилъ въ сдѣланный имъ списокъ сочиненій Френа. Эта только историческая часть статьи Эрдмана, подъ названіемъ «Исторія Булгаровъ» была переведена Языковымъ въ *Сынѣ От.* 1821 г. № VI, 241—252 и № VII, 289—306. Она, по своимъ многочисленнымъ указаніямъ на восточныхъ писателей, извѣстныхъ только въ подлинныхъ рукописяхъ, могла принадлежать только орьенталисту. Къ сожалѣнію безчисленныя цитаты изъ нея приводятся невѣрно съ именемъ Эрдмана. Статья Френа была написана въ 1817 году. Въ этомъ году, передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ, онъ сдѣлалъ послѣднюю поѣздку къ Болгарскимъ развалинамъ въ обществѣ Эрдмана, учителя живописи при университетѣ Крюкова (отца извѣстнаго московскаго профессора) и студента барона Юлія Врангеля. Кстати замѣтимъ, что общій видъ развалинъ, изображенія четырехъ главныхъ зданій и два плана, награвированные по рисункамъ Крюкова въ Веймарскомъ Географическомъ Институтѣ и приложенные къ статьѣ Эрдмана въ журналѣ Бертуха, даютъ отличное понятіе о состояніи знаменитыхъ развалинъ за 60 лѣтъ тому назадъ. Указаній на эти рисунки мы нигдѣ не встрѣчали.

историковъ, къ разработкѣ которыхъ онъ обратился въ Петербургѣ ([1]). Но любимымъ трудомъ его былъ арабскій словарь. Къ нему онъ обращался ежедневно. Онъ разсчитывалъ кончить трудъ этотъ, какъ мы видѣли въ семь лѣтъ, но объемъ его выросталъ постепенно вмѣстѣ съ трудностями; часто приходилось Френу жаловаться на недостатокъ въ Казани рѣдкихъ и дорогихъ пособій, жалѣть, что живетъ онъ не вблизи Парижской или Лейденской библіотеки и срокъ окончанія уже отодвигается на двадцать лѣтъ, (въ 1815 году). Френъ однако въ такомъ возрастѣ, что эти двадцать лѣтъ впереди представляются ему полными безконечнаго труда.

Первый ректоръ университета Браунъ съ 1814 года завелъ въ Казани обычай печатать на латинскомъ языкѣ при окончаніи года, передъ днемъ торжественнаго собранія, которое обыкновенно происходило 5 іюля, такъ называемые *панегирики*, нѣчто въ родѣ пригласительной программы того, что будетъ происходить на актѣ. Панегирики эти обыкновенно, отъ лица ректора и совѣта, сочинялъ Френъ, считавшійся знатокомъ латинскаго языка. Онъ пользовался всякій разъ этимъ случаемъ для того, чтобъ присоединить къ панегирику какое нибудь спеціальное изслѣдованіе свое. Въ томъ же качествѣ знатока латинскаго языка, Френъ ежегодно переводилъ *обозрѣніе преподаваній* въ университетѣ и долженъ былъ составлять дипломы почетнымъ членамъ. Отъ этихъ дипломовъ требовалось тогда, чтобъ въ нихъ высказано было не только выраженіе уваженія университета къ избираемому имъ члену, но и по возможности точное опредѣленіе его научныхъ заслугъ, или вообще сдѣланнаго имъ на пользу просвѣщенія. Френу же поручено было сочинить дипломъ избранному въ почетные члены Оренбургскому Муфтію и онъ исполнилъ это порученіе съ честію. Дипломъ былъ написанъ на арабскомъ языкѣ риѳмованною прозою (sedshâ), со всѣми условными красотами восточнаго краснорѣчія и съ выписками изъ

([1]) Сюда относится его Prologus: «De auctorum etiam libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, deque criticâ conjecturali, probans dictâ exemplo Historiae Saracenicae Elmacini». Cas. 1815. 4°.

Корана. Онъ былъ значительно длиннѣе обыкновенныхъ латинскихъ дипломовъ. Френъ постарался, чтобъ дипломъ этотъ, подносимый лицу, считающемуся знатокомъ арабскаго языка, сдѣлалъ честь и орьенталисту и университету. До напечатанія онъ давалъ его на разсмотрѣніе двумъ ученымъ казанскимъ мулламъ. Послѣдніе вполнѣ его одобрили и только въ двухъ мѣстахъ одинъ изъ нихъ совѣтовалъ замѣнить форму единственнаго числа формою множественнаго, съ чѣмъ Френъ и согласился. Все это Френъ съ большимъ торжествомъ сообщилъ въ Германію въ письмѣ (¹).

Въ жизни молодаго Казанскаго университета Френъ является вообще лицомъ чрезвычайно дѣятельнымъ. Кромѣ профессорской, онъ несетъ и другія обязаности: въ 1811—1814 году онъ членъ училищнаго комитета; въ 1815-1816 году—деканъ отдѣленія словесныхъ наукъ. Его корреспонденціи о внутренней жизни этого университета и о трудахъ его членовъ, напечатанныя въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ литературныхъ газетахъ того времени, свидѣтельствуютъ о томъ участіи, какое онъ принималъ въ мало знакомой ему на первыхъ порахъ умственной жизни. Если его латинскія рѣчи, произносимыя въ торжественныхъ собраніяхъ университета и по языку, и по исключительному спеціальному содержанію своему, были доступны ничтожному меньшинству, то нѣмецкая церковная община въ Казани могла восторгаться ораторскимъ талантомъ Френа, такъ какъ передъ нею и по просьбѣ ея членовъ, въ лютеранской церкви, онъ говорилъ два раза: по случаю торжества Лейпцигской побѣды и въ празднованіе занятія Парижа. Гулъ міровыхъ событій того времени достигъ и Казани, и въ сердцѣ Френа, котораго несчастія его родины заставили переселиться въ Россію, долженъ былъ съ особою силою и особеннымъ чувствомъ отразиться всеобщій восторгъ, вызван-

(¹) Leipz. Litter. Zeitung. 1817. №№. 24—25. Тамъ же напечатаны, кромѣ нѣмецкаго перевода этого арабскаго диплома и нѣсколько латинскихъ дипломовъ, сочиненныхъ Френомъ. Особенно замѣчателенъ дипломъ Тихсену, выбранному въ почетные члены по предложенію Френа, на что онъ испросилъ заранѣе разрѣшеніе попечителя. Дипломъ этотъ проникнутъ самымъ теплымъ выраженіемъ любви къ уважаемому учителю.

ный всюду паденіемъ Наполеона. Френъ говорилъ о возвращеніи человѣчеству его нарушенныхъ, оскверненныхъ, похищенныхъ правъ, объ освобожденіи міра отъ оковъ и цѣпей, о возстановленіи престоловъ ландесфатеровъ, о паденіи деспота и тирана. Его нѣмецкое сердце съ восторгомъ отзывалось на пробужденіе Германіи, на возрожденіе старыхъ нѣмецкихъ университетовъ и ихъ подавленной свободы. Но, высказывая ненависть къ падшему притѣснителю Германіи, Френъ не распространяетъ ее на Французовъ: они для него великая нація и онъ приводитъ сказанныя въ томъ же смыслѣ слова русскаго Высочайшаго манифеста. За одно съ русскимъ народомъ и образованнымъ обществомъ того времени, Френъ говоритъ и объ императорѣ Александрѣ, какъ о героѣ и человѣкѣ, какъ о другѣ народовъ и защитникѣ ихъ свободы ([1]).

Только одинъ этотъ разъ Френъ уходитъ изъ сферы науки въ область современности; событія времени сильно затронули его нѣмецкое сердце и напомнили о далекой родинѣ, пробужденной теперь для новой политической жизни. И въ университетской жизни онъ, по его собственнымъ словамъ, бѣжалъ отъ всякихъ споровъ, искалъ только мира и согласія, ненавидѣлъ смуты и ссоры, „remotus a celebritate et a strepitu alienus, non amo nisi umbram, non delector nisi secessu“—писалъ онъ. Главною заботою его были книги, но книги по его спеціальности были дороги, особенно вслѣдствіе длиннаго пути до Казани. На это онъ жаловался даже ученымъ друзьямъ своимъ въ Германіи, которымъ онъ высказывалъ свое сожалѣніе, что не въ состояніи уже покупать столько книгъ, сколько могъ бы ихъ покупать въ Германіи, тѣмъ болѣе, что совѣтъ не разъ ему отказывалъ въ пріобрѣтеніи новыхъ книгъ, за недостаткомъ суммъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему выхлопотать разрѣшеніе на покупку за 240 р. асс. новаго

([1]) Первая рѣчь Френа осталась въ рукописи, вторая же напечатана по нѣмецки и по русски (Каз. 1814. 4°. 51 стр.) «въ пользу россійскихъ инвалидовъ въ Казани». Это *первая печатная нѣмецкая книга* въ университетской типографіи. Наборщикъ, незнакомый съ нѣмецкимъ языкомъ, набиралъ латинскими литерами. О томъ какъ праздновалось въ Казани взятіе Парижа см. *Каз. Изв.* 1814 г. №№. 19 и 20.

изданія большаго извѣстнаго словаря Менинскаго. Френа, какъ и другихъ иностранныхъ профессоровъ, сильно озабочивало сверхъ того помѣщеніе. На первыхъ порахъ онъ, подобно прочимъ помѣщался, съ разрѣшенія попечителя, на казенной квартирѣ (квартирныя деньги стали выдавать не вдругъ (1); она дана ему была на время, пока не сыщетъ наемную, но очень скоро онъ долженъ былъ уступить ее для ожидаемаго въ Казань проф. Бартельса, человѣка семейнаго и „въ нѣмецкой землѣ званіе профессора уже имѣвшаго". Френа перевели на другую казенную квартиру, на дворѣ и потѣснѣе, но и эту послѣднюю Яковкинъ попросилъ его въ мартѣ 1808 года очистить къ пріѣзду проф. Фойгта, что весьма ему не понравилось. Пришлось нанимать квартиру, но частныя квартиры въ то время въ Казани соединены были съ большими неудобствами. Едва только Френъ напялъ себѣ помѣщеніе въ домѣ Апѣхтина, какъ квартира была занята военнымъ постоемъ. Пришлось жаловаться и доказывать права и преимущества, дарованныя профессорамъ университета Высочайшею грамотою. „Въ разсужденіи г. Френа полиція безбожно отказываетъ и упорствуетъ, пишетъ Яковкинъ (въ маѣ 1808 года), когда онъ нанялъ весь корпусъ, но въ немъ же самомъ, и еще въ самыхъ лучшихъ четырехъ покояхъ, полиціею поставленъ офицеръ съ шестью солдатами". Дѣло не скоро уладилось. За то владѣлецъ дома черезъ годъ увеличилъ плату за квартиру съ 300 до 400 рублей въ годъ.

---

(1) Жалобы на дороговизну квартиръ часто доходили до Румовскаго. «Я сдѣлалъ представленіе, писалъ онъ Яковкину (12 сент. 1807 г.), чтобы для двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ исходатайствованы были квартирныя деньги, разумѣя тутъ отапливаніе и освѣщеніе, и полагая, что четыре профессора помѣстятся надъ типографіей, но не по причинѣ дороговизны въ Казани, а потому что дерптскіе профессоры пользуются сею милостью. Сколь счастливы бы были петербургскіе жители, ежели бы съѣстные припасы были въ такой цѣнѣ, какъ въ Казани. Куль муки продается здѣсь по 12 р., а пудъ мяса по 4 и по 3½ рубли. Не смотря на то чиновники, получающіе въ годъ по 2000 р. и не меньше 400 р. платящіе за квартиру, не жалуются на постыдное содержаніе. Казанскій житель, недовольный 2000 рублями, въ Петербургѣ недоволенъ будетъ и 4000. Самые академики не имѣютъ больше какъ 2200 р. Кто не ограничиваетъ своихъ желаній, тотъ никогда и ни чѣмъ не будетъ доволенъ».

I. «Никто не имѣетъ права отказываться, говорилъ онъ, засѣдать въ коллегіи, законами установленной съ человѣкомъ, который ни законами, ни опредѣленіемъ суда не лишенъ гражданской чести; въ противномъ случаѣ всякій злонамѣренный человѣкъ можетъ разсѣять коллегію, правительствомъ учрежденную: стоитъ только ему заявить, что не желаетъ засѣдать съ тѣми, которые ему не нравятся. Бракомъ своимъ проф. Френъ не сдѣлалъ ничего такого, что было бы запрещено законами, тѣмъ менѣе такого, за что бы онъ могъ быть лишенъ гражданской чести. Нѣтъ закона, который воспрещалъ бы бракъ съ дѣвушкой обманутой и обольщенной; несчастны такія женщины: онѣ достойны жалости, а не преслѣдованія и на такой-то женился г. Френъ. Ergo: онъ поступилъ не противъ закона; на него нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, лишеннаго чести гражданской; не могъ г. Финке ссылаться на законъ, отказываясь нести вмѣстѣ съ г. Френомъ служебныя обязанности.—II. Но можетъ быть есть такіе, которые желали бы заклеймить женщину, названную женою г. Френомъ, именемъ блудницы? Такое обвиненіе безчестно, хотя оно легко дѣлается, но съ трудомъ подтверждается сильными доводами. Вмѣсто несправедливаго оскорбленія чести другаго лица, пусть лучше хлопочутъ они о своей незавидной репутаціи (gloriola). Но предположимъ случай, не дѣйствительный, но худшій (онъ никого не касается), что кто либо изъ насъ женился на дѣйствительной проституткѣ, то и это никого изъ насъ не уполномочиваетъ въ отказѣ засѣдать съ нимъ въ коллегіи, прежде чѣмъ законы и судебный приговоръ признаютъ его недостойнымъ быть въ нашемъ обществѣ. Я отрицаю, чтобъ могъ и послѣдовать такой приговоръ. Нѣтъ закона, который запрещалъ бы бракъ даже съ проституткой и сама русская исторія представляетъ не одинъ примѣръ браковъ людей высокопоставленныхъ съ женщинами, не отличавшимися ни благородствомъ происхожденія, ни незапятнанною славою. Почему, допустивъ даже ложное и самое худшее предположеніе, г. Финке не имѣлъ права отказываться отъ совмѣстной службы съ г. Френомъ —III. Но профессоръ Френъ, говорятъ, своимъ бракомъ нанесъ безславіе университету. Считаю долгомъ объявить: *честь университета зависитъ вовсе не отъ тѣхъ или другихъ профессорскихъ браковъ, а отъ познаній, нравовъ и честности самихъ его членовъ.* Никто полагаю не станетъ отрицать ни достоинствъ, ни извѣстности г. Френа въ наукѣ; но и нравственности и честности его этотъ бракъ служитъ доказательствомъ: два способа дѣйствія были предоставлены его волѣ—или скрыть фактъ или жениться. Онъ могъ конечно послѣдовать жалкому, обыкновенному и довольно употребительному примѣру людей развращенныхъ, достойныхъ осужденія не только за ничтожность характера, но и за безчеловѣчіе и за нравственную испорченность, т. е. сдѣлать ребенка подкидышемъ, отдать его тайно въ воспитательный домъ (corotrophium), лишить его правъ законнаго происхожденія и предать его всѣмъ житейскимъ страданіямъ людей такого происхожденія. Кто же рѣшится одобрить такой родъ дѣйствія и назоветъ его болѣе почтеннымъ того, какой избралъ г. Френъ? Онъ посту-

вилъ благородно, справедливо, гуманно; честность его одержала побѣду надъ ложнымъ стыдомъ; презрѣвъ ничтожныя сплетни, онъ исполнилъ нравственный долгъ свой, какъ добрый отецъ, объявивъ женою своею ту, съ которою онъ жилъ, какъ мужъ. Вотъ почему я радуюсь и сердечно поздравляю г. Френа, что онъ рѣшился на бракъ. Конечно я желалъ бы, чтобы невѣста его была и цѣломудренна (illibata virgo), и благороднаго происхожденія, и богата, но *такъ какъ я не имѣю права давать направленіе его сердечнымъ склонностямъ*, то долженъ довольствоваться тѣмъ, что онъ своимъ честнымъ поступкомъ загладилъ чужую легкомысленность, женившись на дѣвушкѣ, происходящей отъ честныхъ родителей и, хотя не совсѣмъ съ чистымъ именемъ, но доброй душею, скромныхъ нравовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ ему одному преданной, опытной въ домашнемъ хозяйствѣ, такой, какую онъ считалъ достойною, чтобъ быть матерью его будущихъ дѣтей. Я полагаю, что слѣдуетъ презрѣть сплетни, когда у насъ столько сильныхъ доказательствъ противнаго. Не отрицаю впрочемъ желанія, чтобъ сердечныя отношенія многихъ нашихъ товарищей были лучше направлены, но полагаю мы обязаны дружески простить нашему товарищу за похвальное его рѣшеніе прикрыть свою связь покровомъ христіанской любви. Относительно же г. Финке я полагаю, что онъ своимъ дикимъ и позорнымъ отказомъ засѣдать вмѣстѣ съ Френомъ, недостойно и грубо оскорбилъ душу почтеннаго человѣка и дѣйствовалъ не гуманно, а жестоко».

Высказавъ всѣ эти доводы (rationes opinionis), Броннеръ перешелъ къ слѣдующему заключенію (conclusio):

«Такъ какъ во первыхъ г. Финке совершенно безъ всякаго права отказался засѣдать съ г. Френомъ и такъ какъ, во вторыхъ, порицая, въ противность христіанской любви, нравственную и похвальную цѣль г. Френа, нагло оскорбилъ его, я полагаю: 1) слѣдуетъ объявить, что г. Финке не имѣлъ никакого права отказываться засѣдать вмѣстѣ съ г. Френомъ и что отказъ этотъ недѣйствителенъ; 2) слѣдуетъ убѣдить г. Финке доказать приличнымъ образомъ передъ г. Френомъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ; 3) если г. Финке будетъ настаивать на своемъ отказѣ, то считать его самого отказавшимся отъ участія въ нашихъ засѣданіяхъ. Таково мое мнѣніе, по крайнему моему разумѣнію».

Это мнѣніе подписали восемь профессоровъ нѣмцевъ, даже Бартельсъ, въ засѣданіи совѣта при обсужденіи дѣла не бывшій, но подъ мнѣніемъ не встрѣчаемъ ни одной русской подписи, не смотря на то, что дѣло касалось вопросовъ общей нравственности: такъ глубока была разница въ нравственныхъ понятіяхъ и въ развитіи университетскихъ преподавателей, принадлежавшихъ къ двумъ

разнымъ національностямъ и можетъ быть уже созрѣвшій антагонизмъ этихъ національностей. Резолюція совѣта опредѣляла „считать прошеніе Финке объ увольненіи его изъ засѣданій училищнаго комитета, гдѣ присутствуетъ Френъ, не имѣющимъ никакого законнаго основанія", но адъюнктъ и секретарь совѣта Кондыревъ представилъ противное мнѣніе и протестъ. Этотъ любимый ученикъ не бывшаго въ засѣданіи Яковкина, человѣкъ самый близкій къ нему, повидимому стоялъ на легальной почвѣ, ссылался подобно учителю на законы, на непреложную волю начальства, но не высказывалъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, не выражалъ никакого участія къ жизни ученаго профессора и къ самому университету. Вотъ это мнѣніе:

«Его Превосходительство господинъ попечитель и кавалеръ начальственнымъ своимъ предписаніемъ *желаетъ узнать истинную справедливость о представляемомъ г. профессоромъ Финке и должное по тому разсмотрѣніе*, — почему и приказалъ совѣту изслѣдовать: 1) Отзывъ г. профессора Финке къ г. директору и кавалеру Яковкину, чтобы на мѣсяцъ декабрь сотоварищемъ его былъ назначенъ иной, а не профессоръ Френъ и 2) причины отъ него сему полагаемыя.—Когда въ совѣтѣ прочитано было объ ономъ дѣлѣ представленіе училищнаго комитета, то г. профессоръ Броннеръ, не наблюдая положенной университетскимъ уставомъ § 55, отд. 2, очереди, началъ первый читать прежде уже изготовленный имъ свой голосъ; за тѣмъ господинъ предсѣдательствующій (Эрдманъ) собиралъ мнѣнія и голоса по очереди: имѣлъ ли г. профессоръ Финке законную причину желать заниматься дѣлами въ училищномъ комитетѣ не вмѣстѣ съ г. Френомъ? Утвержденіе было такое, что не имѣлъ. Когда же я спрошенъ былъ послѣ всѣхъ, то отвѣчалъ, что *ничего не знаю и знать не могу, ибо сперва надлежало бы узнать самыя причины* отъ господина Финке и тогда судить о семъ. Сверхъ того *дѣло воспріяло ходъ незаконнымъ порядкомъ, не соотвѣтственно предписанію начальства и кажется не безпристрастно.* 1) Незаконно потому, что члены совѣта изъ одного прочтеннаго представленія комитета ничего знать не могутъ и слѣдовательно разсуждать и заключать. Надлежало бы сперва прочесть всѣ бумаги (?), касающіяся сего дѣла, потомъ положить какъ приступить законно къ разсмотрѣнію сего дѣла; отъ г. профессора Финке потребовать объясненія подробнѣйшаго, по какимъ причинамъ думаетъ онъ быть уволеннымъ отъ засѣданія съ г. проф. Френомъ: законнымъ ли или по одному снисхожденію къ чувствованіямъ (какъ благороднаго человѣка), желаетъ ли онъ сего только, или требуетъ? *Отъ г. Френа также слѣдовало бы потребовать обстоятельнаго историческаго свѣдѣнія въ разсужденіи жены его.* Такимъ образомъ сообщенное однимъ должно предоставить другому, дабы они другъ друга представленія, въ присутствіи

совѣта, могли опровергать, подтверждать и защищать. Послѣ того совѣтъ изъ ими сказаннаго и *закономъ опредѣленныхъ справокъ* могъ бы сдѣлать заключеніе. Г. профессоръ Финке поставляетъ въ причину удаленія себя отъ сообщества съ г. проф. Френомъ то, что нанесенное отъ сего г. профессора университету безславіе нарушаетъ его душевное спокойствіе и слѣдовательно потому не можетъ онъ рѣшать съ нимъ основательно дѣлъ. Достовѣрно мнѣ неизвѣстны причины сего безславія, но я полагаю, что можетъ быть есть законы, даже естественные, кои по нѣкоторымъ причинамъ могутъ сіе позволять и кои уважаютъ человѣческія чувствованія. Кромѣ того г. проф. Финке желаетъ только перемѣны своего времени въ засѣданіи комитета. И такъ обвиненіе г. проф. Финке отъ совѣта по моему мнѣнію кажется сдѣлано безъ законнаго изслѣдованія, безъ разсмотрѣнія причинъ и слѣдовательно противозаконно.

II. «Рѣшеніе совѣта не можетъ быть соотвѣтственно и предписанію Его Превосходительства г. попечителя и кавалера, въ коемъ именно упомянуто, чтобы войти въ причины. Послѣдняго не учинено. Г. профессоръ Финке подъ именемъ безславія *можетъ разумѣть и какое либо преступленіе*, каковое же оно изъ письма г. профессора Финке—неизвѣстно. Г. профессоръ Броннеръ поданнымъ голосомъ обнаруживаетъ только нѣкоторыя черты прелюбодѣйства. Самъ г. профессоръ Броннеръ, толико усердно поступокъ г. проф. Френа защищающій, кажется признается, что онъ желалъ бы видѣть бракъ г. о. проф. Френа иной. Мнѣ изъ сего ничего неизвѣстно, *я не дерзаю ничего говорить худаго* ни объ одномъ изъ гг. профессоровъ Финке и Френѣ, желалъ бы видѣть ихъ въ мирѣ и согласіи и не разсуждать о дѣлахъ такого рода; но *воля высшаго начальства налагаетъ на меня священныя обязанности исполнять ею предписанія*, согласно съ законами, честью и совѣстью».

Если можетъ быть въ этомъ мнѣніи Кондырева и есть доля насмѣшки, безопасность которой увеличивалась для него тѣмъ обстоятельствомъ, что иностранные члены совѣта не понимали всей отнюдь не аттической соли ея, то съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ также и желанія скандала, желанія, происходящаго отъ ничтожности интересовъ, наполняющихъ жизнь. Съ личностью Кондырева въ разныхъ отношеніяхъ, намъ можетъ быть удастся познакомить читателя этого разсказа; онъ былъ созданіемъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета и весьма дѣятельнымъ въ той сферѣ, какую указывалъ примѣръ Яковкина; это былъ любимый ученикъ послѣдняго, раздѣлявшій взгляды его и убѣжденія. Какъ бы то ни было, бракъ Френа сильно занималъ современное общество профессоровъ въ Казани, да безъ сомнѣнія и городское, которое конечно не знало

Френа орьенталиста, нумизмата, изслѣдователя первыхъ темныхъ періодовъ русской исторіи. Едва ли и самъ Яковкинъ зналъ это. Онъ спѣшилъ передавать въ Петербургъ собранныя имъ скандальныя извѣстія ([1]).

Только этотъ эпизодъ нарушилъ спокойную, исключительно посвященную наукѣ казанскую жизнь Френа. Восточный городъ давалъ ему для изученія Востока вообще такъ много, что его не манило даже желаніе воротиться на родину въ званіи профессора. Въ 1810 году онъ былъ приглашаемъ въ Ростокскій университетъ на открывшуюся тамъ богословскую каѳедру, но рѣшительно отказался, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что онъ отсталъ отъ богословія. Та библейская экзегеза, которая занимала его въ Германіи, должна была уступить изученію Востока—съ совершенно иною цѣлью—изученія древняго періода русской исторіи. Но въ 1815 году умеръ учитель его Тихсенъ. Френа пригласили занять его каѳедру. Это приглашеніе такъ льстило научному самолюбію казанскаго профессора, что онъ нисколько не колебался принять его. Безъ сомнѣнія необходимость дослужить десятилѣтіе удержала Френа въ Казани еще на нѣкоторое время, но оффиціально онъ не объявлялъ о своемъ переходѣ въ Ростокъ. Только въ маѣ 1817 года онъ взялъ отпускъ для поѣздки въ Москву и Петербургъ. Уѣзжая онъ получилъ, согласно прошенію, отъ совѣта университета аттестатъ или свидѣтельство о всемъ ходѣ его университетской службы, объ исполненіи порученій, даваемыхъ ему совѣтомъ, о сочиненіяхъ имъ

([1]) «Необычайныя дѣла влекутъ за собою необычайныя и послѣдствія. На другой день послѣ свадьбы Френовой по утру найдена у самыхъ воротъ его дому большая куча нечистотъ, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ проф. Герману. За сіе произошла бумажная язвительная и яростная перестрѣлка, которая говорятъ окончится только судебнымъ разбирательствомъ университетскимъ; но время все лучше окажетъ» (5 дек. 1811 г.). Замѣтимъ, что Германъ не подписалъ мнѣніе Броннера Страсть къ скандальнымъ разсказамъ жила въ Казани долго. Магницкій собиралъ сплетни объ университетѣ и въ Симбирскѣ, во время своего губернаторства, и на ревизіи. По нимъ онъ написалъ и отчетъ свой. Это видно изъ того между прочимъ, что исторію съ Френомъ онъ отнесъ по разсказамъ къ 1813 году. См. *Ѳеоктистова*, Магницкій, стр. 89—90.

напечатанныхъ и проч. Въ Петербургѣ Академія Наукъ, воспользовавшись его пребываніемъ тамъ, поручила Френу разборъ своего минцъ-кабинета; эта работа требовала нѣсколькихъ лѣтъ и Френъ подалъ прошеніе объ увольненіи его вовсе изъ Казанскаго университета, что и послѣдовало распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія 3 августа 1817 года. Въ сентябрѣ совѣтъ заслушалъ прощальное латинское письмо Френа, обращенное къ ректору, профессорамъ и адъюнктамъ.

Ученость Френа и латинскіе труды его въ Казани, о которыхъ мы говорили, не могли однако оставить глубокихъ слѣдовъ въ умственной жизни университета; единственный ученикъ его Ярцовъ, на котораго можно было бы разсчитывать, какъ на преемника Френу по каѳедрѣ, уѣхалъ въ Петербургъ въ одно время съ нимъ. Слишкомъ большія требованія отъ одного только профессора восточныхъ языковъ,—приготовленіе переводчиковъ, когда самъ профессоръ не зналъ русскаго языка, неимѣніе никакой связи преподаваемой имъ спеціальности, т. е. арабскаго языка, съ другими предметами тогдашняго курса, неприложимость этого знанія въ дальнѣйшей карьерѣ студента—вотъ тѣ причины, которыя обусловливали неуспѣхъ преподаванія Френа. Только въ старой, вѣковой умственной и научной жизни могли бы найтись для Френа дилеттанты слушатели, которые стали бы интересоваться и арабскимъ языкомъ и археологіею Востока, и восточною нумизматикою. Студенты молодыхъ русскихъ университетовъ, въ едва пробужденной умственной жизни, могли съ любовью заниматься только такими предметами, къ которымъ они были болѣе или менѣе приготовлены, которые находили примѣненіе и въ жизни ихъ окружающей, и въ той служебной карьерѣ, которую они выбирали по окончаніи курса. Наука, ея содержаніе и направленіе вездѣ находятся въ непосредственномъ отношеніи къ историческому ходу общей культуры страны. Этимъ объясняемъ мы фактъ успѣха математическаго преподаванія съ первыхъ годовъ Казанскаго университета и то обстоятельство, что съ перваго профессора до нашего времени мы видимъ въ преподаваніи этой науки преданіе безъ перерыва. Здѣсь, при передачѣ научнаго со-

держанія студентамъ, иностранцу профессору даже не мѣшало незнаніе имъ языка русскаго: языкъ математики былъ понятенъ для всѣхъ. Реформа Петра В., нужды жизни, историческія условія—создали и укрѣпили это направленіе у насъ. Ни отвлеченная философская мысль, толчокъ которой данъ былъ свободнымъ движеніемъ Лютеровой реформы, ни изученіе классическаго міра, тѣсно связаннаго со всею умственною жизнью Европы съ эпохи Возрожденія, какъ извѣстно, не привились къ нашимъ университетамъ и пусть преподаютъ съ этихъ каѳедръ, еслибъ это было возможно, такъ какъ и самые люди создаются страною и отъ ея внутренняго развитія зависитъ интензивность самаго талата, величайшія свѣтила въ этихъ наукахъ—успѣхъ ихъ преподаванія, въ научномъ смыслѣ, а не для приготовленія профессіональныхъ преподавателей, будетъ сравнительно весьма не великъ. И то и другое направленіе науки въ Европѣ вызваны были исторіей; другая исторія создала другія требованія. Впрочемъ въ лицѣ перваго профессора чистой математики *Бартельса* Казанскій университетъ получилъ весьма достойнаго ученаго и человѣка ([1]).

Іоганнъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ пріѣхалъ въ Казань въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ; имя его уже пользовалось нѣкоторою извѣстностью въ Германіи и тѣ же политическія обстоятельства родины заставили Бартельса, какъ и другихъ, переселиться въ Россію. Онъ родился 12 августа 1769 года въ Брауншвейгѣ. Предназначаемый родителями къ изученію ремесла, Бартельсъ получилъ первыя основанія грамотности въ школѣ-пріюта для сиротъ (Waisenhausschule). Это было нѣчто въ родѣ реальной школы, по словамъ самаго Бартельса. Потомъ онъ ходилъ въ одно изъ городскихъ училищъ, гдѣ все ученіе заключалось въ чистописаніи, при чемъ обращалось вниманіе на грамматику, въ ариѳметикѣ и Законѣ Божіемъ. Позднѣе въ этомъ же училищѣ получилъ первоначальныя свѣдѣнія и землякъ Бартельса знаменитый геометръ Гауссъ (род. 1777). Бартельсу не было и четырнадцати лѣтъ, когда онъ получилъ мѣ-

---

([1]) Для изложенія жизни Бартельса мы пользовались его автобіографіею, заключающеюся въ предисловіи къ сочиненію «Vorlesungen über mathemathische Analysis». Erster Band. Dorpat. 1833. 4°, S. I—IX, пополняя ее архивными бумагами и другими источниками.

сто помощника учителя въ этой же школѣ. Надобно было работать изъ за куска хлѣба. Посвящая ежедневно семь часовъ на занятія въ училищѣ, Бартельсъ еще былъ переписчикомъ и сверхъ того составлялъ и сводилъ счеты церковные и опекунскіе за нѣкоторую плату, такъ что у него едва ли въ сутки оставалось болѣе одного часа, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для собственныхъ занятій. Желанія Бартельса шли не далѣе приготовленія себя къ занятію мѣста городскаго счетчика, но онъ однако сознаѣлъ скоро, что масса непроизводительной работы, къ которой онъ не чувствовалъ вовсе склонности, была вредна для него и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи. Онъ рѣшился въ 1788 году искать высшаго образованія, хотя и сознавалъ совершенный недостатокъ приготовительныхъ свѣдѣній. Къ счастью для него, въ высшее учебное заведеніе Брауншвейга collegium Carolinum можно было поступить безъ экзамена: для этого слѣдовало только представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и внести плату за ученіе. Упорное прилежаніе Бартельса побѣдило трудности и онъ могъ съ пользою слушать лекціи по латинскому и греческому языку; послѣдній впрочемъ онъ оставилъ потомъ за недостаткомъ времени. Сверхъ древнихъ языковъ, Бартельсъ ходилъ на лекціи и по разнымъ наукамъ и въ особенности успѣлъ въ изученіи новыхъ языковъ: французскаго, англійскаго и даже итальянскаго, такъ что безъ большаго труда могъ читать прозаиковъ на этихъ языкахъ, а печатные переводы съ нихъ доставляли Бартельсу даже деньги. Бартельсъ переводилъ съ англійскаго сочиненія и статьи естественноисторическаго и географическаго содержанія. Преподаваніе математики въ брауншвейгскомъ коллегіумѣ ограничивалось алгеброй, геометріей и тригонометріей. Умѣньемъ рѣшать алгебраическія и геометрическія задачи Бартельсъ обратилъ на себя вниманіе учителя Циммермана. Онъ полюбилъ ученика и Бартельсъ говоритъ, что никогда не забудетъ благодѣтельнаго вліянія этого наставника на все его образованіе и даже на житейскія отношенія. Большое значеніе для духовнаго развитія Бартельса имѣлъ также небольшой кружокъ учащихся, къ которому онъ принадлежалъ. Обсужденіе вопросовъ науки и литературы было содержаніемъ собраній этого кружка. Всѣ члены его, по

свидѣтельству Бартельса, сдѣлались или извѣстными въ наукѣ и литературѣ или полезными обществу людьми.

Университетское образованіе свое Бартельсъ началъ въ существовавшемъ тогда небольшомъ брауншвейгскомъ университетѣ въ Гельмштедтѣ (университетъ этотъ, основанный въ 1575 году герцогомъ Юліемъ брауншвейгскимъ, былъ упраздненъ въ 1809 году королемъ вестфальскимъ). Бартельсъ предназначалъ себя къ судебной службѣ и выслушалъ здѣсь полный курсъ юридическихъ наукъ. Это не помѣшало однако его занятіямъ математикою, отъ которой онъ не отставалъ: у извѣстнаго тогда аналитика профессора Пфаффа въ Гельмштедтѣ, съ которымъ онъ соединенъ былъ и дружескими отношеніями, Бартельсъ слушалъ privatissimum объ интегральномъ счисленіи. По совѣту Пфаффа, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, Бартельсъ перешолъ въ Геттингенъ, чтобъ вполнѣ посвятить себя математическимъ наукамъ. „Здѣсь не проходили сколько нибудь полнаго курса высшей математики, говоритъ онъ; тоже можно сказать и почти о всѣхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ, почему всѣ нѣмецкіе математики этого времени были болѣе или менѣе самоучками. И студентовъ математиковъ въ Геттингенѣ было чрезвычайно мало: изъ общаго числа ихъ тогда, доходившаго до тысячи, математику изучали не болѣе шести человѣкъ". Бартельсъ надѣялся получить въ Геттингенѣ степень доктора и сдѣлаться тамъ доцентомъ. Частные уроки математики давали ему достаточныя средства для жизни; онъ разсчитывалъ на поддержку профессоровъ математики, но сомнѣніе въ неподготовленности заставило его на время отложить намѣреніе и принять учительское мѣсто въ семинаріи Рейхенау въ швейцарскомъ кантонѣ Граубюнденъ. Воспитательное учрежденіе въ Рейхенау, основанное владѣльцами замка этого имени, у верховьевъ Рейна, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка пользовалось большою извѣстностью; здѣсь въ 1793—1794 годахъ преподавалъ математику бѣжавшій отъ революціи герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи Людовикъ Филиппъ, король Французовъ и Бартельсъ продолжалъ курсъ для многихъ учениковъ, начавшихъ ученіе у герцога. Заведеніе это сдѣлалось потомъ собственностью извѣстнаго нѣмецкаго писателя Цшокке, но скоро перестало существовать

вслѣдствіе военныхъ событій. Во время своего учительства здѣсь, Бартельсъ перевелъ съ французскаго извѣстное сочиненіе Байльи: „Исторія новой астрономіи“ (¹).

Посѣтивъ на короткое время родину, Бартельсъ возвратился въ 1800 году въ Швейцарію и сдѣлался снова учителемъ. По его словамъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи и устройствѣ центральнаго училища кантона, основаннаго гражданами Аарау. Это была реальная школа, вполнѣ соотвѣтствовавшая швейцарскимъ потребностямъ, что доказывалось быстрымъ увеличеніемъ въ ней числа учениковъ. Но измѣненія въ устройствѣ этого училища, задуманныя по словамъ Бартельса вовсе не къ лучшему и несогласныя съ его взглядами, ему не нравились.

Въ это именно время, въ 1805 году, Бартельсъ получилъ отъ Румовскаго приглашеніе на каѳедру въ Казань. Положеніе математическаго преподаванія въ Казанской гимназіи при учителѣ Карташевскомъ, который, какъ мы видѣли, получилъ только званіе адъюнкта, было вообще удовлетворительно. Это свидѣтельствовалъ самъ Яковкинъ, не любившій Карташевскаго: „Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ гимназіи и университета, писалъ онъ (25 апр. 1805 г.) нуженъ кажется къ іюлю мѣсяцу еще одинъ математикъ, знающій и по латыни хорошо: старшіе и лучшіе студенты, числомъ болѣе десяти, прослушавшіе еще прежде у г. Карташевскаго курсъ математическій, съ особенною пользою могутъ заняты быть пространнѣйшимъ курсомъ высшихъ частей математики и *скорѣе прочихъ приготовлены быть къ учительской должности*“. Правда, въ желаніи получить скорѣе профессора математики была у Яковкина и другая цѣль: *„противоставить имъ преграду молодому высокоумію“* (это намекъ на Карташевскаго), но тоже самое имѣлъ въ виду и Румовскій: „Ежелибъ Богъ помогъ мнѣ доставить ихъ въ Казань (Бартельса и другаго профессора), писалъ онъ (24 апрѣля 1805 года), то думаю, что молодые адъюнкты, почувствовавъ свои недостатки, принуждены будутъ отложить высокомѣрныя о себѣ мысли. Въ противномъ случаѣ сами на себя навлекутъ ка-

---

(¹) Geschichte der neuern Astronomie. Uebers. mit Anmerkk. 2 Thle. Leipz. 1796—1797. 8°.

вія нибудь непріятности". Бартельса письмомъ рекомендовалъ Румовскому тогдашній непремѣнный секретарь нашей Академіи Наукъ Николай Фуссъ; къ нему за помощью вѣроятно и обратился Румовскій. Фуссъ препроводилъ при письмѣ мемуаръ Бартельса по математическому анализу, сочиненіе тогда печатавшееся Бартельсомъ, называлъ его учителемъ Гаусса и хвалилъ по слухамъ его нравственный характеръ. Безъ сомнѣнія Бартельсъ, въ перепискѣ своей съ Фуссомъ, недовольный своимъ положеніемъ въ Аарау, искалъ мѣста съ ученой дѣятельностью въ Россіи. Математическое сочиненіе Бартельса нашло въ Румовскомъ компетентнаго судью и очень ему понравилось; немедленно вступилъ онъ въ переписку съ Бартельсомъ и предложилъ ему мѣсто ординарнаго профессора въ Казанскомъ университетѣ и 1000 рублей на путевыя издержки отъ Аарау. Бартельсъ также скоро изъявилъ согласіе въ маѣ 1805 года. „Въ первыя минуты, писалъ онъ, меня испугало нѣсколько громадное разстояніе Казани отъ моего отечества, въ особенности потому, что я женатъ и у меня и у жены еще живы родители, но убѣжденіе, что я буду находиться въ кругѣ дѣятельности, соотвѣтствующемъ моимъ желаніямъ и возможность доставить семьѣ обезпеченную и довольную жизнь, скоро разогнали всѣ мои сомнѣнія". Бартельсъ просилъ только не торопить его поѣздкою, чтобъ имѣть возможность привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла, напечатать свое сочиненіе и пожить нѣсколько времени въ Брауншвейгѣ. Бартельсъ справлялся и о состояніи математическаго отдѣла въ библіотекѣ университета. Румовскій представилъ Бартельса къ утвержденію въ іюнѣ того же года. „Разсматривая его сочиненія, писалъ онъ между прочимъ въ своемъ представленіи Главному Правленію училищъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ я, что г. Бартельсъ толь глубокія и превосходныя имѣетъ въ высшей математикѣ свѣдѣнія, что безъ всякаго прекословія можетъ онъ занять мѣсто въ числѣ искуснѣйшихъ математиковъ въ Нѣмецкой землѣ". Онъ считалъ весьма важнымъ „пріобрѣтеніе толь искуснаго математика, которому вся Германія имѣетъ мало подобныхъ" и выхлопоталъ ему не только тысячу рублей на проѣздъ, но и безпошлинный пропускъ пожитковъ на границѣ, на сумму въ 3000 рублей. Посылая вексель Бартельсу и увѣдомляя объ его утвер-

жденіи, Румовскій просилъ его указать только тѣ пограничные города или гавани, чрезъ которые онъ поѣдетъ, дабы заранѣе можно было сдѣлать распоряженіе по таможнѣ. Но изъ Брауншвейга, въ августѣ того же 1805 года, Бартельсъ, ссылаясь на свои домашнія обстоятельства, писалъ къ Румовскому, что онъ принужденъ отказаться отъ каѳедры въ Казани. „Я принялъ чрезвычайно лестное и выгодное предложеніе ваше, писалъ онъ, не смотря на нежеланіе семьи и въ особенности жены моей ѣхать въ такую даль, въ той надеждѣ, что для нея мысль о разлукѣ съ родными и отечествомъ перестанетъ казаться страшною, но къ сожалѣнію ошибся въ моемъ ожиданіи. Слабость здоровья еще усилила ея тоску и боязнь продолжительной поѣздки. Никакими разумными доводами я не въ состояніи убѣдить ее, тѣмъ болѣе, что теперь и на родинѣ я имѣю возможность получить занятіе меня удовлетворяющее. Вы конечно отецъ семейства или были имъ, а потому можете нѣкоторымъ образомъ извинить мой образъ дѣйствій, который я самъ вовсе не оправдываю“.

Эта будущая дѣятельность въ Брауншвейгѣ конечно могла вполнѣ удовлетворить Бартельса. Предложеніе ему сдѣлано было герцогомъ Карломъ Вильгельмомъ Фердинандомъ. Этотъ герцогъ, извѣстный военными подвигами въ семилѣтнюю войну и неудачами въ походѣ коалиціи противъ революціонной Франціи, вызвавшій озлобленное чувство Французовъ своимъ манифестомъ къ нимъ, по возвращеніи изъ этого похода, въ своемъ маленькомъ герцогствѣ Брауншвейгскомъ былъ умнымъ правителемъ, отличался бережливостью и все свое вниманіе обращалъ на развитіе внутреннихъ силъ и естественныхъ богатствъ страны. Одновременно съ Бартельсомъ приглашенъ былъ въ Брауншвейгъ и Гауссъ, геніальный математикъ, лично съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстный герцогу, который помогъ ему получить математическое образованіе въ Геттингенѣ. Гауссъ уже пользовался славою въ ученомъ мірѣ за свои Disquisitiones arithmeticae (1795) и за вычисленіе элементовъ телескопическихъ планетъ Цереры и Паллады, открытыхъ въ 1801 и 1802 годахъ, когда покровитель его герцогъ пригласилъ его въ Брауншвейгъ для устройства обсерваторіи, въ званіи ея директора. Астрономія съ конца прошлаго вѣка въ Германіи, при нѣкоторыхъ дворахъ, была настоя-

щею science royale, ею занимались не только люди науки, но она стала въ высшей степени привлекательною для развитыхъ и образованныхъ умовъ вѣка. Всѣ умѣли обращаться съ телескопомъ и астрономическими инструментами для измѣренія небесныхъ пространствъ и разстояній. Великіе теоретическіе труды Ньютона и его послѣдователей, французскихъ математиковъ, гдѣ теорія до малѣйшихъ подробностей согласовалась съ практическимъ измѣреніемъ, подымали духъ и наполняли его благоговѣйнымъ удивленіемъ къ могуществу ума человѣческаго. Идеальный, нѣсколько мистическій характеръ носило преподаваніе и перваго профессора астрономіи въ Казанскомъ университетѣ Литтрова, какъ мы увидимъ впослѣдствіи и какъ мы сами слышали о томъ отъ ученика его профессора Симонова. Въ высшемъ обществѣ Европы считалось возвышеннымъ наслажденіемъ самому дѣлать астрономическія вычисленія, приходить въ восторгъ, когда теорія оказывалась вполнѣ согласною съ практикою, понимать движеніе въ небесныхъ пространствахъ и т. п. Астрономы, подобно прежнимъ составителямъ гороскоповъ, нерѣдко являлись интимными друзьями владѣтельныхъ лицъ. Таковы были отношенія Цаха къ герцогу Эрнсту Саксенъ-Готскому и потомъ къ женѣ его, у которой онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ. Для него была выстроена обсерваторія въ Зеебергѣ близь Готы и другая при собственномъ дворцѣ герцогини въ окрестностяхъ Іены (¹). Таковы же были и отношенія Гаусса къ герцогу Брауншвейгскому. Для Гаусса онъ и намѣревался строить обсерваторію. Деньги, матеріалы для постройки и превосходные инструменты были уже готовы для нея. Предполагалось соединить съ нею высшее математическое учебное заведеніе, которое дополняло бы курсъ collegium Carolinum въ Брауншвейгѣ. Главная дѣятельность при устройствѣ этого послѣдняго учрежденія должна была принадлежать Бартельсу; постройки опредѣлено было начать въ

(¹) Чрезвычайно поэтическое изображеніе отношеній астронома Цаха къ герцогинѣ сдѣлано Гёте въ X гл. 1-й кн. *Wilhelm Meister's* Wanderjahre (русск. перев. въ изданіи Гербеля 1879 года, т. VI, стр. 129 сл.). См. *Forster*, «Zur Geschichte einer astronom. Episode in Wilh. Meisters Wanderjahren» въ *Westermann's*, Deutsche Monatshefte, 1879. Iuni. S. 330—336.

1806 году. Будущая дѣятельность Бартельса представлялась ему отрадною; по его словамъ теперь осуществлялись молодыя мечты его—служить наукѣ и образованію юношества въ томъ самомъ учрежденіи, которому онъ былъ обязанъ и своими познаніями и счастливѣйшими днями жизни, и притомъ въ обществѣ людей, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ чувствомъ уваженія благодарнаго ученика. Въ ожиданіи этой дѣятельности, Бартельсъ жилъ безъ занятій въ Брауншвейгѣ, получая ежегодно отъ герцога 800 талеровъ, при другихъ доходахъ.

Мечтамъ и ожиданіямъ Бартельса не суждено было осуществиться, какъ и намѣреніямъ герцога. Война 1806 года положила имъ конецъ. Командуя прусскими войсками, этотъ герцогъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи подъ Ауерштедтомъ, гдѣ рѣшилась судьба и Пруссіи и его собственныхъ владѣній, вошедшихъ въ составъ новаго Вестфальскаго королевства. Едва спасшись бѣгствомъ отъ французскаго плѣна, герцогъ умеръ отъ ранъ въ началѣ ноября въ мѣстечкѣ Оттензенъ близъ Альтоны, не попавъ даже въ свою столицу вслѣдствіе запрещенія Наполеона. Съ вступленіемъ французовъ въ Брауншвейгъ, Бартельсъ пересталъ получать опредѣленное ему герцогомъ содержаніе и остался съ семьею безъ средствъ. Новыя власти не хотѣли его знать. Это заставило его подумать о казанскомъ мѣстѣ и обратиться съ просьбою о немъ къ Румовскому.

Румовскій очень высоко цѣнилъ Бартельса; отказъ ѣхать въ Казань не поколебалъ ни его уваженія, ни его довѣрія къ нему, а потому онъ обратился къ Бартельсу съ просьбою пріискать вмѣсто себя въ Германіи ученаго для занятія въ Казани каѳедры чистой математики. По этому дѣлу началась дѣятельная переписка между ними, продолжавшаяся года два. Бартельсъ принялъ къ сердцу порученіе Румовскаго и горячо взялся за его исполненіе. Переписка съ нѣмецкими учеными и приглашеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Казань на каѳедру чистой математики при участіи Бартельса были однако безплодны. Однихъ пугала чрезвычайная отдаленность восточнаго города отъ Европы, другіе ставили такія требованія и условія, что самъ Бартельсъ находилъ ихъ преувеличенными. По поводу желаній одного изъ пяти или шести ученыхъ, рекомендованныхъ Бартельсомъ, доктора Рёсслинга, Румовскій писалъ къ Бартельсу

слѣдующее: „Я не стану разсматривать, что побудило доктора Рёсслинга выставить въ письмѣ своемъ такія чрезвычайныя требованія, но долженъ сказать, что они превосходятъ даже тѣ, при которыхъ пріѣхалъ въ Россію Эйлеръ. Не смотря на то, что въ теченіе моей пятидесятитрехлѣтней службы при Петербургской Академіи Наукъ, много изъ иностранныхъ ученыхъ было приглашаемо ею, ни одинъ изъ нихъ однако не имѣлъ подобныхъ притязаній, кромѣ д'Аламбера. Сравнивъ требованія послѣдняго съ тѣми, какія я прочиталъ въ письмѣ Рёсслинга, нахожу, что они совершенно одинаковы, за исключеніемъ одной лишней статьи, выговариваемой для себя д'Аламберомъ—находиться въ одинаковомъ рангѣ съ иностранными послами". Впрочемъ Казанскій университетъ получилъ по его рекомендаціи нѣкоторыхъ преподавателей. Потомъ, когда самъ Бартельсъ занялъ въ Казани каѳедру чистой математики, по его указанію были приглашены: докторъ Реннеръ—профессоромъ прикладной математики, другой Реннеръ, двоюродный братъ его—профессоромъ скотолѣченія и Броннеръ—физики.

Эта переписка съ Бартельсомъ о замѣщеніи математической каѳедры, уваженіе, какое имѣлъ Румовскій къ его познаніямъ и талантамъ и увѣренность, что Бартельсъ будетъ полезенъ университету, побудили попечителя, съ согласія самаго Бартельса, предложить совѣту Казанской гимназіи избрать его въ почетные члены, а такъ какъ согласно § 38 и 39 устава 1804 года четыре изъ почетныхъ членовъ (по факультетамъ), дѣятельнѣйшіе между ними, которые „ведутъ съ университетомъ переписку, доставляютъ ему свѣдѣнія о новыхъ въ наукахъ изобрѣтеніяхъ, и исправляютъ препорученія университета, касающіяся до выписыванія предметовъ къ наукамъ относящихся", пользуются пенсіею по 200 рублей въ годъ, то и Бартельсу съ 1 января 1806 года отпускались эти деньги. Контора гимназіи донесла только попечителю, что „къ переводу отсель въ Брауншвейгъ денегъ векселями на Гамбургъ никакого способу не имѣетъ" и отправляла ихъ къ попечителю, который уже переводилъ ихъ отъ себя. Это, сколько намъ извѣстно, былъ первый случай въ Казанскомъ университетѣ примѣненія упомянутыхъ §§ устава о почетныхъ членахъ. Онъ допущенъ былъ Румовскимъ, не смотря на то, что университетъ не былъ еще открытъ и никакіе факультеты въ

немъ не существовали, по личному его уваженію къ Бартельсу.

Тотчасъ по полученіи письма Бартельса о желаніи поступить опять на службу, успокоивъ его на счетъ будущей пенсіи женѣ, что сильно озабочивало ученаго, Румовскій сдѣлалъ представленіе министру въ іюлѣ 1807 года о немъ, которое было утверждено чрезъ пять дней, и любезно распорядился облегчить ему переѣздъ, а когда получилъ извѣстіе, что онъ уже на границѣ, въ Мемелѣ, то писалъ къ Яковкину, чтобъ тотъ приготовилъ ему одну изъ четырехъ квартиръ въ *новомъ строеніи*: „ежели бы паче чаянія случилось, что всѣ четыре заняты, то объявить изъ занимающихъ холостому, чтобъ очистилъ къ пріѣзду Бартельса, потому что онъ съ тѣмъ уговоромъ вызванъ, чтобъ имѣть ему казенную квартиру". Квартира должна быть такая, которую Яковкинъ признаетъ „лучше, выгоднѣе и приличнѣе для помѣщенія столь почтеннаго гостя съ семействомъ его. Г. Бартельсъ, какъ я къ вамъ писалъ, есть одинъ изъ первыхъ математиковъ нѣмецкой земли, и для того прошу васъ обращаться съ нимъ ласковѣе и оказывать ему особливое уваженіе". Нельзя не видѣть въ этой особенной заботливости Румовскаго о Бартельсѣ, уваженія къ его достоинствамъ, какъ ученаго математика.

Бартельсъ не скоро однако выѣхалъ изъ Брауншвейга; его задержали и сборы для переѣзда съ семьею, состоящею изъ жены и двухъ маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ полугодовой, и желаніе получить слѣдующее ему за нѣсколько мѣсяцевъ содержаніе. Послѣднее не удалось ему исполнить и 700 талеровъ онъ получилъ уже въ Казани, послѣ возстановленія Брауншвейгскаго герцогства. Переѣздъ Бартельса до Казани продолжался съ конца октября до 15 февраля 1808 года съ разными, весьма непріятными приключеніями, такъ какъ онъ ѣхалъ въ собственной повозкѣ, которая ломалась. Путь шелъ на Мемель, Полангенъ, Ригу, Петербургъ; онъ самъ называетъ этотъ путь „затруднительнымъ и дорогимъ". Затрудненія увеличивались еще отъ незнанія русскаго языка и полнаго незнакомства съ способами путешествія по Россіи. „Купивъ въ Москвѣ, по совѣту людей, которыхъ я считалъ опытными въ этомъ дѣлѣ, новый зимній ходъ подъ мою повозку за 40 рублей, чтобъ не рисковать въ третій разъ жизнію моихъ дѣтей, пишетъ

главною причиною очевиднаго успѣха преподаванія Бартельса слѣдуетъ назвать съ одной стороны—глубокое жизненное значеніе математическихъ истинъ, особенно въ ихъ разнообразныхъ практическихъ примѣненіяхъ для русскаго ума, а съ другой—высокое научное достоинство самаго преподаванія, полнаго содержаніемъ и чуждаго рутины, о которомъ съ увлеченіемъ вспоминали его ученики.

могъ, подъ руководствомъ Бартельса, достигнуть званія адъюнкта математическихъ наукъ, о чемъ Румовскій особо писалъ къ Бартельсу. Лѣтомъ 1808 года Никольскій пріѣхалъ въ Казань и вотъ что чрезъ полгода сообщалъ о немъ Бартельсъ попечителю: „Радуюсь чрезвычайно, что все, могущее быть Вамъ сообщеннымъ мною по совѣсти касательно Никольскаго, какъ объ его талантахъ, такъ и объ его неутомимой дѣятельности и нравственныхъ свойствахъ характера, совершенно оправдываетъ счастливый выборъ вашъ и ожиданія. Если не встрѣтятся въ будущемъ такія обстоятельства, которыя могутъ помѣшать успѣхамъ этого молодаго человѣка, то я увѣренъ, что въ области математическихъ наукъ онъ будетъ украшеніемъ не только нашего университета, но и своей великой родины. По моему совѣту, съ самаго начала, онъ употребляетъ свободное отъ математическихъ занятій время, чтобъ понимать французскихъ математиковъ,—на изученіе этого языка. Съ нѣкоторою помощью съ моей стороны онъ скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи читать не только математическія, но и литературныя произведенія, напр. Лафонтеновы басни. Онъ занимается теперь, подъ моимъ руководствомъ, чтеніемъ Лагранжевой Théorie des Fonctions analytiques и Гауссовыхъ Disquisitiones. Можно надѣяться, что Никольскій чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ общедоступными въ Россіи остроумныя и всѣ части математики объемлющія, и только величайшими математиками до сихъ поръ затронутыя изслѣдованія о свойствахъ чиселъ» (28 дек. 1808 г.). Надежды Бартельса научныхъ успѣховъ со стороны Никольскаго однако не оправдались: это былъ первый и единственный отчетъ его о занятіяхъ Никольскаго. На другой годъ Бартельсъ писалъ уже, что Никольскому мѣшаютъ то болѣзни, то уроки въ гимназіи заняться тѣми частями математики, которыя необходимы для собственной производительности. Онъ разсчитываетъ теперь только на то, что Никольскій обработаетъ свои лекціи для печати. «Вскорѣ *начальству благоугодно было* перемѣнить мое назначеніе» (т. е: приготовленіе подъ руководствомъ Бартельса)—пишетъ самъ онъ. Въ томъ же 1808 году Никольскій сталъ читать для студентовъ «Начальныя основанія чистой математики» и продолжалъ это до 1819 года. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ преподавать латинскій языкъ въ высшемъ классѣ гимназіи, а въ 1811 году сдѣланъ былъ секретаремъ училищнаго комитета; кромѣ того онъ несъ и многія другія обязанности. «Хотя таковыя занятія и отвлекали меня

Бартельсъ пробылъ въ Казани двѣнадцать лѣтъ и въ теченіе этого времени онъ успѣлъ положить прочное основаніе математическому преподаванію. Онъ началъ съ изложенія 1) *аналитической тригонометріи*, плоской и сферической, руководствуясь сочиненіемъ Каньоли (Cagnoli), Trigonometria piana e sferica 1789, 1804). „Это руководство, не смотря на простоту его заглавія, пишетъ онъ, достав-

---

говорить самъ Никольскій, отъ настоящей моей цѣли, усовершенствованія въ математическихъ познаніяхъ, въ чемъ другіе изъ почтеннѣйшихъ моихъ сотоварищей, свободные отъ постороннихъ обязанностей, имѣли великое преимущество, и труды ихъ, сообразно цѣли профессорскаго званія, награждены щедро попечательнымъ начальствомъ, но *по силамъ и возможности я не преставалъ заниматься и математическими науками* и удостоенъ былъ чрезъ три года по опредѣленіи моемъ магистромъ званія адъюнкта въ 1810 году, потомъ чрезъ три же года, въ 1814 году званія экстраординарнаго профессора, а въ прошломъ 1816 году, по кончинѣ профессора прикладной математики Реннера, почтеннѣйшему совѣту благоугодно было поручить мнѣ и чтеніе оной для студентовъ съ умноженіемъ жалованья моего 800 рубл.» Замѣчательно, что по тогдашнимъ обычаямъ, каждое повышеніе Никольскаго слѣдовало по его собственному прошенію, подаваемому имъ въ совѣтъ. Такимъ образомъ успѣхъ по службѣ Никольскаго происходилъ въ университетѣ безъ ученыхъ заслугъ съ его стороны и безъ печатныхъ трудовъ. Правда въ дѣлахъ есть списокъ его рукописныхъ сочиненій, числомъ 15, но всѣ они касаются или первоначальной математики или представляютъ переводы небольшихъ статей. Два печатныя произведенія Никольскаго: «Слово о пользѣ математики», говоренное въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1816 года и другое, произнесенное имъ въ званіи ректора 17 янв. 1821 года «О достоинствѣ и важности воспитанія на христіанской вѣрѣ основанныхъ» (*Каз Вѣстн.* 1821 г. кн. 2-я стр. 21—84) ничего не имѣютъ общаго съ наукою.—Первое свидѣтельствовало уже о томъ направленіи, какое получило министерство народнаго просвѣщенія при князѣ А. Н. Голицинѣ и выгодно рекомендовало Никольскаго въ глазахъ Магницкаго, второе было яростнымъ осужденіемъ прежней жизни университета до знаменитой ревизіи, доказывало, что въ немъ господствовалъ лишь «духъ лжемудрія, преобладанія и вольности», на борьбу съ которымъ, какъ архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, всталъ «высокій въ христіанскихъ чувствованіяхъ и доблестяхъ попечитель». Слово проникнуто было ненавистью къ наукѣ. Никольскій, на фанатическомъ языкѣ своемъ, называлъ ее «дымомъ отверзстаго студенца бездны» и «надменными волнами лжемудрія»; передъ молодыми слушателями онъ рисовалъ не чистые идеалы научныхъ стремленій, съ довѣріемъ въ разумъ, воды-

ляетъ мнѣ часто случаи дѣлать полезныя отступленія въ область высшаго анализа; будь у меня астрономическіе часы, нѣкоторыя другія пособія и удобное мѣсто для наблюденій, мои лекціи изъ послѣдняго отдѣла Каньоли принесли бы больше пользы и были бы гораздо интереснѣе". Дѣйствительно Бартельсъ въ первый же годъ читалъ приложеніе тригонометріи къ сферической астрономіи и математической географіи и занималъ студентовъ разными практическими задачами, напр. задачею Кеплера, опредѣленіемъ долготы и широты мѣста на морѣ и вообще нахожденіемъ видимаго разстоянія двухъ небесныхъ тѣлъ и пр. Это въ высшей степени интересовало студентовъ и развивало въ нихъ самодѣятельность. Дополняя въ этомъ послѣднемъ случаѣ Каньоли, Бартельсъ пользовался сочиненіемъ Боненбергера (Anleit. zur geograph. Ortsbestimmung, vorzüglich vermittelst des Spiegelsextanten, 1795). До прибытія профессора астрономіи Литтрова въ 1810 году, Бартельсъ кромѣ упомянутыхъ практическихъ задачъ, излагалъ своимъ слушателямъ изъ астрономіи и первыя главы сочиненія Лапласа: „Exposition du Système du Monde". Далѣе содержаніемъ лекцій, которыя онъ мѣнялъ ежегодно, у Бартельса были: 2) *Высшая ариѳметика* (1809-1810), по Гауссу (Recherches arithmétiques); 3) *Дифференціальное* (1809-1810) и *интегральное* счисленіе (1811-1812)—по Эйлеру; 4) *Приложеніе аналитики къ геометріи* (1810-1811) — по Монжу (Application de l'Analyse à la Géométrie, 1807; 5) *Аналитическая механика* (1810-1811)—по Лагранжу (Mécanique analytique 1787); 6) *Аналитическая геометрія* (1813-1814, 1818-1819) — по Біо (Traité analytique des courbes et des surfaces du second degré (1802); 7) *Аналитическая геометрія и сферическая тригонометрія* (1815-1816)—по Гарнье (Géometrie analytique, 1813); 8) *Дифференціальное и интегральное* счисленіе (1812—1813, 1814—1815, 1816—1817, 1817—1818 и 1819—1820), по сочиненію Локроа (Traité du calcul différentiel et intégral).—Изъ этого обозрѣнія препо-

---

мающимъ духъ, а образъ великаго аскета въ пустынѣ, св. Антонія, (память его празднуется въ тотъ день), житіе котораго передавалъ съ каѳедры. За участіе въ постройкахъ университетскихъ зданій и за безкорыстные и неутомимые труды въ этомъ дѣлѣ, Никольскій получилъ, согласно представленію попечителя Мусина-Пушкина и по

даванія Бартельса можно видѣть, что его слушатели знакомились, подъ его руководствомъ и при его объясненіяхъ, съ самыми вліятельными, сдѣлавшими эпоху трудами великихъ французскихъ математиковъ того времени, съ тѣмъ, что выдавалось тогда въ области идей, что господствовало въ мірѣ (понятно почему наполеонъ отличалъ своихъ современниковъ, французскихъ геометровъ и аналитиковъ и любилъ съ ними бесѣдовать). Такимъ образомъ студенты математики Казанскаго университета, слушатели Бартельса, сравнительно съ своими товарищами, стояли на высотѣ. Большое значеніе для этихъ слушателей въ научномъ отношеніи имѣли также лекціи Бартельса по *Исторіи математики*, излагаемыя имъ по собственнымъ запискамъ. Судя по сохранившемуся конспекту, можно заключить объ ихъ широкомъ содержаніи. Это была исторія успѣховъ человѣческаго духа въ области наукъ точныхъ, начиная съ востока и древности; въ ней было много обобщеній и естественныхъ отклоненій въ другія области, но она удерживала мысль въ сферѣ самыхъ возвышенныхъ интересовъ. „Мои лекціи, по хорошимъ успѣхамъ большинства слушателей, доставляютъ мнѣ много удовольствія“ — писалъ Бартельсъ къ Румовскому въ началѣ своего курса и тоже самое повторялъ онъ и потомъ, указывая на лучшихъ учениковъ своихъ. Съ самаго начала своихъ лекцій, Бартельсъ, какъ это видно изъ замѣтокъ его, держался одной, строгой методы въ преподаваніи, считая ее лучшею для цѣли приготовленія учителей математическихъ наукъ: „Для перваго курса я выбралъ тригонометрію Каньоли. Сочиненіе это помогало мнѣ для сообщенія предварительныхъ понятій о теоріи строкъ, о дифференціальномъ счисленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало основательныя свѣдѣнія изъ обѣихъ тригонометрій. Какъ ни важна впрочемъ эта книга, но я считалъ нужнымъ во многихъ мѣстахъ совершенно

опредѣленію Комитета министровъ, Высочайше утвержденному въ 1838 году, однако щедрую награду: ему пожаловано было 1000 десятинъ земли, — случай, сколько намъ извѣстно, единственный въ профессорской служебной карьерѣ. Такимъ образомъ заботы его о постройкѣ университетскихъ зданій, теперь къ сожалѣнію уже неудовлетворяющихъ потребностямъ болѣе развившейся научной жизни, были достаточно оцѣнены. Въ 1839 году онъ оставилъ службу при университетѣ и въ томъ же

измѣнять ея изложеніе, держаться ея только въ общихъ чертахъ. Весьма пріятный опытъ, сдѣланный мною на моихъ слушателяхъ, доказалъ мнѣ всю цѣлесообразность моей методы. Мнѣ удалось даже слабѣйшихъ такъ подвинуть, что они въ состояніи съ довольною легкостью рѣшать почти всѣ задачи тригонометріи; въ тоже время они на столько усвоили изъ дифференціальнаго счисленія и изъ теоріи строкъ, что могутъ примѣнять это знаніе къ логариѳмическимъ функціямъ. Естественно, что было большое различіе между этими слушателями и тѣми, которые успѣли усвоить уже сообщаемыя имъ истины. На второмъ курсѣ я излагалъ теорію чиселъ по Гауссу (конечно только нѣкоторыя главы) и дифференціальное счисленіе съ большею подробностью, съ тѣмъ чтобъ приготовить моихъ слушателей къ третьему курсу, въ теченіе котораго я буду излагать аналитическую геометрію и механику".

Этими подробностями, весьма вѣроятно любопытными для того, кто желаетъ познакомиться съ исторіею науки въ нашемъ краю и съ развитіемъ у насъ университетскаго преподаванія, мы обязаны тому обстоятельству, что первый попечитель Казанскаго университета былъ математикъ, искренно любившій свою науку, желавшій ея развитія и отдававшій ей преимущество по своему оффиціальному положенію. Въ началѣ 1809 года всѣмъ студентамъ и кандидатамъ университета были прочитаны слѣдующія слова Румовскаго изъ предложенія его на имя профессора-директора (24 марта № 32): „Желалъ бы я, чтобы между студентами и кандидатами больше находилось такихъ, кои бы пріуготовляли себя къ математическимъ, физическимъ и философическимъ, нежели къ историческимъ наукамъ, потому что *первыя требуютъ напряженія разума, а послѣднія памяти*". Безъ сомнѣнія такой взглядъ попечителя съ своей стороны тоже вызывалъ большее стремленіе студентовъ къ наукамъ математическимъ. Бартельсъ въ своихъ письмахъ къ Румовскому, называетъ лучшихъ учениковъ своихъ изъ перваго времени своей профессорской дѣятель-

---

году избранъ въ почетные его члены, но разбитый параличемъ на другой годъ, Никольскій прожилъ еще въ страданіяхъ года четыре. Онъ умеръ 11 мая 1844 года.

ности. Это были: Линдегренъ, Кайсаровъ, тогда уже магистръ, Лобачевскій младшій (Алексѣй), Симоновъ и Лобачевскій старшій (Николай Ивановичъ) (¹). За исключеніемъ перваго, остальные четыре были преподавателями въ Казанскомъ университетѣ и указаніе на ихъ способности и успѣхи Бартельсомъ сдѣлано было не даромъ.

Изъ этихъ учениковъ Бартельса долгую и честную службу сослужилъ Казанскому университету *Н. И. Лобачевскій* (1793—1856). Его ученые труды оставили глубокій слѣдъ въ физико-математическомъ факультетѣ и сдѣлали имя его извѣстнымъ и за предѣлами Россіи, а дѣятельность административная совпала съ хорошими годами нашего университета. Эта послѣдняя нисколько однако не мѣшала его научнымъ трудамъ и въ самые дѣятельные годы своей по администраціи, когда онъ былъ и деканомъ, и ректоромъ, и несъ другія разнообразныя и сложныя обязанности по управленію, Лобачевскій печаталъ свои сочиненія. Его глубокій и своеобразный умъ, въ соединеніи съ разностороннимъ образованіемъ (имъ Лобачевскій конечно обязанъ былъ гораздо больше самому себѣ, чѣмъ университету), не мельчалъ посреди мелкой дѣятельности и общественныхъ отношеній провинціальной жизни. Его независимый и самостоятельный характеръ выдержалъ такую нравственную ломку, какъ тяжелое время реакціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и попечительство въ Казани Магницкаго, не поступившись своими убѣжденіями, не измѣнивъ имъ и унеся въ старость молодое стремленіе къ наукѣ, уваженіе къ ней и восторги духовнаго наслажденія. Если спеціалисты говорятъ о его „по истинѣ глубокомысленныхъ лекціяхъ“, доступныхъ однако только избранной аудиторіи, въ

(¹) У Лобачевскихъ былъ еще старшій братъ *Александръ*, поступившій одновременно съ младшими въ гимназію (5 ноября 1802 года), избранный въ студенты университета при его основаніи (18 февраля 1805 года) и утонувшій въ Казанкѣ (19 іюня 1807 г.), когда ему минуло только 16 лѣтъ. И онъ, какъ и меньшіе братья, своими природными дарованіями обѣщалъ много. Лобачевскіе были дѣтьми бѣднаго чиновника, уѣзднаго землемѣра изъ Макарьева, Нижегородской губерніи; въ оффиціальныхъ актахъ они показаны изъ *разночинцевъ*, а это означаетъ только не принадлежность ихъ къ сословію потомственныхъ дворянъ.

послѣдніе годы его жизни, то мы прибавимъ къ этому личное воспоминаніе о его публичныхъ лекціяхъ по физикѣ, гдѣ ему удавалось излагать науку популярно и гдѣ раскрывалъ онъ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Въ старые глухіе и спящіе годы провинціи, когда все было такъ смирно, гладко и довольно кругомъ, когда однообразныя явленія жизни только скользили по душѣ, не задѣвая и не возбуждая ее, такія лекціи, какъ Лобачевскаго, были отраднымъ явленіемъ. Лобачевскій читалъ просто, безъ желанія придать внѣшнюю красоту своей рѣчи, безъ реторической эмфазы и крика, но въ словахъ его слышался и его логическій умъ и широкое образованіе. Спокойнымъ, ровнымъ голосомъ онъ дѣлалъ свои широкія обобщенія, вызывалъ увлекательные образы и возбуждалъ мысль. Оставляя спеціалистамъ говорить о научныхъ заслугахъ Лобачевскаго и опредѣлять его мѣсто въ исторіи европейской науки (¹), мы скажемъ здѣсь только о его молодыхъ годахъ и отношеніяхъ къ Бартельсу.

Въ первый годъ своего студенчества (вспомнимъ, что тогда не было никакого раздѣленія на факультеты), Лоба-

---

(¹) См. *А. Ѳ. Попова*. «Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Лобачевскаго». *Уч. Зап.* 1857 г. IV. стр. 153-159 и *Е. П. Янишевскаго* «Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевскаго». Казань. 1868. 8°. Собраніе его геометрическихъ сочиненій уже напечатано Казанскимъ университетомъ и скоро должно появиться въ свѣтъ Извѣстность въ наукѣ этихъ сочиненій началась недавно, со времени французскаго перевода ихъ, сдѣланнаго Гуэлемъ, но уже въ 30-хъ годахъ, въ то время какъ въ Россіи игнорировали труды Л—аго, или смѣялись надъ ними, Гауссъ писалъ къ Шумахеру о научномъ значеніи геометріи, построенной казанскимъ профессоромъ на гипотезѣ, отличной отъ Эвклидовыхъ началъ (См. *Льюисъ*, Вопросы о жизни и духѣ, Спб. 1876. т. II. стр. 191). Въ біографіи Лобачевскаго всего интереснѣе было бы прослѣдить какимъ образомъ развилось его глубокое абстрактное мышленіе. Лобачевскій не бывалъ въ Европѣ; двѣ-три поѣздки въ русскія столицы были кратковременны; онъ почти не оставлялъ Казани. Къ сожалѣнію и внутреннее развитіе и интимная жизнь Лобачевскаго мало извѣстны, не смотря на то, что живы еще нѣкоторые, бывшіе съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Принадлежа по женѣ къ тому, что называлось въ то время казанскимъ обществомъ, Лобачевскій появлялся и въ немъ, но представлялъ изъ себя скорѣе задумчивую, чѣмъ дѣятельную фигуру, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Сколько намъ извѣстно, даже близкіе къ нему люди смотрѣли на него съ точки зрѣнія, раскрывающейся въ обыденной морали Хемницеровой басни «Метафизикъ»

чевскій и не занимался математикой, за неимѣніемъ профессора этого предмета. „Онъ примѣтно предъуготовляетъ себя для медицинскаго факультета“—писалъ о немъ къ попечителю Яковкинъ, замѣтившій его дарованія. Но пріѣздъ Бартельса и его лекціи опредѣлили выборъ любимаго предмета для занятій со стороны Лобачевскаго и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и болѣе другихъ успѣвавшихъ учениковъ Бартельса. Съ своей стороны и Бартельсъ полюбилъ Лобачевскаго и его заступничество не разъ помогало молодому и нѣсколько вѣтренному студенту при столкновеніяхъ съ университетскою полиціею. Инспекторскій журналъ за годы пребыванія Лобачевскаго въ студентахъ. даетъ нѣсколько свидѣтельствъ объ этихъ столкновеніяхъ, причина которыхъ лежала въ живомъ характерѣ молодаго студента, въ естественномъ чувствѣ свободы, которое проявлялось какъ своеволіе, въ желаніи отстоять свою самостоятельность, что считалось дерзостью. Самыя шалости характеризуютъ тогдашнихъ студентовъ. Лобачевскій, какъ и многіе изъ его товарищей, казенныхъ студентовъ, жившихъ въ университетѣ, любилъ заниматься пиротехникою. Разъ Лобачевскій сдѣлалъ ракету и вмѣстѣ съ другими пустилъ ее въ одиннадцать часовъ вечера на университетскомъ дворѣ. За это и за то, „что учинилъ непризнаніе, упорствуя въ немъ, подвергъ наказанію многихъ, совершенно сему не причастныхъ“,—былъ посаженъ въ карцеръ по опредѣленію совѣта. Въ другой разъ, будучи уже правящимъ должность *камернаго студента* („Камерный студентъ есть помощникъ помощника инспектора казенныхъ студентовъ“—по опредѣленію правилъ того времени), Лобачевскій былъ замѣченъ „въ соучавствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи“. За эти проступки онъ наказанъ былъ публичнымъ выговоромъ отъ инспектора студентовъ, лишенъ званія правящаго должность камернаго студента, 60 рублей на книги и учебныя пособія, которые только что были ему назначены „за особенные успѣхи въ наукахъ и благоповеденіе“ и отпуска до разрѣшенія начальства. Все это происходило на святкахъ 1810 года. Лобачевскому шелъ 18-й годъ, онъ былъ въ послѣднемъ курсѣ, молодость требовала удовлетворенія, а потому совершенно естественно и простительно, что по словамъ инспекторскаго журнала „въ генварѣ мѣсяцѣ Лобачевскій первый оказался самаго худаго поведенія. Не смо-

тря на приказаніе начальства не отлучаться изъ университета, онъ въ новый годъ, а потомъ еще разъ, ходилъ въ маскарадъ и многократно въ гости, за что опять наказанъ написаніемъ имени на черной доскѣ и выставленіемъ оной въ студентскихъ комнатахъ на недѣлю. Не смотря на сіе, онъ послѣ того снова еще былъ въ маскарадѣ". Студенческая жизнь Лобачевскаго отличалась вообще нѣсколько бурнымъ характеромъ, но изъ среды своихъ сверстниковъ онъ выдавался далеко впередъ, какъ по уклоненіямъ отъ тогдашнихъ правилъ благоповеденія, вызывавшимъ карательныя мѣры противъ него, такъ и по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ въ математикѣ. Вотъ почему только о немъ одномъ дошло до насъ *историческое изображеніе поведенія* его; проступки Лобачевскаго называются *достопримичательными*, характеръ—упрямымъ, нераскаяннымъ, „весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ", его мнѣніе „получило многія ложныя понятія" (такъ въ журналѣ инспектора, помощникомъ его Кондыревымъ, было записано, что Лобачевскій „въ значительной степени явилъ *признаки безбожія*" (!)—обвиненіе, которое имѣло бы во время Магницкаго весьма печальныя послѣдствія). Требовались инспекціею противъ Лобачевскаго рѣшительныя мѣры, „самыя побудительныя средства со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства". Вопросъ о судьбѣ Лобачевскаго перенесенъ былъ въ совѣтъ. Только настоянія Бартельса и тѣхъ професоровъ, у которыхъ Лобачевскій занимался, доставили ему возможность получить степень кандидата, а вскорѣ за тѣмъ и магистра, наравнѣ съ прочими его товарищами.

Бартельсъ считалъ Лобачевскаго лучшимъ изъ учениковъ своихъ. Вотъ что писалъ онъ къ попечителю объ успѣхахъ своихъ слушателей и въ особенности о Лобачевскомъ около того времени (приводимъ слова его въ современномъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ Румовскимъ и представленномъ имъ министру: „Послѣдніе два (Симоновъ и Лобачевскій), особливо же Лобачевскій оказали столько успѣховъ, что они даже на всякомъ нѣмецкомъ университетѣ, были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они продолжать будутъ упражняться въ усовершенствованіи своемъ, то займутъ значущія мѣста въ математическомъ кругу. О искусствѣ послѣдняго предложу хотя одинъ примѣръ. Лекціи свои располагаю я такъ, что студенты мои

въ одно и тоже время бываютъ слушателями и преподавателями. По сему правилу поручилъ я предъ окончаніемъ курса старшему Лобачевскому предложить подъ моимъ руководствомъ пространную и трудную задачу о кругообращеніи (Rotation), которая мною для себя уже была по Лагранжу въ удобопонятномъ видѣ обработана. Въ тоже время Симонову приказано было записывать теченіе преподаванія, которое я въ четыре пріема кончилъ, дабы сообщить его прочимъ слушателямъ. Но Лобачевскій, не пользовавшись сею записвою, при окончаніи послѣдней лекціи подалъ мнѣ рѣшеніе сей столь запутанной задачи, на нѣсколькихъ листочкахъ въ четвертку написанное. Г. академикъ Вишневскій, бывшій тогда здѣсь, неожидаемо восхищенъ былъ симъ небольшимъ опытомъ знаній нашихъ студентовъ". Эти успѣхи въ математикѣ, за которые Лобачевскій получилъ вмѣстѣ съ другими благодарность отъ министра народнаго просвѣщенія и были причиною снисходительности къ нему совѣта, возведшаго его, вмѣстѣ съ прочими, въ степень магистра, т. е. оставившаго его при университетѣ (въ педагогическомъ институтѣ) съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію. Впрочемъ и самъ Лобачевскій сознаналъ свое положеніе. „Вчера по позволенію явившись въ совѣтъ, пишетъ Яковкинъ, оказалъ совершенное признаніе и раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, публично обѣщавши совершенно исправиться, а посему совѣтъ и рѣшился его помѣстить въ число представляемыхъ къ удостоенію званія магистровъ, дабы излишнею строгостью не привести его, какъ весьма лестную надежду дарованіями и успѣхами подающаго для университета, въ отчаяніе и не убить духъ его" (12 іюля 1811 года). Защитниками Лобачевскаго въ совѣтѣ были профессоры Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ. Румовскій утвердилъ представленіе совѣта, но далъ съ своей стороны предостереженіе Лобачевскому: „А студенту Николаю Лобачевскому, писалъ онъ въ своемъ предложеніи совѣту (7 августа 1811 г., № 787), занимающему первое мѣсто по худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, чтобы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, — въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять принесена будетъ жалоба на него, тогда я принужденъ буду

довести о томъ до свѣдѣнія г. министра просвѣщенія". Званіе магистра возлагало на него, по тогдашнимъ правиламъ, „споспѣшествованіе профессору или адъюнкту въ разсужденіе большихъ успѣховъ ихъ слушателей". Магистры должны были заниматься съ студентами повтореніемъ пройденнаго (не въ часы однако назначенные для лекцій) и „объясненіемъ слушателямъ того, что они не понимаютъ, такъ какъ многіе изъ гг. профессоровъ преподаютъ и объясняютъ лекціи на иностранныхъ языкахъ, слушатели же ихъ, преимущественно же вновь поступившіе, часто особенно въ началѣ курса, по причинѣ объясненія на иностранномъ языкѣ для матеріи совсѣмъ новой, не могутъ иногда всего понимать предлагаемаго профессоромъ ясно". За это магистры получали жалованье. Лобачевскій какъ магистръ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Бартельсу. Онъ занимался у него на дому по четыре часа въ недѣлю, и у насъ есть свѣдѣнія, что на первыхъ порахъ магистерства, предметами изученія Лобачевскаго, подъ руководствомъ Бартельса, были ариѳметика Гаусса и первый томъ Лапласовой „Небесной механики" (1). Въ 1814 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе адъюнкта чистой математики и началъ читать свои лекціи. Курсъ его стоялъ выше курса Никольскаго, который постоянно называется *приуготовительнымъ* и былъ предназначенъ для студентовъ, посвятившихъ себя математикѣ. Онъ читалъ: 1) *прямолинейную тригонометрію* и 2) *теорію чиселъ* по Гауссу и Лежандру (1814-1815 и 1815-1816). Въ 1816 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго профессора и излагалъ (2), до перехода Бартельса въ Дерптъ:

---

(1) Считаемъ нужнымъ исправить здѣсь преувеличеніе у біографа Лобачевскаго Попова, который говоритъ, что Бартельсъ поручилъ молодому магистру объяснять для студентовъ первый томъ сочиненія Лапласа Mécanique céleste и Гаусса Disquisitiones (*Уч. Зап.* Каз. Ун. 1857. IV, 154). По подлиннымъ документамъ дѣло происходило такъ, какъ сказано въ нашемъ текстѣ.

(2) Въ дѣлахъ архива къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ и Лобачевскій и товарищъ его по университету и по службѣ Симоновъ были повышаемы въ званія адъюнктовъ, какъ и вообще о ихъ первыхъ ученыхъ опытахъ. Безъ сомнѣнія для нихъ не могло быть сдѣлано исключенія и они подвергались общей для всѣхъ процедурѣ, но *дѣлопроизводство о нихъ по какому либо случаю не сохранилось.*

объ тригонометріи, главнымъ образомъ по тому же руководству Каньоли, которымъ пользовался и Бартельсъ и точно также обращая преимущественно вниманіе на практическую сторону, *аналитическую геометрію* по Монжу (1816-1817, 1817-1818 и 1819-1820), *дифференціальное и интегральное счисленіе* по Лакруа (1818-1819). Съ 1819 года, въ отсутствіе профессора астрономіи Симонова для кругосвѣтнаго плаванія, Лобачевскій въ теченіе двухъ лѣтъ читалъ астрономію и завѣдывалъ обсерваторіею. Развитіе глубины его преподаванія, ученые труды и обширная административная дѣятельность Лобачевскаго принадлежатъ однако къ позднѣйшимъ періодамъ университетской жизни (¹).

(¹) Меньшаго брата *Алексѣя Ивановича* Лобачевскаго Бартельсъ также хвалилъ, но «избравъ предметомъ своимъ химію, пишетъ онъ, отстаетъ онъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова». Онъ былъ моложе старшаго на одинъ годъ (род. 1794 г.), но вмѣстѣ съ нимъ поступилъ въ студенты, какъ и тотъ не разъ попадалъ па замѣчаніе инспектора, даже по окончаніи курса («20 мая пропалъ безъ вѣсти магистръ Алексѣй Лобачевскій» записано въ инспекторской книгѣ 1812 года и потомъ «17 іюня явился въ домъ своей матери изъ Нижняго Новгорода»). Одновременно съ старшимъ братомъ онъ удостоенъ званія магистра химіи и технологіи и оставленъ въ педагогическомъ институтѣ. Но старшій братъ опередилъ его по службѣ и повышеніе меньшому досталось гораздо труднѣе. Вотъ нѣсколько словъ о процедурѣ этого повышенія. Въ концѣ 1816 года, когда тотъ уже былъ э. о. профессоромъ, Алексѣй Лобачевскій вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ адъюнктскомъ званіи по химіи. Онъ представилъ два рукописныя сочиненія: 1) «О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей» и 2) «О томъ, что если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи преждебывшей температуры, тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе». Разсматривавшіе эти сочиненія экстраординарный профессоръ Никольскій и адъюнктъ Дунаевъ нашли въ сочинителѣ «склонность къ глубокому вникапію въ природу физическихъ вещей и способность къ умозрѣніямъ», «отличныя способности вообще къ *умозрительному* разсматриванію природы и къ изъисканію причинъ для объясненія явленій въ оной происходящихъ, но нѣкоторый недостатокъ практическихъ опытовъ; почему отдѣленіе физико-математическихъ наукъ и совѣтъ потребовали отъ него, согласно §§ 57—59 устава, представленіе обозрѣнія науки технологіи и опыты практическихъ свѣдѣній въ ней. Лекціи химіи читалъ уже адъюнктъ Дунаевъ и совѣтъ предложилъ Лобачевскому каѳедру *технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ*. Въ обширномъ и резонномъ новомъ прошеніи своемъ, А. Лобачевскій отказался отъ предлагаемаго ему мѣста,

Бартельсъ же указалъ на способности и особенную любовь къ математическимъ наукамъ Ивана Михайловича *Симонова* (род. 20 іюня 1794 † 10 января 1855 года), впослѣдствіи столь извѣстнаго профессора астрономіи въ нашемъ университетѣ и ректора по назначенію отъ правительства въ теченіе десяти лѣтъ. Математическими свѣдѣніями и любовью къ астрономіи, получившею полное

ссылаясь на то, что онъ вовсе не имѣетъ свѣдѣній въ коммерческихъ наукахъ, что въ библіотекѣ почти вовсе нѣтъ книгъ, нужныхъ для преподаванія технологіи, что въ университетѣ нѣтъ ни моделей, ни чертежей машинъ, а въ уставѣ не назначено для технологіи ни особенной лабораторіи, ни особливой суммы для опытовъ, что онъ не видалъ ни фабрикъ, ни заводовъ, что для профессора технологіи нужны практическія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя путешествіемъ, что онъ всегда болѣе занимался химіей и имѣетъ въ ней гораздо болѣе познаній, чувствуетъ къ ней добровольное влеченіе, «почему было бы противъ честности выбрать мнѣ то мѣсто изъ двухъ, которое я могу занимать съ меньшею исправностью». А. Лобачевскій просилъ совѣтъ, если нельзя имѣть втораго адъюнкта по химіи, только *титла, чина и другихъ правъ адъюнкта* и соглашался довольствоваться своимъ магистерскимъ окладомъ. На ходатайство объ этомъ совѣта, министръ отвѣчалъ отказомъ. Лобачевскій рѣшился тогда заняться технологіей и съ этою цѣлью получилъ лѣтомъ 1817 года полугодовой отпускъ для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ С.-Петербургъ, гдѣ и былъ 29 октября утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта технологіи. На другой годъ, согласно представленію попечителя, Главное Правленіе Училищъ разрѣшило А. Лобачевскому двухлѣтнее путешествіе по Сибири «для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи». Ему отпускалось въ годъ сверхъ жалованья по 1000 р. Изъ этого путешествія А. Лобачевскій воротился въ Казань 24 ноября 1820 года. Путешествіе длилось два года и доходило до Иркутской губерніи. Лобачевскій писалъ рапорты, представлялъ подробныя записки о томъ какъ онъ осматривалъ, ревизовалъ и открывалъ училища. Въ печати изъ всей этой дѣятельности Лобачевскаго не появилось ничего, да и въ бумагахъ архивныхъ не всѣ рапорты и записки въ цѣлости. Слѣды этого путешествія однако остались въ университетѣ въ большомъ количествѣ минераловъ (числомъ до 2500), собранныхъ Лобачевскимъ въ Сибири и частію присланныхъ, частію привезенныхъ съ собою. Между ними встрѣчались въ то время нѣкоторые особенные виды породъ или даже особенныя породы, иногда совсѣмъ не опредѣленныя въ системѣ минералогіи. «Большая часть сихъ минераловъ стоила мнѣ чрезвычайныхъ

удовлетвореніе въ лекціяхъ Литтрова. Симоновъ первоначально обязанъ былъ Бартельсу, который принималъ въ немъ самое живое участіе. Рекомендуя Симонова попечителю, Бартельсъ писалъ, что онъ отличается какъ прилежаніемъ, такъ и особенными дарованіями, даже математическимъ геніемъ. Симоновъ былъ сыномъ купца изъ города Гороховца Владимірской губерніи, но учился въ Астрахани, гдѣ торговалъ его отецъ, и по окончаніи тамъ гимназическаго курса поступилъ въ студенты Казанскаго университета въ декабрѣ 1808 года. Отецъ его умеръ около этого времени, оставивъ жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Симоновъ не поступилъ на казенный счетъ, но къ окончанію курса нужно было увольненіе отъ того общества, въ которомъ Симоновъ былъ записанъ чтобъ остаться при университетѣ, а въ то время сдѣлать это было не легко. Яковкинъ, по просьбѣ Бартельса, и самъ любя Симонова, устроилъ однако скоро это дѣло и Симоновъ въ концѣ 1811 года былъ возведенъ въ степень магистра и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. „Жалко будетъ, писалъ Яковкинъ къ попечителю передъ производствомъ Симонова въ магистры, ежели университетъ лишится въ немъ достойнаго

и изнурительнѣйшихъ трудовъ, пишетъ Лобачевскій, каковые долженъ употребить на то и всякій, кто бы захотѣлъ собрать ихъ съ такою же точностію, съ какою собраны они мною; а многіе изъ нихъ или получены мною за деньги или, весьма цѣнные подарены мнѣ моими друзьями». Преподаваніе технологіи Лобачевскимъ продолжалось только два года. Въ началѣ 1823 года А. Лобачевскій вышелъ въ отставку по собственному желанію. Повидимому онъ разсчитывалъ на болѣе выгодную частную практическую дѣятельность въ качествѣ технолога. Нѣкоторое время онъ управлялъ мѣдоплавильнымъ заводомъ гг. Осокиныхъ, а въ 1827—1837 годахъ арендовалъ ихъ же суконную фабрику въ Казани. »Это десятилѣтіе было самымъ невыносимымъ временемъ для суконщиковъ, говоритъ авторъ статьи «Какъ добились себѣ воли казанскіе суконщики» (*Первый шагъ*, сборникъ, Каз. 1876. стр. 427—428). Арендаторъ имѣлъ крутой и необузданный нравъ, и притѣснялъ рабочихъ чрезмѣрною строгостью». Слѣдовательно дѣло шло тутъ вовсе не о новыхъ техническихъ приспособленіяхъ. Лобачевскій имѣлъ отношеніе къ фабрикѣ до ея пожара въ 1848 году, но за тѣмъ былъ безъ дѣла. Человѣкъ безсемейный, онъ велъ совершенно уединенную жизнь, чуждаясь людей и даже брата, въ особенности ненавидя женскій полъ. Онъ умеръ весною 1872 года.

молодаго человѣка, подающаго пріобрѣтенными успѣхами весьма лестную надежду, поелику онъ начинаетъ поговаривать о вступленіи въ службу Академіи Наукъ при академикѣ Вишневскомъ, но я все еще удерживаю его надеждою на милостивое ваше къ нему расположеніе“ (16 окт. 1811 года). Яковкинъ вообще принималъ въ Симоновѣ живое участіе; два года съ половиною, изъ участія къ его бѣдности, онъ держалъ его у себя неоффиціально на казенномъ содержаніи, что и давало возможность Симонову искать мѣста по окончаніи курса у академика Вишневскаго. Въ 1811 году онъ и Лобачевскій дѣлали, подъ руководствомъ и въ присутствіи проф. Литтрова, наблюденія надъ кометою того года [1], за что они получили особую благодарность отъ попечителя. Румовскій, интересуясь какъ спеціалистъ успѣхами Симонова въ астрономіи, присылалъ ему изъ Петербурга разныя задачи. Такъ въ концѣ 1811 года Симоновъ доставилъ попечителю чрезъ Яковкина „повѣрки квадранта и выкладки“ о ускореніи часовъ противъ средняго времени“. Въ 1813 году магистръ Симоновъ уже преподавалъ физику для чиновниковъ, желающихъ получить чинъ коллежскаго ассесора, согласно указу 1809 года, а въ 1814 году получилъ званіе адъюнкта астрономіи. При Литтровѣ Симоновъ преподавалъ: 1) *основанія практической геометріи и геодезіи*, а зимою для студентовъ занимающихся астрономіею 2) *высшую геодезію* по сочиненію Пюиссана и способъ исчисленія для опредѣленія долготы и широты мѣстъ (1814—1815 и 1815—1816). Съ 1816 года, послѣ отъѣзда Литтрова изъ Казани, Симоновъ, утвержденный вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ министромъ, безъ выбора совѣтскаго, въ званіи экстраординарнаго профессора, читалъ астрономію до 1845 года, когда сдѣлался ректоромъ университета. Въ 1817 году Симоновъ провелъ полгода въ коммандировкѣ въ С.-Петербургѣ съ цѣлью усовершенствовать себя въ практической астрономіи (по уставу 1804 года было два профессора на этой каѳедрѣ: профессоръ астрономъ-наблюдатель и профессоръ теоретической астрономіи) и работалъ на академической обсерваторіи, подъ руководствомъ академиковъ Шуберта и Вишневскаго; послѣдній зналъ его еще студентомъ. Во время отсутствія Симонова, Бартельсъ обра-

---

[1] Напечатаны въ *Каз. Извѣстіяхъ* 1811 г. № 21.

тился въ совѣтъ съ просьбою о томъ, чтобъ ему, сверхъ занимаемой имъ каѳедры чистой математики, предоставлено было преподаваніе и *теоретической астрономіи*, которую онъ и прежде, до пріѣзда Литтрова (1808—1810 гг.), преподавалъ. Совѣтъ вполнѣ согласился на это и представилъ о порученіи Бартельсу этой каѳедры „съ положеннымъ по уставу жалованьемъ“. Противъ этого ходатайства возсталъ тогдашній попечитель Салтыковъ, мотивируя свое возраженіе тѣмъ, что Симоновъ до того времени преподавалъ обѣ астрономіи, что отдѣленіе одной каѳедры отъ другой можетъ имѣть вредныя послѣдствія, такъ какъ „разные профессоры могутъ имѣть разные методы преподаванія и тѣмъ затруднить понятіе и успѣхъ слушателей“ и наконецъ тѣмъ существенно важнымъ обстоятельствомъ, что Симоновъ будетъ преподавать астрономію на русскомъ языкѣ, а Бартельсъ объясняется на иностранныхъ языкахъ. Мнѣніе попечителя въ Главномъ Правленіи Училищъ принято было въ уваженіе и Симонову поручено было преподаваніе и теоретической астрономіи, сверхъ практической. Совѣту осталось только „принять къ исполненію“, но онъ все же донесъ попечителю, что Бартельсъ употреблялъ въ своихъ преподаваніяхъ россійскій языкъ, что какъ кажется было не вполнѣ справедливо ([1]).

Занятія Симонова на академической обсерваторіи и вообще пребываніе его въ Петербургѣ имѣли большое вліяніе на его судьбу и выгодно зарекомендовали его въ глазахъ петербургскихъ ученыхъ и власти. По представленію Академіи Наукъ въ 1819 году, чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, Симоновъ съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ въ качествѣ астронома-наблюдателя

([1]) На другой годъ Бартельсъ, по смерти учителя Ибрагимова, получилъ въ Казанской гимназіи *высшій математическій классъ*, съ содержаніемъ въ 1100 р ежегодно. Какъ кажется, это исканіе стороннихъ преподаваній мѣшало Бартельсу въ его собственной производительности, которая началась только по переѣздѣ въ Дерптъ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ не пренебрегали лишнимъ вознагражденіемъ. Такъ Браунъ, уже будучи ректоромъ, хлопоталъ о вознагражденіи себя за исполненіе въ теченіе десяти лѣтъ, должности прозектора по 800 р. за каждый годъ, а мы видѣли насколько онъ нуждался въ прозекторѣ при преподаваніи анатоміи.

въ извѣстную морскую экспедицію къ южному полюсу, подъ начальствомъ Беллинсгаузена и Лазарева. Экспедиція отправилась изъ Кронштадта 3 іюля 1819 года, а воротилась 24 іюля 1821 года. Въ теченіе этого двухлѣтняго путешествія, простиравшагося до 70° Ю. Ш., Симоновъ усердно дѣлалъ астрономическія наблюденія и краткій отчетъ о своихъ занятіяхъ представилъ совѣту университета, а наблюденія и результаты своего путешествія изложилъ въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета ([1]), которыя тогда же были напечатаны. Для университетскихъ музеевъ Симоновъ принесъ въ даръ нѣсколько вещей изъ Новой Зеландіи, Отаити, съ острововъ Фиджи и другихъ мѣстъ. Этими подарками, какъ извѣстно, воспользовался Магницкій для доказательства своихъ излюбленныхъ идей ([2]). Впрочемъ главная уче-

([1]) «Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта и особенно въ Южномъ Ледовитомъ морѣ». Каз. 1822, 8°, съ эпиграфомъ изъ Давидовыхъ Псалмовъ, поставленнымъ въ угоду новому университетскому направленію и «О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріи». 1825. Въ рукописяхъ осталась еще большая поэма, заключающая въ себѣ стихотворное описаніе плаванія, подъ названіемъ «Востокъ» (по имени шлюпа). Она написана довольно гладкими для того времени стихами и служитъ свидѣтельствомъ значительнаго литературнаго образованія Симонова. И потомъ Симоновъ, въ описаніяхъ своихъ путешествій и нѣкоторыхъ мелкихъ статьяхъ, заботился о литературной отдѣлкѣ. Описанія явленій природы у него напоминаютъ манеру Бернарденъ де Сенъ-Пьера и Шатобріана. Этихъ писателей Симоновъ усердно читалъ.

([2]) Магницкій тотчасъ послѣ ревизіи въ отчетѣ своемъ о ней называлъ Симонова «молодымъ человѣкомъ, отличнымъ познаніями и поведеніемъ, подающимъ самую большую надежду на будущее время», а по возвращеніи изъ экспедиціи весьма любилъ его. Если можетъ быть Симоновъ и принадлежалъ къ разряду *искательныхъ людей*, то онъ не игралъ однако никакой выдающейся роли въ попечительство Магницкаго, подобно другимъ. Нѣсколько строкъ относящихся къ нему въ «Воспоминаніяхъ В. И. Панаева» (*Вѣстникъ Европы* 1867 г. т. IV, стр. 103), гдѣ Симоновъ выставленъ не совсѣмъ въ привлекательномъ свѣтѣ, едва ли могутъ быть справедливы. Въ это время Симоновъ былъ вполнѣ самостоятеленъ и не былъ *облагодѣтельствованъ* Магницкимъ. Воспоминанія Панаева тенденціозность которыхъ не разъ была замѣчена въ литературѣ имѣютъ цѣлью между прочимъ представить автора ихъ главнымъ виновникомъ паденія Магницкаго.

ная и литературная дѣятельность этого казанскаго профессора, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ ученой Европѣ, его путешествія, его литературные труды, знакомства съ свѣтилами науки въ Европѣ, постройка обсерваторіи два раза (1833-1837) и потомъ послѣ пожара (1843-1847), его ректорство, его отношенія къ молодому поколѣнію, отличавшіяся благодушіемъ,—вся эта любопытная жизнь можетъ найти настоящее мѣсто только на позднѣйшихъ страницахъ, нашего разсказа ([1]).

Воротившись изъ кругосвѣтнаго плаванія, Симоновъ уже не засталъ въ Казани своего перваго учителя. Въ 1820 году Бартельсъ получилъ приглашеніе изъ Дерпта занять тамъ вакантную послѣ смерти Гута каѳедру чистой и прикладной математики и принялъ его. Мы не знаемъ, какія собственно обстоятельства и отношенія заставили Бартельса оставить Казань, къ которой онъ привыкъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни въ ней, гдѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ (со времени открытія университета въ 1814 году Бартельсъ постоянно былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія), гдѣ преподаваніе его, по собственному разсказу, имѣло такой значительный успѣхъ посреди цѣлой группы внимательныхъ и даровитыхъ слушателей, но должны однако сказать, что впослѣдствіи объяснимъ подробнѣе, что послѣдніе годы его казанской жизни не походили на первые. Въ 1812 году умеръ Румовскій, цѣнившій научныя достоинства Бартельса, лично уважавшій его, принимавшій самое живое участіе въ его дѣятельности, какъ

([1]) Четвертый рекомендованный Бартельсомъ слушатель его былъ Андрей Васильевичъ *Кайсаровъ*, старшій между своими сверстниками (1784—1835). Онъ стоитъ въ спискѣ первыхъ студентовъ, поступившихъ въ университетъ при его основаніи. Въ 1811 году онъ былъ уже магистромъ физико-математическихъ наукъ. «Магистръ Кайсаровъ, пишетъ о немъ Бартельсъ, весьма достойный человѣкъ, который *недостатокъ свой въ дарованіяхъ къ математикѣ замѣняетъ прилежаніемъ*. Г. профессоръ Яковкинъ весьма благоразумно предложилъ его для преподаванія физики на россійскомъ языкѣ, подъ руководствомъ проф. Бронвера». Эти слова Бартельса вполнѣ справедливы. Кайсаровъ не пошелъ дальше званія адьюнкта физики, которое онъ получилъ въ 1820 году, въ наукѣ остался неизвѣстенъ, не напечаталъ ничего, читалъ лекціи не дававшія знаній и безполезныя, но несъ много должностей при университетѣ, исполняя ихъ съ добросовѣстнымъ сознаніемъ долга. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ начальникомъ университетской типографіи и ктиторомъ церкви.

человѣка науки и какъ преподавателя. У новаго попечителя Салтыкова не было ни научныхъ заслугъ, ни даже стремленія къ умственной дѣятельности въ какой либо сферѣ; въ его отношеніяхъ къ университету проглядывала скорѣе всего нелюбовь къ иностранному элементу, своею численностью далеко превосходившему русскія силы,—чувство извинительное, но не вполнѣ удобное въ международной области науки. Близкіе къ Бартельсу и вполнѣ достойные люди, какъ Френъ, Литтровъ, Броннеръ еще раньше его оставили Казань. Бартельсъ былъ свидѣтелемъ ревизіи Магницкаго и потомъ такъ называемаго *преобразованія* университета, совершенно измѣнившаго его. Хотя Магницкій не могъ не признать заслугъ Бартельса (онъ называлъ его въ своемъ отчетѣ „человѣкомъ отлично знающимъ"), но цѣнить эти заслуги былъ не въ состояніи; онъ не видѣлъ даже успѣховъ въ его преподаваніи. „Онъ кажется лучше могъ бы быть академикомъ, чѣмъ преподавателемъ"—писалъ Магницкій и искалъ въ профессорѣ того, что называлось имъ *нравственными достоинствами*. Не дѣятельность въ чистой и свободной области духа выдвигала теперь въ университетѣ впередъ человѣка, а другія дѣянія, другія свойства; нравственныя понятія спутались; лицемѣріе, ханжество, наушничество, доносы, ненависть къ уму и презрѣніе къ наукѣ стали ставить въ достоинство профессору. Безъ сомнѣнія все это хорошо понималъ Бартельсъ и это пониманіе было причиною того, что онъ уѣхалъ изъ Казани съ легкимъ сердцемъ, если не на нѣмецкую родину, гдѣ теперь, послѣ освободительныхъ войнъ, было уже меньше поводовъ къ экспатріаціи, то все же въ нѣмецкій городъ.

Разсказанное нами о Бартельсѣ въ Казани имѣло цѣлью показать и общія и частныя причины успѣха преподаванія математики въ Казанскомъ университетѣ. Пришлось коснуться отчасти и школы, т. е. учениковъ Бартельса, хотя ихъ дѣятельность переходитъ въ другое время. Бартельсомъ мы пока прерываемъ біографическую часть нашего разсказа и обращаемся къ другимъ сторонамъ первоначальной жизни университета.

Въ исторіи Казанскаго университета, и въ первые годы его существованія, и въ эпохи гораздо позднѣйшія, любопытнымъ и крайне характернымъ, по нашему мнѣнію, явленіемъ представляются *постройки*, задумываемыя и возводимыя съ цѣлью дать пріютъ наукѣ, окружить ее необходимыми средствами и удобствами. Основывая университетъ, людямъ, стоявшимъ въ главѣ этого дѣла, прежде всего слѣдовало бы подумать объ удобномъ и достаточно просторномъ помѣщеніи для университета, но едва ли сами они имѣли ясное представленіе о немъ и его потребностяхъ и думали о неизбѣжномъ будущемъ развитіи науки и преподаванія. Мы видѣли какъ просто, посреди гимназіи, въ средѣ ея учителей и учениковъ былъ *основанъ* университетъ. Юноши, новые студенты удовлетворялись настоящимъ, сознаніемъ, что ихъ произвели въ студенты; подчиненные спѣшили выполнить приказанія начальства, а попечитель Румовскій— осуществить скорѣе въ дѣйствительности идею правительства, сознавшаго необходимость науки для государства и желавшаго ея развитія. О томъ же какая будущность ожидаетъ въ Казани университетское преподаваніе никто не думалъ. Вотъ одна изъ многихъ причинъ, почему Казанскій университетъ не былъ открытъ до 1814 года, представлялъ собою что-то скорѣе напоминающее высшіе классы гимназіи, тѣснясь въ одномъ съ нею зданіи.

Только по основаніи университета спохватились пріискивать помѣщеніе для него, покупать дома, строить и перестроивать безконечное число разъ. Извѣстный авторъ мемуаровъ, Вигель, видѣвшій Казанскій университетъ въ первый годъ его существованія, высказалъ довольно странную и неопредѣленную фразу о томъ зданіи (домѣ гимназіи), гдѣ университетъ помѣщался: „Строеніе было довольно обширно, не то что послѣ, когда его распространили“ (¹). Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ, догадаться трудно, но намъ по опыту извѣстно, что хроническимъ недостаткомъ Казанскаго университета являлась постоянно тѣснота помѣщеній, мѣшавшая правильному развитію преподаванія. Отсюда—періодическое возобновленіе построекъ, при чемъ первоначальное назначеніе того или другаго зданія измѣнялось по нѣскольку разъ. Конечно это зависѣло не отъ прихоти устроителей:

(¹) *Русск. Вѣстн.* 1864 г., т. LI, стр. 92.

перестройки по большей части являлись необходимыми для преподаванія, для науки, но онѣ, въ теченіе болѣе восьмидесятилѣтняго существованія университета, стоили казнѣ очень дорого, поглотили значительныя суммы и почти всегда не достигали цѣли, т. е. только на самое короткое время удовлетворяли потребности. Зависѣли эти періодическія перестройки и отъ того обстоятельства, что въ самомъ развитіи университета не было ничего органическаго, ничего послѣдовательнаго и строго обдуманнаго. И въ этой области, матеріальной и технической, сказалось, къ сожалѣнію, то колебаніе въ системахъ и направленіяхъ русскаго просвѣщенія и науки, которое составляетъ характерную черту русскаго духовнаго развитія. Не разъ та или другая система гордо и самоувѣренно заявляла о своей абсолютной непогрѣшимости, порицала прошлое, праздновала побѣду, но въ мелочномъ побѣдномъ восторгѣ своемъ забывала о будущемъ духовномъ развитіи страны. Побѣдители думали строить на гранитѣ, но оказывалось, что постройки стояли на пескѣ и въ этомъ, быть можетъ, заключается извѣстная, хотя и печальная доля утѣшенія.

Въ Россіи наука, эта новая сила, исторически развившаяся въ другихъ странахъ, замѣнившая собою другіе порядки и другія условія, не получила въ наслѣдство чужаго, прежняго достоянія, гдѣ бы она могла достойно помѣститься. Прошлое въ этомъ отношеніи было совершенно пустынно. Наука не завладѣла здѣсь по праву побѣды и вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условій, ни старыми просторными, разсчитанными на долговѣчность іезуитскими зданіями, какъ напр. въ Прагѣ и Бреславлѣ, ни дворцами курфирстовъ, архіепископовъ, принцевъ, выстроенныхъ въ сознаніи силы и власти, какъ въ Боннѣ, Галле, Берлинѣ (приводимъ тѣ университеты германскіе, которые случайно пришли намъ на память); не было у насъ, да и не могло быть ни матеріальныхъ средствъ, ни сознательнаго отношенія къ университетской наукѣ, для того, чтобъ строить для нея такія грандіозныя, удовлетворяющія всѣмъ главнѣйшимъ ея потребностямъ и будущему развитію, зданія, созданныя лучшими архитекторами, какъ въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ или, наконецъ роскошное зданіе новаго университета въ Вѣнѣ, поражающее путешественника и громадностью размѣровъ, и величавостью, и красотою внѣшнею.

Никакихъ воспоминаній и никакого наслѣдства отъ прошлаго не получилъ Казанскій университетъ. Можно было считаться только съ прежними помѣщичьими домами, покупать ихъ и перестроивать, сообразуя перестройки не съ дѣйствительными надобностями университетскаго преподаванія, а съ случайными обстоятельствами, часто временными и скоропреходящими, иногда просто съ прихотями. Обдуманнаго и яснаго плана не было. При томъ все дѣло покупки домовъ, перестройки ихъ и приспособленія къ нуждамъ университетскаго преподаванія попечитель Румовскій довѣрилъ вполнѣ Яковкину, „человѣку, невидавшему организма университетовъ", по словамъ его ближайшихъ сослуживцевъ, а Яковкинъ, какъ мы знаемъ, былъ мастеръ ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ этихъ постройкахъ и перестройкахъ раскрывался полный просторъ его хлопотливой дѣятельности, хозяйскому такту по заготовленію матеріаловъ и сдѣлкамъ съ подрядчиками, даже разнымъ архитектурнымъ фантазіямъ, но ни у него, ни у Румовскаго не было яснаго сознанія о томъ какое помѣщеніе нужно для настоящаго университета. „Чтобъ вѣрнѣе все располагать можно было, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, приступая къ планамъ перестроекъ, то вчера нарочно, прочитавъ уставъ, старался я по возможности сообразить и выписать всѣ нужнѣйшія размѣщенія" (2 мая, 1805 года). Кромѣ неяснаго пониманія будущаго университетскаго зданія, много вредило дѣлу то обстоятельство, что приходилось считаться съ личными интересами, заботиться о житейскихъ удобствахъ лицъ, служащихъ университету, что вызывалось силою вещей и тогдашними казанскими условіями. Университетъ возникъ изъ гимназіи, устроенной главнымъ образомъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ, жившихъ въ самомъ зданіи; вмѣстѣ съ учениками помѣщались и директоръ, и инспекторъ, учителя, разные надзиратели, смотрители, экономы, письмоводители и проч. Всему этому многочисленному персоналу по штату положены были казенныя квартиры со всѣми удобствами. Привыкшіе долгими годами къ теплому казенному углу, къ даровымъ отопленію и освѣщенію, они упорно стояли за эти выгоды и употребляли всѣ усилія, чтобъ отстоять ихъ. Новые члены университета, въ особенности пріѣзжіе иностранцы, незнакомые ни съ языкомъ, ни съ мѣстными правами, сильно нуждались на первыхъ порахъ въ помѣщеніи;

чувство человѣколюбія принуждало устроивать ихъ въ университетскихъ домахъ, гдѣ многіе и жили. Вотъ почему купленные для университета дома отстроивали часто подъ квартиры для профессоровъ, „ибо въ Казани, въ главныхъ улицахъ, писалъ Румовскій въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія (21 марта 1805 года, № 58), смежныхъ къ главному университетскому строенію, нѣтъ почти возможности новопріѣзжему человѣку найти квартиру, а напявъ въ отдаленіи отъ онаго, въ весеннее и осеннее время, по причинѣ непроходимой грязи, не можно имѣть съ оными сообщенія". Но это употребленіе университетскихъ зданій подъ квартиры для лицъ, связанныхъ съ университетомъ такъ или иначе, должно было замедлить открытіе университета и сдѣлалось хроническою язвою на послѣдующіе годы.

Мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности устройства университетскихъ зданій, интересныя можетъ быть, какъ характеристика времени, людей и обстоятельствъ, не для однихъ только казанцевъ и бывшихъ студентовъ (¹).

При отправленіи Румовскаго въ Казань въ началѣ 1805 года тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій поручилъ ему „обозрѣть на мѣстѣ какимъ бы образомъ можно было зданіе Казанскаго университета такъ расположить, чтобы въономъ всѣ надобности и отдѣленія университета помѣщены быть могли". Ни министръ, ни попечитель не имѣли никакого представленія о будущемъ помѣщеніи университета, и Румовскому, по пріѣздѣ въ Казань, пришлось знакомиться впервые съ мѣстными условіями и руководствоваться совѣтами хорошо знакомаго съ этими условіями Яковкина. Остановившись въ гимназическомъ домѣ, Румовскій въ немъ и положилъ основаніе университету, въ немъ же было и торжество этого основанія и розданы шпаги первымъ студентамъ изъ высшихъ классовъ гимназіи. Въ этомъ гимназическомъ домѣ, доставшемся потомъ университету, послѣдній и помѣщался совмѣстно съ нею до сентября 1811 года, когда гимназія переведена была въ пер-

(¹) До насъ первоначальною судьбою университетскихъ зданій въ Казани занимался покойный, бывшій секретарь совѣта Казанскаго университета, Н. Г. Фастрицкій. См. его статью «Нынѣшній университетскій кварталъ во второй половинѣ XVIII столѣтія» въ газетѣ *Справочный листокъ города Казани*, 1867 года, №№ 81, 82, 83.

вый разъ въ особый, купленный для нея и перестроенный домъ на Покровской улицѣ, гдѣ и помѣщается она въ настоящее время. Такимъ образомъ прошло слишкомъ шесть лѣтъ до отдѣленія университета отъ гимназіи и до начала устройства университетскихъ зданій. Всѣ эти шесть лѣтъ поглощены были покупкою разныхъ домовъ для университета, стройкою, перестройкою и безконечною перепискою между Петербургомъ и Казанью, между попечителемъ и директоромъ по вопросамъ строительнымъ, а по прошествіи шести лѣтъ оказалось, что университетъ вовсе не имѣлъ сноснаго помѣщенія, что онъ не могъ быть даже открытъ для преподаванія, наприм. медицинскихъ наукъ, за неимѣніемъ для того какихъ либо приспособленій. Румовскій, проживши въ Казани не болѣе двухъ недѣль, уже не возвращался въ нее. Полновластнымъ распорядителемъ все время былъ Яковкинъ.

Первоначальнымъ и единственнымъ помѣщеніемъ университета былъ гимназическій домъ (въ нынѣшнемъ главномъ университетскомъ зданіи онъ составляетъ всю восточную половину его, на лѣво отъ главнаго входа). Этимъ домомъ заканчивалась Воскресенская улица; онъ стоялъ на гребнѣ обрыва, и противоположнаго ряда домовъ по обоимъ спускамъ направо и налѣво не существовало. Здѣсь былъ самый высокій пунктъ Казани (91 футъ надъ уровнемъ Волги); домъ господствовалъ надъ городомъ и былъ почти въ центрѣ его. Въ Казани нѣтъ лучше и шире видовъ, какъ съ университетской обсерваторіи или изъ оконъ зданій, обращенныхъ на обширное пространство отъ юго-востока на юго-западъ и кто изъ старыхъ студентовъ, для которыхъ этотъ видъ раскрывался во всей своей широтѣ изъ оконъ такъ называемыхъ *занимательныхъ* (въ третьемъ антресольномъ этажѣ главнаго зданія, выходящихъ во дворъ), не помнитъ этого вида, съ его увлекающимъ въ даль просторомъ, съ широкимъ, нижнимъ и верхнимъ теченіемъ Волги и съ синѣющими горами по ту сторону ея. Какъ часто, раннимъ утромъ, помнимъ мы, усталые глаза отъ ночнаго приготовленія къ майскому экзамену обращались въ раскрытыя окна къ этому волжскому простору, озаренному восходящимъ солнцемъ, мечтая сплыть куда нибудь по рѣкѣ въ родную сторонку на дощаникѣ или косной, какъ это обыкновенно и случалось до пароходовъ. Не даромъ этотъ видъ остался въ

памяти Аксакова, когда онъ больной лежалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ, бывшихъ тогда больницей (1): „Видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его суконными и татарскими слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды весною сливались съ разливомъ Волги— вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки, и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца“. Эта картина была передъ глазами современниковъ, „и намъ случилось найти ея описаніе въ экспликаціи одного плана принадлежащихъ университету мѣстъ“ (2).

Въ 1796 году на этомъ гребнѣ обрыва строился домъ для губернатора; лучшаго мѣста для помѣщенія начальника края нельзя было придумать. Намъ неизвѣстно кто строилъ этотъ домъ, безспорно лучшій и обширнѣйшій въ то время въ городѣ; но въ 1798 году постройка не была приведена еще къ окончанію, и когда императоръ Павелъ пріѣхалъ въ 1798 году въ Казань, и 29 мая того года утвердилъ второе положеніе о гимназіи, возстановленной имъ безъ сомнѣнія потому, что она перестала существовать вслѣдствіе реформы образованія, послѣдовавшей при Екатеринѣ (3), тогдашній Казанскій гражданскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась по положенію гимназія, д. с. с. *Казинскій* (опредѣленный изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ 14 декабря 1797 года и уволенный отъ службы 4 апрѣля 1799 года) представлялъ о помѣщеніи возстановленной гимназіи (прежній военный губернаторъ князь Мещерскій, составившій при Павлѣ пер-

---

(1) Давно уже эти комнаты обращены въ семейныя квартиры канцелярскихъ и другихъ служителей университета.

(2) *Фастрицкій*, Универс. кварталъ.

(3) Первое положеніе о возстановленіи гимназіи въ Казани было составлено губернаторомъ княземъ Мещерскимъ, согласно именнаго указа ему отъ 31 октября 1797 года; оно было представлено при докладѣ его 21 декабря того же года и немедленно утверждено. Въ Казань оно пришло при сенатскомъ указѣ отъ 17 февраля 1798 года на имя губернатора Казинскаго. Исполненія однако не было сдѣлано никакого, «по несообразности Положенія и по нерѣшенію нѣкоторыхъ статей», по словамъ Яковкина. Поэтому военный губернаторъ Лассій въ мартѣ того же года отправилъ своего чиновника Соколова, котораго онъ сдѣлалъ потомъ директоромъ, въ Москву, чтобъ посовѣтоваться съ университетскими профессорами о передѣлкѣ перваго положенія, что и было имъ исполнено. Попечителемъ гимназіи былъ гражданскій губернаторъ.

вое положеніе о гимназіи, предполагалъ отдать подъ гимназію крайнюю къ выходу изъ крѣпости часть дома присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь губернское правленіе) слѣдующее: „Гимназію со всѣми ея чинами наиспособнѣйшимъ признаю помѣстить въ домъ, построенный для губернатора, который по великому пространству своему и многимъ неудобностямъ никакъ не соотвѣтствуетъ тому предмету, для коего опредѣленъ, *а для гимназіи можетъ быть наивыгоднѣйшій*, ежели подѣлать нѣкоторыя пристройки и починки, о коихъ планъ, а во что все то обойдется, смѣту, сочиненную примѣрно существующимъ здѣсь цѣнамъ съ возможной аккуратностью и соблюденіемъ пользы и выгоды казенной, представляю при семъ на усмотрѣніе“ [1]. Императоръ Павелъ немедленно аппробовалъ планъ, фасадъ и прожектированныя постройки и на окончательную отдѣлку внутри и снаружи пожаловалъ 24492 руб. 90 коп. по представленной смѣтѣ, которые и были отпущены въ распоряженіе Казанскаго военнаго губернатора де-Ласси (былъ назначенъ 10 января, а уволенъ 9 августа 1798 года) изъ губернскихъ доходовъ. Отдѣлка этого дома для гимназіи продолжалась не долго и уже въ слѣдующемъ 1799 году, 24 сентября, въ него переведена была гимназія. Домъ былъ очень великъ; это цѣлая половина настоящаго университетскаго зданія; длина его $42^{1}/_{2}$ саж., а глубина 11 саж. и очень красивъ снаружи, удовлетворяя украшеніями господствовавшему тогда архитектурному вкусу. Фасадъ послужилъ образцемъ для нынѣшняго: тѣ же три портика съ колоннами, числомъ восемь по срединѣ, гдѣ былъ главный входъ, и четыре по обѣимъ сторонамъ, только колонны были коринѳскаго ордена. Посрединѣ зданія возвышался большой куполъ съ круглыми окнами и балюстрадою, а надъ главнымъ портикомъ фронтонъ треугольникомъ съ лѣпными рельефными изображеніями глобуса, лиры, математическихъ инструментовъ. Все это было и красиво, и внушительно, и говорило зрителю о назначеніи зданія. Внутреннее расположеніе залъ и комнатъ осталось почти тоже, что было при первоначальной постройкѣ, по служебное назначеніе ихъ мѣнялось многое множество разъ. Во дворѣ примыкалъ къ

---

[1] Полное собраніе законовъ, т. XXV, ст. 18,539.

восточной сторонѣ дома одно-этажный флигель, выстроенный глаголемъ, существующій и теперь. Познакомившись съ этимъ домомъ на мѣстѣ, попечитель писалъ о немъ въ Главное правленіе училищъ: „Онъ есть наилучшее зданіе въ Казани, и выстроенъ будучи на возвышенномъ мѣстѣ, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ... Главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что нѣтъ при немъ почти никакихъ для хозяйства строеній, или, ежели какія есть, то не соотвѣтствуютъ ни пространству, ни красотѣ дома, ни нуждамъ не только университета, но ниже гимназіи" (23 марта, 1805 года, № 60).

Слѣдовательно и этотъ домъ, повидимому столь обширный и красивый, требовалъ расширенія и пристроекъ, но строительная дѣятельность получила самое широкое развитіе, когда Румовскій, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, и конечно по совѣтамъ практическаго Яковкина, рѣшился покупать смежные съ гимназіей дома съ намѣреніемъ образовать изъ нихъ одно цѣлое для помѣщенія будущаго университета. Никому не приходила въ голову мысль о постройкѣ новаго отдѣльнаго большаго зданія для него, да едва ли можно было разсчитывать тогда и на средства для того.

При покупкѣ домовъ для университета, Румовскій, въ бытность свою въ Казани, входилъ въ сношенія съ разными сосѣдними съ гимназіей домовладѣльцами о продажѣ ими своихъ домовъ въ казну. Чрезъ улицу находились два дома, принадлежавшіе тогда—Папову, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и секундъ-маіору Порфирію Львовичу Молоствову, одному изъ родоначальниковъ многочисленной Казанской дворянской фамиліи, бывшему нѣкоторое время и казанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства ([1]). Извѣстны и первоначальные ихъ владѣльцы: Паповъ пріобрѣлъ свой домъ, отъ маіора Жемайлова, но при переговорахъ о покупкѣ у него, купчей крѣпости не оказалось; Молоствовъ купилъ свой домъ въ 1792 году у маіора Макарова. Это тотъ самый Петръ Ивановичъ Макаровъ, сынъ Казанскаго предводителя дворянства въ эпоху Пугачевщины, который въ литературѣ извѣстенъ какъ послѣдователь Карам-

([1]) Нынѣ дома эти на Воскресенской улицѣ принадлежатъ купцамъ: Папова—Соколову, Молоствова—Крупеникову.

зина, какъ критикъ Шишковскихъ теорій о слогѣ и какъ издатель журнала „Московскій Меркурій“. Это былъ человѣкъ очень образованный, но попавъ, по смерти отца, молодымъ поручикомъ артиллеріи въ Петербургъ, Макаровъ въ кругу кутящей Екатерининской гвардіи, въ нѣсколько лѣтъ прожилъ и проигралъ въ карты значительное состояніе, оставленное имъ отцемъ. Пришлось на тяжелыхъ условіяхъ продать родственникамъ и родовыя деревни, и домъ, и получать отъ нихъ годовое, незначительное по размѣру содержаніе. Макаровъ сталъ путешествовать; онъ отправился въ Англію, обошелъ часть страны пѣшкомъ (описаніе этого путешествія, подъ названіемъ „Письма изъ Лондона“, онъ напечаталъ потомъ въ своемъ журналѣ), но не получая денегъ изъ Казани, Макаровъ надѣлалъ долговъ и принужденъ былъ бѣжать изъ Англіи, спрятавшись въ трюмѣ корабля. Впослѣдствіи Макаровъ расплатился съ своими англійскими заимодавцами и воротившись въ Москву, посвятилъ себя литературѣ, въ то время, съ воцареніемъ императора Александра I, получившей нѣкоторое оживленіе. Прекративъ изданіе журнала, по всей вѣроятности за неимѣніемъ средствъ и подписчиковъ, Макаровъ съ какимъ то пріятелемъ своимъ снова отправился странствовать, но по дорогѣ, гдѣ то въ Польшѣ, умеръ 39 лѣтъ отъ роду.

Покупка домовъ у Папова и Молоствова не состоялась по высотѣ цѣны, несообразной съ дѣйствительною стоимостью домовъ, запрошенной владѣльцами. Папов за свой сравнительно небольшой домъ желалъ получить 35 т., а Молоствовъ просилъ за свой 45 т., тогда какъ ему самому онъ достался, по купчей крѣпости отъ Макарова, только за 15 т. Пришлось обратиться въ другую сторону и пріобрѣтать дома, стоявшіе рядомъ съ гимназіей. Ближе прочихъ, отдѣляясь отъ гимназіи небольшимъ каменнымъ заборомъ съ воротами на нѣсколькихъ саженяхъ, находился опять таки *губернаторскій домъ*, въ которомъ имѣлъ пребываніе, въ годъ основанія университета, тогдашній губернаторъ д. с. с. Мансуровъ. Еще до пріѣзда Румовскаго въ Казань, на этотъ домъ, какъ весьма подходящій, указывалъ ему въ своихъ письмахъ Яковкинъ. Первоначально домъ этотъ принадлежалъ вдовѣ тайнаго совѣтника княгинѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ Тенишевой (мужъ ея князь Василій Борисовичъ былъ прежде въ Казани губернаторскимъ товарищемъ или вице-

губернаторомъ, а потомъ (1760—1764) и губернаторомъ). Отъ матери перешелъ онъ къ сыну ихъ, Дмитрію Васильевичу, бывшему въ 1797 году казанскимъ вице-губернаторомъ, а потомъ, въ царствованіе Александра Павловича, весьма дѣятельнымъ Астраханскимъ губернаторомъ, какъ это можно заключить изъ довольно значительнаго количества проектовъ его для устройства ввѣреннаго ему края, получившихъ силу закона ([1]). Въ казну, для губернатора, домъ былъ купленъ за 30 т. въ 1804 году и долженъ былъ быть перестроенъ. Снаружи этотъ домъ, въ два этажа съ 13 окнами, съ фасадомъ, по словамъ Румовскаго, очень близкимъ къ гимназическому, длиною 34 сажени, былъ очень красивъ, да и внутренняя отдѣлка его, если вѣрить воспоминаніямъ Вигеля, была очень замѣчательна. Онъ „великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила китайская торговля. Большая гостинная была обита шелковой матеріей, по которой въ китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя, и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ финифти“ ([2]). Надо полагать, что убранство это осталось отъ прежнихъ домовладѣльцевъ, такъ какъ для предполагаемой перестройки дома были только заготовлены матеріалы, какъ это видно изъ дѣлъ. Для попечителя и Яковкина домъ этотъ казался даже лучше гимназическаго: онъ имѣлъ корридоры въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ, и изъ нихъ были двери въ отдѣльныя комнаты, тогда какъ въ гимназическомъ домѣ всѣ комнаты были проходныя. Нравился домъ и своимъ, довольно большимъ и хорошо устроеннымъ еще Тенишевыми фруктовымъ садомъ. Въ немъ, подъ хозяйственнымъ глазомъ Яковкина, зрѣли и обирались въ теченіе многихъ лѣтъ яблоки и служили лакомствомъ для студентовъ и гимназистовъ; въ немъ же происходили и сцены воровства, столь обыкновенныя въ яблочныхъ садахъ. „Въ августѣ, приказалъ я, не помню къ какому празднику (пишетъ онъ къ попечителю 27 марта 1811 года) обрать при себѣ въ Тенишевскомъ саду три корзины яблоковъ для студентовъ и питом-

---

([1]) См. Полное собраніе законовъ, томы XXV, XXVII, XXVIII и XXIX.

([2]) Русскій Вѣстникъ, 1864 г., т. LI, стр. 93.

цевъ и весьма удивился, усматривая мало яблоковъ на такихъ яблоняхъ, на коихъ прежде видно было много. На сіе работники мнѣ объявили, что приходитъ часто Татьянушка (такъ звали красивую солдатку изъ подгороднаго села Царицына, находившуюся у жившаго въ нижнемъ этажѣ Тенишевскаго дома холостаго профессора Фукса въ качествѣ кухарки и экономки, съ которою онъ ѣздилъ въ Болгары—для археологическихъ изслѣдованій) обирать для Фукса. Сіе я тогда же строжайше запретилъ, приказавъ, когда она опять придетъ за яблоками, поймать ее и отвести какъ воровку въ казарму подъ караулъ, что и дѣйствительно случилось на третій день. Фуксъ для выручки ея прислалъ ко мнѣ, не помню кого, сказать, что она сдѣлала то самовольно и что онъ ей впредь накрѣпко запретитъ ходить въ садъ, а потому и просилъ отпустить ее къ нему. И такъ по нахальству сей непотребницы не болѣе трехъ разъ имѣлъ я удовольствіе потчивать собственными яблоками даже и самихъ хозяевъ, студентовъ и гимназистовъ. Стыдно уже и упоминать, что Фуксъ открыто съ сею непотребницею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ ѣздитъ для прогулки въ Царицыно, что нашилъ ей много богатыхъ шелковыхъ сарафановъ, что во время публичнаго на троицкой недѣлѣ гулянья на Арскомъ полѣ около качелей, попускаетъ ей ѣздить съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четвернею, за что хотѣли было взять ее въ полицію, что водитъ ее незамаскированную съ собою въ маскарады, коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицмейстера, чтобы приказалъ ее вывести и—публично же объ ней долженъ былъ ходатайтвовать самъ Фуксъ“.

Сосѣднимъ съ Тенишевскимъ или губернаторскимъ домомъ (въ дѣлахъ и бумагахъ оба названія употребляются безразлично) былъ домъ, принадлежавшій тогдашнему казанскому комменданту генералъ-маіору Степану Николаевичу *Кастеллію* (теперь этотъ Кастелліевской домъ въ верхнемъ этажѣ своемъ заключаетъ квартиру ректора, а въ нижнемъ помѣщеніе музея общества археологіи, исторіи и этнографіи и студентскую библіотеку). Домъ съ дворомъ занимаетъ въ длину по Воскресенской улицѣ 19 саженъ. Въ 1805 году въ домѣ было только девять оконъ и на улицу былъ балконъ. Первоначально домъ этотъ принадлежалъ какъ кажется его строителю казанскому купцу Прянишникову, по куп-

чей крѣпости перешелъ потомъ во владѣніе секундъ-ротмистра князя Дмитрія Васильевича Тенишева (очевидно того же, кому принадлежалъ и губернаторскій домъ), а отъ него достался Кастеллію. Послѣдній, на письменный запросъ Румовскаго: не желаетъ ли онъ продать домъ для возникшаго уже въ Казани университета отвѣчалъ немедленно, что онъ готовъ уступить домъ свой за 10 тысячъ, „уважая потребу университета, а кольми паче почитая сіе заведеніе полезнымъ для общаго блага". Сравнительно съ цѣною Молоствовскаго дома, Кастеллій просилъ дешево. Кто былъ Кастеллій, гдѣ онъ служилъ первоначально — не знаемъ. Яковкинъ называетъ его „почтеннымъ старцемъ". Въ воспоминаніяхъ Вигеля и онъ, и жена его, Софья Васильевна, урожденая Нелюбова, появляются довольно опредѣленно: „Съ итальянскимъ прозваніемъ былъ онъ простой русской солдатъ, не зналъ никакого иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться, чтобы выучиться по итальянски. Жена его имѣла недостатокъ, или дурную привычку—все разсказываемое преувеличивать" (¹).

Послѣдній наконецъ изъ университетскихъ домовъ, замыкающій собою на западѣ весь кварталъ, находился на углу спуска съ Воскресенской улицы, противъ нынѣшняго дома полиціи и Воскресенской церкви и принадлежалъ съ начала 1791 года инженеръ-подпоручику Николаю Тимоѳеевичу *Спижарному*. Домъ и дворъ, примыкающій ко двору Кастеллія занимали только 13 саженъ. Каменный двухъ-этажный домъ, въ пять оконъ, какъ и теперь, имѣлъ высокую тогда изъ теса крышу съ большимъ слуховымъ окномъ, но длина его во дворъ была гораздо короче; удлиннили позднѣйшія пристройки. Прежніе владѣльцы этого дома были: подпоручикъ Викторъ Григорьевичъ Веригинъ и премьеръ-маіорша Александра Алексѣевна Тютчева; отъ нея уже домъ перешелъ къ Спижарному по купчей крѣпости, за 800 рублей. Въ казну продавала его вдова Анна Спижарная за 6 тысячъ рублей.

Всѣ эти четыре дома составляютъ собственность университета въ настоящее время. Румовскій, ходатайствуя предъ Главнымъ Правленіемъ училищъ (23 марта 1805 года, № 60)

(¹) Русскій Вѣстникъ, 1864 г., т. LI, стр. 91.

о пожалованіи университету смежнаго съ гимназіей губернаторскаго дома и объ отпускѣ суммъ па починку его и на покупку домовъ коммендаита и Спижарнаго, говорилъ въ своемъ представленіи: „Сіи четыре мѣста составляютъ *цѣлый кварталъ*, въ которомъ всѣ надобности и нужды университета удобно расположены и помѣщены быть могли". Это тѣмъ болѣе было вѣрно, что какъ домъ гимназическій, такъ и остальные три дома имѣли въ глубину обширные дворы, шедшіе подъ гору до самой Проломной улицы (такъ называемой Малой Проломной тогда не существовало); во дворѣ домовъ губернаторскаго и коммендантскаго существовали сады, разведенные Тенишевыми, вырыты колодцы; надворныя строенія конечно были деревянныя; пространство же по горѣ и подъ горою до Малой Проломной представляло неогороженный пустырь и принадлежало городу, отдѣляясь отъ гимназическаго мѣста заборомъ, но заботливый Яковкинъ поспѣшилъ, въ виду пріобрѣтенія смежныхъ домовъ, выхлопотать это пустое мѣсто для университета: „Извѣстившись партикулярно, писалъ онъ къ Попечителю въ началѣ 1805 года, что купцы намѣрены просить оное мѣсто для застроенія лавками, поспѣшилъ я сдѣлать къ г. губернатору представленіе, дабы приказалъ отвести оное для гимназіи и дать планъ. Построеніе лавокъ на ономъ со временемъ можетъ доставлять гимназическому дому, изрядную прибыль, потому что положеніе его между двумя рынками, хлѣбнымъ и рыбнымъ, къ тому весьма выгодно и надежно: а сверхъ того, по загороженіи заборомъ, можетъ оно служить для складки дровъ и матеріаловъ, отчего чище будетъ и настоящій гимназическій дворъ, на коемъ нынѣ всѣ оныя навалены". Коммерческіе разсчеты Яковкина на доходъ отъ лавокъ не оправдались: послѣднія никогда не были выстроены, но за то, по отводѣ всѣхъ пустырей, прилегающихъ ко всѣмъ университетскимъ дворамъ, эти пустыри, дворы и сады, разведенные прежними владѣльцами, дали возможность впослѣдствіи времени выстроить университету здѣсь нѣсколько отдѣльныхъ зданій, да и предполагаемыя въ самое послѣднее время постройки могутъ быть воздвигнуты только на этихъ мѣстахъ.

Вотъ тѣ немногія историческія свѣдѣнія, которыя удалось собрать намъ о прежней судьбѣ университетскихъ домовъ. Никакихъ воспоминаній о прошломъ не сохранилось; остались, да и то не вполнѣ, только ничего не говорящія

смотрѣть не надлежало". Это было вполнѣ справедливо, и такъ какъ для манежа собственно не было ничего еще отдѣлано, то Яковкинъ предполагалъ, воспользовавшись уже выведенными стѣнами, обративъ манежъ въ жилые покои, помѣстить въ двухъ отдѣленіяхъ дома двоихъ, а по нуждѣ и четверыхъ чиновниковъ, съ особымъ входомъ для каждаго отдѣленія: тогда казалось выгоднымъ замѣнить казенною квартирою выдаваемыя отъ казны квартирныя деньги. Въ этомъ же предполагаемомъ домѣ должна была помѣститься и типографія, со всѣми при ней служителями, даже въ случаѣ расширенія ея европейскими шрифтами; внутреннія стѣны могли быть для скорости изъ бревенъ деревянныя, и за прочность ихъ стоялъ Яковкинъ. Составлены были двѣ смѣты: одна, болѣе скромная, цѣнила всю перестройку отъ 8 до 10 тысячъ; другая, составленная губернскимъ архитекторомъ Шелковниковымъ, по которой предполагалась надстройка втораго этажа и болѣе обширное помѣщеніе и для профессоровъ и для типографіи, въ увеличенномъ ея видѣ до восьми становъ, простиралась на 22898 р. Румовскій согласился съ болѣе дорогимъ планомъ перестройки, сбавивъ однако сумму до 20 тысячъ.

Эти предположенія о перестройкѣ манежа для типографіи и въ жилые покои для пріѣзжающихъ профессоровъ сдѣланы были до пріѣзда Румовскаго въ Казань, но при личномъ обозрѣніи, онъ убѣдился въ необходимости и пользѣ предположеній и въ своемъ представленіи въ Главное Правленіе училищъ, испрашивая суммы на пріобрѣтеніе домовъ Кастеллія и Спижарной, а также пожалованіе губернаторскаго дома—онъ включилъ и перестройку манежа. Для манежа уже почти готовое зданіе не годилось. „Будучи на мѣстѣ, осматривалъ я сіе зданіе, доносилъ попечитель министру, и нашелъ, что оно по причинѣ тѣсноты для манежа неудобно, потому что ширина и длина онаго кромѣ одного вольта дѣлать не дозволяетъ" (21 марта 1805 г., № 58). Оставалось сомнѣніе: выдержатъ ли стѣны манежа надстройку втораго этажа, но „архитекторъ обѣщалъ, что не приступитъ къ сооруженію прежде, нежели въ семъ удостовѣрится и для большей безопасности не приметъ надлежащихъ мѣръ". По его словамъ, если будетъ въ настоящее время отпущена сумма на перестройку, то онъ надѣется окончить ее осенью текущаго же года. Также разсчитывалъ и Яковкинъ.

Въ первые годы преобразовательной дѣятельности Александра I, въ годы созданія университетовъ, дѣломъ образованія спѣшили: представленіе Румовскаго къ министру написано было 21 марта, а уже 25 того же марта Государь утвердилъ все, о чемъ ходатайствовалось: 1) о перестройкѣ манежа въ типографію и въ жилые покои для профессоровъ; 2) о покупкѣ домовъ комменданта Кастеллія и Спижарной; 3) объ удовлетвореніи губернатора такою суммою денегъ, какая за домъ изъ казны заплачена. Казалось, что этою перестройкою и пріобрѣтенными домами можно будетъ удовлетворить требованіямъ преподаванія въ зарождающемся университетѣ: стоило только приступить къ перестройкѣ. Для Яковкина, съ его практическими наклонностями, открывалось въ постройкѣ университетскаго зданія новое поприще дѣятельности: до сихъ поръ, являясь въ гимназіи только хозяиномъ-администраторомъ, онъ не былъ еще строителемъ. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ выступаетъ передъ нами въ роли строителя; онъ душа всего и все проходитъ черезъ его руки: и масса разнаго рода строительнаго матеріала, и куча денегъ экономической и строительной суммы. Что прилипло къ его рукамъ отъ всѣхъ разнообразныхъ построекъ—сказать положительно нѣтъ никакой возможности; не могли на него отвѣтить и смѣнившіе Румовскаго слѣдующіе попечители: Салтыковъ и Магницкій, предубѣжденные противъ Яковкина, слышавшіе разсказы современниковъ, ревизовавшіе дѣятельность пресловутаго директора-инспектора. Изъ года въ годъ, по бумагамъ и счетамъ, по дѣламъ конторы и совѣта, по собственнымъ письмамъ Яковкина, мы прослѣдили его строительную дѣятельность, но пришли къ тому же убѣжденію, къ которому пришелъ и Салтыковъ, имѣвшій съ нимъ лично дѣло: „Je ne parlerai point de fraude, il faut la surprendre pour la constater, писалъ онъ по пріѣздѣ въ Казань къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому (¹), mais je vous avoue, que je la soupçonne“. Но за то передъ нами совершенно яснымъ представляется характеръ этой строительной дѣятельности въ глухой и темной провинціи того времени, въ печальныхъ условіяхъ тогдашней общественности и до-

(¹) *А. Васильчикова*, Семейство Разумовскихъ. Томъ второй, стр. 526.

вольно рельефно очерчивается фигура этого мощнаго заправилы-директора, ловкая и извивающаяся какъ змѣя, льстивая до приторности передъ начальствомъ, ссорящаяся и мирящаяся съ своими подчиненными грубо-патріархальнымъ образомъ.

Остановимся на этихъ университетскихъ постройкахъ, безполезно занявшихъ нѣсколько лѣтъ и стоившихъ казнѣ не мало денегъ.

Домъ Кастеллія, принятый университетомъ по описи въ маѣ того же года, былъ не отдѣланъ, хотя и покрытъ тесомъ; онъ былъ не отштукатуренъ, не отбѣленъ, не имѣлъ ни дверей, ни оконъ, хотя рамы для послѣднихъ были уже готовы; въ нижнемъ этажѣ не было ни накатовъ, ни полу. Онъ только строился и почему то коммендантъ вздумалъ его продавать. При пріемѣ дома открылось любопытное обстоятельство, возможное при тогдашнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ: коммендантъ, по близкому сосѣдству съ гимназіей, при директорѣ ея Лихачевѣ, бралъ заимообразно на стройку своего дома *партикулярно*, но за проценты однакожъ, какъ это видно изъ дѣлъ конторы, и кирпичъ (въ количествѣ 90 т.) и известь-кипѣлку (три куб. саж.). Домъ Кастеллія оставался въ неоконченномъ видѣ своемъ во все время попечительства Румовскаго и не приносилъ никакой пользы: точно забыли о немъ. Стѣны его были строены однако прочно. Домъ Спижарной принятъ въ казну въ іюнѣ того же года, но при написаніи купчихъ крѣпостей на имя университета встрѣтилось затрудненіе: гражданская палата отказывалась совершить купчую безъ пошлинъ и гербовой бумаги, какъ это слѣдовало по 14 ст. Высочайше дарованной университету грамоты; Румовскій представлялъ уже въ правленіе училищъ объ отпускѣ потребной на то суммы, но, по ходатайству этого послѣдняго, Высочайше повелѣно было совершить купчія безъ взысканія съ университета положенныхъ при томъ пошлинъ. Не такъ скоро возможно было воспользоваться губернаторскимъ домомъ, гдѣ жилъ самъ губернаторъ Мансуровъ. Этотъ домъ предположено было также перестроивать, для чего было уже приготовлено разныхъ матеріаловъ на сумму 3304 р. 60 к., и Яковкину желательно было пріобрѣсти эти матеріалы для будущихъ работъ по университетскимъ зданіямъ. Донося о своемъ осмотрѣ этихъ матеріаловъ, онъ писалъ, что они „таковы, каковы приличны

для градоначальника", и Румовскій, вполнѣ увѣренный, что матеріалы подобной доброты не могутъ быть доставлены для конторы Казанской гимназіи, ходатайствовалъ предъ правленіемъ училищъ о пріобрѣтеніи ихъ для университета, что и было разрѣшено немедленно. Но самъ губернаторъ не скоро выѣхалъ изъ дома. Въ августѣ 1805 года онъ проситъ попечителя разрѣшить ему прожить въ домѣ всю наступающую зиму, такъ какъ о покупкѣ другаго губернаторскаго дома ведется переписка. Яковкинъ, не ладившій тогда съ Мансуровымъ, побуждаетъ попечителя требовать скорѣйшаго очищенія дома, пишетъ, что домъ Баратаевой давно купленъ для губернатора, что причина медленности только свадьба Мансурова, который женится на княжнѣ Баратаевой, и Румовскій требуетъ очищенія дома уже въ февралѣ 1806 года, но губернаторъ, подъ разными предлогами, прожилъ въ немъ до мая мѣсяца этого года.

Въ какомъ видѣ представлялись тогда всѣ необходимыя нужды и потребности только что основаннаго университета, и какъ разнятся онѣ отъ настоящаго представленія объ университетѣ, мы можемъ составить себѣ понятіе изъ предписанія попечителя, даннаго конторѣ вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ покупки домовъ. Это предписаніе было обязательно, и съ нимъ необходимо должны были сообразоваться всѣ проекты и планы перестройки и соединенія въ одно цѣлое принадлежащихъ теперь университету домовъ. Давая свои указанія конторѣ, Румовскій предписывалъ ей однакожъ вовсе не касаться институтовъ: клиническаго, хирургическаго и повивальнаго, а также анатомическаго театра, обсерваторіи, химической лабораторіи и ботаническаго сада (библіотеку, имѣя въ виду скорое пріобрѣтеніе для университета большой библіотеки лейбъ-медика Франка, онъ предполагалъ потомъ размѣстить въ домѣ Спижарной). „Я думаю, писалъ онъ въ правленіе училищъ (30 марта, 1805 года, № 72), что профессоры, которымъ сіи отдѣленія будутъ ввѣрены, при нихъ жилища имѣть должны, и зданія для оныхъ нужныя не иначе воздвигнуты быть могутъ, какъ по расположенію самихъ профессоровъ, и для того въ смѣтѣ архитекторской сумма для оныхъ потребная включена еще быть не можетъ". Такимъ образомъ открытіе университета во всемъ его объемѣ по уставу 1804 года, отодвигалось въ неопредѣленное будущее, зависѣло отъ обстоятельствъ. Имѣть въ

виду, при составленіи проектовъ и плановъ контора должна была слѣдующее: 1) покои для 40 или 50 студентовъ и при нихъ для профессора-инспектора; 2) покои для 12 студентовъ-кандидатовъ и при нихъ для директора; 3) для 12 магистровъ (столовая для всѣхъ ихъ общая); 4) залъ для собранія совѣта и покои для его архивы; 5) покои для университетскаго правленія съ принадлежащими къ оному казначейскою и архивою; 6) покои для библіотеки; 7) для физическаго кабинета; 8) для естественнаго кабинета; 9) залъ для публичныхъ собраній; 10) покои для преподаванія профессорскихъ лекцій. Послѣдніе, писалъ онъ конторѣ, „кажется мнѣ, что удобно можно помѣстить въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома, устроивъ свѣтлый корридоръ". Изъ этого видно, какъ съужены были требованія и въ какомъ незначительномъ объемѣ представлялась тогда вся научная жизнь университета; хотя мѣста самъ попечитель предполагалъ достаточно, но онъ предназначалъ его на иное употребленіе. „По помѣщеніи сихъ надобностей, доносилъ онъ правленію, остающееся зданіе такъ расположить, чтобъ чиновники въ штатѣ назначенные, кои по должностямъ своимъ безотлучно при университетѣ находиться должны, помѣщены быть могли". Потомъ онъ и еще расширилъ такое употребленіе помѣщеній и конторѣ предписывалъ „прочее зданіе расположить такъ, чтобы большее число профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ служителей въ ономъ помѣщено быть могло съ необходимыми выгодами". На этихъ основаніяхъ долженъ быть составленъ конторою проектъ и планъ будущаго университетскаго зданія.

Но прежде нежели можно было приступить къ перестройкѣ купленныхъ домовъ и соединенію ихъ съ прежнимъ зданіемъ гимназіи, являлось необходимымъ не только найти для гимназіи отдѣльное помѣщеніе, но и преобразовать это учрежденіе, существующее съ 1797 года согласно положенію о немъ Павла I, сообразно уставу гимназій Александра I-го. Теперь это было странное учрежденіе, съ самостоятельнымъ кругомъ учебныхъ предметовъ, мало имѣющимъ общаго съ приготовленіемъ къ университету. Гимназія, кромѣ того, имѣла большой штатъ разныхъ учителей и чиновниковъ, которые вступили въ весьма неопредѣленныя отношенія къ зарождающемуся университету. И вотъ вопросъ *объ отдѣленіи университета отъ гимназіи* становится самымъ

существеннымъ въ первоначальной исторіи Казанскаго университета; онъ занимаетъ и министровъ, и попечителей, которые, сообразно обстоятельствамъ, то спѣшатъ, то медлятъ рѣшеніемъ его, а главнымъ, дѣйствующимъ на практикѣ, въ этомъ вопросѣ лицомъ является, конечно, Яковкинъ. Рѣшеніе этого вопроса такъ и не послѣдовало во все время попечительства Румовскаго.

О пріисканіи подходящаго для помѣщенія гимназіи дома стали думать только по основаніи университета. Пріискивалъ, указывалъ и принималъ дома одинъ Яковкинъ, который въ pendant къ университетскому кварталу скоро образовалъ кварталъ гимназическій. Думали остановиться сначала на каменномъ съ двумя флигелями домѣ коллежскаго ассесора Петра Осокина (принадлежитъ нынѣ наслѣдникамъ Со´олева; въ немъ до пожара 1842 года помѣщалось Дворянское собраніе, а теперь Судебная палата). Домъ этотъ былъ больше губернаторскаго; строенъ онъ былъ давно; въ немъ останавливалась императрица Екатерина во время плаванія своего по Волгѣ. Въ домѣ уже не было половъ и дверей, а штукатурка вся осыпалась. Тѣмъ не менѣе, по оцѣнкѣ губернскаго архитектора Шелковникова, домъ стоилъ 32155 р. 45 коп., „но вѣрьте Ваше Превосходительство, писалъ онъ Румовскому, что на постройку вновь подобнаго оному дома вышло бы не менѣе 35000, паипаче судя по прочности конструкціи всего строенія". Самъ же владѣлецъ, „побуждаемый усердіемъ на пользу учреждаемаго въ Казани университета" и „по любви своей къ наукамъ", какъ писалъ онъ о томъ къ Румовскому, оцѣнивая домъ свой дороже 25 т., уступалъ его за шестнадцать тысячь рублей. Но съ Осокинымъ дѣло разошлось, по всей вѣроятности потому, что помѣщеніе въ немъ для гимназіи найдено недостаточнымъ. Стали подыскивать другіе подходящіе помѣщичьи дома. Яковкинъ уже съ марта мѣсяца 1805 года указывалъ на домъ генеральши Великопольской, „которая получивъ нынѣ отъ отца своего другой большой каменной домъ, продаетъ оной свой прежній". Это тотъ домъ, принадлежащій теперь Императорской гимназіи, который стоитъ рядомъ съ тогдашнимъ училищнымъ флигелемъ, на углу Покровской (тогда Арской) улицы, противъ настоящей гимназіи и заключаетъ въ себѣ квартиру директора. Просила за него генеральша 6 т. рублей, и Яковкинъ думалъ помѣстить въ этомъ домѣ, заключающемъ съ

деревянною при немъ пристройкою пятнадцать комнатъ, въ верхнемъ этажѣ одного женатаго и троихъ холостыхъ чиновниковъ, а въ нижнемъ на время расположить типографію до отстройки манежа,—или употребить въ жилые покои также для двухъ чиновниковъ; потомъ предполагалось помѣстить въ немъ восточныхъ учениковъ и пансіонеровъ. Впрочемъ „передѣлка его сообразно съ обстоятельствами и нуждами гимназіи, писалъ Яковкинъ попечителю (19 декабря 1805 года) зависитъ отъ благопроизволенія; но домъ строенъ весь особенно прочно, и покойный Великопольской былъ самъ весьма великой экономъ". Все заднее мѣсто, до назначенной по плану Покровской улицы, онъ разсчитывалъ выпросить у правительства. Румовскій, съ своей стороны, предполагалъ соединить этотъ домъ съ училищнымъ флигелемъ (гдѣ теперь канцелярія директора) и протянуть его со временемъ на пустырь, отдѣлявшій тогда училищный флигель отъ дома Гурьяновой для помѣщенія гимназіи.

Домъ генеральши Великопольской, которая тѣмъ временемъ пока шла о домѣ переписка, успѣла сдѣлаться надворной совѣтницей Моисеевой, былъ купленъ за 6 т. р. и принятъ въ вѣдомство гимназіи въ началѣ апрѣля 1806 года. Нѣсколько замедлилось принятіе его потому, что въ немъ три недѣли жилъ, съ разрѣшенія губернатора, проѣзжающій изъ Сибири въ Москву генералъ Лаба. Яковкинъ тотчасъ же распорядился помѣстить въ немъ четверыхъ гимназическихъ учителей и пятаго „безпріютнаго" директора казанскихъ народныхъ училищъ, Волынскаго. Такимъ образомъ и при покупкѣ этого дома имѣлось въ виду преимущественно помѣщеніе въ немъ чиновниковъ; тотчасъ же началась поправка печей, постройка деревянной галлереи для хода въ четвертое отдѣленіе, при чемъ пріисканные и нанятые плотники сбѣжали по неизвѣстной причинѣ. Пришлось искать болѣе помѣстительный домъ для гимназіи, конечно между помѣщичьими. Охотниковъ продать домъ выгодно въ казну было не мало; повидимому, домами, строенными вообще не прочно, не дорожили. Такъ отставной маіоръ Лебедевъ продавалъ за 25 тысячъ рублей свой домъ, находившійся на одной линіи съ домомъ Великопольской, но отдѣленный отъ него переулкомъ и двумя домами. Выгоднѣе поэтому, собственно для помѣщенія гимназіи, было купить домъ, на другомъ углу Арской улицы, какъ разъ противъ дома

Великопольской, принадлежавшій гвардіи прапорщику Христофору Львовичу Молоствову. Это былъ братъ сосѣдняго университету домовладѣльца и тоже родоначальникъ многочисленной, но другой вѣтви Молоствовыхъ. Домъ уже торговали для помѣщенія губернатора, и Молоствовъ просилъ за него 24 тысячи рублей; по словамъ Яковкина домъ былъ отдѣланъ хорошо и прочно и въ немъ удобно можно было размѣстить воспитанниковъ и классы, а такъ какъ частныхъ покупателей на него въ Казани не предвидѣлось, то можно было разсчитывать и на разсрочку въ платежѣ: Молоствовъ соглашался получить половину суммы при написаніи купчей, а другую половину черезъ годъ, безъ процентовъ. Это было выгодно, такъ какъ экономическая сумма гимназіи находилась въ процентномъ обращеніи въ Московской Сохранной казнѣ.

По счету матеріаловъ и по описи, домъ Молоствова стоилъ 23831 р. 80 к., и о покупкѣ его Румовскій представилъ министру 23 марта 1806 года, № 113; на другой день докладъ министра былъ Высочайше конфирмованъ: на покупку дома разрѣшалось отпустить 24 тысячи рублей и сверхъ того гимназіи отдавались пустырь позади флигеля главнаго народнаго училища и два пустыря по сторонамъ его. Любопытно для финансоваго положенія того времени, что Румовскій, предлагая конторѣ получить означенную сумму изъ казенной палаты, писалъ: „Если же оная сумма назначена будетъ къ выдачѣ *мѣдною монетою*, то за неимѣніемъ для храненія оной мѣста въ гимназіи, предлагаю конторѣ отнестись въ казенную палату, чтобы оставила ее до истребованія у себя“. Денежныя суммы гимназіи въ ея кладовой хранились тогда въ бочкахъ. Въ окончательномъ однако съ Молоствовымъ разсчетѣ по покупкѣ дома встрѣтилось непредвидѣнное затрудненіе, замедлившее поступленіе его въ вѣдомство гимназическое. Оказалось, при заключеніи купчей въ гражданской палатѣ, что домъ этотъ находится подъ казеннымъ запрещеніемъ: онъ былъ заложенъ ростовскимъ купцемъ Θеодоромъ Мясниковымъ въ государственную бергъ-коллегію впредь до исправной поставки съ 1803 по 1807 годъ съ сибирскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ мѣди, желѣза и другихъ металлическихъ издѣлій въ суммѣ 20 тысячъ рублей. Трудно повѣрить, чтобы такой пріобрѣтатель, какъ Молоствовъ, получавшій съ Мясникова весьма солидные проценты

въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, могъ позабыть, какъ онъ объяснялъ самъ, о томъ, что домъ его заложенъ, но дѣло о покупкѣ пріостановилось. Нуждаясь, по словамъ его, въ деньгахъ, Молоствовъ, для освобожденія дома изъ подъ залога, намѣревался заложить на сумму залога соотвѣтствующее число душъ, просилъ выдать ему изъ конторы только четыре тысячи рублей подъ залогъ крестьянъ на таковую же сумму, оставляя двадцатъ тысячъ въ казнѣ впредь до разрѣшенія дѣла, и передавалъ самый домъ въ полное распоряженіе конторы. Эта послѣдняя справедливо не согласилась на такое предложеніе Молоствова. Безъ совершенія купчей законнымъ порядкомъ, она не могла считать этого дома принадлежащимъ гимназіи, распоряжаться имъ для нуждъ гимназіи, а тѣмъ болѣе обязываться въ предохраненіи чужой собственности. Румовскій былъ очень недоволенъ: „Поступокъ Молоствова, что утаилъ о положеніи дома своего, похвалить не можно, писалъ онъ къ Яковкину (2 августа 1806 года, № 280), и можетъ статься, что дойдетъ до свѣдѣнія Его Величества“. Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія контора должна была сама переписываться съ бергъ-коллегіей, и только въ январѣ 1807 года, по полученіи отъ нея согласія, была заключена купчая, но въ декабрѣ мѣсяцѣ домъ былъ еще занятъ, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, подъ постой для графа Головкина и его свиты, возвращающихся послѣ неудачнаго посольства въ Китай, а въ январѣ, уже съ согласія Яковкина, главнокомандующимъ милиціею седьмой области княземъ Ю. В. Долгорукимъ, „въ чемъ я отказать не осмѣлился, пишетъ онъ, зная крайнюю по городу нужду въ квартирахъ для экстренно-пріѣзжающихъ знатныхъ господъ“. Было довольно при домѣ и мебели; въ описи она не находилась, и Молоствовъ, по словамъ Яковкина, согласился было отдать ее университету въ видѣ подарка, „но съ прискорбіемъ отозвался, что она вся уже еще прежде сего распродана разнымъ людямъ“.

Молоствовскій домъ, въ томъ видѣ какъ онъ былъ въ годъ покупки, могъ помѣстить въ себѣ, какъ мы уже видѣли, только питомцевъ и классы (по преобразованіи гимназіи, она должна была имѣть 40 казенныхъ воспитанниковъ, до сорока пансіонеровъ и полупансіонеровъ, до сорока своекоштныхъ, т. е. приходящихъ учениковъ и до ста кадетовъ изъ кадетскаго отдѣленія). Не было мѣста для больницы,

для эконома, для квартирмейстера (по штату 1798 года). Для помѣщенія ихъ Яковкинъ тогда же подыскалъ домъ находящійся на другомъ углу, выходящій на Черноозерскую улицу (теперь въ немъ квартира инспектора Императорской гимназіи). Домъ этотъ принадлежалъ торговымъ фабрикантамъ татарамъ Муртазѣ и Муксину Бурнаевымъ; дворъ легко могъ быть соединенъ съ Молоствовскимъ и составить одно цѣлое. Домъ конечно былъ каменный, въ два этажа, имѣлъ и флигель; комнаты въ немъ и подвалы внизу были со сводами, все было крѣпко, „все дѣлано на прочную татарскую стать", по выраженію Яковкина. Бурнаевы просили за него 11 тысячъ рублей; вытребованы были изъ магистрата присяжные оцѣнщики, признавшіе просимую цѣну не высокою. Домъ былъ купленъ очень скоро; немедленно началась въ немъ поправка печей и половъ, а въ верхнемъ этажѣ временно помѣстился профессоръ Эвестъ.

Это былъ послѣдній домъ, купленный при первомъ попечителѣ въ виду открытія университета и отдѣленія отъ него гимназіи. Мы уже знаемъ какія требованія для помѣщенія университета ставилъ Румовскій; конторѣ слѣдовало сообразоваться съ ними, хотя онъ и предоставлялъ ей право отклоняться въ незначительныхъ случаяхъ отъ нихъ, если того требовала необходимость, но онъ слѣдилъ за всѣми подробностями построекъ и перестроекъ и разсматривалъ въ Петербургѣ планы и эскизы. Въ бытность свою въ Казани, Румовскій познакомился съ губернскимъ архитекторомъ Шелковниковымъ, поручалъ ему осмотръ продаваемыхъ домовъ, просилъ его заключенія, и Шелковниковъ же первоначально составлялъ планы и эскизы перестройкамъ. Главный надзоръ надъ начавшимися постройками порученъ былъ ему. Но Шелковниковъ былъ занятъ много своими прямыми обязанностями, часто уѣзжалъ съ губернаторомъ въ уѣздные города для наблюденія за казенными постройками (тогда происходила усиленная стройка казаматовъ, казначейскихъ кладовыхъ и присутственныхъ мѣстъ). Были и другіе недостатки у Шелковникова, свойственные искони архитекторамъ: для подрядчиковъ и рабочихъ, по всѣмъ производимымъ имъ казеннымъ сооруженіямъ и подрядамъ, при выдачѣ денегъ за исполненное, предстояли постоянно крайне запутанныя, затруднительныя и обидныя хлопоты, проволочки и задержки въ полученіи денегъ, почему подрядчики и рабочіе не имѣли къ не-

му никакого довѣрія; они говорили Яковкину, что при постройкахъ подъ надзоромъ Шелковникова, и въ томъ случаѣ, если деньги придется получать чрезъ посредство и рекомендацію Шелковникова, они не согласятся взяться за подрядъ и въ полтора раза дороже противъ обыкновеннаго. Наблюдательному директору не нравилось кромѣ того въ Шелковниковѣ и „провождаемый имъ образъ жизни, доказываемый увеличившеюся втрое противу прежняго толстотою тѣла и безпрестанною опухловатостью лица". Частаго посѣщенія работъ отъ Шелковникова нельзя было требовать и Яковкинъ очень скоро нашелъ ему помощника въ своемъ знакомомъ, губернскомъ секретарѣ Смирновѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ постоянно на работѣ и при строильныхъ подѣлкахъ. Вотъ какъ онъ рекомендовалъ этого строителя попечителю: „Смирновъ былъ учителемъ архитектуры и рисованія въ бывшей Казанской гимназіи, по уничтоженіи коей въ 1788 году, принятъ въ Московскій университетъ по удостоенію конференціи на классъ гражданской архитектуры; въ 1794 году опредѣленъ по желанію своему, въ Нижній Новгородъ губернскимъ архитекторомъ, а въ 1804 году отъ оной должности по прошенію своему уволенъ и живетъ теперь въ Казани съ сродственниками своими. Бѣдность его доказываетъ доброту души его и безкорыстіе, а тихій характеръ поневолѣ привлекаетъ къ нему особенное расположеніе" (2 мая 1805 г.). Яковкинъ просилъ попечителя назначить Смирнову жалованье до 250 рублей съ небольшою казенною квартирою. Очевидно Смирновъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Яковкину; онъ могъ на него положиться и Румовскій согласился принять его на службу на указанныхъ условіяхъ. Планы, составленіе смѣтъ и надзоръ за работами были поручены ему, хотя Шелковниковъ имѣлъ общее наблюденіе. Когда же пришло время устроивать общее большое зданіе для университета, оказалось, что Смирновъ для этой цѣли не годится и уже въ концѣ 1807 года Яковкинъ писалъ другое о немъ: „Въ разсужденіи неминуемо долженствующихъ быть строеній университетскихъ, необходимо нуженъ также и *надежный архитекторъ* особливый, потому что губернскій, будучи занятъ и безъ того много, долженъ еще отлучаться по городамъ; на одного же Смирнова, по нерасторопности его и нерѣшительности, никакъ положиться въ важномъ зданіи не можно, что я утвердительно могу донести, а

всякій ли здѣшній начальникъ можетъ быть предполагаемъ довольно свѣдущимъ по части архитектуры, и особливо въ цѣнахъ и добротѣ матеріаловъ? Сверхъ того, при самомъ началѣ приготовленій къ зданію, необходимо нужно будетъ учредить особый *строильный комитетъ* изъ членовъ университета". По штатамъ 1804 года архитектору при университетѣ полагалось жалованья 450 рублей. Яковкинъ просилъ о назначеніи такого и предполагалъ еще поручить ему классы архитектуры и гидравлики въ гимназіи (по положенію Павла I), за что назначено 350 рублей и кромѣ того казенная квартира съ дровами. „На оба соединенныя оныя жалованья можетъ согласиться и надежный архитекторъ, не говоря уже о томъ, что онъ можетъ еще пріобрѣтать со стороны отъ частныхъ людей". Но при Румовскомъ такого архитектора при университетѣ не оказалось, строильнаго комитета образовано не было, а потому можетъ быть и университетское зданіе существовало только въ видѣ проектовъ и предположеній. Да и самые проекты эти составляются и представляются медленно „по причинѣ безпечности и неисправности" Смирнова. „Человѣкъ сей совершенно опустился, пишетъ о немъ Яковкинъ, такъ что для соблюденія порядка лучше будетъ съ нимъ совсѣмъ распрощаться" (26 ноября, 1807 г.) и съ этого времени поручаетъ снимать планы племяннику своему, учителю гимназіи Яковкину. Строить съ Шелковниковымъ въ виду того, что было высказано о немъ, значило „попустить все строеніе наудачу", по словамъ Яковкина, въ Казани же не было никого, кто бы могъ замѣнить Смирнова; былъ правда одинъ итальянецъ по фамиліи Дель-Медиво, чиновникъ въ почтамтѣ, человѣкъ молодой и дѣло свое довольно хорошо знающій, но именно въ это время онъ перемѣстился въ Оренбургъ въ губернскіе архитекторы. Пришлось удовлетвориться старымъ и больнымъ Смирновымъ, какъ бы ни былъ онъ плохъ и какъ ни далеки были отъ дѣйствительности планы и смѣты, имъ составляемые; Шелковниковъ же умеръ въ октябрѣ 1809 года и Яковкинъ представлялъ попечителю о прикомандированіи въ помощь къ нему инспектора Петровскаго, „какъ достаточно знающаго архитектуру", подъ особеннымъ присмотромъ члена конторы. Этимъ членомъ конторы былъ онъ самъ и въ такомъ видѣ и существовало во все время попечительства Румов-

скаго нѣчто въ родѣ комитета, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ разумѣется директоръ.

Первая постройка, и ближайшая къ прежней гимназіи, была перестройка уже воздвигнутыхъ стѣнъ *манежа* въ жилыя помѣщенія, что вызывалось, какъ мы видѣли, необходимостью. Работы начались съ апрѣля 1805 года копаніемъ рвовъ для фундамента внутреннихъ стѣнъ и архитекторъ Шелковниковъ, въ своемъ донесеніи конторѣ, доказывалъ, какъ мы упоминали уже, что стѣны манежа выдержатъ предполагаемую надстройку и что онъ, съ своей стороны приметъ всевозможныя мѣры для прочности строенія, но тотчасъ же оказалось, что самому ему нѣтъ времени наблюдать за работами. За то для Яковкина открылось тутъ въ первый разъ новое поприще для дѣятельности; живя по сосѣдству въ гимназіи, онъ надзиралъ самъ и безпрестанно являлся на стройку, принимая въ ней непосредственное участіе и выказывая свои хозяйственныя способности. Такъ ему удалось хитростью увеличить мѣсто, гдѣ воздвигался манежъ. Контора, подъ предлогомъ сохраненія матеріаловъ, просила у губернатора позволенія обнести вблизи манежа часть городскаго мѣста и построить для рабочихъ два балагана, что и было разрѣшено. „Настоящая же причина сего поступка, писалъ Яковкинъ, та, чтобъ со временемъ, не трогая столбовъ забора и четырехъ между ними бревенъ (потому что далѣе къ верху забрано будетъ горбылями), на томъ же основаніи вмѣсто горбылей сдѣлать заборъ рѣшетчатый, а притомъ и мѣсто для двора выиграется самое пространное. Подъ видомъ же балагановъ построены будутъ въ линію двѣ четырехсаженныя связи, кои послѣ послужатъ для профессорскихъ кучеровъ и другихъ надобностей избами, имѣющими достаточный дворъ“. Этими „мнимыми балаганами“, какъ онъ называлъ свою выдумку, Яковкинъ очень гордился, пріобрѣтая этою продѣлкою даромъ для двора манежа болѣе тринадцати саженъ длины во всю длину всего мѣста, хотя и долженъ былъ изъ за нихъ выдержать ссору съ полиціей, такъ какъ этою самовольною прирѣзкою линія, слѣдовавшая по Высочайше конфирмованному плану, отодвигалась на право и онъ такимъ образомъ нарушался.

Завѣренія архитектора о прочности прежнихъ стѣнъ манежа оказались однако несоотвѣтствующими дѣйствительности. При самомъ началѣ работъ явились „происшествія по

строенію непріятныя и неожиданныя". Манежъ строился кой-какъ. „При отрываніи земли отъ фундамента усмотрѣно, что ровъ не во всѣхъ мѣстахъ рытъ былъ до материка, который есть твердый суглинокъ, но во многихъ заложенъ фундаментъ на насыпи, индѣ болѣе аршина въ глубь простирающейся. При закладываніи прежняго фундамента ни мало не старались заливать его порядочно известнымъ растворомъ, а набросаны только просто каменья со щебнемъ; пустоты же буту оказались наполнены льдомъ, который открытъ будучи дѣйствію теплаго воздуха, таялъ, отчего фундаментъ и опускался и отпадалъ". Не смотря на поспѣшность, съ которою строили внутреннюю стѣну, образовались сначала двѣ, а потомъ и еще одна трещины въ капитальной стѣнѣ, возведенной уже до цоколя, а 26 мая цѣлая четверть стѣны вся вдругъ свалилась сама собою въ погреба, разломавъ выведенные въ нихъ уже до сводовъ простѣнки, такъ что едва могли спастись работавшіе въ погребахъ каменьщики. Рѣшено было разломать всю стѣну до подошвы и повести ее съ материка снова. Это конечно стоило новыхъ расходовъ и архитекторъ исчислялъ ихъ въ 500 рублей. Прежній манежъ былъ срытъ до основанія; работа началась снова и продолжалась быстро, не смотря на то, что въ землѣ, оставленной къ дому Молоствова, появились также пугавшія Яковкина и идущія до самаго фундамента трещины, такъ что онъ долженъ былъ провести всю ночь на стройкѣ. До осени 1805 года вся каменная работа была кончена, выстроены стропилы и поднята крыша; съ весны 1806 года началась штукатурка, а къ осени она, печная и плотничья работы были совершенно кончены, оставалось только отбѣлить строеніе внутри и снаружи и заняться внѣшними лѣпными украшеніями, которыя особенно нравились Яковкину, какъ и вообще парады всякаго рода. Явились наконецъ и эти украшенія. Подъѣздъ обставленъ былъ четырьмя небольшими колоннами; на нихъ возвышался балконъ, а въ срединѣ, во второмъ этажѣ, венеціанское окно съ фронтономъ. Этотъ фронтонъ и балконъ подъ нимъ казались Яковкину „слишкомъ просты и наги" и они украсились лѣпною работою: „медальонами и арматурою, приличною ученому мѣсту, представляющею генія съ глобусомъ, ландкартами, книгами и математическими инструментами". Эти лѣпныя украшенія стоили не дороже 150 рублей. Все мѣсто окружено было рѣшетчатымъ забо-

ромъ, что придавало красоту зданію, „да и гимназіи обнесенная предъ нею площадь придаетъ лучшій видъ". Были насажены липки, на двѣ сажени вдоль подлѣ рѣшетчатаго забора; онѣ окружали стоявшіе и прежде здѣсь на площади солнечные часы и тянулись внизъ по горѣ аллеею. Къ осени зданіе было окончено, и въ октябрѣ 1806 года въ нижній этажъ его была уже изъ гимназическаго зданія перемѣщена типографія. Постройка однако стоила значительно дороже, чѣмъ прежде предполагалось: одного кирпичу, вмѣсто назначенныхъ по смѣтѣ 480 т., до окончанія работъ пошло 800 т. и соразмѣрно съ тѣмъ также извести, песку и работы; *мнимые* балаганы и бревенчатый заборъ стоили тоже не дешево; оказывался недостатокъ въ строительной суммѣ и Яковкинъ еще въ іюнѣ спрашивалъ попечителя изъ какой суммы повелѣно будетъ замѣнить этотъ недостатокъ. Къ концу года не былъ представленъ счетъ всѣмъ издержкамъ сверхъ первоначальной смѣты, да и былъ ли онъ потомъ повѣренъ кѣмъ либо, не видно: контрольной палаты въ то время не существовало. По окончаніи работъ Яковкинъ нашелъ однако нужнымъ ходатайствовать предъ попечителемъ о награжденіи лицъ, такъ или иначе принимавшихъ участіе въ перестройкѣ манежа. Шелковникова, который какъ мы видѣли, былъ постоянно въ отлучкѣ, за его участіе по должности архитектора въ отводѣ земли подъ „мнимые" балаганы и пустырей городскихъ позади гимназическаго и купленныхъ подъ университетъ домовъ, онъ представлялъ, по его желанію, не къ денежной наградѣ, а къ слѣдующему чину; онъ указывалъ именно „награжденіе чиномъ (онъ нынѣ губернскимъ секретаремъ), а не деньгами,— не деньгами!, коими видно со времени своего въ Казань пріѣзду запастись уже имѣлъ время и способы"; архитектора Смирнова, по его бѣдности къ 100—150 рублямъ; казначея Бапнера, за его усердіе при покупкахъ къ 75 рублямъ; строильнаго офицера Ларіонова, завѣдывающаго матеріалами къ 50 рублямъ и пр. (¹)

(¹) Въ этомъ домѣ, который перемѣнилъ свое прежнее названіе *манежа* и назывался *типографскимъ*, помѣщалась до 1832 года университетская типографія. Но уже съ 1815 года въ верхнемъ этажѣ стала помѣщаться клиника, первоначально состоявшая только изъ четырехъ кроватей (до 1815 года клиники вовсе не существовало). Съ постепеннымъ расширеніемъ клиники, домъ этотъ съ 1828 года стали приспособлять

Самою важною изъ предпринимаемыхъ перестроекъ, въ виду отдѣленія гимназіи отъ университета и открытія послѣдняго, должно было быть приспособленіе уже пріобрѣтенныхъ для гимназіи домовъ подъ ея помѣщеніе. Но сдѣлалось это не вдругъ и предпринятыя перестройки, по разнымъ обстоятельствамъ измѣнявшіяся въ первоначальномъ планѣ, продолжались нѣсколько лѣтъ. Сначала полагали ограничиться только Молоствовскимъ и Бурнаевскимъ домами, въ томъ видѣ, какъ они были куплены и сдѣлать лишь немногія передѣлки, больше внутри, для чего составлена была недорогая смѣта и заготовлены были матеріалы, чтобы начать передѣлки съ весны 1807 года; изъ пристроекъ самыми капитальными казались обращеніе конюшни въ жилыя комнаты, каретника въ столовую и коровника въ кухню, при чемъ разсчитывали еще воспользоваться старымъ кирпичемъ. Въ Молоствовскомъ домѣ, какъ мы видѣли, въ январѣ этого года помѣщался временно князь Долгорукой, а послѣ него сенаторъ И. И. Дмитріевъ, ревизовавшій Вятскую губернію. По отъѣздѣ послѣдняго началась уборка дома. Матеріаловъ должно было пойти всего—30 т. кирпича и извести кипѣлки двѣ сажени, а подряды съ каменьщикомъ заключены значительно дешевле смѣты. Предполагая начать работы тотчасъ послѣ Пасхи, Яковкинъ разсчитывалъ все приготовить для отдѣленія гимназіи къ августу мѣсяцу, но вышло иначе.

Встрѣтились затрудненія въ рабочихъ каменьщикахъ. Въ тотъ годъ въ Казани производилось много построекъ, особенно казенныхъ; рабочихъ недоставало и тѣхъ, которые на лодкахъ приплывали въ разливъ, случалось, насильно забирали на работу въ Пороховой заводъ. Но матеріалы Яковкинымъ были уже заготовлены; ихъ возили съ гимназическаго двора, и работа подвигалась, хотя очень скоро предполагаемое размѣщеніе воспитанниковъ и классовъ въ домахъ Молоствовскомъ и Бурнаевскомъ должно было измѣниться; вмѣсто послѣдняго дома рѣшено было занять Великопольской, какъ обширнѣйшій. Работы по перестройкѣ и внут-

---

исключительно для нея, а типографія въ 1832 году была выведена въ занятый по найму частный домъ; въ 1838—1840 годахъ домъ этотъ былъ совершенно перестроенъ въ настоящее зданіе клиники. См. *Фойгта К.*, Отчетъ Казанскаго университета за 17 лѣтъ (1827--1844—Попечительство Мусина-Пушкина). Казань. 1844. 8°. Стр. 195—201, 239).

ренней отдѣлкѣ осенью этого года были дѣйствительно почти кончены. На зимнюю вакацію Яковкинъ уже располагалъ перевести гимназистовъ въ дома Молоствовской и Великопольской, о чемъ доносилъ попечителю, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ и разсчисленіе, какимъ образомъ раздѣлить на двѣ половины одно прежнее хозяйство, какихъ служащихъ оставить при университетѣ и какихъ перевести вмѣстѣ съ воспитанниками въ гимназію. По смѣтѣ первоначально предполагаемыя передѣлки стоили 5974 рубля 35 коп.; отъ этой суммы были остатки, но сверхъ смѣты, съ утвержденія попечителя, были произведены и другія работы: битье свай подъ угловую столовую, рытье колодца, перекрышка крыши Бурнаевскаго дома и пр. Конторѣ эти расходы были неизвѣстны, и Яковкинъ особымъ предложеніемъ напомнилъ ей о томъ и о соизволеніи на нихъ попечителя *изъ предосторожности*, какъ онъ выражался: „поелику что только находилъ необходимо нужнымъ, то все старался всегда заблаговременно исправлять; но не рѣдко ли случается, что и за самое чистое патріотическое усердіе подвергаютъ отвѣту чиновниковъ по дѣламъ заслуживающимъ паче признательность начальства. Удостойте, в. п., милостиво простить сему моему, можетъ быть и напрасному, сомнѣнію! Цѣль моего служенія предъ в. п. совершенно открыта, но бываютъ минуты, въ кои готовъ бываю лучше нижайше просить объ увольненіи, нежели воображать, чтобъ подвергнуться каковому либо отвѣту или нареканію“ (15 окт. 1807 года).

Не смотря на сдѣланныя пристройки, помѣщеніе для гимназіи въ Молоствовскомъ домѣ и въ двухъ сосѣднихъ, Великопольской и Бурнаева, оказывалось недостаточнымъ. О скоромъ отдѣленіи гимназіи и о переводѣ ея перестали думать и въ то уже время, когда работы были закончены, въ головѣ Яковкина созрѣлъ новый планъ расширенія Молоствовскаго дома въ гораздо большихъ размѣрахъ. Мѣсто позволяло увеличить его ровно вдвое: фасадъ имѣлъ 13 саж. длины и столько же пространства оставалось до ограды Воздвиженской церкви, гдѣ уже, съ разрѣшенія архіерея, была сдѣлана калитка для ближайшаго прохода воспитанниковъ на церковныя службы. Этотъ новый планъ, увеличивавшій гимназическое зданіе вдвое, и смѣты работъ были, съ согласія попечителя, составлены въ началѣ слѣдующаго 1808 года и представлены на его утвержденіе. Время и политическія обсто-

ятельства были въ то время неблагопріятны для значительныхъ тратъ на министерство народнаго просвѣщенія и для отпуска новыхъ суммъ на постройки, не смотря на миръ, заключенный въ Тильзитѣ. „Новая война заставляетъ теперь отложить всѣ новыя начинанія, писалъ изъ Петербурга Румовскій (31 окт. 1807 года, № 565), и ничего болѣе не остается дѣлать, какъ блюсти то, что пріобрѣтено и учащимъ въ молчаніи помышлять о наставленіи, а учащимся о пріобрѣтеніи высшихъ знаній. Вы видите изъ вѣдомостей, что все вниманіе теперь обращается на воинство и на дѣла военныя. Аглинской министръ оставилъ уже Петербургъ, а французскаго со дня на день ожидаютъ. По симъ обстоятельствамъ не совѣтую думать о новыхъ зданіяхъ, но только объ окончаніи начатыхъ, и именно домовъ для гимназіи назначенныхъ. Хотя мною и предписано, чтобы перестройка оныхъ не превышала 5972 р. 35 к., но какъ впослѣдствіи за полезное было признано сдѣлать нѣкоторыя прибавки, то само по себѣ разумѣется, что полагаемая смѣта вѣрна быть не можетъ и ее исправить невозможно, почему вы справедливо называете сумнѣніе ваше напраснымъ".

Какъ ни сильны были препятствія, указанныя попечителемъ, очевидный недостатокъ помѣщенія въ купленныхъ для гимназіи домахъ, повелъ къ перепискѣ о такъ называемой *большой пристройкѣ*, стали составляться смѣты и исчислялись суммы, которыми можно было располагать. По разсчету Яковкина, сдѣланному еще въ декабрѣ и по соображенію экономическихъ суммъ гимназіи и университета „безъ всякой нужды и опасности можно будетъ приступить къ большой корпусной пристройкѣ, предполагая однако, во избѣжаніе передачи, заготовлять матеріалы предварительно и въ свое время" (мѣста для склада ихъ на дворахъ и пожалованныхъ пустыряхъ было очень достаточно). „Только къ такому большому строенію съ хилымъ Смирновымъ приступить не осмѣлюсь". Очень много и кажется прежде прочаго хлопотали о внѣшности, о красивомъ фасадѣ съ куполомъ, предназначаемомъ для обсерваторіи; фасадъ этотъ сохранился и въ настоящее время почти въ первоначальномъ своемъ видѣ. Но чтобы фасадъ этотъ былъ совершенно правиленъ и входныя двери главнаго на улицу подъѣзда приходились какъ разъ по срединѣ обѣихъ половинъ зданія, необходимо нужно было для соблюденія симметріи просить у преосвященнаго позво-

леніе податься на сажень въ ограду къ олтарю Воздвиженской церкви и Яковкинъ разсчитывалъ на доброс къ нему расположеніе владыки. Вопросъ объ этой сажени разсматривался въ консисторіи, и съ соизволенія преосвященнаго сдѣлана была уступка ея отъ церковной ограды, хотя потомъ, когда уже стали рыть фундаментъ, „кляузникъ воздвиженскій священникъ и поклепалъ насъ, пишетъ Яковкинъ, двумя аршинами церковной земли сверхъ данной намъ сажени". Въ отношеніи Румовскаго къ архіепископу Казанскому и Симбирскому Павлу (отъ 16 марта 1808 г. № 171), въ которомъ онъ благодаритъ его за благосклонную уступку церковной земли, мы встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя слова: „Благотвореніе ваше по истинѣ заслуживаетъ должную благодарность не токмо отъ гимназіи и обучающагося въ ней юношества, но и отъ самихъ родителей, которыхъ дѣти въ семъ заведеніи образуются; но неуповательно, чтобы мысль сія пришла кому либо изъ нихъ въ голову. Ибо между тѣмъ, какъ въ другихъ губерніяхъ дворянство и другія сословія, соотвѣтствуя мудрымъ и попечительнымъ намѣреніямъ монарха, продолжаютъ дѣлать въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній знатныя приношенія, казанское общество смотритъ на сіе съ хладнокровнымъ вниманіемъ, и въ теченіе управленія моего Казанскимъ университетомъ, смѣю сказать, Ваше Высокопреосвященство, явили первый опытъ великодушнаго пожертвованія, достойный подражанія".

Убѣдившись изъ увѣреній Яковкина, что одной экономической суммы на эту большую пристройку будетъ достаточно и что пристройка, равная дому Молоствова, необходима, Румовскій не вдругъ однако рѣшился ходатайствовать о ней передъ министромъ. Донося ему о состояніи университетскихъ и гимназическимъ домовъ, для приспособленія которыхъ въ теченіе трехъ почти лѣтъ сдѣлано было такъ мало, онъ писалъ о себѣ: „Ежели распоряженія мои недостойны благоволенія вашего сіятельства, то всенижайше прошу несовершенство ихъ приписать не недостатку моего раченія и усердія, но недостатку средствъ и преклонности моего вѣка и умаленію силъ моихъ какъ душевныхъ такъ и тѣлесныхъ. Счастливы прочіе предо мною господа попечители, которымъ для устроенія университета и для окончанія другихъ учебныхъ заведеній всевозможныя отпущены были вспоможенія" (3 янв. 1808 г. № 5). Министръ однако, согласно сдѣлан-

ному имъ докладу, разрѣшилъ эту пристройку, тѣмъ болѣе, что зданіе предполагалось выстроить въ два года и только изъ экономической суммы. Для лучшей гарантіи Румовскій предписывалъ Яковкину, чтобы при стройкѣ онъ взялъ себѣ въ помощь кого либо изъ гимназическихъ учителей, обѣщая ему за то особое вознагражденіе и чтобы подряды производились непремѣнно въ конторѣ. Изъ двухъ представленныхъ на утвержденіе фасадовъ, одного со впадиной по срединѣ и другаго безъ нея,—онъ выбралъ послѣдній. Смѣта, составленная на пристройку, провѣренная инспекторомъ Петровскимъ и учителемъ Яковкинымъ (племянникомъ) и представленная попечителю, заключала въ себѣ расходу до 39 тысячъ рублей, „сумма конечно имѣющаяся еще убавиться, писалъ Яковкинъ, по причинѣ назначенныхъ на все самыхъ высокихъ цѣнъ“. Какъ составлялись въ то отдаленное отъ насъ время эти строительныя смѣты, незащищаемыя какъ теперь въ своемъ абсолютномъ достоинствѣ ни урочнымъ положеніемъ, ни справочными цѣнами, доставляемыми городской управой, ни одобреніемъ строительнаго отдѣленія губернскаго правленія, можно видѣть изъ замѣчаній на нихъ, сдѣланныхъ попечителемъ: „Удивительно, что цѣна на матеріалы и въ Казани такъ возвысилась. Въ прошломъ году и здѣсь за 1000 кирпичей не платили болѣе 12 и 13 рублей. По смѣтѣ строеніе будетъ стоить около 39 тысячъ, но число сіе должно убавить, для того, что 800 четырехсаженныхъ досокъ будутъ стоить 680, а не 6800 рублей, за доски браку поставлено 1750 р., а должно быть только 175, и такъ сумма въ счетѣ показанная убудетъ 7 тысячами. Алебастру показано 100,000 пудовъ, но и 10,000 пудовъ количество было бы необъятное; тоже самое можно сказать о проволокѣ на печи“. Считая количество кирпичей, извести и песку, показанное въ смѣтѣ и математически исчисляя кубическое содержаніе стѣнъ, Румовскій доказывалъ, что въ смѣтѣ этого матеріала указано вдвое больше, чѣмъ нужно. „Сіе замѣчаніе дѣлаю я, писалъ Румовскій (16 марта 1808 г. № 174) наипаче въ томъ намѣреніи, чтобы пріемщики матеріаловъ не вздумали иногда попользоваться и показать въ пріемѣ больше нежели въ самой вещи будетъ ихъ принято“.... „Равномѣрно и число бревенъ четырехсаженныхъ на накаты черныхъ половъ, потолковъ, переводовъ и перегородокъ—2200 такъ велико, что изъ нихъ можно построить деревянный домъ

19*

величиною равный строющемуся" (11 мая, 1808 г. № 278). Всѣ замѣчанія Румовскаго были приняты Яковкинымъ и конторою къ свѣдѣнію; оправдывались торопливостью и неповоротливостью старика Смирнова; оказывалось, что въ представленной смѣтѣ были пропущены нѣкоторыя работы и все же исправленная смѣта сбавлена была съ 39 на 34 тысячи. Эта смѣта, по полученіи новой оцѣнки на матеріалы, была еще разъ исправлена и расходу снова полагалось болѣе 38 тысячъ, т. е. Яковкинъ стоялъ за прежнюю оцѣнку, доказывая и убѣждая попечителя какъ выгодно, сравнительно съ другими вѣдомствами, пріобрѣталъ онъ матеріалы: кирпичъ, бревна, песокъ и проч. Онъ отрицалъ свой личный произволъ на торгахъ съ подрядчиками и поставщиками. „Главные и большіе подряды всегда производились донынѣ въ конторѣ, а только встрѣчавшіяся и нетерпѣвшія никакой медленности обстоятельства рѣшимы бывали мною, да и тѣ всегда съ особливою запискою подряда, подрядчика и условій—въ конторѣ же; различались отъ прочихъ только тѣмъ, что производились безъ контракта на письмѣ и безъ выдачи денегъ напередъ (залоговъ слѣдовательно вовсе не было), а выдавались онѣ по моему приказанію, смотря по успѣхамъ работы" (4 февраля, 1808 г.). Матеріалы всегда заготовлялись заранѣе, въ болѣе удобное для того время, когда было выгоднѣе покупать, а не доставлялись подрядчиками на работы, какъ теперь. „По сей причинѣ поставлялъ я себѣ всегда правиломъ, писалъ Яковкинъ (2 іюня, 1808 г.), чтобы всякихъ матеріаловъ имѣть всегда подъ руками, какъ говорится, и въ готовности потребное количество: они всегда составляютъ наличной капиталъ, а устроеніе университета и гимназіи неминуемо имѣть ихъ обязываетъ. Ежели бы кто и вздумалъ на меня за то клеветать, то оправданіе всегда готово; а сверхъ того покупка, свидѣтельствованіе, выдача денегъ и употребленіе самое идутъ всегда по документамъ конторы по моимъ приказаніямъ, сообразно со встрѣчающимися нуждами, лишь бы только прихоти не отягощали совѣсть: а тамъ—есть Сердцевѣдецъ и Судія праведный, судяй комуждо не только по дѣламъ его, но и по самымъ намѣреніямъ".

Пристройка должна быть кончена въ два года; можно было обойтись исключительно экономическими суммами, какъ гимназическою, такъ и университетскою; по новому счету Яковкина „вѣроятность усматриваемой экономіи" простира-

лась до 6500 р. Это успокоило попечителя и разрѣшеніе строить не замедлило. Работы каменная и плотничная могли быть окончены въ 1808 году и несмотря на то, Яковкинъ ручался, что если министръ непремѣнно пожелаетъ отдѣлить гимназію, то ее возможно будетъ размѣстить сначала въ купленныхъ домахъ, и безъ пристройки. Каменьщики явились въ началѣ мая мѣсяца, стали рыть фундаментъ, а 26 мая, по пропѣтіи молебна съ водоосвященіемъ, заложилась каменная кладка *новой гимназіи*. При рытьѣ фундамента, оказалось, что зданіе воздвигается отчасти на исторической уже почвѣ: найденъ былъ бутовой камень, щебень и множество костей и череповъ человѣческихъ; послѣдніе были снова зарыты на оградѣ Воздвиженской церкви. По преданію, существовавшему въ началѣ текущаго вѣка, во время стройки, на этомъ мѣстѣ былъ какой-то монастырь еще за долго до Пугачева.

Все лѣто и до самой глубокой осени, до заморозковъ, продолжалось строеніе новой гимназіи весьма дѣятельно и успѣшно, съ тѣми только препятствіями, что разсчеты о количествѣ матеріаловъ, нужныхъ при стройкѣ, оказывались невѣрными и матеріаловъ постепенно употреблялось больше, чѣмъ количество ихъ стояло въ смѣтѣ. Такъ, не смотря на то, что у Молоствова были каменные заборы на улицу и ограду церковную, разобранный кирпичъ которыхъ составлялъ экономію и долженъ былъ снова пойти въ дѣло, кирпича оказалось недостаточно. Трудно разобраться въ правдѣ этихъ показаній. Кирпичъ покупался дѣйствительно дешевле смѣтной цѣны его, по 11 р 50 к. за тысячу, „чѣмъ въ экономіи остается еще отъ каждой тысячи по 50 коп. противу смѣты, но за провозъ теперь не менѣе двухъ рублей съ полтиною платить должно по причинѣ страдной поры“—писалъ Яковкинъ (21 іюля, 1808 года). Въ августѣ уже оказывается недостатокъ въ строительной суммѣ и становится необходимымъ ассигновать еще; въ сентябрѣ опять тотъ же недостатокъ и потребовалась новая ассигновка въ 5000 рублей. Румовскій ассигновалъ только 3000 р., но этого было мало и контора, отчисливъ самовольно, для расплаты съ подрядчиками 1000 р., снова ходатайствовала о 3000 р. Спѣшила окончаніемъ зданія къ зимѣ, чтобъ успѣть покрыть его крышей, для которой желѣзо экономическимъ образомъ покупалось у Макарья, Яковкинъ очень хлопоталъ о наружности, о украшеніяхъ, о томъ чтобъ зданіе имѣло внѣшній

красивый видъ. Съ сожалѣніемъ разстался онъ съ идеею впадины по срединѣ фасада, на что не согласился Румовскій, но отстоялъ четворобочникъ, колонны при входѣ, напоминавшія прежнее зданіе гимназіи, гдѣ помѣщался теперь университетъ, и особенное вниманіе обратилъ на куполъ, возвышающійся на четворобочникѣ, назначаемый имъ подъ такъ называемую имъ обсерваторію, хотя Румовскій, какъ астрономъ, увѣрялъ его, что въ ней невозможно дѣлать астрономическихъ наблюденій. Сильно было также у Яковкина желаніе покрыть фальшивымъ мраморомъ залу, предназначаемую для торжественныхъ собраній, ссылаясь на дешевизну въ Казани алебастра „что хотя стоить будетъ 250 рублей дороже противъ обыкновенной щекатурки, но за то прочность и величественность замѣнятъ сію передачу“. Припоминалась ему когда-то видѣнная имъ въ Петербургѣ роскошь столичнаго убранства и онъ хотѣлъ устроить нѣчто подобное и въ гимназіи, сообразуясь со средствами: „Думаю дать цвѣтъ голубой съ бѣлымъ, подобно аванзаламъ маскараднымъ въ Зимнемъ дворцѣ, что на Неву: но посмотрю, какой цвѣтъ обойдется дешевле“ (10 ноября, 1808 г.). Мечты эти не осуществились однако: въ Казани мастера не нашлось, а выписанный подрядчикомъ изъ Москвы не пріѣхалъ. Къ окончанію же перестройки появился манифестъ отъ 2 февраля 1810 года и попечитель, ссылаясь на него, вовсе воспретилъ ненужную роскошь фальшиваго мрамора: „подобное украшеніе, писалъ онъ, прилично царскимъ чертогамъ, а не гимназіи“. Ограничились по необходимости простою штукатуркою, стараясь придать ей „величественность, простоту и прочность“ разными средствами, напр. полуколлонами, которыя „придадутъ болѣе величественности небольшому балдахину для портрета Государя Императора, предъ коимъ долженствуетъ быть поставлена каѳедра“. „Справедливо, писалъ утѣшая себя Яковкинъ, что украшеніе залы чѣмъ простѣе, благопристойнѣе и приличнѣе, тѣмъ величественнѣе оно будетъ казаться, да мы и помышляемъ только о самыхъ необходимыхъ прикрасахъ, потому что излишняя пестрота производитъ только отвращеніе“.

Внутренняя штукатурка была оставлена до слѣдующаго года, какъ и предполагалось. Зданіе къ началу зимы было выведено вполнѣ, окна вставлены и крыша покрыта деревомъ, а фронтонъ желѣзомъ. Затрудненіе представлялъ толь-

ко каменный четверобочникъ, но и его успѣли вывести, не смотря на рано начавшіеся морозы. Только куполъ не успѣли покрыть желѣзомъ при морозѣ въ 18°. Яковкинъ имѣлъ право гордиться быстротою работы. „Весьма тяжело было намъ 1 октября, по которое всѣ подрядчики нанимаютъ каменьщиковъ; но чванецъ елея довѣренности рабочихъ къ гимназіи еще тѣмъ болѣе наполняется, писалъ онъ, и теперь стоятъ на дѣлѣ 18 каменьщиковъ, когда другіе ни одного къ додѣлкамъ пригласить не могутъ, я надѣюсь достать ихъ и болѣе 20, дабы скорѣе вытянуть и четверобочникъ, да узрятъ благожелатели мои, какъ Господь помогаетъ въ добромъ намѣреніи и дѣлѣ. А почему, чувствую я, что не имѣю причины опасаться навлечь неудовольствіе и огорченіе Его Сіятельства графа Петра Васильевича“ (6 окт. 1808 г.).

Произошелъ въ этомъ году и небольшой инцидентъ, имѣющій отношеніе къ стройкѣ. Строительный офицеръ (по штату гимназіи императора Павла, нѣчто въ родѣ экзекутора) Ларіоновъ, съ которымъ постоянно Яковкинъ ссорился и имѣлъ множество непріятныхъ, характерныхъ, какъ мы увидимъ, для времени исторій, но разстаться съ нимъ не могъ, донесъ попечителю, что квартирмейстеръ гимназіи пользуется для постройки своего дома казеннымъ лѣсомъ. Румовскій поручилъ Яковкину произвести слѣдствіе, которое и сдѣлано было казначеемъ и экономомъ, т. е. близкими сослуживцами обвиняемаго. Въ самомъ невинномъ и уменьшительномъ, какъ кажется, видѣ представилъ Яковкинъ попечителю о случаѣ. Дѣйствительно квартирмайстеръ купилъ *маленькой домишко* за 125 рублей вмѣстѣ съ однимъ здѣшнимъ мелкопомѣстнымъ чиновникомъ, собственно только для пріѣздовъ послѣдняго, но съ *изряднымъ садикомъ* и строитъ онъ себѣ погребъ, для котораго и купилъ 50 *тонкихъ бресвешекъ* за 15 рублей, что „не могши вскорѣ купить досокъ, взялъ онъ взаимообразно подъ росписку, и то съ вѣдома моего и Упадышевскаго четыре половыя трехсаженныя доски іюля 6 дня, кои опять ему и возвратилъ іюля 13 дня, *взявъ отъ него въ полученіи также росписку*, кои обѣ хранятся теперь у меня. И такъ весь доносъ Ларіонова оказался несправедливъ и основанъ единственно на какой-то злобѣ или зависти по безпокойному и сварливому его характеру“ (21 іюля). Этими объясненіями попечитель удовлетворился. „Вижу я, писалъ онъ, что казенный интересъ въ семъ случаѣ

ничего не потерпѣлъ. Когда возвращены доски, то не было нужды ни брать, ни давать росписки. Онѣ теперь служать только доказательствомъ, что даваны были казенныя доски частному человѣку". Дѣло такъ и осталось, но что тогдашніе по хозяйству гимназіи чиновники жили безъ нужды, видно изъ того, что экономъ Лапшинъ, производившій слѣдствіе о доскахъ, какъ разсказываетъ Яковкинъ, велъ большую игру въ карты въ тогдашнихъ помѣщичьихъ домахъ Казани и разъ, выигравъ у помѣщика Колбецкаго 5 т. р., тотчасъ же оставилъ службу, чтобы сдѣлаться вполнѣ независимымъ пріобрѣтателемъ. Время съ тѣхъ поръ многое измѣнило.

Въ концѣ февраля слѣдующаго 1809 года начались въ зданіи строющейся гимназіи плотничныя работы, покрытіе желѣзомъ купола, штукатурка внутри и снаружи и отдѣлка внутренняя. Въ этомъ году часто въ перепискѣ попечителя съ директоромъ поднимался вопросъ о близкомъ отдѣленіи гимназіи отъ университета, а потому работы дѣятельно продолжались всю весну, лѣто и осень. Можно слѣдить по бумагамъ шагъ за шагомъ, изъ недѣли въ недѣлю, за этими работами, но едва ли это любопытно; характеръ работъ одинаковъ; тѣже препятствія раннею весною въ метеляхъ, въ морозахъ; тотъ же по временамъ недостатокъ денегъ; тѣже жалобы на постоянно возвышающуся дороговизну матеріаловъ; таже похвальба тѣмъ, что удалось купить то или другое дешевле, чѣмъ покупаютъ прочіе. Экономіи помогаютъ домашнія средства. Такъ, вмѣсто яри мѣдянки, для окраски крыши, пудъ которой стоилъ тогда слишкомъ сто рублей, было куплено пять пудовъ мѣдянки или синяго купоросу, называемаго въ Казани почему-то турецкимъ, по 20 рублей каждый и изъ него съ мыломъ, въ пропорціи послѣдняго 2 фунта на 1 фунтъ купороса, составлена рисовальнымъ учителемъ Колосовымъ, чрезъ вареніе, прочная зеленая краска, называемая въ Казани *мылянкою*. Все это очень патріархально, но такова была старина и таковы ея условія. Какъ бы то ни было осенью зданіе гимназіи было готово, за исключеніемъ незначительныхъ мелочей; въ началѣ ноября, для охраны его, Яковкинъ перевелъ въ службы при гимназіи семь инвалидовъ съ ефрейторомъ, а въ виду полученнаго въ декабрѣ мѣсяцѣ предписанія попечителя о предполагаемомъ отдѣленіи и переводѣ гимназіи въ будущемъ февралѣ, все зданіе отапливалось всю зиму.

Какъ опытный педагогъ, Яковкинъ позаботился также и о гигiенической сторонѣ новаго гимназическаго зданія. Казань постоянно, до водопровода устроеннаго въ 70-хъ годахъ, страдала отъ недостатка хорошей воды. Вода близкаго къ гимназіи Чернаго озера, заражающая и теперь весною и лѣтомъ зловоніемъ своимъ прилегающія улицы, была вполнѣ негодною и тогда, и по словамъ Яковкина „по вонючести и гнилости своей даже и на мытье половъ лѣтомъ не годится". Когда-то вода эта однако считалась самою лучшею въ Казани, но губернаторъ князь Мещерскій (1780—1792), перегналъ воду этого озера въ настоящую яму (озеро было на 70 саж. дальше), и она потеряла свои хорошія качества. Озеро Кабанъ было далеко, да и по глинистой почвѣ немощеныхъ улицъ, ѣздить за водою туда весною и осенью было крайне затруднительно, а потому большинство жителей пробавлялось болѣе или менѣе сносною водою изъ довольно многочисленныхъ колодцевъ. Съ согласія попечителя лѣтомъ 1807 года стали рыть колодецъ во дворѣ, принадлежавшемъ къ купленному для гимназіи Бурнаевскому дому. Этотъ дворъ, какъ и часть Молоствовскаго двора когда то были озеромъ, какими изобиловала Казань въ старые годы; они засыпались постепенно и многіе изъ казанскихъ старожиловъ помнятъ небольшія озера тамъ гдѣ теперь площади. Яковкинъ нашелъ старожила, который ловилъ рыбу въ этомъ озерѣ и вотъ почему въ 1861 году пристройка 1 й гимназіи въ переулокъ и смежные дома получили трещины, а зданіе Ложкинской богадѣльни чуть не разрушилось отъ опусканія насыпной почвы (¹). Всѣ казанскіе колодцы очень глубоки и этотъ, гимназическій рылся довольно долго съ разными препятствіями, но уже въ концѣ 1807 года къ изслѣдованію свойствъ его воды приступила наука въ тогдашнемъ ея состояніи. Знакомый намъ профессоръ Евестъ дѣлалъ надъ нею нѣкоторые *химическіе* опыты. „Не имѣя колбъ (это профессоръ-то химіи), г. Евестъ per reagentiam solummodo увѣрялъ, что на девятой сажени, когда онъ изслѣдовалъ воду съ панлавью, въ ней находилась

(¹) См. *Казанскія Губернск. Вѣд.* 1861 года № 28. Авторъ статьи сообщающій въ ней о случаѣ, сильно напугавшемъ тогда Казанцевъ, разсказываетъ о разныхъ преданіяхъ и дѣлаетъ свои предположенія о трещинахъ, но не знаетъ положительнаго, приведеннаго нами факта о существованіи озера.

англійская соль и чрезвычайно малая частица извести, также, по причинѣ неотстоявшейся воды, нѣкоторая часть глины". Нѣсколькими саженями ниже Евестъ нашелъ въ ней „часть углекислаго газу, магнезіи, нѣсколько соляною кислотою растворенной, весьма малую частицу извести и случайно попавшейся глинистой земли". Изслѣдованія Евеста подтвердилъ и казанскій аптекарь Зассъ, отъ котораго Евестъ всегда пользовался снарядами для своихъ химическихъ изслѣдованій. Словомъ вода этого колодца, по завѣренію Яковкина, „одна изъ самыхъ лучшихъ, чистѣйшихъ и здоровѣйшихъ водъ Казани". Осенью 1808 года поставлено было вертикальное ходовое колесо, „при помощи коего и ребятишки вытаскиваютъ бадьи въ восемь мѣрныхъ ведеръ" и устроенъ шатеръ съ крышею. На слѣдующій годъ однако пришлось отливать воду и чистить колодецъ (1).

Другимъ гигіеническимъ предпріятіемъ Яковкина было устройство новой, пространной, въ двухъ отдѣленіяхъ (для здоровыхъ и больныхъ) деревянной бани, такъ какъ старая, татарская баня Бурнаевыхъ никуда не годилась. Яковкинъ надѣялся что „она обойдется многимъ дешевле противу смѣты, послику многіе матеріалы заготовлены заблаговременно и дешевѣйшими цѣнами". Баня была выстроена въ 1809 году, крыта плоскою черепицею (первое зданіе съ такою крышею въ Казани), а вода была проведена въ баню желобьями изъ колодца.

Хлопоталъ очень Яковкинъ о куполѣ надъ зданіемъ гимназіи. Онъ постоянно называлъ его обсерваторіей и разсчитывалъ заинтересовать этимъ попечителя, какъ астронома. Судя по описанію Румовскій не находилъ возможнымъ устроить въ самомъ куполѣ какую либо обсерваторію: „куполъ, писалъ онъ, долженъ быть устроенъ соотвѣтственный только строенію", но однако не противорѣчилъ затѣямъ Яковкина. Въ маѣ 1809 года осматривалъ однако этотъ куполъ

(1) Мы не знаемъ, долго ли просуществовалъ этотъ Бурнаевскій колодецъ, но въ 30-хъ годахъ его не было и воду возили съ озера Кабана. Мы помнимъ легендарные разсказы о нѣкоторыхъ казенныхъ воспитанникахъ старшихъ классовъ, отличавшихся удалью и силою мышцъ, неизвѣстною современному поколѣнію. Они, чтобъ обмануть бдительный инспекторскій надзоръ, скрывались, по соглашенію съ служителями, въ пустыхъ бочкахъ изъ гимназіи, для любимой тогда и модной въ вѣкъ молодечества кулачной расправы на льду озера съ Татарами.

Бартельсъ, и Яковкинъ пишетъ, что онъ весьма одобрилъ строеніе ея. Тогда же пріѣхалъ въ Казань для астрономическихъ наблюденій академикъ Вишневскій; его собирались также вести туда, но о его посѣщеніи намъ неизвѣстно. „Пріятно мнѣ было извѣстіе, что г. Бартельсъ похвалилъ внутренность обсерваторіи, пишетъ попечитель къ директору; прошу увѣдомить что скажетъ, г. Вишневскій. Онъ знаетъ Петербургскую обсерваторію и видѣлъ Берлинскую. Я предвижу напередъ, что онъ найдетъ въ ней недостатокъ, что не приняты мѣры для постановленія инструмента l'instrument des passages называемаго. Но надобно знать, что сія обсерваторія не съ тѣмъ устроивается, чтобъ астрономъ-обсерваторъ безпрестанно продолжалъ дѣлать наблюденія, а единственно для показанія какъ дѣлать наблюденія". Этимъ куполомъ восхищался Яковкинъ: „Изъ купола вышла самая просторная и веселая комната, писалъ онъ, такъ что осматривающіе посторонніе любуются". Въ самомъ дѣлѣ этому куполу подражали при нѣкоторыхъ постройкахъ въ Казани. Окна были сдѣланы такъ, какъ объяснялъ въ письмѣ своемъ Румовскій: „и каждое порознь стекло, и всѣ вмѣстѣ, и по нѣскольку могутъ быть отворяемы". Печка не могла быть устроена, потому что внутренность состояла изъ тонкихъ досокъ, но за то „современемъ можно будетъ на ней изобразить небесное полушаріе по казанскому меридіану, на подобіе готторпскаго глобуса; но сіе зависѣть будетъ уже отъ самаго астронома". Все это были только мечты и изъ купола ровно ничего не вышло. Румовскій напомнилъ о необходимости устроить громовой отводъ и написалъ о способахъ этого устройства, но было поздно, стройка кончалась и „поелику дѣланіе отвода въ свое время пропущено, писалъ Яковкинъ, то ничего болѣе не остается. какъ предаться волѣ Божіей съ обыкновенными осторожностями". Но за то окончательная отдѣлка гимназіи успѣшно подвигалась. Уже въ іюлѣ 1809 года все было готово почти къ перемѣщенію гимназіи. Въ декабрѣ было получено предписаніе попечителя объ открытіи гимназіи въ февралѣ будущаго 1810 года, въ день основанія университета, но открытія однако не послѣдовало, годъ прошелъ и мы читаемъ въ теченіе его только окончательные разсчеты съ разными подрядчиками, видимъ заботы объ окончательной отдѣлкѣ, особенно объ убранствѣ залы. Лѣтомъ отпущено было еще 2000 рублей на покупку

замковъ, шпингалетовъ, задвижекъ и пр. (классные столы и скамьи дѣлались на особую сумму). Если не удалась для залы затѣя фальшиваго мрамора, то плафонъ и стѣны ея были не только украшены лѣпною работою, но и разкрашены. „Залу новой гимназіи началъ рисовальный гимназіи учитель Флавіанъ Колосовъ разкрашивать изъ казенныхъ матеріаловъ, доносилъ Яковкинъ попечителю. На плафонѣ изображенъ будетъ балюстрадъ съ воздухомъ и двумя парящими орломъ и беркутомъ, въ когти коихъ со временемъ утвердиться должны двѣ повѣшенныя люстры; стѣны подведутся подъ видъ голубаго, а колонны и пилястры подъ видъ мясистаго мрамора. Сію работу обѣщаетъ окончить онъ къ Рождеству“ (6 дек. 1810 г.). Почему на плафонѣ были изображены хищныя птицы и чего символами были онѣ—намъ неизвѣстно, да едва ли и самъ Яковкинъ могъ объяснить это.

Посмотримъ теперь какъ и когда казанская гимназія отдѣлилась отъ университета. Пресловутый вопросъ этотъ, рѣшеніе котораго связано было и съ устройствомъ особаго, удобнаго помѣщенія для гимназіи и съ преобразованіемъ самой гимназіи, которую положеніе Павла I дѣлало совершенно особеннымъ учебнымъ заведеніемъ, не похожимъ на гимназіи, основываемыя при Александрѣ I, возникъ естественно при самомъ основаніи университета въ началѣ 1805 года и не рѣшался, какъ мы говорили уже, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ этого вопроса находилось и открытіе университета сколько нибудь въ полномъ видѣ, съ дѣятельностью факультетовъ, полнотою преподаванія и экзаменами на ученыя степени. Немногочисленные приглашенные въ Казань профессора, русскіе и иностранцы, сами не знали цѣли и значенія своей спеціальности въ общей системѣ преподаванія; ихъ дѣятельность была и случайна и отрывочна. Что не отъ одного недостатка помѣщенія зависѣло рѣшеніе этого вопроса, видно изъ того, что и по окончаніи постройки новаго зданія гимназіи она все таки не переводилась въ назначенное ей помѣщеніе. Не зависѣло рѣшеніе этого вопроса и отъ недостатка доброй воли Побуждаемый министерствомъ, Румовскій не могъ не желат болѣе скораго выдѣленія гимназіи изъ университета и откры тія послѣдняго, тѣмъ болѣе, что это открытіе освобожда его отъ значительнаго количества дѣлъ хотя бы по училищам

тяжесть которыхъ онъ чувствовалъ, въ своихъ очень преклонныхъ годахъ. Какъ ни выгодно казалось Яковкину самовластно управлять въ одно время и гимназіей и университетомъ, но и съ его стороны не могло быть придумано непреодолимыхъ препятствій къ отдѣленію гимназіи отъ университета: онъ не могъ не исполнить предписаній начальства, не могъ быть единственною и явною для всѣхъ помѣхою къ открытію университета. Какою бы злою ни представлялась эта воля его, она не могла быть достаточно сильною. Передъ нами одинъ только безспорный фактъ, что казанская гимназія положительно мѣшала скорѣйшему открытію университета и несчастною представляется намъ мысль тогдашняго министерства или попечителя Румовскаго открыть университетъ въ нѣдрахъ гимназіи, а не совершенно независимо отъ нея. Съ нею пришлось считаться и долго считаться. Мѣшала слѣдовательно открытію университета сила обстоятельствъ, независимая отъ воли.

Сначала Румовскій видѣлъ дѣйствительно препятствіе въ недостаткѣ профессоровъ; университетъ былъ имъ *основанъ* безъ преподавателей, но когда число ихъ понемногу стало увеличиваться, онъ думалъ о его открытіи, при перемѣщеніи гимназіи въ купленный для нея домъ Молоствова. Но уже въ концѣ 1807 года онъ писалъ Яковкину слѣдующее: „Изъ письма вашего отъ 5 ноября я вижу, что вы спѣшите отдѣлить гимназію отъ университета (Яковкинъ представлялъ планъ и соображенія предполагаемаго имъ размѣщенія гимназіи съ ея казенными воспитанниками, классами, кабинетами, квартирами чиновниковъ и проч. въ купленныхъ для гимназіи домахъ), но сего такъ скоро, какъ желаете, сдѣлать невозможно по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ не послѣдняя состоитъ въ томъ, что новыя пристройки въ толь короткое время просохнуть не могли. Вторую причину полагаю я въ недостаткѣ мѣста для разныхъ чиновниковъ къ гимназіи принадлежащихъ (Здѣсь Румовскій входитъ въ разныя подробности касательно размѣщенія должностныхъ лицъ и раздѣленія хозяйства на двое)... Но главное затрудненіе въ отдѣленіи гимназіи отъ университета состоитъ: 1) что для гимназіи должно сочинить уставъ и представить на утвержденіе; 2) ежели уставъ сочиненъ и утвержденъ будетъ, какое дать имя раждающемуся университету по малому числу профессоровъ? И такъ, по мнѣнію моему, дотолѣ

отдѣлить гимназію отъ университета не можно, покамѣстъ не наберется профессоровъ 12 или 16, чтобъ можно было составить четыре факультета и удовлетворить главнымъ, въ регламентѣ предписаннымъ требованіямъ" (2 дек. 1807 г. № 598). Со стороны министра повидимому высказывалось желаніе поскорѣе открыть университетъ. „Долгомъ почитаю васъ заблаговременно увѣдомить, писалъ попечитель къ Яковкину, что министръ народнаго просвѣщенія, сколько я изъ рѣчей его разумѣть могъ, будущимъ лѣтомъ прикажетъ гимназію отдѣлить отъ университета, однако я, сколько силъ моихъ будетъ, буду стараться удержать его отъ сего намѣренія" (12 февр. 1808 г. № 125). Тѣмъ не менѣе однако это, на словахъ высказываемое желаніе министра открыть университетъ, какъ мы видѣли, заставило Яковкина спѣшить пристройкою въ Молостововскомъ домѣ, и онъ доносилъ о готовности его къ принятію гимназіи. Какъ никакое торжество въ ту эпоху не могло обойтись безъ поэзіи, то Румовскій прислалъ въ Казань даже *кантъ*, приготовленный для открытія университета, сочиненный кѣмъ то изъ тогдашнихъ петербургскихъ піитовъ, знакомымъ ему. Попечитель поручалъ Яковкину приказать положить его „на ноту" и доставить ему. „Я бы желалъ, писалъ онъ, чтобы студенты и кандидаты, упражняющіеся въ словесныхъ наукахъ съ своей стороны постарались сдѣлать по канту, дабы изъ всѣхъ можно было выбрать лучшій" (19 окт. 1808 г. № 623). Такъ какъ петербургскій кантъ былъ положенъ на музыку (1) и исполнялся въ самомъ дѣлѣ хорами при открытіи университета въ 1814 году, то мы приведемъ здѣсь его текстъ:

„Ликуй Казань, словутый градъ,
Въ тебѣ наукамъ храмъ воздвигнутъ;
Веди въ него своихъ ты чадъ,
Да плодъ и пользу ихъ постигнутъ.

---

(1) Кантъ этотъ для хороваго пѣнія былъ положенъ на музыку первымъ учителемъ ся въ Казанской гимназіи Новиковымъ. Онъ упражнялъ въ пѣніи охотниковъ изъ гимназистовъ и студентовъ и очень желалъ остаться учителемъ пѣнія при открывающемся университетѣ. Это мѣсто ему и доставилъ Яковкинъ. Партитура канта находится въ архивныхъ дѣлахъ и, очень можетъ быть, что устроители будущаго столѣтняго юбилея Казанскаго университета, руководясь идеею историческихъ концертовъ А. Рубинштейна, исполнятъ старую музыку этого канта, что будетъ любопытной реставраціей старины.

* * *

Какъ солнце землю озаряетъ
И твари всѣ животворитъ:
Такъ кроткій Александръ желаетъ
На всѣхъ Россіянъ свѣтъ пролить.

* * *

Подобнаго тебѣ незнаемъ,
Монархъ, достойный олтарей!
Отцемъ отечества дерзаемъ
Назвать,—но мало жертвы сей.

* * *

Простремъ къ Всевышнему моленье
Изъ нашихъ глубины сердецъ,
Да ниспошлетъ благословенье
И милость на тебя Творецъ.

* * *

Да будутъ всѣ твои совѣты,
Согласны съ волею Его
И да не коснутся навѣты
Враговъ престола твоего".

Согласно высказанному попечителемъ желанію и въ Казани учителемъ высшаго Россійскаго и геометрическаго классовъ и общества отечественной словесности при Казанской гимназіи членомъ Николаемъ Ибагримовымъ также была сочинена кантата на открытіе университета, но она не была одобрена Румовскимъ: „Кантъ Ибрагимова, писалъ онъ, многимъ, я показывалъ въ словесныхъ наукахъ упражняющимся, но никому не понравился" (14 янв. 1809 г. № 16). Этотъ кантъ былъ втрое пространнѣе присланнаго изъ Петербурга и не заключалъ въ себѣ ничего, кромѣ реторической амплификаціи. Приведемъ его начало.

„Сосѣдъ Европы и Асіи,
Питомецъ Волги искони,
Усыновленный градъ Россіи!
Вновь благость Неба... воспряни!" и пр.

ные. Вотъ почему Казанская гимназія представлялась учебнымъ заведеніемъ высшимъ, чѣмъ прочія губернскія гимназіи и Яковкинъ настаивалъ, чтобъ и на будущее время она осталась въ томъ же видѣ и съ тѣмъ же кругомъ преподаваемыхъ предметовъ, который былъ назначенъ Положеніемъ 1798 года и что съ уменьшеніемъ числа учебныхъ предметовъ неминуемо уменьшится и число учащихся и число поступающихъ въ студенты. Это мнѣніе Яковкина, раздѣляемое Румовскимъ, восторжествовало и гимназія осталась въ прежнемъ своемъ видѣ на долго. Когда новый попечитель Казанскаго учебнаго округа Салтыковъ, познакомившись съ нею, представлялъ въ 1814 году о необходимости преобразованія ея по общему типу гимназій, министръ народнаго просвѣщенія писалъ ему слѣдующее: „На представленіе вашего превосходительства касательно Казанской гимназіи, сообщаю, что какъ гимназія сія существуетъ по положенію, въ 1798 году Высочайше утвержденному, то нельзя дѣлать самимъ собою никакихъ въ ономъ перемѣнъ. Но поелику послѣ учрежденія въ Казани университета существованіе сей гимназіи въ настоящемъ видѣ, какъ представляете, не приноситъ надлежащей пользы; то предоставляю Вамъ составить новое для нея положеніе, сообразное надобности. Въ семъ положеніи слѣдуетъ обозначить также предметы, какіе впредь въ гимназіи преподаваемы быть должны, число учителей и другихъ чиновниковъ, должности послѣднихъ и окладное всѣхъ жалованье, равно какъ и всѣ предположенія, какія со стороны экономической съ выгодою въ дѣйство произведены быть могутъ. Положеніе таковое, по соображеніи онаго, не оставлю я представить на Высочайшее утвержденіе; послѣ чего можно будетъ приступить къ перемѣнамъ, какія въ таковомъ новомъ положеніи допущены будутъ“ (24 августа 1814 года, № 2506). Слѣдовательно гимназія могла отдѣлиться въ 1811 году только въ старомъ ея видѣ, со всѣмъ многочисленнымъ персоналомъ различныхъ чиновниковъ какъ по учебной, такъ и по экономической части, съ самостоятельнымъ директоромъ во главѣ, который по Положенію 1798 года имѣлъ право безконтрольно и самовластно распоряжаться отпускаемыми по штату суммами, наконецъ съ губернаторомъ въ званіи попечителя гим-

назіи по тому же Положенію, что нарушало до нѣкоторой степени права попечителя учебнаго округа въ Казани ([1]).

Только въ 1811 году, когда университетъ, не смотря на происшедшіе въ немъ выборы ректора и декановъ, все еще не былъ открытъ, послѣдовало наконецъ перемѣщеніе гимназіи въ давно готовое для нея зданіе. Въ концѣ августа 1811 года Яковкинъ писалъ попечителю слѣдующее: „Касательно отдѣленія гимназіи отъ университета я донынѣ ожидаю товмо начальственнаго вашего превосходительства предписанія. До открытія и образованія университета по всѣмъ его частямъ, хозяйственная часть неминуемо должна оставаться въ завѣдываніи конторы, въ коей всему уже заведенъ порядокъ существующій; кого нужно будетъ со временемъ отдѣлить для университетскаго правленія, покажутъ лучше время и обстоятельства. Экономъ до совершеннаго образованія университетской хозяйственной части можетъ быть одинъ; но нужно ему въ университетъ дать еще помощника. Для помѣщенія воспитанниковъ съ надзирателями и инспектора и эконома, равно классы и прочія потребности все давно уже готово, такъ что по полученіи предписанія о перемѣщеніи (нѣтъ нужды хотя и на послѣдне утвержденномъ Высочайше положеніи о гимназіи) въ недѣлю все перемѣщено и расположено быть можетъ. Контора съ казною, часть инвалидной комманды и прачешная останутся до времени на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Бѣлье столовое и посуда раздѣлятся по числу хлѣбоѣдовъ въ университетѣ и гимназіи. Поваръ особливый и служители при кухнѣ и столовой давно готовы для студентовъ; нужно будетъ только одного достойнаго наименовать тафельдеккеромъ для наблюденія порядка и отвѣтственности за цѣлость. И изъ настоящихъ чиновниковъ для письмоводства достаточно будетъ отдѣлить на первый только случай въ университетъ, а между тѣмъ постараюсь пріискивать еще достойныхъ и надежныхъ и объ опредѣленіи ихъ представлять на утвержденіе. Могу заблаговременно увѣрить ваше превосходительство, яко начальника и отца подчиненныхъ вашихъ, что по

([1]) Свѣдѣнія о томъ какія и когда наконецъ сдѣланы были перемѣны въ Положеніи 1798 года и когда она была преобразована не могутъ войти въ нашъ разсказъ, но ихъ нѣтъ и въ «Исторической Запискѣ» Владимірова.

полученіи предписанія о перемѣщеніи гимназіи не подамъ ни малѣйшей причины къ неудовольствію ни по учебной, ни по образовательной, ни по хозяйственной частямъ, поелику какъ, гдѣ, кому и чему быть въ то время, все уже расположено заблаговременно; слѣдуетъ только машину сію новую пустить въ дѣйствіе на прежнихъ правилахъ". Румовскій конечно никому другому не могъ поручить этого дѣла, кромѣ Яковкина: „Порядочное внутреннее гимназіи устроеніе, распоряженіе классовъ и всего прочаго, доносилъ онъ министру, требуетъ опытнаго человѣка, знающаго людей къ гимназіи принадлежащихъ, рачительнаго и трудолюбиваго, какого я, кромѣ профессора Яковкина, двѣнадцать лѣтъ при гимназіи служившаго и шесть лѣтъ должность директора съ похвалою правившаго, во всемъ ученомъ казанскомъ сословіи не обрѣтаю. И для того имѣю честь представить не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству все перемѣщеніе гимназіи и распоряженіе въ оной препоручить ему, не относяся ни къ кому въ нужныхъ случаяхъ кромѣ попечителя, и въ воздаяніе трудовъ его опредѣлить ему половину директорскаго жалованья въ штатѣ гимназіи назначеннаго, доколѣ не приведетъ въ желаемый порядокъ гимназію и не дастъ всему ученію надлежащаго ходу".

Въ августѣ получено было наконецъ предписаніе министра о перемѣщеніи гимназіи. Наканунѣ торжественнаго тогда, какъ и теперь, дня, 29 августа, отслужена была всенощная въ университетской залѣ, а на другой день профессора университета, учителя гимназіи, прочіе чиновники, студенты и воспитанники слушали обѣдню въ Воздвиженской церкви, откуда прошли въ залу новой гимназіи. Здѣсь служили молебенъ съ водоосвященіемъ, послѣ чего всѣ учебныя и жилыя комнаты были окроплены святою водою. Начавшіеся въ тотъ же день безпрерывные дожди и страшная грязь на улицахъ замедлили однако на нѣсколько дней перемѣщеніе и только 10 сентября питомцы съ надзирателями въ первый разъ ужинали и ночевали на новомъ мѣстѣ, а 11 сентября начались и классы. Въ день коронованія, 15 сентября, послѣ обѣдни, въ залѣ новой гимназіи былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ „въ присутствіи нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ изъ генералитета и гражданскихъ чиновниковъ особъ", а также всѣхъ профессоровъ и учителей гимназіи. На этомъ собраніи Яковкинъ читалъ изъ

Высочайше пожалованной университету грамоты статьи о правахъ магистровъ, студентовъ-кандидатовъ и студентовъ; произведенные въ классныя званія приводились къ присягѣ, а удостоеннымъ въ дѣйствительные студенты раздавались отъ имени Государя Императора шпаги и наконецъ всѣ присутствовавшіе угощаемы были завтракомъ. Вечеромъ зданія гимназіи и университета были иллюминованы (рапортъ Яковкина попечителю 19 сент. 1811 г. № 90) (¹).

Не долго гимназія прожила отдѣльно въ новомъ собственномъ помѣщеніи; злая судьба два раза снова соединяла ее съ университетомъ. Прошелъ ровно годъ. Бѣдствія, испытанныя отечествомъ въ войну 12 года, дошли и до Казани. Яковкинъ 27 августа получилъ отъ Казанскаго губернатора отношеніе, въ которомъ говорилось, что членъ Московскаго Опекунскаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ А. М. Лунинъ увѣдомляетъ его, губернатора, что по Высочайшему повелѣнію императрицы Маріи Ѳеодоровны и съ соизволенія Государя Императора, Московскій Опекунскій Совѣтъ съ его экспедиціями, Екатерининское и Александровское училища (институты) переводятся въ городъ Казань и уже отправились изъ Москвы 21 августа (²). При Опекунскомъ Совѣтѣ будетъ самъ начальствующій (Лунинъ), два директора, 12 штабъ-офицеровъ, 24 оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ; при училищахъ 160 дѣвицъ, тайный совѣтникъ Н. И. Барановъ, 2 начальницы, 14 классныхъ дамъ, два штабълѣкаря, одинъ подлѣкарь и 60 обоего пола рабочихъ людей; „по неимѣнію здѣсь ни казенныхъ ни партикулярныхъ домовъ, говорилъ губернаторъ, чтобы можно было помѣстить не токмо означенный совѣтъ съ училищами, но даже ни

(¹) Перемѣщеніе это описано въ статьѣ *Казанскихъ Извѣстій* 1811 года, отъ 27 сент. № 24, гдѣ перечислены имена всѣхъ приведенныхъ къ присягѣ магистровъ и кандидатовъ, всѣхъ получившихъ шпаги и всѣхъ переведенныхъ изъ гимназіи въ университетъ.

(²) Нѣкоторыя подробности о путешествіи институтовъ сначала сухопутно, потомъ водою и о пребываніи ихъ въ Казани можно найти въ письмахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Н. И. Баранову. *Русскій Архивъ* 1870. Стр. 1500—1509. Увезены были только тѣ дѣвицы, которыя не были взяты родителями. Императрица возмущалась особенно способомъ отправки, вынужденнымъ необходимостью: «Чего я къ крайнему прискорбію моему отмѣнить уже не могу, и о чемъ не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ, писала она, это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда? Изъ столицы Россійской!».

одного изъ сихъ заведеній, онъ въ необходимости находится просить г. директора изъ ввѣренныхъ ему казенныхъ домовъ, занимаемыхъ гимназіею очистивъ, позволить замѣстить ихъ оными училищами". Высочайшая воля была исполнена и въ началѣ сентября питомцы съ главнымъ надзирателемъ, комнатными надзирателями и служителями воротились на старое мѣсто, въ университетскій домъ. Институты уѣхали обратно черезъ годъ 10 іюля 1813 года. Гимназія, по окончаніи вакацій, въ августѣ воротилась въ новое зданіе, но опять не надолго, только на два года. Страшный пожаръ 3 сентября 1815 года, опустошившій цѣлый городъ, пощадившій университетъ, не пощадилъ гимназію: новое зданіе ея, о которомъ такъ много хлопоталъ Яковкинъ, всѣ ея дома, все имущество внутри зданій—погибло. Воспитанники по необходимости переселились въ университетъ и гимназія должна была въ теченіе 5 лѣтъ тѣсниться въ небольшомъ числѣ комнатъ отданныхъ ей университетомъ тамъ, гдѣ она прежде была хозяйкою. Только черезъ пять лѣтъ, именно 27 августа 1820 года, уже въ попечительство Магницкаго, гимназія наконецъ возвратилась въ свой домъ, между тѣмъ отстроенный послѣ пожара 1815 года, но подробности событій съ 1812 года и разсказъ о томъ какимъ образомъ и кѣмъ отстраивались снова дома гимназическіе выходитъ уже за предѣлы этой главы.

Разсказомъ объ отдѣленіи гимназіи отъ университета, о покупкѣ домовъ для нея и объ устройствѣ ихъ мы невольно отвлеклись отъ университета; можетъ быть и масса представившагося намъ матеріала была причиною этого увлеченія. Но намъ казалось любопытнымъ прослѣдить эту первоначальную исторію, сопровождающую первые, робкіе шаги университета, т. е. научнаго образованія въ нашемъ краѣ. Кажется мы привели довольно доказательствъ того факта, что соединеніе гимназіи съ университетомъ мѣшало послѣднему во всѣхъ отношеніяхъ и прошло много лѣтъ до того времени когда передъ нами явится настоящая университетская жизнь и дѣятельность. Разскажемъ теперь судьбу тѣхъ домовъ, составлявшихъ, по выраженію Румовскаго, университетскій кварталъ и которыхъ казалось было вполнѣ достаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ университета.

Изъ университетскихъ домовъ, худо ли хорошо, какъ мы видѣли, былъ перестроенъ только манежъ, какъ помѣщеніе для типографіи и квартиры для пріѣзжающихъ профессоровъ. Что касается до остальныхъ домовъ, то во все время попечительствъ Румовскаго и Салтыкова о нихъ существовали только одни предположенія. Сначала принялись задѣло очень горячо и Яковкинъ выказывалъ особенную энергію. Еще прежде чѣмъ были куплены всѣ дома, архитекторъ Шелковниковъ, для котораго нарочно были списаны статьи устава, для соображенія строенія съ надобностями университета, составляетъ разомъ три проекта соединенія и перестройки домовъ для представленія ихъ попечителю. Предполагая начало перестройки съ весны 1806 года, Яковкинъ еще въ 1805 году покупаетъ пригнанные весною два плота бревенъ, разсчитывая, что онъ купилъ вдвое дешевле обыкновеннаго и проситъ попечителя „милостиво простить ему сіе дерзновеніе, происшедшее отъ усердія къ сохраненію казны". Принимая въ соображеніе, что въ 1805 году предстоятъ въ Казани многія казенныя постройки, что пять милліоновъ кирпича „потребно будетъ для сооруженія дѣвичьяго кавалерственнаго института, болѣе двухъ милліоновъ на построеніе каменнаго кригсъ-коммиссаріата и около милліона на поправку присутственныхъ мѣстъ, а во всѣхъ кирпичныхъ сараяхъ Казани не могутъ изготовить его въ лѣто и пяти милліоновъ", Яковкинъ, по совѣту архитектора, думалъ и предлагалъ попечителю заготовлять уже, до утвержденія проектовъ и смѣты, кирпичъ хозяйственнымъ способомъ. Сначала онъ хотѣлъ купить сараи какой-то купецкой вдовы Степановой, но эти сараи „отъ несмотрѣнія давно развалились, да и глины грунтовой въ нихъ мало", а потомъ намѣревался самъ строить сараи, доказывая всю выгоду отъ того.

Еще въ 1805 году готовы были разные проекты соединенія университетскихъ домовъ, надъ чѣмъ работали Шелковниковъ и Смирновъ. То желали соединить всѣ дома по улицѣ, такъ что выходило нѣчто очень грандіозное, но ввести въ это цѣлое и домъ Спижарнаго Румовскій не согласился, разсчитывая размѣстить въ немъ на первый случай, пока не выстроится особенное зданіе, купленную имъ библіотеку Франка. То, за исключеніемъ этого угловаго дома соединить только три дома подъ одинъ фасадъ съ гимназическимъ, „а ме-

жду ними въ три этажа съ бельведеромъ, предназначаемымъ для обсерваторіи, построить выше обоихъ корпусовъ зданіе съ колоннадою, помѣстивъ тутъ залъ собранія съ нѣсколькими аудиторіями. Но всѣ эти проекты, эскизы, профили, а ихъ довольно въ дѣлахъ, составляемые архитекторами, разсматриваемые и одобряемые конторою, остались въ видѣ предположеній. Торопливость Яковкина въ заготовленіи матеріаловъ попечитель остановилъ слѣдующими соображеніями: „На заготовленіе кирпича, извести и проч. не могу теперь дать своего согласія, доколѣ Правленіемъ (училищъ) не утверждено будетъ расположеніе всего строенія. Прежде нежели сіе сдѣлается, пройдетъ можетъ быть года два. Сверхъ сего общее движеніе войскъ показываетъ, что мы близки къ войнѣ, и ежели Всевышнему отвратить оной не будетъ благоугодно, то я думаю, что необходимость заставитъ помедлить строеніемъ“ (31 авг. 1805 г. № 277). Сверхъ этой общей причины, появившейся вслѣдствіе войнъ нашихъ съ Наполеономъ, пріостановившей всѣ предполагаемыя въ самомъ началѣ царствованія реформы и особенно помѣшавшей вообще развитію просвѣщенія, въ Казани помѣшало устройству университета и планамъ воздвигнуть большое университетское зданіе изъ купленныхъ домовъ самое состояніе послѣднихъ. Очевидно, что съ пріобрѣтеніемъ ихъ спѣшили, покупали ихъ необдуманно, безъ внимательнаго осмотра. Вотъ что контора гимназіи доносила попечителю при составленіи самыхъ первыхъ проектовъ и предположеній о постройкѣ университета: „По свидѣтельству архитекторовъ Шелковникова и Смирнова оказалось, что дома губернаторскій и Спижарной въ своемъ фундаментѣ не весьма надежны, притомъ и стѣны всѣ въ рвотинахъ, къ надстройкѣ неудобны, а коммендантскій, хотя и твердъ, но по тонкости стѣнъ и по низости дома, надстройки высокой вынести не можетъ... Корпусъ гимназическій шириною 10 саж. и 2 арш., губернаторскій—10 саж., а комменданта 8 саж.; слѣдовательно все придетъ къ переправкѣ, почему они, архитекторы, находятъ великое неудобство къ соединенію всѣхъ ихъ вмѣстѣ“ (21 авг. 1805 г. № 559). Этотъ рапортъ, основанный на болѣе внимательномъ изученіи купленныхъ для университета домовъ, былъ написанъ только послѣ горькаго опыта съ обвалившеюся стѣною манежа, за прочность которой ручался Шелковниковъ. „Ради Бога остерегите Якова Михайловича

(архитектора) писалъ Румовскій, чтобы съ домомъ губернатора того же не сдѣлалось, что съ манежемъ: вотъ неожиданное затрудненіе университетскому строенію". Начались опять новые проекты и предположенія пристроекъ и такихъ капитальныхъ рѣшеній, какъ даже срытіе цѣлыхъ домовъ. Архитекторъ Шелковниковъ настаивалъ сначала на срытіи первоначальнаго гимназическаго дома (угольнаго на В.); затѣмъ пошли предположенія о срытіи не его, а губернаторскаго или Тенишевскаго, на чемъ и остановились и что было дѣйствительно приведено въ исполненіе, но только гораздно позднѣе, не при Румовскомъ и не при Яковкинѣ. „Поелику нѣтъ возможности безъ ломки соединить всѣ домы подъ одинъ фасадъ, то не остается, по мнѣнію моему, иного способа какъ соединить только домъ губернаторскій съ главнымъ корпусомъ. По описанію вашему и архитекторову и сего безъ ломки сдѣлать не можно. И для того, думаю я, домъ губернаторскій разобрать до основанія, пристроить къ главному корпусу новое зданіе и расположить ихъ сообразно нуждамъ университета въ регламентѣ упоминаемымъ... Что касается до прочихъ домовъ, то о расположеніи ихъ и употребленіи надобно будетъ подумать особливо". Но въ то же самое время Румовскій собщаетъ конторѣ, что едва ли правленіе училищъ согласится на срытіе котораго либо изъ купленныхъ домовъ. Для постройки хотя бы меньшей, напримѣръ для соединенія только гимназическаго и губернаторскаго домовъ необходимымъ однакожъ являлось срытіе послѣдняго и чтобъ скрыть это обстоятельство отъ Правленія училищъ, Румовскій совѣтуетъ Яковкину составить такую смѣту, не упоминая о сломкѣ, „чтобъ сумма достаточна была и на разломку дома и на новое зданіе". „Я думаю, утѣшаетъ онъ себя, что не малую часть матеріаловъ въ дѣло еще употребить будетъ можно. Два соединенные дома, т. е. то, что составляетъ теперь главное зданіе университета, кажутся ему достаточными, чтобъ въ нихъ помѣстились всѣ нужды университета, но „обстоятельства, войною угрожающія, не позволяютъ утруждать Государя объ отпускѣ суммы на перестройку всѣхъ домовъ" (11 сентября, 1805 г. №: 294).

Но и домъ Спижарной оказался на столько неудовлетворителенъ, что также пришли къ убѣжденію въ необходимости срыть его. „Изъ него, въ нынѣшнемъ его положеніи,

пишетъ Яковкинъ, ничего хорошаго сдѣлать не можно, какъ только до сломки его онъ будетъ служить пристанищемъ и жилищемъ, да и то съ большою нуждою... нельзя безтолковѣе состроить дому, какъ сей построенъ" (18 іюля, 1805 г.). „Въ нынѣшнемъ состояніи долго простоять онъ не можетъ, да и для университета, по тѣснотѣ своей, не можетъ онъ быть навсегда полезенъ". Прежде чѣмъ рѣшили купить для гимназіи домъ Молоствова, предполагали сломать домъ Спижарной и выстроить на его мѣстѣ, протянувъ во дворъ, зданіе гимназіи, но мѣсто оказалось тѣснымъ для гимназіи, положеніе и штаты которой не могли быть измѣнены. Что касается до коммендантскаго или Кастелліева дома, то, какъ мы говорили, онъ былъ купленъ не отдѣланнымъ; то входилъ онъ въ общій планъ перестройки, то исключался изъ нея. Въ концѣ 1808 года конторою былъ составленъ наконецъ планъ и смѣта на 5000 р. отдѣлки его на всякій случай, „дабы онъ до времени могъ служить на всякія встрѣчающіяся нужды университета", но домъ этотъ „по днесь оставался для университета безъ всякой пользы" и находился въ своемъ первоначальномъ, не отдѣланномъ видѣ (представленіе конторы попечителю 12 окт. 1812 г. № 1862), а смѣта тѣмъ временемъ возрасла до 8257 р. 65 коп.

Такимъ образомъ приспособленіе и перестройка купленныхъ домовъ для университета не выходила изъ области проектовъ и предположеній. Практическое примѣненіе ихъ отложили на неопредѣленное время и все вниманіе обращено было на перестройку Молостовскаго дома для гимназіи съ тѣмъ, чтобъ по возможности скорѣе отдѣлиться отъ нея. Однако уже въ 1807 году мы встрѣчаемъ и *проектъ расположенія отдѣльныхъ университетскихъ зданій*, независимо отъ главнаго корпуса, который долженъ былъ образоваться изъ соединенія двухъ домовъ: губернаторскаго и гимназическаго. Проектъ этотъ имѣлъ за основаніе университетскій уставъ 1804 года и принадлежалъ Яковкину. Въ общихъ чертахъ своихъ онъ заключаетъ всѣ тѣ зданія, которыя были воздвигнуты потомъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, конечно съ тѣми измѣненіями, которыя зависѣли отъ обстоятельствъ и времени, а также и отъ втораго университетскаго устава. Очевидно, что въ составленіи этого проекта помогали Яковкину и нѣкоторые тогдашніе профессора иностранцы. Такъ только что прибывшій въ томъ же 1807 году профессоръ ана-

томіи Браунъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Смирновымъ, составили подробный планъ предполагаемаго анатомическаго театра (ср. выше стр. 165—166). Размѣры зданія представляются даже нѣсколько большими, чѣмъ въ настоящемъ театрѣ, оконченномъ постройкою только въ 1837 году, потому что при немъ предполагались тогда квартиры для профессора и прозектора. Разсматривая этотъ планъ Брауна и сравнивая его съ тѣмъ, что существуетъ на дѣлѣ въ настоящее время, мы не находимъ никакой существенной разницы. За исключеніемъ измѣненій, сдѣланныхъ въ мѣстѣ, все расположеніе по университетскимъ дворамъ отдѣльныхъ университетскихъ зданій почти удержалось; сооруженія, сдѣланныя чрезъ тридцать слишкомъ лѣтъ сохранили первоначальный проектъ 1807 года. Тогда анатомическій театръ предполагали построить на углу пустыря дома Снижарной на нижнюю (мало-Проломную) улицу, вдоль ея, внизу обсерваторіи. „Въ разсужденіи эскиза анатомическому театру, писалъ Яковкинъ, имѣю честь донести, что онъ кажется архитектурою своею и величиною долженъ соотвѣтствовать величественности самаго зданія университетскаго, и особливо, что назначается для него мѣсто низкое". На другомъ, противоположномъ углу, въ симметріи съ анатомическимъ театромъ, предполагалось построить химическую лабораторію съ аудиторіею, аптекою и провизорскими кладовыми, въ срединѣ между ними, по нижней улицѣ, отдѣленіе для скотолѣченія и сельскаго домоводства; на верху, по срединѣ поперечныхъ стѣнъ, на одной сторонѣ клиническій и хирургическій институты, а на другой повивальный институтъ съ лазаретомъ родильнымъ, „ежели онъ предположенъ при университетѣ"; на мѣстѣ Тенишевскаго сада и огорода предполагали возвести особое строеніе въ одинъ этажъ для музеума съ библіотекою, съ комнатами для чтенія въ видѣ круга и аудиторіею натуральной исторіи и врачебнаго веществословія. Что касается до обсерваторіи, то и въ университетскомъ зданіи, какъ и въ гимназическомъ, Яковкинъ предполагалъ воздвигнуть ее по срединѣ главнаго университетскаго корпуса (вышина средины этого корпуса предполагалась грандіозная—17 саженъ), „откуда весь горизонтъ открытъ" и куполъ предполагаемой обсерваторіи долженъ былъ господствовать надъ двумя другими, тоже возвышенными куполами, которые должны были подниматься по бокамъ зданія. Румовскій справедливо былъ

противъ этого. Тогда, для помѣщенія настоящей обсерваторіи съ неподвижными инструментами, Яковкинъ нашелъ мѣсто надъ круглыми комнатами для чтенія музея и библіотеки; „горизонтъ того мѣста, писалъ онъ, почти отовсюду, выключая нѣсколько главнаго зданія, открытъ". Всѣ эти планы и предположенія нѣсколько разъ измѣнялись, перерисовывались, за тѣмъ посылались въ Петербургъ, на разсмотрѣніе и одобреніе Румовскаго, который дѣлалъ свои замѣчанія, но ничего опредѣленнаго не было достигнуто. Господствовала полная неизвѣстность, а между тѣмъ гимназія съ ея многочисленнымъ штатомъ и университетъ не имѣющій самыхъ необходимыхъ при преподаваніи пособій, тѣснились кое-какъ. Яковкинъ разсчитывалъ, что зданія могутъ быть готовы развѣ черезъ шесть лѣтъ, но когда начнется постройка никому не было извѣстно. Въ ноябрѣ 1811 года было получено въ совѣтѣ Казанской гимназіи предложеніе попечителя отъ 13 октября, за № 1175 о постройкѣ анатомическаго театра и прочихъ медицинскихъ зданій, вызванное какъ представленіями совѣта, такъ и частными письмами профессоровъ Брауна и вновь назначеннаго Эрдмана; образованъ былъ комитетъ для выработки плана, въ которомъ главнымъ былъ конечно Яковкинъ. По его мысли снова обращено было вниманіе на продающіеся противъ главнаго университетскаго корпуса дома Молоствова и Папова. Ему очень хотѣлось пріобрѣсть ихъ и прежде для временнаго помѣщенія университета, если начнется перестройка. Первый домъ продавался за 45 тысячъ, а второй за три четверти этой цѣны. Дома были осмотрѣны профессорами Фуксомъ, Брауномъ и Эрдманомъ, которые и нашли ихъ для помѣщенія всѣхъ при университетѣ медицинскихъ заведеній неудобными и цѣну ихъ высокою. Вслѣдъ за симъ Яковкинъ, согласно прошенію, въ виду другихъ занятій по должностямъ, на него возложеннымъ, былъ уволенъ попечителемъ отъ предсѣдательства въ комитетѣ и мѣсто его занялъ Браунъ. Принятъ былъ къ разсмотрѣнію прежній планъ анатомическаго театра, составленный Брауномъ и новый для заведенія скотолѣченія собственно профессора Эрдмана. Эрдманъ же составилъ тогда планъ большаго клиническаго института, съ его тремя подраздѣленіями. Планы эти были одобрены и рѣшено представить ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе попечителя. Комитетъ предполагалъ строить не на университетскихъ дворахъ, а гдѣ

нибудь подальше, для чего предполагалъ просить часть городской свободной земли или купить ее у частныхъ лицъ, но не дороже какъ на двѣ или три тысячи рублей. Разрѣшенія на это представленіе не было; послѣднее передъ вакаціей засѣданіе строительнаго комитета было въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, а въ іюлѣ умеръ Румовскій. Новый попечитель Салтыковъ, обозрѣвъ зданія университета доносилъ министру, что большая часть университетскихъ домовъ близка къ разрушенію, что они представляютъ чуть не развалины. Но когда самъ онъ, ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, рѣшился, въ виду необходимости и по вызову самаго министерства, представить предположенія и смѣты перестроекъ университетскихъ домовъ, то получилъ отъ министра слѣдующее отношеніе: „На три представленія вашего превосходительства за №№ 561, 562 и 563, долженъ я сказать, что министерство просвѣщенія въ настоящее время, будучи крайне ограничено въ своихъ средствахъ, не имѣетъ ни малѣйшей суммы, изъ которой бы можно было сколько нибудь опредѣлить на постройки, въ упомянутыхъ представленіяхъ назначенныя, и одно средство остается только, чтобъ изъ хозяйственныхъ суммъ Казанскаго университета и тамошней гимназіи *починивать самонужнѣйшія ветхости*" (26 ноября 1814 г. № 3587).—Перестройки, какъ главнаго корпуса, такъ и прочихъ университетскихъ домовъ произведены были въ позднѣйшее болѣе благопріятное для того время.

Строительной энергіи и хлопотливой хозяйственной дѣятельности Яковкина не удалось такимъ образомъ развернуться при предполагаемомъ возведеніи университетскихъ зданій. А было у него намѣреніе дѣлать большія заготовленія матеріаловъ. Такъ, сообщая попечителю о томъ, что въ Казани лѣсъ съ каждымъ годомъ становится дороже, онъ между прочимъ писалъ ему: „Когда Господь велитъ приступить къ главному университетскому зданію, то я располагаю представить вашему превосходительству объ исходатайствованіи вырубки потребнаго лѣсу въ Царевококшайскихъ лѣсахъ, безъ платежа попенныхъ денегъ: по крайней мѣрѣ и тутъ соблюдется экономія строительной университетской суммы" (23 іюня, 1808 г.). Ему пришлось ограничиться лишь ремонтомъ и незначительными постройками. Такъ строилъ онъ баню. Старая гимназическая, деревянная баня, прослуживъ

девять лѣтъ, пришла въ негодность; она едва стояла, скрѣпленная брусьями и болтами, а тепло въ ней не держалось болѣе. Была временно, пока исправлялась старая, перестроена небольшая другая баня изъ Тенишевскаго коровника, но она была очень мала. Хотѣлъ Яковкинъ строить сначала каменную баню, но въ виду неизвѣстности будущаго расположенія университетскихъ зданій, рѣшился остановиться на деревянной, разсчитывая, что она просуществуетъ столько же времени, сколько и прежняя. Профессоръ Фуксъ просилъ устроить въ ней особое больничное отдѣленіе, которое могло бы служить на первое время и для клиники. Эта баня съ подряду выстроена въ августѣ 1809 года за 700 рублей. Для бани необходимъ былъ колодецъ; прежняго гимназическаго колодца было недостаточно. Его стали рыть еще въ 1807 году на Тенишевскомъ дворѣ суконщики съ Осокинской фабрики, спеціалисты по этому дѣлу въ эпоху колодцевъ, а въ маѣ слѣдующаго года онъ былъ оконченъ совершенно; вода освящена и профессоръ Евестъ нашелъ въ ней превосходныя качества.—Особенныя заботы посвящалъ Яковкинъ прежнимъ садамъ и ботаническому саду, завѣдываемому Фуксомъ, такъ какъ они служили красотѣ внѣшняго вида и огородамъ—изъ хозяйственныхъ разсчетовъ: къ столу воспитанниковъ шла зелень изъ этихъ огородовъ. Фуксъ образовалъ ботаническій садъ изъ одного Тенишевскаго и тогда думали, что можно этимъ ограничиться. Внизу этого сада была устроена тепличка, назначенная Фуксомъ преимущественно для американскихъ и африканскихъ растеній; къ ней была пристроена небольшая оранжерея для растеній тропическихъ и плодовыхъ деревьевъ. Гряды ботаническаго сада уже въ 1808 году были засѣяны. „Между прочимъ любопытнымъ и полезнымъ, писалъ къ попечителю Яковкинъ, засѣяно мною римскою ромашкою и сѣменами копытчатаго ревеню (Rheum palmatum), полученными мною отъ родственника изъ Далматова. Листьями его, пока позволяетъ время, будемъ довольствовать лазаретный столъ во щахъ и соусѣ хлѣбномъ“ (12 мая, 1808 г.). Дальше по горѣ приводился въ порядокъ пустырь; сдѣланы были четыре насыпныя террасы во всю длину этого пустыря и обсажены березками. Въ ботаническомъ саду были посажены кедры и лиственницы, выписанныя изъ Пермской губерніи.

А между тѣмъ дома, купленные для будущихъ университетскихъ зданій, съ трудомъ удовлетворяя возрастающимъ потребностямъ преподаванія, переполненные частными квартирами, совершенно тѣсные для гимназіи и университета, постепенно ветшали и требовали ремонта Деревянныя крыши протекали; при дождѣ съ потолковъ въ аудиторіяхъ капало во время лекцій; тяжесть старыхъ боровьевъ давила потолки; погреба, а ихъ было довольно, при множествѣ живущихъ, безпрестанно проваливались и проч. Въ старыхъ дѣлахъ мы находимъ часто упоминаніе подобныхъ невеселыхъ событій. „Починивать ветхости“, по выраженію министерской бумаги, съ каждымъ годомъ становилось затруднительнѣе. Положеніе было невозможное.

Такова печальная, трудная, но къ сожалѣнію совершенно понятная, первоначальная исторія университетскихъ зданій въ Казани. Мы не знаемъ вообще какъ строились наши университеты и едва ли, за отсутствіемъ какой либо гласности, обращалъ кто нибудь тогда вниманіе на эти постройки, а между тѣмъ мы считаемъ исторію съ казанскими университетскими зданіями, поглотившими безъ пользы массу казенныхъ денегъ, весьма поучительною: она указываетъ намъ на положеніе науки въ нашемъ отечествѣ. Кого винить за это печальное отношеніе къ первой и насущной потребности университетской жизни? То, о чемъ прежде всего нужно было подумать, отходило на задній планъ.

Первые два министра народнаго просвѣщенія въ царствованіе императора Александра I вовсе не сочувствовали той высокой государственной идеѣ образованія, которая легла въ основаніе тогдашнихъ преобразованій, руководила реформами, открывала новые университеты. Первый, одинъ изъ случайныхъ людей Екатерининскаго царствованія, выросъ въ старыхъ понятіяхъ и конечно не могъ быть искренно преданъ ничему новому; богатый, старый и знатный и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣятельный, онъ не имѣлъ никакого сердечнаго отношенія къ дѣлу ему ввѣренному. Другой, тоже уже старикъ, избалованный барствомъ, громадными богатствами, космополитъ и съ европейскимъ образованіемъ XVIII вѣка, но чуждый всему, что не льстило его эгоизму, относился совершенно брезгливо къ своимъ обязанностямъ, скучалъ ими и скоро оставилъ министерство. Время измѣнилось, а съ нимъ и самъ государь. Дѣло образованія и университетовъ

стало послѣднимъ дѣломъ, мало для кого интереснымъ. Попечитель, уже дряхлый старикъ, имѣлъ большую, почти неограниченную власть, но онъ жилъ далеко отъ Казани, и онъ, какъ мы видѣли, по дряхлости, скучалъ своими обязанностями и только ссылался на общее положеніе вещей. Ввѣрившись совершенно Яковкину, онъ смотрѣлъ на него какъ на ограждающую его каменную стѣну, а мы уже знаемъ, что это былъ за человѣкъ, самовластно дѣйствующій въ университетѣ и гимназіи. Профессора, т. е. люди, для которыхъ дорога была разъ избранная ими наука и ея успѣхи, не имѣли ни силы, ни голоса; они должны были или льстить Яковкину и дѣлаться его соучастниками, клевретами, или вступать съ нимъ въ безплодныя пререканія. Гласности, которая одна могла бы сколько нибудь регулировать все это положеніе, помочь ему, заступиться за дѣло науки и образованія, и одна въ состояніи была бы уяснить темныя продѣлки Яковкина, тяготѣющія надъ памятью о немъ,—не существовало. И попечитель, и Яковкинъ безпрестанно враждебно отзываются о такъ называемомъ *самоуправленіи*, всѣми силами стараются не допустить его, но и сами, не смотря на свою сильную власть, ничего не дѣлютъ.

И все это происходило на глазахъ недоумѣвающаго и отчасти злораднаго общества, но это общество не имѣло мнѣнія, не выражало его; въ темнотѣ и безмолвіи дѣлались темныя дѣла. Оно интересовалось только внутренними событіями, личностями въ университетѣ, и намъ пора обратиться къ нимъ.

Глава III.

Устройство первоначальнаго университетскаго совѣта.— Предѣлы его компетенціи. — Недоразумѣнія и борьба совѣта съ Яковкинымъ. — Дѣло бухгалтера и учителя Ахматова. — Вопросъ о правахъ и кругѣ дѣйствій совѣта. — Увольненіе главнаго надзирателя Пухинскаго.— Разборъ вопроса о „страсти" адъюнкта и инспектора гимназіи Евеста. — Выборъ главнаго надзирателя.— Отрѣшеніе нѣкоторыхъ профессоровъ и воспрещеніе другимъ участвовать въ засѣданіяхъ совѣта. — Отзывъ казанскаго губернатора о гимназіи. — Поступленіе студентовъ въ военную службу. — Учителя Чекіевъ и Сивковъ. — Офицеръ по строильной части Ларіоновъ и его приключенія. — Случай съ учителемъ Кизюкинымъ.

Въ уставѣ университетовъ 1804 года слѣдующими двумя параграфами (44 и 45) опредѣляется составъ и кругъ дѣятельности университетскаго совѣта: 1) „Ординарные и заслуженные профессоры составляютъ университетскій совѣтъ или общее собраніе, котораго предсѣдатель есть ректоръ" и 2) „Совѣтъ университета есть высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и дѣламъ судебнымъ". Въ слѣдующихъ 22 §§ (46—67) опредѣляются и перечисляются всѣ занятія совѣта, компетенція котораго, какъ извѣстно, въ то время была очень велика. Порядокъ производства дѣлъ опредѣлялся точнымъ образомъ въ тѣхъ же §§. Но университетъ въ Ка-

зани былъ только *основанъ*, а *не открытъ* (не слѣдуетъ забывать этой существенной разницы, вызванной силою обстоятельствъ); онъ не отдѣлился и долго не могъ отдѣлиться отъ гимназіи, управлявшейся Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 29 мая 1798 года и эта роковая связь съ гимназіей, какъ въ дѣлѣ о постройкахъ, разсказанномъ нами, такъ и въ зараждающейся внутренней жизни университета, была источникомъ многихъ печальныхъ явленій, бросающихъ тѣнь на первые годы университетской жизни. Въ Казанской гимназіи такого органа управленія какъ совѣтъ, съ такимъ широкимъ объемомъ, какой указанъ университетскимъ уставомъ 1804 года, не было: она управлялась собственно конторою, о чемъ мы неоднократно упоминали. Согласно § 11 положенію о гимназіи (второму, составленному военнымъ губернаторомъ де-Ласси), въ помощь директору, учреждался правда совѣтъ изъ учителей высшихъ классовъ и главнаго надзирателя, но занятія этого совѣта имѣли педагогическій характеръ и посвящались исключительно вопросамъ преподаванія. Этотъ совѣтъ образовался только въ 1800 году. Протоколовъ его засѣданій не велось. Новому, съ 1805 года, совѣту нельзя было по мнѣнію попечителя именоваться университетскимъ, хотя онъ и составился первоначально изъ двухъ профессоровъ (Яковкина и Цеплина), законоучителя или духовника, какъ его называли (протоіерея Данкова) и четырехъ адъюнктовъ, уже знакомыхъ намъ (Карташевскаго, Эриха, Запольскаго и Левицкаго). Въ первомъ собраніи этихъ лицъ правящій должность директора гимназіи, т. е. Яковкинъ, объявилъ, что „Его превосходительство господинъ попечитель приказалъ этому собранію по прежнему именоваться совѣтомъ Казанской гимназіи, хотя онъ и состоитъ большею частію изъ членовъ университета, *но въ порядкѣ и рѣшеніи текущихъ дѣлъ сообразоваться сколько возможно съ предписаніями, въ уставѣ Императорскому Казанскому университету изображенными*". Это послѣднее обстоятельство, т. е. требованіе попечителя сообразоваться съ уставомъ университетовъ, хотя и не вполнѣ, а „сколько возможно", когда университетъ еще не былъ открытъ, давало широкій просторъ различнаго рода недоразумѣніямъ и столкновеніямъ, такъ какъ дѣло происходило между живыми людьми. Только незадолго до своей смерти, послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній и печальныхъ исторій, источникъ кото-

рыхъ надобно искать въ неопредѣленности положенія совѣта, попечитель предписалъ ему, не высказывая однако причинъ (23 мая 1812 года, № 527), именоваться, до совершеннаго образованія университета, *совѣтомъ при Казанскомъ университетѣ*.

Первое собраніе совѣта было 27 марта 1805 года; его можно назвать учредительнымъ, такъ какъ для всѣхъ дѣло было совершенно новое. Профессоръ Цеплинъ и духовникъ Данковъ первые представили въ засѣданіе предположенія о дѣлопроизводствѣ и порядкѣ, которыя должны наблюдаться въ совѣтѣ: 1) о записываніи дѣлъ въ протоколъ и о подписаніи протокола членами въ самомъ засѣданіи; 2) о писаніи протоколовъ въ шнуровую книгу; 3) о храненіи каждой бумаги, заслушанной въ совѣтѣ; 4) о рѣшеніи дѣлъ большинствомъ голосовъ и 5) о томъ, чтобы всѣ бумаги, идущія отъ лица совѣта и отъ его имени должны быть предлагаемы въ засѣданіи его и записаны въ протоколъ. Это было опредѣленіе лишь внѣшняго порядка, очевидно не имѣвшаго мѣста въ прежнемъ гимназическомъ совѣтѣ, и попечитель, въ особенности за статью о томъ, чтобы протоколы подписывать въ самомъ засѣданіи „для отвращенія всѣхъ могущихъ произойти недоумѣній", объявилъ Цеплину и Данкову свою чувствительную благодарность, при чемъ высказывалъ надежду, „что они не преминутъ и впредь подавать собою примѣръ и совѣты, служащіе къ сохраненію тишины, согласія и пользы *гимназіи*, и совѣтъ, по опытности, благоразумію и званію ихъ съ уваженіемъ принимать оные не отречется". Потомъ, съ теченіемъ времени и съ навыкомъ къ дѣлу, этотъ внѣшній порядокъ все болѣе и болѣе опредѣлялся.

Заведенный порядокъ нѣкоторое время ничѣмъ не нарушался; дѣла обсуждались мирно; когда выслушивались рапорты дежурныхъ по классамъ офицеровъ о пропускѣ профессорами и учителями классовъ или мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ гимназистовъ и студентовъ, прошенія родителей о пріемѣ дѣтей ихъ въ гимназію на казенное содержаніе или на свой счетъ, или объ ихъ увольненіи, когда разсматривались обозрѣнія и программы преподаванія или распредѣленіе экзаменовъ, дѣлались испытанія разнымъ иностранцамъ или ищущимъ званія учителя,—то всѣ эти вопросы и дѣла, не выходящіе изъ круга педагогической дѣятельности, рѣша-

лись безъ всякаго затрудненія. Но вотъ при слушаніи рапорта бухгалтера Ахматова съ вѣдомостью о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ суммъ находящихся въ гимназіи за мартъ мѣсяцъ 1805 года, когда состоялось опредѣленіе представить эту вѣдомость въ подлинникѣ попечителю, два члена совѣта, тѣ самые, которымъ только что была объявлена благодарность попечителя за предложеніе ими порядка въ засѣданіяхъ, профессоръ Цеплинъ и духовникъ Данковъ— не подписали этой статьи протокола, мотивируя свой отказъ въ подписи слѣдующими словами: „поелику не токмо контора распредѣляетъ всѣми издержками, а совѣтъ не имѣетъ и не получаетъ объ оныхъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и не могли они засвидѣтельствовать справедливость оныхъ издержекъ своеручною подпискою бухгалтерскихъ счетовъ, опасаясь, чтобы въ противномъ случаѣ не отвѣчать невиннымъ образомъ за излишество или какую либо несправедливость оныхъ издержекъ". Замѣтимъ, что и потомъ всѣ нѣмецкіе профессоры, явившіеся въ 1805 году: Германъ, Бюнеманъ, Фуксъ—не подписывали этой статьи протокола (ее скрѣпляли только Яковкинъ и адъюнкты, удостоенные этого званія по его представленію при основаніи университета), такъ что Румовскій въ концѣ года освободилъ совѣтъ отъ разсматриванія мѣсячныхъ вѣдомостей о приходѣ, расходѣ и остаткахъ гимназическихъ и университетскихъ суммъ и согласился, чтобы эти вѣдомости представлялись прямо ему отъ конторы, которая расходовала всѣ суммы, но потребовалъ однако, чтобы § 140 устава, по которому совѣтъ разсматриваетъ въ концѣ года годовой счетъ прихода и расхода университетскихъ суммъ, повѣряетъ по документамъ и свидѣтельствуетъ цѣлость остатковъ—былъ въ точности соблюдаемъ. Такимъ образомъ попечитель отдѣлялъ совѣтъ университетскій отъ гимназическаго, возлагалъ самъ на него нѣкоторыя обязанности, опредѣленныя уставомъ.

По XV главѣ этого устава 1804 года университету принадлежало управленіе и надзираніе училищъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ. Никому неизвѣстно было въ точности, что университетъ только основанъ, а не открытъ, что уставъ, опубликованный во всеобщее свѣдѣніе, остается почти мертвою буквою. И вотъ правящій должность директора Казанскаго главнаго народнаго училища Чернявскій, получивъ предписаніе попечителя Виленскаго универси-

тета князя Чарторижскаго объ опредѣленіи своемъ профессоромъ россійскаго языка и словесности въ Виленскій университетъ, и не зная кому сдать свою должность, обращается въ совѣтъ Казанской гимназіи, „которому предоставлено право входить и въ дѣла здѣшняго университета“, съ прошеніемъ назначить кого-либо для принятія отъ него должности. Совѣту пришлось объявить профессору Чернявскому, что „не имѣя никакого предписанія распоряжать мѣстами народныхъ училищъ, онъ не можетъ, удовлетворить его просьбѣ“. Подобно Чернявскому, директоръ томскихъ училищъ надворный совѣтникъ Воронковъ, во исполненіе Высочайше конфирмованныхъ прошлаго 1804 года ноября 5 дня устава учебныхъ заведеній и штатовъ, такъ какъ онъ 23 ноября того же года опредѣленъ главнымъ правленіемъ училищъ директоромъ и завѣдываетъ училищами въ Томскѣ, Енисейскѣ и Парымѣ, просилъ совѣтъ гимназіи приказать удовлетворить его жалованьемъ со дня опредѣленія его по іюнь мѣсяцъ, въ виду того обстоятельства, что онъ не получаетъ его. Совѣтъ долженъ былъ представить объ этомъ особеннымъ рапортомъ попечителю и просить его предписанія, какимъ образомъ поступать ему въ подобныхъ случаяхъ. Недоразумѣнія и затрудненія отъ неполнаго примѣненія устава 1804 года, съ которымъ однако, согласно предписанію попечителя, въ рѣшеніи дѣлъ совѣтъ Казанской гимназіи долженъ былъ сообразоваться „сколько возможно“, встрѣчались такимъ образомъ на каждомъ почти шагу.

По XVI главѣ университетскаго устава 1804 года „о типографіи и цензурѣ книгъ“, при университетѣ учреждался цензурный комитетъ. На основаніи этой главы устава не только С.-Петербургскій цензурный комитетъ и цензурный комитетъ Дерптскаго университета очень часто присылали свои сообщенія о разныхъ запрещенныхъ книгахъ и о вырѣзкахъ нѣкоторыхъ страницъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя дозволены къ обращенію, въ цензурный комитетъ Казанскаго университета, но даже и самъ попечитель препровождаетъ цензурное распоряженіе главнаго правленія училищъ, касающееся дѣйствій не открытаго еще университетскаго цензурнаго комитета. Совѣту Казанской гимназіи на такія сообщенія оставалось только опредѣлять: „Взять къ свѣдѣнію и доставить въ цензурный комитетъ Казанскаго университета, когда оный учредится“. Большихъ однако недоразумѣній при примѣненіи параграфовъ устава 1804 года о со-

вѣтѣ не могло быть до тѣхъ поръ, пока дѣла не коснулись личныхъ отношеній.

По уставу 1804 года, совѣтъ является судебною инстанціею и притомъ высшею; въ правленіе могутъ быть приносимы жалобы и на ректора. На основаніи этого поступила 3 іюня 1805 года въ совѣтъ слѣдующая жалоба бухгалтера и учителя гимназіи Ахматова:

«Когда послѣ бывшаго учителя высшаго нѣмецкаго класса Линкера остались праздные покои въ домѣ гимназіи, то на словесное прошеніе разныхъ чиновниковъ во время правившаго должность директора Лихачева, общимъ сужденіемъ чиновъ совѣта опредѣлено мнѣ занять его комнаты, потому что какъ бухгалтеру иногда случается исправлять мнѣ должность рано и поздно, днемъ и ночью, а особенно при годовыхъ отчетахъ и экстраординарныхъ случаяхъ.

«При занятіи комнатъ представлялъ я неоднократно упомянутому Лихачеву, квартермистру Михайлову, также и самому г. ординарному профессору Яковкину, что у меня полъ очень худъ и насыпи совсѣмъ не имѣетъ. такъ что при мытьѣ онаго и малѣйшей неосторожности протекаетъ вода, а при куреніи въ комнатахъ г. Яковкина даже намъ слышенъ запахъ.

«Вмѣсто того, чтобы все сіе освидѣтельствовать съ квартермистромъ или архитекторомъ и по изслѣдованіи учинить поправку и тѣмъ уклонить взаимныя наши отъ сего происходящія неудовольствія, кончилось все молчаніемъ, непрестанными ссорами между женами, а отсюда непремѣннымъ негодованіемъ между мужьями и наконецъ мщеніемъ сильнѣйшаго, такъ что 30 мая г. правящій должность директора Илья Өедоровичъ Яковкинъ, призвавъ меня, укорялъ меня свинскою жизнію и въ запальчивости приказалъ мнѣ, не яко благородному чиновнику, но какъ преступнику безъ суда, выбраться въ три дни изъ покоевъ, а квартермистру Михайлову строжайше запретилъ отпускать мнѣ дровъ по истеченіи сего времени. И такъ изъ единаго мщенія, во удовлетвореніе и по требованію своей жены, г. Яковкинъ нашелъ причины за шестилѣтнюю службу меня обидѣть и приговорить мнѣ наказаніе безъ всякаго изслѣдованія: кто изъ насъ виноватъ — архитекторъ, я, квартермистръ, или и самъ г. Яковкинъ, которому я о семъ относился неоднократно.

«Поелику же въ семъ дѣлѣ находятся два посредственно обиженныя лица, въ которомъ проситъ подчиненный на начальника, истящаго за ссору женъ, слѣдовательно изъ обоихъ никто самъ себѣ судья быть не можетъ, то и прошу васъ, почтеннѣйшее собраніе, сіе дѣло разобрать и отправить на сужденіе къ главному попечителю, а для отвращенія постыдныхъ слѣдствій, которыя могутъ причинить шумъ въ городѣ, оставить меня на мѣстѣ до отвѣта попечительскаго».

Эта жалоба, принесенная Ахматовымъ лично въ совѣтъ, во время его засѣданія и положенная имъ на столъ, послѣ чего онъ, по приказанію предсѣдательствующаго Яковкина вышелъ, была первымъ случаемъ столкновенія самовластнаго директора съ членами совѣта, которые почти всѣ, за исключеніемъ очень немногихъ, питали къ нему общую нелюбовь за его высокомѣріе и произволъ. „Прочитавъ оную бумагу, усмотрѣлъ я, пишетъ Яковкинъ въ своемъ рапортѣ къ попечителю (5 іюня 1805 г., № 93), что она содержитъ въ себѣ жалобу на меня и при томъ многія частныя, ни мало до совѣта не касающіяся обстоятельства, почему, призвавъ Ахматова въ присутствіе и отдавъ бумагу ему обратно, сказалъ я, что какъ она заключаетъ въ себѣ жалобу на директора, а директоръ не подлежитъ ни суду, ни отвѣту совѣта безъ предписанія высшаго начальства, то и Ахматовъ приносилъ бы жалобу высшему начальству, а не въ совѣтъ. Однако по особенному настоянію профессора Цеплина члены совѣта рѣшились прослушать оную бумагу, не взирая на мои напоминанія“. Цеплина поддержалъ секретарь совѣта адъюнктъ Левицкій и всѣ члены, прослушавши жалобу Ахматова, положили отъ имени совѣта препроводить ее къ попечителю. „Видя сіе, далъ я замѣтить собранію, продолжаетъ въ рапортѣ своемъ Яковкинъ, что таковымъ одобреніемъ явнаго ослушанія къ приказаніямъ начальства члены подаютъ вящій поводъ къ явному и умышленному нарушенію подчиненности и повиновенія“ и за тѣмъ, на основаніи п. 8 § 55 устава („въ предупрежденіе того, чтобы пренія не выходили изъ границъ благопристойности“), прекратилъ засѣданіе и вышелъ изъ совѣта. Безъ него уже, „по общему согласію всѣхъ членовъ“, было опредѣлено: „какъ совѣтъ самъ собою не можетъ приступить къ рѣшенію сего дѣла, то препроводить прошеніе Ахматова въ оригиналѣ къ г. попечителю при меморіи и ожидать отъ него разрѣшенія и вмѣстѣ предписанія какимъ образомъ должно поступать въ подобныхъ случаяхъ“.

Такъ, въ самые первые мѣсяцы по основаніи Казанскаго университета, началась въ совѣтѣ борьба его членовъ съ Яковкинымъ, который около того же времени, опредѣленіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ изъ правящихъ должность директоромъ гимназіи „до открытія Университета“, т. е. ему дано право вполнѣ независимо отъ

университета управлять гимназіей по положенію 1798 года. Соображая все это происшествіе съ жалобой Ахматова, Яковкинъ видѣлъ въ поступкѣ членовъ совѣта „нарушеніе предписаннаго совѣту порядка и самоуправленіе“, а въ продолженіи, въ его отсутствіе, засѣданія „невниманіе ко гласу начальства“. Въ своихъ приватныхъ письмахъ къ попечителю, объясняя обстоятельства дѣла, онъ пишетъ: „Открывается теперь, что Ахматовъ служитъ только орудіемъ завистливой противу меня злобы сослужащихъ со мною обнаружившихся защитителей его дерзости и непослушанія, что доказываетъ, какъ образъ подачи его прошенія на столъ, а не въ руки, такъ и самое прошеніе, писанное знающимъ реторику, а Ахматовъ ей не учился“. Сравнивая эту жалобу его съ двумя подлинными прошеніями его, посланными имъ къ попечителю, въ которыхъ онъ объясняетъ всѣ свои отношенія къ Яковкину и перечисляетъ обиды, претерпѣнныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы пожалуй согласимся, что догадка Яковкина была справедлива (хотя въ качествѣ студента Московскаго университета, онъ могъ учиться въ немъ реторикѣ) и что обиженнымъ Ахматовымъ руководили тѣ, для которыхъ желательно было поднять значеніе и силу совѣта и освободить его отъ самовластнаго произвола директора. Но Ахматовъ, какъ учившійся въ первомъ русскомъ университетѣ, могъ привыкнуть тамъ къ порядкамъ, существовавшимъ болѣе пятидесяти лѣтъ и не распространеннымъ, въ противность устава 1804 года, на университетъ Казанскій. „Какъ счастливы были бъ чиновники, пишетъ Ахматовъ въ прошеніи къ попечителю, еслибъ такая деспотическая власть была искоренена и участь каждаго благороднаго зависѣла бы отъ общаго собранія совѣта и вашего утвержденія“.

Съ Ахматовымъ Яковкинъ былъ давно близокъ. Онъ зналъ его еще въ Петербургѣ, гдѣ до 1799 года Ахматовъ служилъ помощникомъ надзирателя въ Воспитательномъ домѣ, съ ничтожнымъ жалованьемъ 80 рублей въ годъ. При опредѣленіи Яковкина въ Казань, послѣдній пригласилъ его туда на службу, „увѣряя, пишетъ Ахматовъ, въ своемъ обо мнѣ попеченіи, словами: что есть — вмѣстѣ, чего нѣтъ —пополамъ“. Одинъ изъ сыновей Ахматова былъ крестникомъ Яковкина. „Чуждъ самохвальства, но не постыдно могу открыться предъ в. п., пишетъ къ попечителю директоръ,

что въ Петербургѣ, и въ Казани въ гимназіи, послѣ племянника моего, мною воспитаннаго, нынѣшняго гимназіи учителя Яковкина, никто столько мною не облагодѣтельствованъ при гимназіи, какъ Ахматовъ". По словамъ Яковкина онъ ходатайствовалъ предъ бывшимъ директоромъ Соколовымъ о принятіи Ахматова на службу въ гимназіи, испросилъ ему 500 рублей жалованья съ квартирою и дровами, помогъ ему при переѣздѣ въ Казань, успокоилъ его по пріѣздѣ, помогалъ ему въ самыхъ крайнихъ нуждахъ постоянно и „за то во второй уже разъ въ Казани платитъ онъ мнѣ крайнейшею неблагодарностью". Сравнивая разсказъ Яковкина съ жалобами Ахматова, мы видимъ въ послѣднихъ совершенно другое. Ахматовъ говоритъ объ обидахъ и мщеніи, переносимыхъ имъ въ теченіе семи лѣтъ, жалѣетъ объ оставленной имъ службѣ при Воспитательномъ домѣ, гдѣ онъ былъ, по словамъ его, лично извѣстенъ Императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ, упоминаетъ о своемъ сочиненіи по коммерческой части, за которое получилъ 500 рублей, подарокъ Императрицы, и обѣщаніе ея издать книгу на свой счетъ (1). Всѣ непріятности съ Яковкинымъ начались по разсказу Ахматова изъ за помѣщенія, еще тогда, когда оба они жили не на казенной квартирѣ. „Встали мы на одну квартиру, всякъ по своему выбору, разсказываетъ Ахматовъ; я избралъ себѣ самую меньшую изъ пяти или шести комнатъ одну, но теплую, съ согласія г. Яковкина, потому что у меня четырехмѣсячный младенецъ, его крестникъ, былъ смертельно боленъ. Въ сіе время была зима. Ктобъ подумалъ, что при родствѣ и болѣзни младенца, оставленъ былъ гласъ и нѣжныя чувства человѣчества. Прихожу изъ должности, нахожу жену въ слезахъ, двери выломаны съ угрозными словами: „перебирайтесь въ задніе покои", то есть въ самые холодные, стужу коихъ едва ли и лютый звѣрь могъ выдержать. Спрашиваю причину. Отвѣтъ былъ: „Они мнѣ нужны, ко мнѣ ходятъ люди". Эти столкновенія по квартирѣ людей по видимому близкихъ продолжались и тогда, когда оба они заняли казенное помѣщеніе и когда учитель Яков-

---

(1) Книга Ахматова дѣйствительно была потомъ напечатана: «Италіянская, или опытная бухгалтерія, содержащая простую и двойную или италіянскую бухгалтерію и проч. Томъ 1. Спб. 1809. 8° (Смирдинъ, № 2337).

кинъ сдѣлался сильнымъ и властнымъ директоромъ. Ахматовъ жилъ надъ комнатами, занимаемыми Яковкинымъ. Послѣдній постоянно обвинялъ своего верхняго сосѣда, что онъ не соблюдаетъ потребной чистоты, что черезъ потолокъ изъ кухни Ахматова въ залу и спальню Яковкина часто протекаютъ нечистоты и портятъ штукатурку. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ; пререканія и взаимныя оскорбленія, особенно между женами, повторялись безпрерывно, пока наконецъ Яковкинъ не рѣшился властію директора приказать Ахматову въ теченіе трехъ дней очистить казенное помѣщеніе, отданное имъ вновь опредѣленному главному надзирателю. Это распоряженіе и было поводомъ къ подачѣ Ахматовымъ жалобы въ совѣтъ; но прежде еще распоряженія Яковкина объ очищеніи квартиры произошла слѣдующая сцена, рисующая нравы. Заимствуемъ картинку изъ письма Яковкина къ Румовскому.

«Въ понедѣльникъ 29 мая по полудни въ четвертомъ часу произошла въ мою спальню изъ кухни Ахматова чрезвычайная течь. Жена моя и бывшій тогда у меня подлѣкарь нашъ Риттеръ, для осмотрѣнія привитой къ маленькой нашей дочери коровьей оспы, немедленно и меня о томъ увѣдомили, почему, осмотрѣвъ я оную, послалъ дочь свою сказать Ахматову о семъ происшествіи и спросить о причинѣ, но жена Ахматова отвѣчала, что у нихъ въ кухнѣ никого нѣтъ. Отъ часто происходящей изъ кухни его течи потолокъ истрескался, щекатурка отваливается и даже въ самомъ карнизѣ, хотя весьма толстомъ, подѣлались уже трещины; вновь появляющіяся на потолкѣ пятна доказываютъ его гнилость и все совокупно подвергаетъ опасности моихъ домашнихъ и меня, въ занимаемыхъ мною двухъ покояхъ подъ спальнею и кухнею Ахматова, о чемъ подробно описалъ я въ предложеніи моемъ конторѣ данномъ. Вечеромъ, въ девятомъ часу, жена моя сошла внизъ на крыльцо, чтобъ побыть на свѣжемъ воздухѣ; вскорѣ послѣ сего Ахматовъ съ женою своею и секретаремъ Прокопенкомъ пошли мимо нея со двора для смотрѣнія назначеннаго въ тотъ вечеръ фейерверка. Жена моя совершенно равнодушно начала Ахматову говорить, что отъ него изъ кухни и въ тотъ день произошла опять большая течь и что отваливающаяся по той причинѣ щекатурка подвергаетъ опасности насъ и дѣтей нашихъ. Все сіе Ахматовъ отразилъ однимъ словомъ: «враки», сказавъ сіе съ возможнымъ презрѣніемъ, а жена его начала самымъ наглымъ образомъ выговаривать женѣ моей, что это суть одни только ея проказы, называя ее притомъ многократно мерзавкою, подлячкою и пьяною рожею, на что жена моя въ отвѣтъ назвала ее только сумасшедшею грубіянкою. Постыдному сему происшествію свидѣтелями были шедшіе тогда въ про-

гулки въ гимназію учитель и библіотекарь Петровскій съ женою и стоявшій у воротъ на часахъ гимназическій инвалидъ.

«На другой день по утру въ седьмомъ часу, призвавъ къ себѣ Ахматова чрезъ квартирмейстера, выговаривалъ я ему за неопрятность и что отъ течи гніютъ накатъ и потолокъ. Онъ отговаривался въ томъ малымъ количествомъ земли подъ поломъ кухни его насыпаннымъ, а сіе самое оправданіе его и поставилъ я ему въ обвиненіе, что онъ, зная о семъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ усугубить свои предосторожности, и что теперь не время еще думать о переправкѣ одного только полу и насыпкѣ земли, а будетъ на то общая поправка въ гимназіи въ теченіе іюля. Но за сіе сталъ онъ меня самымъ наглымъ и дерзкимъ образомъ укорять въ притѣсненіи и обидѣ чрезъ то будто ему наносимыхъ. Когда же я, упрекнувъ его въ толикой противъ меня наглости и дерзости, приказалъ ему въ теченіе трехъ дней пріискивать себѣ квартиру, то онъ съ крайнейшею грубостью отвѣчалъ мнѣ, что не дастъ себя въ обиду, что онъ самъ чиновникъ гимназіи, а жена его дворянка, что я бы и не думалъ, чтобъ онъ меня послушался и съѣхалъ на квартиру, и что онъ даже графу Сиверсу и барону Гревенсу носы утиралъ, послѣ чего и вышелъ отъ меня въ крайней запальчивости, такъ что бывшій всему сему произшествію свидѣтелемъ квартирмейстеръ Михайловъ изумился толикой наглости и грубости подчиненнаго противъ начальника».

Сообщая все это начальнику, Яковкинъ доносилъ, что ослушаніе Ахматова поддерживается членами совѣта, видимо его защищающими, что время, данное ему для очистки квартиры (три дни), онъ употребилъ на то, чтобы оббѣгать всѣхъ членовъ совѣта и вооружить ихъ противъ него, какъ своевольнаго притѣснителя, что самымъ жаркимъ защитникомъ бухгалтера явился профессоръ Цеплинъ, убѣждавшій и пресвитера Данкова воспротивиться приказанію Яковкина объ очищеніи квартиры. Передъ засѣданіемъ совѣта Цеплинъ упрашивалъ самого Яковкина отмѣнить приказаніе, но онъ не согласился „дабы другимъ чиновникамъ не подать поводу къ презиранію приказаній начальства“. Прошли и другіе данные Ахматову три дня на переѣздъ, прошло двѣ недѣли, но онъ не трогался съ мѣста. Тогда Яковкинъ приказалъ квартермистру, комнатному надзирателю и дежурному по классамъ офицеру съ командою гимназическихъ инвалидовъ, изъ четырехъ человѣкъ состоящею, насильно очистить комнаты, занимаемыя Ахматовымъ. Какъ видно изъ рапорта квартирмейстера, Ахматовъ оказалъ сопротивленіе. Онъ не позволялъ выносить изъ одной комнаты ничего, въ особенности кровати, на которой лежала больная

вѣта высокоглаголанія“ и проситъ извиненія въ двухъ погрѣшностяхъ, учиненныхъ имъ во время бывшаго совѣта: 1) что онъ не вышелъ вслѣдъ за директоромъ изъ совѣта, а остался, но остался онъ съ благою цѣлью—„единственно для склоненія членовъ къ скорѣйшему окончанію вышеобъявленнаго спорнаго дѣла съ надлежащимъ притомъ соблюденіемъ достодолжнаго директорской власти уваженія и 2) что онъ согласился съ прочими на пересылку жалобы къ попечителю отъ имени совѣта „для предупрежденія тѣмъ самымъ всѣхъ дальнѣйшихъ споровъ съ господиномъ директоромъ, которые бы въ будущемъ собраніи неотмѣнно воспослѣдовали“. Попечитель благодарилъ пресвитера за его безпристрастіе, но крайне недоволенъ остался мнѣніемъ или „голосомъ“ Карташевскаго, который, какъ мы знаемъ, не понравился ему лично при первомъ знакомствѣ за свое „молодое высокоуміе“. Карташевскій приглашалъ совѣтъ войти въ разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній, ему подлежащихъ что казалось совершенно необходимымъ для избѣжанія всякихъ будущихъ недоразумѣній, такъ какъ и самъ попечитель предписывалъ въ порядкѣ и рѣшеніи дѣлъ по возможности сообразоваться съ уставомъ университетовъ 1804 года, но нигдѣ не были приведены въ ясность границы этой возможности. Мнѣніе адъюнкта Карташевскаго привело въ негодованіе попечителя. „Г. Карташевскій, приглашая къ сему совѣтъ“ пишетъ онъ въ предложеніи совѣту (24 іюля 1805 г. № 228) и присвоивая паки себѣ право, принадлежащее единственно высшему начальству, вооружаетъ оный противъ постановленія, главнымъ училищъ правленіемъ и министромъ народнаго просвѣщенія утвержденнаго.... Г. Карташевскому, учиня въ совѣтѣ выговоръ чрезъ г. директора, что преступаетъ предѣлы круга своего и не смотря на предписаніе въ концѣ предложенія моего отъ 19 іюня содержащееся, вторично присвоиваетъ себѣ право, ему непринадлежащее, объявить, что ежели онъ находитъ кругъ совѣта для себя ограниченнымъ и тѣснымъ, котораго разсмотрѣнію подлежатъ однако всѣ дѣла до ученія касающіяся, то въ его волѣ состоитъ заблаговременно искать себѣ внѣ гимназіи другаго обширнѣйшаго“.... Предложеніе это, согласно желанію попечителя, было заслушано не въ обыкновенномъ, а чрезвычайномъ засѣданіи совѣта. Карташевскій заявилъ, что онъ имѣетъ представить нѣкоторыя извиненія и для

того взялъ копію съ предложенія. Эти извиненія и объясненія онъ изложилъ въ письмѣ.

Но вопросъ о правахъ, обязанностяхъ и кругѣ дѣйствій совѣта, состоящаго изъ профессоровъ и адъюнктовъ университета, былъ живымъ вопросомъ, особенно для иностранцевъ, которые у себя дома привыкли къ другимъ порядкамъ, давно и исторически развившимся. Такъ не прошло и недѣли съ того времени, какъ явился въ Казань профессоръ латинскаго языка и словесности Германъ, какъ уже онъ заинтересовался этимъ вопросомъ и примкнулъ къ Цеплину, узнавъ положеніе дѣлъ и отношенія въ Казани. За подписомъ ихъ обоихъ получено было попечителемъ французское письмо, при которомъ они препроводили къ нему составленныя ими и обсужденныя прочими членами *положенія о совѣтѣ* на латинскомъ языкѣ, состоящія изъ 11 §§. Въ вступленіи къ этимъ параграфамъ высказывается мысль, что съ возрастаніемъ числа профессоровъ Казанскаго университета, которыхъ права и обязанности весьма различны отъ правъ и обязанностей учителей гимназическихъ, настало теперь время опредѣлить болѣе точнымъ образомъ предѣлы какъ университета такъ и гимназіи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ отношеніяхъ господствуетъ полнѣйшая неопредѣленность, возбуждающая только пустые споры и напрасную трату времени (¹). Цеплинъ и Германъ писали, что намѣренія ихъ совершенно чисты и чужды личнаго интереса и честолюбія („nos intentions sont les plus pures et les plus desinteressées et elles sont bien éloignées de toute ambition quelconque“), но Яковкинъ очень хорошо понималъ и писалъ попечителю, „что новые параграфы прямо устремлены противъ профессора Яковкина, то видно изъ большей части статей. „Вси пророци избіени суть, и остахся азъ единъ на жертвуВаааловымъ жрецамъ“. Удостойте в. п. простить великодушно сіе мое выраженіе: человѣкъ, какъ человѣкъ, поневолѣ долженъ чувствовать все стремле-

(¹) Quum numerus professorum Imperatoriae universitatis Casaniensis in dies augeatur, quorum jura et officia multum a juribus et officiis praeceptorum gymnasii Casaniensis differunt: jam nunc tempus erit amborum horum institutorum limites paulo accuratius expendendi et definiendi. Hoc eo magis necessarium esse videtur, quum hae res inter se permixtae et incertitudo cujus curae commissae sint, jam plus una vice disputationibus futilibus, quibus tempus plerumque male teritur locum dederint.

ніе злобы и зависти; но поколѣ не престанутъ дѣйствовать во мнѣ присяга и совѣсть, дотолѣ ни на едину іоту не отступлю отъ ихъ внушеній, и да судитъ о томъ мой Сердцевѣдецъ" (22 авг. 1805 г.). По словамъ его, для обсужденія проектированныхъ статей, члены собирались нѣсколько разъ, скрытно отъ него и не въ комнатѣ совѣта, а на квартирахъ Карташевскаго и Запольскаго; въ совѣтѣ же статьи читались дважды, по партикулярно, такъ что Яковкину не удалось сдѣлать на нихъ своихъ заранѣе приготовленныхъ замѣчаній, въ родѣ слѣдующихъ: „omnia agenda sunt praescripta et exsequenda; posteriora expectanda. Ceterum quis membrorum consilii non est contentus jam praescriptis regulis agendorum projiciat et referat ipse suae excellentiae Domino Curatori". Въ своихъ воззрѣніяхъ на проектированныя латинскія статьи объ измѣненномъ совѣтѣ Яковкинъ не ошибался. Составителямъ проекта желательно было избавиться отъ его деспотизма и получить большій просторъ дѣйствій. Совѣтъ долженъ былъ именоваться не совѣтомъ Казанской гимназіи, а совѣтомъ профессоровъ и адъюнктовъ Казанскаго университета (§ 1). Ему предоставлялась большая свобода обсужденія своихъ дѣлъ (§ 2). Предсѣдателемъ по очереди долженъ быть одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, назначаемый срокомъ на одинъ мѣсяцъ (§ 3). Бумаги, адресованныя въ совѣтъ, должны вскрываться не иначе какъ въ засѣданіи, для чего оно назначается въ день полученія петербургской почты (§§ 4 и 5). Только одинъ протоколъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ совѣтѣ было говорено, обсуждаемо, постановлено. Недопускается какой либо отдѣльный рапортъ о происходившемъ въ совѣтѣ, какъ не допускается какая либо прибавка въ протоколѣ (§ 7). Въ остальныхъ §§ совѣту, согласно уставу 1804 года, давались, подъ властію попечителя и въ зависимости отъ него, въ большей или меньшей степени, права предоставленныя ему закономъ, поручались дѣла учебнаго округа, предстоящія большія постройки для университета и подчинялась сама гимназія съ ея неограниченнымъ директоромъ.

На такія требованія Румовскій конечно долженъ былъ отвѣчать полнымъ отказомъ, но не желая на первыхъ порахъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ противъ только что пріѣхавшаго въ Казань и имъ приглашеннаго профессора Германа, онъ отвѣчалъ ему учтивымъ письмомъ, въ которомъ

доказывалъ невозможность теперь же примѣнить къ совѣту всѣ проектированныя статьи, говорилъ, что ни онъ самъ, ни совѣтъ не имѣютъ права дѣлать какія либо измѣненія въ учрежденіи, утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія и главнымъ правленіемъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывалъ и упрекъ и угрозу. „Не смотря на мои убѣжденія и предписанія, я заключаю, писалъ онъ (подлинникъ по французски), что между членами находится нѣсколько безпокойныхъ умовъ, помышляющихъ больше о возбужденіи споровъ и ссоръ, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей, и, если это продолжится, то моя обязанность будетъ, для блага и мира въ гимназіи, принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобъ избавиться отъ этихъ людей".

Это письмо попечителя, по словамъ Яковкина „возъимѣло все ожидаемое дѣйствіе". Къ Яковкину онъ писалъ: „Изъ всѣхъ обстоятельствъ усматриваю я, что въ совѣтъ гимназіи вселился духъ неповиновенія и несогласія, и вмѣсто того, чтобъ господамъ оной составляющимъ стараться объ исполненіи Монаршей воли, т. е. о наставленіи юношества, нѣкоторые изъ нихъ безвременно обращаютъ мысли свои на дѣло до нихъ не принадлежащее". Яковкинъ письмо это показывалъ Эриху и „просилъ его внушить затѣйщикамъ, что всякое самомнѣніе ни мало не совмѣстно со служеніемъ, приличнымъ ученому мѣсту. Сегодняшнее засѣданіе совѣта (18 сент. 1805 г.) предъувѣряетъ въ пріятной надеждѣ къ превращенію навсегда всѣхъ прихотей." Но онъ видѣлъ кругомъ себя общую нелюбовь и постоянно жаловался и возбуждалъ попечителя. Такъ передавалъ онъ о большомъ противъ него негодованіи за увеличеніе числа адъюнктскихъ часовъ преподаванія (на 1805—1806 учебный годъ назначено было, съ разрѣшенія попечителя преподавать: Яковкину 4 часа, прочимъ профессорамъ по 6, а адъюнктамъ по 8 часовъ въ недѣлю). Такъ, инсинуируя о безнравственныхъ свойствахъ своихъ сослуживцевъ, онъ, послѣ смерти пресвитера Данкова, послѣдовавшей осенью 1805 года, принимаетъ на казенное содержаніе въ гимназію сына его, котораго потомъ выключили за малоуспѣшность, не чрезъ совѣтъ, какъ бы слѣдовало, а по *директорскому журналу*: „тому причиною имѣю недоброхотство нѣкоторыхъ сочленовъ къ сиротѣющему семейству; были явные признаки, что за безпристрастіе и доброту готовы были гнать семейство и

мстить ему. Сія же самая причина побудила меня переселить Данкову въ корпусъ гимназическій, дабы она была ко мнѣ поближе и при первомъ нужномъ случаѣ могла бы имѣть потребную защиту". Прибывающіе въ Казань нѣмецкіе профессоры не могли нравиться Яковкину, потому что они не желали стать его клевретами. Сознавая за собою научное достоинство, привыкшіе къ старымъ, преданіемъ утвердившимся формамъ университетской жизни, болѣе свободные и независимые въ убѣжденіяхъ, они естественно дѣлали отпоръ его самовластію. „Съ нынѣшними нѣмцами ладить трудно, по причинѣ ихъ самомнѣнія" писалъ онъ попечителю. Но онъ умѣлъ ихъ допекать мелкими уколами, характерными для времени и его самого. „Между прочимъ во время собранія (публичнаго экзамена), съ особеннымъ сердечнымъ прискорбіемъ замѣтилъ я и наибольшая часть публики взяла на замѣчаніе, сообщаетъ Яковкинъ попечителю (11 іюля 1805 г.), что г. Цеплинъ пришелъ уже въ собраніе подъ конецъ большой нѣмецкой рѣчи, спустя два часа послѣ назначенныхъ къ началу собранія четырехъ часовъ по полудни". Попечитель тотчасъ же, въ особомъ предложеніи, сообщая совѣту, что происшествіе *дошло до его свѣдѣнія стороною*, требовалъ увѣдомленія: „ктобъ это былъ изъ гг. членовъ совѣта, который не соблюлъ должнаго порядка?" Въ меморіи совѣта, представленной попечителю въ отвѣтъ на это предложеніе записано: „Профессоръ Цеплинъ объявляетъ: 9 іюля послѣ обѣда текла у него кровь изъ носу, и пришелъ потому однимъ часомъ позже". Опредѣлено: донести о семъ г. попечителю.

Новый 1806 годъ начался самыми мирными отношеніями. Совѣтъ, за подписомъ всѣхъ тогда наличныхъ одиннадцати членовъ своихъ, отправилъ къ попечителю исполненное всяческихъ благопожеланій поздравленіе съ новымъ годомъ. (Этотъ обычай соблюдался каждый годъ все время попечительства Румовскаго). Попечитель, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, увѣренный въ усердіи членовъ совѣта, просилъ Всевышняго „да наградитъ ихъ здравіемъ и силами для прохожденія предлежащаго имъ поприща на пользу отечества". Говоря о стараніяхъ своихъ положить твердое основаніе Казанскому университету, „отъ котораго на весь округъ со временемъ должно проистекать просвѣщеніе", онъ гордился, что „удостоился одобренія толь многихъ мужей всякаго рода

знаніями украшенныхъ". Отвѣтъ попечителя члены совѣта „слушали съ особенною сердечною радостью" и поручили Яковкину, какъ предсѣдателю, „свидѣтельствовать полную свою готовность къ точному по всѣмъ силамъ содѣйствію благотворнымъ намѣреніямъ начальства".

Общее согласіе членовъ совѣта увеличилось вскорѣ общимъ чувствомъ негодованія, сознаніемъ общей обиды, когда полученъ былъ въ Казани № 55 газеты „Der Freimüthige", издаваемой въ Берлинѣ Готлибомъ Меркелемъ. Здѣсь была помѣщена коротенькая корреспонденція неизвѣстнаго, присланная изъ Нижняго Новгорода, гдѣ въ очень туманныхъ правда выраженіяхъ, говорилось о только что учрежденныхъ университетахъ въ Харьковѣ и Казани и о ихъ положеніи посреди окружающаго ихъ невѣжества. Но и сами профессора стоятъ ниже своей задачи—бороться съ мракомъ. Иронически говорилъ корреспондентъ о веселой казанской жизни. напоминающей Вавилонъ Апокалипсиса (die babylonische Wirthschaft und das frohliche Leben in Kazan ([1]), къ которой пріѣзжіе должны подлаживаться. „Многимъ изъ сихъ господъ жаль употребить какихъ нибудь 50 рублей на покупку необходимыхъ книгъ (хотя они получаютъ достаточное жалованье), но тѣмъ дороже стоятъ имъ возліянія на алтари ихъ боговъ. Самомнѣніе, униженіе другихъ, зависть, ссоры и споры—вотъ ихъ характеристика (Eigendünkel, Verkleinerungssucht, Jalousie, Zank und Streit und das unanständigste Betragen im Aüsseren sind die Charakteristik dieser).... Но въ особенности обиднымъ показалось профессорамъ сравненіе ихъ съ Критянами. упоминаемыми въ Посланіи ап. Павла къ Титу (I, 12).

Много толковали объ этой корреспонденціи или „пасквилѣ", какъ она называется въ дѣлѣ, въ засѣданіи совѣта. Хотѣли сначала просить высшее начальство принудить издателя берлинскаго журнала объявить мѣстопребываніе и имя лица, приславшаго ему пасквиль и затѣмъ самаго сочинителя призвать на судъ въ Россіи, допросить о причинахъ его поступка и по признаніи судить по законамъ; но потомъ ограничились сочиненіемъ возраженія, по объему втрое

([1]) Apocal. c. XIV, v., 8. Cecidit, cecidit Babylon, illa magna, quae a vino irae fornicationis suae potavit omnes gentes. C. XVII. v. 5: Babylon magna mater fornicationum et abominationum terrae.

больше самой корреспонденціи, которое и опредѣлили отправить къ попечителю съ просьбою помѣстить его какъ въ заграничныхъ газетахъ, такъ и въ вѣдомостяхъ, русскихъ и нѣмецкихъ, петербургскихъ и московскихъ. Попечитель справедливо отозвался и высказалъ мнѣніе, что „лучше пасквиль сей презрѣть, нежели что либо на оный отвѣтствовать, потому что злобное мнѣніе частнаго и неизвѣстнаго человѣка не можетъ поколебать добраго мнѣнія начальства о профессорахъ". Но вопросъ объ авторѣ корреспонденціи сильно занималъ членовъ совѣта; конечно ни одинъ изъ нихъ не былъ имъ. Яковкинъ, знавшій въ Казани всѣхъ и вся, утверждалъ, что статья нѣмецкаго журнала написана въ Казани „нѣкоторымъ Кальмомъ, бывшимъ учителемъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, но во время послѣдней шведской войны за измѣну сосланнымъ въ Казань въ ссылку и непримиримымъ врагомъ новыхъ учебныхъ въ Россіи заведеній" ([1]). Возраженіе не было напечатано и статью забыли.

Не смотря на господствовавшее въ совѣтѣ единодушіе, прежній вопросъ о значеніи новаго совѣта и правахъ его, особенно съ прибытіемъ новыхъ профессоровъ въ Казань, долженъ былъ снова возникнуть. Такъ, въ самомъ началѣ года, въ первомъ засѣданіи совѣта, при слушаніи недѣльнаго рапорта дежурнаго по классамъ офицера о числѣ пропущенныхъ уроковъ въ гимназіи и университетѣ, что дѣлалось постоянно, членамъ совѣта не понравилось то, что ихъ ставятъ на одну доску съ учителями гимназіи. Въ совѣтѣ по этому поводу было постановлено: „впредь профессоры и адъюнкты будутъ сами каждый разъ въ совѣтѣ объявлять о причинѣ своего отсутствія въ предъидущую недѣлю. Почему г. директоръ объявитъ дежурному офицеру, чтобъ въ недѣльныхъ своихъ рапортахъ ограничивалъ себя только гимназическими классами". Яковкинъ, конечно несогласный съ этимъ, пишетъ однако, что онъ „много противорѣчить не посмѣлъ, дабы оное не было причтено мнѣ въ своенравіе" и попечитель не противорѣчилъ, но прибавилъ въ своемъ

([1]) Кальмъ явился въ Казань въ царствованіе Екатерины. Онъ былъ уроженцемъ изъ Ганновера и нѣкоторое время, съ 1790 года, былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ главномъ народномъ училищѣ, потомъ гдѣ-то служилъ и дослужился до чина коллежскаго ассесора. На его дочери въ 1811 году женился профессоръ-медикъ Эрдманъ.

предложеніи: „впрочемъ же, что надлежитъ до времени прихода и выхода не въ учрежденные часы, и также до времени, когда не будетъ кто въ классахъ, то нужнымъ нахожу, чтобы оное, на основаніи установленія наблюдаемаго даже въ верховномъ правительствѣ, было означаемо и мнѣ свѣдѣнія о томъ были доставляемы".

Въ началѣ марта пріѣхалъ въ Казань первый профессоръ медицины Каменскій, человѣкъ молодой и энергическій, сразу понявшій казанскія отношенія и ту почву, на которой ему предстояло дѣйствовать. Въ его біографіи, выше, мы передали о тѣхъ столкновеніяхъ, которыя Каменскій, какъ членъ конторы, имѣлъ съ Яковкинымъ (стр. 150—161), какъ, защищая университетскія суммы отъ произвольныхъ распоряженій директора, онъ былъ уволенъ, по настоянію послѣдняго, попечителемъ отъ должности члена конторы отъ университета, которымъ былъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Еще до увольненія отъ званія члена конторы, Каменскій повелъ съ Яковкинымъ борьбу въ совѣтѣ, гдѣ для нея было уже много готовыхъ элементовъ, гдѣ у Яковкина были и прежніе враги. Какъ прежде, въ прошломъ году, споры и неудовольствія въ совѣтѣ возникли изъ за распоряженія Яковкина объ удаленіи съ казенной квартиры бухгалтера Ахматова, побудительной причиной къ чему была ссора ихъ женъ (Weiber-Affaire — по словамъ нѣмецкихъ профессоровъ), такъ и теперь противъ Яковкина вооружились за удаленіе имъ отъ должности главнаго надзирателя Пухинскаго, того самаго, для котораго, чтобъ онъ ближе былъ къ воспитанникамъ, яко-бы изъ педагогическихъ соображеній, Яковкинъ требовалъ очищенія квартиры бухгалтера. Пухинскій былъ опредѣленъ на должность самимъ попечителемъ въ январѣ 1805 года въ Петербургѣ, еще до отъѣзда его въ Казань. Изъ Казани на эту, сдѣлавшуюся тогда вакантною должность, просился здѣшній дворянинъ и довольно зажиточный помѣщикъ (за нимъ по аттестату считалось 270 душъ крестьянъ), Яковъ Чемодуровъ, начавшій службу свою гвардіи сержантомъ и уволенный въ отставку штабсъ-капитаномъ. Это былъ человѣкъ еще очень молодой, но что привлекало его на службу въ главные надзиратели, должность, обязывавшую по положенію о гимназіи 1798 года быть почти безотлучно при воспитанникахъ, какъ днемъ, за исключеніемъ классовъ, такъ и ночью, имѣя подъ командою своею четырехъ или пять комнатныхъ

надзирателей, и быть въ полномъ подчиненіи у директора—сказать не умѣемъ. Изъ дѣлъ не видно, чтобы Яковкинъ рекомендовалъ его (тогда онъ не былъ еще лично знакомъ съ попечителемъ), но безъ сомнѣнія прошеніе Чемодурова было послано въ Петербургъ не безъ его вѣдома. Попечитель, какъ кажется, считалъ его молодымъ и неопытнымъ и предпочелъ ему Пухинскаго. Этотъ послѣдній, родомъ изъ польскихъ шляхтичей, началъ службу свою также въ гвардіи, капраломъ въ Измайловскомъ полку, за тѣмъ служилъ въ армейскихъ пѣхотныхъ и конныхъ полкахъ, а потомъ, по переименованіи въ статскій чинъ, служилъ нѣсколько лѣтъ ассесоромъ, сначала въ гражданской, а наконецъ въ казенной нижегородской палатѣ, откуда и былъ уволенъ, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ въ 1803 году съ чиномъ коллежскаго ассесора. Получивъ паспортъ въ Петербургѣ 16 января, онъ явился къ должности только 29 марта, за что получилъ выговоръ отъ попечителя. Служебное положеніе его было довольно неопредѣленно: „по положенію о гимназіи назначено ему соприсутствовать въ совѣтѣ, пишетъ Яковкинъ, а въ уставѣ университетскомъ, *съ коимъ по всей возможности стараемся въ теченіи дѣлъ соображаться*, о главномъ надзирателѣ ничего не сказано“. Рѣшено было допускать Пухинскаго въ совѣтъ къ присутствію по дѣламъ воспитанія и дать ему инструкцію. Это было одобрено попечителемъ, а инструкція утверждена.

Яковкинъ, по словамъ его, съ перваго раза замѣтилъ совершенную неопытность Пухинскаго въ дѣлѣ, къ которому онъ былъ опредѣленъ и „долгомъ поставилъ препоручать ему дѣла постепенно, дабы тѣмъ лучше могъ онъ присматриваться“. Но не прошло и мѣсяца по вступленіи въ должность Пухинскаго, какъ Яковкинъ сталъ сообщать попечителю о его „скрытномъ характерѣ“, о его „задумчивости“, доходящей до крайности. Вскорѣ онъ убѣдился, не говоря впрочемъ объ основаніяхъ для этого убѣжденія, что Пухинскій „мало надеженъ и способенъ къ главному надзирательству, особливо по образованію юношества, гдѣ иногда потребна крайнейшая гибкость, изъ коихъ ни той ни другой въ характерѣ его непримѣтно“. Наконецъ и самое поведеніе Пухинскаго заставило Яковкина устранить его отъ должности. „Пухинскій предосудительным своимъ поведеніемъ неоднократно обращалъ на себя начальственное мое вниманіе, пишетъ онъ въ особомъ директор-

скомъ рапортѣ къ попечителю (3 іюля, 1806 г. № 62). Двукратныя мои напоминанія и выговоры, въ чаяніи исправленія ему учиненныя, остались тщетными, такъ что наконецъ прошедшаго іюня 29 дня въ первомъ часу по полуночи услышанный мною необыкновенный шумъ въ его кухнѣ и кричаніе караула понудили меня идти въ его комнаты и освѣдомиться самому о причинѣ онаго. Безобразіе, въ какомъ я увидѣлъ его шумящаго съ женщиною у него служащею, присутствіе гимназическихъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, прибѣжавшихъ на произведенный шумъ, жалобы женщины его на буйство его и драку, нераскаянность мною въ немъ замѣченная и наконецъ 30 дня въ присутстіи конторы данный мною, не принятый имъ за благо совѣтъ о подачѣ просьбы объ увольненіи отъ должности, вынудили меня наконецъ, что по тщетномъ трідневномъ ожиданіи его просьбы, сего іюля 2 дня въ вечеру, въ присутствіи же конторы во исполненіе § 12 Высочайше конфирмованнаго Казанской гимназіи перваго и § 16 втораго Положенія, объявилъ ему отдаленіе его отъ должности главнаго надзирателя, которую тогда же даннымъ ордеромъ препоручилъ комнатному надзирателю Попову". Въ письмѣ своемъ къ попечителю Яковкинъ пишетъ, что къ этому шагу принудили его „присяга, совѣсть и самая честь публичнаго заведенія". Въ тотъ же день заслушано было въ совѣтѣ предложеніе директора объ удаленіи имъ отъ должности Пухинскаго „по обнаружившимся, законнымъ причинамъ", но безъ указанія ихъ, а также и о томъ, что о распоряженіи этомъ онъ въ тотъ же день донесъ попечителю. Но совѣтъ, не смотря на сдѣланное уже Яковкинымъ донесеніе попечителю, утвердивъ удаленіе, потребовалъ отъ директора объясненія причины этого удаленія для донесенія съ своей стороны попечителю. Яковкинъ не считалъ себя обязаннымъ подчиняться требованію совѣта. Опредѣленіе въ протоколѣ, и это единственный разъ, писано не секретаремъ, а рукою проф. Германа и притомъ по латыни: 1) Suspensio usque ad caussae cognitionem confirmata est; 2) Domin. prof. Iakowkyn dabit consilio causas suspensionis; 3) Concilium cognita caussa repraesentabit domino curatori rem ad decidendum. Очевидно и здѣсь совѣтъ хотѣлъ контролировать директора, желалъ принять нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что инструкцію Пухинскому составлялъ совѣтъ, а не за долго до того Яковкинъ, отдаляя отъ должности комнатнаго надзирателя

Наттермана, согласно рапорту главнаго надзирателя, „по соблазнительному его поведенію", предлагалъ уволить его совсѣмъ изъ гимназіи—совѣту и по выбору же совѣта замѣстить его должность другимъ, достойнѣйшимъ.

Послѣ того какъ попечитель утвердилъ распоряженіе Яковкина и уволилъ отъ службы Пухинскаго, отъ этого послѣдняго поступила жалоба на директора, излагавшая поводъ къ увольненію нѣсколько въ иномъ видѣ. Повторилась прежняя исторія съ Ахматовымъ, повторились одинаковыя дрязги и грязь. Безъ сомнѣнія многое зависѣло здѣсь отъ тогдашней грубости нравовъ и отношеній, но странно, что такихъ исторій съ Яковкинымъ не оберешься. Пухинскій жалуется на притѣсненія со стороны директора. Разсказъ его состоитъ въ слѣдующемъ: „Прошедшаго іюня мѣсяца съ 29 на 30 число, въ ночи, въ одиннадцать или въ двѣнадцать часовъ, моя наемная служанка, повидимому пьяная, заперлась въ кухнѣ, которая возлѣ самой моей комнаты. Мнѣ понадобился квасъ. Подойдя чрезъ малые корридоры къ двери кухни, требую, чтобъ мнѣ было подано что я прошу. Мнѣ отвѣтствовано было грубостями. Я повторялъ, что самъ найду лишь бы отворена была мнѣ дверь; но между тѣмъ, слыша одни ругательства, я вынулъ въ дверь вставленную раму со стеклами, и сквозь окно отперъ. Помянутая служанка продолжала свои наглости, сопровождаемыя угрозами самыхъ похабныхъ мѣстъ (sic). Я хотѣлъ ее выгнать, она закричала караулъ. Г. директоръ, услыша крикъ, приходитъ ко мнѣ, приписываетъ его мнѣ въ вину, не изслѣдуя настоящей тому причины и ниже приказавъ отослать той бабы подъ караулъ". Директоръ велитъ подать ему просьбу объ отставкѣ, потому что нашелъ его „въ безобразномъ видѣ". „По въ двѣнадцатомъ часу ночи, говоритъ Пухинскій, вставъ съ постели, совсѣмъ раздѣтый, и идучи спрашивать у служанки квасу, не понимаю въ какомъ для такого дѣла и для такого времени мнѣ должно быть благообразіи? Я не ожидалъ, чтобъ г. директоръ тогда пришелъ ко мнѣ, да и самъ онъ былъ съ завязанною головою и въ одномъ халатѣ".... Далѣе Пухиский доказываетъ, что кромѣ этого случая, директоръ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его, что ни разу онъ не сдѣлалъ ему ни одного замѣчанія въ какомъ либо упущеніи по должности, не можетъ уличить его ни въ грубости, ни въ неподчиненіи, „ибо во всякомъ таковомъ случаѣ конечно бы онъ не упустилъ отнестись къ

в. п., заканчиваетъ свою жалобу Пухинскій; но молчаніе его меня оправдываетъ“.

Защитниковъ у Пухинскаго въ совѣтѣ собственно не было, но увѣдомленіе Яковкина объ его увольненіи вызвало принципіальный вопросъ. Мы видѣли, что совѣтъ вторымъ пунктомъ своего латинскаго опредѣленія постановилъ, чтобы директоръ объяснилъ совѣту причины, вынудившія его удалить Пухинскаго отъ должности. Въ засѣданіи 7 іюля Яковкинъ бумагою увѣдомилъ совѣтъ, что онъ не можетъ исполнить этого требованія совѣта безъ особеннаго предписанія попечителя, которому онъ представитъ вопросъ на разрѣшеніе. Вслѣдъ за этимъ заслушано было отдѣльное мнѣніе профессора Каменскаго, весьма любопытное по своему содержанію и дающее намъ ясное представленіе о томъ, чего добивались такъ называемые враги Яковкина и о томъ, что возбуждало тогда споры. Приведемъ его почти цѣликомъ

«Послѣдняя бумага г. профессора Яковкина заключаетъ въ себѣ отказъ его выполнить опредѣленіе совѣта. Онъ самъ былъ согласенъ на оное, самъ сознаъ, что когда совѣтъ опредѣляетъ чиновниковъ гимназіи къ своимъ мѣстамъ, то онъ же долженъ быть извѣстенъ о причинахъ отрѣшенія или удаленія или замѣщенія ихъ другими. и онъ же, обслѣдовавъ причины, долженъ сдѣлать свое представленіе о томъ его превосходительству г. попечителю.

«Закону надобно имѣть общее дѣйствіе.

Такъ какъ дѣло касается общихъ основаній, на которыхъ стоитъ нынѣ существующій совѣтъ, то Каменскій желалъ представить попечителю слѣдующія свои соображенія:

«Его сіятельство министръ народнаго просвѣщенія, по представленію г. попечителя предписалъ, чтобъ до совершеннаго образованія университета, гимназія управлялась собственнымъ ея положеніемъ. И такъ, ежели настоящій совѣтъ, за его имя совѣта гимназіи, подводится подъ тоже положеніе, то всѣ профессоры и адъюнкты, не имѣющіе должностей при гимназіи, занимаютъ въ совѣтѣ не свои мѣста и должны ихъ уступить тѣмъ учителямъ, которые назначены его членами въ § 11 Положенія о гимназіи 1798 года. Такому совѣту нельзя основываться на правилахъ университетскаго совѣта, къ которымъ однакожъ мы прибѣгаемъ, ибо они написаны въ отличныхъ видахъ и началахъ.

«Если же его превосходительству угодно, чтобъ всѣ профессоры и адъюнкты составляли совѣтъ (я говорю условно, ибо не нашелъ во всѣхъ актахъ предписанія на это ([4])) и разсуждали бы о предметахъ, до универ-

---

([4]) Мы видѣли выше, стр. 324, что составъ и самое наименованіе совѣта, въ первомъ его засѣданіи, были объявлены Яковкинымъ, согласно словесному приказанію попечителя.

ситета касающихся, и о важнѣйшихъ токмо дѣлахъ гимназіи, то кажется будетъ справедливо присвоить сему совѣту правила въ уставѣ университетскомъ предписанныя, исключивъ изъ нихъ, какія покажутся Его превосходительству для настоящаго времени ненужными или неудобоисполнимыми. Члены и предсѣдатель узнаютъ свои отношенія и будутъ имѣть вѣрную стезю, отъ которой трудно будетъ отклониться: противорѣчія, споры не найдутъ мѣста, равно какъ досады и оскорбленія, которыхъ примѣръ здѣсь могу надъ собою представить. По окончаніи разсужденія о дѣлѣ г. Пухинскаго, въ которомъ я предложилъ какое-то мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ г. профессора Яковкина, на другой день онъ далъ мнѣ прочитать предписаніе Его превосходительства 1805 года подъ № 180, прибавивъ, что и мнѣ тогоже должно опасаться (см. выше стр. 336.) Какое жъ было удивленіе мое, когда я долженъ былъ къ оскорбленію моему понять, что за самое невинное возраженіе меня уже стращали гнѣвомъ его превосходительства, столь сильно выраженнымъ и implicite называли неповинующимся закону! Г. профессоръ Яковкинъ навѣрное не позволилъ бы себѣ такого поступка со мною, еслибы не могъ сбивчиво представлять нашего отношенія съ нимъ: покрайней мѣрѣ я такъ думаю, имѣвъ счастіе служить въ непосредственномъ вѣдѣніи высшихъ начальниковъ».

Заключеніе, къ которому приходилъ Каменскій въ своемъ мнѣніи и съ которымъ согласились всѣ члены совѣта, и въ ихъ числѣ Яковкинъ, клонилось къ тому, чтобъ представить попечителю не о дѣлѣ собственно Пухинскаго, а о томъ въ какомъ положеніи находится совѣтъ. Эта мысль, какъ мы видѣли, занимала и Карташевскаго и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, но первый, по званію своему адъюнкта, не имѣлъ вѣса ни у попечителя, ни въ совѣтѣ, нѣмцы же профессора не умѣли ее выразить въ такой ясности, какъ сдѣлалъ это Каменскій. Въ силу его заключенія совѣтъ занялся уясненіемъ своего положенія, въ виду двухъ уставовъ, часто противорѣчащихъ другъ другу, но которыми онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ руководствоваться. Въ два засѣданія разсуждаемо было о томъ 1) „что въ силу предписанія Его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, даннаго въ 1805 году подъ № 92 въ управленіи гимназіею должно слѣдовать положенію 1798 года мая 29 дня, гдѣ назначены членами совѣта директоръ оной съ пятью или шестью учителями высшихъ классовъ и главнымъ надзирателемъ, которыхъ мѣста вопреки сему занимаютъ нынѣ семь профессоровъ и пять адъюнктовъ; 2) что приказаніе слѣдовать то уставу университетовъ, то гимназическому положенію вводитъ въ производство дѣлъ неопредѣлитель-

ность, законами непозволительную; 3) что слѣдуя даже одному гимназическому положенію, невозможно избѣжать противорѣчій. Когда совѣтъ напримѣръ требовалъ, чтобы сдѣлано было новое расположеніе въ учебныхъ часахъ, чѣмъ заниматься предписано ему въ § 11 сего положенія, тогда г. директоръ объявилъ, что сіе принадлежитъ собственно ему, ссылаясь на § 4 онаго, гдѣ говорится о перемѣнахъ классовъ, что соединясь съ полнымъ внутреннимъ распоряженіемъ гимназіи отъ одного токмо директора оной, не оставитъ никакого почти занятія совѣту".

Эти разсужденія, справедливость которыхъ сознавали всѣ, и желаніе избѣгнуть на будущее время недоумѣній, противорѣчій и споровъ, привели совѣтъ къ такому важному опредѣленію, которое, какъ мы увидимъ, не осталось безъ послѣдствій: „Просить Его Превосходительство господина попечителя, именемъ всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, чтобы онъ благоволилъ вывесть совѣтъ изъ неопредѣлительнаго положенія, въ какомъ онъ теперь находится, освободивъ его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ, яко ввѣренныхъ особому управленію".

Сопровождая къ попечителю это опредѣленіе совѣта своимъ частнымъ письмомъ, Яковкинъ указывалъ въ немъ на „прихотливыя затѣи нѣкоторыхъ членовъ совѣта, возбуждаемыхъ особенно *однимъ* (Каменскимъ), что причиняетъ ему нестерпимыя мученія". Онъ жаловался именно на Каменскаго, который, какъ мы видѣли, въ качествѣ университетскаго члена конторы, усчитывалъ его на каждомъ шагу и въ мелочахъ, высказывая недовѣріе. Жалуясь на безпрерывное себѣ противодѣйствіе со стороны членовъ совѣта тамъ, гдѣ только дѣло касалось чего либо университетскаго, на эти „камни претыканія", на эти „самые жестокіе удары, противу коихъ устоять потребна была чрезвычайная твердость", онъ однако поддерживалъ мысль и опредѣленіе совѣта объ отдѣленіи дѣлъ университетскихъ отъ гимназическихъ. „Для прекращенія обнаружившагося крайняго зла сего, писалъ онъ, не благоугодно ли будетъ предписать, согласно съ Высочайше конфирмованнымъ положеніемъ о гимназіи, учредить собственный гимназіи совѣтъ, состоящій изъ директора, инспектора, главнаго надзирателя и высшихъ учителей, и чрезъ то совершенно отдѣлить гимназическія дѣла отъ университетскихъ, давъ какое прилично названіе собранію членовъ университетскихъ и предоставя ему дѣ-

ла собственно университетскія. Да и экономической части университетской отъ конторы гимназіи отдѣленіе доставило бы в. п. болѣе спокойствія, а здѣшнему управленію тишины, потому что *пустыя ученыя пренія* начинаютъ обнаруживаться и по конторѣ" (слѣдуютъ жалобы на придирчивость проф. Каменскаго). Упоминаніе въ мнѣніи послѣдняго о частномъ его разговорѣ съ директоромъ, гдѣ Яковкинъ говорилъ о неповиновеніи и стращалъ гнѣвомъ попечителя, онъ называетъ „безсовѣстнымъ оклеветаніемъ которое для сердца моего чрезвычайно тягостно, тѣмъ болѣе, что по истинно доброму моему къ Каменскому расположенію никакъ не могъ я ожидать отъ него такого поступка". Подписалъ же онъ общее опредѣленіе совѣта для того „дабы не вооружить противъ себя злобу еще болѣе и возстановить сколько возможно спокойствіе до полученія начальственнаго разрѣшенія". Яковкинъ не зналъ еще, какъ посмотритъ на дѣло попечитель.

Свѣдѣнія, полученныя Румовскимъ изъ Казани, были для него очень непріятны. И письмо Яковкина, и меморія съ протоколовъ совѣта „произвели во мнѣ великое огорченіе" пишетъ онъ директору. Онъ хочетъ знать имя того члена, который возбуждаетъ совѣтъ и требуетъ сообщить его. Относительно отдѣленія университетскихъ дѣлъ отъ гимназическихъ и образованія особаго совѣта университетскихъ членовъ, онъ находитъ разныя препятствія, о которыхъ мы прежде упоминали и главный источникъ которыхъ заключался въ несчастной мысли основать университетъ, имѣющій Высочайше утвержденный уже уставъ, посреди гимназіи и неразлучно съ нею до поры до времени. „Таковой совѣтъ, какъ нынѣ существуетъ, не самъ собой я учредилъ, пишетъ Румовскій, но по согласію министра и главнаго училищъ правленія. Слѣдовательно я самъ собою и отмѣнить его не могу. Но положимъ, что я у министра и въ правленіи успѣлъ достигнуть сего намѣренія, какимъ образомъ отдѣлить между собою дѣла экономическія гимназіи и университета, когда гимназія и университетъ, торжественно не открытый, въ одномъ и томъ же домѣ помѣщаются, и отдѣля гимназію отъ университета съ дѣлами экономическими, не нужно ли будетъ кромѣ конторы, учредить другое подобное мѣсто для дѣлъ экономическихъ? Ежели вы находите средство отвратить отъ сего расположенія могу-

щія произойти неустройства, прошу васъ сообщить ваши мысли. Я думаю, что возможно бы было поступить по мнѣнію вашему, ежели бы купленные для гимназіи дома были въ такомъ состояніи, чтобы оную туда перевести было возможно".

Что касается до принципіальнаго вопроса, т. е. о правахъ совѣта и объ отвѣтѣ на его представленіе, то Румовскій сообщалъ, что онъ не будетъ спѣшить отвѣтомъ и думаетъ выполнить слѣдующій планъ: „Препоручить совѣту, чтобы представилъ мнѣ свои мысли, какимъ образомъ выведенъ быть можетъ изъ неопредѣленнаго, по мнѣнію его, положенія и отъ какихъ именно текущихъ гимназическихъ дѣлъ освобожденъ онъ быть желаетъ. Когда они о семъ судить станутъ, не мѣшайтесь въ ихъ разсужденія, дайте волю писать что заблагоразсудятъ. Но отъ подписки журнала уклонитесь, ссылаясь на мое предложеніе, которымъ совѣтъ учрежденъ при положеніи основанія университету. Когда совѣтъ обнаружитъ свои мысли, кои *совершенно будутъ пахнуть безначаліемъ*, тогда я съ моими объясненіями представлю ихъ министру просвѣщенія и главному училищъ правленію.... Вы видите, что планъ мною обдуманный есть такого рода, что необходимо нужно мнѣ знать имена главныхъ зачинщиковъ, и не прежде буду совѣту отвѣтствовать, какъ когда узнаю о семъ ваши мысли". Румовскій поддерживаетъ Яковкина и придаетъ ему бодрости душевной въ предстоящей борьбѣ съ совѣтомъ, которую онъ самъ повидимому вызываетъ своимъ планомъ: „Я жалѣю о вашемъ положеніи, пишетъ онъ, но увѣренъ будучи въ усердіи вашемъ къ пользѣ общества, прошу не ослабѣвать и мужаться противъ людей, коихъ ухищренія вредить вамъ не сильны, а причиняютъ только безпокойство".

Предположеннаго плана дѣйствій попечитель однако не выполнилъ. Объ отдѣльномъ мнѣніи Каменскаго онъ отвѣтилъ, что „долгомъ поставляетъ, по рѣдкости его, представить въ свое время на разсмотрѣніе высшаго начальства", а что касается до образованія особаго университетскаго совѣта, то въ предложеніи своемъ совѣту (30 авг. 1806 г., № 307), онъ далъ знать, какъ и прежде, что „по неоткрытію университета и по малому еще числу профессоровъ часть совѣта не можетъ составить цѣлаго и ссылаясь на постановленіе главнаго правленія училищъ, которымъ обра-

зованъ настоящій совѣтъ, и что онъ долженъ быть оставленъ въ существующемъ теперь видѣ. Предложеніе это члены совѣта сочли настолько важнымъ, что въ протоколѣ опредѣлено было для незнающихъ россійскаго языка перевести его на латинскій. Но озабочиваясь спокойствіемъ въ университетѣ, будучи недоволенъ тѣми разсужденіями, въ которыя вдавался совѣтъ, по поводу страннаго смѣшенія въ немъ дѣлъ и отношеній, попечитель самъ вызвалъ распри въ совѣтѣ, былъ причиною самыхъ бурныхъ, независимо отъ незначительнаго числа членовъ, когда либо бывшихъ засѣданій. Этотъ вызовъ сдѣланъ былъ предложеніемъ (30 іюля 1806 г., № 276), въ которомъ онъ, приводя слова изъ частнаго къ нему письма профессора Каменскаго объ инспекторѣ гимназіи и адъюнктѣ Евестѣ („человѣкъ, обладаемый одною изъ сильнѣйшихъ страстей, которая рѣдко бываетъ скрытою, и столь гласно обнаружилась предъ воспитанниками и цѣлымъ городомъ, получилъ первое мѣсто при гимназіи чрезъ ходатайство г. Яковкина“) предлагалъ совѣту разсмотрѣть въ самомъ ли дѣлѣ г. Евестъ таковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ немъ г. Каменскій. По разсмотрѣніи совѣтъ долженъ былъ доставить попечителю свое мнѣніе, дабы онъ могъ принять надлежащія мѣры (ср. выше стр. 125—129).

Вызывая Яковкина на доставленіе ему свѣдѣній о томъ, кто зачинщики разныхъ вопросовъ, подымаемыхъ въ совѣтѣ, отправивъ къ нему письмо, писанное Каменскимъ совершенно частнымъ образомъ и, какъ мы убѣждены, подъ вліяніемъ откровенныхъ и чистосердечныхъ убѣжденій молодости и перваго честнаго служенія въ университетѣ, Румовскій открывалъ широкую дорогу доносу и разнымъ инсинуаціямъ, на что былъ такой мастеръ директоръ. Старикъ попечитель охотно выслушивалъ всѣ дрязги и разныя сплетни о пріѣзжихъ профессорахъ, особенно о тѣхъ которые liederlich leben. У насъ въ рукахъ множество писемъ Яковкина, гдѣ щедрою рукою разлита вся эта грязь, гдѣ можно найти подробныя реляціи о разныхъ засѣданіяхъ совѣта, столь непріятныхъ ему, потому что члены старались ему доказать, что онъ не самовластный ихъ начальникъ. Судить о тогдашнихъ университетскихъ дѣлахъ исключительно черпая изъ этого мутнаго источника, какъ это дѣлалъ попечитель, значитъ составить себѣ неправильное понятіе о вещахъ; самый тонъ этихъ писемъ, изъ которыхъ сдѣлано

было нами уже много выписокъ, дастъ ясное представленіе о человѣкѣ, ихъ писавшемъ и о томъ, каковы его взгляды. Но попечитель вполнѣ вѣрилъ этому человѣку; онъ смотрѣлъ на университетъ Казанскій и на его членовъ его глазами. Почти каждое засѣданіе совѣта, въ которомъ члены его, конечно не всѣ, а нѣкоторые не согласились съ нимъ, называется Яковкинымъ „шумнымъ.“ Цеплинъ, Германъ, Карташевскій, а теперь, послѣ знакомства съ письмомъ о немъ къ попечителю и послѣ многихъ съ нимъ столкновеній въ конторѣ по неправильнымъ выдачамъ въ расходъ университетскихъ суммъ, особенно Каменскій—вотъ враги Яковкина, которыхъ онъ всѣми средствами старается представить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ предъ попечителемъ. Эти люди составили противъ него „комплотъ.“ У Каменскаго—самый безпокойный характеръ; во всѣхъ его дѣйствіяхъ онъ видитъ „умышленное сопротивленіе“ всему имъ предложенному. Карташевскій отличается „буйствомъ,“ но теперь, послѣ замѣчанія попечителя по дѣлу объ Ахматовѣ, онъ „не осмѣливается явно себя выказывать, но по его ухищреніямъ и по сообразному для сего характеру выставился вмѣсто него Каменскій“. Это орудіе замысловъ Карташевскаго (Яковкинъ увѣренъ, что онъ ищетъ мѣста инспектора въ гимназіи) и Запольскаго. „Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, нѣсколько подозрительно мнѣ кажется и прежнее его служеніе въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ разсужденіи его нравовъ.“ Это человѣкъ, приверженный къ партіямъ и интригамъ. Яковкинъ убѣдился въ этомъ еще весною, гуляя съ нимъ по Тенишевскому саду. „Охуждалъ я существующія, какъ наслышался, партіи въ Московскомъ университетѣ, а онъ ихъ одобряя почиталъ необходимо нужными *для сопротивленія начинаніямъ и намѣреніямъ высшаго начальства, дабы ученыя сословія управлялись сами собою*“. Каменскій до того надоѣлъ Яковкину своими ни на чемъ, по его словамъ, кромѣ sic volo, неоснованными придирками къ разнымъ выдачамъ изъ университетскихъ суммъ, что онъ проситъ попечителя (конечно для одобренія) уволить „отъ препорученнаго первенства по обоимъ заведеніямъ ему ввѣреннымъ или избавить отъ несноснаго соприсутствованія въ конторѣ съ Каменскимъ“. Мѣряя всѣхъ на свой собственный аршинъ, Яковкинъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Каменскаго и особенно въ письмѣ его къ Румовскому, видѣлъ исключительно личные мотивы, мотивы служебнаго повышенія: „онъ рѣшился очернить меня и предъ

очами высшаго начальства и чрезъ то, лишивъ удостоиваемой довѣренности, добраго мнѣнія и благорасположенія, учиниться ему директоромъ гимназіи, что доказываютъ какъ слова его, сказанныя мнѣ въ университетской денежной кладовой („ и я имѣю всѣ способности, дарованія и опытность дѣлать все тоже, что вы дѣлаете“), что было при казначеѣ и экономѣ, такъ и въ отвѣтѣ его совѣту обнаруженныя клевета и злоба.“ Зная, что Румовскому, какъ попечителю, весьма непріятны распускаемыя по городу о гимназіи и объ университетѣ сплетни, Яковкинъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобъ не сообщить ихъ. „Особенное мое молчаніе и примѣтная унылость въ послѣднемъ сего августа 8 числа засѣданіи совѣта еще болѣе сопротивниковъ ободрили, такъ что успѣли они распустить слухи по городу, что я съ безчестіемъ отставленъ и преданъ даже суду; поелику еще и прежде сего объ обнаружившемся комплотѣ, къ совершенному стыду обоихъ заведеній, всѣмъ въ городѣ учинилось извѣстнымъ: благонамѣренные сожалѣютъ, а злонамѣренные насмѣхаются“. Прося попечителя отдѣлить гимназическій совѣтъ отъ университетскаго, онъ твердитъ о „необузданности университетскихъ чиновъ“ и отрицаніи ихъ заниматься гимназическими дѣлами, о сопротивленіи ихъ предписаніямъ попечителя, жалѣетъ о новыхъ и новыхъ огорченіяхъ, наносимыхъ „крамольниками попечителю, буйствомъ и дерзостью ихъ, всегда готовыхъ на самый безсовѣстный обманъ“. До крайнихъ мелочей доходятъ иногда сообщенія Яковкина о тѣхъ, которые ему противорѣчатъ, въ особенности о Каменскомъ, котораго „дерзость, говоритъ онъ, совершенно выводитъ меня изъ терпѣнія и охлаждаетъ ревность къ служенію“. Такъ въ одномъ изъ журналовъ конторы Каменскій назвалъ секретаря ея Сычугова „не безъ намѣренія“, какъ думаетъ Яковкинъ, Бичуговымъ. „На мое напоминаніе объ его ошибкѣ, Каменскій сказалъ, что поправитъ ее переписчикъ, чѣмъ секретарь столько обиженъ, что словесно просилъ у меня позволенія подать просьбу объ увольненіи, не желая имѣть никакого дѣла съ таковымъ несноснымъ человѣкомъ“. Желая сообщить попечителю на его запросъ, кто главные зачинщики споровъ и пререканій въ совѣтѣ, Яковкинъ входитъ иногда въ стилистическія и психологическія тонкости: „Въ поданномъ 9 іюля въ совѣтъ голосѣ и написанномъ 13 августа въ конторѣ журналѣ Каменскаго раз-

личіе въ слогѣ доказываетъ довольно очевидно, что первое не изъ его головы, а послѣднее при мнѣ и писано вчернѣ. Первый слогъ есть таящагося и робѣющаго высказываться (указаніе на Карташевскаго), а второй на самомъ дѣлѣ обнаружившагося его единомышленника" (т. е. Каменскаго). О Цеплинѣ и Германѣ Яковкинъ доноситъ попечителю все, что только могло ихъ уронить въ его глазахъ (см. стр. 73). За то индефферентные нѣмцы - профессора, именно тѣ, которые въ этихъ совѣтскихъ засѣданіяхъ были на его сторонѣ, пользуются, но только пока, его симпатіями. О хорошемъ ихъ поведеніи и благомысліи онъ считаетъ себя обязаннымъ напоминать попечителю. Профессоръ Сторль получаетъ эпитетъ „добродушнаго", говорится о добротѣ души его, о томъ ужасѣ, который наполняетъ его душу при видѣ безчинствъ, совершающихся въ совѣтѣ; „безпристрастный" профессоръ Фуксъ не умедлитъ представить на начальственное благоусмотрѣніе мысли свои о состояніи нынѣшняго совѣта", а „посѣтившій вчера меня вечеромъ профессоръ Бюнеманъ съ благоговѣніемъ воспоминалъ мудрые совѣты в. п., данные ему при отъѣздѣ". Эти нѣмцы не принадлежали къ тому *комплоту*, который собирался противъ Яковкина въ домѣ вице-губернатора и обнаруживалъ противъ него „общую зависть и злобу" (см. стр. 156).

Предложеніе попечителя о разсмотрѣніи въ совѣтѣ: точно ли адъюнктъ и инспекторъ гимназіи Евестъ, „обладаемъ одною изъ сильнѣйшихъ страстей, которая рѣдко бываетъ скрытою", какъ пишетъ о томъ къ попечителю профессоръ Каменскій, было заслушано въ засѣданіи совѣта 16 августа и тогда же опредѣлено было разсмотрѣть вопросъ въ особомъ засѣданіи совѣта, въ которомъ не должны участвовать ни Каменскій, ни Евестъ, ut partes (всѣ протоколы велись на латинскомъ языкѣ, копіи съ нихъ были посланы къ попечителю, а подлинники, состоявшіе изъ отдѣльныхъ мнѣній, писанныхъ частью на лоскуткахъ бумаги, были запечатаны и опредѣлено хранить ихъ секретно). Выше на стр. 125—129 мы разсказали и сущность самаго дѣла и сущность самой болѣзни Евеста, здѣсь остается намъ передать только самую процедуру этихъ окруженныхъ канцелярскою тайною засѣданій, но совершенно извѣстныхъ жадному до университетскихъ скандаловъ былаго времени городу. Предварительно совѣтъ постановилъ принести искреннѣйшую

благодарность попечителю за то, что онъ пожелалъ такъ милостиво сообщить и предложить на обсужденіе цѣлаго совѣта частное письмо, касающееся чести и доброй нравственности одного изъ его членовъ, и такимъ дѣйствіемъ подтвердилъ предъ лицемъ совѣта законъ августѣйшей императрицы Екатерины II, выраженный въ слѣдующихъ словахъ ея Наказа (§ 19): „Законы, осуждающіе человѣка по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности". За тѣмъ, обращая вниманіе на то, что существенный вопросъ во всемъ дѣлѣ заключается въ опредѣленіи того факта, въ чемъ собственно Евестъ обвиняется Каменскимъ и такъ какъ слова „сильнѣйшая страсть" нуждаются въ объясненіи, а самаго письма Каменскаго, изъ цѣлой связи котораго можно было бы объяснить ихъ смыслъ, въ рукахъ совѣта нѣтъ, то и опредѣлили письменно потребовать отъ Каменскаго объясненія словъ, имъ употребленныхъ. Въ слѣдующее (третье уже) засѣданіе совѣта былъ выслушанъ отвѣтъ Каменскаго, изъ котораго было усмотрѣно, чтобъ подъ словомъ „страсть" онъ разумѣлъ perturbatio mentis. Правду этихъ словъ совѣтъ рѣшилъ повѣрить поголовнымъ спросомъ всѣхъ членовъ, то есть: точно ли Евестъ былъ подверженъ такимъ припадкамъ, а такъ какъ профессоръ Фуксъ лѣчилъ Евеста въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, то потребовать отъ него медицинское свидѣтельство, при чемъ Яковкинъ заявилъ свое мнѣніе, что рѣчь идетъ не о прошедшемъ, а о настоящемъ состояніи здоровья Евеста, который теперь не страдаетъ никакимъ помѣшательствомъ. Когда стали собирать мнѣнія членовъ совѣта о припадкѣ или о здоровьи Евеста, то явилось множество недоразумѣній. Профессоръ Цеплинъ не знаетъ о состояніи здоровья Евеста въ какое время спрашиваютъ: до письма Каменскаго, во время этого письма или по написаніи его? Если идетъ рѣчь о настоящемъ состояніи здоровья (18 августа), то какимъ образомъ могъ его предвидѣть Каменскій въ письмѣ своемъ, писанномъ 10 іюля? О томъ времени есть свидѣтельство Фукса. Что же касается до настоящаго состоянія здоровья Евеста, говоритъ Цеплинъ, то я видѣлъ его два дни тому назадъ и, какъ кажется мнѣ, онъ совершенно здоровъ.

Профессоръ Бюнеманъ свидѣтельствуетъ, что 10 іюля (день письма Каменскаго) онъ видѣлъ Евеста въ этомъ самомъ совѣтѣ исполняющимъ какъ должно свою обязан-

ность и въ совершенно удовлетворительномъ состояніи здоровья; о промежуточномъ времени, т. е. съ 10 іюля по сегодня (18 августа) ему ничего неизвѣстно: о немъ свидѣтельство долженъ дать г. профессоръ и директоръ, подъ глазами котораго Евестъ исполняетъ свою инспекторскую обязанность. Что касается до настоящаго дня, то онъ лично видѣлъ сегодня (18 авг.) Евеста sanum et salvum и даже говорилъ съ нимъ. Сторль, съ своей стороны, показываетъ, что онъ видѣлъ Евеста совершенно здоровымъ не только 10 іюля, но и прежде, во все время гимназическихъ экзаменовъ и потомъ, до настоящаго дня. Тоже повторилъ Левицкій. Адъюнктъ Эрихъ свидѣтельствуетъ не только о добромъ здоровьи Евеста, но и о его учености; Запольскій, что Евестъ здоровъ; Карташевскому кажется, что онъ теперь здоровъ, но что положительно этого сказать не можетъ, такъ какъ рѣдко съ нимъ видится. Профессоръ Фуксъ видѣлъ его на этой недѣлѣ и онъ показался ему тоже вполнѣ здоровымъ. Что касается до Яковкина, то онъ далъ самое обширное показаніе, которое было сокращеніемъ его длиннаго рапорта. Онъ говорилъ, что всегда и совершенно былъ доволенъ добрыми нравами, ревностью въ исполненіи обязанностей и примѣрнымъ поведеніемъ Евеста, что онъ, въ ежедневныхъ, при исполненіи взаимныхъ служебныхъ обязаностей, разговорахъ съ нимъ, и въ бесѣдахъ его со студентами, учителями гимназіи и воспитанниками, которые питаютъ къ нему безусловное уваженіе и любовь, никогда не замѣчалъ въ немъ никакой „сильнѣйшей страсти" и что онъ никогда и ни отъ кого изъ лицъ, принадлежащихъ къ университету и гимназіи не слыхалъ, чтобъ Евестъ былъ обладаемъ страстью, а вся болѣзнь его, сколько онъ можетъ судить по признакамъ, была простуда. Въ четвертомъ засѣданіи совѣта прочитано и принято къ свѣдѣнію медицинское свидѣтельство Фукса о прежней болѣзни Евеста и былъ разбираемъ, по желанію отсутствующаго профессора Каменскаго, вопросъ: можетъ ли профессоръ Яковкинъ участвовать въ этихъ засѣданіяхъ и рѣшенъ большинствомъ голосовъ утвердительно. По собраніи всѣхъ голосовъ и послѣ долгихъ разсужденій совѣтъ на предписаніе попечителя донести о томъ: точно ли Евестъ обладаемъ одною изъ сильнѣйшихъ страстей, опредѣлилъ донести, что „Евестъ той сильной страсти, подъ которою Каменскій разумѣетъ умопомѣшательство (perturbatio animi) не под-

вергался (obnoxius erat), какъ это видно изъ свидѣтельства профессора доктора Фукса, при чемъ Фуксъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что болѣзнь эту можно назвать mania pathematica, какъ утверждаетъ это проф. Каменскій. Что касается настоящаго времени, то Евестъ несетъ свои обязанности и пользуется полнымъ здоровьемъ (sanus est et valetudine prospera gaudet).

Читая это донесеніе совѣта, попечитель конечно не могъ составить себѣ никакого яснаго представленія о свойствѣ или характерѣ страсти или болѣзни Евеста, какъ нельзя о томъ догадаться изъ латинскаго свидѣтельства Фукса, который болѣзнь эту называетъ просто mania, безъ эпитета pathematica. Люди сознательно или безсознательно закрывали глаза передъ истиной и не хотѣли говорить правды. Румовскій конечно не остался доволенъ, получивъ такія неопредѣленныя свѣдѣнія отъ совѣта и познакомившись изъ протокола съ нѣсколько странною процедурою дѣла, изъ которой было видно, что члены не понимаютъ собственно о чемъ ихъ спрашиваютъ. „Господа иностранные члены совѣта въ семъ случаѣ, до чести цѣлаго общества касающемся, пишетъ попечитель въ новомъ предложеніи своемъ совѣту по тому же дѣлу (6 сент. 1806 г. № 327), не могли поступить осторожнѣе, какъ потребовать объясненія отъ самаго г. Каменскаго. Но россійскіе гг. члены могли объяснить имъ, что слово *страсть* не означаетъ болѣзни, которую пользовалъ г. профессоръ Фуксъ, ибо когда г. Каменскій пишетъ *обладаемый страстью*, то должно разумѣть настоящую, а не прошедшую, и предложеніе мое до настоящаго, а не до прошедшаго времени касалося“. Чтобъ облегчить пониманіе гг. иностранныхъ членовъ, Румовскій выписываетъ изъ письма Каменскаго къ нему все мѣсто касающееся Евеста („да извинитъ меня въ томъ г. Евестъ“) и чтобъ не оставить вторично въ недоумѣніи совѣтъ, онъ переводитъ все это мѣсто по латынѣ. „Изъ сего явствуетъ, заключаетъ онъ, что г. профессоръ Каменскій, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 10 іюля, писалъ не о болѣзни или non de perturbatione mentis, въ которой г. Фуксъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пользовалъ г. Евеста, но о страсти, которою г. Евестъ одержимъ и нынѣ; ибо по болѣзни никого не можно включать въ число самыхъ худыхъ, и директоръ, не будучи докторъ, никакому больному покровительствовать не можетъ. По симъ причинамъ вторично

препоручаю совѣту, не мѣшая посторонняго, разсмотрѣть безъ жару, но съ приличною мѣсту тишиною, въ самомъ ли дѣлѣ г. Евестъ таковъ, какъ описываетъ его г. профессоръ Каменскій".

Второй разборъ этого курьезнаго дѣла происходилъ 19, 20 и 21 сентября. Цеплинъ и Германъ, какъ иностранцы, потребовали перевода бумаги попечителя сначала на словахъ, а потомъ на бумагѣ. Каменскій и Евестъ не присутствовали также въ засѣданіи, но первый 20 сентября вошелъ въ собраніе совѣта и подалъ Яковкину бумагу, въ которой снова доказывалъ, что и онъ, Яковкинъ, не имѣетъ права присутствовать въ засѣданіи по этому дѣлу, такъ какъ онъ имѣетъ съ нимъ личные счеты по конторѣ. Совѣтъ однако съ нимъ не согласился и Яковкинъ предложилъ Каменскому именемъ совѣта выйти изъ засѣданія. Цеплинъ и Германъ снова требовали, чтобъ Каменскій объяснилъ смыслъ выраженій объ Евестѣ въ письмѣ своемъ, но Яковкинъ воспротивился этому, ссылаясь на слова въ предложеніи попечителя: „не вмѣшивая ничего посторонняго". Словами Цеплина въ засѣданіяхъ 19 и 20 сентября, что онъ Яковкинъ ошибается („me errare" и „me esse in errore") директоръ обидѣлся и потребовалъ, чтобъ они были занесены въ протоколъ для представленія попечителю. „Попросилъ я профессора Цеплина, пишетъ Яковкинъ, прочитать зерцальный указъ 1724 года о благопристойности въ судебныхъ мѣстахъ. Вставши онъ со мною со стула подошелъ къ зерцалу, но отказался отъ прочтенія незнаніемъ русскаго языка". При собираніи голосовъ, сначала на словахъ, а потомъ письменно отъ каждаго, оказалось, что всѣ мнѣнія были крайне различны между собою и вывести изъ нихъ какое либо общее заключеніе для представленія попечителю не было никакой возможности, почему и рѣшено было представить ему всѣ эти мнѣнія въ оригиналахъ „дабы тѣмъ болѣе обнаружить мысли каждаго сочлена и повиновеніе къ порядку"—прибавляетъ Яковкинъ. Тѣмъ дѣло и кончилось и вопросъ о „страсти" Евеста остался нерѣшеннымъ ([1]).

([1]) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что загадочная по дѣлу страсть Евеста, въ дѣйствительности была просто запоемъ, которому онъ и подвергался отъ времени до времени. Извѣстно какъ снисходительно относится къ запою русское общество, и только очень молодаго Каменска-

Но страсти тѣмъ не менѣе были уже сильно возбуждены какъ при разсмотрѣніи этого дѣла, такъ и нерѣшеніемъ вопроса объ отдѣленіи дѣлъ гимназическихъ отъ университетскихъ и о какой либо самостоятельности университетскаго совѣта. Борьба съ Яковкинымъ для нѣкоторыхъ членовъ совѣта принимала все болѣе и болѣе страстный и ожесточенный характеръ, а это давало послѣднему все чаще и чаще случаи и поводы доносить попечителю о всемъ происходившемъ, конечно съ своей точки зрѣнія и съ разными преувеличеніями. Мы упоминали объ опредѣленіи, сдѣланномъ 7 іюля, въ которомъ совѣтъ просилъ попечителя „вывести его изъ неопредѣленнаго положенія и избавить его отъ дѣлъ гимназическихъ". На представленіе объ этомъ отвѣта не послѣдовало и въ засѣданіи 8 августа, при слушаніи предложенія попечителя объ увольненіи Пухинскаго, согласно донесенію директора о его буйствѣ, и о пріисканіи на его мѣсто въ званіе главнаго надзирателя достойнаго чиновника, совѣтъ, не смотря на протестъ Яковкина, опредѣлилъ (самое опредѣленіе писано рукою Цеплина): „сужденіе о семъ предметѣ отложить до того времени, какъ получено будетъ предписаніе отъ г. попечителя на 1 статью опредѣленія, постановленнаго 7 іюля". Это дало возможность Яковкину обвинять своихъ враговъ, что они являются защитниками Пухинскаго, человѣка безспорно заслужившаго увольненіе и что они требуютъ оффиціальнаго предписанія попечителя, чтобъ „удостовѣриться самимъ отъ слова ли до слова объявлено это предписаніе". Онъ жаловался, что „спорящіе", отрекаясь отъ занятія дѣлами гимназическими, мѣшаютъ теченію дѣлъ, такъ что многія дѣла остаются нерѣшенными и лежатъ безъ движенія, а между тѣмъ, въ тоже самое время, двумя положеніями 1798 года о Казанской гимназіи старается доказать, что все внутреннее управленіе гимназіи предоставлено директору, что совѣтъ, согласно положенію, учрежденъ только „для сдѣланія дирек-

---

го могъ возмутить этотъ порокъ или несчастіе въ лицѣ инспектора гимназіи, чѣмъ не возмущались и во времена гораздо позднѣйшія разсказываемыхъ. По всей вѣроятности запой Евеста увеличился, и въ августѣ 1807 года, «часто страдая болѣзненными припадками разнаго рода», онъ уволился отъ инспекторской обязанности, а черезъ два года (въ октябрѣ 1809 года) умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

тору пособія“ и что враждебные ему члены совѣта „смѣшивая дѣло до гимназіи касающееся, слѣдовательно и трактуемое по законамъ до гимназіи, съ дѣломъ единственно до университета принадлежащимъ, возмнили директора подвергнуть отвѣту предъ совѣтомъ и вмѣсто предписаннаго пособія директору, мнять быть его судьями и правителями, къ предосужденію высшаго, постановленнаго надъ нимъ законнаго начальства въ особѣ в. п.“ Это уже съ точки зрѣнія директора и попечителя было буйствомъ, не признаніемъ властей. Такъ „возможное примѣненіе“ устава университетовъ 1804 года къ положенію о гимназіи, утвержденному при императорѣ Павлѣ, которое рекомендовалъ Румовскій при основаніи имъ университета, опредѣляя кругъ дѣйствій совѣта Казанской гимназіи, на каждомъ шагу должно было порождать недоразумѣнія.

По окончаніи разсмотрѣнія дѣла о „страсти“ Евеста, члены совѣта условились 24 сентября собраться не въ засѣданіи, а частнымъ образомъ, для окончательнаго прочтенія протоколовъ этого дѣла, сличенія латинскихъ копій, запечатанія всего дѣла для храненія въ архивѣ и приготовленія бумагъ на почту. Хотя профессоръ Цеплинъ и настаивалъ на томъ, чтобъ въ это число быть оффиціальному собранію, но Яковкинъ отклонилъ это по недостатку времени. „Положившись на сіе, пишетъ онъ къ попечителю, поѣхалъ я для разсѣянія мыслей 24 дня по утру на охоту, но Цеплинъ, постаравшись собрать прочихъ членовъ, объявилъ въ 11 часовъ совѣтъ, говоря, что хотя меня и нѣтъ, но онъ старшій профессоръ (о чемъ уже и прежде многократно говаривалъ въ присутствіи совѣта, какъ и нынѣ) и потому открылъ засѣданіе, начавшееся и окончившееся только запискою, что меня въ присутствіи нѣтъ, а больше чего нужнѣйшаго, особливо по приводимымъ съ намѣреніемъ сужденіямъ своимъ о двухъ предписаніяхъ в. п. въ разсужденіи совѣту Казанской гимназіи и по дѣлу отрѣшенія главнаго надзирателя, а единственно желая поставить мнѣ въ вину только мое отсутствіе, ничего не сдѣлали, какъ будто бы только для того и собрались, чтобы я не былъ, хотя еще въ началѣ перваго часа былъ уже я дома. Безъ протокола, безъ исходящаго нумера, безъ всякаго законнаго порядка, рѣшились послать оныя затѣи и къ в. п., но въ томъ, кромѣ Цеплина, Германа, нарочно призваннаго Каменскаго уже

въ продолженіи засѣданія своего и Запольскаго, прочіе не виноваты, а подписали оное, не приписавъ только къ прозваніямъ своимъ vi coactus, подобно студенту, коего принуждали къ браку. Удостойте простить сіе примѣненіе къ оному шутливому анекдоту".

На опредѣленіе совѣта по дѣлу объ увольненіи Пухинскаго: „сужденіе *о семъ предметѣ* отложить до того времени, какъ получено будетъ отъ попечителя предписаніе на первую статью опредѣленія постановленнаго 7 іюля, попечитель отвѣчалъ (30 августа, 1806 г. № 308) предложеніемъ объяснить: „что гг. профессоры и адъюнкты, утвердившіе своимъ подписаніемъ таковое опредѣленіе, разумѣли подъ словами *о семъ предметѣ* — увольненіе ли Пухинскаго или пріисканіе на его мѣсто достойнаго человѣка"? Совѣтъ или то большинство его членовъ, которое было враждебно Яковкину, прежде даже разсужденія въ засѣданіи своемъ объ отвѣтѣ на вопросъ попечителя, отвѣтилъ фактомъ избранія Пото въ главные надзиратели, что онъ имѣлъ въ виду не вторую часть попечительскаго вопроса, а первую, т. е. онъ отрицалъ право увольненія безъ вѣдома совѣта и безъ разсмотрѣнія имъ обстоятельствъ дѣла, однимъ безконтрольнымъ рапортомъ попечителю со стороны директора. Сверхъ того въ дѣлѣ имѣется заявленіе, писанное по латыни и подписанное четырьмя профессорами: Цеплинымъ, Германомъ, Бюпеманомъ, (который тоже склонился на сторону враговъ Яковкина) и адъюнктомъ Запольскимъ. Это заявленіе должно было еще больше подлить масла въ огонь. Оно заключало въ себѣ обвиненіе директора въ томъ, что хотя онъ увѣдомилъ объ устраненіи Пухинскаго совѣтъ, но сдѣлалъ это черезъ четыре дня по отсылкѣ своего рапорта попечителю объ обстоятельствахъ дѣла; совѣтъ поэтому требовалъ отъ директора указать ему законъ, которымъ только одному директору гимназіи предоставляется власть устранять служащихъ при гимназіи. На это Яковкинъ отвѣчалъ вовсе однако неувѣренно, что власть эта принадлежитъ исключительно ему. Соображаясь съ предписаніемъ попечителя отъ 30-го октября 1803 года, которымъ совѣту предоставлено право представлять къ утвержденію учителей и чиновниковъ гимназіи, четыре протестующіе члена совѣта полагали, что ему дано также право увольнять и разсматривать причины увольненія, особенно потому, что это упомянуто въ § 66

университетскаго устава. „Таковы были причины определенія, сделаннаго 3 іюля, къ которому безъ возраженій присоединился и г. директоръ, обещавъ сообщить совету и причины увольненія Пухинскаго, говорятъ члены, но 7 іюля г. Яковкинъ неожиданно изменяетъ свое мненіе, ссылаясь на предложеніе г. попечителя отъ 19 іюня, где говорится о *внутреннихъ*, т. е. экономическихъ (?) делахъ гимназіи. Теперь уже онъ вполне уверенно принимаетъ на себя ответственность увольненія, что бы онъ долженъ былъ сделать еще 3 іюля и представляетъ попечителю, не присоединивъ нашего мненія. 8 августа было заседаніе, не смотря на то, что по § 64 устава этотъ день былъ еще вакаціонный. Предложено было въ немъ предписаніе в. п. на имя конторы, и сообщенное ею въ советъ, „чтобы оный, вместе съ директоромъ, потщился пріискать на место Пухинскаго достойнаго чиновника", но въ виду того, что намъ не показали подлинника этого предложенія, советъ не зналъ все ли предложеніе сообщается ему или только извлеченіе, почему советъ также не зналъ на какихъ условіяхъ следуетъ ему делать избраніе (главнаго надзирателя). Къ этому надобно присоединить и то обстоятельство, что г. Яковкинъ словесно объяснилъ совету, что конторе предоставлено право выдать аттестатъ уволенному главному надзирателю, каковое объясненіе русскіе члены совета считали неправильнымъ и отвергали его. Питая такія сомненія, советъ полагалъ, что онъ поступитъ правильнее, если будетъ ожидать особаго предписанія на имя совета и такимъ образомъ познакомится съ настоящимъ желаніемъ попечителя объ избраніи, темъ более, что при отсрочке можно было бы наметить большее число кандидатовъ. Наконецъ после вакацій выборъ произошелъ бы въ присутствіи большаго числа членовъ совета. Вотъ причины определенія 6 августа 1806 года".

12 Сентября г. профессоръ Яковкинъ, объясняютъ протестующіе члены, объявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ избраніе главнаго надзирателя и потребовалъ, чтобы советъ приступилъ къ этому избранію. Исполняя въ точности предписаніе г. попечителя, советъ, изъ двухъ заявленныхъ кандидатовъ, *выбралъ одного*, котораго по совести считалъ более достойнымъ и способнымъ къ должности главнаго надзирателя, а *не обоихъ*, какъ угодно было представить г. Яковкину къ утвержденію. Окончивъ все определенія этого засе-

данія, подписавъ всѣ записанныя въ протоколъ опредѣленія, такъ какъ было уже 2 часа по полудни, члены совѣта намѣревались разойтись, какъ вдругъ профессоръ Яковкинъ вынимаетъ изъ своего кармана предложенія попечителя за №№ 307 и 308 (первое объ особомъ мнѣніи Каменскаго, второе вопросъ попечителя: что разумѣютъ профессоры и адъюнкты подъ словами: „о семъ предметѣ“). Яковкинъ требовалъ чтобы эти предписанія были заслушаны немедленно, но совѣтъ постановилъ: „послику нѣкоторые изъ членовъ совѣта не знаютъ россійскаго языка, то сужденіе о сихъ предписаніяхъ отложить до будущаго засѣданія, переведши оныя на латинскій языкъ“. Далѣе четыре члена, подавшіе это латинское заявленіе говорятъ о назначенномъ 24 сентября совѣтскомъ засѣданіи, на которое не явился самъ предсѣдательствующій Яковкинъ и въ заключеніи свидѣтельствуются совѣстью и честью своими объ уваженіи своемъ и къ законамъ и къ предписаніямъ начальства.

Таковъ былъ взглядъ тѣхъ, которыхъ Яковкинъ считалъ своими врагами и изъ которыхъ, по его мнѣнію, составился злостный комплотъ противъ его чести и служебнаго положенія. Понятно въ какихъ краскахъ представлялъ онъ попечителю всѣ эти „адскія затѣи“, какъ онъ жаловался. „Я вижу, писалъ ему Румовскій, что духъ безначалія и любоначалія отъ часу въ большую приходитъ силу“. „Вы терпѣли много, утѣшаетъ его Румовскій, потерпите еще; отъ полученія письма сего черезъ недѣлю, можетъ статься, что и раньше васъ успокою“.

Мы бы не останавливались такъ долго, можетъ быть увлекаемые и массою представившагося намъ матеріала, надъ этими спорами и столкновеніями разнаго рода въ совѣтѣ Казанской гимназіи, гдѣ членами были первые профессора университета, еслибъ съ одной стороны не казалось намъ любопытнымъ прослѣдить по документамъ эту старую борьбу университета за самоуправленіе, Высочайше дарованное ему, съ тѣми, которые являлись врагами этого самоуправленія изъ личныхъ разсчетовъ и своекорыстія и, еслибъ, съ другой стороны, Казанскій университетъ, именно вслѣдствіе этой нѣсколько печальной внутренней борьбы, происходившей въ немъ, не лишился, какъ мы увидимъ, нѣсколькихъ профессоровъ, которые при другихъ обстоятельствахъ конечно принесли бы пользу ему своею дѣятельностью. Не прошло и двухъ лѣтъ совре-

мени основанія университета, какъ вмѣсто постепеннаго, естественнаго органическаго развитія, онъ сталъ уже ощущать потери; жизнь его пошла криво, какъ кривится стволъ дерева, встрѣчающій случайную, но непреодолимую преграду. Документальная и нѣсколько подробная исторія этихъ внутреннихъ волненій въ нашемъ изложеніи казалась намъ тѣмъ необходимѣе, что изъ нея читатель самъ можетъ вывести заключеніе о правыхъ и виноватыхъ въ дѣлѣ. Онъ не услышитъ нашего личнаго сужденія; его и не должно быть у протоколиста. Но тотъ же читатель имѣетъ право спросить насъ: гдѣ же наука, которую долженъ двигать впередъ университетъ, гдѣ же преподаваніе и его успѣхи, составляющіе дѣйствительную жизнь университета? На эти существенные и необходимые вопросы мы постараемся дать отвѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего разсказа. Дѣло въ томъ, что о наукѣ, о преподаваніи меньше всего встрѣчается упоминаній, какъ въ бумагахъ, такъ и въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій и въ обширной перепискѣ попечителя съ директоромъ и нѣкоторыми профессорами. Къ нимъ относились вообще какъ то равнодушно; никто ими не интересовался серьезно. Выше всего стояла форма; хлопотали о порядкѣ, о внѣшности и о сильной власти, думая, что въ ней заключается все. Для того, чтобы придать значеніе уму, наукѣ, образованію, надобно бы было людямъ, стоявшимъ во главѣ этого дѣла у насъ, имѣть хотя бы десятую долю государственныхъ способностей современнаго прусскаго министра Штейна, создавшаго въ тоже самое время Берлинскій университетъ, положившаго основанія того Intelligenz—Staat, который сталъ зерномъ матеріальнаго могущества Пруссіи. У насъ напротивъ боялись ума.

Взаимныя враждебныя чувства между нѣкоторыми членами совѣта и Яковкинымъ достигли сильнаго раздраженія, когда попечитель не утвердилъ избраннаго вмѣсто уволеннаго Пухинскаго на должность главнаго надзирателя нѣмецкими членами — Пото, а другаго, не избраннаго, но за котораго сильно ходатайствовалъ Яковкинъ, Упадышевскаго. Выборъ происходилъ 12 сентября. Прошеніе Упадышевскаго было подано имъ на имя директора, прошеніе Пото — на имя совѣта. Выборы сдѣланы были простою и открытою подачею голосовъ (шары для баллотированія не были еще тогда заказаны). Пото получилъ большинство голосовъ и совѣтъ

представлялъ его къ утвержденію: „Поелику г. Пото, какъ видно изъ поданнаго имъ прошенія, воспитывался въ Штутгардтской академіи (свѣдѣнія о немъ были сообщены выше, стр. 204), гдѣ конечно могъ онъ замѣтить методъ публичнаго воспитанія, а послѣ для окончанія наукъ своихъ два года путешествовалъ по другимъ иностраннымъ владѣніямъ; сверхъ сего знаетъ онъ основательно россійскій, нѣмецкій и французскій языки, то посему совѣтъ избралъ его по большинству голосовъ, тѣмъ болѣе, что при знаніяхъ своихъ имѣетъ и хорошее поведеніе, что явствуетъ изъ его послужнаго списка". Представляя объ этомъ попечителю, совѣтъ дѣлалъ уже извѣстную намъ условную прибавку. Директоръ же заявилъ: Elias Iacovkin censet ambos competentes esse dignos, sed ad additam conditionem non consentit.

Дѣло въ томъ, что Яковкинъ, еще ранѣе совѣтскихъ выборовъ, сталъ хлопотать у попечителя о назначеніи не Пото, а Упадышевскаго, который прежде служилъ комнатнымъ надзирателемъ въ гимназіи (Аксаковъ сохранилъ о немъ очень сочувственное воспоминаніе) и былъ хорошо извѣстенъ Яковкину. Въ то время у Упадышевскаго былъ одинъ сынъ студентъ, а другой гимназистъ. Яковкинъ и о Пото дѣлалъ повидимому безпристрастный отзывъ, но конечно расхваливалъ какъ можно больше и съ свойственною ему реторикою своего знакомаго Упадышевскаго. „Первый изъ нихъ (Упадышевскій), писалъ онъ, праводушіемъ своимъ, опытностью, дѣятельностью, приверженностью къ священной должности образованія юношества, безпристрастіемъ, не только отъ малютокъ подчиненныхъ, но даже и отъ сверстниковъ и бывшихъ перемѣнныхъ начальниковъ (директоровъ гимназіи) заслуживалъ всегда всеобщую признательность, уваженіе, похвалу и одобреніе; а второй, воспитывавшись самъ и зная цѣну воспитанія, *имѣлъ довольно опытности и по другимъ должностямъ*. Первый человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, около 45 лѣтъ, второй едвали и 30 имѣетъ; тотъ, ежели бы только былъ во время скучное для воспоминанія начальства (извѣстное возмущеніе гимназистовъ въ 1803 году, при директорѣ Лихачевѣ, описанное Аксаковымъ), время, похитившее лучшихъ четырехъ воспитанниковъ гимназіи, никакъ не допустилъ бы питомцевъ до такой дерзости по всеобщей къ нему приверженности и ловкости его въ обращеніи съ юношествомъ; а послѣдній питается еще толь-

ко надеждою будущаго, не показывая никакихъ еще успѣховъ въ образованіи юношества. Притомъ дабы, Богъ вѣдаетъ, не усилить комплотъ зломыслящихъ, я осмѣлюсь предварительно испрашивать начальственное благорасположеніе къ Русаку, какъ совершенно извѣстному и дознанному, нежели къ иностранцу, еще неизвѣстному, дабы сколько нибудь поболѣе удостоился и я имѣть спокойствія по части надзиранія, а употребить сіе, едва ли остающееся время на исполненіе другихъ важнѣйшихъ и часто нетерпящихъ медленности препорученій достопочитаемаго мною высшаго начальства..... Выборъ главнаго надзирателя предложенъ былъ совѣту сего сентября 1 числа, но *по неизготовленію противорѣчій* отъ немногихъ, особливо же подъ видомъ ожиданія разрѣшенія на протоколы отъ 7 іюля и 8 августа, отложенъ до будущаго засѣданія и я не надѣюсь ничего добраго и твердаго, частію по интригамъ, частію по пристрастію, частію по незнанію членами достоинствъ обоихъ соискателей, частію по пристрастію иностранцевъ къ иностранцамъ, а частію въ чаяніи усилить число безпокойныхъ еще однимъ важнымъ чиновникомъ гимназіи". Въ слѣдующемъ письмѣ Яковкинъ, уже послѣ выбора Пото, настаиваетъ предъ попечителемъ на утвержденіи Упадышевскаго.

Убѣждаясь приведенными нами выше рекомендаціями и просьбами Яковкина, попечитель утвердилъ его кліента. Въ своемъ предложеніи совѣту отъ 4 октября за № 355, попечитель писалъ: „Совѣтъ представляетъ мнѣ на утвержденіе Пото, съ условіемъ, когда разрѣшу 11 статью, постановленную въ совѣтѣ 8 августа сего года, утверждаясь на томъ, что ассесоръ Пото объявилъ склонность и способность свою занять упразднившееся мѣсто при гимназіи главнаго надзирателя и показалъ методъ полученнаго имъ воспитанія. Но какъ изъ сего не видно еще, чтобы онъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ способность къ должности надзирателя, и совѣтъ, хотя ему отъ меня и предложено было представить аттестаты, презрѣвъ мое предложеніе, представилъ только свое мнѣніе объ ассесорѣ Пото, а Упадышевскій былъ при гимназіи комнатнымъ надзирателемъ, правилъ должность дежурнаго по классамъ офицера, неоднократно исправлялъ должность главнаго надзирателя и тѣмъ оказалъ свою способность, какъ явствуетъ изъ аттестата, даннаго ему въ 1803 году іюля 4 дня, за подписаніемъ тайнаго совѣтника, Казанскаго губернатора и кавалера Ка-

царева, который между прочимъ свидѣтельствуетъ, что Упадышевскій по званію своему возложенныя на него должности исполнялъ съ ревностнымъ служеніемъ, со всегдашнею похвалою и примѣрнымъ поведеніемъ, что подтверждаетъ и данный ему аттестатъ отъ Вятскаго почтамта (онъ служилъ экспедиторомъ въ Малмыжѣ по выходѣ изъ гимназіи) и г. профессоръ и директоръ Яковкинъ объявилъ письменно, что онъ обоихъ компетентовъ считаетъ достойными и г. адъюнктъ Левицкій былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія, то симъ опредѣляется къ должности главнаго надзирателя Упадышевскій". Предложеніе это заслушано было въ совѣтскомъ засѣданіи 17 октября. „Прошедшій совѣтъ былъ спокоенъ, пишетъ объ этомъ засѣданіи Яковкинъ, потому что главный высокій крикунъ Цеплинъ отозвался болѣзнію, а сотоварищъ его Германъ въ жару своемъ вотще посматривалъ на пустыя его кресла, да и Каменскій также не былъ по неизвѣстной причинѣ, а вмѣсто Москвы, прогулявшій въ Ядринскомъ уѣздѣ у одного знакомаго помѣщика и *четыре дня просрочившій* Карташевскій *за мнимою болѣзнію*, прислалъ только обратно свой паспортъ въ совѣтъ. Теперь обнаружились ясно его адскіе происки. Онъ предвидѣлъ, что скоро должно было ожидать начальственнаго разрѣшенія на всѣ клеветническіе ихъ ковы, а потому, дабы не быть открыту, какъ главной ихъ пружинѣ, уклонился отсутствіемъ. Но узнавъ, что весь планъ ихъ, на клеветѣ основанный, обнаруженъ съ непріятной для нихъ стороны, рѣшился просить отставку (онъ подалъ о ней тогда прошеніе въ совѣтъ), да и достойно не заслуживъ дарованнаго ему отличія и не получивъ еще диплома, требовать чину коллежскаго ассесора. Во всѣхъ сихъ обуревающихъ меня смятеніяхъ единая токмо надежда на начальственное ко мнѣ благорасположеніе и обрѣтаемая въ моей совѣсти невинность подкрѣпляютъ меня и утѣшаютъ". Но Яковкинъ умолчалъ, что въ томъ же засѣданіи секретарь совѣта Левицкій, близкій сторонникъ его, а слѣдовательно и онъ самъ, обвинялись въ канцелярской уловкѣ или подлогѣ со стороны противниковъ. Попечитель въ своемъ предложеніи совѣту писалъ, что у Упадышевскаго есть аттестаты, а о Пото, кромѣ благопріятнаго о немъ мнѣнія членовъ совѣта, ему ничего неизвѣстно. Между тѣмъ у Пото былъ формулярный о службѣ списокъ за подписомъ Казанскаго полицмейстера, который ничѣмъ

не разнился отъ аттестатовъ Упадышевскаго изъ гимназіи и почтамта, такъ какъ аттестаты тогда, какъ и нынѣ, представляютъ собою лишь копіи съ формуляровъ и даются только при отставкѣ. Иностранцы совѣта знали это и тотчасъ же догадались, что формуляръ Пото не былъ посланъ. Конечно и при немъ, какъ мы знаемъ, попечитель утвердилъ бы Упадышевскаго, но уловка канцеляріи бросилась въ глаза и естественно должна была возбудить страсти. Отъ лица всего совѣта Цеплинъ спросилъ секретаря: „Развѣ не былъ посланъ къ попечителю формуляръ Пото, замѣняющій собою аттестатъ?“ Секретарь отвѣчалъ отрицательно. Тогда на другой вопросъ (всѣ эти препирательства происходили на латинскомъ языкѣ): „Почему не былъ посланъ формуляръ и какимъ образомъ секретарь могъ предполагать (praesumere potuisset), что совѣтъ не желаетъ посылать формуляра къ попечителю?“, растерявшійся секретарь „бывши съ намѣреніемъ разбиваемъ въ рѣчахъ своихъ“, какъ рапортуетъ Яковкинъ, сказалъ, что онъ дастъ отвѣтъ совѣту въ слѣдующее засѣданіе его. Яковкинъ настаивалъ на простомъ исполненіи (sine restrictione) предложенія попечителя. Секретарь (адъюнктъ Левицкій) въ слѣдующее засѣданіе представилъ латинское объясненіе, въ которомъ съ изворотливостью опытнаго канцелярскаго чиновника говорилъ, что „такъ какъ совѣтъ въ опредѣленіи своемъ относительно Пото вовсе не упомянулъ объ отсылкѣ его формуляра къ попечителю, то онъ, безъ согласія прочихъ членовъ, своею волею иначе и не могъ поступить.“ Въ заключеніе секретарь высказывалъ неудовольствіе, что одинъ членъ совѣта позволяетъ себѣ привлекать къ допросу другаго члена, его, секретаря, и просилъ обо всемъ происходившемъ донести попечителю. Яковкинъ конечно поддерживалъ секретаря; его доказательство о незаконности допроса, по словамъ его, „не мало подѣйствовало: профессоръ Цеплинъ, сказавъ „eum febrem laborare, уѣхалъ домой“. Вслѣдъ за симъ, за подписомъ Цеплина, Германа и Бюнемана, было отправлено непосредственно къ попечителю объясненіе всего дѣла и то странное и непонятное для нихъ обстоятельство, что аттестатъ или формуляръ избраннаго совѣтомъ и представляемаго къ утвержденію Пото не былъ посланъ къ попечителю, а были посланы напротивъ аттестаты лица не выбраннаго и не представляема-

го. Въ заключеніе профессора заявляютъ, что они „протестуютъ не противъ утвержденія Упадышевскаго, а противъ того порядка (contra modum), какимъ все дѣло это объ избраніи главнаго надзирателя представлено было ему, попечителю“. Объ этомъ обращеніи своемъ къ попечителю они тогда же заявили совѣту. Независимо отъ этого одинъ Цеплинъ, въ засѣданіи 31 октября, вслѣдъ за предъявленіемъ Яковкинымъ Высочайшаго указа отъ 20 января 1724 года (о чемъ постановлено: auditum et explendum est) подалъ по тому же дѣлу въ совѣтъ свое отдѣльное, также писанное по латыни мнѣніе о томъ же дѣлѣ и о поступкѣ секретаря совѣта. Онъ доказываетъ, въ противность утвержденія Яковкина, Левицкаго и ихъ сторонниковъ, желавшихъ выставить его одного зачинщикомъ, что вопросъ, почему не былъ посланъ формуляръ Пото къ попечителю, былъ въ умѣ почти всѣхъ членовъ (in fere omnium animo erat), что спрашивалъ онъ Левицкаго не лично отъ себя, а отъ всего совѣта, что неправильно утвержденіе Левицкаго, что вопросъ относился къ члену совѣта: онъ былъ обращенъ къ секретарю, къ его обязанности, что онъ имѣлъ полное право сдѣлать этотъ вопросъ ему, что и не къ кому, кромѣ его, Левицкаго, обратиться было съ этимъ вопросомъ. Никто изъ членовъ совѣта не противился этому вопросу, никто не возражалъ противъ него и самъ секретарь счелъ своею обязанностью тотчасъ же отвѣчать на него. Наконецъ въ самомъ вопросѣ этомъ не было ничего противозаконнаго, ничего противнаго власти.

Кто былъ членомъ такихъ коллегіальныхъ учрежденій, какъ совѣтъ университета, того безъ сомнѣнія нисколько не удивятъ часто встрѣчавшіеся и встрѣчающіеся въ нихъ споры и пререканія, а они-то именно обыкновенно и ставятся въ вину членамъ коллегій и отъ нихъ переносятся на самыя учрежденія. Споры и пререканія совершенно естественное дѣло въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ участвуютъ живые люди: не могутъ же они быть скроены по одной мѣркѣ, да и самое дѣло, для своего успѣха, требуетъ обсужденія съ разныхъ сторонъ, а различныя точки зрѣнія даются различіемъ характеровъ, различіемъ убѣжденій, основанныхъ на разнообразіи индивидуальнаго развитія. Къ сожалѣнію о русскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, на основаніи наблюденій, мы кажется имѣемъ право сказать, что вообще къ нимъ не

привыкли, что люди вѣковою привычкою освоившіеся съ произволомъ, сами не уважаютъ ихъ и этимъ неуваженіемъ своимъ даютъ въ руки оружіе многочисленнымъ ихъ врагамъ. Великая мысль Петра В. мало привилась къ русской почвѣ и не пользуется уваженіемъ. Да и самые споры и пререканія, происходящія въ нихъ, источникомъ своимъ по большей части имѣютъ не столько понятное вообще и уважительное чувство страстности, вытекающее изъ увлеченія дѣломъ и идеею, сколько туже борьбу изъ за власти, преобладанія и слѣдовательно произвола. Въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ впередъ коллегіальный интересъ, чувство уваженія къ коллегіи, къ тому цѣлому, честь котораго должна быть дорога для всѣхъ его членовъ. Изъ протоколовъ совѣта Казанской гимназіи 1806 года видно, что объ этомъ коллегіальномъ чувствѣ напоминали своимъ товарищамъ исключительно члены-иностранцы, не всѣ впрочемъ, а только тѣ, которые были болѣе самостоятельны и не увлекались мелкими житейскими выгодами близкихъ отношеній къ Яковкину; для нихъ чувство это не было новостью. Такъ напримѣръ, когда профессора Цеплинъ, Германъ и Бюнеманъ вынужденными нашлись прямо отъ себя уже, какъ мы видѣли, обратиться къ попечителю съ объясненіемъ того, что происходило въ совѣтѣ по поводу задержанія формуляра избраннаго совѣтомъ Пото, когда ихъ обвиняли чуть не въ уголовномъ преступленіи, то они сочли своею нравственною обязанностью, сообщить о своемъ обращеніи къ попечителю и совѣту, чтобы товарищи по коллегіи не обвинили ихъ въ тайномъ и коварномъ образѣ дѣйствій (1).

Какъ письма въ старые годы университетской жизни, когда попечители не жили въ университетскихъ городахъ, такъ и личные доклады и пашептыванія въ болѣе позднѣйшіе, когда они жили въ непосредственной близости къ коллегіи, были весьма обыкновеннымъ и печальнымъ явленіемъ, именно потому что содержаніе этихъ нелегальныхъ сноше-

(1) Это объясненіе или декларація, какъ они называли ее, выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Professores Zepelin, Bünemann et Hermann, quae est eorum probitas et sinceritas, concilium faciunt certius se ad Excellentissum d. curatorem litteras dedisse, in quibus de non missis d. Potot attestatis locuti sunt, et cupiunt ut haec eorum declaratio protocollo inseratur, ne olim, se clam et insidiose egisse, accusari possint».

ній имѣло предметомъ своимъ не общіе вопросы науки и преподаванія, а интересы чисто личные или интересы партіи, хлопотавшей о преобладаніи и о власти. Переписка и разговоры по вопросамъ преподаванія были весьма рѣдкими явленіями, притомъ на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи человѣческія слабости вездѣ одинаковы, а умѣнье лично быть угоднымъ весьма распространено. Въ своихъ жалобахъ попечителю на совѣтъ и на враговъ своихъ въ немъ, выставляя ихъ постоянно въ невыгодномъ свѣтѣ, врагами порядка и спокойствія, Яковкинъ постоянно ссылался на двухъ благоразумныхъ по его мнѣнію иностранныхъ профессоровъ, въ которыхъ онъ находилъ опору себѣ и которые возмущались душею явленіями, происходившими въ совѣтѣ. Эти два профессора были Фуксъ и Сторль. Заручиться ихъ поддержкою для него было важно, потому что и самъ попечитель уважалъ ихъ, не смотря на то что Яковкинъ не стѣснялся въ своихъ сообщеніяхъ и объ нихъ, подробно сообщая напримѣръ о любовныхъ приключеніяхъ холостаго Фукса; онъ часто писалъ попечителю, что они на его сторонѣ и послѣдній нѣсколько разъ напоминалъ Яковкину о желаніи получить отъ нихъ письменное изложеніе всего происходящаго въ казанскомъ совѣтѣ, чтобъ имѣть свѣдѣнія, подтверждающія то, о чемъ писалъ Яковкинъ, прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать строгими мѣрами. Фуксъ кажется уклонился отъ сообщеній. По крайней мѣрѣ въ бумагахъ мы не нашли ни одного его письма съ такимъ содержаніемъ. Но Сторль за то написалъ большое французское письмо обо всемъ томъ, что происходило въ совѣтѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Оно писано очевидно по вызову попечителя, „pour donner à son excellence une preuve éclatante de mon zèle pour le bien publique“, и не безъ внушеній со стороны Яковкина, которому Сторль, по старости и слабости характера (о чемъ послѣ), вполнѣ подчинялся. „Едва только я вступилъ въ залу совѣта, чтобъ занять въ ней указанное мнѣ мѣсто, пишетъ онъ, какъ тотчасъ же получилъ формальное приглашеніе придти къ нему отъ г. адъюнкта Запольскаго; я извинился и отказался, но вотъ черезъ нѣсколько дней онъ самъ пришелъ ко мнѣ и, не давая мнѣ отдыха, увѣрялъ меня съ клятвою, что настоящее положеніе гимназіи ужасно, что не разрушивъ всего до основанія и не передѣлавъ за ново, мы рискуемъ навлечь на себя гнѣвъ августѣйшаго монарха. Осо-

бенно предостерегалъ онъ меня отъ подписанія имѣющихъ вскорѣ быть представленными счетовъ. Я выслушалъ его хладнокровно. Тѣ же рѣчи повторили мнѣ двое сослуживцевъ, его друзей (Цеплинъ и Германъ). Вы знаете, что я подписалъ всѣ счеты, безъ всякихъ противорѣчій (съ неподписанія ихъ и началась оппозиція, какъ мы видѣли). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я началъ читать лекціи и, найдя слушателей своихъ нравственными, прилежными и скромными, я не могъ уже составить такого невыгоднаго представленія о гимназіи и о лицѣ, стоящемъ въ ея главѣ, какое старались мнѣ внушить. И время доказало мнѣ, что я не ошибся.

„Не смотря на то, что заговорщики (messieurs les ligueurs) изъ этого опыта могли понять, какъ трудно уловить меня, они не пренебрегали однако никакими средствами, чтобъ переманить меня на свою сторону. Они простерли свои искушенія до того, что принудили меня вести совершенно уединенную жизнь и стараться не встрѣчаться съ ними.

„Такъ проходило время въ постоянныхъ волненіяхъ и вѣчной суматохѣ (charivari éternel), непонятныхъ для ученыхъ, которые должны служить образцами для юношества, до пріѣзда профессора Каменскаго, котораго заговорщики считали настоящимъ своимъ мессіей, спустившимся изъ Петербурга внизъ по Волгѣ, чтобъ выгнать изъ гнѣзда и освободить ихъ отъ пугала —страшнаго профессора директора Яковкина. Съ этого времени, вмѣсто глухихъ козней, тайныхъ замысловъ мы видимъ гигантскія интриги и вражду, доходящую до скандала“... Далѣе Сторль излагаетъ, съ своей конечно точки зрѣнія, дѣло о смѣщеніи Пухинскаго, о „страсти“ Евеста, а затѣмъ старается выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ и Карташевскаго. Все, что происходило въ совѣтѣ, все это, по его мнѣнію, ложь и жалкая интрига противъ Яковкина.

Послѣдній, съ своей стороны, не жалѣлъ красокъ чтобъ вооружить попечителя на своихъ противниковъ. Иностранцы добивались права получать копіи съ предписаній попечителя, кажется для того, что при незнаніи русскаго языка, было имъ удобнѣе на просторѣ знакомиться съ содержаніемъ ихъ Это было недозволено и Яковкинъ сообщаетъ объ „ощущительномъ внутреннемъ негодованіи“, которое произвело это запрещеніе въ совѣтѣ. Въ особенности возмущался онъ тѣмъ, что и Бюнеманнъ, бывшій прежде на его сторонѣ, „по сла-

бости своей впалъ въ разставленныя для него коварственныя сѣти“ и сдѣлался врагомъ ему. Само собою разумѣется, что измѣну эту онъ старается объяснить самыми низменными причинами: „Со стороны Бюнемана много тутъ должно дѣйствовать пишетъ онъ, и негодованіе противъ меня послѣ двусмысленаго моего отвѣта на его просьбу о помѣщеніи, вмѣсто уволеннаго Груля, въ комнатные надзиратели какого-то нѣмца у него живущаго, котораго нынѣшнимъ лѣтомъ профессорша Германша нанимала къ себѣ въ лакеи, но согласиться не могли; словомъ, требовано было отъ меня, чтобъ я честью заведенія пожертвовалъ личности и просьбѣ“. Бурныя сцены, происходившія въ совѣтѣ по поводу задержанія Левицкимъ формуляра Ното, Яковкинъ старается описать со всѣми подробностями: „Какое же страшное оказали проф. Германъ и Бюнеманъ негодованіе, потому что въ тотъ день Цеплинъ отозвался болѣзнію противъ онаго рапорта (секретаря), такъ что первый, разгорячившись, дважды былъ останавливаемъ мною напоминаніями“. Далѣе Яковкинъ изображаетъ сцену уже приведенную нами (стр. 87), кончившуюся тѣмъ, что Германъ, сказавшись больнымъ, вышелъ изъ засѣданія. „Минутъ чрезъ десять послѣ него также и Бюнеманъ, заболѣвши вышелъ, не дождавшись конца засѣданія и не подписавъ протоколовъ“. Чтобы подѣйствовать на враговъ своихъ силою законовъ, Яковкинъ берется за указы, находитъ соотвѣтственныя дѣлу статьи Генеральнаго регламента, также 1724 года, января 20 дня и 1796 года декабря 1 дня и вводитъ ихъ, чтобы напугать противниковъ, въ практику совѣтскихъ засѣданій. Онъ останавливаетъ Цеплина, желавшаго прочитать свое латинское мнѣніе ссылкою на указъ 20 января 1724 года, которымъ запрещено начинать другое засѣданіе, безъ подписанія протоколовъ послѣдняго. „Ударъ сей былъ для господъ противниковъ, пишетъ онъ, совсѣмъ неожиданный и какъ я твердо настоялъ, что не начну сего засѣданія безъ подпису протоколовъ, а они отговаривались, то для убѣжденія ихъ подалъ имъ „Юридическій словарь“ съ пріисканнымъ онымъ указомъ, который профессоръ Каменскій, многократно перечитывая, объявилъ своимъ единомышленникамъ, что я требую справедливо“. Протоколы были подписаны, Цеплинъ опять началъ было читать мнѣніе свое, но Яковкинъ потребовалъ, чтобы выслушано было его предложеніе о содержаніи указа 1724 года и началъ диктовать его Евесту, исправлявшему должность секре-

таря, но послѣ первыхъ словъ „dominus inspector proposuit“ былъ остановленъ Каменскимъ, сказавшимъ, что это лишнее, что совѣтъ не для того собрался, а для выслушанія предложенія Цеплина. „Но я ему на то сказалъ, продолжаетъ свою реляцію Яковкинъ: что важнѣе? бумага ли нашего сочлена, намъ неизвѣстная, или предлагаемый для исполненія Высочайшій указъ, а Цеплинъ, къ тому прибавилъ: „scribas, d. Evest, professor inspector proposuit, quod nil habuit ad proponendum“. По слабости моей, щадя мое здоровье, я только пристально посмотрѣлъ на г. Цеплина, что слышали и замѣтили Сторль и Евестъ и послѣ мнѣ выговаривали, что я не потребовалъ записывать сего въ протоколъ, удивляясь только моему хладнокровію“. „Цеплинъ въ предшествовавшемъ засѣданіи не былъ, а между тѣмъ объясненіе его показываетъ, что онъ отъ слова до слова знакомъ съ рапортомъ Левицкаго“. Это не нравится Яковкину; онъ убѣжденъ, что всякая бумага, поданная въ совѣтъ, должна отсутствующему члену оставаться канцелярскою тайною. Впрочемъ Евестъ сообщилъ ему, что когда Цеплинъ и Германъ занимаютъ Яковкина своими преніями, то Каменскій и Запольскій, сидящіе противъ Евеста, занимаются списываніемъ предложенныхъ бумагъ. „Послѣ всѣхъ таковыхъ, по чистой совѣсти и долгу присяги описанныхъ козней и злоухищреній, мнѣ остается только возопить съ Псалмопѣвцемъ: „Господи! изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему“—заключаетъ свое описаніе Яковкинъ.

Онъ умѣлъ превосходно выставляться передъ начальствомъ жертвою и пользовался случаемъ, чтобъ выпросить себѣ деньги, чинъ, орденъ или какую либо льготу. Такъ и теперь, описавши свою совѣтскую борьбу, такихъ потрясеній ему стоившую, онъ обращается къ попечителю съ слѣдующею просьбою: „Продолжающуюся во мнѣ чрезъ двѣ недѣли необыкновенную слабость, соединенную съ сильнымъ кашлемъ и другими послѣдствіями простуды и *ученой болѣзни* отъ сидѣнія происходящей, г. Фуксъ приписываетъ недостатку движенія. Правда тутъ много содѣйствуетъ безпрестанная душевная скорбь и присоединяемыя къ ней огорченія. Хотя при совершенномъ здоровьи и каждый день я имѣю много движенія при обозрѣніи обоихъ заведеній, всѣхъ домовъ, работъ, служебъ и проч., но самое сіе движеніе сопряжено будучи съ безпрестанными душевными занятіями, не можетъ

доставлять существенной пользы къ укрѣпленію моего здоровья. Для достиженія сей послѣдней цѣли совѣтуетъ онъ мнѣ въ свободное время выѣзжать за городъ верстъ за пятнадцать и за двадцать къ знакомымъ помѣщикамъ, дабы могли самая дорога и перемѣна воздуха тѣмъ лучше на меня дѣйствовать, да и для сего нѣтъ у меня другаго времени кромѣ субботы по полудни и воскресенья до вечера; но безъ особеннаго начальственнаго позволенія на таковыя, хотя и рѣдкія отлучки, дерзнуть никакъ не смѣю, ежели не благоугодно будетъ в. п. меня разрѣшить на оныя". Позволеніе было дано безъ затрудненія.

Въ засѣданіи совѣта 23 ноября было заслушано только что полученное грозное предложеніе попечителя отъ 8 ноября за № 402 по поводу пререканій о неотсылкѣ формуляра Пото и объ обвиненіи въ умышленномъ дѣйствіи съ этою цѣлью секретаря совѣта. „Самовольство и безпорядокъ въ Совѣтѣ, пишетъ попечитель, до того простерся, что нѣкоторые изъ членовъ присвояютъ себѣ власть начальника—секретаря совѣта въ ономъ допрашивать". Секретарь нисколько не виноватъ: „Когда члены совѣта, секретаря, члена своего, преступя всѣ предѣлы благочинія и взаимнаго другъ къ другу уваженія, допрашиваютъ какъ виноватаго, для чего онъ не сообщилъ мнѣ того, чего сообщить мнѣ въ протоколѣ не было положено (попечитель игнорируетъ, что аттестаты Упадышевскаго были посланы, не смотря на то, что въ протоколѣ о нихъ не было ни слова сказано), то сколь жестокому повиненъ бы онъ былъ допросу, ежели бы отважился послать ко мнѣ послужной списокъ безъ опредѣленія совѣта. Не могу я вообразить, чтобы весь совѣтъ до того позабылся, чтобъ дозволилъ кому нибудь въ общемъ собраніи самовольно допрашивать члена своего, то препоручаю директору и секретарю увѣдомить меня: кто именно октября 17 дня въ совѣтѣ присутствовали, кто имѣлъ дерзновеніе допрашивать г. Левицкаго и быть нарушителемъ тишины и спокойствія, въ совѣтѣ водворяться долженствующихъ? И впредь въ меморіи каждаго засѣданія всегда показывать имена присутствующихъ въ совѣтѣ, дабы я къ обузданію начиньщиковъ самовольства могъ принять надлежащія мѣры".... Далѣе попечитель останавливается на особомъ заявленіи, присланномъ къ нему, минуя совѣтъ, тремя профессорами, доказываетъ имъ разницу, существующую между

послужнымъ спискомъ и аттестатомъ и, разсматривая послужной списокъ Пото, высказываетъ мысль, „что весь совѣтъ согласится со мною, что должность надзирателя за воспитанниками отъ должности частнаго пристава и смотрителя конскаго завода разнствуетъ какъ небо отъ земли“. Что касается Упадышевскаго, то какъ прошеніе его было подано не въ совѣтъ, а директору и онъ предлагалъ его въ званіе главнаго надзирателя, то „онъ долженъ былъ оправдать свое мнѣніе, и, доставляя мнѣ аттестаты его, ничего не сдѣлалъ, какъ въ точности исполнилъ мое предложеніе, за что и за попеченіе его объ общемъ благѣ свидѣтельствую ему мою благодарность, тѣмъ паче, что ежелибъ не предостерегъ онъ меня доставленіемъ аттестата г. Упадышевскаго, то основываясь на мнѣніи гг. профессоровъ Цеплина, Германа, Бюнемана и ихъ сообщниковъ, къ неизгладимому стыду моему, человѣкъ оказавшій способность быть надзирателемъ конскаго завода принятъ бы былъ къ надзиранію надъ воспитываемымъ юношествомъ. Сей странный случай принуждаетъ меня: *просить директора, чтобы онъ и впредь, по долгу своему, доставлялъ мнѣ полезныя для меня и всего общества свѣдѣнія, особливо же о поступкахъ и обращеніяхъ, нарушающихъ въ совѣтѣ тишину, благочиніе и присвояющихъ власть поставленнаго надъ онымъ начальника*“.

Торжествующимъ побѣдителемъ вошелъ Яковкинъ въ совѣтъ, членамъ котораго не было еще извѣстно содержаніе предложенія попечителя. „Съ самаго моего приходу въ совѣтъ г. Цеплинъ многократно выспрашивалъ меня о содержаніи объявленныхъ мною полученными двухъ предписаній в. п., пишетъ онъ къ попечителю (первое было о назначеніи Сторля библіотекаремъ, о порученіи ему составить каталогъ библіотеки, объ истребованіи немедленно всѣхъ книгъ забранныхъ профессорами и адъюнктами для повѣрки ихъ ([1]) и о составленіи правилъ какъ пользоваться библіотекою); но я всякій разъ отклонялъ оное тѣмъ, что услышитъ, когда ихъ читать будутъ.... При чте-

---

([1]) Здѣсь было мѣсто, касающееся Цеплина, о которомъ Яковкинъ писалъ попечителю, что имъ забрано много книгъ и притомъ очень дорогихъ: „Однимъ г. профессоромъ Цеплинымъ, къ удивленію моему, забрано 81 книга, въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своевольство, которому конецъ положить почитаю своимъ долгомъ“.

ніи предписанія о библіотекѣ, отзывался сперва онъ незнаніемъ о приказаніи обревизовать библіотеку, но въ томъ изобличенъ былъ профессорами Сторлемъ, Фуксомъ и Бюнеманомъ. Думалъ, что не забралъ онъ 81 книгу изъ библіотеки, но поданный отъ библіотекаря рапортъ и въ томъ его изобличилъ.... Послѣднюю статью протокола составило предписаніе в. п. о допросѣ секретаря и усиліяхъ избранія Шото въ главные надзиратели. При чтеніи на россійскомъ языкѣ безпрестанно почти останавливалъ онъ протестомъ своимъ, что не онъ, а цѣлый совѣтъ допрашивалъ, ссылаясь на слова протокола; но въ томъ мною былъ изобличаемъ, что при первомъ его чтеніи сочиненныхъ имъ трехъ вопросовъ, я изъявилъ ему совершенное несогласіе на таковой допросъ. По многовременномъ отъ него и Бюнемана преніи и отговоркахъ едва я возмогъ возстановить тишину, чтобъ прослушать имъ латинской онаго предписанія переводъ отъ Запольскаго, который однако не менѣе прежняго былъ прерываемъ особливо требованіями Цеплина и Бюнемана, чтобъ слушаніе перевода отсрочить до будущаго засѣданія, чему я прямо воспротивился". Не смотря на разныя придирки Цеплина и Бюнемана, которые потребовали для себя копіи съ предложенія и совѣтскаго опредѣленія, предложеніе это опредѣлено исполнить во всемъ его объемѣ. Но, заканчивая свое донесеніе попечителю объ этомъ засѣданіи, на основаніи довѣрія, которое ему только что было высказано попечителемъ, Яковкинъ уже прямо проситъ его удалить главнаго своего противника Цеплина: „Многократно уже, в. п. изволили усматривать безпокойный и дерзкій характеръ г. Цеплина, пишетъ онъ; споры его безпрерывны, крикъ нестерпимъ, а усилія къ поддержанію несправедливыхъ своихъ требованій и мнѣній долженствовали быть всегда для начальства огорчительны; поборники его, полагаясь на него, какъ на каменную стѣну, въ отсутствіи его, сколько мнѣ испытать случилось, большею частью бывали спокойнѣе и не такъ дерзки. Нынѣшніе случаи совершенно обнаружили его истинный характеръ и предъ в. п., также обнаруживаютъ и то, что *потребныя тишина и порядокъ дотолѣ въ совѣтѣ не водворятся, доколѣ онъ будетъ имѣть въ немъ голосъ*; а потому едино только отдаленіе его изъ совѣта возможетъ возстановить и утвердить должный и спокойный порядокъ теченія дѣлъ. Всѣ сіи обстоятельства

зависятъ отъ начальственнаго благоразсмотрѣнія в. п. Съ нимъ всегда въ одномъ комплотѣ и ожесточеніи также и г. профессоръ Германъ; а простенькій Бюнеманъ болѣе достоинъ сожалѣнія по слабости своей нежели взысканія". Это желаніе Яковкина должно было очень скоро исполниться.

Предписаніе попечителя произвело сильное впечатлѣніе. Въ тотъ же день вечеромъ всѣ враги Яковкина собрались на совѣщаніе къ Герману, куда зашелъ даже и Фуксъ, навѣстившій больнаго хозяина. Они предполагали призвать въ совѣтъ пастора для приведенія къ присягѣ Цеплина, Германа и Бюнемана, что не они, а цѣлый совѣтъ допрашивалъ секретаря, что послѣдній самъ заявлялъ совѣту о томъ, что ему неизвѣстна разница между формулярнымъ спискомъ и аттестатомъ. Рѣшено было потребовать отъ секретаря перевода всѣхъ подходящихъ къ дѣлу законовъ для оспариванія предписанія попечителя и для жалобы уже прямо министру. На другой день и на третій были собранія у Запольскаго и у Цеплина. Все это передавалъ Яковкину Фуксъ, который „употреблялъ всѣ благоразумныя мѣры дабы преклонить сію шайку къ должному и безпрекословному повиновенію начальству, но за свои добрые совѣты впалъ и самъ у нихъ въ подозрѣніе пристрастія и приверженности къ директору, а не къ ихъ справедливой сторонѣ". Свой собственный взглядъ на происходящее въ совѣтѣ и свое собственное убѣжденіе Яковкинъ высказываетъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ: „Соображая сколько каждый изъ членовъ университета облагодѣтельствованъ монаршими щедротами въ настоящемъ времени и обезпеченъ Императорскимъ словомъ о будущемъ состояніи собственномъ и даже, въ случаѣ сиротѣющаго семейства, не могу я удержаться отъ слезъ соболѣзнованія и сострраданія, что время, долженствующее посвященнымъ быть на споспѣшествованіе общественному благу, время достиженія предназначенной цѣли распространенія просвѣщенія въ университетскомъ округѣ, время устроенія и образованія самаго университета и приготовительной его гимназіи, время примѣра для учащихъ и учащихся—теряется токмо въ бездѣльныхъ спорахъ, прихотливыхъ затѣяхъ и что всего вяще? — въ какомъ то ожесточенномъ противоборствѣ священнымъ начальственнымъ намѣреніямъ и предписаніямъ. Отъ кого же изъ тринадцати токмо? — отъ трехъ или четырехъ, а не болѣе человѣкъ.—

Страшусь, да не явлюся безотвѣтенъ предъ Сердцевѣдцемъ: по крайней мѣрѣ всегда тщился я по всей моей возможности исполненіемъ святѣйшихъ обязанностей пріобрѣтать и сохранять спокойную совѣсть". „Весьма жаль, прибавляетъ онъ, что ожесточеніе, нераскаянность и упорство противу начальства такъ далеко простерлись, что цѣлое заведеніе отъ нихъ страждетъ, не достигая предназначеннаго божественнаго намѣренія о просвѣщеніи и всевозможномъ споспѣшествованіи общественному благу". Выставляя себя такимъ образомъ поборникомъ общественнаго блага, Яковкинъ жаловался, что профессора не исполняютъ своихъ обязанностей. Мы видѣли, что въ самомъ началѣ отмѣнено было записываніе дежурнымъ офицеромъ пропущенныхъ профессорами лекцій (имъ „стыдно" казалось, по словамъ Яковкина это записываніе прихода и выхода); они сами обѣщали объявлять объ этомъ въ совѣтѣ, но не исполняютъ этого и Яковкинъ поручилъ записывать пропуски и опаздыванія камернымъ студентамъ „будто подъ тѣмъ видомъ, дабы мнѣ по обязанности моей (инспектора студентовъ) всегда быть извѣстну и возможно бы было дать отчетъ чѣмъ студенты во время коллегій отсутствующихъ занимались. Знающихъ о семъ замѣчаніи и сіе довольно удерживаетъ, а незнающіе, хотя бы и вздумали на меня за сіе негодовать, но я никогда не попущу наудачу ввѣренныя мнѣ заведенія, не смотря ни на какія неудовольствія".

Кончилось наконецъ и дѣло Евеста и Каменскаго. Попечитель, разсмотрѣвъ свидѣтельства профессоровъ и адъюнктовъ объ Евестѣ и найдя, что всѣ они содержатъ выгодныя о немъ мнѣнія и одобрительные отзывы, совершенно противорѣчащіе тому, что онъ называлъ *извѣтомъ* Каменскаго, предложилъ объявить о семъ тому и другому въ совѣтѣ и постановить протоколъ. Каменскій заявилъ, что онъ будетъ самъ писать къ попечителю по поводу его предписанія.

Между тѣмъ дѣла и отношенія приняли рѣшительный оборотъ, давно жданный и желанный Яковкинымъ. Въ началѣ ноября Румовскій писалъ къ нему: „На прошедшей почтѣ отправлено мною два непріятныхъ предложенія, которыми совѣтъ только и занимается. Я надѣюсь, что въ короткое время получитъ онъ еще третье, которое будетъ прежнихъ повкуснѣе". Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, побуждаемый извѣстіями изъ Казани, независимо отъ строгихъ предложеній, да-

ваемыхъ имъ совѣту, Румовскій рѣшился представить министру народнаго просвѣщенія обо всемъ происходившемъ. Онъ изложилъ обстоятельства, сопровождавшія увольненіе Пухинскаго, включилъ въ представленіе все отдѣльное мнѣніе Каменскаго о преобразованіи совѣта, которое, по словамъ его, имѣло въ виду любоначаліе, а не пользу гимназіи (объ университетѣ попечитель умалчиваетъ), разсказалъ какъ былъ образованъ настоящій совѣтъ, съ утвержденія самаго министра народнаго просвѣщенія и почему онъ не можетъ пользоваться *никакими правами* университетскаго совѣта по уставу 1804 года. Попечитель говоритъ, что онъ и прежде видѣлъ примѣры неуваженія со стороны совѣта къ его предложеніямъ, но „оставлялъ ихъ безъ оглашенія, потому что неизвѣстны были виновники онаго. Съ какимъ необыкновеннымъ крикомъ и съ какимъ намѣреніемъ профессоры Цеплинъ, Германъ, зачинщикъ Каменскій и адъюнкты Карташевскій и Запольскій отвергаютъ не только директорскія, но и мои предложенія, подношу при семъ копіи съ писемъ профессоромъ Сторлемъ къ директору Яковкину и ко мнѣ писанныхъ по случаю собранія бывшаго іюля 7 дня и поданнаго мнѣнія профессоромъ Каменскимъ ... Упоенные духомъ неповиновенія сами себя обнаружили подписаніемъ условнаго постановленія“.... Попечитель заключаетъ просьбою къ министру объ этихъ членахъ совѣта: „обратить ихъ къ должному повиновенію средствами, какія доброта вашего сердца и благоразуміе внушатъ вашему сіятельству. Ежели неповиновеніе упомянутыхъ членовъ останется не наказано и укоренится, то всѣ мои попеченія о благоустроеніи гимназіи и университета останутся тщетными“ (9 окт. 1806 г. № 363). Въ письмѣ къ министру, написанномъ нѣсколько позднѣе (25 окт. № 391), Румовскій вдается еще болѣе въ подробности. Все это неповиновеніе начальству „начало свое получило отъ любоначалія“. Первый началъ Карташевскій еще въ 1805 году, за тѣмъ слѣдовалъ планъ профессоровъ Цеплина и Германа, „клонящійся къ совершенному безначалію“. „Видя, что покушенія ихъ къ удовлетворенію любоначалія своего не имѣли успѣха, мысли свои обратили они къ тому, чтобъ профессора Яковкина удалить отъ должности директорской или сдѣлать ему оную горькою. Въ семъ намѣреніи неоднократно присвоивали себѣ право судить директора по пустымъ жалобамъ отъ подчиненныхъ въ совѣтъ подаваемымъ и рѣд-

кое отъ директора было письмо, которое бы не содержало жалобъ на безпрестанныя въ совѣтѣ пререканія профессора Цеплина". По пріѣздѣ Каменскаго „сдѣлавъ директора почти безгласнымъ, положили сперва предписанія мои оставлять безъ исполненія, а потомъ явно оныя отметать, чтобъ сдѣлаться ни отъ кого независимыми".—Это письмо Румовскій заключалъ: „Не благоугодно ли будетъ, для возстановленія тишины и повиновенія, адъюнкта Карташевскаго, просящагося объ увольненіи съ чиномъ ассесора, за оказанное начальнику непослушаніе, удалить отъ гимназіи, равномѣрно и профессора Каменскаго дерзкимъ своимъ мнѣніемъ, іюля 7 дня читаннымъ, подавшаго поводъ къ ослушанію и худобу нравственнаго своего характера въ адъюнктѣ Евестѣ обнаружившаго, удалить отъ гимназіи, а въ разсужденіи единомышленниковъ ихъ, профессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго, предписать директору Яковкину, чтобъ онъ въ полномъ совѣта собраніи, сдѣлалъ за оказанное начальнику ослушаніе выговоръ и отъ лица вашего сіятельства имъ объявилъ, что ежели кто изъ нихъ впредь вмѣсто того, чтобъ совокупными съ благомыслящими силами, стараться о наставленіи и просвѣщеніи ввѣреннаго имъ юношества, отважится презирать приказанія начальника и крикомъ своимъ нарушать будетъ тишину собраній, то и онъ удаленъ будетъ отъ гимназіи". Министръ согласился на эти представленія попечителя. Предложеніе его, напечатанное выше (стр. 155), предоставляетъ попечителю право отрѣшить главныхъ виновниковъ. На основаніи его попечитель (16 ноября № 421) уволилъ профессора Каменскаго и адъюнкта Карташевскаго. Что касается прочихъ, то есть профессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго, то „поелику они наибольшее имѣли участіе въ допрашиваніи г. Левицкаго и въ совѣтѣ выходили изъ предѣловъ благопристойности, то дамъ я объ нихъ особливое предложеніе, согласное съ волею министра народнаго просвѣщенія, когда разсмотрѣно будетъ совѣтомъ дѣло о допросѣ г. Левицкаго. А между тѣмъ, чтобы доставить совѣту тишину и спокойствіе, гг. профессорамъ Цеплину и Герману и адъюнкту Запольскому воспрещается имѣть участіе въ засѣданіяхъ совѣта".

Торжественнымъ возгласомъ, уже приведеннымъ нами (стр. 52), начинаетъ Яковкинъ свой отчетъ попечителю о совѣтскомъ засѣданіи (5 декабря), въ которомъ заслушано

было это предложеніе попечителя и на которое особенною повѣсткою директора были приглашены всѣ члены и уже отрѣшенные отъ должности, такъ какъ предложеніе было получено наканунѣ и жалованьемъ были они удовлетворены по 4 декабря. „По прочтеніи и двукратномъ латинскомъ обоихъ предписаній переводѣ объявилъ я г. Каменскому отрѣшеніе его отъ должности и удаленіе изъ совѣта, а на его требованіе копій съ обоихъ предложеній (второе касалось дѣла о формулярѣ) отвѣтствовано ему, что еще по протоколу послѣдняго засѣданія, представлено о даваніи или недаваніи оныхъ на начальственное разрѣшеніе попечителя. Послѣ сего онъ и вышелъ, благодаря за сотоварищество, только не всѣмъ". Очень хотѣлось Яковкину лично объявить объ отрѣшеніи и Карташевскому, но это не удалось. „Сотоварищъ г. Каменскаго г. Карташевскій извѣстенъ бывъ безъ всякой повѣстки о еженедѣльныхъ собраніяхъ совѣта въ среду, приглашаемъ былъ съ вечера въ совѣтъ, но дома его не получили; по утру, на другой день, въ девятомъ часу еще спалъ, а въ десятомъ и одиннадцатомъ трижды посланный къ нему солдатъ всякій разъ возвращался съ извѣстіемъ, что его нѣтъ дома, а потому опредѣлено извѣстить его объ его отрѣшеніи выпискою изъ протокола". Цеплинъ пришелъ послѣ начала засѣданія, когда оба предложенія были уже прочитаны по русски. Онъ „принесъ съ собою цѣлую кипу книгъ, выписокъ и исписанныхъ бумагъ, безъ сомнѣнія содержащихъ новыя совѣту представленія, новыя затѣи и новыя запутанія, но по выходѣ г. Каменскаго, обратившись къ г. Цеплину, объявилъ я ему объ его удаленіи отъ совѣта и, не взирая на многократныя его покушенія о выслушаніи его бумагъ, не былъ онъ допущенъ долѣе оставаться въ совѣтѣ. За нимъ гг. Германъ и Запольской, дождавшись отъ меня извѣщенія объ ихъ удаленіи изъ совѣта, вышли. Оставшійся изъ нихъ Бюнеманъ крайне пораженъ былъ таковымъ неожиданнымъ явленіемъ". Остальные члены Совѣта рапортомъ донесли попечителю свое увѣреніе, „что они всѣми силами потщатся соотвѣтствовать всѣмъ намѣреніямъ начальства яко клонящимся къ назиданію общественнаго блага".

Полная тишина господствовала теперь въ совѣтѣ, но за то большой шумъ поднялся въ городѣ, принявшемъ участіе въ университетскихъ событіяхъ (см. выписку изъ письма Яков-

кина на стр. 157). Эти сообщенія о впечатлѣніи, произведенномъ отрѣшеніемъ, вызывались самимъ попечителемъ. „Я отсрочилъ другихъ имъ подобныхъ отрѣшить отъ должностей (что предоставлено было ему министромъ), пишетъ онъ къ Яковкину съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ увидѣть, какое графское отношеніе произведетъ въ нихъ дѣйствіе. Ежели будетъ безуспѣшно, то принужденъ буду отрѣшить всѣхъ крикуновъ и подустителей. Для того, что покамѣстъ не будетъ тишины и спокойствія въ совѣтѣ, по тѣхъ поръ много добраго быть не можетъ. Увѣдомьте меня какое предложеніе мое принесетъ вамъ облегченіе.... Я ласкаю себя надеждою, что послѣ сего подарка не только вы, но и я буду спокойнѣе“ (19 ноября). „Я ожидаю съ нетерпѣливостью увѣдомленія, какое дѣйствіе произвело въ совѣтѣ отношеніе ко мнѣ министра народнаго просвѣщенія, пишетъ попечитель въ слѣдующемъ письмѣ (29 ноября). Я ласкаю себя надеждою, что оно доставитъ и вамъ нѣкоторое спокойствіе духа, когда убудетъ число завидующихъ вамъ крикуновъ.... Графъ хотѣлъ всѣхъ пятерыхъ отрѣшить отъ должности, но я его упросилъ, и, чтобы избѣгая шуму, дать время нѣкоторымъ опамятоваться“.

Другое предложеніе попечителя отъ того же 19 ноября, за слѣдующимъ №, предписывало въ особомъ собраніи совѣта разсмотрѣть снова дѣло о вопросахъ, заданныхъ Цеплинымъ отъ лица совѣта секретарю Левицкому о неотсылкѣ формуляра Пото и разобрать: основательно ли его мнѣніе, что онъ дѣлалъ вопросы не члену совѣта, а секретарю, потребовать отъ г. Германа отвѣта: на чемъ основываетъ онъ мнѣніе свое, которымъ не только себѣ, но и всякому члену присвоиваетъ право дѣлать подобный вопросъ, каковъ былъ второй, т. е. какимъ образомъ секретарь могъ предполагать, что совѣтъ не хочетъ послать формуляра? Для чего еще разъ попечитель ворошилъ это—дѣло для насъ не представляется яснымъ. Тѣмъ не менѣе дѣло опять получило ходъ и наплодило и бумагъ и пререканій. Совѣтъ опредѣлилъ: 1) объясненіе Цеплина на второй вопросъ секретарю предложенный признать неудовлетворительнымъ, потому что оное ничѣмъ не доказано и никакихъ законовъ не приведено, чтобы членъ имѣлъ право предлагать вопросъ, подобный второму; 2) секретаремъ по положенію гимназіи и университета, предписано быть одному изъ членовъ онаго; слѣдовательно обязанность секретаря не можетъ быть отдѣлена отъ лица члена совѣта,

кромѣ того, что онъ наблюдаетъ за исполненіемъ опредѣленій въ совѣтѣ постановляемыхъ и 3) чрезъ выписку отъ имени совѣта потребовать отъ г. профессора Германа: на чемъ онъ основызаетъ свое мнѣніе, которымъ не только себѣ, но и всякому члену присвоиваетъ право дѣлать подобные вопросы, каковъ былъ второй"?

Въ этомъ засѣданіи случился эпизодъ, весьма любопытный, потому что онъ доказываетъ какая сильная власть была въ тѣ старые годы у предсѣдателя совѣта. Вотъ какъ о немъ разсказываетъ самъ Яковкинъ: „Г. Бюнеманъ началъ у себя на особой бумагѣ записывать новыми еврейскими буквами латинскій текстъ рѣчей, какъ о томъ предварилъ меня прежде г. Фуксъ, примѣтившій то за нимъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ. Я тотчасъ остановилъ Бюнемана въ его упражненіи, требуя отъ него должнаго вниманія къ предлагаемому. Когда же и по второмъ моемъ напоминаніи усмотрѣлъ я его занимающимся писаніемъ еврейскими буквами, то вынужденъ былъ дать ему примѣтить, что мнѣ извѣстны причина и цѣль таковаго другими буквами писанія и что такозыя записки противны законамъ. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы дать знать отсутствующимъ членамъ о статьяхъ разсуждаемыхъ и рѣшеніи ихъ. Ежели онъ рѣшится когда и впредь еще писать, то я убѣдительно настоять буду, чтобъ онъ далъ мнѣ разшифровать написанное; тогда и весь его замыселъ обнаружится къ стыду его, а въ то время только объявилъ я въ присутствіи, что каждый членъ, преждевременно и по своимъ прихотямъ объявляющій другому дѣла присутственнаго мѣста, подлежитъ не только отвѣту, но и суду; а объявляется о рѣшеніи дѣлъ чрезъ президента или секретаря по постановленному и подписанному протоколу. Прежнюю мою догадку подтвердилъ онъ усильными своими стараніями въ продолженіи разсужденія доказать, что объясненіе г. Цеплина по учиненному отъ него секретарю второму вопросу, удовлетворительно, хотя и не то подписалъ".

Въ засѣданіи 22 декабря заслушанъ былъ и отвѣтъ, писанный по французски, профессора Германа на вопросъ, заданный ему совѣтомъ. Отвѣтъ этотъ любопытенъ и мы приведемъ его въ переводѣ. „Я нѣмецъ. Въ моемъ отечествѣ секретарь отвѣтственъ за все, входящее въ его обязанность по отношенію къ мѣсту, гдѣ онъ служитъ. И это вполнѣ справедливо, потому что дѣло касается чести, нравствен-

ности и правъ цѣлаго сословія, если секретарь нерадивъ и мало внимателенъ къ своимъ обязанностямъ по должности. Это мнѣ извѣстно по опыту, потому что я самъ былъ секретаремъ уважаемаго всѣми сословія и имѣю дипломъ нотаріуса. Но идеи и законы мѣняются, смотря по государствамъ. Очень можетъ быть, что есть особенности въ этомъ дѣлѣ въ Россіи. Мнѣ онѣ неизвѣстны и я не могъ ихъ узнать, не владѣя русскимъ языкомъ, поэтому весьма возможно, что я и ошибся, не зная этихъ особенностей, но ошибка моя была невинною, а не преступною. Я взываю къ рѣшенію законному. Пусть рѣшитъ законъ: правъ ли я или ошибаюсь въ моемъ взглядѣ на отвѣтственность секретаря. Если же законъ не рѣшитъ, я подчиняюсь охотно мудрому и справедливому рѣшенію г. попечителя ([1]).

Погромъ отъ рѣшительнаго образа дѣйствій Румовскаго произвелъ сильное впечатлѣніе. Тѣ, которымъ воспрещено было участіе въ дѣлахъ и засѣданіяхъ совѣта, естественно могли ожидать себѣ отрѣшенія, подобно Каменскому и Карташевскому. Мы говорили уже прежде, какія каверзы устроивалъ Яковкинъ съ двумя послѣдними, при выдачѣ имъ документовъ и при желаніи ихъ получить копіи съ бумагъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они были уволены. И они и другіе пострадавшіе конечно считали себя въ правѣ жаловаться. Все знавшій въ Казани Яковкинъ, зналъ, вѣроятно по связямъ своимъ съ почтамтомъ, по тогдашней патріархальности, отъ кого и кому отправлены жалобы, эти, какъ онъ

([1]) Что въ дѣлѣ объ отсылкѣ формуляра Ното было не совсѣмъ чисто, можно заключить изъ слѣдующаго. Попечитель, разсматривая этотъ формуляръ, присланный къ нему профессорами Цеплинымъ, Германомъ и Бюнеманомъ, въ своемъ предложеніи 8 ноября пишетъ, что въ немъ, въ столбцѣ, имѣющемъ оглавленіе: *къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ или нѣтъ?*—ничего не отмѣчено и требуетъ, чтобы секретарь доставилъ ему точную, имъ засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго списка Ното. Сравнивая эту послѣднюю съ тою, которую послали профессора (обѣ онѣ находятся въ дѣлѣ) мы видимъ, что дѣйствительно, въ копіи присланной профессорами, упомянутый столбецъ пустъ, между тѣмъ какъ въ секретарской стоитъ: „къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ“. Копія для нѣмцевъ профессоровъ писана рукою одного изъ писцовъ, служившихъ при гимназіи; почеркъ этой руки часто встрѣчается въ бумагахъ того времени и надобно думать, что нѣмецкіе профессора, по своей канцелярской неопытности, проглядѣли этотъ важный пропускъ въ послужномъ спискѣ, очевидно сдѣланный преднамѣренно, но попечитель, получивъ потомъ формуляръ безъ пропуска, словъ своихъ однако не взялъ назадъ.

называлъ ихъ „покушенія наказуемаго буйства и злобы". „Съ прошедшею почтою, писалъ онъ, препровождены отъ пятерыхъ пять жалобъ: первая къ в. п., которую уповаю уже изволили получить; вторая — къ его сіятельству г. министру просвѣщенія, третья—къ графу Головкину, четвертая—къ графу Потоцкому (попечителю Харьковскаго округа), пятая—къ академику Шуберту" (18 дек.). Но попечитель успокоивалъ Яковкина и грозилъ. „Я думаю, что въ совѣтѣ вовставится тишина, писалъ онъ. Вы видите изъ отношенія ко мнѣ министра, что онъ оставилъ на мою волю отрѣшить Цеплина, Германа и Запольскаго. Не сказалъ я объ нихъ рѣшительно ничего въ ожиданіи ихъ раскаянія. Но ежели ожиданіе мое будетъ тщетно, то принужденъ буду и ихъ отрѣшить. Пусть они только сдѣлаютъ противъ послѣдняго моего предписанія представленіе министру. Они воображаютъ, что министръ о семъ не предувѣдомленъ, но ошибаются во мнѣніи своемъ, и тогда жалѣть будутъ, что не слѣдовали здравому совѣту г. Фукса. Теперь я ожидаю извѣстія что происходило въ собраніи 31 ноября, потому что это будетъ послѣднее торжество крикуновъ". Жалобы, отправленныя въ Петербургъ, не могли однако ни раздражить власти, ни ухудшить участь тѣхъ, которые пострадали. Писаны онѣ были конечно въ минорномъ тонѣ. Каменской жаловался на то, что заявлялъ и прежде, что дѣло объ Евестѣ разбиралось подъ предсѣдательствомъ человѣка, имѣющаго къ нему явную вражду и что въ копіяхъ съ документовъ и постановленій, для принесенія оправданія, ему было отказано, вопреки законамъ. По мнѣнію Румовскаго, требованіе Каменскаго слѣдуетъ удовлетворить, но не прежде того, какъ журналъ совѣтскій будетъ ему сообщенъ и имъ просмотрѣнъ. Карташевскій, какъ было уже говорено, уѣхалъ въ Петербургъ и лично обратился съ своими объясненіями и просьбами къ попечителю и министру. Запольской, не столько съ жалобою, сколько съ прошеніемъ, написалъ письмо къ министру. Изъ него видно, какъ сильно боится онъ за себя, тѣмъ болѣе, что имя его почти вовсе не встрѣчается въ тѣхъ совѣтскихъ дѣлахъ, гдѣ главную роль играли другіе и только въ письмѣ Сторля онъ выставленъ впереди другихъ. Называя министра „патріотомъ просвѣщенія" и „другомъ человѣчества", онъ хлопочетъ лишь о милости, о благодѣяніи, говоря о своемъ семейномъ положеніи и о томъ, что толь-

ко служба доставляетъ ему кусокъ хлѣба. „Сіятельнѣйшій графъ! заключаетъ Запольской свое письмо—воздвигните падающаго, просящаго помощи благодѣтельной руки вашей и дайте мнѣ жизнь новую въ нынѣшнемъ мѣстѣ, или, если я не заслуживаю бытія въ ученомъ свѣтѣ, не откажите въ послѣднемъ (онъ проситъ подобно Карташевскому, на основаніи Высочайше дарованной университету грамоты, какъ прослужившій въ званіи адъюнкта два года, о чинѣ коллежскаго ассесора), дабы я могъ существовать по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь, благословляя ваше имя".—Какая разница съ этимъ письмомъ письмо Германа къ министру, писанное классическою латынью, какъ и прилично профессору римской словесности, и полное большаго достоинства! „Я дожилъ до пятидесяти трехъ лѣтъ и никогда не былъ обвиняемъ ни въ какомъ преступленіи, потому что постоянно жилъ спокойно, только съ наукою и для науки („quia semper quiete ac secure commercium cum Musis habebam et innocentissimum et dulcissimum"). Но когда я услышалъ объ обвиненіи меня въ неповиновеніи законамъ и начальству и исключенъ изъ совѣта, я, какъ это всегда бываетъ при неожиданностяхъ, изумился (obstupui), потомъ опечалился, но вотъ геній добраго Горація неожиданно предсталъ предо мною и шепнулъ:

Iustum et tenacem propositi virum,
Nil mente quatit solida:
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

Германъ проситъ министра: 1) позволить ему защитить свою невинность отъ злостныхъ доносовъ враговъ; это совершенно законно и въ обычаѣ и 2) сообщить ему самые доносы, сдѣлавшіе его подозрительнымъ. Онъ высказываетъ увѣренность, что министръ на будущее время, чтобы не страдала университетская наука, *не будетъ слушать тайныхъ доносовъ*, и защититъ насъ всѣхъ отъ злостнаго доносчика (...spero, fore et Tu, ne nostra respublica litteraria ulterius detrimenti quid capiat, omnes clandestinas delationes timpediturus, ac nos omnes contra quemque malevolum delatorem defensurus sis"). О самостоятельномъ нравственномъ характерѣ Германа см. выше стр. 87. Были еще письма къ министру отъ Каменскаго и Карташевскаго, но въ нихъ не заключалось ничего особеннаго. Они ходатайствовали лишь

о томъ, чтобъ въ аттестатахъ ихъ показано было увольненіе по прошенію, съ одобреніемъ ихъ профессорской службы, что и было ими достигнуто, какъ мы видѣли. Всѣ эти письма конечно были препровождены министромъ на заключеніе Румовскаго. Онъ сдѣлалъ на нихъ лишь одно замѣчаніе: „Хотя въ предложеніи моемъ, данномъ совѣту объ исполненіи предписанія вашего сіятельства точно назначены журналы, отрѣшенными отъ должности и удаленными отъ совѣта постановленные и подписанные, въ которыхъ оказали они начальнику непослушаніе, и изъ самаго предписанія вашего сіятельства видятъ они, что главная ихъ вина состоитъ въ ослушаніи начальству, однако ни одинъ изъ нихъ въ письмахъ своихъ не признается и не раскаивается“. Цеплинъ однако же молчалъ и не жаловался, но мы видѣли, изъ приведенныхъ нами мѣстъ писемъ Яковкина, что это былъ главный виновникъ нарушенія спокойствія въ совѣтѣ и главный врагъ его, начавшій оппозицію съ перваго совѣтскаго засѣданія. Почему попечитель не отрѣшилъ его вмѣстѣ съ Карташевскимъ и Каменскимъ? Мы увѣрены, что онъ на первыхъ порахъ поцеремонился съ нимъ, какъ съ иностраннымъ ученымъ, первымъ имъ самимъ приглашеннымъ профессоромъ въ Казань. Съ русскими онъ не могъ церемониться. Теперь, прочитавъ всѣ жалобы министру, Румовскій вспомнилъ о доказываемой ему неоднократно и настоятельно Яковкинымъ необходимости удалить и Цеплина изъ службы. „На Цеплина, какъ главнаго нарушителя тишины въ совѣтѣ, надѣются они (т. е. удаленные отъ совѣтскихъ засѣданій), какъ на крѣпкую стѣну. Временное удаленіе отъ совѣта Цеплина, Германа и Запольскаго произвело уже въ совѣтѣ временную тишину, но чтобъ доставить ему спокойствіе и на будущее время, не вижу я никакого средства, писалъ попечитель къ министру (19 янв. 1807 г. № 61), какъ удалить вовсе и Цеплина отъ университета. Тогда умолкнутъ Германъ и Запольской. И увѣренъ будучи, что потеря Цеплина для просвѣщенія юношества не можетъ быть ощутительна, осмѣливаюсь испрашивать соизволенія вашего сіятельства на совершенное удаленіе отъ университета Цеплина, какъ человѣка строптиваго и покой ненавидящаго“. Министръ немедленно согласился съ этимъ представленіемъ. Въ своемъ предложеніи совѣту (24 янв. 1807 года, № 79), попечитель перечисляетъ всѣ вины Цеплина: „онъ предсѣдателю совѣта сеп-

тября 19-го говорилъ „erras“ и въ другое собраніе сентября 20 дня „in errore es“ (какъ далеко мы ушли отъ того времени, если теперь сказанное предсѣдателю собранія: „вы ошибаетесь“ не составляетъ преступленія); онъ „самовольно сдѣлалъ собраніе, котораго созывать никто права не имѣетъ, кромѣ предсѣдателя“; онъ, „насмѣхаясь надъ директоромъ, говорилъ секретарю совѣта: scribas professor inspector in consilio proposuit quod nihil habuit ad proponendum;“ онъ былъ „первый начиньщикъ допрашиванія въ совѣтѣ адъюнкта и секретаря“. „По причинѣ таковыхъ проступковъ (на современный взглядъ едва ли важныхъ), тишину и спокойствіе нарушающихъ, а особливо за непослушаніе неоднократно начальству оказанное“ и былъ уволенъ Цеплинъ. Яковкинъ оффиціально приглашалъ Цеплина въ совѣтъ, но тотъ не пришелъ и опредѣлено увѣдомить его объ отрѣшеніи выпискою изъ протокола. Цеплинъ подалъ сначала прошеніе съ объясненіями въ главное правленіе училищъ, но оно было оставлено безъ вниманія и возвращено ему обратно чрезъ совѣтъ для объявленія о томъ. Это объявленіе поручено было сдѣлать секретарю совѣта, для чего пригласить Цеплина, но послѣдній, какъ видно изъ доклада секретаря, не принялъ ни посланнаго къ нему, ни паспорта изготовленнаго для него и также присланнаго ему. Объ этомъ рапортомъ было донесено попечителю отъ совѣта. Лѣтомъ того же года Цеплинъ былъ уже въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма Румовскаго къ Яковкину (15 августа, № 423): „Г. Цеплинъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, требуя нахальнымъ образомъ бумагъ, поданныхъ мною его сіятельству, для своего, какъ говорилъ оправданія. Два раза приходилъ къ графу, который про первое его посѣщеніе сказалъ мнѣ: „вчерась у меня былъ Цеплинъ и мнѣ надоѣлъ“. Во второе посѣщеніе нахально ворвался въ его кабинетъ и говорилъ столь неприлично, что графъ принужденъ былъ его выслать. Грозится жалобу принесть государю; но графъ тому, кто сіе говорилъ, отвѣчалъ: „Хорошо, онъ отрѣшенъ по моему предложенію, я и отвѣчать буду“. Видно, что съ иностранными профессорами не такъ то легко было ладить, какъ съ русскими. Тѣ (Каменскій и Карташевскій) *выплакали* у министра аттестатъ, съ прописаніемъ, что они увольняются по прошенію. Съ Цеплинымъ мы еще встрѣтимся можетъ быть, когда онъ, при другихъ обстоятельствахъ, при

новомъ министрѣ и новомъ попечителѣ, снова поступилъ въ Казанскій университетъ.

Что касается Германа и Запольскаго, то они притихли. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Яковкина мы не встрѣчаемъ о нихъ упоминаній, какъ не имѣющихъ права засѣдать въ совѣтѣ. Самъ попечитель спросилъ о нихъ: „Не ужели гг. Германъ и Запольскій еще не одумались и продолжаютъ сѣять сѣмена, подобныя прежнимъ ? пишетъ онъ въ іюнѣ 1807 года. Сторль писалъ ко мнѣ, что въ совѣтѣ по крайней мѣрѣ тишина и спокойствіе водворяются. Что касается до тайныхъ происковъ, поелику ихъ отвратить невозможно, то пусть ими занимаются сколько угодно.“ Уже въ мартѣ 1807 года, согласно предписанію попечителя, они приглашены были въ засѣданія совѣта съ угрозою, что если они подадутъ поводъ къ нарушенію благоустройства, то „начальство приметъ противъ нихъ тѣже мѣры, какія приняло оно въ разсужденіи ихъ соучастниковъ“.

Тишина водворилась въ совѣтѣ къ удовольствію власти. Яковкинъ торжествовалъ. Споры о правахъ совѣта, поднятые тѣми, которые въ самомъ дѣлѣ воображали себѣ, будучи назначены профессорами и адъюнктами университета, что они имѣютъ преимущества, предоставленныя имъ уставомъ университета, прекратились. Тѣ новые профессора нѣмцы, которые явились въ Казань уже послѣ событій, нами описанныхъ, Браунъ, Френъ, Бартельсъ, на ученой и преподавательской дѣятельности которыхъ мы уже останавливались въ ихъ біографіяхъ и явившіеся послѣ, въ 1808—1811 годахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить, всѣ они, слыша разсказы оставшихся, особенно Германа, поняли свои отношенія и не считали возможнымъ вести открытую борьбу съ Яковкинымъ въ совѣтѣ, опираясь на права, непризнаваемыя начальствомъ. Эти люди были слишкомъ преданы наукѣ, къ которой давно привыкли, и въ ней одной, посреди непривлядной казанской обстановки, находили они утѣшеніе. Мы имѣемъ основаніе думать, что нѣмецкіе профессора Казанскаго университета, особенно въ первые годы его существованія стояли несравненно выше и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи своихъ русскихъ сотоварищей Ихъ кружокъ дѣйствительно можетъ быть названъ интеллигентнымъ кружкомъ, не смотря на то, что почти каждаго изъ нихъ Яковкинъ постарался облить массою грязи, къ которой

онъ такъ привыкъ. Это мнѣніе не исключительно наше. Второй казанскій попечитель Салтыковъ писалъ графу Разумовскому: „Я принужденъ съ непріятнымъ чувствомъ признать, что нѣмецкіе профессора превосходятъ нашихъ, какъ познаніями, такъ и нравственностью и это превосходство было причиною вражды, существующей между ними. Сколько бы ни любилъ я мое отечество, но эта любовь не можетъ заглушить во мнѣ чувства справедливости и я остаюсь совершенно нейтральнымъ между притѣснителями и притѣсненными. Я употребилъ всѣ способы примиренія и достигъ того, что успѣлъ смягчить ненависть и соперничество, или по крайней мѣрѣ удерживаю ихъ въ границахъ благопристойности. Я не дѣлалъ до сихъ поръ обвиненія личнаго, и, какъ ни непріятно было бы указывать на личности, я не забываю однако, что когда дѣло имѣетъ характеръ общественный, всякое личное соображеніе должно уступить силѣ истины" ([1]). И Салтыковъ указываетъ далѣе на Яковкина, какъ на главную причину и прежнихъ печальныхъ событій и настоящаго весьма непріятнаго положенія вещей въ Казанскомъ университетѣ. Глухая вражда продолжалась и не могла не продолжаться, пока во главѣ всего управленія университетомъ стоялъ Яковкинъ. Эта вражда по временамъ изъ тайной дѣлалась явною, какъ мы увидимъ, наприм. при первой несостоявшейся попыткѣ выбора ректора и декановъ, когда опять таки восторжествовалъ Яковкинъ и она прекратилась только тогда, когда университетъ былъ открытъ и послѣдовало полное примѣненіе устава 1804 года.

Исторія Казанскаго университета есть оригинальная исторія; она не похожа ни на какую другую. Не смотря на то, что уставы русскихъ университетовъ почти одинаковы, исторія каждаго изъ нихъ представляетъ черты своеобразныя, вытекающія изъ мѣстныхъ условій и изъ вліянія преобладающихъ личностей. Что же дѣлать, если въ Казани преобладалъ и давалъ тонъ всему Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ. Какъ это ни непріятно намъ лично, какъ это очень можетъ быть ни надоѣло читателю, а мы не скоро еще разстанемся съ пресловутымъ директоромъ. Теперь онъ былъ побѣдителемъ „многоглавой гидры" по его выраженію и все должно было смолкнуть передъ нимъ. „Pour ce qui regarde

---

([1]) *А. Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 525.

notre conseil, пишетъ послѣ погрома профессоръ Сторль къ попечителю, il y regne à présent une bienséance exemplaire et nous n'abusons jamais de la liberté d'opinion". Какъ побѣдитель, Яковкинъ прежде всего возблагодарилъ вышнія силы, которыхъ безъ сомнѣнія призывалъ на помощь. Въ засѣданіи 22 декабря было заслушано слѣдующее его предложеніе: „Какъ въ здѣшнемъ университетѣ не имѣется ни одного образа, то въ разсужденіи сего, по предварительному моему условію и написаны живописцемъ, здѣшняго Казанскаго монастыря служителемъ Флавіаномъ Колосовымъ на кипарисныхъ дскахъ два образа: 1) святаго мученика Галактіона на день Высочайше конфирмованной Его Императорскимъ Величествомъ, грамоты, дарованной Казанскому университету ноября 5; 2) преподобнаго Авксентія на день основанія университета—февраля 14 дня—обѣ за двадцать пять рублей". ([1])—Вскорѣ послѣ этого совѣтъ обратился къ попечителю съ слѣдующимъ донесеніемъ: „Воспоминаніе достопочитаемыхъ начальниковъ есть одна изъ священнѣйшихъ сердцу обязанностей истинно признательной подчиненности. Около двухъ уже лѣтъ основанный Казанскій университетъ и болѣе седьми лѣтъ существующая Казанская, нынѣ приготовительная, гимназія, имѣя высшихъ начальниковъ своихъ въ особахъ Его Сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія и Вашего Превосходительства, коего особеннымъ попеченіямъ Высочайше ввѣрено управленіе и ходатайство всего учебнаго Казанскаго округа, не имѣютъ счастія по сіе время созерцать, по крайней мѣрѣ, обоихъ вашихъ лицеизображеній, дабы тѣмъ явственнѣе содержать всегда въ памяти и получаемыя благотворенія. По симъ убѣдительнѣйшимъ причинамъ совѣтъ гимназіи, яко мѣсто, коему препоручено внутреннее управленіе обоихъ заведеній и исполненіе предписаній высшаго начальства непремѣннымъ долгомъ своимъ поставляетъ покорнѣйше просить дабы соблаговолили, внявъ милостиво его желанію, удостоить оба заведенія лицеизображеніями Его Сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія, яко перваго высшаго ходатая своего предъ монаршимъ престоломъ и яко основателя

([1]) Эти иконы нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены нами и повѣшены въ залѣ совѣтскихъ засѣданій.

своего и перваго попечителя". Портреты однако не были высланы.

Отдавъ такимъ образомъ Божія Богови и кесарево кесареви, Яковкинъ съ большею увѣренностью сталъ заботиться объ увеличеніи своей власти. Такъ прежде были отмѣнены *мѣсячные рапорты* по университету о чтеніи лекцій профессорами. Теперь, пишетъ онъ попечителю, „побуждаемый единственно ревностью къ общему благу, осмѣливаюсь представить, что они необходимо нужны для *содержанія во всегдашней обузданности всякихъ поползновеній* къ нерадѣнію и упущенію, когда всякій членъ увѣренъ, что объ упражненіяхъ въ аудиторіяхъ свѣдомо высшее начальство во всей подробности· Безъ нихъ скоро и здѣсь заведется тоже, что было въ Московскомъ университетѣ, т. е., что профессоры иные будутъ давать по три-четыре лекціи въ цѣлой годъ, какъ я о томъ наслышался отъ нашихъ москвичей университетскихъ".

Положеніе Яковкина было на столько крѣпко теперь, какъ и во все время попечительства Румовскаго, что такой, во всякое другое время важный фактъ, какъ оффиціальное письмо казанскаго губернатора Мансурова къ министру внутреннихъ дѣлъ о печальномъ положеніи гимназіи, а слѣдовательно и университета въ Казани нисколько не пошатнули его. Попечитель, получивъ отъ министра народнаго просвѣщенія копію съ этого письма, далъ съ своей стороны очень благопріятныя о Яковкинѣ объясненія ему, этому же послѣднему писалъ: „Какъ бы г. губернаторъ ни мыслилъ, я смѣю васъ и совѣтъ увѣрить, что министръ народнаго просвѣщенія мыслитъ инако". И Яковкинъ и попечитель, основывавшійся на свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ перваго, были вполнѣ увѣрены, что письмо казанскаго губернатора есть только слѣдствіе недавнихъ событій въ университетѣ, увольненія Каменскаго и Карташевскаго, произведшаго такой шумъ и толки въ городѣ, какъ мы видѣли. Самъ губернаторъ Мансуровъ, на сколько намъ извѣстна его дѣятельность, былъ въ сущности пустой человѣкъ. Ни по уму, ни по образованію онъ не интересовался, да и не могъ интересоваться дѣломъ педагогическимъ; собственно говоря онъ былъ равнодушенъ и къ гимназіи и къ университету, но какъ представитель власти, онъ считалъ себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія выше,.то, что дошло до него изъ городскихъ толковъ и по

всей вѣроятности изъ личныхъ жалобъ уволенныхъ, бывшихъ съ нимъ въ связяхъ знакомства Въ обвиненіяхъ, которыя онъ формулировалъ противъ настоящаго состоянія гимназіи вообще, и въ частности противъ Яковкина, не представляется намъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно, и ихъ слишкомъ общій и неопредѣленный характеръ заставляетъ предполагать, что они были написаны не съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла, а по слухамъ. Тѣмъ не менѣе Яковкинъ пріунылъ; его имя въ очень неблагопріятной окраскѣ упоминалось въ перепискѣ двухъ министровъ между собою. Но обвиненія, именно потому что въ нихъ не заключалось ничего опредѣленнаго, опровергнуть было легко. То, что касалось собственно гимназіи, попечитель передалъ въ совѣтъ (предложеніе 22 апрѣля, 1807 года № 244), требуя отъ него объясненія, называя въ своей бумагѣ письмо губернатора къ министру уже прямо *извѣтомъ*; на то, что касалось Яковкина, онъ отвѣтилъ самъ, постаравшись конечно защитить довѣренное лицо. Мансуровъ пишетъ, что въ Казани слышится „всеобщій ропотъ на опущеніе воспитанія, не прикрываемое даже ни наружнымъ порядкомъ, ни наружною благопристойностью". Совѣтъ отвѣтилъ конечно, что онъ никогда и ни отъ кого не слыхалъ никакихъ жалобъ на недостатки воспитанія. Яковкинъ свидѣтельствовалъ напротивъ, что родители приходили неоднократно благодарить его за образованіе и воспитаніе дѣтей и назвалъ довольное число именъ. Губернаторъ жаловался, что это опущеніе образованія „рождаетъ въ первомъ возрастѣ самыя грубыя страсти". Совѣтъ справедливо нашелъ несовмѣстность самыхъ грубыхъ страстей съ первымъ возрастомъ и что порядокъ, заведенный въ гимназіи съ ея открытія въ 1799 году таковъ, что обращается вниманіе и на обыкновенные проступки. Далѣе губернаторъ говоритъ, что дурное состояніе „произвело тѣ послѣдствія, что нѣкоторые пансіонеры оставили гимназію, не окончивъ ученія, а многіе, по недостатку довѣренности, не отдаютъ дѣтей своихъ". На это совѣтъ отвѣчалъ цифрами, доказывавшими противное. Словомъ губернаторъ написалъ такія неопредѣленныя обвиненія, отвѣчать на которыя было легко. Самъ онъ не зналъ очевидно гимназіи, да и не имѣлъ призванія судить о воспитаніи и ученіи. Былъ шумъ въ городѣ, но шумъ совершенно понятный и безсознательный. Яковкина не любили, но представители очень

достаточныхъ семействъ въ Казани, каковы напр. Княжевичи, Безобразовы, Панаевы и др. отдавали дѣтей своихъ въ гимназію и старались непремѣнно помѣстить ихъ на казенное содержаніе, съ тѣмъ конечно, чтобъ потомъ, по окончаніи ими курса, такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательства казенной службы: быть учителемъ никому не хотѣлось тогда.

Румовскій, въ своемъ донесеніи министру, могъ поэтому съ увѣренностью говорить, что сообщенія казанскаго губернатора „основаны на внушеніяхъ людей невѣрныхъ или пристрастныхъ“. Вторая половина губернаторскаго письма вся посвящена была характеристикѣ Яковкина. Къ сожалѣнію въ ней значились только, по выраженію Румовскаго, „неясно показуемые пороки“ Яковкина. Губернаторъ говорилъ объ его *удаленіи отъ городскихъ обществъ* и это удаленіе онъ, какъ и другіе объясняли тѣмъ, что Яковкинъ скрываетъ отъ общества тайные пороки. Обвиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, частое въ жизни и весьма легковѣсное. Толки по поводу отрѣшенія трехъ профессоровъ отъ службы конечно полны были негодованіемъ противъ него. „Продолжаемое мною удаленіе отъ всякихъ шумныхъ общественныхъ собраній и занятіе препорученными мнѣ должностями, не престаютъ донынѣ приписывать стыду моему и опасности показаться въ публикѣ; но время откроетъ, Всевышній оправдаетъ и совѣсть моя увѣряетъ, что кривотолки сіи совершенно ошибаются въ своемъ мнѣніи“. Яковкинъ, надобно отдать ему справедливость въ этомъ случаѣ, былъ чрезвычайно дѣятельною натурою; у насъ есть письмо его къ попечителю, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ проходитъ его день и Румовскому легко было опровергнуть всѣ обвиненія его въ бездѣятельности, въ скрываемыхъ имъ отъ людей порокахъ. „Могъ ли бы Яковкинъ, спрашиваетъ Румовскій, исполнить всѣ разнородныя обязанности, ежелибъ былъ таковъ, какъ отзывается о немъ губернаторъ?“. Онъ судитъ „по внушеніямъ людей за неповиновеніе начальству отрѣшенныхъ“. Яковкинъ „подпалъ неблаговоленію губернатора по извѣстному дѣлу о дровахъ съ Молоствовымъ, ревнуя о пользѣ гимназіи (1) и какъ неблаговоленіе его къ Яковкину

(1) Это очень любопытное дѣло, прошедшее чрезъ разныя инстанціи судебныя, дающее понятіе о господствовавшемъ въ то время произволѣ.

всему городу стало извѣстно, то и неудивительно, что жители казанскіе, подражая губернатору, мнѣніемъ только своимъ, а не дѣломъ, не одобряють качествъ, правилъ и частной жизни Яковкина". Далѣе попечитель защищаетъ его отъ приписываемаго ему произвола и отъ обвиненія его въ незаконномъ употребленіи казенныхъ денегъ и въ неправильной и невыгодной покупкѣ домовъ. Все это Румовскій считаетъ клеветою и внушеніями Каменскаго. Наконецъ губернаторъ „пріобщаетъ мнѣніе свое о талантахъ и великихъ познаніяхъ доктора Каменскаго по своей части, объ отличныхъ способностяхъ и знаніяхъ наукъ математическихъ г. Карташевскаго. Обыкновенно о знаніяхъ ученыхъ судятъ по ихъ сочиненіямъ, но неизвѣстны сочиненія, на которыхъ г. губернаторъ основалъ свое свидѣтельство... Но какъ они отрѣшены не по недостатку знанія, а за непослушаніе начальству, то и распространяться о семъ почитаю за излишнее".

Нападенія губернатора или „извѣтъ" его не причинили Яковкину никакого вреда. Они дали ему только лишній случай упражненія въ краснорѣчивыхъ реторическихъ увѣреніяхъ начальнику. „Имѣю честь донести и предъ Серцевѣдцемъ увѣрить, писалъ онъ, что взводимая на меня клевета ни мало меня не безпокоитъ. Человѣкъ, носящій въ сердцѣ своемъ неисцѣльную рану (потеря единственнаго сына) и безпрестанно удручаемый воспоминаніемъ сиротства, особливо при обращеніи съ образуемымъ юношествомъ, не можетъ быть способенъ къ таковому безстыдному пороку (пьянству) и подавать толь предосудительный примѣръ, подвергаясь отвѣту предъ нелицепріятнымъ Судіею, или послѣ сорокатрехлѣтней, опытной, и, могу сказать непостыдно, дѣятельной жизни, надѣть на себя маску лицемѣрія, и чрезъ то подвергнуться угрызеніямъ внутренняго судіи".

Попечитель оффиціальнымъ предложеніемъ (21 янв. 1807 года, № 73) выражалъ свое удовольствіе совѣту, что „тишина и согласіе въ немъ водворяться начинаютъ и дѣла совсѣмъ иной видъ пріемлютъ". Невыгодное представленіе о гимназіи и университетѣ, вслѣдствіе письма губернатора,

---

Суть его заключается въ томъ, что Порфирій Молоствовъ самовольно отнялъ дрова, заготовленныя для гимназіи, но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ дѣлѣ.

разсѣялось, но не прошло еще въ Казани впечатлѣніе, оставшееся въ умахъ послѣ отрѣшенія отъ должности профессоровъ и совѣтскихъ волненій. Недовольство внутри не прекращалось и на этотъ разъ это недовольство выразилось со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, оказавшихъ Яковкину явное и грубое неуваженіе. Трудно сказать—былъ ли этотъ случай отголоскомъ недавнихъ событій, свидѣтельствовалъ ли онъ о той внутренней распущенности, о которой говорилъ губернаторъ, но какъ бы то ни было—онъ любопытенъ, тѣмъ болѣе, что былъ первымъ, оффиціально засвидѣтельствованнымъ случаемъ сознательнаго проявленія своеволія со стороны студентовъ. Впрочемъ это были тѣ студенты, которые оставили уже университетъ для военной службы. Наша тогдашняя борьба съ Наполеономъ, мало по малу, но очень скоро однако обратила Россію, въ которой только что, съ воцареніемъ императора Александра I, начались вызываемыя требованіями жизни преобразованія и только что посѣяны были первыя сѣмена просвѣщенія, въ военный лагерь. Обстоятельства времени коснулись и учащейся молодежи, не смотря на ея слишкомъ незначительное число. Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, даннымъ въ 14 день марта мѣсяца 1807 года возложено было на него объявить благородному дворянскому сословію о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для облегченія благородному юношеству способа къ вступленію въ воинскую службу. Въ Высочайшемъ указѣ отъ того же числа, данномъ на имя министра народнаго просвѣщенія повелѣвалось ему сообщить чрезъ попечителей во всѣ подвѣдомственныя училища желающимъ поступить въ военную службу о томъ, что они будутъ приняты на слѣдующихъ основаніяхъ: „1) студенты, окончившіе ученіе въ университетахъ, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, куда будутъ они немедленно приняты унтеръ-офицерами и пробывъ въ оныхъ опредѣленное время, для пріученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами и 2) неимѣющіе еще званія студентовъ, и обучающіеся какъ въ гимназіи такъ и въ другихъ училищахъ дворяне, въ возрастѣ способномъ для вступленія въ военную службу (т. е. не менѣе 16 лѣтъ отъ роду), являясь въ корпуса кадетскіе въ С.-Петербургѣ, будутъ помѣщаемы по мѣрѣ ихъ познаній, въ соотвѣтствен-

ные классы для окончанія въ оныхъ наукъ и пріученія ихъ къ воинской службѣ; послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, равномѣрно будутъ опредѣляемы въ полки прапорщиками и корнетами". О такомъ Высочайшемъ соизволеніи немедленно было объявлено студентамъ и гимназистамъ казанскимъ, съ условіемъ, однако, чтобъ на вступленіе въ военную службу было изъявлено согласіе родителей желающихъ. Попечитель, въ своемъ предложеніи (2 мая, 1807 г. № 254) писалъ совѣту: „Желающихъ вступать въ военную службу студентовъ не удерживать, поелику на сіе есть Высочайшая воля". Перспектива военной службы и близкаго офицерства, составлявшаго тогда идеалъ для молодежи, взволновала умы студентовъ.

„Рескрипты Высочайшіе, данные гг. министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, писалъ къ попечителю Яковкинъ, вскружили и казеннымъ студентамъ нашимъ головы летѣть въ офицеры по военной службѣ. По сіе время (9 апрѣля) я ихъ удерживалъ подписками родителей (при отдачѣ сыновей на казенное содержаніе) и отдачею ихъ въ полное распоряженіе университета; но нѣкоторые и тому не внемлютъ. Опасаюсь, чтобы шумъ сей не произвелъ чего непріятнаго и для того осмѣливаюсь по сему дѣлу испрашивать начальственное распоряженіе. Но ежели дозволить выпускъ казенныхъ студентовъ на сторону, то округъ никогда не можно будетъ удовольствовать учителями, особливо достойными". На это и послѣдовало предложеніе попечителя не удерживать. До половины мая подано было, съ приложеніемъ согласія родителей, кромѣ немногихъ, родителей неимѣвшихъ, 24 прошенія отъ студентовъ (это изъ общаго числа ихъ въ началѣ 1807 года—52, т. е. 44 казенныхъ и 8 своекоштныхъ) и три прошенія гимназистовъ, достигшихъ 16 лѣтъ. Мы склонны думать, что въ этомъ общемъ стремленіи патріотическое увлеченіе участвовало очень мало, не смотря на объявленное въ тоже время всенародное ополченіе воззваніемъ Святѣйшаго синода. Патріотическое увлеченіе предполагаетъ сознательное чувство, воспитываемое живымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ событіямъ, понимаемымъ такъ или иначе, обсужденіемъ ихъ общественнымъ мнѣніемъ. Между тѣмъ газеты того времени или почти ничего или очень мало говорили о событіяхъ, о войнѣ, происходившей гдѣ-то далеко, за нашей западной

границей. О живыхъ политическихъ толкахъ въ семьяхъ, которые возбуждали бы увлеченіе юношей, нѣтъ и помина. Если мы вспомнимъ объ указѣ правительствующаго сената 18 марта того же года, обнародованномъ повсемѣстно „о запрещеніи всякихъ неприличныхъ и развратныхъ толковъ о военныхъ и политическихъ дѣлахъ“, если мы представимъ себѣ, что чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ въ подобныхъ толкахъ, кончается приличіе и начинается развратъ, то положительно можно сказать, что отнюдь не патріотическое чувство влекло казанскихъ студентовъ, цѣлую почти половину ихъ, въ военную службу, заставляло ихъ бросать казенное содержаніе и обезпеченный кусокъ хлѣба въ будущемъ въ званіи учителя, а нѣчто совсѣмъ другое. Замѣчательно, что въ 1812 году, когда гораздо понятнѣе и сильнѣе должно было бы проявиться въ молодежи стремленіе защищать отечество, внутри котораго былъ могущественный врагъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ Казанскомъ университетѣ: только двое студентовъ, и то плохо учившихся, просились и поступили въ военную службу. Еслибы подача прошеній массою произошла до времени написанія губернаторомъ своего письма о Казанскомъ университетѣ, онъ имѣлъ бы право указать на этотъ фактъ въ подтвержденіе своихъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ ученіи въ Казани и о всеобщемъ ропотѣ и недовольствѣ управленіемъ Яковкина, но фактъ случился послѣ и не прежде изданія Высочайшихъ рескриптовъ о вызовѣ въ войска учащейся молодежи. Не было разумѣется здѣсь и сознательнаго протеста противъ личности Яковкина и противъ порядковъ, заведенныхъ имъ въ гимназіи и университетѣ, хотя можетъ быть нѣкоторые изъ молодыхъ людей и жалѣли объ отрѣшенныхъ профессорахъ, о тѣхъ изъ нихъ, которыхъ успѣли полюбить. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что всѣ эти молодые люди, какъ и замѣчалъ это Яковкинъ, увлекались легкостью скоро сдѣлаться офицерами и тѣмъ обаяніемъ, которое въ то время, для дворянскаго сословія у насъ, представляла военная служба, а большинство студентовъ было дворянскаго происхожденія. Университетъ и науку имъ въ немъ преподаваемую они бросали безъ всякаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что университетъ манилъ ихъ къ себѣ вовсе не тѣмъ научнымъ содержаніемъ, которое онъ могъ дать а quasi-офицерскимъ

мундиромъ и правами, получаемыми по окончаніи курса. Тогдашніе студенты, на сколько есть у насъ данныя для сужденія, за исключеніемъ весьма немногихъ, при лучшихъ условіяхъ, и не въ то время, а позднѣе нѣсколько, ничему почти не учились. Подъ наружными формами ученія въ гимназіи и университетѣ скрывалось вполнѣ ничтожное содержаніе. Отъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые одни только имѣли настоящее и строгое представленіе объ университетскомъ преподаваніи, ихъ удаляло незнаніе языка и потому съ университетомъ они не были связаны вовсе чѣмъ либо похожимъ на духовные интересы; въ нихъ и не была пробуждена жажда этихъ духовныхъ интересовъ. Ихъ ничто не привязывало къ университету. А тутъ, въ очень близкомъ будущемъ, и при легкихъ условіяхъ, представлялась желанная возможность сдѣлаться офицерами. Ихъ немедленно, если только они приносили свидѣтельство отъ университета, отправляли въ Петербургъ, гдѣ они должны были явиться къ директору 2 сухопутнаго кадетскаго корпуса генералъ-маіору Клейнмихелю, имъ давали подорожную и прогоны до столицы, которая тоже дразнила ихъ воображеніе. Но вотъ какая сцена произошла на первыхъ порахъ отправки первыхъ *кадетовъ*, какъ стали называть переходящихъ въ военную службу студентовъ. Яковкинъ былъ убѣжденъ, что это происшествіе имѣетъ связь съ совѣтскими волненіями и съ отрѣшеніемъ трехъ профессоровъ, что „корень адскаго заговора распространился весьма далеко и глубоко“. Въ понедѣльникъ 13 мая студенты Балясниковъ и Чуфаровъ (оба они, еще прежде чѣмъ сдѣлались извѣстными Высочайшіе рескрипты о призывѣ на военную службу, заявляли нѣсколько разъ Яковкину, что они вовсе не желаютъ быть учителями за получаемое казенное содержаніе, а предпочитаютъ военную службу), Кузминскій, Поповъ и нѣкоторые другіе, подавшіе прошенія о поступленіи въ военную службу, пошли къ губернатору и „по извѣстнымъ побужденіямъ“, какъ выражается Яковкинъ, у него, въ присутствіи вице-губернатора и нѣсколькихъ чиновниковъ, бранили весь университетъ, описывая его въ самомъ печальномъ видѣ. Они заявляли, что между профессорами, за исключеніемъ Запольскаго, нѣтъ теперь ни одного порядочнаго человѣка, что лучшіе профессоры удалены по проискамъ Яковкина, что сами они не получили никакого об-

разованія, что имъ одна дорога—идти въ военную службу. Губернаторъ взялъ отъ нихъ какую-то подписку. По возвращеніи въ университетъ, какъ видно изъ инспекторскаго донесенія, они „стали оказывать всякое возможное своевольство“, говоря, что теперь имъ не университетъ, а губернаторъ начальникъ. На другой день Яковкинъ, приготовивъ для всѣхъ аттестаты, отправилъ студентовъ, вмѣстѣ съ запечатанными аттестатами къ губернатору въ сопровожденіи адъюнкта Евеста. Губернаторъ роздалъ имъ аттестаты по рукамъ. Узнавъ объ ихъ содержаніи, Балясниковъ и Чуфаровъ тотчасъ же явились къ Яковкину и грубо настаивали, чтобъ онъ или перемѣнилъ имъ аттестаты (поведеніе одного было названо изряднымъ, а другаго средственнымъ), или написалъ бы въ нихъ, что они за дерзость, своевольство, нарушеніе порядка и нераскаянность, чѣмъ Яковкинъ объяснялъ неудовлетворительность отмѣтки въ поведеніи, вписаны въ инспекторскую шнуровую книгу. Яковкинъ отказалъ, но пусть онъ самъ разскажетъ дальнѣйшее столкновеніе свое съ студентами-кадетами:

«Среда прошла спокойно, а въ четвертокъ вечеромъ, когда я съ женою, дѣтьми моими, многими студентами и гимназистами и главнымъ надзирателемъ, прохаживался въ Тенишевскомъ саду, Кузминской, довольно пьяный, пришелъ въ оный, чаятельно, съ намѣреніемъ, чтобъ браниться со мною; но вмѣсто того въ запальчивости, не нашедъ еще меня, обругалъ самыми поносными словами жену мою съ дѣтьми и всѣми бывшими студентами и учениками, такъ что студенты Графъ и Клепининъ вынуждены были насильно вывести его изъ саду. Балясниковъ и Кузминской, какъ на дворѣ Тенишевскомъ, такъ и на парадномъ крыльцѣ, позднѣе, въ тотъ же вечеръ, увѣрительно грозили мнѣ мщеніемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, что было въ присутствіи разныхъ чиновниковъ университета и гимназіи. *Всѣ сіи обстоятельства суть послѣдствія извѣта къ г. министру внутреннихъ дѣлъ здѣшнимъ губернаторомъ*, посланнаго въ день не почтовый, а подписаннаго 28 февраля, въ день отъѣзда гг. Каменскаго и Карташевскаго изъ Казани.... Наконецъ, увидѣвъ, что для предотвращенія ихъ буйства, предпринятыя мною начальственныя мѣры посредствомъ оставленнаго не только на ночь пикета изъ шести инвалидовъ при унтеръ офицерѣ и квартирмейстерѣ, но и на слѣдующій день, до самаго отъѣзду кадетовъ изъ университета, не смѣли буянить, а 17 числа, распрощавшись съ своими знакомыми, также съ Запольскимъ и Германомъ, хотѣли было и изъ самихъ буяновъ нѣкоторые придти проститься со мною, но Балясниковъ и Кузминской удержали нѣкоторыхъ изъ нихъ, уповая, что я отъ себя прогоню. Не взирая на сіе буйственное запрещеніе, прощались со мною

и со слезами благодарили за образованіе, воспитаніе и отеческія попеченія Выдрицкій, Трофимовъ. двое Зыковы и младшій Балясниковъ. Отъѣздъ ихъ водою до Свіяжска изъ Казани ознаменованъ также буйствомъ главныхъ зачинщиковъ. Поповъ, вздумавъ прохаживаться по борту лодки, упалъ въ воду и едва не потонулъ, за что смѣявшіеся сему буйству калачникъ и перевозчикъ нещадно отъ нихъ высѣчены приготовленными для дороги нагайками.. Когда Клепининъ и Графъ, съ моего позволенія, приносили г. губернатору жалобу на буйство Кузминскаго и Балясникова, то онъ сказалъ имъ: «вотъ плоды воспитанія Яковкина»; но на сіе они съ почтеніемъ отвѣчали, что четверо записныхъ буяновъ не могутъ еще отнять чести отъ Яковкина и что цѣлое заведеніе готово подъ присягою подтвердить, что всѣ они одному особенно Яковкину обязаны за образованіе свое и отеческія его попеченія объ ихъ воспитаніи и наставленіи (сіи точныя ихъ слова не благоволите в. п. приписать моему самохвальству, чуждому моему сердцу!). Послѣ всѣхъ таковыхъ неожиданныхъ вражескихъ покушеній, и самая каменная твердость должна поколебаться; но есть Тотъ, кто и посреди смертельныхъ ужасовъ подкрѣпляетъ и утѣшаетъ невинность!»

Сколько было правды и сознательнаго чувства въ негодованіи къ Яковкину тѣхъ, которые такъ грубо выразили его къ семейству директора и въ краснорѣчивой защитѣ его поклонниковъ, о которой онъ не преминулъ довести до свѣдѣнія начальства, мы рѣшить не беремся, но невольно чувствуется какая-то фальшь и ненормальность отношеній. Совѣтъ, находившійся теперь въ полной зависимости отъ Яковкина, донесъ также съ своей стороны, со словъ его, обо всѣхъ происшествіяхъ, съ ссылкою на замѣченное и прежде дурное поведеніе буяновъ по справкѣ въ инспекторскихъ книгахъ, хотя не задолго до происшествія, этотъ же совѣтъ, по заявленію Яковкина, представлялъ о нихъ, какъ о достойныхъ къ назначенію въ учители не только въ народныя училища, но и въ гимназіи. Какъ бы то ни было университетъ лишился вдругъ чуть не половины своихъ студентовъ. Замѣчательно, что изъ 24 уволенныхъ въ военную службу было 19 казеннокоштныхъ студентовъ, обязанныхъ служить за свое воспитаніе учителями. Только послѣ того, какъ они уѣхали изъ Казани, начальство спохватилось, что поступило неправильно. „Докладывалъ я министру народнаго просвѣщенія о студентахъ, содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ и желающихъ вступить въ военную службу, писалъ попечитель совѣту (27 мая, № 291). Его сіятельство препоручилъ мнѣ дать знать совѣту, что данный Его Императорскимъ Вели-

чествомъ указъ о студентахъ, желающихъ вступить въ военное званіе, касается до студентовъ на своемъ содержаніи обучающихся и что имъ не нарушается постановленіе, Его Величествомъ утвержденное о воспитываемомъ на казенномъ содержаніи юношествѣ, въ статьѣ 40-й предварительныхъ правилъ изображенное. И для того предлагаю Совѣту, не взирая на желаніе воспитанниковъ содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ вступать въ военную службу, держаться упомянутаго постановленія". Но было уже поздно и никто изъ уволенныхъ не воротился болѣе въ университетъ.

Произволъ и самовластіе Яковкина теперь стали проявляться еще чаще, не встрѣчая отпора въ совѣтѣ. Разныхъ исторій, слѣды которыхъ сохранились въ дѣлахъ, было довольно. Въ самомъ началѣ 1807 года послѣдовало увольненіе рисовальнаго учителя гимназіи Чекіева по простому предложенію Яковкина въ совѣтъ, гдѣ онъ излагалъ свое столкновеніе съ Чекіевымъ. Чекіевъ учился въ С.-Петербургской Академіи художествъ и кончилъ въ ней курсъ въ 1796 году съ золотою медалью. Въ гимназію учителемъ онъ поступилъ въ 1799 году и былъ на столько хорошимъ учителемъ, что Румовскій выразилъ ему въ бытность свою въ Казани, въ присутствіи другихъ, особую благодарность. Чекіевъ получилъ даже чинъ титулярнаго совѣтника и прибавку жалованья. Зная мстительность и злопамятность Яковкина, мы не имѣемъ никакого повода подозрѣвать справедливость разсказа Чекіева въ его жалобѣ на увольненіе, что Яковкинъ давно имѣлъ къ нему вражду, нѣсколько разъ жаловался на него совѣту, еще до своего директорства, „ибо я не могъ отвѣчать частнымъ его видамъ"—пишетъ Чекіевъ въ своей жалобѣ. Ни откуда къ сожалѣнію не видно изъ за чего тѣснилъ его Яковкинъ, но Чекіевъ принесъ на эти притѣсненія лично жалобу Румовскому и тотъ даже обѣщалъ ему мѣсто въ университетѣ. Видя, что Яковкинъ пользуется полнымъ довѣріемъ попечителя, Чекіевъ потерялъ уже всякую надежду получить университетское мѣсто, но никакъ не думалъ, что ему придется разстаться и съ гимназическимъ. Дѣло въ томъ, что для мѣста учителя рисованія въ университетѣ у Яковкина былъ уже приготовленъ свой человѣкъ. Совершенно произвольно Яковкинъ объявилъ ему

10 января о томъ, что сверхъ 8 часовыхъ уроковъ въ гимназіи, Чекіевъ долженъ еще четыре часа упражнять въ рисованіи и студентовъ. Чекіевъ спросилъ: прибавится ли ему за это жалованье, на что получилъ въ отвѣтъ, что прибавка не отъ него зависитъ, а отъ времени, обстоятельствъ и благоусмотрѣнія начальства и, что если онъ не желаетъ упражнять студентовъ, то можетъ и совсѣмъ оставить службу и при этомъ приказалъ ему съ грубымъ окрикомъ идти къ своему дѣлу. Чекіевъ шелъ за нимъ и доказывалъ ему, что онъ притѣсняетъ его, что онъ не сторожъ, на котораго дозволяется кричать и пр. Яковкинъ сказалъ, что онъ хорошо помнитъ прошедшее и пригрозилъ ему отрѣшеніемъ. Слѣдствіемъ этого столкновенія было предложеніе Яковкина въ совѣтъ объ отрѣшеніи Чекіева. Въ предложеніи говорилось о негодованіи и роптаніи Чекіева на прибавленные ему часы, о крикѣ Чекіева, о дерзости и запальчивости, о явныхъ знакахъ дерзкаго и буйнаго характера, которые могутъ „подать собою ученикамъ самый предосудительный примѣръ, при чемъ припоминались въ предложеніи и прежнія обстоятельства, то, что Чекіевъ въ 1803 году, по предписанію тогдашняго попечителя гимназіи губернатора Кацарева, выслушалъ въ присутствіи конторы и при собраніи чиновниковъ и учителей выговоръ за грубость противъ начальства, а за дерзость и неблагопристойность при зерцалѣ имъ оказанныя, онъ былъ оштрафованъ десятирублевою пенею. Изъ письма Яковкина къ попечителю видно, что Чекіевъ былъ „собесѣдникомъ“ Каменскаго и это конечно служило къ усиленію негодованія Яковкина. Чекіевъ уволенъ былъ послушнымъ совѣтомъ изъ службы за дерзость и неповиновеніе начальству. „Резолюцію сію единогласно дали всѣ гг. члены въ страхъ другимъ для искорененія буйства“. Впрочемъ Яковкинъ оказалъ великодушіе въ нѣкоторомъ родѣ. „Хотя на предложеніе мое всѣ гг. члены совѣта, кромѣ г. профессора Бюнемана и адъюнкта Эриха, сильно защищавшихъ продерзость Чекіева, подали мнѣніе свое, чтобы представить в. п., пишетъ онъ къ попечителю, объ отрѣшеніи его безъ аттестата, въ страхъ другимъ, за дерзкіе его слова и поступки; но я остаюсь одинъ только виновнымъ, что упросилъ ихъ, дабы просто уволить его изъ службы гимназіи по представленнымъ совѣту причинамъ (т. е. за дерзость и неповиновеніе начальству!). Не хотѣлось масла приливать къ

огню, да и—рано или поздно разсудитъ меня съ нимъ Нелицепріятный". Съ своей стороны защитники Чекіева заявили ему, что онъ „самъ долженъ знать теперешнія обстоятельства". Напрасно просилъ онъ о выдачѣ копіи съ опредѣленія совѣта и свидѣтельства за что онъ отрѣшенъ. На это сказали ему, что на выдачу такихъ копій нѣтъ еще разрѣшенія г. попечителя. Напрасно онъ просилъ защиты сначала у попечителя, говоря что онъ не отказывается учить студентовъ и началъ уже уроки—его просьба оставлена безъ вниманія. Напрасно онъ подавалъ прошеніе и въ главное правленіе училищъ, въ которомъ писалъ о „проискахъ" директора. „Возможно-ли, говорилъ онъ, чтобъ несчастія такого числа чиновниковъ, униженіе и безчестіе другихъ, всеобщее негодованіе города противъ него, не призвало наконецъ на него внимательнаго ока высшаго правительства. Я не могу обвинять совѣтъ: когда выбыло изъ него пять профессоровъ и адъюнктовъ, то можно съ остальными дѣлать, что хочешь". Прошеніе Чекіева было отослано въ совѣтъ безъ всякой резолюціи. Впрочемъ попечитель замѣтилъ совѣту, что ему предоставлено право увольнять только тѣхъ лицъ, которыя добровольно пожелаютъ оставить службу гимназіи, а о Чекіевѣ слѣдовало предварительно испросить согласія его, попечителя, что и слѣдуетъ дѣлать впредь всегда въ такихъ случаяхъ.

Защита гонимыхъ и преслѣдуемыхъ Яковкинымъ „по теперешнимъ обстоятельствамъ", т. е. когда всѣ убѣдились въ его силѣ и полномъ довѣріи къ нему начальства, не могла достигнуть цѣли. А между тѣмъ Яковкинъ самъ весьма часто жаловался на обиды ему наносимыя, хотя никому не было извѣстно по какой причинѣ послѣдовала обида. Ему можно бы было съ полнымъ основаніемъ сказать тѣ слова, которыя говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ герою комедіи Островскаго: „Кто тебя, батюшка Титъ Титычъ, обидитъ—ты самъ всякаго обидишь"! Былъ въ Казанскомъ народномъ училищѣ учитель титулярный совѣтникъ Сивковъ, знакомый Яковкину еще по Петербургу. Въ прошломъ 1806 году Яковкинъ доносилъ попечителю, что Сивковъ обидѣлъ его на публичномъ экзаменѣ; въ чемъ однако состояла обида— не объяснялъ. Директоръ народныхъ училищъ принесъ съ своей стороны жалобу попечителю на Сивкова, что тотъ уклоняется отъ предписаннаго способа преподаванія, поступаетъ съ учениками жестоко и непристойно, что у него

неспокойный и сварливый нравъ и что наконецъ принесена ему жалоба отъ директора гимназіи Яковкина, что Сивковъ и ему нанесъ обиду. Какъ кажется эта обида и была главною причиною представленія директора народныхъ училищъ къ попечителю. Хотя, какъ мы знаемъ, училищный комитетъ не былъ еще открытъ при университетѣ, но Яковкинъ мнилъ себя начальникомъ и директора и Сивкова. Въ частномъ письмѣ къ попечителю, начатомъ фразою, что „личность на службѣ мертва", онъ подкрѣплялъ представленіе директора, говорилъ, что многократные его совѣты, увѣщанія и выговоры Сивкову были напрасны, упоминалъ о его „необщежительномъ характерѣ", объ „упорствѣ и даже закоренѣлости въ собственныхъ предосудительныхъ мнѣніяхъ", о „странномъ образѣ преподаванія", о „хожденіи по родителямъ учениковъ съ тѣмъ чтобы дѣти кромѣ математики ничему не учились", объ „упорномъ пренебреженіи къ власти начальства" и пр. и приходилъ къ тому заключенію, что Сивковъ не можетъ быть терпимъ на службѣ. Попечитель представленіе директора народныхъ училищъ препроводилъ въ совѣтъ, поручивъ ему, по разсмотрѣніи представленія директора, уволить Сивкова и опредѣлить на его мѣсто кого либо изъ студентовъ Казанскаго университета. Совѣтъ опредѣлилъ собрать справки отъ сослуживцевъ Сивкова, въ залѣ собранія совѣта, при зерцалѣ (любопытно, что въ числѣ этихъ свидѣтелей и сослуживцевъ, всего за мѣсяцъ до происшествія, были тѣ самые студенты Балясниковъ старшій и Поповъ, которые, заявивъ желаніе служить въ военной службѣ, ходили жаловаться на Яковкина къ губернатору и нанесли оскорбленіе его семьѣ въ саду, что Балясниковъ предназначался Яковкинымъ учителемъ математики и физики въ открывающуюся въ Нижнемъ Новгородѣ гимназію, „на что и объявилъ онъ мнѣ свое согласіе съ благоговѣйною признательностью къ таковому лестному о немъ мнѣнію",—пишетъ Яковкинъ въ своемъ предложеніи совѣту). Свидѣтели подтвердили справедливость донесенія директора народныхъ училищъ и Сивкова уволили, хотя все же изъ чувства конечно человѣколюбія, нашлись и у него защитники, не смотря на всю покорность совѣта. „Разсмотрѣніе характера Сивкова обнаружило снова *прежній духъ ратоборства,* пишетъ Яковкинъ къ попечителю, такъ что г. Бюнеманъ принесъ съ собою Наказъ съ загнутыми углами листовъ для прочтенія статей, чтобы и

обвиняемый былъ призванъ въ совѣтъ для вопрошенія. Я сказалъ, что по сему спору, какъ свидѣтель, упомянутый въ начальственномъ вашемъ предписаніи, никакого голоса имѣть не хочу, промолчалъ полтора часа, пока продолжалось сужденіе, но видя, что ничѣмъ, кромѣ пустыхъ разговоровъ и споровъ, не рѣшатъ сіе дѣло, наконецъ собралъ мнѣнія и увидѣвъ, что за точное исполненіе предписанія и основываясь на собранныхъ свидѣтельствахъ, подали ихъ гг. адъюнктъ Евестъ и профессоры: Сторль, Фуксъ и Яковкинъ, объявилъ чтобы гг. спорящіе записали свои мнѣнія, ежели угодно, продиктовавъ по латыни съ согласія прочихъ протоколъ и подписалъ его, послѣ чего и четверо спорившіе также подписали его безусловно. Старость и семейство Сивкова конечно заслуживали бы снисхожденія, но bonum publicum praeferendum est bono particulari et quidem ipsae misericordiae". Сивковъ не жаловался.

Впрочемъ у Яковкина были столкновенія съ подчиненными, которыя онъ не доводилъ до совѣта и распоряжался самъ, но считалъ нужнымъ во всѣхъ подробностяхъ сообщать ихъ попечителю. Сообщенія эти имѣли странный характеръ; Яковкинъ то ссорился, то мирился съ такими лицами, но разстаться съ ними не могъ. Таковы наприм. отношенія его къ Ларіонову, очень подробно раскрытыя въ его письмахъ и разныхъ дѣловыхъ бумагахъ. Ларіоновъ былъ назначенъ самимъ Румовскимъ, знавшимъ его въ Петербургѣ, въ виду множества предстоящихъ построекъ *офицеромъ по строильной части*. На его отвѣтственности лежали пріемъ и выдача матеріаловъ, а также и наблюденіе за состояніемъ и поддержаніемъ въ исправности купленныхъ домовъ. Ларіоновъ повидимому боялся отвѣтственности по своей обязанности и уже черезъ годъ, послѣ многихъ просьбъ къ Яковкину, обратился письмомъ къ попечителю, въ которомъ говорилъ, что онъ не архитекторъ, что дома купленные ветхи, что въ нихъ треснули своды и стѣны и что онъ боится какъ бы контора гимназіи не приписала это его безпечности. Все это главнымъ образомъ клонилось къ тому, чтобъ выпросить у Яковкина прибавку къ жалованью или награду, но Яковкинъ отказалъ и сказалъ ему, чт если онъ недоволенъ службой, то можетъ подавать въ отстав ку—„отзывъ совсѣмъ противный содержанію моей словесно просьбы"—наивно пишетъ Ларіоновъ и на начальство сво въ Казани, „которое имѣетъ попеченіе о себѣ, а о подч

ненномъ мало помышляетъ“ онъ принесъ жалобу попечителю. Движенія она не получила. Почти тоже Ларіоновъ въ началѣ 1807 года повторилъ въ своемъ рапортѣ въ контору, называемомъ Яковкинымъ сумасброднымъ. Въ этомъ рапортѣ говорилось о неправильномъ заготовленіи фуражу для гимназическихъ лошадей, о растратѣ, однимъ словомъ „онъ маралъ и контору и меня, писалъ Яковкинъ, и эконома и самого себя“. Но для Яковкина Ларіоновъ былъ лишь „ипохондріакъ“. Онъ призвалъ Ларіонова, прочиталъ ему вслухъ его рапортъ и спросилъ: онъ ли писалъ и можетъ ли писанное подтвердить. „Изъ смущенно-звѣрскаго его взору получивъ подтвержденіе, рѣшился его пощадить и не вводя въ дѣло, представить его оригиналомъ на благоусмотрѣніе в. п.“, пишетъ Яковкинъ. Очень больно ему, что *я весьма посократилъ его доморучіе*, какъ я и прежде неоднократно имѣлъ честь доносить; но едва имѣя изъ 25 рублей ежемѣсячныхъ насущное пропитаніе, вздумалъ держать еще лошадь. Богъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ, а между тѣмъ на сторонѣ многократно поговаривалъ, что онъ писалъ уже обо всемъ въ Петербургъ къ начальству“. Какъ можно догадываться дѣло шло здѣсь вовсе не о неповиновеніи власти, а потому Яковкинъ и не поднималъ его.

Вскорѣ послѣ того Ларіоновъ, встрѣтивъ въ канцеляріи квартирмейстера гимназіи Михайлова, сталъ съ нимъ браниться, а потомъ, разгорячившись, ударилъ его. Тотъ немедленно вбѣжалъ въ комнату присутствія конторы, жаловался казначею и эконому, показывая покраснѣвшую щеку. При разборѣ фактъ подтвердился вопросомъ свидѣтелей — канцелярскихъ служителей и жалоба была записана въ журналъ, но обиду квартирмейстера предоставили ему отыскивать по манифесту объ обидахъ, Ларіонову же было замѣчено, что безчиніе имъ учиненное доказываетъ неуваженіе его къ самому присутственному мѣсту. Объ этомъ происшествіи, не смотря на просьбу Ларіонова, было донесено попечителю, но Ларіоновъ остался на службѣ.

Почему то этотъ случай сильно затронулъ Яковкина и въ письмѣ къ попечителю онъ внесъ слѣдующую іереміаду: „Всѣ таковыя и подобныя имъ стеченія, равно какъ и разстроенное безпрестанною душевною тягостью мое здоровье, почасту влагали мнѣ мысль просить мое начальство объ увольненіи отъ должности директора и инспектора, дабы въ

нѣжныхъ объятіяхъ тишины семейственной заняться уединенными упражненіями на пользу отечества; но опасеніе прогнѣвить тѣмъ достопочитаемаго мною начальника донынѣ удерживаетъ, доколѣ возмогу, не взирая на ощущаемое ослабѣваніе, обѣ оныя должности еще исправлять съ неизмѣнною ревностью". Конечно въ отставку онъ вовсе не думалъ выходить.

Ларіоновъ, по словамъ Яковкина, былъ „нечувствительный и непостоянный чиновникъ". Ему обѣщано было мѣсто экзекутора по открытіи университета, но Яковкинъ имѣлъ уже на то мѣсто своего, преданнаго человѣка и вотъ почему въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, ему казалось необходимымъ представить какъ можно болѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ неугоднаго ему человѣка. „Ларіоновъ сварливостью своею и заносчивостью съ прочими сослужащими, писалъ онъ, наноситъ мнѣ часто безпокойства въ разборѣ приносимыхъ на него жалобъ, а малымъ раченіемъ къ достойному отправленію должности не подаетъ надежды съ пользою быть употребленъ впредь при университетѣ. Напротивъ того нынѣшній квартирмейстеръ Михайловъ (которому Ларіоновъ далъ пощечину) всегдашнею своею расторопностью и ревностью къ должности всегда заслуживалъ должную справедливость, а посему не благоугодно ли будетъ Михайлова назначить въ должность экзекутора университета", писалъ онъ къ попечителю. Тотъ же Ларіоновъ, какъ мы уже упоминали, говоря о постройкахъ, вывелъ на чистую воду того же квартермистра Михайлова, возившаго, при помощи казенныхъ сторожей, половыя казенныя доски и бревна въ собственной домъ. Увидя на другой день главнаго надзирателя Упадышевскаго, выходившаго изъ больницы, Ларіоновъ спросилъ его: извѣстно ли ему, что Михайловъ возитъ къ себѣ казенныя доски? Упадышевскій отвѣтилъ, что онъ знаетъ это. Вскорѣ послѣ этого Яковкинъ потребовалъ Ларіонова къ себѣ. „Какъ ты смѣлъ спрашивать, спросилъ директоръ, и какое тебѣ дѣло?" Ларіоновъ объяснилъ, что онъ считалъ это своею обязанностью, по долгу службы и присяги, и на эти слова его „господинъ директоръ началъ пословицы говорить съ обидою на мой счетъ и между прочимъ сказалъ мнѣ, что отъ меня воняетъ", пишетъ Ларіоновъ. Я не могъ сіе въ скорости понять и подумалъ, что онъ меня счелъ за пьянаго, на что отвѣчалъ я, ссылаясь на самого его, что онъ меня во все продолженіе моей службы при гимназіи не видалъ пьянымъ". Яковкинъ

велѣлъ ему выпить стаканъ воды, отчего тотъ еще болѣе смѣшался, и говорилъ ему: „ты буянъ, твой характеръ мерзкой и скверной“ и на его оправданія, закричалъ на него: „пошелъ вонъ!“ и выгналъ отъ себя. Все это, по письму Ларіонова, сдѣлалось извѣстнымъ попечителю и Яковкину конечно нужно было обвинить Ларіонова Онъ донесъ попечителю, что Ларіоновъ громкимъ крикомъ своимъ и разговорами безпокоитъ лежащихъ въ больницѣ, что онъ сталъ выговаривать ему за это „по начальству“, что Ларіоновъ „съ крайнимъ крикомъ и неистовствомъ“ отвѣчалъ, что онъ его притѣсняетъ и обижаетъ, что квартермистръ, входя въ больницу, не получаетъ отъ него выговоровъ, что онъ прикрываетъ квартермистра, что послѣдній строится въ своемъ домѣ, употребляя казенные матеріалы, что отъ крика Ларіонова проснулись и перепугались не только дѣти, но и жена его и распространяется о „безпокойномъ и сварливомъ характерѣ“ Ларіонова. Жалоба Ларіонова была прислана попечителемъ къ Яковкину. „Ежели онъ въ бытность свою у васъ шумѣлъ, то достоинъ того, чтобы отъ васъ былъ высланъ, какъ онъ пишетъ, писалъ Румовскій. Но винить его не можно, что спросилъ у Упадышевскаго, извѣстно ли ему, и съ чьего дозволенія вчерашній день возили казенныя доски квартермистру Михайлову. Таковой вопросъ всякъ принадлежащій къ гимназіи сдѣлать могъ, не вѣдая съ чьего дозволенія возятъ казенныя доски въ другое мѣсто.“ Отвѣчая на это Яковкину пришлось объяснить въ письмѣ къ попечителю, и выраженіе, столь, смутившее Ларіонова, что отъ него „воняетъ“. Это былъ неудачно сдѣланный имъ переводъ одной изъ латинскихъ пословицъ, какими онъ часто украшалъ свои письма: „Будучи извѣстенъ, что Ларіоновъ по латыни не знаетъ, я не могъ ему сказать пословицу: „prорrіа laus sordet“, когда онъ расхвастался, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только онъ служилъ, должность свою всегда отправлялъ онъ отлично и что поступки его были всегда благородны; вмѣсто того сказалъ я ему, что кто самъ себя хвалитъ, отъ того воняетъ“. О томъ, въ какомъ видѣ было объяснено попечителю главное обстоятельство, что квартермистръ пользовался казеннымъ лѣсомъ, мы уже говорили. „Весь доносъ Ларіонова оказался несправедливъ, писалъ Яковкинъ, и основанъ единственно на какой-то злобѣ или зависти по безпокойному и сварливому его характеру“.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого, Яковкинъ счелъ необходимымъ сообщить попечителю новую и очень грязную исторію съ Ларіоновымъ. „Хотя все сіе произшествіе чрезвычайно нагло и мерзко, говоритъ онъ, такъ что стыдно мнѣ описывать обстоятельства его предъ в. п., но зная дерзкій и сварливый характеръ Ларіонова, дабы онъ не вздумалъ и сдѣланный ему конторою въ удовлетвореніи отказъ, употребить на зло и клевету мнѣ“, онъ рѣшается привести весьма неприличный разсказъ. Мы не станемъ приводить этого разсказа Яковкина: дѣло шло о неудачномъ волокитствѣ Ларіонова за чужой женой, стряпкой, но любопытно, что контора вошла во всѣ мельчайшія подробности и ихъ-то и сообщаетъ Яковкинъ для свѣдѣнія попечителю, какъ опредѣлившему Ларіонова.

Вскорѣ послѣ этого опять происшествіе съ Ларіоновымъ, очень подробно описанное помощникомъ инспектора студентовъ кандидатомъ Кондыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Яковкина по предметамъ имъ преподаваемымъ, по угодливому характеру и болѣе другихъ къ нему приближеннымъ. Ларіоновъ пришелъ въ студентскія комнаты вечеромъ въ 6 часовъ и разговаривалъ со студентами. Начался споръ о воспитаніи, скоро превратившійся въ драку между Ларіоновымъ и студентомъ Аристовымъ, котораго по всей вѣроятности поддержали товарищи. Ихъ насилу развели, но у Ларіонова оказались изодраннымъ фракъ и изцарапаннымъ лицо. По рапорту Кондырева, написанному въ духѣ Яковкина, повторяющему verba magistri, совершенно выгораживающему Аристова и прочихъ студентовъ, Ларіоновъ былъ во всемъ виноватъ. Причиною неблагоразумнаго и унизительнаго поступка г. Ларіонова, пишетъ онъ, нельзя полагать только то, что онъ въ сіе время былъ не въ надлежащемъ и своемъ видѣ, но собственность его характера; онъ часто и прежде, не внимая приказаніямъ вашего высокоблагородія, и не слушая просьбъ моихъ, чтобы не въ надлежащее время и не для нужнаго по его должности, не посѣщалъ комнатъ господъ студентовъ и не отвлекалъ ихъ отъ своихъ занятій, приходилъ почти во всякое время съ утра до ночи, садился въ кругъ студентовъ, занималъ ихъ словами, кои благопристойность воспрещаетъ упоминать здѣсь, однимъ словомъ, г. Ларіоновъ, рѣдко оставляя студентовъ даже и во время обѣда,

дѣлалъ на нихъ поступками и словами своими самое вредное впечатлѣніе въ отношеніи ихъ къ начальству, поведенію и ученію, развращалъ ихъ сердца и прерывалъ успѣхи къ образованію. Часто, съ горестію воздыхая при видѣ таковомъ, я умолялъ его оставить студентовъ въ покоѣ отъ своего посѣщенія; многіе изъ студентовъ сами просили его о томъ, не разъ по докладу моему вашему высокоблагородію ему воспрещаемо было, но онъ продолжалъ дѣлать свое: сколько было жалобъ, сколько неудовольствій"! и пр.

Это происшествіе, свое собственное разслѣдованіе („къ счастію, что я, бывши г. губернаторомъ (1) приглашаемъ на балъ и ужинъ, находился дома по причинѣ продолжающагося въ лѣвой щекѣ флюса") и рапортъ Кондырева Яковкинъ передалъ на разсмотрѣніе совѣта въ противность прежняго своего взгляда на дѣла подобнаго рода. „Важность сего проступка требовала, чтобы всѣмъ членамъ совѣта извѣстны были всѣ обстоятельства"—говоритъ онъ. Ларіоновъ тоже подалъ въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ всѣ обстоятельства дѣла излагалъ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ рапортъ, такъ и прошеніе были переведены адъюнктомъ Эрихомъ на языкъ латинскій. Совѣтъ однако не входилъ въ разсмотрѣніе этого дѣла, помня прежніе случаи, и опредѣлилъ представить его на благоусмотрѣніе попечителя. Яковкинъ писалъ послѣднему по слухамъ, что Ларіоновъ намѣренъ вовсе оставить службу при университетѣ и снова вступить въ военную, что и прежде онъ желалъ вступить въ милицію, но „поколѣ онъ останется нынѣшнимъ Ларіоновымъ, дотолѣ онъ нигдѣ спокойствія обрѣсти себѣ не возможетъ". Попечитель, на донесеніе совѣта о дракѣ между студентомъ Аристовымъ и Ларіоновымъ, отвѣчалъ, что изслѣдованіе необходимо, такъ какъ изъ рапорта Кондырева и донесенія Ларіонова нельзя правильно заключить: кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ и что совѣту, находясь на мѣстѣ, изслѣдовать это дѣло удобнѣе, чѣмъ ему въ Петербургѣ. Совѣтъ опредѣлилъ коммиссію изъ профессора Фукса и адъюнктовъ Запольскаго и Миллера для изслѣдованія, но коммиссія эта кажется къ дѣйствію не приступала и донесенія не представила никакого. Ларіоновъ остался на службѣ. Въ мартѣ слѣдующаго года Яковкинъ снова увѣдомляетъ попечителя, что Ларіоновъ, пришедъ въ

(1) Тѣмъ самымъ, который такъ недавно еще писалъ о немъ въ Петербургъ въ самомъ невыгодномъ смыслѣ.

камеру конторы, куда ему безъ особливаго позыву запрещено было входить послѣ того, какъ онъ тамъ ударилъ по щекѣ квартирмейстера, оставилъ тамъ написанную имъ дерзкую бумагу. Пришелъ же онъ, „надѣясь, какъ онъ самъ всѣхъ увѣряетъ, на особенныя милости къ нему в. п. Призванный и спрошенный, Ларіоновъ подтвердилъ, что онъ писалъ этотъ пасквиль. Контора представила это дѣло также на благоусмотрѣніе попечителя, но отвѣта не получила. Къ сожалѣнію *пасквиля* (по словамъ Яковкина) въ дѣлахъ не оказалось. Вскорѣ послѣ этого у Ларіонова умерла жена и Яковкинъ сочувствуетъ его горю: „Съ плачущимъ Ларіоновымъ не можно уже было удержаться отъ слезъ и еще въ такое время, когда мимо оконъ моихъ несли тѣло покойной на мѣсто погребенія“—сообщаетъ онъ попечителю. Но видно горе Ларіонова не было глубоко, а сочувствіе Яковкина продолжительно. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти жены его, какъ на имя Яковкина, какъ директора, поступила по нѣмецки писанная жалоба отъ дивизіоннаго пастора Геринга, что „10 декабря 1809 года губернскій секретарь Андрей Герасимовичъ Ларіоновъ въ восьмомъ часу вечера пришелъ къ воротамъ его дочери Варвары, вдовствующей Гейнрихсдорфъ и требовалъ, чтобы его впустили, но какъ его не впустили, то грозилъ онъ съ многою буйностью и нагло, будто съ нимъ два заряженные пистолета, изъ которыхъ одинъ назначенъ для его дочери, а другой для его самого; поелику же такой уголовный поступокъ запрещенъ, вышеобъявленный же *мужъ* (переводъ учителя Стефани) находится подъ вѣдомствомъ его, профессора директора, то и проситъ именемъ своей дочери ему г. Ларіонову, таковое строжайше запретить, и въ случаѣ его непослушности ему объявить, что будутъ поступать противъ него по формѣ законовъ „потому что каждый подъ покровительствомъ законовъ безопасно жить можетъ“. По разсмотрѣніи этой жалобы, контора опредѣлила, что она о поступкѣ Ларіонова, сдѣланномъ внѣ гимназіи, въ изслѣдованіе входить права не имѣетъ и объявила пастору, что онъ или дочь должны просить по законамъ, а о случаѣ донесла попечителю. Ларіоновъ однако остался недоволенъ, особенно тѣмъ, что контора донесла попечителю и въ свою очередь подалъ на контору жалобу ревизовавшему тогда губернію сенатору Обрѣзкову, присовокупляя, что и прежде онъ безвинно былъ

оштрафованъ 15 рублями. Сенаторъ объявилъ ему, по разслѣдованіи обстоятельствъ, что контора поступила правильно и, что если онъ по этому дѣлу опасается лишиться мѣста, то самъ виноватъ, а если чувствуетъ себя невиннымъ, то и бояться нечего.

Не смотря на всѣ эти приключенія, Ларіоновъ продолжалъ оставаться на службѣ, какъ ни желательно было повидимому Яковкину отдѣлаться отъ него. Въ этомъ случаѣ его сила у попечителя оказывалась слабою. Почему попечитель оставлялъ безъ вниманія всякую жалобу на Ларіонова и даже ни разу не удостоилъ отвѣтомъ Яковкина ни на одно изъ его сообщеній, почему онъ терпѣлъ его па службѣ —мы не знаемъ. Но очевидно этотъ задорный чиновникъ былъ bête noire Яковкина, выводилъ его изъ терпѣнія и онъ упорно продолжалъ сообщать начальнику своему, не смотря на молчаніе Румовскаго, о всѣхъ послѣдующихъ приключеніяхъ Ларіонова. Такъ въ декабрѣ 1810 года, хлопоча передъ попечителемъ о назначеніи экзекуторомъ въ университетъ, открытіе котораго предполагали въ скоромъ времени, хорошо извѣстнаго ему бывшаго экономомъ въ гимназіи коллежскаго ассесора Маньковскаго, онъ пишетъ: „Что же касается до Ларіонова (разсчитывавшаго также быть экзекуторомъ, согласно обѣщанію попечителя), то долгомъ моимъ поставляю донести, что при разныхъ случаяхъ, и послѣ нѣсколькихъ въ конторѣ постановленныхъ резолюцій, оказывался онъ довольно часто неисправнымъ, и даже дерзкимъ, а въ домашней жизни— женившись въ февралѣ, помнится, безпутствомъ своимъ дошелъ до того, что въ октябрѣ тесть его, коллежскій совѣтникъ и человѣкъ почтенный, но имъ обруганный и прибитый, принужденъ былъ дочь свою, также имъ обруганную и прибитую, и все ея приданое отъ него взять, такъ что онъ теперь живучи, ни холостъ, ни женатъ, ни вдовъ, шатается только, куда случится, всегда съ своими насмѣшками, обидчивостью и раздорами; а никакимъ добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ не внемлетъ“. Въ 1810 году совѣтъ заслушиваетъ жалобу наборщика университетской типографіи Крылова объ обидѣ „ругательствомъ и битьемъ“, нанесенной ему Ларіоновымъ на Хлѣбномъ рынкѣ. Нѣтъ причины полагать, чтобъ сообщенія Яковкина не имѣли дѣйствительнаго основанія, хотя нельзя также не замѣтить, что ему очень хотѣлось избавиться отъ Ларіонова; мы должны удивляться

этому доброму старому времени, въ которомъ не находилось средствъ удержать въ границахъ произволъ и дикія уклоненія такихъ натуръ, какъ Ларіоновъ, а сколько ихъ было тогда! И въ 1811 году Ларіоновъ снова выступаетъ на сцену. Ему запрещенъ входъ въ контору, больницу и къ студентамъ „по обнаруженному документами безпокойному его характеру". Изъ чиновниковъ гимназіи, по словамъ Яковкина, едва ли человѣкъ пять найдется кто бы на него не жаловался. Въ январѣ адъюнктъ Петровскій подаетъ на Ларіонова жалобу, что онъ прибилъ его мальчика и его самого обидѣлъ, „но я упросилъ Петровскаго, пишетъ Яковкинъ, бросить сіе дѣло, дабы чрезъ то не связаться съ Ларіоновымъ". Въ апрѣлѣ адъюнктъ Кондыревъ подаетъ новую на него просьбу, сперва Яковкину, потомъ въ совѣтъ, жалуясь на обиды, насмѣшки и ругательства со стороны Ларіонова. Споръ произошелъ изъ за комнаты, которую Яковкинъ отдалъ для собранія общества любителей словесности, гдѣ Кондыревъ былъ секретаремъ. Ларіоновъ, какъ смотритель домовъ, не соглашался на это, говоря, что комната эта принадлежитъ къ назначеннымъ для пріѣзда въ Казань попечителя и что у него есть предписаніе никому ихъ не отдавать. Ларіоновъ сталъ говорить дерзости Кондыреву: „ты не имѣешь никакого званія и чина, я на тебя и на всѣ твои достоинства плюю, я благородный, а ты нѣтъ" и пр. Кондыревъ въ заключеніи своей просьбы говоритъ, что „побудительною причиною оной была не личная только обида, а болѣе обида званія, чина и мѣста, мною занимаемыхъ, какъ адъюнкта, члена университета и совѣта", что „обиды, нанесенныя мнѣ губернскимъ секретаремъ Ларіоновымъ, могутъ послужить дурнымъ примѣромъ для студентовъ, кои при семъ находились и для подчиненности впредь прочимъ". Онъ проситъ разобрать дѣло и съ виновнымъ поступить въ силу законовъ, но совѣтъ не имѣлъ права на разбирательство, такъ какъ университетскій судъ не былъ открытъ и жалобу Кондырева опредѣлилъ представить попечителю, на его благоусмотрѣніе и разрѣшеніе какъ ему поступать въ подобныхъ сему случаяхъ. На этотъ разъ попечитель поручалъ совѣту: „призвавъ Ларіонова въ собраніе, сдѣлать ему *въ послѣдніе* строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели онъ и за симъ отъ сварливости своей не воздержится, и окажется въ подобномъ своевольствѣ, то никакъ болѣе терпимъ не бу-

детъ; впредь же для подобныхъ случаевъ, до учрежденія суда университетскаго, составить комитетъ, и о всякомъ дѣлѣ, съ представленіемъ своего мнѣнія, требовать его разрѣшенія. Комитетъ былъ составленъ, а Ларіонову, только послѣ вторичнаго призыва Яковкинымъ объявлено было предписаніе попечителя. Въ половинѣ слѣдующаго года, со смертью Румовскаго, прекращается выдающаяся роль Яковкина, а вмѣстѣ съ этимъ и его интимная переписка съ попечителемъ. Ларіоновъ, какъ кажется, уже не безпокоитъ никого.

Но, если Яковкину трудно было ладить съ бойкимъ и задорнымъ Ларіоновымъ, то по большей части онъ имѣлъ дѣло съ личностями безотвѣтными, которыя страдали отъ его деспотизма. Приведемъ въ заключеніе этой главы случай съ учителемъ латинскаго языка Кизюкинымъ (изъ студентовъ Московскаго университета), какъ доказательство этой грубой власти его. Кизюкинъ обратился къ попечителю; онъ пишетъ не жалобу, а проситъ снисхожденія, о чемъ заявляетъ два раза въ письмѣ. Въ началѣ іюня 1808 года Кизюкину объявлено было отъ совѣта, что къ будущему торжественному собранію гимназіи (5 іюля) онъ долженъ приготовить латинскую рѣчь. Не смотря на краткость времени, остававшагося до акта, онъ донесъ рапортомъ совѣту, что исполнитъ обязанность. По словамъ его, онъ написалъ болѣе половины и чрезъ два дни намѣревался кончить рѣчь и представить совѣту. „Но сего іюля 2-го (приводимъ его собственныя слова) случилось мнѣ несчастіе лишиться моей одиннадцатилѣтней дѣвочки, которую я съ года возраста и до сего времени воспитывалъ такъ какъ дочь, обучивши самъ ее грамотѣ и писать, и которая къ сожалѣнію и потерѣ моей нечаяннымъ образомъ утонула въ рѣкѣ“. Тѣло дѣвочки едва нашли чрезъ тринадцать часовъ; Кизюкинъ напрасно употреблялъ всѣ средства для возвращенія жизни утонувшей и, совершенно разстроенный, просилъ одного изъ сослуживцевъ довести до свѣдѣнія начальства, что онъ не въ состояніи окончить рѣчь, но директоръ приказалъ ему объявить, чтобы рѣчь во всякомъ случаѣ была кончена и представлена въ срокъ. Это было 3 іюля, когда нашли утопленницу. Въ тотъ же день вечеромъ, возвращаясь отъ приходскаго священника и проходя мимо квартиры учителя Бѣлоусова, большаго пріятеля Яковкину (онъ очень хлопоталъ передъ попечителемъ о доставленіи этому воспитаннику старой казанской духов-

ной академіи учительскаго мѣста въ Казани), онъ подошелъ къ его открытому окну и увидѣлъ у него сидящихъ инспектора и директора. Кизюкинъ сталъ лично просить директора уволить его отъ чтенія рѣчи, но директоръ настаивалъ: „Велика ли фигура, что дѣвка у тебя утонула? Это не есть законная причина“—говорилъ Яковкинъ. „Найдя себя при случаѣ въ болѣе смущенномъ положеніи, и дабы г. директоръ уважилъ настоящее мое состояніе, въ учтивыхъ выраженіяхъ, представилъ ему я невольнымъ образомъ сравненіе сей моей потери съ потерею нѣкогда его постигшею (смерть сына), не сравнивая однакоже лицъ той и другой потери, что принявъ онъ г. директоръ за личную себѣ обиду и сочтя за знакъ моего къ нему неуваженія, выразилъ въ полной мѣрѣ свое неудовольствіе“. Представляя все это попечителю, Кизюкинъ прибавляетъ, что „еслибы я не былъ въ такомъ положеніи, ручаться за себя смѣю, что я бы и сего сравненія употребить себя не вынудилъ“. На третій день послѣ этого, Кизюкинъ былъ на урокѣ и потомъ зашелъ въ контору къ казначею за жалованьемъ. Тотъ уже сталъ отсчитывать деньги, какъ вдругъ вошелъ директоръ и не велѣлъ ему выдавать жалованья, „сказавъ при томъ, что я оказалъ ему грубость несообразнымъ выше мною упомянутымъ сравненіемъ“. Яковкинъ увѣдомилъ конечно совѣтъ объ отказѣ Кизюкинымъ окончить рѣчь, считая причину имъ выставленную, незаконною, такъ какъ утонувшая дѣвочка была дочь служанки, но умолчалъ о своемъ распоряженіи не выдавать жалованье. Кизюкинъ подалъ въ отставку, но онъ обязанъ былъ службою, срокъ которой еще не кончился. Попечитель, на донесеніе совѣта, отвѣчалъ, что онъ признаетъ обстоятельство, препятствовавшее Кизюкину окончить рѣчь, извинительнымъ и тотъ остался служить.

Не имѣемъ основаній сомнѣваться въ правдѣ разсказаннаго Кизюкинымъ.

Глава IV.

Торжественныя собранія въ университетѣ и ихъ обстановка. Первыя рѣчи профессоровъ до открытія университета въ 1814 году.—Знатные посѣтители университета и ревизоры. — Студенты; число ихъ; успѣхи.— Учители; ихъ приготовленіе и экзамены. — Курсы наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ: приготовительный и спеціальный.

Въ первые годы по основаніи университета нельзя было конечно дѣлать какія либо заключенія объ успѣхахъ учащихся; все развитіе университета принадлежало будущему и только будущее могло судить о томъ, какое новое содержаніе вноситъ университетъ въ старую жизнь. Передъ нами показная, внѣшняя сторона, публичные экзамены и торжественные акты, на которыхъ приглашаемая и собравшаяся публика могла судить по своему объ успѣхахъ студентовъ и составлять понятіе о томъ, что такое университетъ по тѣмъ рѣчамъ, какія произносились въ торжественныхъ собраніяхъ и по отчетамъ о состояніи университета за прошедшій годъ. Отчеты эти стали составляться и читаться гораздо позднѣе и долго ихъ не было. За неимѣніемъ вообще гласности, и въ особенности въ такомъ далекомъ углу

какъ Казань, эти торжественныя собранія, или какъ привыкли ихъ искони называтъ—акты, были единственнымъ въ году случаемъ, когда общество могло что нибудь узнать объ университетѣ, единственнымъ случаемъ, когда онъ могъ дѣйствовать на общество внѣшнею, мундирною стороною своею и обстановкою, на сколько позволяли ее устроить болѣе или менѣе внушительнымъ образомъ скудныя провинціальныя средства. Въ тѣ старые годы на эту внѣшнюю сторону обращали особенное вниманіе, съ тою цѣлію, чтобы дать на сколько можно возвышенное понятіе обществу объ университетѣ и директоръ Яковкинъ обыкновенно развертывалъ на этихъ показныхъ собраніяхъ всю свою ловкость, расторопность и изобрѣтательность. Музыка, пѣніе, разноязычныя рѣчи профессоровъ и студентовъ, непремѣнно и всегда рисунки и чертежи, раздача шпагъ торжественно тѣмъ, которые переводились изъ гимназіи въ университетъ, и въ особенности угощеніе приглашенныхъ—были тѣми приманками, которыми старались привлечь тогда какъ въ гимназію такъ и въ университетъ по возможности больше публики, особенно почетной, чиновной, дворянской, такъ какъ ея только мнѣніе господствовало тогда и признавалось. Въ Казани на акты являлись даже и богатые татары, для нихъ печатались прежде особыя приглашенія—на татарскомъ языкѣ. Ни публичныхъ лекцій, ни ученыхъ обществъ, ни университетскихъ изданій тогда не существовало, какъ вообще всякой публичности, кромѣ этихъ актовъ. Профессора не руководили тогда ни дѣятельнымъ, ни пассивнымъ, охраняющимъ образомъ губернскою прессою, не участвовали ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ городскихъ думахъ, гдѣ въ настоящее время они могутъ съ такимъ удобствомъ и знаніемъ проявить разнообразные таланты свои, какъ ораторскіе, такъ литературные и административные и доказать свое горячее желаніе служить обществу. Были одни только акты во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти акты сохранились еще въ университетѣ съ традиціонною почти обстановкою, за исключеніемъ угощенія, и раздачи шпагъ, даже съ тѣмъ самымъ, выносимымъ 5 ноября „ковчегомъ“ для храненія грамоты и устава (1804 года) Казанскаго университета, — „изъ цѣльнаго краснаго дерева (впрочемъ гдѣ дерево толще вершка, тамъ употреблена только толстая изъ краснаго дерева наклейка), съ львиными лапами для его поддержанія“, сдѣланнымъ по рисунку знако-

маго уже намъ архитектора Смирнова иностранцемъ столяромъ Эбертомъ за 125 р. ассигнаціями по заказу Яковкина въ 1805 году. Въ гимназіяхъ, сколько извѣстно, такіе акты уже не существуютъ, а если и есть они, то совершаются келейнымъ маneромъ. А жаль, что общество не можетъ судить объ успѣхахъ гимназіи, когда вспомнишь, что каждая нѣмецкая гимназія ежегодно печатаетъ свою программу и отчетъ, гдѣ читатель, кромѣ свѣдѣній о самой гимназіи, найдетъ всегда какую нибудь Rede, свидѣтельствующую о томъ, что или директоръ или учитель слѣдитъ за любимою и избранною имъ наукою и касается болѣе или менѣе интереснаго и нетронутаго въ ней вопроса, соединяя такимъ образомъ педагогію съ собственнымъ научнымъ развитіемъ.

Впрочемъ Яковкинъ жалуется, что „публика казанская на посѣщенія (экзаменовъ и актовъ) столько скупа, что кажется и не заботится каково обучаются дѣти и родственники“. Первый университетскій актъ происходилъ менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ основанія университета, послѣ экзаменовъ 9 іюля 1805 года. Яковкинъ жалѣлъ, что для него „должно будетъ съ поклонами выпрашивать императорскіе портреты“, такъ какъ своихъ еще не было. Собраніе, какъ видно изъ письма Яковкина, было „многолюднѣйшее предъ всѣми прочими“ и „кончилось благополучно, порядочно, величественно, гдѣ нужно было, и къ полному удовольствію всей публики.“ Не были на актѣ однако главныя лица, обыкновенно присутствовавшія: архіерей и губернаторъ. „Архіерей поутру чрезъ протодьякона отозвался болѣзнію, а г. губернаторъ въ пятницу поѣхавъ по какимъ-то экстреннымъ дѣламъ въ Свіяжскъ, еще не возвратился.“ Но „изъ имѣющихъ право носить бѣлый плюмажъ“ были за то: г. вице-губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты, генералъ-маіоръ Бестужевъ-Рюминъ, Толстой, и изъ свиты посольства въ Китай братъ Фонъ Сухтелена, камеръ юнкеръ Нелидовъ съ „лучшими“ своими спутниками и начальники духовной казанской академіи. „Стеченіе было необыкновенно, а особливо дамъ, такъ что къ прежде приготовленнымъ, хотя и со стороны выпрошеннымъ, за неимѣніемъ своихъ, осьми дюжинамъ креселъ и стульевъ, взяты были и отъ меня четыре дюжины“—сообщаетъ Яковкинъ. Передадимъ въ тогдашнихъ подробностяхъ какъ происходилъ этотъ актъ соединенныхъ въ то время казанскихъ университета и гимназіи,

такъ какъ и послѣдующіе, до открытія университета, устраивались по его образцу (¹).

Собраніе открылось въ 5 часовъ по полудни „огромною“ симфоніею. Послѣ нея учитель высшаго россійскаго класса въ гимназіи *Ибрагимовъ* читалъ *большую* русскую рѣчь „Объ успѣхахъ отечественной словесности.“ Послѣ рѣчи снова исполняли музыкальную пьесу, а во время ея публикѣ подносили мороженое. Вслѣдъ за тѣмъ учитель высшаго нѣмецкаго класса, духовникъ пресвитеръ *Данковъ* читалъ *большую* нѣмецкую рѣчь „Объ усовершенствованіяхъ гимназическаго ученія (²).“ Въ третій разъ заиграла музыка по окончаніи этой рѣчи, публику подчивали медомъ и оршадомъ и за тѣмъ директоръ-профессоръ, вставъ съ своего мѣста и взявъ въ руки всемилостивѣйше дарованную Казанскому университету грамоту, лежавшую на столѣ передъ каѳедрою вмѣстѣ съ оригинальнымъ уставомъ, объявилъ, что студентамъ университета предоставлено право носить шпаги и что начальство приличнѣйшимъ почло *обрядъ раздачи шпагъ* совершить торжественно при нынѣшнемъ публичномъ собраніи. Прочитавъ за тѣмъ изъ грамоты параграфъ, этотъ обрядъ предписывающій, онъ вызывалъ каждаго студента поименно, а шпаги подавалъ вице-губернатору, „какъ старшему градоначальнику въ отсутствіе губернатора, который съ приличными привѣтствіями отдавалъ каждому подходившему студенту“ (такимъ образомъ было роздано 32 шпаги). Въ продолженіе всей этой церемоніи, съ самаго того времени какъ Яковкинъ взялъ въ руки грамоту, вся публика стояла на ногахъ, а при вызо-

(¹) Описаніе этого перваго акта напечатано въ *Період. сочин.* о успѣхахъ народн. просвѣщ. 1805 г., № XIII, стр. 74—77, но въ значительно сокращенномъ видѣ.

(²) Объ Ибрагимовѣ было уже нами говорено (стр. 130—131); о Данковѣ, законоучителѣ, тоже (стр. 131). Любопытно, что когда попечитель изъ меморіи совѣта узналъ, что Данковъ намѣренъ на актѣ произнести рѣчь «объ исправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ или погрѣшностей въ преподаваніи гимназическихъ наставленій», онъ счелъ нужнымъ въ особомъ предложеніи замѣтить совѣту, «что о недостаткахъ или погрѣшностяхъ какихъ бы то ни было, требующихъ поправленія, предлагать въ публичномъ собраніи неприлично, но обыкновенно предлагается о семъ на общее разсужденіе членовъ, общество какое либо составляющихъ.» Поэтому онъ предлагалъ рѣчь отмѣнить, а отца духовника просилъ представить свои замѣчанія на общее разсужденіе совѣта. Но было уже поздно, предложеніе пришло спустя нѣсколько дней послѣ акта. Къ сожалѣнію рѣчей Ибрагимова и Данкова въ архивныхъ дѣлахъ не оказалось.

вѣ каждаго студента, въ то время какъ онъ подходилъ, бралъ шпагу и уходилъ, „играны были маленькія, торжественныя, нарочно учителемъ музыки Нейманомъ сочиненныя пьесы на трубахъ и волторнахъ (¹).“

Послѣ раздачи шпагъ директоръ профессоръ попросилъ публику занять свои мѣста, и, обратившись къ гимназистамъ, объявилъ имена тѣхъ казенныхъ учениковъ, которые за успѣхи въ ученіи и поведеніе переводятся въ университетъ (ихъ было восемь, изъ которыхъ двое своекоштныхъ) „а ученики сіи вышедъ отъ гимназистовъ съ лѣвой руки на средину залы и оказавъ публикѣ почтеніе свое поклономъ, „переходили на правую сторону зала къ студентамъ“. Послѣ этого директоръ-профессоръ обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: „Господа студенты Казанскаго университета! Доставляя вамъ одно изъ преимуществъ, предустановленныхъ отъ всемилостивѣйшаго монарха нашего Казанскому университету грамотою, долгомъ поставляю напомнить вамъ, какъ и привыкъ уже съ вами бесѣдовать, что всякое отличіе, всякая почесть даруются въ поощреніе преуспѣянія, въ ободреніе подвиговъ, въ назиданіе блага общественнаго. И такъ, созерцая и изливаемыя на васъ монаршія милости и особенное вниманіе начальства вашего къ успѣхамъ вашимъ въ ученіи и нравственности, шествуйте неослабно и непостыдно предлежащимъ вамъ путемъ полезныхъ на службу отечества знаній и потщитеся являть себя достойными и предпріемлемыхъ о васъ попеченій и предначертанныхъ монаршею десницею для васъ отличій“. За тѣмъ нѣкоторые студенты выходили на средину залы, къ каѳедрѣ и читали: *Василій Перевощиковъ* — оду, *Иванъ Панаевъ*—стихи, а *Петръ Кондыревъ*—благодарственную отъ имени всѣхъ студентовъ рѣчь къ портрету государя императора и къ публикѣ. По окончаніи студентскихъ стиховъ и рѣчей снова заиграла музыка, а публикѣ подносили лимонадъ и медъ, „директоръ же прочитавъ предварительно параграфъ изъ положенія о гимназіи касательно

(¹) На другой годъ эта торжественная раздача шпагъ на актѣ, по настоянію членовъ совѣта, была отмѣнена и шпаги раздавались по окончаніи экзаменовъ въ университетѣ только въ присутствіи студентовъ. Въ 1806 году, не смотря на настоянія Яковкина «наступающее публичное собраніе расположить сколько возможно сообразнѣе съ прошлогоднимъ», собраніе это было собственно только гимназическимъ.

награжденія учениковъ похвальными листами и книгами, вызывалъ каждаго удостоеннаго и подавалъ генералъ-маіору Бестужеву-Рюмину и другимъ съ нимъ бывшимъ знатнѣйшимъ посѣтителямъ похвальные листы съ книгами для врученія ученикамъ, книги же спасскому архимандриту Антонію. „Таковую вѣжливость въ раздачѣ шпагъ и гимназическихъ награжденій директоръ - профессоръ почелъ нужною для вящаго привлеченія публики впредь къ будущимъ собраніямъ, равно и для того, дабы обрядъ сей сдѣлать въ очахъ публики и учащихся тѣмъ торжественнѣе“—пишетъ въ своемъ рапортѣ Яковкинъ.

По раздачѣ книгъ (безъ музыки) и похвальныхъ листовъ (съ музыкою), говорены были привѣтственныя къ публикѣ *малыя* рѣчи учениками на французскомъ, нѣмецкомъ, татарскомъ и латинскомъ языкахъ, а послѣ нихъ директоръ-профессоръ всталъ съ своего мѣста и заключилъ собраніе слѣдующимъ привѣтствіемъ публикѣ и наставленіемъ для учащихся:

«Почтеннѣйшіе посѣтители! Предстоящіе юноши, въ семъ заведеніи образуемые, удостоившись одобрительнаго вашего присутствія, въ полной мѣрѣ ощущаютъ честь пріемлемаго вами сочувствія въ ихъ подвигахъ и потщатся всегда всѣми силами удовлетворять ожиданію монарха, отечества, начальства и вашему; настоящимъ же торжественнымъ собраніемъ оканчивается предписанное годичное учебное время. Но какъ во всей природѣ успокоеніе по трудахъ состоитъ непремѣннымъ закономъ, то и вамъ, предстоящіе юноши! во исполненіе § 64 Высочайше предначертаннаго устава, возвѣщая отдохновеніе отъ настоящаго времени до 12 числа августа, обязанностью моею поставляю преподать вамъ нелестный совѣтъ, что всякое отдохновеніе долженствуетъ быть приуготовленіемъ къ новымъ трудамъ важнѣйшимъ.»

Въ заключеніе „проиграна была музыкою опять огромная (вѣроятно громкая) и скорая пьеса“. Въ это время многіе „изъ любителей учености обоего пола“ подходили къ столу, находившемуся предъ каѳедрою и разсматривали чертежи, рисунки и другія классическія упражненія гимназистовъ. Всѣ музыкальныя пьесы на актѣ исполнены были самими студентами и гимназистами. „Удовольствіе, начертанное на лицахъ присутствовавшихъ, ясно показывало то сочувствіе, какое принимали они въ семъ торжествѣ“.

Мы съ намѣреніемъ привели подробное описаніе перваго торжественнаго собранія университета и соединенной съ нимъ гимназіи для того, чтобъ можно было видѣть какими средства-

ми и какими приманками старались привлечь тогда общество къ такому новому дѣлу какъ университетъ. Общество, о которомъ хлопотали и заботились, которому льстили и которое угощали тогда, давно потеряло свою силу и значеніе. Въ традиціонной обстановкѣ современныхъ университетскихъ актовъ, исчезли старыя наивности ихъ, многое поблѣднѣло, потеряло прежнюю окраску, наука демократизировалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и окрѣпла; она не кланяется, не заискиваетъ, не льститъ, а преслѣдуетъ гордо и свободно свои вѣчные идеалы. Въ ту пору она походила, по крайней мѣрѣ по названію и по происхожденію, на робкую Mädchen aus der Fremde, воспѣтую Шиллеромъ; теперь, благодаря Бога, она не чужая, но своя, не гостья, а почти хозяйка. И, если теперь масса званыхъ и не званыхъ наполняетъ на актахъ университетскую залу, то, хотя эта публика и не проливаетъ, какъ это было въ доброе старое время, если вѣрить его описаніямъ, „слезъ умиленія и благодарности", то мы знаемъ какія гораздо высшія и благороднѣйшія побужденія собрали ее на актъ.

Торжественное собраніе происходило тогда обыкновенно въ началѣ іюля, по окончаніи экзаменовъ какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, потомъ, когда гимназія отдѣлилась отъ университета—въ началѣ іюня, и его особенно желали сдѣлать торжественнымъ, приглашая на него и власти и представителей высшаго губернскаго общества. День 5 ноября, т. е. день подписанія императоромъ Александромъ I устава Казанскаго университата стали праздновать только въ 60-е годы, со времени университетскаго устава 1863 года. Въ первые годы поминали также и день, когда Румовскій положилъ основаніе университету, 14 февраля. Такое празднество устроилъ въ первый разъ въ 1806 году, черезъ годъ по основаніи университета, Яковкинъ. Студенты въ залѣ составили „свой домашній патріаршій (?) концертъ"; были приглашены исключительно университетскіе чиновники, угощали чаемъ и „нѣкоторыми не столь дорогими закусками". По желанію попечителя въ 1807 году воспоминаніе открытія университета должно было праздноваться особенно торжественнымъ образомъ: „Желалъ бы я, пишетъ онъ, чтобы сдѣлано было публичное собраніе, въ которомъ бы читаны были двѣ рѣчи, одна на россійскомъ, а другая на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, изъявляющія благодарность Виновнику сего учрежденія".

Все было готово къ этому собранію. Городчаниновъ написалъ русскую рѣчь „О дѣйствіи просвѣщенія на разумъ и сердце“, а проф. Германъ нѣмецкую: „Etwas über die Cultur der Menschheit“, но попечитель вѣроятно вслѣдствіе тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ отмѣнилъ торжественное собраніе, говоря въ своемъ предложеніи, что „обстоятельства измѣнились“. Онъ предписывалъ только „за изліянныя на университетъ и гимназію милости, не приглашая публики, принесть Господу Богу благодареніе слѣдующимъ образомъ: Наканунѣ того достопамятнаго дня, въ гимназическомъ домѣ, отпѣть всенощное бдѣніе, въ самый же день собравшись быть у литургіи, и потомъ въ залѣ гимназіи отпѣть благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ. Послѣ сего воспитанники садятся за столъ, *получше приготовленный*, а духовенство, присутствующихъ гг. профессоровъ, адъюнктовъ и учителей и другихъ чиновниковъ директоръ, главный и комнатные надзиратели, какъ хозяева, угощаютъ по обыкновенію. На угощеніе сіе и воздаяніе священнослужившихъ и приготовленіе воспитанникамъ только лучшаго сверхъ обыкновеннаго стола директоръ можетъ употребить до 50 рублей“. Все ограничилось „церемоніей, хотя простой, но купно и величественной“: ходомъ въ церковь, объявленіемъ именъ гимназистовъ, назначенныхъ къ переводу въ университетъ, наконецъ прочитаны были торжественно „списки пожертвованій чиновъ университета и гимназіи на пользу отечества при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ. Да будутъ сіи знаки истиннаго усердія благопріятны Богу, Государю и начальству, якоже двѣ лептѣ вдовицы“—прибавляетъ Яковкинъ въ своемъ донесеніи.

Открытіе университета, т. е. введеніе вполнѣ устава 1804 года, съ факультетами, выбранными ректоромъ и деканами послѣдовало также въ торжественномъ собраніи въ этотъ день, т. е. 14 февраля 1814 года. Кромѣ того праздновались царскіе дни: 12 марта (день восшествія на престолъ), 22 сентября (день коронованія) и 30 августа (тезоименитства государя императора): по вечерамъ домашними концертами и дешевымъ угощеніемъ, а по утрамъ торжественнымъ ходомъ въ церковь къ обѣднѣ студентовъ, гимназистовъ и учителей. „У небывшихъ въ церкви по предварительному наканунѣ извѣщенію, предписалъ я, пишетъ разъ Яковкинъ дежурному офицеру, отобрать отвѣты, давъ имъ на замѣчаніе, что неисполненіе приказаній начальства

подлежитъ не только отвѣту, но и суду". Главный корпусъ въ такіе дни иллюминовался плошками, а прочіе университетскіе дома—свѣчами въ окнахъ.

Понятно, что Яковкинъ, стараясь привлечь на торжественныя собранія какъ можно больше имѣющей вѣсъ публики, преслѣдовалъ не только общія цѣли—показать товаръ лицомъ, но и свои собственныя: ему важно было имѣть увѣренность, что какой нибудь знатный путешественникъ или лицо чѣмъ нибудь извѣстное, случайно посѣтившее актъ, доведетъ до свѣдѣнія высшаго петербургскаго начальства тѣ хорошія впечатлѣнія, какія оно вынесло съ акта, а слѣдовательно о достойной и одобрительной дѣятельности неутомимаго директора. Такъ на гимназическомъ актѣ 1806 года „удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ почтенный старецъ Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, возвращаясь изъ Сибири въ Петербургъ. Можно было примѣтить на лицѣ его начертанное удовольствіе, которое обѣщалъ еще изъявить, какъ самовидецъ происходившаго, какъ в. п. такъ и господину министру народнаго просвѣщенія. Онъ же раздавалъ подаваемые ему мною похвальные листы съ книгами". Гимназическій актъ 1807 года 10-го іюля, по убѣжденію Яковкина, былъ особеннымъ для него торжествомъ, такъ какъ онъ думалъ, что на немъ онъ побѣдилъ губернатора и видимыми успѣхами учениковъ доказалъ всю ложь его доноса, сдѣланнаго имъ въ началѣ этого года. Мансуровъ присутствовалъ въ собраніи. „Къ крайнему его удивленію, сообщаетъ Яковкинъ, Провидѣніе,—смѣю истинно увѣрить, Провидѣніе,—тѣмъ ваще обнаружило клевету, взведенную на гимназію и ея начальство. По предварительному назначенію учителей на приватныхъ инспекторскихъ экзаменахъ доказаннымъ на публичныхъ экзаменахъ успѣхомъ, по свидѣтельству главнаго и комнатныхъ надзирателей объ отлично хорошемъ поведеніи питомцевъ и по моему подтвержденію оказалось учениковъ награжденіе заслуживающихъ несравненно болѣе, нежели въ прежніе годы, какъ и всѣми членами совѣта признано, и совѣсть моя ни мало меня не упрекаетъ за каковой либо въ семъ дѣлѣ подлогъ, такъ что я возсылаю только чистѣйшую благодарность къ Оправдывающему невинность и Посрамляющему клеветы. Изъ донесенія совѣта объ ономъ подробно усмотрѣть соизволите, а поступившія уже и вновь поступающія просьбы о принятіи новыхъ учениковъ доказываютъ

къ гимназіи и ея начальству, вмѣсто умаленія или недостатка, какъ извѣщалъ г. губернаторъ, тѣмъ паче увеличивается". Яковкинъ хлопоталъ о напечатаніи описанія этого торжественнаго собранія и усердно просилъ о томъ попечителя (¹), „для отраженія клеветы". Въ печатномъ описаніи акта между прочимъ говорилось: „посѣтители разсматривали классическія упражненія, обозрѣвали гимназическую и университетскую библіотеку и кабинетъ натуральный, и въ полной мѣрѣ чувствованій благоговѣнія къ Виновнику, Распространителю и всещедрому Споспѣшнику просвѣщенія во всѣхъ краяхъ отечества, *изъявили торжественно свое удовольствіе въ разсужденіи успѣховъ* обучающагося юношества". На актѣ читалъ рѣчь адъюнктъ Запольской „О самолюбіи" (²).

Первымъ, собственно университетскимъ публичнымъ собраніемъ, Яковкинъ называлъ актъ, бывшій 30 августа 1807 года уже по заключеніи Тильзитскаго мира, потому что въ немъ не участвовала гимназія. О собраніи гимназическомъ мы только что говорили. Университетскій актъ обставленъ былъ особенно торжественно, о чемъ разумѣется постарался Яковкинъ. Такъ называемыя тогда *большія* рѣчи, въ отличіе отъ *малыхъ*, которыя говорились гимназистами, а иногда и студентами, произнесены были упомянутыя нами, изготовленныя прежде профессоромъ *Германомъ* и адъюнктомъ по русской словесности *Городчаниновымъ* (³). По сравненію съ настоящими университетскими рѣчами эта, по тогдашнему *большая* рѣчь Городчанинова, можетъ быть справедливо названа очень маленькой: въ ней менѣе листа печатнаго. Все содержаніе ея исчерпано въ заглавіи и она не имѣетъ никакого отношенія къ какой либо наукѣ, представляя лишь реторическое упражненіе, дѣтское даже и по тому времени.

Кромѣ этихъ рѣчей, кандидатъ *Кондыревъ* читалъ свои стихи, сочиненные собственно для этого торжества, а Яков-

---

(¹) Оно напечатано въ *Період. сочин.* 1807 г. № XIX., стр. 215—217.

(²) Напечатана не была. Къ сожалѣнію ее также мы не нашли въ дѣлахъ.

(³) Рѣчи Германа мы также не нашли въ дѣлахъ. Рѣчь Городчанинова была первою печатною казанскою рѣчью, хотя напечатана она не въ Казани. (СПБ., типографія Шнора, 1808. 8º 16 стр.).

кинъ два раза привѣтствовалъ публику. Въ приличныхъ мѣстахъ играла музыка, а хоръ, состоящій изъ студентовъ и гимназистовъ, также три раза пропѣлъ изъ гимна, сочиненнаго тѣмъ же Кондыревымъ и аранжированнаго учителемъ музыки Новиковымъ. „Весь генералитетъ, кромѣ гг. губернатора и вице-губернатора, не бывшихъ въ городѣ“, почетнѣйшіе люди (кромѣ духовенства, бывшаго всего на обѣдѣ у архіерея въ загородномъ его Новомъ Іерусалимѣ) и множество дамъ присутствовали на собраніи, начавшемся въ половинѣ пятаго и окончившемся въ седмь часовъ пополудни. На опредѣленные 25 рублей изъ общей суммы угощенія (состоявшаго изъ двухъ мороженыхъ, аршаду, лимонаду, арбузовъ и яблоковъ) приглашенные мною всѣ университетскіе чиновники и студенты открыли балъ, окончившійся ужиномъ, въ первомъ часу по полуночи, а съ восьми часовъ иллюминованы были плошками и свѣчами всѣ университетскіе и гимназическіе жилые дома, какъ между тѣмъ вездѣ по городу было темно, по причинѣ отсутствія градоначальства, во избѣжаніе долженствовавшаго у него быть бала“ (язвительно прибавляетъ Яковкинъ) (¹).

Въ 1808 году собственно университетскаго акта ни 14 февраля, ни 30 августа, по неизвѣстнымъ причинамъ, не было, но обычное торжественное собраніе гимназіи „было величественно и многочисленно и окончилось совершенно порядочно и благополучно“. Яковкинъ снова проситъ попечителя, чтобы описаніе было пропечатано въ столичныхъ вѣдомостяхъ „для дальнѣйшаго отраженія и посрамленія всякой клеветы и зависти“ (²). Не могъ Яковкинъ не уколоть губернатора все за тотъ же доносъ: „Довольно явствен-

---

(¹) Очень хотѣлось Яковкину пріобрѣсти для освѣщенія университетскихъ зданій «въ знаменитѣйшіе торжественные дни», «для предписанныхъ иллюминацій», шесть *прозрачныхъ картинъ*: четыре для параднаго крыльца и двѣ между угловыми колоннами главнаго зданія. Учителямъ живописи и рисованія приказано было составить эскизы и смѣты; совѣтъ представлялъ о заказѣ ихъ попечителю, но онъ отказалъ: «Минтра мнѣ, писалъ онъ совѣту, что иллюминаціи могутъ быть дѣлаемы съ благоприличіемъ и безъ оныхъ картинъ». Въ замѣнъ ихъ у странствующаго итальянца купили транспаранъ въ видѣ пирамиды съ прорѣзнымъ *вензелемъ Государя*. Онъ очень долго служилъ.

(²) Напечатано въ *Період. Сочин.* 1809 г. № 22, стр. 202—203. Въ этомъ описаніи сказано, что собраніе происходило въ присутствіи губернатора и вице-губернатора и что посѣтители «торжественно признали отличные успѣхи обучающагося юношества».

но обнаружена была при семъ самимъ губернаторомъ собственная его простота, когда онъ, разсматривая классическія упражненія, отдавалъ публично справедливость успѣхамъ, порядку и рачительности всего гимназическаго корпуса. Вмѣстѣ съ нимъ случился быть на собраніи какой-то г. Собакинъ, по достовѣрному нѣкоторыхъ увѣренію, объѣздившій большую часть Европы для пріобрѣтенія большихъ познаній, говорящій на многихъ европейскихъ языкахъ и состоящій въ близкомъ знакомствѣ со всѣми нашими вельможами, что, кромѣ увѣренія нѣкоторыхъ, могъ я и изъ того замѣтить (?), когда онъ послѣ собранія, подошедъ ко мнѣ, особенно благодарилъ за успѣхи учащихся и величественность самаго собранія, приписывая ихъ здѣшнему управленію, о чемъ обѣщалъ нарочно говорить и съ его сіятельствомъ г. министромъ просвѣщенія, а я, благодаривъ его за то, присовокупилъ, что двадцатилѣтняя почти моя въ Петербургѣ служба, подъ особеннымъ его сіятельства управленіемъ, не могла еще кажется, изгладить меня изъ памяти его".

Университетскій актъ 14 февраля 1809 года происходилъ обычнымъ порядкомъ. Отличіе его отъ прежнихъ состояло въ томъ, что наканунѣ въ большой залѣ всѣ слушали всенощное пѣніе, а въ самый день собранія всѣ члены университета и гимназіи церемоніально ходили въ церковь, по возвращеніи же изъ нея въ залѣ былъ отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ и колѣнопреклоненіемъ, „а потомъ всѣ подчиваны были завтракомъ". Актъ открылся симфоніей, за которой слѣдовала *большая* латинская рѣчь профессора греческой словесности *Сторля*: „De natura rerum sincero ac unico fonte universae aesthesis". Рѣчь эту едва ли кто либо понялъ изъ студентовъ и слушателей, которыхъ Сторль называлъ praenobilissimi, amplissimi atque doctissimi. Она посвящена была эстетикѣ вообще и говорила о природѣ, какъ настоящемъ и единственномъ источникѣ эстетическаго чувства, о pulcrum, о bonum, о magnum. Но какъ въ университетскихъ актовыхъ рѣчахъ должна была выражаться „благодарность виновнику сего учрежденія", т. е. университета, то Сторль, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей рѣчи, старается соединить отвлеченные вопросы своей темы съ современностью. Такъ восклицаетъ онъ въ началѣ, обращаясь къ

природѣ: „O tu, quae mundi prisci monimentis centum diceris nominibus, sub centum sensibus nostris illudis formis, alma mater rerum, quis nostrum est, qui Alexandrum I. cimaeliorum tuorum pretiosius grata mente non affirmat? Въ первый разъ, хотя и полатыни, публично назывались въ Казани произведенія античной пластики: ватиканскій Аполлонъ, боргезскій гладіаторъ, медицейская Венера, Лаокоонъ, группа Ніобы и опредѣлялся стиль ихъ (очевидно однако Сторль знакомъ былъ съ ними лишь по Винкельману), упоминались имена Фидія и Праксителя и ихъ главнѣйшія произведенія, приводилась даже, въ латинскомъ переводѣ, нѣсколько скабрезная греческая эпиграмма къ Фидію по поводу его Юноны: „tibi, o beate, soli datum fuit Junoni visibilia mirari membra, nam ea quae infra pectus sunt, Jovi sunt reservata“. Сторль, будучи библіотекаремъ, знакомилъ нѣкоторыхъ студентовъ съ произведеніями древняго искусства по тѣмъ дорогимъ описаніямъ разныхъ европейскихъ музеевъ и галлерей, которыя заключались въ Потемкинской библіотекѣ.

Послѣ рѣчи Сторля и послѣ музыки читана была кандидатомъ Кондыревымъ, по случаю болѣзни автора, рѣчь адъюнкта прикладной и опытной физики *Запольскаго* „О природѣ вообще и въ отношеніи къ человѣку“ ([1]). Но собраніе это особенно любопытно потому, что на немъ Яковкинъ въ первый разъ читалъ нѣчто въ родѣ отчета за исполнившееся четырехлѣтіе университета. Въ немъ не упоминалось впрочемъ ни одного имени, приводились только цифры и факты и говорилось также о развитіи учебныхъ пособій университета: библіотеки, кабинетовъ и пр. ([2]). На актѣ роздано было все же 13 шпагъ „при играніи на трубахъ и литаврахъ“ и въ заключеніе опять таки кандидатъ *Кондыревъ* (членъ и секретарь общества отечественной словесности) прочиталъ свою оду, очень длинную и совершенно бездарную.

Въ 1810 году ни 14 февраля, ни 30 августа не было университетскаго собранія. Годъ этотъ для Яковкина, какъ

---

(1) Этой рѣчи Запольскаго, какъ и его прошлогодней, въ дѣлахъ не оказалось. Она не была даже представлена попечителю.

(2) Рѣчь Яковкина «О четырегодичныхъ упражненіяхъ Казанскаго университета» напечатана въ *Період. Сочин*, 1810 г. №. XXIV, стр. 65—74, а описаніе акта, стр. 40—41.

мы увидимъ, былъ по всей вѣроятности климактерическимъ: новый министръ народнаго просвѣщенія, собственная болѣзнь, наплывъ новыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, усилившихъ очень понятно собою число прежнихъ его враговъ, наконецъ отдѣленіе гимназіи, переходъ ея въ новое помѣщеніе и предполагавшееся окончательное открытіе университета, давно жданное и желанное, съ выборомъ ректора, декановъ и другихъ лицъ, - все это должно было сильно его разстраивать. „Прошедшаго года въ январѣ, февралѣ, да и въ мартѣ посѣщенъ я былъ болѣзнію, пишетъ онъ (31 янв. 1811 года), а въ ноябрѣ и декабрѣ душевною скорбію, не позволявшими мнѣ заниматься въ полной мѣрѣ и соображеніи текущими дѣлами". Мы услышимъ еще его іереміады. Въ гимназіи по обычаю происходилъ актъ въ узаконенное время, по окончаніи экзаменовъ, а именно 9 іюля. Мы упоминаемъ о немъ потому, что для этого собранія *Запольской*, повышенный не задолго предъ тѣмъ (съ 16 января) въ экстраординарные профессоры, снова приготовилъ рѣчь (читалъ ее за болѣзнью автора учитель Ибрагимовъ). Такимъ образомъ три раза сряду публика казанская имѣла удовольствіе слушать Запольскаго. Ничѣмъ инымъ мы не можемъ себѣ объяснить этого обстоятельства, какъ высказываемымъ имъ неоднократно искреннимъ стремленіемъ къ болѣе любимой наукѣ и желаніемъ перейти съ каѳедры физики на каѳедру философіи, бывшую тогда вакантною послѣ неудачной попытки занять ее Городчаниновымъ. Свое желанье онъ высказалъ еще въ началѣ 1808 года въ письмѣ къ Яковкину: „трехлѣтнее упражненіе въ сей части (онъ преподавалъ логику и другіе предметы философіи въ гимназіи) рѣшило мою преимущественную склонность въ пользу философіи, писалъ онъ. Въ теченіи сего времени не было предмета, который бы доставлялъ мнѣ столько пріятнѣйшее занятіе, какъ сія часть, и слѣдствія моихъ упражненій я имѣлъ счастіе видѣть сколько въ расположеніи учениковъ и студентовъ, посѣщавшихъ приватно классъ мой безпрерывно въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, столько и въ лестномъ вашемъ препорученіи относительно философическихъ бесѣдъ съ студентами". Попечитель увѣдомилъ, что имъ приглашенъ уже для занятія каѳедры нѣмецкій философъ. Всѣ рѣчи Запольскаго имѣютъ предметомъ своимъ вопросы нравственной философіи; рѣчь 1810 года

носила заглавіе: „О ближайшемъ понятіи начала нравственности“. Вѣроятно это были отрывки изъ сочиненія, написаннаго имъ для упомянутой его цѣли и мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности познакомиться съ этими рѣчами Запольскаго. Въ это время онъ уже былъ тяжело и мучительно боленъ, три операціи, одна за другой, не помогли ему и въ концѣ того же 1810 года Запольской умеръ.

Въ 1811 году также не было университетскаго торжественнаго собранія: 14 февраля пришлось па первой недѣлѣ поста. „Завтрашній присноnамятный день основанія Казанскаго университета, по причинѣ наступившаго великаго поста, пишетъ Яковкинъ, почтить ничѣмъ болѣе не можно, какъ токмо молитвою; и потому располагаюсь въ половинѣ одиннадцатаго часа пропѣть въ большой залѣ молебенъ съ водоосвященіемъ и съ возглашеніемъ многолѣтія прещедрому основателю со всѣмъ императорскимъ домомъ, а потомъ пойти въ церковь къ часамъ. Опущеніе во весь день преподаваній съ нимъ сопряжено; но малость сію можно наградить обыкновеннымъ трудовымъ временемъ“.

Въ 1812 году также не было акта и въ гимназіи, по крайней мѣрѣ мы не нашли въ бумагахъ никакихъ слѣдовъ его. Торжественныя собранія университета стали ежегодно происходить лишь съ 1814 года, со времени открытія университета; тогда же началось правильное печатаніе рѣчей и отчетовъ.

Рядомъ съ публичными собраніями, дававшими отчасти казанскому обществу представленіе объ университетѣ и дѣлавшими болѣе или менѣе извѣстнымъ его по описаніямъ, печатаемымъ въ органѣ министерства „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, откуда эти извѣстія перепечатывались въ петербургскихъ и московскихъ вѣдомостяхъ, довольно важное значеніе для распространенія идеи университета и для пріобрѣтенія болѣе или менѣе вѣрнаго понятія о томъ, что въ немъ дѣлается, были посѣщенія разныхъ знатныхъ, высокопоставленныхъ лицъ. Объ этихъ посѣщеніяхъ сохранилось нѣсколько слѣдовъ въ бумагахъ первоначальнаго университета. То были или случайные посѣтители, проѣздомъ попавшіе въ Казань, или оффи-

ціальные обозрѣватели, ревизующіе сенаторы. Въ царствованіе Александра I ни одинъ министръ народнаго просвѣщенія не посѣтилъ Казанскій университетъ; это были слишкомъ знатные, слишкомъ недоступные и неподвижные сановники. Они довѣрялись вполнѣ попечителямъ и смотрѣли на дѣло университетской науки съ болѣе канцелярской точки зрѣнія. Мнѣніе страны, ничѣмъ не выражавшееся, не могло подвинуть ихъ къ живому отношенію къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что, какъ это уже не разъ было нами замѣчено, само правительство скоро охладѣло къ реформамъ, а слѣдовательно и къ университетамъ. Ревизующіе сенаторы, а ихъ, какъ извѣстно, въ то время назначали очень часто въ губерніи (то былъ единственный тогда, правда не всегда вѣрный, способъ для высочайшей власти получить истинное понятіе о положеніи той или другой части страны), знатные путешественники или оффиціальныя лица, посѣтившія Казань, и обязаны были и могли, по своему положенію, говорить въ Петербургѣ, разсказывать о томъ, что они видѣли въ Казани и въ ея университетѣ. Эти разсказы были несравненно важнѣе ничтожныхъ и несвободныхъ сообщеній оффиціальнаго органа министерства. Понятно поэтому какое значеніе начальство университета придавало этимъ посѣщеніямъ, какъ оно старалось угодить этимъ лицамъ и показать казовый конецъ университета. Яковкину въ особенности представлялся здѣсь удобный случать показать всю свою энергію.

Первымъ такимъ посѣтителемъ былъ въ іюнѣ 1806 года возвращающійся изъ посольства въ Китай извѣстный синологъ и ученый путешественникъ графъ Янъ *Потоцкій*. Онъ осматривалъ физическій кабинетъ, библіотеку, былъ на экзаменѣ. Яковкинъ въ память его посѣщенія, подарилъ ему по два экземпляра книгъ арабскихъ и татарскихъ, напечатанныхъ въ типографіи гимназической (шрифтовъ на другихъ языкахъ еще не было), чѣмъ Потоцкій былъ очень доволенъ. Какое мнѣніе составилъ онъ объ экзаменѣ—неизвѣстно; „но при показываніи ему плановъ, чертежей, рисунковъ и классическихъ въ языкахъ упражненій примѣтно было особенное его удовольствіе объ успѣхахъ учащихся"—не преминулъ похвастаться Яковкинъ попечителю.

Въ особенности интересно было посѣщеніе университета ревизующимъ сенаторомъ *Донауровымъ*, важное для Яковкина въ томъ отношеніи, что пріѣздъ сенатора въ 1808 году

послѣдовалъ вскорѣ послѣ происшествій, сопровождавшихъ увольненіе профессоровъ, послѣ почти поголовнаго выхода студентовъ въ военную службу и вскорѣ послѣ губернаторскаго письма. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда въ Казань этого сенатора въ письмахъ Яковкина слышатся унылые тоны:

«Хотя мнѣ весьма прискорбно и самому чувствовать и признаться, что зрѣніе мое тупѣетъ, такъ что подумываю объ употребленіи очковъ и силы, примѣтно ослабѣвая, разстроиваютъ здоровье, особливо отъ безпрерывныхъ и разнообразныхъ занятій по должностямъ директора гимназіи и инспектора студентовъ; но во всемъ предаваясь совершенно руководству провидѣнія, безтрепетно ожидаю можетъ быть, и скораго прекращенія бытія моего. Между тѣмъ какъ *πάν ζῶον φιλοζῶον*, то по крайней мѣрѣ для укрѣпленія остающихся еще во мнѣ силъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство о милостивѣйшемъ снисхожденіи, дабы *соблаговолить уволить меня*, хотя на нѣкоторое время, *отъ обѣихъ оныхъ должностей*, пока возстановившееся мое здоровье допуститъ меня опять неослабно шествовать нынѣшнимъ путемъ моего служенія. Впрочемъ, при ощущаемомъ въ совѣсти моей истинномъ усердіи руководившемъ меня, при помощи и благодати Всевышняго, во все время на семъ поприщѣ, не постыдно могу говорить съ Іовомъ о моемъ директорствованіи: «нагъ внидохъ, нагъ и отхожу» и неимѣлъ никого, кто бы возмогъ по совѣсти обличить меня въ пристрастіи или корыстолюбіи».

Румовскій не понялъ къ чему клонитъ его корреспондентъ. Сожалѣя о слабости его здоровья, онъ пишетъ: „признаюсь вамъ, что заключеніе письма вашего и сравненіе съ Іовомъ меня удивляетъ и не понимаю съ какимъ намѣреніемъ оно сдѣлано и что подало причину самому о себѣ такъ отзываться“. Очевидно Яковкинъ боялся сенаторской ревизіи, боялся наговоровъ на него губернатора, такъ какъ зналъ, что у Донаурова есть значительное имѣніе въ Казанской губерніи и что поэтому онъ долженъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ Мансурову. Это онъ и объяснилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ попечителю:

«Совершенно справедливо, что ушибенная моя грудь (онъ ѣздилъ съ женою 15 августа за 25 верстъ въ гости въ деревню «къ статскому совѣтнику и кавалеру Княжевичу» и на возвратномъ пути, у архіерейскаго дома коляска опрокинулась) донынѣ часто и весьма чувствительно напоминаетъ мнѣ о слабости моего здоровья, а къ тому примѣтно тупѣющее зрѣніе требуетъ какого нибудь уклоненія отъ безпрестанныхъ бумажныхъ по текущимъ дѣламъ упражненій, равно какъ и разныя непріятности по званію начальника съ подчиненными. Ко всему оному присоединилась еще скорбь по причинѣ приключившейся продолжительной двухъ старшихъ дочерей моихъ весьма опасной горячки, разтрогавшихъ родительское сердце до того, что совершенно не можно было приниматься ни

за какія дѣла съ прежнимъ рвеніемъ. Къ вящему же раздраженію сердца моего и г. Каменскій (онъ продолжалъ жить и практиковать въ Казани) вздумалъ снова разсѣвать адскія плевелы, что я съ вашимъ превосходительствомъ и конторою обворовалъ университетъ и гимназію, что, какъ помнится и прежде осмѣлился донести, на проѣздѣ моемъ въ Пензу (во время визитаціи, о которой мы скажемъ впослѣдствіи), купилъ на наворованныя деньги 300 душъ въ Буинскомъ округѣ, да недалеко гдѣ-то отъ Казани прикупилъ еще 28. Мнѣ совершенно было извѣстно, что разсѣянные сіи слухи внушены были и пріѣхавшему г. сенатору Донаурову, съ присовокупленіемъ, кажется отъ губернатора, что ни въ университетѣ, ни въ гимназіи, ни ученія, ни порядку, ни благовоспитанія нѣтъ и что ни одинъ изъ подчиненныхъ мною недоволенъ. Внушенія сіи были причиною перваго г. сенаторомъ оказаннаго мнѣ не столь ласковаго пріема, который благожелателей моихъ обрадовалъ было до рукоплесканія. Прискорбна была душа моя даже до смерти... Итакъ предшествовавшіе обозрѣнію г. сенатора слухи, конечно съ намѣреніемъ разсѣянные, разтрогали мою и безъ того терзаемую скорбью о болѣзняхъ кровныхъ моихъ душу до того, что не упоминая только о причинахъ, необинованно могъ я говорить слова Іова, и къ онымъ только обстоятельствамъ и отношу какъ оное въ горести моей изреченіе, такъ и то, что совѣсть мою никто въ пристрастіи, ни въ корыстолюбіи обличить не можетъ» (6 окт. 1808 г.).

Сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Михайло Ивановичъ Донауровъ, ревизующій губернію, прибылъ въ Казань 10 сентября. Ни конторѣ, ни директору о томъ, что ему поручена ревизія, не было дано знать ни изъ какого вѣдомства. Въ торжественный день 12 сентября (коронованія) Яковкинъ, съ инспекторомъ и экономомъ гимназіи, поѣхали однако къ нему въ мундирахъ, но въ этотъ день, по случаю отходящей почты, онъ никого не принималъ. Черезъ нѣсколько дней Яковкину сдѣлалось извѣстнымъ о неудовольствіи, высказываемомъ сенаторомъ, что онъ не является къ нему. Вмѣстѣ съ инспекторомъ поѣхалъ къ нему Яковкинъ 19 сентября. Сенаторъ принялъ ихъ гордо, высказывалъ неудовольствіе за позднее къ нему представленіе, настоятельно требуя всѣхъ свѣдѣній по университету и гимназіи. На замѣчаніе Яковкина, что онъ не былъ вовсе о томъ предваренъ своимъ начальствомъ, сенаторъ сказалъ, что и самые министры состоятъ подъ отчетомъ правительствующаго сената, что не можетъ существовать status in statu, что на то есть воля государя императора и согласно съ нею, онъ требуетъ всѣхъ свѣдѣній о всѣхъ заведеніяхъ по университету и гимназіи. Яковкинъ поторопился домой составлять требуемыя свѣдѣнія и писать рапортъ. Черезъ два дни, именно 21 сентября, въ 8 часовъ утра пріѣхалъ полицмейстеръ и объявилъ Яковкину, что въ 11 часовъ сенаторъ будетъ

осматривать университетъ и гимназію и можетъ ли онъ принять его. Яковкинъ объявилъ, что онъ готовъ всегда принять и что самъ къ нему тотчасъ же явится со всѣми требуемыми свѣдѣніями, а между тѣмъ немедленно послалъ повѣстки, чтобы всѣ служащіе въ университетѣ и гимназіи собрались въ 10 часовъ. У Яковкина еще въ воскресенье все было готово, только денежная вѣдомость, за старостью и слабостью казначея Баннера, поспѣла лишь къ 10 часамъ.

Когда Яковкинъ явился теперь къ Донаурову съ рапортомъ и со всѣми свѣдѣніями, то сенаторъ принялъ его весьма ласково, расправшивалъ объ университетѣ и объявилъ, что онъ о всякихъ нуждахъ и недостаткахъ обоихъ заведеній готовъ говорить съ министромъ и даже доложить государю императору. Въ половинѣ 12-го онъ пріѣхалъ въ университетъ и потомъ повторилась всѣмъ извѣстная процедура ревизованія, какъ она совершалась тогда и потомъ. У воротъ встрѣтили Донаурова двое офицеровъ, а на лѣстницѣ Яковкинъ съ секретаремъ совѣта. Его повели въ залу, гдѣ всѣ члены совѣта были уже въ сборѣ и на мѣстахъ. Донауровъ всталъ у креселъ предсѣдателя и Яковкинъ представлялъ ему всѣхъ членовъ поочередно. Свое представленіе Яковкинъ началъ было по латыни: онъ слышалъ отъ сенатора выраженіе status in statu, но тотъ просилъ его продолжать по русски. Послѣ представленія секретарь сказалъ ему привѣтственную рѣчь, чѣмъ онъ былъ крайне доволенъ. Ему показали грамоту, уставъ университета, положеніе о гимназіи, шнуровую книгу протоколовъ совѣтскихъ засѣданій, объяснили ему производство дѣлъ въ совѣтѣ, за тѣмъ повели въ классъ живописи. Здѣсь ревизоръ разсматривалъ и хвалилъ упражненія студентовъ, и сказалъ, что онъ видѣлъ миніатюрный портретъ, представленный послѣ одного изъ бывшихъ въ гимназіи экзаменовъ Румовскому, который, по словамъ его, былъ поднесенъ министромъ народнаго просвѣщенія императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Это привело въ восторгъ Яковкина. Въ ближайшей аудиторіи онъ представилъ ему магистра, кандидата (тогда было ихъ лишь по одному), учительскихъ кандидатовъ и студентовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ сенаторъ разговаривалъ и всѣхъ просилъ знаніями и нравственностью доставлять честь и славу Казанскому университету и гимназіи. Только что основанный ботаническій садъ на Тенишевскомъ дворѣ, былъ показанъ

сенатору изъ оконъ аудиторіи по причинѣ чрезвычайно вѣтреной и пыльной погоды, но онъ прошелъ по двору въ библіотеку и натуральный кабинетъ, гдѣ разсматривалъ между прочимъ и слоновыя кости, найденныя Яковкинымъ. Прошелъ сенаторъ потомъ по комнатамъ студентовъ, былъ въ больницѣ, хвалилъ все, прибавляя, что „все точно также почти и у нихъ въ институтахъ, только богатѣе". Въ большой залѣ гимназіи были представлены ревизору всѣ учителя гимназіи; онъ разсматривалъ опять рисунки, чертежи, прописи и хвалилъ все видѣнное. Пройдя по всѣмъ классамъ, сенаторъ попросилъ Яковкина распустить учениковъ, потомъ зашелъ въ физическій кабинетъ, посмотрѣлъ на находившіеся тамъ инструменты, перешелъ въ столовую, присутствовалъ при началѣ обѣда, отвѣдывалъ кушанье и хвалилъ все распоряженіе. Проходя по комнатамъ, гдѣ живутъ гимназисты, ревизоръ осматривалъ нѣкоторыя кровати и ящики и—также отдалъ справедливость. Въ конторѣ гимназіи онъ просмотрѣлъ и прочиталъ нѣсколько журналовъ ея, пересматривалъ разныя шнуровыя книги и настольный реестръ и послѣ того сказалъ: „Желалъ бы я, что во всякомъ другомъ судебномъ мѣстѣ наблюдались толикій порядокъ, исправность и точность во всѣхъ дѣлахъ". Прощаясь въ конторѣ съ Яковкинымъ, сенаторъ благодарилъ его за образцовый порядокъ всего имъ видѣннаго и объявилъ ему, что съ первою же почтою напишетъ обо всемъ подробно министру народнаго просвѣщенія, а по пріѣздѣ въ Петербургъ лично перескажетъ ему обо всемъ, да не преминетъ донести и государю императору. Яковкинъ провожалъ его до кареты. Садясь, Донауровъ еще благодарилъ его за все и на докладъ Яковкина, чтобъ позволилъ о посѣщеніи его и обозрѣніи имъ гимназіи и университета постановить журналъ въ конторѣ и совѣтѣ, сказалъ, что онъ отъ всего сердца согласенъ. На другой день Яковкинъ ѣздилъ съ секретаремъ совѣта благодарить сенатора; очень хлопоталъ онъ, чтобъ и всѣ члены совѣта in corpore сдѣлали тоже, но почему-то это разстроилось. Ревизоръ снова обѣщалъ и писать къ министру и донести государю императору.

Яковкинъ послѣ этой ревизіи воспрянулъ духомъ, онъ выросъ на нѣсколько вершковъ; кошмаръ ревизіи, мучившій его такъ сильно, отлетѣлъ въ пространство „Благодать Господня не оставила меня не только оправдать противу всѣхъ

клеветъ и злобы, но даже еще превозвысить предъ ними, какъ о томъ донесено уже в. п. отъ меня, конторы и совѣта" (о ревизіи)—пишетъ онъ къ попечителю. Онъ не думаетъ уже объ отставкѣ. „Теперь, заключаетъ онъ письмо свое, мнѣ безотвѣтно было бъ предъ Господомъ оставить поприще, на неже есмь призванъ, особливо, когда всѣ адскія начинанія благожелателей моихъ по обозрѣніи г. сенатора благоволеніемъ Всевышняго обратились имъ же самимъ въ стыдъ и срамоту. Но живой о живомъ и помышляетъ: когда Господу угодно будетъ воззвать меня къ себѣ, молю, да не будетъ оставлено мое имѣющее остаться семейство!".

Это была первая ревизія университета и гимназіи; ни одинъ изъ бывавшихъ прежде въ Казани сенаторовъ не заглядывалъ въ нихъ, не интересовался ими и Яковкинъ просилъ у попечителя указаній какъ поступать въ будущихъ подобныхъ случаяхъ. Попечитель сообщилъ ему о своемъ свиданіи съ Донауровымъ: „Былъ я у Михайлы Ивановича, который мнѣ пересказалъ на словахъ все, что вы писали о его посѣщеніи. Я ему внушилъ о неблаговоленіи къ вамъ г. губернатора, не утаилъ и причины; и что онъ мѣшается въ дѣла до него не принадлежащія, даже до того, что къ министру внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствовалъ о знаніи нѣкоторыхъ профессоровъ. Повѣствованіе мое слушалъ со вниманіемъ, и по окончаніи онаго не сказалъ ни слова, изъ сего заключаю я, что губернаторъ не преминулъ внушить чего нибудь непріятнаго о гимназіи. Отзывъ его къ министру увѣряетъ, что внушенія сіи никакого не имѣли успѣха". Яковкинъ былъ обѣленъ.

Послѣ столь удачной для Яковкина сенаторской ревизіи Донаурова, онъ старался заискивать и къ себѣ и къ университету расположенія всякаго, выдающагося въ служебной іерархіи лица. Въ ту пору, а можетъ быть и гораздо позднѣе, дѣло это было далеко не лишнимъ, особенно со стороны личной. Часто совершенно ничтожные люди много выигрывали угодливостью, лестью, умѣньемъ подслужиться. Въ іюнѣ 1809 года пріѣхалъ въ Казань для смотра войскъ Оренбургскій военный губернаторъ князь Волконскій, долго управлявшій тогда пограничнымъ краемъ, человѣкъ очень добрый, но и недалекій. Яковкинъ поспѣшилъ представиться ему и Волконскій „удостоилъ его обхожденіемъ". И онъ и Фуксъ сдѣлались почти ежедневными собесѣдниками князя.

Волконскій былъ на гимназическихъ и университетскихъ экзаменахъ и остался доволенъ какъ успѣхами на этихъ экзаменахъ такъ и видимымъ устройствомъ и порядкомъ на столько, что также обѣщалъ о всемъ писать министру. „По-крайней мѣрѣ и сіе засвидѣтельствованіе, пишетъ Яковкинъ, послужитъ новымъ доказательствомъ о посильномъ моемъ усердіи къ достойному служенію". Какъ кажется у князя Волконскаго была нѣкоторая страсть къ лишнимъ почетнымъ титуламъ. Изъ разговора съ нимъ ловкій директоръ замѣтилъ, что Волконскій съ особеннымъ удовольствіемъ упоминалъ о томъ, что сватъ его, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, тогдашній попечитель Московскаго университета, сдѣлавшійся въ слѣдующемъ году министромъ народнаго просвѣщенія, прислалъ ему дипломъ на званіе почетнаго члена Московскаго университета, за что онъ доставилъ съ своей стороны въ кабинеты его довольно штуфовъ, сѣмянъ и растеній уральскихъ (Разумовскій былъ страстный любитель ботаники) и обѣщалъ также и въ Казанскій университетъ послать. Это обстоятельство навело Яковкина на мысль доложить князю о томъ, что и Казанскій университетъ скоро надѣется считать его въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ и тотчасъ же увѣдомилъ попечителя о своемъ предположеніи, прося его прислать образцы для дипломовъ, и вообще научить его въ этомъ случаѣ, такъ какъ почетныхъ членовъ „изъ особъ науки покровительствующихъ" (§ 41 устава) въ Казанскомъ университетѣ еще не было. Волконскій и былъ такимъ образомъ первымъ почетнымъ членомъ университета.

Вообще князь Волконскій почему то особенно благоволилъ къ Казанскому университету. Онъ и его свита обозрѣвали почти готовое зданіе новой гимназіи и, по словамъ Яковкина, любовались его красотою. Волконскій пригласилъ его обѣдать и повезъ съ собою къ коменданту, вице-губернатору и къ оренбургскому именитому гражданину Карелину, жившему тогда въ Казани. Узнавъ, что профессоръ Фуксъ намѣренъ въ предстоящую вакацію съѣздить на Сергіевскія сѣрныя воды, чтобъ познакомиться съ ихъ свойствами, онъ немедленно, при Яковкинѣ и Фуксѣ, которые были тогда у него, приказалъ своему правителю канцеляріи изготовить открытый ордеръ всѣмъ исправникамъ тѣхъ округъ, черезъ которыя лежалъ путь Фукса, давать безденежно ему лоша-

дей, а гдѣ нужно и ко вой и оказывать ему возможное содѣйствіе, какъ со стороны земской, такъ городской и военной частей. Сообщая обо всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ Волконскому, Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю прибавляетъ: „Необходимо нужнымъ нахожу для обоихъ заведеній воспользоваться благорасположеніемъ Его Сіятельства, по пословицѣ: „брось хлѣбъ-соль назадъ, очутится впереди". Для себя лично, по отношенію къ князю Волконскому, онъ вспомнилъ эту пословицу черезъ шесть лѣтъ, когда, уже при Салтыковѣ, сталъ хлопотать о ходатайствѣ князя Волконскаго у свата, министра Разумовскаго на счетъ денежной выдачи, въ виду его „крайне бѣднаго состоянія и многочисленнаго семейства".

Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ чѣмъ Донауровская, была ревизія сенатора *Обрѣзкова*, пріѣхавшаго въ Казань въ началѣ декабря того же 1809 года. На этотъ разъ казанское губернское правленіе извѣстило, что Обрѣзкову, „яко инспектору государя императора", препоручено обозрѣть, сверхъ присутственныхъ мѣстъ, всѣ публичныя заведенія и всякія отдѣльныя части. Яковкинъ немедленно явился съ рапортомъ къ ревизору. Посѣщеніе сенатора послѣдовало 20 декабря. Никакой существенной разницы въ подробностяхъ этого наружнаго обозрѣнія гимназіи и университета съ посѣщеніемъ Донаурова не было. Лишнее былъ только хоръ съ музыкой, которымъ не угощали прежняго ревизора, да жалоба неугомоннаго Ларіонова, о которой было уже упомянуто. Предлагалъ было Яковкинъ сенатору освидѣтельствовать наличность суммъ въ казначействѣ, но тотъ отказался, сказавъ, что увѣренъ въ ихъ цѣлости. Точно также благодарилъ ревизоръ за найденное имъ благоустройство и также позволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ составить журналъ о его обозрѣніи и благодарности. Но въ свитѣ Обрѣзкова, обозрѣвавшаго университетъ, находился молодой человѣкъ, магистръ московскаго университета (Яковкинъ называетъ его адъюнктомъ) Перовскій Алексѣй, сынъ министра народнаго просвѣщенія (извѣстный впослѣдствіи, какъ авторъ романа „Монастырка" и какъ попечитель Харьковскаго университета). Яковкинъ сообщаетъ, что Перовскій „весьма ожидалъ и стороною требовалъ, чтобъ я въ немъ искалъ. Можетъ быть я познакомился бы съ нимъ покороче и объяснился бы съ нимъ, что знаю его уже около 20 лѣтъ, когда я обучалъ графовъ Петра и Кирила Алексѣевичей

Разумовскихъ (при Шлецерѣ). при коихъ болѣе году онъ жилъ въ лицѣ сиротки; но во время самаго обозрѣнія университета и гимназіи г. сенаторомъ почувствованная мною простуда, увеличившаяся отъ продолжавшихся въ холодноватой нашей залѣ зимнихъ экзаменовъ, и съ начала генваря лишавшая меня силъ, въ теченіи генваря, февраля и марта, въ томъ мнѣ воспрепятствовала. Я и видѣлъ его только трижды: при обозрѣніи съ г. сенаторомъ, въ новый годъ у губернатора и въ маскарадѣ. Всевышній видитъ кто кого обидитъ: была бы моя совѣсть чиста и спокойна".

Яковкинъ нисколько не сомнѣвался, и по всей вѣроятности это такъ и было, что министръ Разумовскій получилъ именно отъ него, Перовскаго, неблагопріятныя свѣдѣнія о директорѣ и оффиціально просилъ казанскаго губернатора увѣдомить его: „о свойствахъ Яковкина, его поведеніи и исполняетъ ли онъ возложенныя на него должности съ надлежащею исправностью и къ удовольствію казанскихъ жителей"? (17 авг. 1810 г. № 918). Объ этомъ запросѣ министра къ губернатору ничего не зналъ попечитель; министръ не обращался къ нему. Румовскій даже спрашивалъ у Яковкина: „Не слышно ли чего о содержаніи письма сего въ Казани"?

Тотъ же самый Мансуровъ, который три года тому назадъ писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ самый неблагопріятный отзывъ о Яковкинѣ, доставилъ теперь свѣдѣнія діаметрально противоположныя. „Неисповѣдимы и непостижимы судьбы творческаго Провидѣнія! восклицаетъ по этому случаю Яковкинъ. Кто, повидимому токмо и совершенно не умышленно и невѣдомо, принималъ участіе въ прежнемъ оклеветаніи меня, тотъ самъ, по полученіи отношенія, увидѣвъ меня 30 августа пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіемъ, отозвалъ въ другую комнату, разговаривалъ дружески со мною долго объ ежедневныхъ моихъ занятіяхъ, и потомъ, увѣдомивъ меня о новыхъ противу меня ковнахъ, клеветою и завистію устремленныхъ, просилъ меня быть совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ, а притомъ, откровенно извиняясь въ прежнемъ своемъ поступкѣ, увѣрялъ съ клятвою, что онъ никогда и не думалъ принимать участіе въ столь подломъ и постыдномъ заговорѣ, и что донынѣ самъ онъ не знаетъ и не понимаетъ, какъ это случилось"... Приводимъ этотъ губернаторскій отзывъ, о Яковкинѣ къ мини-

стру, какъ образчикъ оффиціальной правды и губернаторскаго слога того времени.

«На предписаніе, полученное мною отъ Вашего Сіятельства за № 918, о профессорѣ и директорѣ казанской гимназіи Яковкинѣ, я имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего, милостивый государь, что сей чиновникъ, имѣя свойства миролюбивыя, старается, какъ по всѣмъ отношеніямъ его извѣстно, оказывать доброхотство свое каждому, и не будучи занятъ никаковыми предосудительными пристрастіями, сохраняетъ благочиніе всегда во всякомъ мѣстѣ и особенно по ввѣреннымъ управленію его заведеніямъ. Поведеніе его: по общежитію, по хозяйству въ домашней жизни и по образу воспитыванія собственныхъ дѣтей его, пятерыхъ дочерей, коихъ онъ прямо съ отеческимъ усердіемъ и попеченіемъ старается образовать въ наукахъ, обращеніи и въ нравственности—столь хорошо и похвально, что достойно подражанія. По званію его, Яковкина, исправляетъ онъ должности по части ученой и по хозяйственной, особенно ему порученной, сколько мнѣ лично и по отзывамъ занимающихся ученостію людей, извѣстно, всегда безъ упущенія, съ должною исправностію и къ удовольствію здѣшнихъ и иногородныхъ обывателей, съ особеннымъ усердіемъ и попеченіемъ о образованіи обучающихся дѣтей; а тѣмъ самымъ, не только что отъ тѣхъ, коихъ дѣти здѣсь въ университетѣ и гимназіи обучаются, но и отъ тѣхъ, коимъ онъ, Яковкинъ и всѣ дѣйствія его, обращаемыя для общей пользы, извѣстны, заслужилъ любовь и почтеніе. Таковымъ образомъ, изъяснивъ вашему сіятельству о профессорѣ Яковкинѣ, я присовокупляю, что онъ, по его усердію къ службѣ, поведенію и доброхотству истинно заслуживаетъ похвалу и одобреніе, а еслибъ, къ сожалѣнію, былъ онъ инаковъ, то я, по довѣрію, коимъ ваше сіятельство почтить меня изволили, ничегобъ предъ вами не сокрылъ».

Ясно, что въ обоихъ случаяхъ, какъ въ неодобрительномъ прежде отзывѣ объ Яковкинѣ, такъ и теперь—въ хвалебномъ—губернаторъ руководствовался какими-то посторонними соображеніями, мотивами личнаго свойства, а потому убѣдиться въ которомъ изъ отзывовъ заключается больше правды весьма затруднительно. Прежнее негодованіе на университетъ отчасти понятно со стороны лица, пользующагося неограниченною властью въ губерніи. До реформъ въ дѣлѣ просвѣщенія, т. е. до образованія главнаго правленія училищъ, казанскіе губернаторы были попечителями гимназіи по ея положенію 1797 года. Въ ней слѣдовательно высшимъ начальникомъ былъ губернаторъ; теперь пришлось поступиться этой привилегіей. Въ октябрѣ 1803 года губернаторъ получилъ отношеніе министра народнаго просвѣщенія, чтобъ онъ не входилъ болѣе въ дѣла и распоряженія по гимназіи. Inde irae. Часто и публично Мансуровъ высказывалъ, что хотя онъ и губернаторъ, но ему совершенно неизвѣстно есть ли въ Казани университетъ или нѣтъ и находятся ли при немъ чиновники, такъ какъ отъ ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ онъ не имѣетъ о томъ никакой бумаги и т. п. Противорѣчіе въ его словахъ и дѣйствіяхъ видно въ томъ, что въ то самое время, когда онъ доносилъ своему министру о печальномъ состояніи гимназіи и университета, адъюнктъ Запольской отъ его имени просилъ въ совѣтѣ о разрѣшеніи сыну Мансурова, пажу, жившему при немъ, слушать въ университетѣ нѣкоторыя лекціи, для которыхъ онъ будетъ признанъ подготовленнымъ. Почему теперь губернаторъ измѣнилъ свой взглядъ на Яковкина—намъ неизвѣстно, но его оффиціальное отношеніе къ министру должно было имѣть вѣсъ въ глазахъ Разумовскаго и онъ сообщилъ о немъ при свиданіи попечителю. Румовскій совѣтовалъ Яковкину съѣздить къ губернатору и благодарить его, а съ своей стороны передъ министромъ поддержалъ мнѣніе губернатора. Онъ „увѣрилъ министра, что почетные посѣтители, обозрѣвавшіе изъ любви къ наукамъ Казанскій университетъ, внушили ему о васъ неправду—пишетъ онъ къ Яковкину—и заставилъ его со мною согласиться.“ Такимъ образомъ тучи разсѣялись. Вскорѣ послѣ этого Яковкинъ, отпустивъ во временное пользованіе по просьбѣ губернатора одинъ типографскій станъ для ускоренія печатаніемъ ревизскихъ листовъ и донося объ этомъ обстоятельствѣ попечителю, прибавлялъ свое убѣжденіе, что „съ гражданскимъ начальствомъ потребно жить дружнѣе и согласнѣе.“

Обрѣзковъ, воротившись въ Петербургъ въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ обозрѣнія имъ Казанской, Нижегородской и Владимірской губерній, хотя и нашелъ всѣ учебныя заведенія въ этихъ губерніяхъ „въ хорошемъ устройствѣ и успѣшности,“ какъ онъ писалъ о томъ министру народнаго просвѣщенія, по мнѣніе его о Казанскомъ университетѣ было причиною очень важной мѣры, предпринятой въ отношеніи къ нему въ августѣ 1810 года. Въ своемъ всеподданнѣйшимъ докладѣ о ревизіи, онъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ говорилъ объ университетѣ, что и было сообщено имъ также и графу Разумовскому: „Казанскій университетъ, основанный въ 1804 году, до сего времени не можетъ еще почитаться совершенно открытымъ по причинѣ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ, почему и управляется онъ какъ въ учебной, такъ и экономической своей части посредствомъ совѣта и гимназической конторы, директоромъ ея (т. е. гимназіи), а за таковымъ его неот-

крытіемъ онъ и не отдѣленъ еще отъ гимназіи; сія же и наипаче университетъ имѣютъ основаніе самое обширное; но я нахожу, что столь долговременное неоткрытіе университета есть нѣкоторое помѣшательство въ дѣйствіи его на тотъ предметъ, на который онъ установленъ, тѣмъ паче, что какъ открытіе останавливается за неполнымъ числомъ профессоровъ, то легко можетъ оно продолжиться еще на долгое время какимъ выбытіемъ котораго либо изъ настоящихъ профессоровъ прежде прибытія новыхъ." Это мнѣніе сенатора Обрѣзкова и побудило министра народнаго просвѣщенія предписать попечителю распорядиться избраніемъ ректора, декановъ и другихъ лицъ по уставу 1804 года, однимъ словомъ—открыть университетъ. Предписаніе это уже было приведено нами (см. стр. 305—306).

Осмотрѣнъ былъ университетъ, но конечно также поверхностно, какъ и въ прежнія ревизіи, сенаторомъ *Аршеневскимъ,* пробывшимъ въ Казани нѣсколько дней въ августѣ мѣсяцѣ 1811 года. Вѣроятно въ виду приближающейся большой войны ему поручено было объѣхать много губерній и обозрѣть, согласно высочайшей волѣ, фабрики, мануфактуры, внутреннюю промышленность и разныя производства съ цѣлію замѣненія иностранныхъ произведеній отечественными. Въ университетѣ онъ все нашелъ конечно въ порядкѣ и обѣщалъ донести о томъ государю императору. Уже съ дороги онъ прислалъ письмо къ Яковкину, въ которомъ благодарилъ его за доставленное имъ удовольствіе видѣть университетъ и препроводилъ въ даръ для библіотеки, какъ управляющій дѣлами капитула орденовъ, по экземпляру статутовъ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра, переведенныхъ на языкъ нѣмецкій, „особенно для гг. кавалеровъ нѣмецкой націи, которые россійскаго языка не знаютъ." Но между нѣмецкими профессорами не оказалось въ то время ни георгіевскихъ, ни владимірскихъ кавалеровъ. Аршеневскій между прочимъ просилъ Яковкина „склонить гг. профессоровъ обратить вниманіе свое на отечественныя мануфактуры и употребить часть свободнаго у нихъ времени на изысканіе, посредствомъ извѣстныхъ имъ опытовъ и наблюденій, нѣкоторыхъ растеній и веществъ, могущихъ въ мануфактурныхъ производствахъ замѣнить употребляемыя

для сего иностранныя произведенія.“ Совѣтъ изъявилъ свою готовность содѣйствовать.

Всѣ эти обозрѣнія университета разными сенаторами—ревизорами были конечно совершенно случайны, поверхностны; обращали вниманіе ревизоры, да и могли обратить только на наружную сторону. Правильнаго понятія о жизни университета, о томъ значеніи, какое университетъ имѣетъ для умственнаго развитія страны, дастъ ли онъ ей за податныя деньги съ народа хорошихъ учителей, честныхъ и дѣловыхъ чиновниковъ, знающихъ врачей, а обществу вообще людей образованныхъ, вносящихъ въ темную и безмолвную жизнь—свѣтъ и голосъ, правду и стремленіе къ лучшему, какіе успѣхи вообще оказываетъ университетская наука, слѣдятъ ли за успѣхами ея профессора и умѣютъ ли они пробуждать лучшіе инстинкты и стремленіе къ знанію въ студентахъ достоинствомъ преподаванія—вотъ существенные вопросы, на которые не въ состояніи была отвѣтить тогда ни одна ревизія, какъ бы внимательно и долго ни изучала она университетъ. Тѣ, которые управляли университетомъ и имѣли сильную власть, вовсе не задавались такими вопросами; они были формальными исполнителями и только, чиновниками, соблюдавшими свои выгоды. Результаты существованія и дѣятельности университета могли сдѣлаться замѣтными не вдругъ, а послѣ многихъ годовъ развитія. Извѣстно, что уже черезъ 14 лѣтъ по основаніи университета въ Казани, черезъ пять лѣтъ послѣ его открытія, былъ представленъ высшей власти очень вліятельный проектъ его закрытія, какъ учрежденія не только безполезнаго, но и вреднаго. Только злая и извращенная воля, только невѣжество и фанатизмъ могли додуматься до такого нелѣпо-торопливаго проекта. Благоразуміе государственнаго человѣка ждетъ и надѣется, какъ ждетъ долго умный садовникъ ростковъ хорошихъ сѣмянъ, въ достоинствѣ которыхъ онъ увѣренъ, если они случайно попали въ грубую и неприготовленную почву; онъ усердно поливаетъ ихъ, а не оставляетъ ихъ безъ вниманія и не выбрасываетъ ихъ отъ нетерпѣнія.

Постараемся войти въ подробности нѣкоторыхъ сторонъ внутренней жизни Казанскаго университета въ первые годы его существованія, съ которыми пока мы имѣемъ дѣло. Начнемъ со *студентовъ*. Въ 1805 году, 14 февраля, при основаніи университета, избранныхъ изъ старшихъ учениковъ гимназіи и способныхъ слушать университетскія лекціи было 33 чел.

Въ этомъ числѣ на казенномъ содержаніи . .	26.
пансіонеръ	1.
своекоштныхъ	6.

Изъ нихъ одинъ, именно пансіонеръ на дворянскомъ содержаніи, Еварестъ *Груберъ*, впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа (въ 1858 году), вышелъ по прошенію отца еще въ іюнѣ 1805 года. Всѣ студенты эти поступили изъ Казанской гимназіи. Въ іюлѣ 1805 года, по окончаніи гимназическихъ экзаменовъ, были зачислены въ студенты еще 8 человѣкъ (6 на казенномъ содержаніи и 2 своекоштныхъ). Этимъ восьми послѣднимъ студентамъ должны были преподаваться *предварительно* профессорскія и адъюнктскія лекціи; полными студентами они сдѣлались только по полученіи шпагъ). Такимъ образомъ къ началу 1805 — 1806 года въ Казанскомъ университетѣ было всего . . . . 40 студентовъ.

(32 казенныхъ и 8 своекоштныхъ).

Принятымъ въ число студентовъ, въ день основанія университета, также читались собственно *предварительныя* лекціи, такъ что начало курсовъ въ Казанскомъ университетѣ послѣдовало съ августа 1805 года, хотя въ іюлѣ, передъ началомъ вакацiи, студенты экзаменовались.

Обозрѣнія преподаваній, или какъ тогда называли, *расположенія наставленій* составлялись не на годъ, какъ это было впослѣдствіи, а на полгода или по семестрамъ, какъ это введено нынѣ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ. Никакихъ раздѣленій на курсы или спеціальности не существовало, хотя нѣкоторые предметы очевидно были обязательны, но которые, и для какихъ студентовъ—объ этомъ мы не нашли прямыхъ и положительныхъ указаній. Согласно распоряженію попечителя, всѣ ординарные профессоры должны были читать по шести часовъ, адъюнкты же по восьми

(совершенно противоположно установившейся потомъ практикѣ, что адъюнкты или доценты читали значительно менѣе ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ). Яковкинъ, въ виду его разнообразныхъ обязанностей и должностей, читалъ только четыре часа. Но эта норма, какъ видно изъ полугодовыхъ обозрѣній преподаванія за нѣсколько лѣтъ, не всегда въ точности соблюдалась.

Къ 1-му января 1807 года было всего студентовъ	52
Изъ нихъ казенныхъ	44.
своекоштныхъ	8.
Къ 1-му января 1808 года	40.
казенныхъ	32.
пансіонеровъ	4.
своекоштныхъ	4.

Въ 1807 году, какъ мы знаемъ, 24 человѣка ушло въ военную службу, но эта убыль была отчасти пополнена вновь поступившими, т. е. переведенными изъ гимназіи. Въ числѣ поступившихъ въ университетъ было 10 человѣкъ изъ Пензенской гимназіи, принятыхъ въ августѣ мѣсяцѣ 1807 года на казенное содержаніе, послѣ визитаціи ея въ началѣ года Яковкинымъ. Это былъ первый примѣръ поступленія въ студенты не изъ Казанской гимназіи. Въ числѣ этихъ пензенцевъ былъ и *Булыгинъ*, впослѣдствіи профессоръ русской исторіи. „Путь сей новъ и для учениковъ гимназіи лестенъ, а для университета полезенъ", пишетъ Яковкинъ. Булыгину, по его бѣдности, съ разрѣшенія попечителя, выданы были даже прогоны на проѣздъ изъ Пензы.

Къ 1-му января 1809 года	33.
Изъ нихъ казенныхъ	29.
пансіонеровъ	2.
своекоштныхъ	2.
Къ 1-му января 1810 года	33.
Изъ нихъ казенныхъ	28.
пансіонеровъ	5.
Къ 1-му января 1811 года	34.
— казенныхъ	30.
своекоштныхъ	4.

Къ 1-му января 1812 года		44.
—	казенныхъ	31.
	пансіонеровъ	4.
	своекоштныхъ	9.

Изъ этихъ чиселъ, собранныхъ нами за первые семь лѣтъ существованія университета, легко видѣть, какъ медленно онъ развивался, пополняясь сначала исключительно учениками Казанской гимназіи; только съ 1807 года, по мѣрѣ успѣховъ учениковъ въ открываемыхъ губернскихъ гимназіяхъ, стали въ него поступать изъ Пензы сначала, потомъ изъ Астрахани и другихъ городовъ. Главною приманкою для поступленія въ студенты, какъ для родителей, такъ и для самихъ студентовъ, была возможность обезпечить себя казеннымъ содержаніемъ. Но и опредѣленное для казенныхъ студентовъ въ Казанскомъ университетѣ число 40 не всегда въ эти первые годы, занимающіе насъ пока, было замѣщено: постоянно оставались свободныя вакансіи. Яковкинъ, черезъ три года по основаніи университета, справедливо замѣчалъ попечителю, что судя по положенію вещей въ три года, 40 казенныхъ гимназистовъ едва ли будутъ въ состояніи наполнить всѣ профессорскія коллегіи, „поелику со стороны прибываетъ вступающихъ весьма мало, а университетъ и поддерживается только преимущественно казенными гимназистами“. Такъ мало было въ первые годы желающихъ высшаго образованія. Всѣ казенные студенты обязаны были или служить по окончаніи курса шесть лѣтъ въ должности учителя или оставаться при университетѣ. Но учительская служба не соблазняла; ученая представляла впереди только постоянный трудъ и мало завидную, даже въ настоящее время, профессорскую карьеру. Между тѣмъ служебное гражданское поприще, при тогдашнемъ недостаткѣ образованныхъ людей и при желаніи власти имѣть ихъ на службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ, представляло путь усѣянный цвѣтами въ тѣ годы. Поступали въ казенные студенты дѣти людей состоятельныхъ и первою заботою при окончаніи курса было такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательной службы за казенное содержаніе. „Когда крайность и бѣдность, то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, замѣчаетъ Яковкинъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу, то тотчасъ и желаютъ

распоряжать ихъ участью сами: это характеръ казанскихъ *голокольницовъ*".

Не смотря на пріятельскія отношенія отца къ Яковкину, довольно трудно было освободиться отъ обязательной службы за казенное содержаніе старшему сыну казанскаго прокурора Александру Княжевичу, окончившему свою служебную карьеру въ царствованіе покойнаго императора въ званіи министра финансовъ. Въ прошеніи своемъ, поданномъ въ совѣтъ Казанской гимназіи, отецъ объяснялъ, что сынъ его „по слабости своего здоровья и по великой боли въ груди, и по неимѣнію никакихъ нужныхъ къ ученому званію дарованій и склонности, продолжать далѣе ученія не можетъ, да и курсъ уже свой въ университетѣ окончилъ", а потому онъ „намѣренъ изъ университета его взять и послать лѣчиться въ С.-Петербургъ, опредѣля его тамъ въ службу, болѣе соотвѣтственную его дарованіямъ, склонности и здоровью". Совѣтъ препроводилъ это прошеніе къ попечителю, на его разрѣшеніе и переписка о Княжевичѣ, за воспитаніе котораго хотѣли взыскать съ него деньги, длилась около двухъ лѣтъ, пока мать, сдѣлавшаяся въ 1810 году вдовою, успѣла выхлопотать у графа Завадовскаго полное освобожденіе сына и отъ казенной службы и отъ взысканія. Были и другіе случаи, и по большей части удачные, освобожденія отъ обязательной учительской службы за казенное содержаніе, которымъ пользовались и въ гимназіи, и въ университетѣ.

Что касается до того, изъ какого сословія происходили студенты, то взявши средній изъ разсматриваемыхъ нами годовъ, именно 1808 годъ, въ которомъ было всего 40 студентовъ, мы увидимъ, что въ этомъ числѣ было.

дворянъ	16.
чиновниковъ	20.
купцовъ	2 (¹).
иностранецъ	1.
воспитанникъ	1.

(¹) Въ половинѣ этого 1808 года главное правленіе училищъ постановило не принимать ни въ число своекоштныхъ, ни въ число казенныхъ студентовъ университета изъ купеческаго, мѣщанскаго и другаго подушныя подати несущаго званія (Журн. 9 Іюля, ст. IX) и о двухъ пансіонерахъ-студентахъ изъ купцовъ въ Казанскомъ университетѣ Румовскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ при увольненіи ихъ изъ университета, они ни въ какомъ случаѣ не именовались студентами.

Самый старшій изъ нихъ (не считая единственнаго, въ гимназіи не учившагося и на котораго надобно смотрѣть какъ на исключеніе, сына профессора Германа, имѣвшаго 23 года) былъ 20 лѣтъ, самый младшій—12 лѣтъ.

Мы не станемъ входить въ подробности того, что слушали студенты, какіе предметы преподавались имъ, по мѣрѣ назначенія новыхъ профессоровъ, такъ какъ это старались мы изложить въ біографической части нашего разсказа. Первая глава второй части будетъ нами посвящена также этому предмету, т. е тѣмъ новымъ профессорамъ и адъюнктамъ, которые начали свою дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ послѣ уже упомянутыхъ нами, но еще при попечителѣ Румовскомъ, по его выбору, въ 1808—1812 годахъ. Здѣсь скажемъ лишь вообще о преподаваніи и его успѣхахъ и о томъ на сколько оно могло приготовить тогда учителей-спеціалистовъ, что составляло главную цѣль учрежденія казенныхъ студентовъ.

Сначала конечно не было ничего точнаго; какъ преподаваніе было случайно, при ничтожномъ количествѣ наставниковъ, такъ и слушаніе лекцій не носило опредѣленнаго характера. Тѣмъ не менѣе однако, уже съ небольшимъ черезъ годъ по основаніи университета, мы видимъ, что онъ сталъ давать учителей разныхъ предметовъ, какъ въ вновь открываемыя по губерніямъ округа гимназіи, такъ и въ народныя училища. Послѣ экзамена, въ началѣ іюля мѣсяца 1806 года, нѣкоторые изъ самыхъ первыхъ студентовъ, перешедшихъ съ небольшимъ за годъ того изъ гимназіи, были признаны совѣтомъ достойными занять учительскія мѣста. Это было объявлено имъ въ залѣ совѣта. Такое удостоеніе въ учители сдѣлано было на основаніи предложенія попечителя, желавшаго, чтобы совѣтъ указалъ на тѣхъ казенныхъ студентовъ, „которые по лѣтамъ своимъ и по пріобрѣтеннымъ познаніямъ также и въ поведеніи понадежнѣе". Требовалось согласіе и ихъ самихъ. Такіе предназначенные въ учителя студенты подвергались особому экзамену изъ предмета, преподавать который имъ предстояло; имъ препоручался какой либо классъ въ гимназіи подъ руководствомъ одного изъ членовъ совѣта, преподающаго тотъ же предметъ; они обязывались исключительно и особенно заниматься на тѣхъ лекціяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ будущему ихъ учительству и наконецъ ихъ должны были

обязать подпискою, чтобы чрезъ каждые четыре мѣсяца доставляли въ совѣтъ рапортъ о домашнихъ своихъ ученыхъ упражненіяхъ. Все это предписывалъ попечитель, все это принималось къ исполненію, но мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи никакихъ данныхъ для утвержденія, чтобы все это исполнялось. Впрочемъ экзаменамъ изъ предметовъ учительства подвергались почти всѣ; нѣкоторые учили въ гимназіи по цѣлымъ годамъ, иные даже были надзирателями въ ней, по выбору Яковкина, оставаясь студентами, но получая опредѣленное вознагражденіе. Чтобы дать больше удобства предназначаемымъ въ учители студентамъ, ихъ отдѣляли въ особыя отъ прочихъ комнаты и избавляли отъ слушанія побочныхъ предметовъ. До открытія въ университетѣ педагогическаго института (уставъ 1804 года, §§ 122—130), что послѣдовало не ранѣе 1812 года, это приготовленіе учителей было случайно, но такъ какъ изъ казенныхъ студентовъ, т. е. обязанныхъ службою, до раздѣленія на факультеты, не было никакой дороги кромѣ учительства, то учителя и назначались. Первый учитель изъ казанскихъ студентовъ уѣхалъ въ Пензенскую гимназію еще въ ноябрѣ 1806 года. На сколько они были приготовлены —вопросъ, на который отвѣтить опредѣленно мы не можемъ. Экзамены происходили въ засѣданіяхъ совѣта и производились подлежащими профессорами, но объемъ требованій опредѣленъ не былъ и конечно многое зависѣло отъ произвола. Да и требованія были иныя, чѣмъ теперь. Такъ отъ учителя исторіи и географіи Румовскій требовалъ прослушанія полнаго курса натуральной исторіи, „безъ знанія которой историческое обученіе не можетъ быть достаточно“ (Предлож. въ проток. 1806 г. кн. 1, л. 20).

Что въ назначеніи учителей, въ которыхъ тогда сильно нуждались, очень много значило личное участіе Яковкина, видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ экзаменъ студента Владиміра *Графа*, находящагося въ спискѣ первыхъ студентовъ. Прочитавъ въ 65 № Московскихъ Вѣдомостей, что Пензенская гимназія вызываетъ учителя для класса чистой и смѣшанной математики и физики, онъ обратился къ попечителю съ прошеніемъ въ августѣ 1806 года объ опредѣленіи его на эту должность. Яковкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ лучшихъ. Попечитель предложилъ совѣту подвергнуть Графа экзамену. Для экзамена назначенъ былъ

комитетъ изъ профессоровъ Сторля и Фукса и адъюнктовъ Карташевскаго и Запольскаго. „Студентъ сей, бывши ученикомъ, былъ всегда по всѣмъ классамъ изъ самыхъ лучшихъ и при всѣхъ экзаменахъ получаемыя имъ награжденія были совершенно безпристрастны и достойны, пишетъ Яковкинъ къ попечителю. Въ званіи студента снова онъ прослушалъ въ третій разъ полный курсъ математики и физики (т. е. менѣе чѣмъ въ полтора года), но гг. обоимъ математикамъ адъюнктамъ, вмѣсто потребнаго поощренія и одобренія, по особливымъ, имъ только извѣстнымъ намѣреніямъ, *что-то заблагоразсудилось нарочно его сбивать*, такъ что милый сей молодой человѣкъ впадаетъ въ уныніе, не смотря на всѣ мои отеческія и начальственныя увѣщанія и увѣренія, что при предложеніи моемъ всѣ гг. профессоры отозвались о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ лучшихъ слушателей.“ Слѣдуетъ замѣтить, что этому Графу, какъ и нѣкоторымъ другимъ студентамъ, пробывшимъ въ университетѣ годъ съ небольшимъ, было поручаемо даже преподаваніе въ университетѣ. Такъ онъ преподавалъ вновь поступившимъ студентамъ физику, подъ руководствомъ ад. Запольскаго и уже въ началѣ 1807 года оканчивалъ съ ними курсъ математики. Все это было чрезвычайно патріархально. На сколько вѣрно было это обвиненіе экзаменаторовъ со стороны Яковкина въ несправедливости къ Графу, какой разсчетъ былъ математикамъ сбивать лучшаго ученика своего, мы не знаемъ, но попечитель повѣрилъ Яковкину, такъ какъ Карташевскій и Запольской имѣли съ нимъ враждебныя отношенія въ совѣтѣ. „Поговоря съ дружными вамъ членами, отвѣчалъ онъ ему, особливо съ г. Сторлемъ, который основательно судить можетъ (?) о знаніи математики студента Графа, ежели его свидѣтельство будетъ выгодно, сдѣлайте отъ себя представленіе и, не смотря на пристрастіе математиковъ, я дамъ предложеніе объ опредѣленіи его учителемъ“ (6 ноября, 1806 г. № 404). Дѣйствительно Яковкинъ представилъ попечителю латинское письмо Сторля къ нему объ экзаменѣ Графа, которое должно было поддержать собственное его мнѣніе. Графъ экзаменовался и у Сторля, хотя предметъ его — греческая словесность и древности — не имѣлъ ничего общаго съ математикой. Графъ отвѣчалъ по русски и Сторль конечно не понималъ его, но такъ какъ экзаменъ этотъ былъ по его словамъ de rebus scientiisque

notis, то онъ увѣряетъ, что отвѣтъ былъ non unintelligibile, omnia bene et recte. Послѣ него спрашивалъ Графа Фуксъ о „видахъ эѳира, называемыхъ газами и ихъ приготовленіи“ (de aetheris speciebus Gaz dictis, earumque praeparatione),— довольно хорошо. Послѣ Фукса спрашивалъ Запольской и ему Графъ отвѣчалъ удовлетворительно, „omnia ad satisfactionen nostram satis bene et recte“ („профессоръ Фуксъ занимается съ Графомъ трактатомъ о гальванизмѣ, пишетъ Яковкинъ, въ коемъ адъюнктъ физики (Запольской) и донынѣ остается несвѣдущимъ).“ Тогда пробило 10 часовъ и Сторль пошелъ на свою лекцію. Въ это время и пришелъ экзаменовать неожиданно Карташевскій (онъ считался больнымъ), и, по словамъ Сторля, явившись коварно, какъ бы ожидая его ухода, не призналъ отвѣты Графа удовлетворительными (hunc discessum meum, absentiaeque tempus d. Chort. quasi expectaverat, ille, qui prius valetudinem praetexuerat, ex insidiis prorumpit, ac omnia susque deque habet). „Я не былъ всего этого свидѣтелемъ, но передаю то, что сказалъ мнѣ студентъ Графъ, обливаясь слезами (lacrimis ora rigantibus).“ И Яковкинъ и Сторль очевидно смотрѣли на неудачу экзамена Графа, какъ на интригу со стороны враждебной партіи, хотя для этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Яковкинъ сильно защищалъ своего кліента. „Я же съ моей стороны, писалъ онъ, какъ старый гимназическій и настоящій студентскій инспекторъ, въ разсужденіи заслуживаемаго Графомъ аттестованія, не могу поступить безпристрастнѣе, какъ только сослаться на всѣ прежнія, ежемѣсячно вашему превосходительству представляемыя вѣдомости, изъ коихъ окажется, что и между учениками и между студентами по успѣхамъ въ наукахъ и искусствахъ, изъ коихъ послѣднихъ многіе опыты въ рисункахъ, планахъ и чертежахъ, представляемы были при разныхъ случаяхъ, в. п., равно какъ и по всегдашнему благоповеденію, Графъ занималъ всегда одно изъ первѣйшихъ мѣстъ, а потому и рѣшеніе его участи объ оставленіи здѣсь или опредѣленіи въ учители въ городъ не такъ отдаленный, предаю на начальственное милостивѣйшее къ нему усмотрѣніе“ Графъ впрочемъ не былъ назначенъ тогда, въ концѣ 1806 года, учителемъ въ Пензу (туда уѣхалъ другой) и только въ январѣ 1808 года получилъ мѣсто учителя математики и физики въ Тамбовской гимназіи. У Яковкина былъ свой взглядъ на призваніе учите-

лей и на требованія отъ нихъ знаній и въ этомъ случаѣ онъ расходился съ своими сослуживцами по университету, особенно съ иностранными профессорами. У нихъ долгая привычка къ наукѣ и знанію ставила болѣе серьезныя требованія, чѣмъ у насъ. „Осмѣливаюсь предварять в. п., пишетъ онъ, при случаѣ, подобномъ тому, что былъ съ Графомъ, что гг. мои сотоварищи требуютъ отъ нашихъ студентовъ гораздо болѣе для званія учителя, нежели сколько дѣйствительно потребно: нужна только Аріаднина нитка, а далѣе— bis docetur qui docet, какъ уже и многолѣтняя опытность оказываетъ, лишь бы молодой человѣкъ привержепъ былъ сердечно къ должности имъ занимаемой". Отчасти Яковкинъ былъ правъ и конечно чисто съ русской точки зрѣнія: старые учители знали не много, но то что усвоили они, то знали твердо; ничего расплывчатаго, ничего туманнаго не было въ ихъ дѣятельности. Весь вопросъ успѣха однако заключается въ томъ какъ воспитать эту „сердечную приверженность къ учительству", если карьера учительства избирается теперь не столько изъ сознанія призванія, сколько по необходимости накормить голодный ротъ. Не думаемъ, чтобъ у стараго времени въ нашемъ отечествѣ было больше средствъ и умѣнья воспитать эту сердечную *привязанность* чѣмъ нынѣ.

Какъ бы то ни было, уже въ самые первые годы существованія своего Казанскій университетъ приносилъ пользу странѣ, доставляя обширному восточному краю нѣсколькихъ учителей во вновь открываемыя уѣздныя училища и гимназіи. Въ учителяхъ была сильная нужда; ихъ не откуда было взять. Но и университетъ нуждался въ слушателяхъ; случалось, что некому было читать профессору и совѣтъ дорожилъ болѣе способными студентами. Такъ когда попечитель хотѣлъ назначить въ Оренбургъ Балясникова, по просьбѣ его, совѣтъ не желалъ его выпустить, потому что онъ хорошо былъ знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, а просилъ вмѣсто него назначить Ляпунова изъ числа „недовольно еще утвердившихся въ иностранныхъ языкахъ и не могущихъ пользоваться лекціями иностранныхъ профессоровъ". Даже самъ Румовскій дорожилъ лучшими учениками. Такъ, при назначеніи учителя въ Елабужское народное училище, онъ предлагалъ совѣту гимназіи избрать на эту должность кого либо изъ взрослыхъ учениковъ, но „не подающаго надежды": таковъ былъ тогда недостатокъ въ людяхъ. Студентъ—

кандидатъ Пестяковъ (казенный), о соблазнительномъ поведеніи котораго нѣсколько разъ докладывалъ Яковкинъ совѣту, просится на учительское мѣсто, но такъ слабъ въ знаніяхъ, что совѣтъ не рѣшается его рекомендовать. Тогда Пестяковъ подаетъ просьбу объ увольненіи вовсе изъ университета, ссылаясь на сыновній долгъ, на то обстоятельство, что отецъ его временно лишается разсудка, на разстроенныя семейныя дѣла и Румовскій, не имѣя права освободить его отъ обязательной службы, рѣшается назначить его учителемъ, и поближе къ семьѣ, не смотря на то, что „оный Пестяковъ въ знаніи языковъ слабъ и только *прежде занимался* математическими науками" (1811 г.).

Согласно § 109 устава 1804 года курсъ наукъ, который обязанъ былъ выслушать студентъ университета, дѣлился на *пріуготовительный* и *спеціальный*. Не смотря на дѣленіе университета на факультеты, спеціальности въ то время не имѣли еще такого развитія и такой силы, чтобъ въ каждомъ факультетѣ были свои приготовительныя дисциплины. Въ ту пору начатковъ просвѣщенія у насъ, правительство какъ кажется желало имѣть скорѣе людей образованныхъ чѣмъ спеціалистовъ; хотя съ развитіемъ сознанія и во власти, и въ общественномъ мнѣніи, уже бросался въ глаза недостатокъ врачебной помощи и страшная неправда, господствовавшая въ судахъ; эту послѣднюю думали въ особенности устранить образованіемъ. Упомянутый выше § устава говорилъ слѣдующее: „Между науками въ университетѣ преподаваемыми находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу ни избрали, и для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки приготовительныя". Этого приготовленія къ университетскому преподаванію не могли дать гимназіи того времени и о немъ долженъ былъ позаботиться самъ университетъ. Въ Казанскомъ университетѣ, съ перваго года его основанія, студенты приготовительнаго курса обязаны были слушать лекціи: языковъ латинскаго и русскаго, географіи, исторіи и статистики, физики и чистой математики. Очевидно это было только повтореніемъ гимназическаго курса и курсы эти назывались вспомогательными. Они продолжались годъ, а для нѣкоторыхъ и два года. Слушали ихъ ученики гимназіи, ко-

торые признавались достойными перехода въ университетъ. Сознавали правда тогда, что къ приготовительнымъ наукамъ, „которымъ должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству“ принадлежатъ сверхъ того—философія и естественная исторія, но не находили для нихъ времени въ первыхъ приготовительныхъ чтеніяхъ и эти науки читались уже послѣ географіи, исторіи, статистики и физики. Чтобы студенты не забыли совершенно новые языки, болѣе или менѣе знакомые имъ въ гимназіи, одну какую нибудь науку назначено было читать или по французски или по нѣмецки, такъ что студентъ могъ дѣлать выборъ. Но едва ли студенты, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, знали на столько иностранный языкъ, чтобъ быть въ состояніи слушать на немъ изложеніе какой либо науки; иностранные профессоры жаловались на незнаніе языковъ со стороны студентовъ. Русскую словесность и латинскую словесность обязаны были слушать казенные студенты во все время пребыванія своего въ университетѣ; отъ обязательнаго ихъ слушанія избавлены были пансіонеры и своекоштные. За приготовительными лекціями слѣдовали специальныя. Студентамъ, окончившимъ вспомогательные курсы, назначались совѣтомъ „матеріи для сочиненія разсужденій, по коимъ бы можно было судить объ ихъ знаніяхъ, наукъ, къ коимъ преимущественно всякъ изъ нихъ себя готовитъ“ (конечно это оставалось только на бумагѣ, такъ какъ нельзя быть знакомымъ съ тою наукою, къ изученію которой только готовишься). Специальность выбиралась частію по желанію самихъ студентовъ, частію „по назначенію начальства и усматриваемой имъ у оныхъ къ чему большей способности“. При назначеніи студентамъ лекцій обязательныхъ къ слушанію, не былъ опредѣленъ ихъ minimum, какъ теперь; было предоставлено вообще больше свободы; и это понятно при тогдашней малочисленности студентовъ. Наблюдалось, „чтобы не слишкомъ отяготить студента и тѣмъ воспрепятствовать успѣхамъ, ни дать ему много времени свободнаго и тѣмъ подать поводъ къ праздности, но примѣняясь къ его способностямъ“. Въ учебное время, въ часы свободные отъ лекцій, студентъ обязанъ былъ заниматься въ своей компатѣ и не терять даромъ времени. Только на третій годъ давалось больше свободнаго времени студенту, съ тѣмъ намѣреніемъ „дабы онъ, пріобыкнувъ уже къ трудолюбію и въ

большемъ возрастѣ, могъ употреблять сіе на главный предметъ своего занятія, напр. математику, восточные языки и проч.“ Такой студентъ, сверхъ лекцій, посѣщалъ профессора на дому и пользовался его наставленіями. Такъ Бартельсъ, читавшій высшую математику, занимался только съ небольшимъ числомъ слушателей, преимущественно съ кандидатами, ходившими къ нему; приготовительные курсы по математикѣ читали другіе, наприм. Никольскій.

Въ началѣ второй половины 1811 года мы находимъ болѣе точное опредѣленіе наукъ *приготовительныхъ*, курсъ которыхъ, согласно § 109 устава долженъ быть пройденъ предварительно. Это: языки россійскій и латинскій, ариѳметика и геометрія, опытная физика и философія, естественная исторія, отечественная статистика и основанія правъ, особенно россійскаго. Эти предметы обязаны были прослушать всѣ. Тогда же, съ разрѣшенія попечителя, въ виду большаго числа приготовительныхъ наукъ и недостатка времени, опредѣлена была для каждаго преподавателя четырехчасовая норма лекцій.

Такъ какъ въ тѣ годы лекціи начинались въ 7 часовъ поутру, читались до обѣда и послѣ обѣда, по четыре часа, то общее число лекцій, по 8 въ день, было 48. Разумѣется до этого числа не доходилъ ни одинъ слушатель. Мы имѣемъ таблицу количества лекцій, слушанныхъ студентами въ началѣ 1809 года. Изъ нея видно, что изъ 32 студентовъ самое большое число лекцій, т. е. по 40 ч., слушали только двое студентовъ (и это были самые талантливые изъ всѣхъ именно два брата Лобачевскихъ —Николай и Алексѣй); самое меньшее число, 16 часовъ, досталось на долю только одного, оказавшагося малоуспѣшнымъ. (Въ это число не входятъ уроки искусствъ, лекціи артиллеріи и фортификаціи и пр.). Что касается до предметовъ, то россійскую словесность слушали всѣ 32 студента; затѣмъ много слушателей, именно 32 чел., было для естественной исторіи и 22 для эстетики и древностей; греческій языкъ изучали только 5, а „матерію медику“ у единственнаго профессора медицины Брауна только 1 студентъ (все тотъ же Н. Лобачевскій, который, какъ извѣстно, медикомъ не сдѣлался).

Подобная же таблица дошла до насъ за учебный 1811—1812 годъ, когда число студентовъ возрасло до 44. Изъ нея видно значительное усиленіе преподаванія. Число недѣльныхъ часовъ на студента больше, именно отъ 36 до 40; встрѣ-

чается въ первый разъ и дѣленіе на факультеты, хотя они не были еще открыты оффиціально; при чемъ оказывается, что на отдѣленіи нравственно - политическихъ наукъ было четыре профессора, математико-физическихъ — шесть, врачебныхъ — три и словесныхъ — девять. Самое большее число слушателей было у профессоровъ, читавшихъ обязательные предметы: россійскую словесность, латинскій языкъ и естественную исторію (всѣ студенты); самое меньшее у профессоровъ: греческаго языка — 4 и восточныхъ языковъ — 1. Изъ медицинскихъ наукъ читались только: физіологія (24 студента), патологія и терапія (12 студентовъ) и судебноврачебная наука (1 студентъ).

Глава V.

О студентахъ до открытія университета въ 1814 году.— Студенты: назначенные и дѣйствительные; младшіе и старшіе; камерные.— Правила о поведеніи.— Успѣхи студентовъ.— Иностранные языки, какъ средство.— Судьба латинскаго языка, какъ главнаго орудія преподаванія.—Мѣры къ развитію знакомства съ нимъ.

Изъ всего разсказаннаго легко заключить какъ не похожъ первоначальный Казанскій университетъ на то, что по немногу мы привыкли называть университетомъ. И преподаваніе, и успѣхи, и положеніе студентовъ были совершенно случайны. Все зависѣло отъ воли тѣхъ, въ рукахъ которыхъ была сильная власть, а слѣдовательно и произволъ. Параграфы устава 1804 года, посвященные студентамъ (собственно только казеннымъ), были чрезвычайно неопредѣленны; что касается до занятій ихъ, до контроля надъ этими занятіями, то ничего подобнаго тому, что въ настоящее время называется учебнымъ планомъ, мы не видимъ; требованія отъ испытуемаго въ той или другой наукѣ или въ цѣломъ кругѣ наукъ, не были обозначены и испытаніе было совершенно произвольно; въ немъ на первый планъ выдвигались конечно прежде всего личныя отношенія. Уставъ, либераль-

ный вообще, какъ созданіе первыхъ годовъ царствованія Александра I, предоставлялъ довольно полную свободу преподаванія и даже слушанія (въ смыслѣ конечно выбора изучаемыхъ предметовъ), но онъ вездѣ говоритъ о факультетахъ, на обязанности которыхъ лежитъ это преподаваніе, говоритъ о такихъ учрежденіяхъ при университетѣ, какъ педагогическій институтъ, а ни факультетовъ. ни этого института до открытія университета, т. е. до 1814 года, не существовало въ Казани, а потому царилъ произволъ. Въ уставѣ говорилось о *кандидатахъ*. Это не была первая ученая степень, какъ въ послѣдующихъ университетскихъ уставахъ, 1835 и 1863 годовъ, но нѣчто другое. При университетѣ такихъ *студентовъ-кандидатовъ* полагалось 12; они были внесены въ штатъ и получали опредѣленное содержаніе, по 300 рублей въ годъ. Въ § 117 говорилось: „Студенты, окончившіе трехлѣтнее ученіе и выслушавшіе *нужные* курсы, для продолженія ученія въ которомъ нибудь отдѣленіи (ежели пожелаютъ остаться въ университетѣ), могутъ продолжать ученіе въ званіи кандидатовъ и отправлять должность *повторителей*, по надлежащемъ испытаніи". Это испытаніе опредѣлялось § 96 и происходило въ факультетскихъ собраніяхъ, которыя гарантировали его правильность. Между тѣмъ, гораздо ранѣе положеннаго трехлѣтняго срока, мы встрѣчаемъ въ Казани не только кандидатовъ, но и магистровъ (послѣдніе получали уже по 400 рублей) и очень скоро всѣ штатныя съ жалованьемъ мѣста кандидатовъ и магистровъ были замѣщены. Понятно, что условія полученія этихъ степеней были вполнѣ произвольны. Вскорѣ послѣ смерти попечителя Румовскаго и до опредѣленія Салтыкова, когда совѣтъ университета относился съ своими представленіями прямо къ министру народнаго просвѣщенія, этотъ послѣдній (графъ Разумовскій), въ своемъ предложеніи (8 авг. 1812 г. № 703) замѣтилъ, что совѣтъ произвелъ четырехъ студентовъ въ кандидаты, основываясь лишь на предложеніи профессора Яковкина и притомъ изъ рапорта совѣта не видно, чтобы эти лица прослушали трехгодичные курсы и подвергались положенному испытанію, и требовалъ донести: могутъ ли означенные кандидаты слушать профессорскія лекціи (слѣдовательно они слушали до тѣхъ поръ только курсъ *нужныхъ* или приготовительныхъ наукъ) и особливо могутъ ли слушать эти лекціи на латин-

скомъ языкѣ. Изъ отвѣтнаго рапорта совѣта оказалось, что степени кандидата удостоивали только по одобреніи г. г. преподавателей, у которыхъ они слушали лекціи и что никакому испытанію они не подвергались. Точно также министръ замѣтилъ, что къ возведенію въ званіе студентовъ (девять лицъ въ 1812 году) „недостаточно одного рапорта, поданнаго въ совѣтъ отъ помощниковъ инспектора надъ студентами и простаго одобренія профессора Яковкина, изъясненнаго въ рапортѣ совѣта отъ 3 іюля“. Что касается латинскаго языка, важность и необходимость котораго такъ сильно сознавали попечители и министръ, то совѣтъ не считалъ его необходимымъ для своекоштныхъ студентовъ; они и не учились ему, согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія.

Не смотря на незначительное число студентовъ въ университетѣ, совѣтъ или скорѣе Яковкинъ, котораго больше всего занимала внѣшняя сторона, придумывали различныя дѣленія ихъ и правила. Это отчасти вызывалось и неопредѣленностью параграфовъ устава. Такъ желали для студентовъ опредѣлить различіе между *дѣйствительнымъ* студентомъ и *назначеннымъ* въ студенты. Всѣ поступающіе въ университетъ, по смыслу устава, должны называться студентами; права же студента предоставляются при выпускѣ только окончившему пріуготовительный и другой, особенный, курсы наукъ. Но, какъ не всѣ студенты, судя по времени вступленія ихъ въ университетъ и по познаніямъ своимъ въ немъ пріобрѣтеннымъ, будутъ одинаково успѣвать, то совѣту казалось несправедливымъ сравнивать только что поступившаго въ университетъ съ тѣмъ, который пробылъ въ немъ около трехъ или четырехъ лѣтъ. Нельзя не видѣть въ этомъ разсужденіи зародыша представленія о будущихъ курсахъ или настоящихъ семестрахъ, хотя послѣдніе имѣютъ необходимымъ условіемъ испытанія, тогда несуществовавшія. Совѣтъ, предполагая установить различіе между студентами по времени пребыванія ихъ въ университетѣ, видѣлъ въ этомъ ту пользу, что младшіе будутъ соревновать старшимъ, а эти послѣдніе не могутъ также оставаться равнодушными и постараются успѣвать съ своей стороны. До сихъ поръ студенты дѣлились на двѣ категоріи: перешедшіе изъ гимназіи въ университетъ и слушавшіе лекціи, но не получившіе шпагъ, назывались *назначенными въ студенты*, прочіе

просто студентами. Первое названіе не имѣло законнаго основанія и совѣту казалось оно весьма неопредѣленнымъ, потому что изъ него не видно къ какому состоянію принадлежитъ такой назначенный: къ студентамъ или ученикамъ гимназіи, по уставу же всѣ поступающіе въ университетъ должны именоваться студентами. И вотъ совѣтъ придумываетъ названіе *младшихъ* и *старшихъ* студентовъ. Различіе между тѣми и другими заключалось въ правѣ носить шпагу. Младшіе получаютъ ее по окончаніи съ успѣхомъ курса хотя нѣкоторыхъ пріуготовительныхъ наукъ при добропорядочномъ поведеніи; получивъ шпагу, они будутъ называться либо дѣйствительными, либо старшими, либо просто студентами и пользоваться при выпускѣ предоставленными студенту правами. Этимъ постановленіемъ своимъ, представленнымъ на разрѣшеніе попечителя, совѣтъ предполагалъ между прочимъ обойти законъ о непринятіи въ студенты лицъ изъ податныхъ сословій. „Въ отдѣленіи младшихъ студентовъ, писалъ онъ, могутъ находиться и изъ купеческаго и другаго званія, поелику они не будутъ дѣйствительные студенты, а слѣд. и имѣть правъ, онымъ присвоенныхъ; университетъ же чрезъ то пріобрѣтетъ большее число слушателей и тѣмъ принести можетъ большую пользу для народнаго просвѣщенія“ (Засѣд. 4 окт. 1811 года, ст. 17).

Попечитель такое предположеніе совѣта о раздѣленіи студентовъ на младшіе и старшіе утвердилъ (4 ноября, № 1188) въ видахъ поощренія студентовъ. Согласно его предложенію „воспитанникъ гимназіи, по испытанію допущенный къ слушанію профессорскихъ лекцій, долженъ называться младшимъ пока будетъ слушать приготовительныя науки, а по окончаніи ихъ и послѣ испытанія, пріобрѣтя всѣ нужныя свѣдѣнія для слушанія въ которомъ либо изъ отдѣленій, избранномъ имъ для своего дальнѣйшаго упражненія, получаетъ званіе старшаго и право носить шпагу и тогда тѣ только обязанъ посѣщать лекціи, которыя отъ совѣта или факультета будутъ ему назначены“. Но раздѣленіе это должно относиться только къ казеннымъ студентамъ и не распространяться на своекоштныхъ. Черезъ годъ однако новый попечитель (Салтыковъ), въ своемъ предложеніи совѣту, называлъ такое, введенное совѣтомъ раздѣленіе студентовъ на младшихъ и старшихъ—напраснымъ, такъ какъ нѣтъ его въ уставѣ, и пре-

доставилъ вопросъ о немъ будущему своему распоряженію, при личномъ осмотрѣ университета.

Хотя Яковкинъ, въ своихъ частныхъ письмахъ къ Румовскому, постоянно старался выставить свои отношенія къ немногочисленнымъ студентамъ того времени въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и говорилъ о своихъ почти родительскихъ чувствахъ къ студентамъ, о ихъ дѣтской привязанности къ нему, но изъ разсказанной нами исторіи выхода почти половины студентовъ въ военную службу и изъ различныхъ случаевъ „буйства и своеволія“, какъ выражались тогда, мы знаемъ, что эти отношенія были далеко не таковы. Казалось бы очень легко устроить жизнь сорока молодыхъ людей, призванныхъ исключительно къ занятіямъ наукою, если относиться къ нимъ прямодушно и честно, но въ этихъ то отношеніяхъ и господствовала глубокая фальшь. Подъ красивою наружною фразою скрывались весьма неприглядныя отношенія. И тутъ, какъ вездѣ, мы встрѣчаемся съ безконечною и совершенно безполезною регламентаціею, которою думали помочь злу. Правилъ было множество, но изучая ихъ теперь, невольно приходишь къ убѣжденію, что источникомъ ихъ было не дѣйствительное желаніе добра и пользы, а скорѣе лицемѣріе и ложь.

При основаніи университета, по отдѣленіи студентовъ отъ гимназистовъ, Румовскій, сообразуясь какъ кажется съ порядками, существовавшими въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, вмѣсто комнатныхъ надзирателей (для гимназистовъ) учредилъ между студентами старшихъ или *камерныхъ* студентовъ, обязанныхъ надзирать въ комнатахъ за поведеніемъ своихъ товарищей, за правильнымъ употребленіемъ времени ихъ въ занятіяхъ наукою, и рапортующихъ начальству обо всемъ происходящемъ. Сначала такихъ камерныхъ студентовъ назначала инспекторская власть, но едва-ли приносили они пользу, а въ исторіяхъ 1807 года участвовали и камерные, какъ напр. Балясниковъ. Во всякомъ случаѣ къ товарищамъ своимъ они ставились въ ложное положеніе. Яковкинъ сильно стоялъ за пользу этого учрежденія, и въ 1807 году, для руководства камерныхъ студентовъ, составилъ правила, состоящія изъ 40 параграфовъ, и представилъ ихъ на благоусмотрѣніе попечителя. Въ нихъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ: что есть камерный студентъ?—„Камерный студентъ есть помощникъ

помощника инспектора казенныхъ студентовъ". Любопытно, что самъ составитель правилъ задается вопросомъ: нужны ли камерные студенты (при инспекторѣ, двухъ его помощникахъ и при сорока студентахъ) и отвѣчаетъ, что они необходимы, „ибо помощникъ инспектора и самъ инспекторъ бываютъ часто сами заняты; первый собственными своими упражненіями для усовершенствованія себя въ какой либо наукѣ (онъ назначался изъ кандидатовъ, обязанныхъ слушать лекціи въ университетѣ), иногда хожденіемъ на лекціи и еще какою либо должностью; второй, не находясь вмѣстѣ со студентами, будучи запятъ сверхъ лекцій и свойственными его званію глубокомысленными (?) упражненіями (это Яковкинъ говоритъ о себѣ) и также должнымъ всякому профессору участіемъ въ устройствѣ университета, еще болѣе отвлеченъ отъ сего". Такимъ образомъ обязанности инспектора и его помощника возлагались на камернаго студента. Онъ „скорѣе можетъ усмотрѣть за всѣмъ", „лучше увидѣть достатки и недостатки ввѣренныхъ ему студентовъ". По правиламъ камерный студентъ, „ревнуя къ своей должности и пользѣ общей, постарается болѣе вникать въ занятія и поведеніе всякаго студента, поощритъ успѣвающаго, приведетъ помощью своею на путь истины блуждающаго". Камерные студенты „постараются всеконечно вести въ комнатѣ своей на иностранныхъ языкахъ разговоры и сами станутъ заниматься симъ"; „успѣхи студентовъ въ ученіи, поведеніи и занятіи въ иностранныхъ языкахъ отнесутся къ особенной чести камернаго". Словомъ камерные студенты, „какъ глазъ и ухо начальства, будутъ поступать во всѣхъ случаяхъ, какъ *патріоты отечества и мѣста воспитанія* и какъ истинно добрые и честные граждане" (§ 21). Камерные студенты выбирались всѣми студентами, въ присутствіи инспектора и его помощника, но выборъ могъ пасть только на „отличнаго предъ всѣми студентами добрымъ поведеніемъ, честностью нравовъ, правотою въ поступкахъ и чистотою души испытаннаго, также отличнаго по своему прилежанію, успѣхамъ и познаніямъ". Всѣ эти качества конечно опредѣлялись начальствомъ, а потому выбрать можно только того, на кого оно укажетъ. Камерный студентъ писалъ и подавалъ ежедневные рапорты и годовые отчеты о своихъ товарищахъ. Регламентація простиралась до того, что кромѣ настоящихъ камерныхъ студентовъ, были еще правящіе ихъ должность.

Они явились въ силу слѣдующаго параграфа правилъ: „Если настоитъ нужда въ выборѣ, а выбранный имѣетъ одну степень преимущества предъ прочими, либо въ ученіи, либо въ поведеніи, а другою нѣкоторымъ даже равенъ, то о таковомъ не доносится совѣту, и онъ считается правящимъ должность камернаго студента".

Какую пользу принесли эти камерные студенты и какъ относились къ нимъ ихъ товарищи—затрудняемся сказать, тѣмъ болѣе, что ни рапортовъ ихъ, ни отчетовъ въ дѣлахъ архива не оказалось. Какъ кажется учрежденіе это упразднилось года черезъ четыре, само собою, какъ лишнее.

Въ 1808 году появились первыя правила для поведенія студентовъ и опредѣлены были наказанія за разные проступки ихъ. До того времени, по словамъ Яковкина, какъ инспектора студентовъ, онъ „сообразовался въ этомъ дѣлѣ съ порядкомъ, заведеннымъ въ гимназіи и правилами для студентовъ въ другихъ университетахъ, благоразуміемъ и долговременною моею опытностію. Но время доказало, что сего недовольно, а необходимо нужно, чтобъ юношеству извѣстно было и наказаніе, назначенное за нарушеніе порядка въ разныхъ его отношеніяхъ; ни проступки противу справедливости, честности, пользы и благопристойности достаточно и обстоятельно не различены, ниже соразмѣрныя наказанія не обозначены." На основаніи этого онъ и представилъ составленныя имъ правила на обсужденіе и утвержденіе совѣта. „Необходимо нужно стараться, говоритъ онъ, лучше предупреждать проступки извѣстностью о качествѣ ихъ и мѣрахъ наказанія, нежели содѣланныя уже объяснять и наказывать, и притомъ въ образованіи довольно уже взрослаго юношества потребно тѣмъ болѣе предосторожностей и предусмотрительностей."

Правила, составленныя Яковкинымъ и представленныя имъ на обсужденіе совѣта, не обширны по объему: они заключаются всего въ пяти статьяхъ; цѣль ихъ—исправленіе. Панацеею противъ всѣхъ золъ является въ нихъ *черная доска*, извѣстной величины, „на коей, написавъ проступокъ, имя и прозванье студента, вывѣшивать ее въ спальныхъ комнатахъ на кратчайшее или должайшее время, сообразно проступку, для пристыженія и исправленія проступившагося и въ предостереженіе прочимъ его сотоварищамъ." По первой статьѣ „за *умышленное нарушеніе* введеннаго порядка отно-

сительно скромности, вѣжливости и благопристойности“ имя писалось на три дни и проступокъ записывался въ особую тетрадь. По второй статьѣ: „за умышленное нарушеніе порядка относительно *подчиненности*, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія—имя вывѣшивалось на цѣлую недѣлю, а проступокъ записывался въ инспекторскую журнальную книгу. Въ третьихъ ожесточенное и учащаемое нарушеніе порядка представляется на благоусмотрѣніе совѣта и тотъ уже принимаетъ сообразныя мѣры для прекращенія зла. Въ чемъ могли заключаться эти мѣры—правила не говорятъ; очевидно однако, что это былъ карцеръ, часто употреблявшійся въ тѣ годы. Хотя Яковкинъ и писалъ къ попечителю, что онъ считаетъ карцеръ „самымъ послѣднимъ средствомъ и прибѣжищемъ для исправленія юношества“, но доска кажется не дѣйствовала и къ карцеру прибѣгали часто. Четвертою статьею правилъ опредѣлялось выдавать шпаги только тѣмъ студентамъ, которые прослушали курсъ приготовительныхъ наукъ, а пятою рекомендовалось всѣмъ студентамъ „дабы они въ комнатахъ между собою въ разговорахъ поставляли себѣ особенною обязанностью *говорить между собою всегда по латыни*, отчего тѣмъ скорѣе могутъ они утвердиться въ семъ языкѣ.“ Если эта рекомендація не осталась только на бумагѣ, то читатель легко себѣ представить можетъ эту новоявленную и обязательную латынь тогдашнихъ казанскихъ студентовъ.

Въ томъ совѣтѣ, 1808 года, гдѣ властвовалъ самовластно Яковкинъ, предложенныя имъ правила не могли встрѣтить противорѣчія; они и не подвергались даже обсужденію и были представлены на утвержденіе попечителя. Изъ письма Яковкина видно однако, что профессоръ Германъ замѣтилъ съ своей стороны, что написываніемъ проступковъ студентовъ на черной доскѣ, вывѣшиваніемъ ея въ спальныхъ комнатахъ и заведеніемъ особой тетради или инспекторской книги унизилось бы достоинство университета и онъ сравнился бы съ малыми обыкновенными школами. Но мнѣніе Германа никѣмъ не было поддержано. Румовскій утвердилъ правила и остался ими доволенъ. „Вы основательно карцеръ почитаете за послѣднее средство, писалъ онъ къ Яковкину, за карцеромъ должно слѣдовать изгнаніе, consilium abeundi для своекоштныхъ. Карцеръ употребляется и въ иностранныхъ университетахъ, но тамъ всѣ учащіеся пла-

тятъ деньги читающимъ лекціи и вольны они внѣ университета располагать своимъ поведеніемъ. Здѣсь гимназіи и университеты въ другомъ положеніи; иныя и средства къ воздержанію употреблять должно."

Исключенія изъ университета за худое поведеніе въ правилахъ вовсе не полагалось и мы можемъ сказать, что въ первые годы, о которыхъ идетъ рѣчь, и не было ни одного случая исключенія. Тѣмъ не менѣе главное правленіе училищъ, въ началѣ 1806 года, распространило на всѣ университеты имперіи постановленіе совѣта Дерптскаго университета, по которому студентъ, уволенный за дурное поведеніе, не прежде можетъ просить объ экзаменѣ для полученія академической степени, соотвѣтственной его познаніямъ, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ и только въ томъ случаѣ, если онъ представитъ удовлетворительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи за время, проведенное имъ внѣ университета. Въ 1811 году Высочайше повелѣно было „студентовъ университета и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній, отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же о таковыхъ представлять Его Величеству."

Эта строгая мѣра стала примѣняться только гораздо позднѣе. За то совѣтъ заботился объ „ободреніи" тѣхъ, которые выдавались передъ другими отличнымъ своимъ поведеніемъ. Это болѣе соотвѣтствовало добродушію нравовъ того времени. Въ іюлѣ 1809 года Яковкинъ представилъ въ совѣтъ слѣдующій рапортъ помощника инспектора Кондырева:

«Ободреніе есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ возбужденію дѣлать все доброе, честное и должное. Обнаруженное вниманіе начальства какимъ бы то ни было способомъ поощряетъ подчиненныхъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ предпринятомъ, возбуждаетъ ревность въ другихъ сравняться съ ними и совращаетъ многихъ съ противнаго пути благоразумію. Къ употребленнымъ доселѣ ощутительнымъ ободреніямъ для улучшенія поведенія студентовъ еще можетъ быть потребны нѣкоторыя прибавленія, хотя впрочемъ и положено въ уставѣ университета отличныхъ поведеніемъ награждать медалями, но по несовершенному открытію университета сдѣлать сего всеконечно не было возможности. Въ уставѣ университета и вообще во всѣхъ постановленіяхъ и правилахъ правительства на поведеніе столь обращено великое вниманіе, что оно *всему предпочитается*. Попечительное начальство съ заботною попечительностью безпрекословно старается изыскивать случаи къ ободренію и средства.»

Рапортъ за тѣмъ представляетъ нѣсколько именъ студентовъ, отличившихся своимъ поведеніемъ въ теченіе года, и дѣлитъ ихъ, по способу ободренія, на слѣдующія три категоріи: 1) заслужившіе вниманіе и открытую похвалу начальства, 2) заслуживающіе быть упомянутыми предъ начальствомъ и 3) заслуживающіе быть просто упомянутыми. Совѣтъ опредѣлилъ: собрать всѣхъ студентовъ и въ присутствіи всего совѣта отдать справедливость отличившимся, записать имена ихъ въ протоколъ и особымъ рапортомъ донести попечителю.

Если такое особенное вниманіе было обращено на поведеніе студентовъ, то у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о положительныхъ успѣхахъ студентовъ въ изученіи преподаваемыхъ имъ наукъ, за исключеніемъ немногихъ личностей, выдававшихся своими талантами, нами упомянутыхъ уже и главнымъ образомъ успѣвшихъ въ области математическихъ наукъ и то только потому, что языкъ математики и ея формулы могутъ быть справедливо названы универсальнымъ языкомъ. Мы не можемъ сдѣлать вполнѣ положительнаго заключенія объ успѣхѣ того или другаго преподаванія. Учиться въ тѣ годы въ Казанскомъ университетѣ и пріобрѣтать свѣдѣнія можно было только у иностранныхъ профессоровъ, именно нѣмцевъ, приглашенныхъ Румовскимъ, но успѣвать у нихъ въ знаніи было невозможно, такъ какъ за самымъ малымъ и случайнымъ исключеніемъ, слушатели не понимали языка профессора. На это обстоятельство, постоянно парализовавшее ихъ преподавательскую дѣятельность, нѣмецкіе профессора неоднократно жаловались. Казенные воспитанники гимназіи вовсе не знали иностранныхъ языковъ, нѣмецкій языкъ, какъ извѣстно, пользовался особенною враждою, а нѣмецкіе учителя преслѣдовались нелюбовью и насмѣшками въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся поколѣній; французскій языкъ былъ нѣсколько знакомѣе, но только дѣтямъ болѣе достаточныхъ родителей, которыя могли познакомиться съ нимъ дома; въ гимназіи узнать его на столько, чтобъ свободно слушать на немъ преподаваніе, не было возможности. Уставъ 1804 года правда предвидѣлъ это печальное обстоятельство и на первый планъ выдвигалъ знаніе латинскаго языка, на которомъ предполагалось все преподаваніе профессоровъ-иностранцевъ. Но латинскій языкъ для казанскихъ студентовъ описываемаго времени былъ еще менѣе извѣстенъ и преслѣдовался большею враждою, чѣмъ даже

нѣмецкій. Преподаваніе его было жалко вообще и историческая судьба его во всей странѣ была совершенно печальна. Съ латинскимъ языкомъ не соединялись у насъ, какъ это было въ европейскихъ государствахъ, тѣ могущественныя тысячелѣтнія и вѣковыя воспоминанія Римской имперіи и ея законодательства, католической церкви и схоластики, эпохи Возрожденія и гуманизма, которыя придавали высокое значеніе ему и дѣлали его орудіемъ и средствомъ обширнаго умственнаго міра. Для насъ это былъ совершенно непонятный языкъ и, чтобъ вполнѣ усвоить его, надобно было войти духомъ во всю ту могущественную умственную жизнь, для которой онъ служилъ выраженіемъ. Многіе ли были въ состояніи это сдѣлать? Уставъ 1804 года смотрѣлъ на него, какъ на общій языкъ науки, употребляемый ею со временъ школъ Карла В. Но уже съ начала XVIII вѣка европейская наука стала освобождаться отъ него и въ преподаваніи и въ научныхъ сочиненіяхъ, и только въ медицинѣ онъ еще упорно держался, такъ какъ медики смотрѣли на себя глазами римскихъ авгуровъ. Для казанскихъ студентовъ того времени латинскій языкъ не былъ необходимою, выгодною какъ теперь въ педагогически-карьерномъ отношеніи дисциплиною: они видѣли, по примѣру своихъ русскихъ профессоровъ, что можно быть представителемъ науки безъ всякаго знанія латинскаго языка, что лучшія и вліятельнѣйшія математическія сочиненія времени (а математикою занимались самые даровитые студенты) писаны на простомъ и ясномъ французскомъ языкѣ; они, наконецъ, гордились тѣмъ, что незнакомство съ латынью выгодно отличаетъ ихъ отъ семинаристовъ, принужденныхъ ее изучать. Для казанскихъ студентовъ описываемаго нами времени такое знаніе латинскаго языка, чтобы они могли свободно слушать на немъ изложеніе какой либо науки, было совершенно немыслимо и всѣ попытки министровъ, попечителей и мѣстнаго начальства, чтобъ водворить въ университетѣ латинскій языкъ, какъ орудіе науки, остались безъ всякаго существеннаго результата или вызывали только ложь донесеній и рапортовъ и лицемѣрныя увѣренія объ успѣхахъ, которыхъ не было да и не могло быть. Понятно, что страдало прежде всего преподаваніе.

Выше (стр. 89—91), въ біографіи перваго профессора латинскаго языка Германа, мы сообщили свѣдѣнія о судьбахъ латинскаго языка въ Казанской гимназіи и привели его жалобы на неподоготовленность его слушателей. Эти жа-

лобы повторялись всѣми его товарищами-нѣмцами, незнавшими какъ приблизить къ себѣ студентовъ, какъ сообщать имъ свѣдѣнія.

Въ мартѣ 1806 года, въ засѣданіи совѣта было обращено вниманіе на § 119 устава, въ которомъ высказывалось желаніе, чтобы профессоры наукъ, особливо словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, учредили со студентами *бесѣды* о научныхъ предметахъ, въ которыхъ „исправляли бы сужденіе ихъ и самый образъ выраженія, и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли“. Въ концѣ § говорилось: „*для удержанія при университетѣ латинской литературы*, желательно, чтобы въ бесѣдахъ сихъ употребляемъ былъ преимущественно латинскій языкъ“. Совѣтъ задался вопросомъ: „не соблаговолитъ ли кто изъ гг. профессоровъ вышеобозначенныхъ каѳедръ учредить бесѣдованія со *студентами казенными* въ извѣстное время, хотя по одному разу въ недѣлю“, чтобъ донести объ этомъ попечителю. Состоялось опредѣленіе: разсуждать о семъ въ другое собраніе. Прошло однако полтора года, а обѣщаннаго разсужденія не послѣдовало. Только письмо профессора Германа къ попечителю, въ которомъ онъ справедливо жаловался на медленность успѣховъ своихъ слушателей, приписывая ихъ тому обстоятельству, что онъ долженъ читать свои лекціи на языкѣ латинскомъ, а понимаютъ его очень немногіе, такъ что ему приходится повторять тоже на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вызвало особенныя мѣры начальства къ усиленію преподаванія латинскаго языка. „Можетъ статься, пишетъ въ своемъ предложеніи попечитель (15 авг. 1807 г. № 421), что и прочіе гг. профессоры въ томъ же находятся положеніи, ежели слушатели ихъ недовольно знаютъ латинскій языкъ. Для отвращенія сего великаго неудобства необходимо нужно принять пристойныя мѣры. Изъ § 119 Высочайше конфирмованнаго устава явствуетъ, что государь императоръ желаетъ, чтобы латинская литература преимущественно удержана была въ университетѣ, и какъ всѣ гг. иностранные профессоры, зная латинскій языкъ, могутъ наставленія свои преподавать на ономъ, то кажется мнѣ, что необходимость требуетъ поставить правиломъ, чтобы ни одинъ, на казенномъ иждивеніи содержимый воспитанникъ, не производимъ былъ въ студенты доколѣ въ латинскомъ языкѣ столько не успѣетъ, чтобы

разумѣть могъ на латинскомъ языкѣ преподаваемыя лекціи". Попечитель предписывалъ увеличить число часовъ преподаванія латинскаго языка, требовать отъ казенныхъ воспитанниковъ знакомства не съ двумя, а только съ однимъ новымъ иностраннымъ языкомъ, отдавать преимущество успѣхамъ въ латинскомъ языкѣ предъ успѣхами въ прочихъ предметахъ гимназическаго курса. („Мнѣ кажется, что гимназистъ, оказавшій довольные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при посредственномъ успѣхѣ въ другихъ предметахъ, достойнѣе названъ быть можетъ студентомъ „нежели немогущій разумѣть профессорскихъ лекцій, но успѣвшій въ исторіи, географіи, математикѣ и въ прочемъ, потому что всѣ въ гимназіи преподаваемыя наставленія знающій латинскій языкъ будетъ имѣть случай повторить, посѣщая профессорскія лекціи"). „Ежели и совѣтъ найдетъ лучшее средство отвратить вышеупомянутое неудобство, то я готовъ на оное согласиться".

Согласно мнѣнію профессора Германа, попечитель предлагаетъ совѣту распорядиться покупкою достаточнаго количества экземпляровъ Евтропія, Юстина и Корнелія Непота и внушить учителямъ гимназіи, чтобы они съ учащимися чаще и прилежнѣе читали древнихъ авторовъ и объясняя свойства ихъ языка, не занимались одними грамматическими и скучными для юношества правилами (попечитель забывалъ, что для объясненій другаго рода, не однихъ грамматическихъ, у учителей не доставало свѣдѣній). Совѣтъ, выслушавъ это предложеніе попечителя, опредѣлилъ: 1) собрать свѣдѣнія изъ дѣлъ совѣта въ разсужденіи сего предмета; 2) чтобы каждый латинскій учитель подалъ совѣту на бумагѣ о методѣ своего ученія и 3) чтобы изъ инспекторской кладовой дано было знать совѣту, сколько находится въ ней для сихъ классовъ и какихъ латинскихъ авторовъ, о чемъ *послѣ* и доложить совѣту. Только одинъ, больше всѣхъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, профессоръ Германъ скептически возсталъ, къ великому неудовольствію Яковкина, на всѣ три пункта совѣтскаго опредѣленія. Его возраженія, писанныя по французски, находятся въ подлинныхъ протоколахъ. Онъ писалъ совершенно справедливо, не довѣряя господствующей канцелярщинѣ: 1) „Пусть собираютъ рѣшенія совѣта о латинскомъ языкѣ, но пусть и докажутъ, что они всегда исполнялись"; 2) „недостаточно одного рапорта учителей о

ихъ методахъ, но надо, чтобъ они представили доказательства знанія своего въ присутствіи совѣта“; 3) „самыя книги латинскихъ авторовъ должны быть принесены въ совѣтъ“. Вслѣдъ за симъ Германъ заявилъ въ совѣтѣ, что присутствуя на послѣднемъ гимназическомъ экзаменѣ, онъ убѣдился, что всѣ латинскія упражненія списывались одно съ другаго: слова, фразы, грамматическія ошибки у всѣхъ были одни и тѣже.

Создать знаніе латинскаго языка вдругъ и при томъ такое, чтобъ студентъ могъ слушать на немъ преподаваніе, очевидно было невозможно. Дѣло конечно должно было остаться въ томъ же положеніи. Способъ ученія, представленный треми учителями гимназіи, найденъ былъ въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта сообразнымъ цѣли гимназіи, а въ инспекторской кладовой классныхъ латинскихъ книгъ оказалось достаточное количество. Яковкинъ сверхъ того распорядился о пріобрѣтеніи лишнихъ экземпляровъ на Макарьевской ярмаркѣ. Германъ одинъ, считая все это недостаточнымъ, не подписалъ протокола. Пристойными мѣрами для успѣха въ знаніи латинскаго языка совѣтъ призналъ, кромѣ упомянутой нами обязанности въ правилахъ о камерныхъ студентахъ говорить между собою по латыни, слѣдующія: 1) предписать инспектору гимназіи, что латинскій языкъ долженъ быть предпочитаемъ прочимъ языкамъ, для внушенія учителямъ онаго, съ объявленіемъ и самого предписанія Его Превосходительства и 2) ввести *бесѣды* на латинскомъ языкѣ, указанныя § 119 устава, о которыхъ было разсуждаемо полтора года тому назадъ. Близкіе къ Яковкину люди, и по его просьбѣ, сначала Бюнеманъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончавшійся, за тѣмъ Эрихъ, Евестъ и Запольской изъявили желаніе вести со студентами бесѣды на латинскомъ языкѣ. Германъ же рѣшительно отказался, считая ихъ безполезными. Время для нихъ назначено было вечернее. Всѣ они получили искреннюю признательность попечителя за такое рвеніе, но мы положительно можемъ утверждать, что бесѣды эти существовали только въ совѣтскихъ протоколахъ и не могли быть приведены въ исполненіе за совершеннымъ незнаніемъ латинскаго языка студентами.

Впрочемъ, какъ видно изъ рапортовъ Кондырева за этотъ годъ, Евестъ велъ свои бесѣды на языкѣ нѣмецкомъ, а Запольской (о философіи) — на русскомъ. Русскія бесѣды

посѣщали всѣ; у Евеста бывала только половина, а у Эриха и Бюнемана—менѣе половины студентовъ. „Все сіе зависитъ отъ трудности понятія на языкахъ иностранныхъ“—по его словамъ. Кондыревъ въ своихъ фальшивыхъ рапортахъ старается указать и успѣхи студентовъ въ латинскомъ языкѣ и подкурить начальству: „Изъ занятій самыя частыя и преимущественнѣйшія (въ студенческихъ комнатахъ) суть занятія въ познаніи языковъ и особенно переводы и чтеніе. Да и всѣ средства употреблены кажется къ успѣхамъ въ семъ со стороны начальства. Изъ инспекторской гимназической кладовой и библіотеки снабжены всѣми потребными для первоначальныхъ и послѣдующихъ въ языкахъ познаній книгами, изъ библіотеки прежде бывшей гимназической лучшія книги на иностранныхъ языкахъ поступили къ студентамъ... Нынѣ, при многократныхъ внушеніяхъ, начали заниматься, особенно нѣкоторые, и языкомъ латинскимъ, только множество часовъ учебныхъ отнимаетъ почти у каждаго большее время для его занятій“.. (Проток. 2 окт. и 13 ноября, 1807 г.).

Мы видѣли, что Яковкинъ объяснялъ жалобы Германа на незнаніе студентами латинскаго языка своекорыстными и личными причинами (стр. 91), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, въ письмѣ своемъ къ попечителю, что прежнее гоненіе на латинскій языкъ должно было „произвести въ учащихся не только вредное о семъ языкѣ впечатлѣніе, но даже отвращеніе къ нему“ (10 сент. 1807 г). Въ жалобѣ Германа онъ видитъ только обидное обвиненіе начальства гимназическаго и университетскаго, т. е. себя, въ безпечности и несмотрѣніи и старается доказать, что благодаря его усиліямъ, увѣщаніямъ и настояніямъ латинскій языкъ въ послѣднее время и въ гимназіи и въ университетѣ началъ приходить „на чреду свою“. Онъ увѣряетъ попечителя, что выбывшіе въ томъ году въ военную службу студенты были лучшими и надежнѣйшими слушателями, очень успѣвшими въ латинскомъ языкѣ и что остались теперь въ университетѣ большею частью младшіе и слабѣйшіе. Если дать вѣру словамъ Яковкина, то окажется, что Германъ совершенно не правъ и что латинскій языкъ процвѣтаетъ и въ гимназіи и въ университетѣ.

Тѣ палльятивныя и чисто канцелярскія мѣры, которыя постановилъ совѣтъ для увеличенія знаній въ языкѣ латинскомъ, необходимомъ при слушаніи лекцій иностранныхъ

профессоровъ, конечно не могли принести никакой пользы. На бумагѣ обстояло все благополучно, хотя Румовскій, самъ знатокъ латинскаго языка, просматривая время отъ времени латинскія упражненія учениковъ гимназіи, присылаемыя ему послѣ экзаменовъ, конечно лучшія и исправленныя, дѣлалъ свои замѣчанія о слабости успѣховъ въ латинскомъ языкѣ и предписывалъ подтверждать студентамъ, что безъ основательнаго знанія латинскаго языка, они не будутъ производимы въ дальнѣйшія ученыя степени, а ученики гимназіи не будутъ удостоены студентскаго званія, но успѣховъ конечно не могло быть.

Такъ шло дѣло въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ, пока Румовскій не получилъ снова жалобы отъ профессора иностранца, обязаннаго читать лекціи на латинскомъ языкѣ и нашедшаго такихъ слушателей, которые ни слова не понимаютъ на немъ. На этотъ разъ жалоба шла отъ человѣка, котораго онъ уважалъ и цѣнилъ, котораго онъ зналъ за талантливаго и выдающагося спеціалиста по знакомой и любимой имъ самимъ наукѣ и котораго онъ съ трудомъ пріобрѣлъ для Казани. Это былъ Литтровъ, впослѣдствіи столь извѣстный директоръ Вѣнской астрономической обсерваторіи (о его дѣятельности и отношеніяхъ въ Казани мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ). Литтровъ пріѣхалъ въ Казань въ мартѣ 1810 года. Румовскій внимательно слѣдилъ за его дѣятельностью здѣсь, за первоначальнымъ устройствомъ обсерваторіи и за ходомъ астрономическихъ наблюденій, ведя съ Литтровымъ частую переписку. Литтровъ пишетъ къ попечителю и по латыни и по французски и по нѣмецки. Содержаніе ея посвящено все исключительно почти вопросамъ о выпискѣ астрономическихъ книгъ и инструментовъ и новымъ трудамъ и наблюденіямъ по астрономіи, по иногда Литтровъ касается и своихъ личныхъ отношеній въ Казани, говоритъ о своемъ преподаваніи. Въ Казани онъ нашелъ талантливаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ молодаго Симонова, сдѣлавшагося въ 1811 году, при непосредственномъ участіи Литтрова, магистромъ (см. о немъ стр. 250—255). Упоминая въ одномъ изъ писемъ своихъ (8 сент. 1811 г.) о немъ и о его наблюденіяхъ надъ кометою 1811 года, Литтровъ рекомендуетъ его, какъ молодаго человѣка, чрезвычайно прилежнаго и съ большими дарованіями („ut juvenem et multae assiduitatis et praeclarae indolis“). „О,

если бы я могъ сказать тоже самое о прочихъ моихъ слушателяхъ; ихъ у меня одиннадцать, но всѣ они, по вѣсу, не равняются и одиннадцатой долѣ Симонова! Ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи проспрягать латинскій глаголъ и отличить синусъ отъ косинуса: такъ мало ихъ приготовила гимназія! (Nam hi nec unum verbum latinum conjugare, nec etiam sinum a cosinu dignoscere possunt; tanta in gymnasio didicerunt!) И такъ ужъ не астрономіи, а первымъ началамъ математики и латинскаго языка я вынужденъ учить своихъ студентовъ. Тѣмъ не менѣе однако, на сколько это отъ меня будетъ зависѣть, я постоянно буду стараться, чтобы и они что нибудь узнали изъ той великой науки, старѣйшимъ представителемъ которой мы почитаемъ васъ, г. попечитель (1)".

Получивъ письмо Литтрова, попечитель снова повелъ рѣчь о слабости знанія латинскаго языка въ гимназіи, а слѣдовательно и въ университетѣ. „Въ увѣреніе ваше, что я имѣлъ основательную причину сказать объ успѣхахъ въ верхнемъ латинскомъ классѣ, что они слабы, прилагаю здѣсь одинъ изъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій, сдѣланный въ присутствіи экзаминаторовъ, для того, что всѣ прочіе сему подобны. Изъ него вы видите, что учитель сказывалъ о каждомъ словѣ, какъ оное должно быть переведено на латинскій языкъ, даже до того, какъ должно перевести *были* (sum), чего въ верхнемъ классѣ дѣлать не слѣдовало. У многихъ вмѣсто ex senatu ejectos переведено ex senato и проч. (Румовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ грубѣйшаго незнанія латинскаго языка и указываетъ на противорѣчіе этого невѣжества съ словами рапорта, подписаннаго Яковкинымъ, что ученики „имѣютъ знаніе синтаксическихъ правилъ и довольную способность переводить съ русскаго на латинскій"). Письмо оканчивается угрозою: „Все, что въ рапортѣ въ оправданіе учителей ни сказано, ни мало не опровергаетъ мнѣнія моего объ успѣхахъ верхняго латинскаго класса (того, изъ котораго поступали въ студенты), и ежели не учителямъ, то *кому* слабые успѣхи въ верхнемъ латинскомъ классѣ отнести должно? Избѣгая

(1) Эти слова латинскаго письма Литтрова приведены и по нѣмецки въ его біографіи, написанной его сыномъ и помѣщенной въ заключительномъ томѣ I. I. v. Littrow's Vermischte Schriften. Dritter Band. Stuttg. 1846, 8°. S. 574.

невыгодныхъ толковъ отъ непокорныхъ членовъ совѣта *о начальникахъ гимназіи* (т. е. повторенія того, что было въ совѣтѣ при обсужденіи жалобы Германа), не намѣренъ я ничего отвѣтствовать на рапортъ мнѣ доставленный до другаго подобнаго, чтобы оба вмѣстѣ представить на благоусмотрѣніе Его Сіятельства“. Письмо это было писано тотчасъ по полученіи письма отъ Литтрова. Черезъ три дня Румовскій послалъ однако Яковкину выписку изъ письма Литтрова, касающуюся незнанія студентовъ языка латинскаго, тщательно очистивъ ее отъ всякихъ личныхъ намековъ, чтобы директоръ не догадался кто писалъ.

Но получивъ эту выписку, Яковкинъ, какъ и слѣдовало ожидать, жестоко разсердился на повидимому неизвѣстнаго ему члена совѣта и принялъ ее за личное для себя оскорбленіе. Распросивъ отдѣльно каждаго профессора, подозрѣваемаго имъ въ авторствѣ сообщенія, сдѣланнаго попечителю, онъ три раза громко прочиталъ въ совѣтѣ злосчатную выписку, прямо смотря на Литтрова („en me fixant toujours avec des yeux étincelants“ — пишетъ послѣдній). Яковкинъ скоро догадался кто писалъ, но всякое объясненіе и доказательства со стороны Литтрова возбудили бы бурю въ совѣтѣ и безконечныя пререканія о власти, о подчиненности, о неуваженіи къ начальству, которыя такъ непріятны были Румовскому, уважаемому Литтровымъ не только какъ попечитель, но и какъ извѣстный астрономъ, и онъ смолчалъ, „en Vous sacrifiant une partie de mon honneur“, пишетъ онъ къ Румовскому. „Я не хотѣлъ доказывать истину, которую онъ самъ зналъ гораздо лучше меня, которую знали всѣ“. Но Яковкинъ всѣмъ и каждому изъ сослуживцевъ Литтрова сталъ указывать на него, какъ на клеветника и лжеца и разумѣется въ этомъ же смыслѣ писалъ къ попечителю.

Литтрову нужно было представить Румовскому ясныя доказательства своихъ словъ, хотя попечитель и не требовалъ этихъ доказательствъ; онъ повѣрилъ слову честнаго человѣка и письменно благодарилъ Литтрова за его неблагодарный трудъ, взятый на себя, но Литтровъ считалъ своимъ долгомъ дать эти доказательства и представилъ ихъ въ своемъ письмѣ (31 октября, 1811 года). Вотъ что онъ разсказываетъ (переводимъ съ французскаго):

«Въ прошедшую пятницу, въ часъ назначенный для моихъ лекцій, я попросилъ каждаго изъ пяти моихъ слушателей, совершенно открыто и безъ всякой тайны въ публичной аудиторіи, перевести по латыни по три строчки,

писанныхъ по русски, для того чтобъ они не могли отговариваться недостаточнымъ знаніемъ языка нѣмецкаго или французскаго. Эти строчки были выписаны мною изъ моей грамматики (Литтровъ успѣлъ уже достаточно выучиться русскому языку); это были небольшіе, самые простые періоды, безъ всякихъ упущеній qui, et, cum, postquam и пр. Читая ихъ, студенты смѣялись. Я спросилъ ихъ о причинѣ ихъ смѣха.—Sie wissen, wir nicht kennen—отвѣчали они. Послѣ моихъ настояній, они попросили позволенія сходить за лексикономъ Я позволилъ и сверхъ того обѣщалъ дать отвѣты на всѣ вопросы, ими предложенные, и латинскія слова, написанныя моею рукою надъ русскимъ текстомъ, заключаютъ отвѣты на ихъ вопросы, такъ какъ они не умѣли даже обращаться съ лексикономъ. Въ концу втораго часа я попросилъ каждаго подписать свою фамилію подъ тремя строчками».

Препровождая къ попечителю эти образчики знанія латинскаго языка ([1]), Литтровъ говоритъ: „Краснѣю, представляя в. п., переводчику одного изъ труднѣйшихъ римскихъ авторовъ, оригиналы этого несчастнаго маранья (de ces méchantes barbouillages), превосходящіе все, что только есть дурнаго въ этомъ родѣ. Простите, что я мараю руки ваши этимъ позоромъ (obsenité) классической литературы. Я согласенъ—они недостойны даже презрительнаго взгляда вашего и я не смѣлъ бы доводить васъ ими до тошноты, еслибъ, простите меня, мнѣ не нужно было защищаться. Я долженъ прибавить, что эти пять студентовъ составляютъ всю мою аудиторію. Шесть другихъ оставили меня за мѣсяцъ тому назадъ, не сказавъ мнѣ ни слова: таковъ здѣсь обычай. Мнѣ жаль этихъ пятерыхъ, оставшихся у меня: они не безъ талантовъ и желали бы, еслибъ только могли, учиться, но ихъ гимназическая математика совершенно такова, какъ и латынь ихъ. Я готовъ, если угодно в. п., повторить этотъ

([1]) Въ архивѣ Казанскаго университета, въ дѣлахъ попечителя за 1811 годъ, при письмѣ Литтрова, сохранились въ подлинникахъ эти знаменитые образчики не mediae и не infimae latinitatis, а такой, какая могла только возникнуть въ Казани, латыни классической по отчетамъ и рапортамъ мѣстнаго начальства и невозможной, даже не варварской въ дѣйствительности. Образчики поучительные для послѣдующаго времени. Но не могли ли они повториться и не повторялись ли, буква въ букву и слово въ слово, чрезъ 10, 20, 50 лѣтъ? Одинъ переводилъ фразу: «Братъ вашъ весьма исправенъ въ свой должности»—Frater vestrorum maximus bonus suo officia; у другаго «Не ропщи на судьбу» выходитъ—non indignoferi in soris; третій переводилъ фразу: «Онъ пришелъ ко мнѣ въ то время, какъ я писалъ—ille venit ad mihi in eo tempore scribendi» и т. д. И эти-то знатоки латинскаго языка должны были слушать по латыни астрономію....

экзаменъ изъ трехъ строкъ по русски, открыто, въ присутствіи всего совѣта".

Доказательства совершеннаго незнанія латинскаго были слишкомъ убѣдительны для попечителя.

«Я долженъ съ прискорбіемъ сказать, писалъ онъ теперь къ директору, что успѣхи казенныхъ воспитанниковъ въ верхнемъ латинскомъ классѣ—недостаточны, и почти ни единый изъ нихъ, по незнанію латинскаго языка, недостоинъ того, чтобы переведенъ былъ въ университетъ, гдѣ по большей части лекціи преподаются на латинскомъ языкѣ. Какого же успѣха должно ожидать, когда они не разумѣютъ языка, на которомъ преподаются наставленія?.. Представленные мнѣ опыты успѣховъ въ латинскомъ языкѣ доказываютъ, что при экзаменѣ дѣлана была помощь въ переводѣ и при всемъ томъ переводы вышли, кромѣ двухъ или трехъ, худы, а ежели бы они сдѣланы были безъ помощи, то вышли бы несносны. Я пишу сіе, основываясь на ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ и смѣло могу сказать, что Кожевниковъ (одинъ изъ писавшихъ у Литтрова) и другіе нѣкоторые ни склонять, ни спрягать не умѣютъ. По чьему же одобренію переведены они были въ верхній латинскій классъ и потомъ въ университетъ? (¹) Изъ сего я заключаю, что испытаніе дѣлается только, какъ говорятъ, pro forma, и никто имъ по надлежащему не занимается.... Ежели бы вы имѣли тѣже доказательства, какія я имѣю, то бы сами, по усердію вашему, вознегодовали на незнаніе нѣкоторыхъ воспитанниковъ, переведенныхъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и отзывъ ко мнѣ одного изъ гг. профессоровъ не называли бы клеветою. Я приватно увѣдомилъ васъ объ отзывѣ ко мнѣ доставленномъ, чтобы вы поступали осторожнѣе при переводѣ въ университетъ воспитанниковъ гимназіи, а вы трижды читаете оный предъ собраніемъ и нудите меня произвесть нѣкоторый родъ слѣдствія. Поступками сего рода вы много теряете передъ своими собратіями и оскорбляете ихъ безъ всякой корысти, а потому совѣтую впредь быть поскромнѣе».

Попечитель впрочемъ приписывалъ неуспѣхъ латинскаго языка въ гимназіи только частому отсутствію и пропуску уроковъ учителями и „для обузданія такого своевольства" онъ счелъ нужнымъ сдѣлать представленіе министру „чтобы благоволилъ положить оному преграду". Для профессоровъ-нѣмцевъ вопросъ о латинскомъ языкѣ былъ самымъ существеннымъ; отъ успѣховъ въ немъ и знанія зависѣлъ и успѣхъ ихъ преподаванія. Поэтому они съ радостью выслушали въ совѣтѣ предложеніе попечителя (15 янв. 1812 г. № 31) о томъ, чтобы ученики гимназіи младшаго, средняго и верхняго латинскихъ классовъ были немедленно подверг-

(¹) Объ этомъ Кожевниковѣ Яковкинъ, въ оправданіе свое, писалъ къ попечителю, что «онъ изъ числа слабыхъ и съ весьма слабыми дарованіями, *однако благонравенъ и прилеженъ*, а по сей причинѣ, равно какъ по взрослости его и по лѣтамъ (18 лѣтъ), и удостоенъ онъ совѣтомъ къ переводу въ университетъ».

нуты испытанію въ общемъ собраніи совѣта, *безъ учителей*, „и не въ общихъ выраженіяхъ, а о каждомъ показать порознь, сколько далеко успѣхи его простираются, чтобы успѣхи каждаго, на слѣдующемъ годовомъ экзаменѣ оказанные, можно было сравнить съ успѣхами нынѣшняго испытанія". Другимъ предложеніемъ предписывалось совѣту подвергнуть испытанію также и всѣхъ въ этомъ году переведенныхъ изъ гимназіи въ университетъ. Испытанія эти должны быть сдѣланы подробно, въ двухъ или трехъ чрезвычайныхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, и показано которые изъ студентовъ въ состояніи пользоваться университетскими лекціями.

Экзамены начались съ 1 февраля и продолжались безостановочно весь мѣсяцъ; экзаменовали по 12 человѣкъ въ засѣданіи; протоколы были писаны, по желанію попечителя, по латыни. Изъ донесенія экзаменаторовъ попечитель увидѣлъ, что „не только успѣхи учениковъ гимназіи въ латинскомъ языкѣ совершенно слабы, но и тѣ, которые назначены къ слушанію профессорскихъ преподаваній, не могутъ совсѣмъ на ономъ пользоваться лекціями". Убѣждаясь, что такое упущеніе зависитъ не столько отъ учениковъ, сколько отъ учителей, инспектора въ классахъ и въ комнатахъ отъ надзирательскаго наблюденія, попечитель, чтобъ удостовѣриться въ способностяхъ учителей, обучающихъ латинскому языку, предложилъ совѣту (4 апр. № 333) подвергнуть и ихъ надлежащему экзамену. Вмѣсто оказавшихся неспособными совѣтъ долженъ былъ избрать другихъ, также по экзамену, и притомъ „такихъ, которые бы имѣли въ семъ языкѣ основательныя знанія". Совѣту предписывалось также принять мѣры, чтобы принятые въ студенты, но латинскаго языка незнающіе (довольно знающими оказались только трое), „были приведены въ состояніе съ пользою слушать лекціи, профессорами читаемыя".

Новое предложеніе попечителя (25 апр. № 382) имѣло еще болѣе рѣшительный характеръ. Изъ него видно, что попечитель убѣдился въ полнѣйшемъ незнакомствѣ учениковъ гимназіи, даже верхняго класса, съ латинскимъ языкомъ и въ самомъ печальномъ состояніи преподаванія. Чтобы помочь сколько нибудь злу, попечитель предписывалъ: 1) поручить профессору Броннеру сдѣлать новое, болѣе удобное распредѣленіе часовъ преподаванія въ гимназіи, „не взирая на воз-

раженія неприличнымъ образомъ г. Петровскимъ (инспекторомъ гимназіи) сдѣланныя"; 2) адъюнкта Петровскаго уволить отъ инспекторской должности, а „поелику г. директоръ и профессоръ Яковкинъ многократно приносилъ мнѣ жалобу, что обремененъ многими дѣлами, то въ облеченіе его, учебную часть гимназіи поручить въ непосредственное вѣдѣніе г. Лубкина (только что назначеннаго адъюнктомъ умозрительной философіи и опредѣленнаго инспекторомъ гимназіи вмѣсто уволеннаго Петровскаго). Это былъ первый и послѣдній ударъ, нанесенный Румовскимъ при жизни Яковкину, но ударъ только его самолюбію.

Мѣры, придуманныя совѣтомъ или скорѣе комитетомъ, состоящимъ изъ профессоровъ Эрдмана, Френа и Броннера (огорченный Яковкинъ не присутствовалъ) для того, чтобъ „незнающіе по латыни студенты приведены были въ состояніе съ пользою слушать профессорскія лекціи", были нѣсколько страннаго характера и едва ли достигали цѣли. Было постановлено: 1) Всѣхъ *младшихъ* студентовъ, не разумѣющихъ латинскаго языка, освободить отъ слушанія лекцій, на немъ преподаваемыхъ (этому они конечно обрадовались); 2) допустить ихъ только къ лекціямъ, читаемымъ по русски; 3) распредѣлить лекціи, читаемыя по латыни такъ, чтобы онѣ не были въ одно время и чтобъ всѣ могли ихъ слушать; 4) профессоры, читающіе лекціи по латыни, должны примѣняться къ способностямъ и къ степени познаній своихъ слушателей; 5) поручить знающимъ латинскій языкъ кандидатамъ или магистрамъ заниматься съ младшими студентами повтореніемъ и начальными основаніями латинскаго языка, за что назначить имъ жалованье особо; 6) снабдить всѣми нужными для латинскаго языка пособіями, какъ то грамматиками, лексиконами, классическими авторами; 7) каждый мѣсяцъ производить въ присутствіи совѣта испытаніе; 8) предоставить попечителю назначить награжденіе за прилежаніе и наказаніе за нерадѣніе. Попечитель согласился на эти мѣры, но не согласился на назначеніе жалованья кандидатамъ и магистрамъ, такъ какъ въ силу § 117 устава подобныя порученія вмѣняются имъ въ обязанность. О награжденіяхъ успѣвшихъ онъ замѣтилъ, что они должны состоять изъ книгъ и похвальныхъ листовъ, а наказанія изъ школьныхъ штрафовъ.

Экзаменъ латинскихъ учителей нельзя было сдѣлать такъ легко, какъ учениковъ. Дѣло затянулось. Обиженные учителя (ихъ было трое) протестовали, ссылаясь на то, что они уже были экзаменованы. Экзаменъ однако же состоялся 20 мая. Результаты его были не менѣе печальны, чѣмъ у учениковъ гимназіи. Основываясь на мнѣніяхъ профессоровъ экзаменаторовъ (всѣ нѣмцы) и собственныхъ отвѣтахъ учителей, управлявшій тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ за попечителя (Румовскій умеръ, а Салтыковъ еще не былъ назначенъ), писалъ совѣту (25 іюля 1812 г. № 667), что два учителя латинскихъ классовъ: нижняго Красновъ и средняго Упадышевскій „оказались въ семъ языкѣ крайне слабы и неспособны къ обученію онаго“ (¹).

Управлявшій министерствомъ предлагалъ уволить ихъ и обученіе поручить другимъ учителямъ гимназіи, „которые по испытанію окажутся къ тому способными“. Третій учитель (верхняго класса) Равичъ-Русецкій оказалъ только „нѣкоторыя погрѣшности противъ латинскаго языка“ и оставить его или нѣтъ учителемъ предоставлялось рѣшенію совѣта (²).

(¹) Литтровъ разсказываетъ, что на этихъ экзаменахъ учители спорили съ экзаменаторами и доказывали, что coelum во множ. числѣ coeli, praeripio въ прошедш. врем. praerepsi, pauper въ родит. пад. pauperi и пр. См. Verm. Schriften, 3-er B. S. 574. Яковкинъ конечно видѣлъ въ этихъ экзаменахъ личное нерасположеніе къ нему, придирки и желаніе уронить его въ глазахъ начальства. «Зависть и злобную клевету переносить мнѣ не въ первый разъ, писалъ онъ попечителю; но есть Созерцаяй сердца и утробы и Судяй комуждо по дѣломъ его» (16 окт. 1811 г.).

(²) Этотъ Равичъ-Русецкій, родомъ изъ Галиціи, докторъ философіи (онъ называлъ себя бывшимъ профессоромъ Краковскаго университета) и кавалеръ ордена св. Станислава, полученнаго имъ въ польскомъ королевствѣ до третьяго раздѣла, гдѣ онъ былъ *чесникомъ* двухъ княжествъ, владѣлъ, какъ и всѣ ученые поляки прошлаго вѣка, очень хорошо и бѣгло латинскимъ языкомъ, но языкомъ далекимъ отъ классической латыни. У Русецкаго было даже нѣсколько своихъ латинскихъ печатныхъ сочиненій, по всей вѣроятности одъ и панегириковъ, но въ библіографіяхъ польскихъ мы не нашли указаній на нихъ. Инспекторъ гимназіи Лубкинъ, въ своемъ рапортѣ совѣту, писалъ, что Русецкій преимущественно отличается тѣмъ, что «имѣетъ навыкъ проворно говорить и писать по латыни и что предубѣжденъ будучи о собственномъ искусствѣ въ языкѣ семъ, упражняетъ учащихся только своими латинскими сочиненіями, писанными надутымъ слогомъ, употребляя ихъ вмѣсто классическихъ авторовъ которыя не только для учениковъ, но и для образованныхъ уже въ словесности бываютъ непонятны по причинѣ темноты и запутанности смысла, что учащимся безъ нужды наводитъ скуку и отвращеніе». Русецкій, по словамъ того же Лубкина, «объясняется съ учениками маловразумительнымъ польско-россійскимъ нарѣчіемъ», непонятнымъ для уче-

Совѣтъ поручилъ инспектору гимназіи пріискать способныхъ учителей (какъ будто это было легко сдѣлать), а до тѣхъ поръ дозволилъ Краснову и Упадышевскому продолжать свои занятія съ учениками, Равича же оставилъ при его должности. Инспекторъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ донесъ, что на мѣсто Краснова и Упадышевскаго онъ „и по сіе время никого желающихъ не сыскалъ, почему не угодно ли будетъ совѣту изъ студентовъ университета, образующихся (?) латинскою словесностью, по сдѣланномъ испытаніи, если окажутся способными, опредѣлить на показанныя учительскія вакансіи.

Такъ безплодно кончились попытки профессоровъ иностранцевъ поднять въ Казани преподаваніе латинскаго языка. Въ печальномъ положеніи оно оставалось до лучшаго буду-

---

никовъ, а методъ его «странный и необыкновенный, и большая часть его учениковъ учится у него безъ охоты и безъ надежды когда либо выучиться». Нѣмецкіе профессора нашли однако Русецкаго maxime expertum in lingua latina et idoneum.

Русецкій былъ уже пожилой человѣкъ и очень странная личность. Онъ гордился своею ученостью и, какъ видно изъ его латинскаго прошенія въ совѣтъ, очень обидѣлся, что его, доктора и профессора философіи, заставляютъ держать экзаменъ ex grammatica ejusque rudimentis, но сравнивая себя съ апостоломъ Павломъ, явившимся въ Ареопагъ, онъ рѣшается предстать предъ совѣтомъ corde impavido, nullo metu, excelso animi robore fultus. Русецкій былъ съ 1800 года учителемъ въ *армейской семинаріи* въ Петербургѣ, гдѣ преподавалъ реторику и философію и кромѣ того несъ должность *инспектора наукъ*, какъ видно изъ аттестата его, выданнаго ему оберъ-священникомъ арміи и флота (26 марта 1801 года, № 63), а съ 1802 по 1808 годъ былъ учителемъ верхнихъ и среднихъ классовъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ преподавалъ древнюю и новѣйшую исторію, а также математическую и политическую географію. За тѣмъ Русецкій былъ присланъ въ Казань учителемъ самимъ Румовскимъ убѣдившимся въ его знаніи русскаго языка. Былъ онъ женатъ на русской, но жена его, еще до опредѣленія мужа въ Казань, подала прошеніе въ С.-Петербургскую консисторію о расторженіи брака за его безнравственную жизнь и дѣло это тянулось. Въ октябрѣ 1810 года Русецкій представилъ въ совѣтъ двѣ латинскія диссертаціи «для достиженія университетскаго достоинства». Онъ очень желалъ быть адъюнктомъ, просилъ о томъ попечителя, но это не удалось. Въ 1811 году, по случаю перемѣщенія гимназіи въ новое зданіе, гдѣ Русецкій имѣлъ квартиру, Яковкинъ объявилъ ему объ очищеніи ея. Русецкій долго упорствовалъ, но «увидѣвъ перевозимые столы и кровати питомческіе, нанявъ двѣ телѣги и склавъ на нихъ свой скарбишко, 8 числа сентября уѣхалъ за Казанку въ кусты. Около сего же времени узналъ я достовѣрно о непотребной и невоздержной жизни живущей у него какой-то женщины и ея маленькой еще дочери. Почему, за день еще до его причудливаго переселенія, надѣлавшаго много шуму по городу, приказалъ я объявить ему, что ему одному готовъ дать какую нибудь квартиру на время; но подъ условіемъ, чтобъ ни бабёнки, ни дѣвчонки съ

щаго, наступившаго не скоро. Время министерства Уварова, какъ извѣстно, благопріятствовало классическимъ штудіямъ, но сколько мы знаемъ, успѣхи ихъ въ Казани были незначительны. Салтыковъ, по назначеніи его попечителемъ, сдѣлалъ обязательнымъ латинскій языкъ и для своекоштныхъ студентовъ, но это конечно не помогло. Нелюбовь къ латинскому языку такъ укоренилась и сдѣлалась традиціонною, что не прошло и года со времени вступленія Салтыкова въ должность, какъ въ засѣданіи своемъ (14 мая 1813 г.) совѣтъ выслушалъ волю его, чтобы знаніе латинскаго языка и занятіе имъ требовалось только отъ такихъ студентовъ, которые посвящаютъ себя медицинѣ.

нимъ не было; а онъ не захотѣлъ съ ними разстаться. На сихъ дняхъ также достовѣрно слышалъ я, что изъ С.-Петербургскаго въ здѣшнее губернское правленіе, а изъ сего въ полицію присланъ процессъ отъ жены Русецкаго, — что онъ ее бросивъ въ Петербургѣ, связался и уѣхалъ съ нынѣшнею его женщиною. Ожидаю, что о семъ полиція сообщитъ къ намъ оффиціально» (Я. къ Румовскому, 16 окт. 1811 г.).—Эти семейныя отношенія и дѣло о разводѣ съ женою, требовавшее его личнаго присутствія въ Петербургѣ, причиняли много хлопотъ Русецкому и наводили на него страхъ. По совѣту иностранныхъ профессоровъ, незнавшихъ русскихъ порядковъ, онъ обратился даже въ совѣтъ, прося его заступничества и изложивъ въ своей бумагѣ всѣ касающіяся дѣла подробности. Совѣтъ рѣшился на ходатайство предъ попечителемъ о Русецкомъ. Салтыковъ разсердился. Въ предложеніи своемъ совѣту (2 янв. 1813 г., № 2) онъ писалъ, что «разбирательство дѣлъ, касающихся до разводовъ супружескихъ, принадлежитъ духовному правительству, а до университетскаго начальства, не смотря на всѣ приведенные въ объясненіи его пункты изъ устава, сіе ни мало не касается. А потому и не слѣдовало совѣту принимать отъ него опое объясненіе, тѣмъ менѣе препровождать его ко мнѣ и дѣлать меня повѣреннымъ г. Русецкаго». Попечитель возвращалъ обратно его объясненіе *съ надписью* и подтверждалъ, что если онъ самъ не явится или не пришлетъ довѣреннаго и, что если онъ, попечитель, въ третій разъ получитъ требованіе о немъ отъ главнаго правленія училищъ для явки въ консисторію, то принужденъ будетъ уволить его отъ должности. По видимому, чтобъ избавиться отъ непріятнаго процеса, Русецкій еще въ маѣ 1812 года просился на $3^1/_2$ мѣсяца въ отпускъ за границу въ Галицію, для полученія наслѣдства, оставшагося послѣ матери изъ дома Струсовъ, но попечитель отказалъ въ паспортѣ, такъ какъ по постановленію главнаго правленія училищъ Русецкій долженъ былъ явиться на судъ въ петербургскую консисторію. Русецкій повторилъ эту просьбу въ іюлѣ, но попечитель отказалъ снова. Тогда онъ подалъ въ отставку и былъ немедленно уволенъ.

Глава VI.

Кандидаты и магистры.—Выдающіяся личности между ними изъ казанскихъ студентовъ и лицъ посторонннихъ.—Профессора: Кондыревъ, братья Д. и В. Перевощиковы, О. Срезневскій и другіе. — Производство въ кандидаты и магистры.—Занятія тѣхъ и другихъ.

Не смотря на то, что незнаніе латинскаго языка и чрезвычайно малое знаніе иностранныхъ языковъ мѣшало первымъ студентамъ Казанскаго университета пользоваться вполнѣ знаніями и преподаваніемъ профессоровъ иностранцевъ, многіе изъ студентовъ, и очень быстро, пріобрѣтали степени и кандидатовъ и магистровъ. Какъ пріобрѣтали они эти степени, съ которыми однако не слѣдуетъ соединять позднѣйшія понятія о нихъ, — это другой вопросъ. Очень много значили условія времени и эти то условія выработали въ ту пору нѣсколько типическихъ личностей, которыя отлично могутъ служить выраженіемъ времени и господствующихъ въ немъ требованій. На сколько мы знаемъ русскіе университеты, каждое время и каждое смѣняющееся въ нихъ направленіе создаютъ своихъ представителей, сохраняющихъ и въ личности своей, и въ дѣятельности, и привлекательныя и отталкивающія черты времени и послѣднія всего болѣе характерны. Не даромъ же говорятъ о людяхъ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ и т. д. годовъ. Типическимъ представ-

вителемъ людей, сколько нибудь сдѣлавшихся извѣстными въ первоначальные годы университета изъ студентовъ того времени, воспитывавшихся въ его условіяхъ, можетъ быть названъ, по нашему мнѣнію, *Кондыревъ*, первый по времени кандидатъ и магистръ Казанскаго университета, а потомъ и профессоръ его. Это былъ любимый ученикъ Яковкина, дитя его сердца. Посмотримъ какъ составилась его карьера въ это время, въ чемъ успѣвалъ онъ и какъ дошелъ до профессорства. Это тѣмъ болѣе интересно, что вмѣстѣ съ Кондыревымъ мы знакомимся съ главными условіями, дѣйствовавшими въ университетѣ въ то время на людей.

Въ первомъ спискѣ студентовъ Казанскаго университета, перешедшихъ при основаніи его изъ гимназіи въ 1805 году, Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ, въ ряду прочихъ казенныхъ учениковъ ея, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Онъ считался первымъ ученикомъ. Уже въ октябрѣ того же года Яковкинъ представляетъ на благоразсмотрѣніе попечителя первый опытъ стихотворныхъ упражненій Кондырева (какъ и всѣ успѣвавшіе въ это время люди, онъ началъ съ поэзіи) и съ тою же почтою „въ поощреніе сочинителя“ отправляетъ тотъ же опытъ для помѣщенія въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ іюлѣ 1806 года Яковкинъ представляетъ попечителю поданный ему Кондыревымъ разборъ Гораціевой оды Odi profanum vulgus, „поелику одобреніе высшаго начальства въ успѣхахъ учащихся подаетъ юношеству новыя силы, особенное рвеніе, и возбуждаетъ тѣмъ вяще соревнованіе ко усовершенствованію себя на службу и пользу общественную“. Чрезъ полгода Кондыревъ, подъ руководствомъ самого Яковкина, „со всевозможнымъ прилежаніемъ и успѣхами“, занимается уже составленіемъ статистики Россійскаго государства, самой полной „сколько здѣшнія обстоятельства и пособія позволяютъ“ (такъ незначительны были тогда научныя требованія). Это не мѣшаетъ Яковкину просить попечителя о назначеніи Кондырева въ помощники библіотекаря и тогда же, прежде чѣмъ прошло два года по зачисленіи Кондырева въ студенты, его покровитель хлопочетъ о предоставленіи ему званія кандидата: „Къ первому числу февраля Кондыревъ обѣщалъ изготовить перепискою сочиненную имъ *статистику россійскаго государства* (такимъ образомъ она, и при томъ самая полная, была готова въ два-три мѣсяца), дабы заблаговременно по-

дать ее въ совѣтъ на разсмотрѣніе. (По объему она заключала въ себѣ 23 тетради, по 3 листа, in 4°). Предварительно осмѣливаюсь донести в. п., что сочиненіе сіе дѣлаетъ честь старанію и знаніямъ автора, а потому весьма прилично бы было возвести его на *какую нибудь университетскую степень достоинства*, каковая в. п. угодна будетъ (Кондыревъ мечталъ о магистерствѣ); но къ сему совѣтъ самъ собою приступить не осмѣлится безъ особеннаго начальственнаго соизволенія, а знаніе, нравственность и прилежаніе сего студента по всей справедливости заслуживаютъ званіе кандидата (8 янв. 1807 г.)." Февраля 6 Кондыревъ, допущенный въ присутствіе совѣта, представилъ свое „Краткое начертаніе статистики Россійскаго государства", которое совѣтомъ поручено было разсмотрѣть Яковкину, а черезъ три дни послѣдній объявляетъ совѣту, что онъ находитъ трудъ Кондырева достойнымъ полнаго одобренія и дѣлающимъ ему честь. Тогда же, съ согласія попечителя, онъ назначается помощникомъ библіотекаря Студентомъ - кандидатомъ Кондыревъ дѣлается торжественно. Ему объявляется это въ день основанія университета, 14 февраля, послѣ молебна, въ церкви, „а ходъ въ церковь и изъ оной былъ параденъ и необыкновененъ для казанцевъ", замѣчаетъ Яковкинъ. Жалованье еще не отпускалось тогда на кандидатовъ (Кондыревъ былъ первымъ), и пока онъ оставался, съ разрѣшенія попечителя, на студенческомъ казенномъ содержаніи.

Съ апрѣля того же года, съ разрѣшенія совѣта, Кондыревъ уже читаетъ лекціи всеобщей исторіи, географіи и статистики, „подъ руководствомъ профессора - инспектора." Тогда же Кондыревъ и Яковкинъ стали хлопотать о напечатаніи статистики (по счету Яковкина книга должна заключать въ себѣ до 40 печатныхъ листовъ и сверхъ того 15 разныхъ таблицъ). „Состояніе его не позволяетъ ему и подумать о печатаніи ея на свой счетъ, и потому просилъ моего совѣта, какъ ему поступить въ семъ случаѣ. При помощи отъ университета намѣревается онъ печатать самъ, а при щедротѣ начальства готовъ право сіе предоставить самому университету. На оба случая осмѣливаюсь испрашивать начальственное соизволеніе для объявленія просителю", пишетъ Яковкинъ къ попечителю о своемъ любимцѣ (23 апр. 1807 г.). Сверхъ того, по отличному его благо-

родному поведенію и ревностному раченію къ наукамъ не благоугодно ли будетъ в. п., въ ободреніе ему и поощреніе другимъ, назначить кандидатское жалованье изъ университетской пятнадцатитысячной суммы, дабы чрезъ то отличить его отъ прочихъ студентовъ.“ Въ маѣ Яковкинъ входитъ въ совѣтъ съ предложеніемъ о назначеніи Кондырева, на основаніи § 118 устава помощникомъ инспектора студентовъ „по доказаннымъ его знаніямъ и примѣрно отличному поведенію“, и совѣтъ представляетъ это обстоятельство на благоусмотрѣніе попечителя, на что послѣдній и согласился.

Что касается до преподаванія Кондырева, которое онъ началъ съ августа того же года, то совѣту представилъ онъ планъ его, при слѣдующемъ реторическомъ рапортѣ:

«Желая исполнить въ полной мѣрѣ препорученіе почтеннѣйшихъ моихъ начальниковъ, гг. членовъ совѣта, изыскивалъ я средства чѣмъ бы мнѣ полезнѣе и соотвѣтственнѣе ожиданію начальства занять гг. студентовъ въ препорученной мнѣ аудиторіи всеобщей исторіи, географіи и статистики. А какъ большая часть студентовъ почти совсѣмъ не слушали курса сихъ наукъ, а особливо статистики, то и почитаю за нужнѣйшее, если благоугодно будетъ совѣту, читать на слѣдующій годъ курсы сіи: 1) въ *исторіи* по книгамъ сочиненія г. профессора Яковкина, исторію государствъ, присовокупляя къ сему и свои замѣчанія; 18-е и 19-е столѣтія сверхъ сего надѣюсь пройти *универсально и прагматически* по избранной впредь какой книгѣ или собственнымъ запискамъ, если только обстоятельства и время сему позволятъ; гг. студенты, какъ по сей части, такъ и по статистикѣ будутъ иногда заняты и сочиненіями. Въ *географіи*—по книгамъ того же сочинителя, обдѣлывая впрочемъ нужное, а особливо до Европы касающееся самъ, изъ другихъ источниковъ. 3) По *статистикѣ*, если совѣтъ снабдитъ меня мѣсяца чрезъ два книгами для сего принадлежащими и здѣсь въ запискѣ прилагаемыми, коихъ не нашелъ я не только въ библіотекѣ, но и здѣсь, въ Казани, и, если будетъ угодно, то статистику европейскихъ государствъ по статистикѣ Мейзеля и другимъ, передѣлывая ихъ по способу г. Ахенваля, прибавляя замѣчанія о статистикѣ прочихъ государствъ. Обо всемъ ономъ представляя совѣту, всепокорнѣйше прошу почтеннѣйшихъ членовъ его, *если только сіе реченіе мое ко благу университета согласно будетъ съ истиною* (?), позволить мнѣ чтеніе сихъ предметовъ и выписать представляемыя при семъ въ реестрѣ книги, какъ для сего необходимо нужныя (¹).»

(¹) Курсъ, тогда читанный Кондыревымъ, продолжался полтора года, до августа 1808 года, когда сдѣлалось извѣстнымъ о назначеніи адъюнкта Миллера, а Кондыревъ мечталъ самъ тогда уже быть адъюнктомъ. Судя по его рапорту (надобно замѣтить, что только Кондыревъ писалъ такіе рапорты), можно заключить, что онъ прошелъ все имъ назначенное и что всѣ студенты оказали успѣхи. Кондыревъ благодаритъ совѣтъ за сдѣланное ему порученіе и увѣряетъ въ готовности и «впредь исполнять всякую возложенную, моимъ силамъ и знаніямъ соотвѣтственную должность со всевозможнымъ усердіемъ.»

Мы нарочно привели этотъ рапортъ Кондырева, чтобъ современный читатель получилъ представленіе о фразахъ, господствовавшихъ въ то время въ университетѣ и о характерѣ преподаванія молодаго, только что начинающаго преподавателя, равно какъ и о научныхъ требованіяхъ того времени. Соображаясь съ тѣми требованіями, какія еще очень недавно ставились русскому профессору, мы рѣшительно недоумѣваемъ какимъ образомъ Кондыревъ, послѣ двухлѣтняго своего пребыванія на университетской скамьѣ, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, онъ могъ весьма немногому научиться, брался за подобныя чтенія трехъ предметовъ. Не слѣдуетъ забывать и его возрастъ (Кондыреву было только 18 лѣтъ) и то обстоятельство, что онъ былъ и помощникомъ библіотекаря и помощникомъ инспектора (и на этой должности, какъ мы видѣли. ему весьма часто приходилось писать рапорты о поведеніи студентовъ), и въ тоже время и оффиціальнымъ поэтомъ университета, такъ какъ стихи его постоянно читались на торжественныхъ актахъ. Чѣмъ объяснить эту поразительную разносторонность дѣятельности? Геніальностью натуры? но Кондыревъ былъ далеко не геніальный человѣкъ, его память давно исчезла въ университетѣ; его дѣятельность не оставила никакихъ прочныхъ слѣдовъ, но за то ни о комъ изъ тогдашнихъ студентовъ Казанскаго университета, ставшихъ впослѣдствіе времени его дѣятелями въ званіи профессоровъ, не сохранилось такъ много въ архивѣ бумажной переписки, какъ о Кондыревѣ. Ни одинъ изъ нихъ не добился такъ быстро профессорской карьеры, какъ Кондыревъ. Мы встрѣчаемъ имя его вездѣ, во всѣхъ quasi - ученыхъ предпріятіяхъ того времени, во всѣхъ исторіяхъ тогдашнихъ профессоровъ; онъ готовъ кажется заниматься всякою наукою. Ничѣмъ инымъ, кажется намъ, нельзя объяснить этой выдающейся и шумной роли Кондырева, какъ страстнымъ желаніемъ составить себѣ карьеру, извлечь изъ университета все, что только онъ можетъ дать, и назойливостью его природныхъ свойствъ. Раскрывая предъ юношей заманчивую, легко достижимую служебную карьеру, предоставляя ему такія званія и степени, которыя сулили ему широкую жизненную дорогу, университетъ давалъ тогда совершенно ничтожное умственное содержаніе; оно усвоивалось легко, по милости начальства; послѣднее само было чуждо и далеко отъ строгихъ научныхъ требованій; оно не

вызывало труда и идеальныхъ стремленій; для него важнѣе всего было благоповеденіе и подчиненность. Такія отношенія естественно развивали въ молодомъ человѣкѣ самомнѣніе. Это замѣтилъ даже и самъ попечитель Румовскій, хотя живя въ Петербургѣ, онъ рѣдко видѣлъ казанскихъ студентовъ. Передавая Яковкину въ письмѣ о томъ, что одинъ изъ подобныхъ молодыхъ людей, явившись въ Петербургъ, просилъ его перевести въ Казань (онъ былъ учителемъ гимназіи) въ университетъ съ званіемъ адъюнкта, Румовскій пишетъ: „Не знаю я отчего казанскіе воспитанники толь высокія имѣютъ о себѣ мысли, и думаютъ, что къ полученію званія магистра или адъюнкта ничего больше не надобно, какъ побыть нѣсколько времени въ университетѣ, не показавъ особливыхъ успѣховъ и способностей для полученія ученаго званія. Желалъ бы я, чтобы гг. профессоры вредную сію мысль для нихъ самихъ истребить изъ нихъ постарались. Не безизвѣстно мнѣ, что молодые люди требуютъ ободренія, но ежели ободренія сдѣланы будутъ по ихъ предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они, возмечтавъ о достоинствахъ своихъ, перестанутъ напрягать силы разума своего и останутся па вѣкъ полуучеными. Мы видимъ живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ.“ (30 марта, 1808 г., № 196). Легкая возможность составить себѣ служебную карьеру при университетѣ для Кондырева увеличивалась еще тѣмъ, что на его глазахъ постоянно былъ живой примѣръ такой карьеры въ его покровителѣ и благодѣтелѣ — Яковкинѣ, отъ котораго все зависѣло. Расположеніе послѣдняго къ Кондыреву оставалось неизмѣннымъ. Кондыревъ сдѣлался alter-ego своего покровителя, а похвалы и покровительство послѣдняго еще болѣе раздували его самомнѣніе.

При всякомъ удобномъ случаѣ Кондыревъ старался выдвинуться впередъ. Въ іюлѣ 1807 года утонулъ купаясь въ Казанкѣ одинъ изъ трехъ братьевъ Лобачевскихъ, очень даровитый студентъ. Погребеніе ему было устроено „соотвѣтственно важности университета“ и въ церкви кандидатъ Кондыревъ говорилъ надгробную рѣчь, нѣсколько словъ которой, обращенныя къ профессору Сторлю, присутствовавшему тутъ же (Лобачевскій былъ любимымъ ученикомъ Сторля), были сказаны даже по нѣмецки. Рѣчь эта, первая студенческая рѣчь, не смотря на реторическій слогъ, была дѣйствительно

прочувствована ораторомъ (она сохранилась въ бумагахъ), а по реляціи Яковкипа произнесена она была „съ такимъ чувствованіемъ и выраженіемъ, что всѣ въ церкви бывшіе съ нимъ купно плакали". Яковкинъ не скупился на похвалы Кондыреву. „Своимъ преподаваніемъ и успѣхами студентовъ (Кондыревъ еще будучи студентомъ, преподавалъ нѣсколько времени предметы Яковкина, когда этотъ весною 1807 года ѣздилъ визитировать гимназіи въ Симбирскѣ и Пензѣ) превзошелъ все ожиданіе присутствовавшихъ членовъ совѣта. Этотъ молодой человѣкъ, говоритъ онъ, при *примѣрномъ своемъ поведеніи* и *отличныхъ чувствованіяхъ*, подаетъ весьма лестную надежду и достоинъ всевозможнаго одобренія". Этого то одобренія и добивался Кондыревъ. „Студентъ-кандидатъ Кондыревъ, видя обращаемое на него особенное вниманіе начальства, пишетъ Яковкинъ, порывается на предлежащемъ ему поприщѣ съ новыми силами на все полезное университету; отъ сердца его и пріобрѣтаемыхъ безпрестанно новыхъ познаній весьма много добраго ожидать можно несомнѣнно. Я вынужденъ былъ о немъ особенно представить, поелику замѣтилъ въ немъ родившееся уныніе" (30 іюля, 1807 г.).

Въ уныніе Кондырева особенно приводила судьба его пресловутой статистики, которую расхваливалъ Яковкинъ. Въ декабрѣ 1807 года онъ представилъ наконецъ въ совѣтъ свою книгу, разсмотрѣнную въ цензурномъ при университетѣ комитетѣ и одобренную имъ къ печати. Кондыревъ просилъ представить книгу попечителю, безъ сомнѣнія по совѣту Яковкина, „дабы удостоенъ былъ трудъ сей поднесенъ быть по посвященію Его Императорскому Величеству. Совѣтъ ходатайствовалъ о содѣйствіи попечителя. Яковкинъ, съ своей стороны, хлопоталъ предъ попечителемъ о томъ же и высказывалъ надежду, что „приношеніе благодарности" удостоится монаршаго воззрѣнія, тѣмъ болѣе, что по письмамъ студентовъ, перешедшихъ въ военную службу и поступившихъ въ кадетскій корпусъ, онъ зналъ, что государь и великій князь цесаревичъ похвалили знанія казанскихъ студентовъ, „а весьма немногіе изъ нихъ были лучшіе" (мы видѣли выше на стр. 476, что онъ же называлъ ихъ лучшими и особенно успѣвшими въ латинскомъ языкѣ). Попечитель сообщалъ Яковкину, что онъ представитъ о ходатайствѣ совѣта министру, но отвѣта долго не было, такъ что

Кондыревъ рѣшился написать къ попечителю почтительный запросъ о судьбѣ своего сочиненія. Упоминая о своемъ намѣреніи удостоиться высокаго счастія поднесеніемъ труда своего Его Императорскому Величеству, „яко перваго залога благодарнѣйшихъ моихъ чувствованій къ монаршимъ щедротамъ и попеченіямъ начальства за полученное мною образованіе въ святилищѣ наукъ, пріосѣняемомъ мудрымъ управленіемъ в. п.“, Кондыревъ, „не имѣя донынѣ свѣдѣній объ участи приносимой мною жертвы на алтарь отечества“, всенижайше проситъ разрѣшить его неизвѣстность. Тогда попечитель увѣдомилъ его, что по словамъ министра, книга, подносимая Государю Императору, должна быть напечатана. Онъ обѣщалъ препроводить ее для того въ совѣтъ, сдѣлавъ съ своей стороны замѣчанія на нѣкоторыя мѣста ея.

Каковы были замѣчанія Румовскаго на статистику Кондырева, за которыя автору пришлось только поблагодарить попечителя и воспользоваться ими для исправленія своего труда, мы не знаемъ. Но изъ того обстоятельства, что Румовскій прислалъ молодому автору, для его руководства, незнакомую ему печатную книгу „Статистическое описаніе Россійской имперіи“ Зябловскаго и изъ предложенія попечителя совѣту отъ 14 сент. 1808 г. № 535, въ которомъ „поелику всякъ посвятившій себя въ ученое при университетѣ званіе обязанъ основательно знать языкъ латинскій“, студенту-кандидату Кондыреву объявляется, „чтобы онъ свободное отъ своихъ занятій время старался употребить на усовершенствованіе свое въ ономъ языкѣ“, мы въ правѣ заключить, что попечитель составилъ себѣ, не смотря на настойчивыя рекомендаціи Яковкина, не очень высокое мнѣніе объ ученыхъ заслугахъ Кондырева и его знаніяхъ.

Въ ноябрѣ 1808 года статистика Кондырева, по его просьбѣ, передана была на разсмотрѣніе вновь прибывшаго адъюнкта по всеобщей исторіи и географіи Миллера, а въ декабрѣ тому же Миллеру переданъ былъ сдѣланный имъ переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Дольца „Краткое начертаніе исторіи человѣческаго рода“ съ собственнымъ дополненіемъ Кондырева: „Историческое обозрѣніе новѣйшихъ годовъ“. Оба труда заслужили одобреніе Миллера, а критическія замѣчанія свои на книгу Зябловскаго, присланную ему попечителемъ, Кондыревъ самъ представилъ Румовскому.

Съ конца этого же года, основываясь на этихъ трудахъ Кондырева, Яковкинъ сталъ просить попечителя о производствѣ своего любимца въ магистры Повидимому онъ опасался противодѣйствія совѣта, гдѣ Кондыревъ не пользовался расположеніемъ. „Что касается до Кондырева, писалъ къ нему попечитель, то *безъ представленія совѣта* представлю министру въ свое время, чтобъ утвердилъ магистромъ или самъ его переименую“ (14 янв. 1809 г. № 16). Это и не замедлило послѣдовать. Въ началѣ марта Румовскій уже предложилъ совѣту „для поощренія Кондырева къ дальнѣйшимъ трудамъ“ удостоить его степени магистра, съ увеличеніемъ конечно, сообразно новому достоинству, получаемаго имъ содержанія. Немедленно послѣ этого магистръ Кондыревъ входитъ уже въ совѣтъ почти съ требованіемъ напечатать его статистику на казенномъ иждивеніи „по волѣ г. министра народнаго просвѣщенія“ для поднесенія государю императору. Совѣтъ, не ходатайствуя, представилъ вопросъ „на благоусмотрѣніе“ попечителя. Печатаніе должно было стоить „довольной суммы“. Подкрѣпляя съ своей стороны желаніе Кондырева печататься на казенный счетъ, Яковкинъ писалъ попечителю: „Кромѣ наполненной познаніями головы и очищеннаго сердца, не имѣя у себя ничего въ карманѣ, *онъ охотно соглашается отдать ихъ* (свои сочиненія) *университету за соразмѣрное вознагражденіе*... Хотя и Зябловскій былъ у меня въ учительской гимназіи слушателемъ, но необиновенно могу отдать—и долженъ—болѣе справедливости, осмотрительности, разборчивости и занимательности во всемъ Кондыреву, находя географію его лучше и новѣе обдѣланною, нежели каковая переведена г. Зябловскимъ“. Кондыревъ является критикомъ Зябловскаго, съ точки зрѣнія своего учителя Замѣчанія, сдѣланныя и представленныя имъ на „Всеобщее землеописаніе“ Зябловскаго, попечитель находилъ во многомъ основательными, но возвращая ихъ обратно, онъ требовалъ, чтобъ они были исправлены и дополнены и чтобъ авторъ „всѣ замѣченные имъ въ книгѣ недостатки или что къ пополненію ея и улучшенію служить можетъ и всѣ свои поправки включилъ въ тѣ мѣста помянутаго сочиненія, гдѣ имъ быть слѣдуетъ, воздерживаясь сколько можно отъ нескромныхъ выраженій, колкости и излишнихъ умствованій“. Кондыревъ и Яковкинъ ссыла-

лись на то, что „статистика“ была на разсмотрѣніи у самого попечителя и имъ одобрена, Румовскій съ своей стороны объяснилъ совѣту, что замѣчанія свои онъ дѣлалъ только на нѣкоторыя мѣста сочиненія Кондырева, всего же сочиненія разсмотрѣть не допустили прочія его занятія. Поэтому необходимо, для напечатанія на казенный счетъ, на основаніи устава § 61, разсмотрѣніе и одобреніе совѣта. Только тогда онъ дозволитъ напечатать статистику на счетъ университетской суммы въ количествѣ 500 экз. Разсмотрѣніе было поручено Яковкину и адъюнкту Миллеру. Между тѣмъ Кондыревъ новымъ рапортомъ требовалъ напечатать на казенный счетъ и переводъ свой „Краткое начертаніе исторіи человѣческаго рода“, но попечитель замѣтилъ, что книга эта не „относится къ наукамъ“, а только „относящіяся къ наукамъ преподаваемымъ въ университетѣ“ книги могутъ быть печатаемы на казенный счетъ, почему, по его мнѣнію, она съ большею пользою можетъ быть помѣщена въ періодическихъ сочиненіяхъ, которыя будутъ издаваться отъ общества отечественной словесности. Такимъ образомъ страстное желаніе Кондырева скорѣе печататься не было удовлетворено. Между тѣмъ только что назначенный адъюнктъ Миллеръ перешелъ на службу въ Сибирь директоромъ училищъ Иркутской губерніи, Кондыреву поручены были снова прежнія его лекціи, а вслѣдъ за этимъ онъ подаетъ прошеніе въ совѣтъ (въ декабрѣ 1809 г.) о томъ, „чтобы сдѣлать его соучастникомъ въ предполагаемомъ издаваніи отъ университета различныхъ сочиненій по части статистическихъ, географическихъ и политико-экономическихъ познаній“ (а предполагалось печатать только составленныя имъ книги).

Впрочемъ и лекціи и заботы Кондырева о печатаніи своихъ сочиненій прерывались въ этомъ году разными поѣздками, частію по собственному желанію, частію по порученію начальства. Въ іюнѣ и августѣ онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ кандидатами Шоникомъ и Тимьянскимъ въ знаменитое въ исторіи казанской археологіи село Болгары „по части россійской исторіи, географіи и статистики“, и для осмотрѣнія древностей болгарскихъ (его товарищи ѣздили „по части ботаники“). Описаніе Кондырева болгарскихъ развалинъ положило начало тѣмъ многочисленнымъ изслѣдованіямъ, которыя продолжаются и въ настоящее время, но Кондыреву пови-

димому вовсе незнакомы были труды и изученія Френа. Изъ этой поѣздки онъ вывезъ для университетской библіотеки древнія монеты, числомъ 83, и 40 разныхъ штукъ (?). Всю почти осень, съ 9 сентября по 8 ноября, Кондыревъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Запольскимъ, провелъ въ Оренбургской губерніи, куда они, согласно предложенію попечителя, были отправлены на визитацію или для подробной ревизіи оренбургскихъ училищъ, вызванной ихъ печальнымъ положеніемъ. За это объявлена была Кондыреву благодарность попечителя съ записаніемъ въ протоколъ. Визитація эта представляется во многихъ отношеніяхъ очень любопытною и о ней мы скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разнообразіе и обширность преподаваній Кондырева въ слѣдующемъ году, предположенныхъ имъ и представленныхъ совѣту, вызвали со стороны попечителя слѣдующее любопытное замѣчаніе: „Въ разсужденіи университетскихъ лекцій, которыя г. Кондыревъ въ теченіе наступающаго года преподавать намѣренъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что онъ столь много на себя наукъ пріемлетъ, что едва одинъ человѣкъ въ теченіе одного года въ состояніи преподать достаточныя въ сихъ наставленія". Попечитель далѣе ставитъ на видъ, что Кондыревъ въ предшествовавшемъ году не кончилъ чтеніемъ государственнаго хозяйства и статистики Россійской имперіи и притомъ всѣ лекціи намѣренъ читать по своимъ тетрадямъ, почему и предлагаетъ совѣту: „опредѣлить науки", которыя долженъ читать Кондыревъ, а въ разсужденіи тетрадей его сочиненія, поступить согласно § 26 устава, т. е. разсмотрѣть ихъ въ совѣтѣ (7 іюля 1810 г. № 521). Въ этомъ году Кондыревъ читалъ поэтому только статистику Россіи, но она была одобрена попечителемъ, и всемірную исторію по рукописи, разсмотрѣнной совѣтомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣ эти годы Кондыревъ былъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ только что возникшаго общества любителей словесности. Всѣ протоколы этого общества, всѣ сношенія его и рапорты попечителю писаны его рукою.

Въ 1811 году Кондыревъ снова является передъ нами и литераторомъ и публицистомъ. Онъ представляетъ въ совѣтъ для разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ книгу, „Странствованіе Филиппа Ефремова въ Киргизской степи, Хивѣ, Бухаріи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ

Англію въ Россію" (1) и является дѣятельнымъ участникомъ „Казанскихъ извѣстій", которыя начали издаваться въ этомъ году, хотя желаніе имѣть при университетѣ свой печатный органъ высказывалось гораздо раньше. Въ то же время Кондыревъ былъ, какъ мы говорили уже, помощникомъ библіотекаря. Совѣтъ испрашивалъ ему по этому званію прибавку къ жалованью, но попечитель не согласился, имѣя въ виду, что сумма на этотъ предметъ еще не отпущена, а изъ прочей университетской суммы сдѣлать эту прибавку воспрещается высочайшимъ манифестомъ прошлаго года. Кондыревъ утѣшился однако тѣмъ, что вслѣдствіе выхода изъ университета недолго пробывшаго въ немъ профессора Неймана, ему поручено было на публичныхъ курсахъ преподавать въ 1811—1812 году политическую экономію по сочиненію Сарторіуса, переведенному имъ съ нѣмецкаго, а въ мартѣ того же года, вмѣстѣ съ Никольскимъ и Перевощиковымъ, утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта, по представленію попечителя. Съ этого времени онъ сдѣлался членомъ совѣта, вскорѣ секретаремъ его, и Яковкинъ, которому онъ такъ много былъ обязанъ, постоянно находилъ въ немъ вѣрнаго союзника. Вслѣдъ за симъ, послѣ выхода Перевощикова, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ отставку отъ должности помощника инспектора студентовъ, эту должность, по согла-

---

(1) Она напечатана. Казань, въ унив-ской типографіи, 1811. 8°., 158 стр. Это *третье* изданіе, сдѣланное Кондыревымъ; оно называется передѣланнымъ, исправленнымъ и умноженнымъ. Первое изданіе—Спб. 1786, 12°; авторъ называется въ немъ еще унтеръ-офицеромъ; второе изданіе, гдѣ онъ является уже съ чиномъ надворнаго совѣтника, вышло въ 1794 году; оно не значится ни въ библіографіи Сопикова, ни въ росписи Смирдина. Авторъ, уроженецъ города Вятки, род. въ 1750 году. Служилъ онъ въ Нижегородскомъ полку и въ 1774 году, будучи уже сержантомъ, во время Пугачевскаго бунта, взятъ былъ въ плѣнъ шайкою мятежниковъ на дорогѣ между Оренбургомъ и Илецкой Защитой. Бѣжавъ изъ этого плѣна, онъ попался въ степи въ новый, къ киргизамъ, которые и продали его въ Бухару. Послѣ различныхъ приключеній, описанныхъ въ книгѣ, Ефремовъ воротился на родину въ 1782 году, служилъ въ Петербургѣ, на Кавказѣ, въ Астрахани, въ Вологдѣ и наконецъ директоромъ Бухтарминской таможни. Онъ дослужился до чина надворнаго совѣтника, а въ 1796 году императрица Екатерина подписала Ефремову жалованную грамоту на дворянское достоинство. Въ 1805 году онъ вышелъ въ отставку, а съ 1816 года жилъ съ семьею въ Казани, получая пенсію въ 500 рублей. Здѣсь познакомился съ нимъ Кондыревъ и издалъ въ болѣе подробномъ видѣ, съ его словъ, любопытные, хотя и краткіе разсказы Ефремова (онъ былъ безъ образованія) «для распространенія познанія среднихъ странъ Азіи».

шенію съ Яковкинымъ, принялъ на себя Кондыревъ. Онъ несъ эту обязанность, какъ мы видѣли, и прежде, но безъ жалованья. На этомъ посту Кондыревъ два раза сталкивался съ Ларіоновымъ, какъ нами было уже разсказано (см. выше стр. 158—159 и 182).

Ларіоновъ, въ своемъ письмѣ къ попечителю о второмъ столкновеніи съ Кондыревымъ, разсказываетъ событіе конечно иначе и дѣлаетъ слѣдующую характеристику Кондырева:

«А г. Кондыревъ, будучи молодой человѣкъ, безъ всякихъ отличныхъ качествъ и заслугъ собственныхъ въ пользу отечества, но токмо милостію начальства возвышенный въ такое званіе, можетъ нынѣ требовать себѣ повиновенія и раболѣпнаго почтенія отъ тѣхъ людей, которые нѣсколько разъ проливали кровь и подвергали жизнь свою за отечество единственно для того, чтобъ пріобрѣсть себѣ имя благороднаго человѣка; и называясь моимъ начальникомъ, да еще и съ угрозами, маша рукою предъ самымъ моимъ лицомъ, говорилъ: «Я вамъ покажу себя!» Тогда съ болѣзненнымъ чувствомъ, отражая наглость, признаюсь в. п., отвѣчалъ я ему, что на такого начальника плюю. За симъ онъ еще называлъ себя какимъ-то маіоромъ (вѣроятно по званію адъюнкта, какъ нынѣ профессоры въ большихъ чинахъ называютъ себя генералами). Я, примѣчая, что надменность его просвѣщенія и великихъ дарованій выводитъ его изъ себя, оставилъ его съ сею шуткою, что „въ нашемъ полку нынѣ комплектъ всѣхъ маіоровъ, а тебя я не знаю» и вышелъ вонъ».

Кондыревъ первый сталъ читать въ Казанскомъ университетѣ *политическую экономію* и сдѣлавшись потомъ профессоромъ, продолжалъ читать эту науку много лѣтъ по книжкѣ имъ изданной. Руководства для нея, по его мнѣнію, приличнаго и достойнаго, не имѣется въ русской литературѣ; диктованіе на лекціяхъ воспрещено предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія, а читать по тетрадямъ часто можетъ быть вредно для слушателей. Вотъ причины, выставленныя Кондыревымъ и побудившія его просить совѣтъ напечатать на казенный счетъ, съ одобренія профессоровъ Фойгта и Неймана, переведенную имъ съ нѣмецкаго и употребляемую уже имъ въ теченіе полутора года для преподаванія книгу: „Политическая экономія“, соч. Сарторіуса ([1]). Издержки печатанія и бумага не должны пре-

([1]) Книга Сарторіуса повторяла А. Смита. Ея нѣмецкое заглавіе «Von den Elementen des Nationalreichthums und der Staatswirthschaft nach Adam Smith» (Götting. 1806). Переводъ напечатанъ и называется: «Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита; соч. *Григорія Сарторіуса.* Пер. съ нѣм. *Петръ Кондыревъ.*

вышать 400 рублей. Кондыревъ, при условіи напечатанія на казенный счетъ, отдавалъ свой переводъ въ полное распоряженіе совѣта, или, при отдачѣ всѣхъ экземпляровъ ему, обѣщался уплатить издержки черезъ годъ и раньше, если будетъ имѣть къ тому возможность. Попечитель согласился на послѣднее, но съ тѣмъ, „чтобъ издержки печатанія и необходимая законная прибыль казны были вычтены изъ жалованья Кондырева въ теченіе полугода“. Потомъ, по новой просьбѣ Кондырева, срокъ этотъ былъ удвоенъ. Для студентовъ, какъ казенныхъ такъ и своекоштныхъ, тотчасъ по отпечатаніи уже было куплено 25 экземпляровъ. Училища округа обязательно должны были покупать книгу, такъ что Кондыревъ въ убыткѣ не остался.

Въ самомъ началѣ 1812 года, въ качествѣ члена совѣта и секретаря, Кондыревъ выступилъ съ своимъ, нами уже приведеннымъ вполнѣ (стр. 222 — 223) мнѣніемъ по поводу заявленія въ совѣтъ профессора Финке о томъ, что онъ не можетъ засѣдать вмѣстѣ съ Френомъ послѣ его брака. Мнѣніе это кажется намъ интереснымъ особенно въ томъ смыслѣ, что доставляетъ данныя для сужденія о нравственныхъ свойствахъ Кондырева, не какъ Кондырева собственно, — личность его вполнѣ заурядна, — а какъ типическаго представителя личностей, воспитанныхъ въ тогдашнихъ условіяхъ нашего провинціальнаго университета и подъ вліяніемъ его покровителя. Только съ этою цѣлью мы разсказываемъ профессорскую карьеру Кондырева, вдаваясь въ подробности.

Лѣтомъ того же года Кондыревъ просится въ отпускъ въ Кіевскую губернію „для свиданія съ родителями на три мѣсяца, съ удержаніемъ получаемаго имъ жалованья“. Попечитель отказываетъ „по причинѣ недовольно уважительнаго обстоятельства“, побуждающаго его къ поѣздкѣ. Тогда онъ просится только на вакаціонное время, но чтобъ получить ему право на прогоны, училищный комитетъ, уже открытый при Казанскомъ университетѣ, по предложенію профессора Яковкина, ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о томъ,

---

Казань, унив-ская типографія. 1812, 8°. 291 стр. Переводчикъ, какъ видно изъ списка подписавшихся на книгу, успѣлъ распространить ее въ числѣ около 600 экз. — количество, въ какомъ и теперь не расходится книга въ Казани.

что такъ какъ уволенный въ отпускъ въ Кіевскую губернію Кондыревъ будетъ проѣзжать чрезъ нѣкоторые города, гдѣ находятся училища, подвѣдомственныя Казанскому университету, наприм. въ Симбирской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерніяхъ, то и можно поручить ему сдѣлать по дорогѣ *краткое* обозрѣніе симъ училищамъ, съ свидѣтельствованіемъ наличной суммы и донести о томъ комитету. Совѣтъ вполнѣ съ этимъ согласился и далъ порученіе Кондыреву „сколько время позволитъ, сдѣлать краткое обозрѣніе училищамъ, не въ качествѣ визитатора (для этого надобно было назначеніе попечителя), но яко члена совѣта“ и рапортовать комитету. Такъ подъ наружнымъ видомъ служебной пользы умѣли скрывать личныя выгоды. Поѣздка эта, въ которой такимъ образомъ Кондыревъ могъ соединить полезное для службы и пріятное для себя, не состоялась. Начались грозныя событія отечественной войны; Наполеонъ уже двигался въ предѣлахъ Россіи; манифесты и воззванія возбуждали народъ и общество; патріотическое чувство, о которомъ такъ много разсказываютъ современники, выражалось повсемѣстно и весьма разнообразно, смотря по условіямъ. И въ Кондыревѣ заговорило это чувство и даже забилась геройская военная жилка, и онъ явился „патріотомъ своего отечества“, но онъ былъ адъюнктъ университета, а потому этотъ патріотизмъ долженъ былъ обнаружиться нѣсколько условно. Вотъ какой рапортъ подалъ онъ 17 іюля въ совѣтъ:

«Неожиданныя обстоятельства вдругъ совершенно воспрепятствовали отъѣзду моему въ Кіевскую губернію и не позволяютъ мнѣ воспользоваться нынѣ дарованнымъ мнѣ отпускомъ. Внимая воззваніямъ Государя Императора къ вѣрнымъ сынамъ отечества о возстаніи противъ врага нашего и *желая, по долгу своему, не щадя живота*, содѣйствовать благу общему, имѣю честь объявить почтеннѣйшему совѣту *мою готовность быть нынѣ, по востребованіи, на поль б анн, съ тѣмъ жалованьемъ, каковое получаю и въ томъ чинѣ, каковой имѣю* (можетъ быть въ чинѣ маіора, какъ онъ объяснялъ Ларіонову), считаясь однакожъ между тѣмъ въ дѣйствительной службѣ университета, и по окончаніи войны или похода, вступивъ опять въ теперешнюю мою должность. О чемъ покорнѣйше прошу представить Его пр-ству г. попечителю и кавалеру на благоусмотрѣніе и начальническое разрѣшеніе: можно ли будетъ мнѣ въ таковомъ видѣ намѣреніе сіе исполнить»

На представленіе объ этомъ совѣта, министръ народнаго просвѣщенія, за смертію Румовскаго, далъ знать, что Кондыревъ нуженъ университету, и притомъ въ Казанской

губерніи ополченіе не собирается. Вмѣсто поступленія въ военную службу, Кондыревъ поѣхалъ на слѣдствіе въ Чистополь, разбирать жалобу учителя Лебедева объ обидѣ, причиненной ему почетнымъ смотрителемъ училища· купцомъ и коммерціи совѣтникомъ Плаксинымъ, получивъ на проѣздъ деньги изъ суммы на визитаторовъ отпущенной. Совѣтъ поручилъ ему въ эту поѣздку осмотрѣть и описать древности пригорода Билярска. Проѣздилъ онъ около трехъ недѣль и представилъ въ училищный комитетъ подробный отчетъ о порученномъ ему слѣдствіи, а также и дневную записку. Что же касается древностей, то изъ рапорта его видно, что онъ осмотрѣлъ восемь различныхъ древнихъ городковъ, собиралъ различныя свѣдѣнія и вещи изъ древностей царствъ Казанскаго и Болгарскаго, но „успѣлъ въ семъ только нѣкоторымъ образомъ по многимъ встрѣтившимся затрудненіямъ". Тѣмъ не менѣе однако онъ заявилъ совѣту, и просилъ довести о томъ до свѣдѣнія попечителя, что онъ намѣренъ сдѣлать описаніе и изъясненіе древностей болгарскаго и другихъ городовъ Казанской губерніи. Попечитель писалъ, что намѣреніе это заслуживаетъ похвалу и трудъ Кондырева принесетъ ему не малую честь, когда онъ окончитъ и представитъ его университету. Какъ кажется, Кондыревъ остался при одномъ намѣреніи. Его „Дневная записка и рапортъ въ совѣтъ" объ этой поѣздкѣ не представляютъ ничего любопытнаго (они напечатаны г. Шпилевскимъ въ его книгѣ „Древніе города и проч. Каз. 1877., стр. 549—552.).

Въ концѣ 1812 года Кондыревъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, былъ уволенъ отъ должности помощника инспектора студентовъ, которую онъ, по его словамъ въ прошеніи о выдачѣ ему аттестата, „старался исправлять въ теченіе пяти лѣтъ всевозможно должнымъ образомъ, не щадя ни своего здоровья, ни ученаго занятія для усовершенствованія себя".

Такова была первоначальная карьера перваго кандидата и перваго магистра Казанскаго университета. Изложеніе его дальнѣйшей дѣятельности можетъ быть сдѣлано лишь въ связи съ послѣдующей университетской жизнью. Кондыревъ въ только что основанномъ университетѣ слушалъ лекціи не долѣе двухъ лѣтъ, да и лекціи эти въ дѣйствительности были лишь продолженіемъ гимназическаго курса. Иностраннымъ профессорамъ повидимому онъ ничѣмъ не былъ обязанъ; все содержа-

ніе его трудовъ и направленіе ихъ дано было ему единственнымъ его учителемъ и покровителемъ Яковкинымъ. Цеплину онъ едва-ли былъ обязанъ чѣмъ нибудь. Отъ перваго, по всей вѣроятности, онъ заимствовалъ и свой житейскій тактъ, и умѣнье пользоваться обстоятельствами, изворотливость и угодливость начальству, и ту фальшивую фразу, господствовавшую тогда, которою прикрывались и пустота содержанія и своекорыстные интересы. Знанія Кондырева были вполнѣ ничтожны и къ тому, что заключалось въ учебникахъ Яковкина, едва-ли онъ прибавилъ что либо. Если мы остановились такъ долго на Кондыревѣ, то это потому что думали видѣть въ немъ, ошибочно или нѣтъ—не знаемъ, представителя того направленія, какое преобладало въ университетѣ и вело къ житейскому и служебному успѣху. Съ наукою его дѣятельность кажется не имѣла ничего общаго, хотя университетъ и развилъ въ немъ до извѣстной степени значительную любознательность: этимъ и объясняются его разнообразныя поползновенія.

Другое дѣло науки математическія, успѣхъ которыхъ несомнѣненъ въ первоначальные годы Казанскаго университета. О немъ мы уже говорили на страницахъ этихъ разсказовъ, приводя имена нѣкоторыхъ профессоровъ изъ первыхъ студентовъ университета, дѣлающихъ честь университету, и оставшихся въ исторіи науки. Сами нѣмецкіе профессора засвидѣтельствовали въ математическомъ преподаваніи прекрасные результаты. Кто-то изъ нихъ, въ одномъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ литературныхъ органовъ, (¹) сообщаетъ слѣдующее: „Математика является тою особенною отраслью знанія, которую молодой русскій изучаетъ съ большою ревностью и съ дѣйствительнымъ успѣхомъ. Если молодымъ людямъ 15—18 лѣтъ съ пользою могутъ быть объясняемы такія сочиненія, какъ Монжа—Analyse appliquée à la Géometrie, Лагранжа—Mécanique analytique, Гаусса—Disquisitiones arithmeticae, какъ это дѣлается на лекціяхъ профессора

(¹) *Intelligenz-Blatt* der Ienaischen Allgem. Literatur-Zeitung. 1811, Num. 80. Den 7 December, въ отдѣлѣ Literarische Nachrichten, подъ рубрикой «Universitäten». Здѣсь переименованы русскіе и иностранные профессора и говорится о ихъ дѣятельности.

Бартельса, или многіе отдѣлы изъ Лапласовой Mécanique céleste на лекціяхъ проф. Литтрова, то это конечно служитъ доказательствомъ не совсѣмъ обыкновенныхъ талантовъ слушателей и отъ нихъ справедливо много хорошаго можно ожидать въ будущемъ. Въ классической словесности выдаются весьма немногіе, а въ восточной и того менѣе". Авторъ объясняетъ послѣднее обстоятельство недостаткомъ пособій и говоритъ, что объ увеличеніи ихъ сдѣлано уже распоряженіе. Причины неуспѣха во второй области (расширимъ ее еще науками историческими и философіей) заключались конечно не въ недостаткѣ учебниковъ, а лежали гораздо глубже, коренились въ историческихъ условіяхъ, во всемъ ходѣ и развитіи русскаго образованія. Точно также и успѣхи въ математикѣ и наукахъ естественныхъ, столь очевидные тогда и теперь, едва ли зависѣли только отъ достоинства преподавателей (какими при началѣ университета были Бартельсъ, Литтровъ и др.) или отъ исключительной талантливости натуръ. Правда математикѣ и наукамъ физическимъ, съ самаго основанія университета, отдавали особенное предпочтеніе; успѣхи въ нихъ вызывались и попечителемъ, математикомъ и астрономомъ. Высказанное имъ желаніе, чтобъ было больше математиковъ мы привели выше (стр. 242). Не смотря на односторонность приведеннаго нами его сужденія, что науки историческія требуютъ только „напряженія памяти", нельзя однако съ нимъ не согласиться, хотя и съ нѣкоторою оговоркою. Это напряженіе памяти должно быть гораздо сильнѣе у русскаго человѣка, чѣмъ у европейца западнаго: первому приходится погружаться въ міръ для него совершенно чуждый, далекій отъ жизни и ея сложившихся условій. Онъ не связанъ съ нимъ органически, т. е. никакими дѣятельными воспоминаніями. Для европейца прошлое (хотя бы міръ классическій) есть *его* прошлое, *родное* и дорогое ему; отъ этого прошлаго онъ можетъ всегда сдѣлать практическія посылки къ настоящему. Мозгъ западнаго европейца развивался въ теченіе вѣковъ постепенно накопляющимися впечатлѣніями, и ему во сто разъ легче дается тотъ прошлый историческій міръ, въ которомъ онъ выросъ. Вотъ почему намъ кажется, что у насъ въ ту пору, о которой мы говоримъ, да и послѣ, гораздо скорѣе и легче можно было сдѣлаться математикомъ, физикомъ, химикомъ, чѣмъ историкомъ, философомъ, классикомъ (мы конечно говоримъ не

объ оффиціальныхъ представителяхъ этихъ наукъ), тѣмъ болѣе, что въ практическомъ примѣненіи его знанія ощущалась потребность на каждомъ шагу. Математическая формула не имѣетъ такого длиннаго прошедшаго, какъ формула философская, заключающая въ себѣ синтезъ и прошлаго и настоящаго: ее поэтому легче усвоить.

Что преподаваніе и лекціи, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не имѣли существеннаго вліянія на занятія студентовъ, даже въ математическихъ и физическихъ наукахъ, можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ выдавшихся въ это время молодыхъ людей, достигшихъ въ университетѣ степеней кандидата и магистра. Дмитрій *Перевощиковъ* [1], извѣстный впослѣдствіи какъ профессоръ математики, ректоръ Московскаго университета и членъ Академіи Наукъ, товарищъ Кондыреву, подобно ему стоящій въ спискѣ первыхъ студентовъ, подаетъ въ 1807 году прошеніе въ совѣтъ о томъ, что онъ началъ переводить книгу аббата Сори—Cours de physique и проситъ представить объ этомъ попечителю. Совѣтъ нашелъ, что сочиненіе это уже устарѣло, что послѣ него сдѣлано много открытій въ физикѣ и поручилъ адъюнкту физики и смѣшанной математики Запольскому указать для перевода студенту Перевощикову другаго новѣйшаго автора. Запольской указалъ на сочиненіе De Luc—Essai sur les différentes modifications de l'athmosphère. Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія попечителя, то онъ замѣтилъ, что ему извѣстно сочиненіе De Luc, Recherches sur les modifications etc. (2 tomes, 4°) и неизвѣстно его Essai, а потому потребовалъ отъ Запольскаго объясненія: одно ли это и тоже сочиненіе, и если не одно, то просилъ прислать къ нему Essai. Оказалось, по спросѣ Запольскаго, что онъ и самъ подлинно не знаетъ одно ли это и тоже сочиненіе и не видалъ его, а нашелъ заглавіе его въ Бриссонѣ и слышалъ похвалу книгѣ отъ своего бывшаго профессора физики въ Московскомъ университетѣ, для перевода же рекомендовалъ, потому что „въ нынѣшнее время особенно розысканія свойствъ и

---

[1] Перевощиковы принадлежали къ роду пензенскихъ небогатыхъ дворянъ. Того, что мы сообщаемъ о первоначальныхъ успѣхахъ младшаго изъ двухъ братьевъ по математикѣ въ Казани, нѣтъ въ его біографіи, помѣщенной въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета», 1855. ч. 2. стр. 209—216.

явленій атмосферы вообще составляютъ предметъ физики весьма важный". Попечитель не одобрилъ выбора: „Послѣдняя книга (Recherches), писалъ онъ, по огромности своей, и по содержанію своему, мало принесетъ пользы учащимся, потому что ни о чемъ больше въ ней не предлагается, какъ о воздухѣ. Я бы совѣтовалъ избрать другую, которая бы не столь была пространна и въ которой бы не о воздухѣ единственно было предлагаемо. Такова есть книга Varenii Geographia на латинскомъ языкѣ сочиненная, для учащихъ и учащихся физикѣ преполезная, преподающая не только о воздухѣ, но и обо всемъ, что къ землѣ принадлежитъ, истинныя познанія и достойная того, чтобы переведена была на россійскій языкъ. Самъ Невтонъ трудился надъ ея переводомъ на англійскій языкъ и пріобщилъ свои примѣчанія. Она переведена и на французскій и издана съ новѣйшими примѣчаніями". Указаніе это осталось безъ послѣдствій.

Д. Перевощиковъ готовился въ учители. Съ конца 1807 года онъ, подъ руководствомъ Запольскаго, два раза въ недѣлю уже читалъ студентамъ физическія лекціи. Кандидатомъ онъ почему-то не сдѣлался, а потому и не остался при университетѣ и только въ концѣ 1808 года, послѣ экзамена у Бартельса, который нашелъ его слабѣе въ математикѣ, чѣмъ Княжевичъ, Перевощиковъ, какъ студентъ казенный, былъ опредѣленъ учителемъ математики въ Симбирское главное народное училище, переименованное потомъ въ гимназію. Назначеніе это послѣдовало послѣ того какъ онъ представилъ сочиненіе „О силахъ природы", одобренное Фуксомъ и Запольскимъ и подвергся испытанію въ другихъ воспомогательныхъ наукахъ. Въ Симбирскѣ Д. Перевощиковъ не бросилъ науку и свои занятія. Уже въ маѣ слѣдующаго года онъ представилъ на разсмотрѣніе совѣта два свои сочиненія: одно по математикѣ, другое по физикѣ. Только послѣ одобрительнаго отзыва о нихъ, сдѣланнаго Бартельсомъ и Запольскимъ, попечитель удостоилъ Перевощикова званія кандидата университета, но безъ жалованья и съ оставленіемъ въ прежней должности въ Симбирскѣ. Въ августѣ 1811 года оттуда же Перевощиковъ, для полученія степени магистра, представилъ свое сочиненіе „О всеобщемъ тяготѣніи", а кромѣ того переводъ съ латинскаго ариѳметики Сегнера. Переводъ этотъ былъ разсмотрѣнъ, исправленъ и одобренъ адъюнктомъ Никольскимъ. Попечитель же съ своей стороны предписалъ на-

печатать эту книгу на казенный счетъ въ университетской типографіи, когда она получитъ латинскій шрифтъ и математическіе знаки, и ввести ее въ училища какъ руководство. Въ январѣ 1812 года Перевощиковъ представилъ еще новые переводы: геометріи и плоской тригонометріи. Что касается до его разсужденія „О всеобщемъ тяготѣніи", то по мнѣнію разбиравшаго его, согласно порученію совѣта, адъюнкта Никольскаго, оно: 1) „почерпнуто изъ началъ опытной физики, въ которой г. сочинитель показалъ достаточныя свѣдѣнія; 2) въ цѣломъ разсужденіи видно пристрастіе сочинителя изъяснить всѣ явленія природы изъ законовъ тяготѣнія, что несообразно съ основными силами притяженія и расширенія, наблюдаемыми во всѣхъ тѣлахъ и сохраняющими бытіе ихъ; 3) по сему разсужденію г. сочинитель можетъ быть удостоенъ степени магистра физическихъ наукъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились и члены физико-математическаго отдѣленія. Министръ не утвердилъ однако представленія совѣта о возведеніи Перевощикова въ степень магистра. Онъ указывалъ на то, что въ уставѣ, для возведенія въ эту степень, предписаны извѣстныя правила касательно испытанія (Кондыревъ, какъ мы видѣли, не подвергался никакому испытанію), а потому требовалъ, чтобы члены физико-математическаго отдѣленія „предложили ему съ своей стороны письменно какой нибудь вопросъ по сей части". Бартельсъ задалъ слѣдующій вопросъ, посланный къ Перевощикову чрезъ директора симбирскихъ училищъ: Brevem trigonometriae sphaericae delineationem omnium ejus problematum resolutiones continentem. Отвѣтъ долженъ быть представленъ на языкѣ французскомъ. Въ апрѣлѣ 1813 года Перевощиковъ, чрезъ своего директора, представилъ свой отвѣтъ, заключающій въ себѣ краткое начертаніе сферической тригонометріи. Онъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ отдѣленіемъ физико-математическихъ наукъ и Перевощиковъ получилъ степень магистра, оставаясь на службѣ въ Симбирской гимназіи. Такимъ образомъ степень была пріобрѣтена имъ вдали отъ университета, безъ всякаго его участія и безъ его пособій. О немъ даже не было никакого ходатайства со стороны Яковкина предъ попечителемъ.

За то онъ особенно рекомендуетъ Румовскому старшаго брата Перевощикова — *Василья*, сдѣлавшагося потомъ адъюнктомъ русской словесности въ Казанскомъ, профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ (1820—1830), дѣйствительнымъ членомъ Россійской академіи и почетнымъ членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ (онъ умеръ въ 1850 году). Оба брата знали хорошо французскій языкъ и это знаніе было главною причиною ихъ успѣховъ. Едва прошелъ годъ со времени зачисленія Василья Перевощикова въ студенты, какъ уже въ немъ является желаніе сдѣлаться литераторомъ, что начиналось тогда съ переводовъ. Конечно его попытка немедленно была доведена Яковкинымъ до свѣдѣнія попечителя „Студентъ Перевощиковъ, писалъ онъ (27 февр. 1806 г.), одинъ изъ самыхъ лучшихъ Казанскаго университета, *взошелъ ко мнѣ рапортомъ* о намѣреніи своемъ перевести „Начальныя основанія литературы“, выбранныя однимъ профессоромъ изъ сочиненій аббата Баттё, въ двухъ небольшихъ томахъ въ осьмушку, напечатанныя въ Парижѣ въ 1802 году, *прибавивъ къ тому нужнѣйшее и о россійской литературѣ*. Для полнаго обнаруженія его чувствованій осмѣливаюсь я оный рапортъ представить оригиналомъ на начальственное благоусмотрѣніе в. п. Ежели в. п. благоугодно будетъ предписать заняться переводомъ оной книги, то не благоугодно ли будетъ о томъ чрезъ вѣдомости предварить упражняющихся въ переводахъ для предотвращенія соискательства“. Въ своемъ рапортѣ Яковкину Перевощиковъ говоритъ о своей „природной склонности къ словеснымъ наукамъ“, о своей любви къ отечественной литературѣ и о желаніи принести нѣкоторую пользу своимъ сотоварищамъ, восполнивъ недостатокъ классной книги по словесности. Такимъ образомъ въ немъ, какъ въ братѣ его, очень рано обнаружилась спеціальность; оба они остались ей вѣрными, но едва-ли эту спеціальность могъ возбудить университетъ, гдѣ въ то время даже не было профессора русской словесности. Попечитель одобрилъ намѣреніе студента, но съ нѣкоторыми ограниченіями: „Я позволяю, писалъ онъ Яковкину, чтобы онъ занялся переводомъ сей книги, ежели она не переведена, не теряя однакоже посвященнаго учебнымъ предметамъ времени. Мнѣ пріятно будетъ, ежели онъ въ трудѣ семъ успѣетъ: только желательно бы для меня было, чтобы примѣры изъ россійскихъ писателей, которые прибавлять

онъ намѣренъ, *старался паче заимствовать изъ лучшихъ нашихъ писателей, какъ то: изъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и проч., а не изъ нынѣшнихъ сочинителей Аглай*". Тогда же было послано объявленіе въ Московскія Вѣдомости о предпринятомъ въ Казани переводѣ. Попечитель впрочемъ предназначалъ Перевощикова въ учители въ открывающуюся въ Пензѣ гимназію. Въ половинѣ того же года В. Перевощиковъ и уѣхалъ туда учителемъ, но занятій какъ и младшій братъ не бросилъ. Въ январѣ 1807 года онъ доносилъ совѣту, что уже четыре мѣсяца работаетъ надъ переводомъ и надѣется скоро представить его въ общество отечественной словесности при Казанской гимназіи. За тѣмъ онъ доноситъ, что сверхъ этого перевода онъ сталъ въ Пензѣ заниматься нѣмецкимъ языкомъ, а вскорѣ представилъ и переводный трудъ,— подъ названіемъ Эстетика; это и было сокращеніе Баттё, и сверхъ того переводъ съ нѣмецкаго школьной логики Кизеветтера. Эстетика, представленная попечителю, понравилась ему, не смотря на то, что въ первой ея части онъ замѣтилъ нѣсколько ошибокъ. Онъ предписывалъ объявить Перевощикову, что такой трудъ заслуживаетъ справедливой похвалы и что онъ намѣренъ представить эту эстетику на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Это расположеніе попечителя „къ юнымъ дарованіямъ" внушило В. Перевощикову мысль просить попечителя объ опредѣленіи его при Казанскомъ университетѣ въ званіи магистра философіи и изящныхъ искусствъ. „Семейственныя обстоятельства, писалъ онъ, припудили меня выйдти изъ Казанскаго университета, хотя любовь къ наукамъ удерживала въономъ. Нынѣ обстоятельства сіи перемѣнились, а стремленіе къ познаніямъ съ лѣтами усиливается болѣе и болѣе, но въ Пензѣ я не могу пріобрѣсть обширныхъ свѣдѣній собственными занятіями и слѣдовательно принести всевозможную пользу обществу" Попечителю показалось преувеличеннымъ такое притязаніе и онъ отказалъ. Тогда Перевощиковъ подалъ въ отставку, но уволить его было нельзя, какъ обязаннаго прослужить шесть лѣтъ правительству за казенное содержаніе. Перевощиковъ поѣхалъ въ Петербургъ лично просить попечителя. „Съ пензенскимъ директоромъ гимназіи былъ у меня г. Перевощиковъ, пишетъ Румовскій къ Яковкину (30 марта, 1808 г. № 198). Отъ него прислано было предъ тѣмъ прошеніе объ увольненіи его по слабости здоровья отъ учи-

тельской должности. Я ему объявилъ, что понесши нѣкоторый родъ гнѣва за отпускъ нѣкоторыхъ студентовъ и докладывать о просьбѣ его графу (Завадовскому) не смѣю. Тогда онъ сталъ просить, чтобъ я его перевелъ въ гимназію (казанскую), для того что онъ желаетъ пользоваться наставленіями профессоровъ. Расположеніе его я похвалилъ, но притомъ спросилъ подъ какимъ названіемъ могу я перевесть его въ Казань; на сіе отвѣтствовалъ онъ мнѣ: адъюнктомъ. Этотъ случай и вызвалъ замѣчаніе Румовскаго о томъ, что казанскіе студенты имѣютъ слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе. Но попечитель скоро однако перемѣнилъ свое мнѣніе о В. Перевощиковѣ. Оба брата были весьма талантливы; а знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками помогло имъ въ умственномъ развитіи. Лѣтомъ на актѣ Пензенской гимназіи В. Перевощиковъ читалъ рѣчь. Она очень понравилась Румовскому. „Въ непродолжительномъ времени пришлю я къ вамъ рѣчь г. Перевощикова, писалъ онъ Яковкину. Сравните ее съ рѣчами въ Казани говоренными... Сей молодой человѣкъ дѣлаетъ честь Казанской гимназіи и я намѣренъ перевесть его въ университетъ по россійской словесности" (20 авг. 1808 г.). Это тѣмъ болѣе необходимо было, что въ то время профессоръ русской словесности Городчаниновъ, который, по выраженію Румовскаго „за разборъ куплета" былъ удостоенъ званія адъюнкта, вышелъ изъ Казанскаго университета, а сочиненія мѣстнаго піиты, учителя Ибрагимова, въ ту пору покровительствуемаго Яковкинымъ, хлопотавшимъ о назначеніи его адъюнктомъ въ университетъ (общая и славяно-россійская грамматика) были не одобрены Россійской академіей; такая же участь постигла и его реторику для гимназій.

Дѣйствительно въ началѣ 1809 года В. Перевощиковъ сдѣлался магистромъ россійской словесности, также какъ и прочіе, безъ всякаго испытанія, требуемаго уставомъ. „Усматривая отличныя способности Пензенской гимназіи старшаго учителя Василія Перевощикова, доказанныя имъ двумя опытами представленныхъ мнѣ сочиненій его, касающихся до словесности и преподаваніемъ наставленій въ оной гимназіи, писалъ попечитель въ своемъ предложеніи совѣту (11 февр. 1809 г. № 107), предлагаю возвесть его въ званіе магистра при Казанскомъ университетѣ. Обрадованный В. Перевощиковъ переѣхалъ лѣтомъ въ Казань. Обязанность

его, согласно волѣ попечителя, заключалась въ приготовленіи студентовъ къ лекціямъ будущаго, пока еще не назначеннаго профессора словесности, по нѣскольку часовъ въ недѣлю. Вскорѣ по желанію и представленію Яковкина, В. Перевощиковъ получилъ мѣсто втораго помощника инспектора студентовъ, но безъ жалованья.

Переѣздъ въ Казань и нахожденіе при университетѣ съ его научными средствами, чего такъ желалъ Перевощиковъ, должны были благопріятствовать успѣху его научныхъ занятій. Онъ намѣревается написать и представить попечителю „Всеобщее историческое и философское обозрѣніе россійской словесности“, но жалуется на бѣдность университетской библіотеки. Такъ, при разсмотрѣніи русскихъ баснописцевъ, Перевощиковъ по его словамъ не могъ нигдѣ въ Казани достать басень Майкова. „Университетская библіотека весьма недостаточна въ разсужденіи россійскихъ, особливо прошедшаго столѣтія писателей; частныя же библіотеки наполнены книгами, непринадлежащими истинно къ словесности“. На это попечитель замѣчаетъ, что почти всѣ прочіе профессора равномѣрно жалуются. „Надобно имѣть терпѣніе, потому что сумма на пріумноженіе библіотеки назначена весьма умѣренная (въ штатахъ 1804 года даже не показана сумма на библіотеку, а только 500 р. на выписку журналовъ и газетъ); смотря на нее и гг. члены свои желанія или требованія умѣрять должны“. Занятія и труды В. Перевощикова шли успѣшно. Въ концѣ 1810 года, какъ мы уже знаемъ, предполагалось, согласно желанію и распоряженію министра, открытіе университета, т. е выборы ректора и раздѣленіе на факультеты. Чтобъ сдѣлать это открытіе *памятнѣе*, по выраженію Румовскаго, *торжественнѣе и достопамятнѣе*, по словамъ Яковкина, предполагались въ этотъ день разныя производства и повышенія. Попечитель высказалъ желаніе, чтобъ Яковкинъ представилъ къ этому торжеству въ адъюнкты Кондырева и Перевощикова, смотря на это производство, какъ на одобреніе имъ и другимъ. Такъ это было и сдѣлано. Въ числѣ трудовъ Перевощикова, кромѣ Эстетики аббата Баттё упоминается и „Исторія россійской словесности“, а въ числѣ заслугъ его выставляется основательное знаніе французскаго языка. Открытіе университета не состоялось и В. Перевощиковъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, вмѣстѣ съ Кондыревымъ и Никольскимъ, лишь въ мартѣ 1811 года.

По окончаніи перевода Баттё, В. Перевощиковъ принялся было за переводъ Лагарпова Ликея (Lycée ou cours de littérature); онъ кончилъ уже первую часть, но узнавъ, что переводъ этого сочиненія предприняла Россійская академія и что первый томъ перевода уже напечатанъ, онъ принялся за сочиненіе Цицерона *Витія* (de Oratore). Прося у попечителя позволенія объяснять эту книгу студентамъ, онъ писалъ къ нему: „Щедроты, изливаемыя на нихъ (студентовъ) в. п., напечатлѣны въ сердцахъ ихъ; но я желалъ еще показать, что вы не ограничиваете токмо ими кругъ полезныхъ вашихъ дѣяній, что россійская словесность украшается вашими произведеніями, что всѣ Россіяне ищущіе истиннаго просвѣщенія, обязаны Вамъ благодарностію. Для сего я осмѣлился взять примѣръ изъ лѣтописей Тацитовыхъ, переведенныхъ в. п.“. По разсмотрѣніи этого перевода, Румовскій, въ письмѣ своемъ къ Яковкину, высказалъ слѣдующее о немъ мнѣніе, любопытное въ томъ отношеніи, что и самъ онъ былъ очень хорошимъ переводчикомъ Тацитовыхъ Лѣтописей въ прошломъ вѣкѣ:

«Г. Перевощиковъ пишетъ ко мнѣ, что если переложеніе его Цицеронова творенія удостоится одобренія, то проситъ позволить изъяснять оное студентамъ; прошу васъ сказать ему, что переводъ его мнѣ кажется очень воленъ. Ежели бы кто нибудь переводъ его переложилъ на латинскій языкъ, то мало словъ осталось бы Цицерономъ употребленныхъ. Переводъ древняго классическаго писателя долженъ соблюсти не только мысли, но и самыя выраженія и обороты сколько возможно ближе должны подходить къ подлиннику, не нарушая свойства языка, на который сочиненіе переводится. Не взирая на сіе, долгомъ почитаю отдать справедливую похвалу его трудолюбію. Кромѣ перевода приложилъ онъ разсмотрѣніе піитики Аристотелевой. Ежели оно есть его сочиненіе, то мнѣ кажется, что оно достойно того, чтобы читано было въ публичномъ собраніи, даже при открытіи университета».

Оказалось однако, что это разсмотрѣніе піитики Аристотеля есть только переводъ изъ перваго тома курса Лагарпа.

Въ 1811 г. Перевощиковъ женился на сестрѣ своего товарища Княжевича и оставилъ должность помощника инспектора, несовмѣстимую съ научными занятіями и съ преподавательствомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году, на публичныхъ курсахъ, онъ читалъ теоретическую и практическую философію. Вскорѣ возвратился въ университетъ на службу Городчаниновъ, что не совсѣмъ было пріятно Перевощикову,

ставшему какъ бы въ подчиненное отношеніе къ Городчанинову. Онъ принужденъ былъ измѣнить характеръ своего преподаванія и оставить лекціи теоріи и исторіи словесности, которыми особенно занимался. Въ 1812 году Городчаниновъ жаловался совѣту, что нѣкоторые студенты, слушающіе его лекціи, „не довольно тверды въ россійскомъ слогѣ и потому не могутъ наравнѣ съ прочими слушать дальнѣйшія его преподаванія", и просилъ совѣтъ „предписать адъюнкту Перевощикову, дабы онъ преимущественно занималъ ихъ практикою, стараясь усовершенствовать ихъ въ прозаическомъ слогѣ, руководствуясь сочиненіемъ Цицерона „Витія". Какъ мы знаемъ уже, Перевощиковъ самъ перевелъ эту книгу, но не ее имѣлъ въ виду Городчаниновъ. Нападая на употреблявшуюся тогда въ высшемъ гимназическомъ классѣ реторику Рижскаго за ея „обширность и многосложность", онъ предлагалъ ввести для преподаванія учебную книгу, составленную имъ самимъ, также по руководству Цицеронова de Oratore, но „заключавшую въ себѣ сокращеніе реторическихъ правилъ, расположенное, для вящаго облегченія памяти, по вопросамъ и отвѣтамъ (1)".

Въ 1814 году, по открытіи университета, В. Перевощиковъ произведенъ въ экстраординарные профессоры (2).

Четвертымъ магистромъ изъ списка первыхъ студентовъ Казанскаго университета былъ Андрей Васильевичъ *Кайсаровъ* (сынъ чиновника), учившійся и въ гимназіи и въ университетѣ на казенномъ содержаніи. О немъ мы уже упоминали (стр. 255). Кайсаровъ умеръ 16 іюля 1854 года.

(1) Безъ сомнѣнія это тотъ учебникъ или классическая (т. е. классная по нынѣшнему) книга, которая обозначена подъ № 17 въ монографіи г. *Лихачева*: «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія». Каз. 1886. стр. 25.

(2) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Васильѣ Матвѣевичѣ Перевощиковѣ находятся въ книгѣ «Отчеты Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», составленные *Плетневымъ*. Спб. 1852., стр. 347—349, хотя то, что здѣсь говорится о первоначальной дѣятельности Перевощикова въ Казани—совершенно невѣрно. Собраніе нѣкоторыхъ мелкихъ статей своихъ по теоріи словесности и переводовъ съ латинскаго (между прочимъ «Жизнь Агриколы»—Тацита), и съ нѣмецкаго Перевощиковъ издалъ подъ названіемъ «Опыты». Дерптъ. 1822. 8°. 475 стр. Въ сбор-

меновать всѣхъ имѣющихъ быть повышенными въ званія кандидата и магистра, а у представленныхъ въ адъюнкты разсмотрѣть сочиненія, но этого сдѣлано не было. Наступившіе въ совѣтѣ выборы ректора, декановъ и другихъ должностныхъ лицъ согласно уставу 1804 года, бурныя сцены во время выборовъ, жалобы и протесты со стороны русскихъ и иностранцевъ, все это было причиною, что экзамены откладывались отъ одного до другаго засѣданія, и наконецъ совсѣмъ не были произведены, пока не получилось предложеніе попечителя на имя Яковкина о томъ, что повышенія въ адъюнкты и магистры утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 23 марта 1811 года. Представленіе о нихъ сдѣлано было однимъ Яковкинымъ, безъ участія совѣта. Въ числѣ магистровъ былъ и Тимьянскій (по естественной исторіи, химіи, технологіи, физіологіи съ частію анатоміи). Не выдаваясь ни талантами, ни сочиненіями, Тимьянскій преподавалъ въ приготовительныхъ курсахъ ботанику, начиная съ 1812 года, и тогда же было поручено ему смотрѣніе за ботаническимъ садомъ. По открытіи въ 1814 году университета, онъ получилъ званіе адъюнкта и сдѣлался секретаремъ отдѣленія (факультета), кассиромъ и экономомъ въ правленіи университета.

Совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ и тѣмъ же порядкомъ, одновременно съ Тимьянскимъ, возведенъ былъ въ достоинство магистра шестой изъ первоначальнаго списка студентовъ—Степанъ Францовичъ *Шоникъ* (изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, род. 1789 г.). Учился онъ исключительно у Фукса и послѣдній въ своемъ мнѣніи о разсужденіи Шоника называетъ его mon cher élève и рекомендуетъ его покровительству совѣта, „comme un très bon sujet, qui a fait de bons progrès dans plusieurs sciences et particulièrement dans l'histoire naturelle.“ Диссертація Шоника по естественной исторіи имѣетъ также только общій характеръ, что лежало въ условіяхъ времени и преподаванія. Она, какъ и у Тимьянскаго, писана на тему, заданную Фуксомъ: „Имѣетъ ли всякая часть натуральныхъ произведеній конечную причину своего существованія.“ Фуксъ хвалитъ въ ней слогъ, un stile coulant et quelquefois même élégant и нѣсколько иронически отзывается о намѣреніи своего ученика видѣть вездѣ конечную цѣль. „Je loue, cependant, говоритъ онъ,

la bonne intention de M-r Schonick, en voulant tout regarder, comme absolument nécessaire dans la nature, et même prendre en protection les puces, les poux et les scorpions.“ Шоникъ, какъ и нѣкоторые другіе, не составилъ себѣ ученой карьеры. Знаемъ, что въ 1812 году, онъ вмѣстѣ съ профессоромъ Эрдманомъ, въ качествѣ его помощника, ѣздилъ въ Тетюши для наблюденія надъ сѣрными ключами (¹), что въ 1813 году былъ онъ надзирателемъ въ студенческой и гимназической больницахъ, а въ 1817 году умеръ.

Такимъ образомъ изъ 26 первыхъ, поступившихъ въ 1805 году казенныхъ студентовъ, въ теченіе шести лѣтъ получили степень магистра, т. е. посвятили себя ученой карьерѣ и профессорскому званію—шесть человѣкъ,—процентъ весьма значительный. Правда не всѣ они отличались знаніями и талантами, не всѣ сдѣлались профессорами, но мы думаемъ, что это стремленіе къ ученому званію, независимо отъ того участія въ судьбѣ молодыхъ людей, которое своимъ вліяніемъ принималъ Яковкинъ, вызывалось духомъ времени, тогдашними реформами правительства, высоко ставившаго науку и знаніе въ государствѣ и нуждавшагося въ людяхъ образованныхъ. Яковкину выгодно было съ своей точки зрѣнія имѣть какъ можно больше кандидатовъ и магистровъ во ввѣренномъ ему университетѣ: этимъ свидѣтельствовалось передъ начальствомъ его служебное рвеніе и успѣхъ заведенія. Его непосредственнаго участія отрицать нельзя, но широкая университетская сфера дѣйствовала также значительно въ молодомъ университетѣ, не смотря на недостатокъ профессоровъ и ничтожество выносимыхъ изъ университета знаній: мы видѣли, что лучшіе изъ перечисленныхъ нами магистровъ доказывали свои свѣдѣнія исключительно переводами. Въ ту пору и это былъ большой успѣхъ, при господствующемъ невѣжествѣ.

Что производство въ магистры происходило часто случайно, что не было постановлено для того никакихъ точно опредѣленныхъ условій, что большинство достигало этой степени даже безъ экзамена и безъ диссертаціи, какъ это введено было послѣдующими узаконеніями,—это можно видѣть изъ приведенныхъ нами примѣровъ и изъ *производства* (это

(¹) *Каз. Изв.*, 1812 г., № 18.

выраженіе, какъ о чинахъ, было тогда въ употребленіи) въ магистры въ 1811 году, особенно богатомъ ими. Въ засѣданіи 5 іюля былъ заслушанъ рапортъ помощника инспектора Кондырева о поведеніи и занятіяхъ студентовъ въ теченіе всего академическаго года. Изъ этого рапорта видно, что особенно благонравнымъ поведеніемъ и отлично хорошими успѣхами отличились студенты: Михайло Юнаковъ, Владиміръ Булыгинъ и Доримедонтъ Самсоновъ; очень хорошимъ поведеніемъ и отлично-хорошими занятіями (въ числѣ прочихъ поименованныхъ): Алексѣй Лобачевскій и Николай Алехинъ; отличнымъ занятіемъ въ математическихъ наукахъ „занимающій первое мѣсто по своему худому поведенію“ Николай Лобачевскій. Совѣтъ опредѣлилъ: „призвать студентовъ въ совѣтъ и отдать каждому изъ нихъ должную справедливость“. Въ слѣдующемъ засѣданіи, черезъ два дни, это и было сдѣлано, при чемъ въ числѣ другихъ *повышены были въ кандидаты* изъ упомянутыхъ: Юнаковъ, Булыгинъ, Самсоновъ, Алексѣй Лобачевскій. Алехинъ и кромѣ того баронъ Юлій Врангель, студентомъ не бывшій, но только подвергавшійся экзамену, братъ профессора Врангеля, зятя Яковкина. Черезъ три дни послѣ этого, въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, 10 іюля, профессоръ-директоръ и инспекторъ Яковкинъ предложилъ, а профессоръ Томасъ и адъюнктъ Кондыревъ представили достойными *къ повышенію въ магистры* изъ только что произведенныхъ въ кандидаты: Михайлу *Юнакова* и Владиміра *Булыгина*, „успѣхами своими *въ историческихъ наукахъ* предъ прочими отличившихся, неоднократно писавшихъ разсужденія (слѣдовъ ихъ мы не нашли однако въ архивныхъ дѣлахъ), читанныя при годовомъ испытаніи и одобренныя членами совѣта, равно тогда же дававшія примѣрныя лекціи, разрѣшившія нынѣ имъ заданные до сорока историко-статистическихъ вопросовъ и съ отмѣннымъ успѣхомъ отвѣчавшіе на предложенные вопросы“. За тѣмъ другими членами представлены въ магистры изъ кандидатовъ: Доримедонтъ *Самсоновъ* по части *словесности, особенно греческой*, по рекомендаціи проф. Сторля, а также и по латинской и *Алексѣй Лобачевскій* по части *химіи* и *технологіи*, „большіе успѣхи въ сказанныхъ предметахъ оказавшіе, неутомимостью въ трудахъ отличившіеся и по дарованіямъ своимъ лестную надежду подающіе. Всѣ сіи четыре студента курсы наукъ уже окончили *и по-*

вторительно, поведенія первые трое благонравнаго, а послѣдній въ настоящее время весьма скромнаго и тихаго, и по сему рекомендованные г. инспекторомъ и кавалеромъ и его помощникомъ". О *Николаѣ Лобачевскомъ*, въ виду Кондыревскаго отзыва о его поведеніи, не могло быть и рѣчи, но профессоры: Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ въ томъ же засѣданіи представили, „что чрезвычайные успѣхи и таковыя же дарованія его въ наукахъ математическихъ и физическихъ могутъ рекомендовать его къ повышенію въ степень магистра". Если Н. Лобачевскій и не подвергался особому испытанію, какъ и прочіе, то вслѣдъ за утвержденіемъ въ степени магистра, онъ представилъ разсужденіе „Теорія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ", что кромѣ его и Симонова, не сдѣлалъ ни одинъ магистръ. Бартельсъ далъ чрезвычайно одобрительный отзывъ Въ августѣ всѣ эти пять новыхъ магистровъ были утверждены попечителемъ, съ производствомъ имъ жалованья по кандидатскому окладу, такъ какъ сумма на магистровъ, положенная по штату, еще не отпускалась.

Изъ этихъ пяти новыхъ магистровъ о двухъ, братьяхъ Лобачевскихъ, было уже говорено нами (стр. 243 — 251). Скажемъ нѣсколько словъ объ остальныхъ трехъ. *Булыгинъ*, Владиміръ Яковлевичъ, былъ первымъ профессоромъ русской исторіи, хотя и не долго (онъ умеръ въ 1838 году). О профессорской и ученой дѣятельности его мы говорить не будемъ, какъ относящейся къ болѣе позднему времени. Булыгинъ былъ родомъ изъ Пензы, сынъ бѣдной вдовы, мальчикъ очень скромный и прилежный, но особенными дарованіями не отличавшійся. Онъ понравился Яковкину и при его участіи, съ выдачею прогонныхъ денегъ, поступилъ изъ Пензенской гимназіи на казенное содержаніе въ университетъ. Это былъ первый студентъ не изъ Казанской гимназіи. „Благодарю Бога, писалъ Яковкинъ, что симъ прокладывается новая дорога для умноженія студентовъ". Въ университетѣ онъ ничѣмъ не выдавался кромѣ благонравнаго поведенія; былъ камернымъ студентомъ и должность эту исправлялъ „усердно и исправно". Какъ кажется это были главныя права его для полученія степени магистра.

О *Юнаковѣ*, Михаилѣ Алексѣевичѣ (род. 1790 г.), магистрѣ историческихъ наукъ, кромѣ того, что онъ, въ 1812 году, вмѣсто Кондырева, читалъ на публичныхъ курсахъ

россійскую исторію, географію и статистику, по открытіи унииерситета былъ секретаремъ отдѣленія словесныхъ наукъ, а въ 1815 году адъюнктомъ, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Дальше этого, сколько извѣстно, онъ не пошелъ.

Самсоновъ, Доримедонтъ Петровичъ (изъ дворянъ) былъ самымъ младшимъ изъ магистровъ (род. 1793 г.). Въ гимназію поступилъ онъ въ 1805 году, а въ университетъ въ 1809 году; слѣдовательно магистромъ сдѣлался черезъ два года по вступленіи въ университетъ. Самсоновъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ единственный студентъ изъ описываемыхъ годовъ Казанскаго университета, занимавшійся греческимъ языкомъ и при томъ съ любовью. Какъ случилось это— объяснить мы не умѣемъ, но по всей вѣроятности знаніе французскаго языка дало ему возможность пользоваться наставленіями профессора Сторля. Въ первый уже годъ вступленія Самсонова въ университетъ, совѣтъ представилъ его упражненія въ греческомъ языкѣ попечителю. Это были стихотворные переводы двухъ-трехъ идиллій Мосха и Біона и нѣсколькихъ эпиграммъ изъ Антологіи; но переводы эти такъ и назывались *вольными* и были скорѣе подражаніями. Не смотря на греческій текстъ, выписанный рядомъ съ ними Самсоновымъ, мы убѣдились, что главное дѣло тутъ было знакомство съ французскими переводами. Изъ одного письма Сторля къ попечителю видно, что Самсоновъ три раза въ недѣлю посѣщалъ его и бралъ у него частные уроки. Въ 1812 году Сторль „по желанію *нѣкоторыхъ* слушателей“ занимался также греческимъ языкомъ и древностями у себя на дому. Самсоновъ, какъ видно изъ письма В. Перевощикова къ попечителю, также приходилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами полюбившими занятія словесностью, разъ въ недѣлю и къ нему. На этихъ собраніяхъ, утвержденныхъ совѣтомъ, молодые люди поочередно читали свои сочиненія и переводы; исправленія дѣлались подъ руководствомъ Перевощикова. Самсоновъ перевелъ съ французскаго небольшое сочиненіе г-жи Сталь „О словесности въ отношеніи къ общественнымъ постановленіямъ“ и переводъ былъ представленъ попечителю.

Сторль былъ большой идеалистъ, но послѣдніе два года жизни его въ Казани были полны разныхъ семейныхъ непріятностей, ускорившихъ его смерть. Грустно дѣлается за этого ученаго, „человѣка стараго, дряхлаго и слабаго“, по выраженію Яковкина, (съ начала 1810 года онъ

уже не подписываетъ совѣтскихъ протоколовъ по заявленной имъ „слабости правой руки“), большаго эстетика, привыкшаго къ идеальнымъ и яснымъ формамъ греческаго искусства и вдругъ очутившагося посреди казанской грязи въ началѣ XIX вѣка. Въ апрѣлѣ 1811 года, въ письмѣ къ попечителю, онъ откровенно сознается ему въ печальной житейской ошибкѣ, „qui (la faute) ne saurait être attribuée qu'au sort, qui dirige les choses de ce monde sublunaire“ (совершенно греческое представленіе объ *ἀναγκή*). „Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія жены моей (это была иностранка, съ нимъ пріѣхавшая, старуха), я жестоко захворалъ; всѣ отчаявались въ моемъ выздоровленіи; но силы возвратились и я съ горемъ увидѣлъ, что мое маленькое хозяйство подвергалось той же участи, какъ и я, т. е. быть уничтоженнымъ“. Но продолжимъ нашу выписку собственными французскими выраженіями Сторля, такъ какъ переводъ нашъ лишаетъ ихъ трогательной наивности. „Pour le remettre un peu (т. е. le petit ménage), je voyois, qu'il me falloit une personne, qui put m'éstimer à mon âge et faite pour gouverner une maison; et je croyois de l'avoir trouvé *dans la servante* qui était entrée dans mon service deux jours après que j'avois fait le pitoyable inventaire des reliques de mes effets. *Elle etoit bonne, elle a de religion*, elle avoit été affranchie par le senat (вольноотпущенная), ce que ne contribuoit pas peu pour en avoir bonne opinion et ses manières ne ressentent nullement de l'état servile, où elle étoit née.... A la fin sur le papier susdit que j'avois donné au protopope de notre paroisse, et avec l'aveu du consistoire, j'épousais la susdite personne dans l'église de notre paroisse et le protopope nous maria à la manière du culte de l'église grecque le 10 septembre 1810....“ Этотъ неравный въ умственномъ отношеніи бракъ (жена и грамотѣ не знала), къ сожалѣнію нерѣдкій между профессорами университетовъ, особенно въ провинціи, но объясняемый некрасивыми условіями жизни, былъ причиною большихъ огорченій для старика, познакомилъ его съ дѣлопроизводствомъ въ полиціи и долженъ былъ ускорить его смерть. Старикъ хвастался своимъ бракомъ. Единственный изъ всѣхъ профессоровъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, въ описываемые нами года, Сторль рапортами донесъ совѣту, что онъ вступилъ въ бракъ съ Надеждою Ивановой, что 26 іюля 1811 года у него родился

сынъ Арсонофій (sic), что и было записано въ протоколъ, но вмѣстѣ съ этими счастливыми семейными обстоятельствами, начались для старика Сторля и непріятности.

Сторль помѣщался въ типографскомъ домѣ; онъ жилъ тамъ съ самаго пріѣзда въ Казань и жилъ спокойно до брака. Но въ домѣ помѣщались также и наборщики съ семьями. Жена одного изъ нихъ Анна Соколова поссорилась съ женою Сторля и обидѣла ее, какъ пишетъ профессорша въ своей жалобѣ въ полицію, „разными поносительными словами, которыхъ здѣсь помѣстить не можно." Брань Соколовой, по словамъ Сторля, слышали всѣ живущіе въ домѣ. Сторль прежде всего пожаловался Яковкину, написавъ ему просьбу на латинскомъ языкѣ. Любопытно, какъ на латинскомъ языкѣ передается обыкновенная брань безграмотныхъ женщинъ между собою. Жена Соколова, пишетъ Сторль, „publice dicere ausa est me Высокоблагородни non tantum non esse, sed subjunxit: plures tales esse hoc nomine indignos, et quorum ob causam, Tu, neque se, neque maritum unico digitulo non tetigeris; quod hi non necessarii sint suus autem maritus necessarius." И Сторль объясняетъ наборщиковой бабѣ: Ego mihi nomen supraditum non dedi, Augustissimus est Imperator Russiae, qui, quos prof. publ. ord. instituit hoc compellatione decorat etc. Въ жалобѣ своей Сторль просилъ Яковкина, чтобъ онъ сдержалъ бабу и ея языкъ „ut petulantiam hujus mulieris comprimas et lascivientem linguam corrigas." Яковкинъ чрезъ смотрителя типографіи Мейснера произвелъ слѣдствіе, по которому „открылись только бабьи сплетни," въ основаніи которыхъ лежало то обстоятельство, что типографщикъ Ефимовъ былъ „чичисбеемъ" у жены Сторля. „La femme de Sokoloff, пишетъ къ попечителю Сторль, a dit que le fruit, dont ma femme est enceinte, n'est pas été moi, et que j'ai même surpris l'adultère quand il (Ефимовъ) donnoit un baiser à ma femme; comme un tel affront peut ulcérer le coeur d'une honnête femme, tout le monde le sait." Директоръ перемѣстилъ Ефимова въ другую квартиру, выгналъ какую-то вдову попадью сплетницу и т. п. Всѣми этими распоряженіями директора и самъ Сторль и жена его остались недовольны. Тогда сначала жена, а потомъ и онъ подали жалобы въ полицію, которой жаловались не только на Соколову, но и на Яковкина, вмѣшавшагося въ дѣло. Сторль

былъ даже вполнѣ увѣренъ, что Соколова распускаетъ грязныя сплетни и отнимаетъ у него титулъ высокоблагородія по наущенію Яковкина. Полиція съ своей стороны черезъ контору гимназіи увѣдомила профессоршу Сторль, что Соколова ни въ чемъ не обличается, да и личная обида, по силѣ манифеста 17 апрѣля 1787 года, должна разбираться формою суда, а потому и отказала ей, при чемъ взыскала за употребленную вмѣсто гербовой бумаги простую, восемьнадцать листовъ, деньги по указной цѣнѣ.

Сторль какъ кажется понялъ, что дальнѣйшее пребываніе его на казенной квартирѣ, въ типографскомъ домѣ, несовмѣстимо ни съ его спокойствіемъ, ни съ его честью. Онъ просилъ позволенія у попечителя оставить казенную квартиру. „Я бы просилъ также, пишетъ щекотливый Сторль къ попечителю, de m'accorder la somme destineé pour les professeurs qui habitent à loyer, si je ne craignois, que l'on soupçonnat ici, que je ne demande de sortir de mon logis que pour toucher cette somme.“ Безъ сомнѣнія суровый отзывъ попечителя о нелѣпости брака Сторля, на который онъ смотрѣлъ какъ на стыдъ и поношеніе для всего ученаго сословія казанскаго, дошелъ также черезъ Яковкина и другихъ до старика; не прекращались и домашніе сплетни и толки, передаваемые женой, и сильно волновали его. Такъ Соколова распускала слухъ, что Яковкинъ уже написалъ или напишетъ къ попечителю о необходимости увольненія его отъ службы по старости и дряхлости. Это въ особенности безпокоило Сторля. „Il est vrai, que je suis dans ma 53-me, пишетъ онъ къ попечителю (онъ былъ гораздо старше); il est vrai que je me fais mener, lorsquil y-a de la glace ou que la neige est très profonde, mais dans tout autre tems je puis marcher comme un autre, sans que l'on me mêne; il est vrai aussi que mon oeil gauche a souffert et que le rouge le blesse, quand je le fixe longtems, mais j'écris cette lettre sans lunettes et une dissertation latine „Sur la meilleure manière d'étudier les antiquités“—preuve convainquant que je n'ai pas perdu l'usage de mes yeux.“ Послѣдніе мѣсяцы 1812 года Сторль уже не читалъ лекцій и въ засѣданія совѣта не приходилъ. Онъ умеръ 27 января 1813 года.

По смерти Сторля магистру Самсонову не у кого было продолжать свои занятія греческимъ языкомъ, вѣроятно только начатыя, хотя съ 1812 года онъ, по собственному жела-

нію, сталъ преподавать латинскій языкъ въ среднемъ классѣ гимназіи. Въ началѣ слѣдующаго года Самсоновъ подалъ просьбу о своемъ намѣреніи отправиться въ Московскій университетъ „для вящаго усовершенствованія" и это былъ первый случай коммандировки съ ученою цѣлью въ Казанскомъ университетѣ. Самсоновъ коммандированъ было на три года съ 17 сентября 1813 года. Въ какомъ жалкомъ видѣ было преподаваніе греческаго языка потомъ, можно заключить изъ словъ извѣстнаго донесенія Магницкаго министру народнаго просвѣщенія въ 1819 году: „Каѳедра греческаго языка существуетъ только названіемъ. Студенты не умѣютъ читать по гречески." Не отрицая нисколько справедливости этихъ словъ, вполнѣ довѣряя имъ, мы замѣтимъ съ своей стороны, что знаменитый ревизоръ, видѣвшій лучинку въ чужомъ глазу, самъ ничего не сдѣлалъ для греческаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Мы знаемъ лично отъ нѣкоторыхъ студентовъ словеснаго отдѣленія, свидѣтелей новой ревизіи генерала Желтухина, послѣдовавшей за отрѣшеніемъ отъ должности Магницкаго, что и они не умѣли читать по гречески, и въ аудиторіи Мистаки, куда пришелъ ревизующій генералъ, столько же понимавшій по гречески сколько и они, для перевода на русскій языкъ, громко произносили тарабарщину.

Не такъ легко, какъ прочимъ, досталось магистерство *Симонову* (о немъ было уже нами говорено) На него пало упомянутое нами запрещеніе принимать въ студенты лицъ изъ податнаго сословія и онъ слушалъ лекціи въ университетѣ благодаря участію къ нему Яковкина. Только вслѣдствіе ходатайствъ и писемъ Бартельса и Литтрова дано ему было попечителемъ соизволеніе подвергнуться экзамену для того, чтобъ получить какое либо званіе. Экзаменъ этотъ происходилъ въ концѣ 1810 года и члены физико-математическаго отдѣленія признали его достойнымъ магистерскаго достоинства тогда же. Но только въ августѣ 1811 года было получено увольненіе его отъ городскаго общества города Гороховца Владимірской губерніи. Тогда же было сдѣлано представленіе попечителю объ утвержденіи его магистромъ, но утвержденіе это послѣдовало не вдругъ. Попечителю нужны были свѣдѣнія: кончилъ ли Симоновъ курсъ,

требуемый для полученія званія магистра по спеціальности, какія науки онъ слушалъ, и особыя свидѣтельства всѣхъ профессоровъ по отдѣленію математическихъ наукъ о его занятіяхъ и успѣхахъ. Послѣ всего этого министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ наконецъ представленіе въ правительствующій сенатъ объ исключеніи Симонова изъ купеческаго званія для поступленія его въ службу по учебной части. Только послѣ указа сената Симоновъ былъ утвержденъ магистромъ 27 іюля 1812 года. Вслѣдъ за симъ Симоновъ представилъ и первое свое сочиненіе „О притяженіи однородныхъ сфероидовъ, ограниченныхъ поверхностями второй степени.“ Ссылаясь на большіе успѣхи Симонова въ практической астрономіи, засвидѣтельствованные Литтровымъ, Бартельсъ хвалитъ это сочиненіе, но замѣчаетъ, что „quamvis autem D. Simonov rerum mathematicarum bene expertus sit, tamen a D-no Lobatchevsky, praesertim in partibus subtilioribus superatur.“

Самые молодые изъ магистровъ 1812 года были *Алехинъ* Николай Михайловичъ (изъ дворянъ), переведенный въ университетъ въ февралѣ 1809 года (въ 1812 году было ему только 18 лѣтъ) и баронъ Юлій Васильевичъ *Врангель* (изъ эстляндскихъ дворянъ), учившійся въ Ревельскомъ высшемъ дворянскомъ училищѣ и поступившій въ университетъ только въ апрѣлѣ 1810 года (въ 1812 году ему было 20 лѣтъ). Оба они, какъ мы видѣли, удостоены были степени кандидата юридическихъ наукъ 3 августа 1811 года. Единственными профессорами юридическихъ наукъ въ томъ году были: Финке и старшій братъ кандидата баронъ Врангель. Уже въ маѣ 1812 года поступило отъ совѣта представленіе о возведеніи ихъ въ магистерское достоинство, основанное на мнѣніи Финке. Мнѣніе это заключалось въ общихъ фразахъ. О Врангелѣ Финке высказывался: „juvenis splendidi ingenii, suavissimorum morum et singularis diligentiae, cui inprimis studium juris cordi et curae est, magis magisque laudem meam et suffragationem meretur“. Тоже объ Алехинѣ: „similiter de candidato Alechin judicandum esse censeo, qui summa cum cura et amore studium juris prosequutus est; quare et eum publice laudo atque benevolentiae concilii commendo.“ Никакихъ разсужденій они не писали. Попечитель потре-

бовалъ однако удостовѣренія ихъ знаній экзаменомъ, на основаніи §§ 93 и 98 устава и, если они окажутъ удовлетворительные успѣхи, разрѣшалъ произвести ихъ въ магистры. Предложеніе попечителя было заслушано въ совѣтѣ 26 іюня, а 3 іюля Финке и Врангель, въ присутствіи членовъ совѣта, произвели имъ испытаніе разомъ въ слѣдующихъ предметахъ: право естественное, частное государственное и народное, право римское и нѣмецкое, исторія правъ, россійскія уголовное и гражданское право. Отвѣты были признаны удовлетворительными и обстоятельными и они были возведены въ магистерское достоинство. Оказалось, что Врангель, своекоштный кандидатъ, былъ тринадцатымъ магистромъ (по штату ихъ было 12), а потому ему, пока не очистится вакансія, было предоставлено только кандидатское жалованье. Врангель уволился вовсе отъ службы университету въ февралѣ 1814 года. Алехинъ, начиная съ 1813 года, преподавалъ на публичныхъ для чиновниковъ курсахъ, съ 1814 года былъ секретаремъ цензурнаго комитета и умеръ адъюнктомъ въ 1819 году; Городчаниновъ написалъ стихи на его смерть (1).

Кромѣ этихъ магистровъ, обязанныхъ Казанскому университету своимъ образованіемъ и приготовленіемъ къ ученой карьерѣ (большинство изъ нихъ стало или профессорами или адъюнктами), были еще три человѣка, долго служившіе университету, не учившіеся въ немъ, но избранные первымъ попечителемъ и присланные въ Казань. Всѣ трое стали профессорами. О первомъ изъ нихъ, Никольскомъ, было уже говорено на страницахъ этихъ разсказовъ (стр. 237—242). Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ двухъ.

Дунаевъ Иванъ Ивановичъ (род. 1788 г., умеръ въ отставкѣ въ сороковыхъ годахъ), происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи, откуда въ 1806 году поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ. Какимъ образомъ здѣсь онъ былъ приготовленъ, у насъ свѣдѣній нѣтъ, но Румовскій, основываясь на отличномъ свидѣтельствѣ конференціи института

(1) *Каз. Изв.* 1819 г. № 25. См. Сочиненія, стр. 537—538.

о его знаніяхъ, назначилъ его 27 февраля 1811 года *магистромъ по части химіи и технологіи*, однакожъ „для усовершенствованія его" предлагалъ совѣту съ этою цѣлью поручить его одному изъ профессоровъ. Въ маѣ Дунаевъ явился къ своему служенію; дѣлать впрочемъ ему сначала нечего было, также какъ не было лица, у котораго можно было ему получить дальнѣйшее усовершенствованіе. Евеста уже не было въ живыхъ, а заступившій его мѣсто профессоръ химіи и технологіи Вуттихъ „отсутствовалъ и неизвѣстно когда прибудетъ". Яковкинъ предполагалъ поручить Дунаеву преподаваніе химіи и технологіи съ тѣми студентами, которые поступятъ въ будущемъ 1811 1812 учебномъ году, а пока, чтобъ занять его, предоставилъ ему двухъ успѣвшихъ уже студентовъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ занимался съ ними практически химическими и технологическими опытами и посѣщалъ съ ними казанскіе заводы и фабрики. По предложенію же проф. Эрдмана Дунаеву поручено руководствовать студентовъ лекціями съ тѣмъ, чтобъ эти послѣднія могли служить приготовленіемъ къ слушанію медицинскихъ преподаваній. Дунаевъ, по открытіи университета въ 1814 году, былъ произведенъ въ адъюнкты и за тѣмъ получилъ званіе экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Магницкій, въ своемъ донесеніи 1819 года, отзывался о немъ совершенно справедливо, что „адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки." Въ 1837 году онъ былъ уволенъ *за реформою* (по уставу университетовъ 1835 года каѳедры технологіи не полагалось) и жилъ нѣкоторое время въ отставкѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и воспитывая дѣтей, въ приданой деревенькѣ жены въ Спасскомъ уѣздѣ. Ни учениковъ, ни памяти онъ не оставилъ.

Третій, присланный Румовскимъ лишь въ званіи кандидата, впослѣдствіи сдѣлавшійся профессоромъ философіи Казанскаго университета, былъ Осипъ Евсеевичъ *Срезневскій*, родной дядя нашего знаменитаго слависта и академика. Срезневскій былъ старше казанскихъ кандидатовъ; ему было уже 30 лѣтъ (онъ родился въ 1780 году). Происходилъ онъ изъ духовнаго званія и окончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи, гдѣ сверхъ обычныхъ предметовъ, *обучался еще физіологіи, анатоміи и хирургіи*. Изъ семинаріи въ 1799 году онъ былъ отправленъ въ Московскую духовную академію, по окончаніи курса въ которой поступилъ учителемъ

въ Рязанскую семинарію въ 1803 году. Здѣсь преподавалъ онъ довольно разнообразные предметы: десять мѣсяцевъ высшее краснорѣчіе и греческій языкъ, годъ—реторику и исторію всеобщую и россійскую; два года—піитику и географію всеобщую и россійскую, а также и миѳологію; два года объяснялъ публично законъ Божій; три года и десять мѣсяцевъ училъ французскому языку и три года—пасхаліи. Въ 1807 году Срезневскій по просьбѣ своей былъ уволенъ отъ учительства и поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ учился около четырехъ лѣтъ; тамъ, между прочими преподаваемыми науками, учился онъ и правамъ: естественному, частному, государственному и общему, а также политической экономіи, наукѣ о финансахъ и коммерціи. Вотъ тѣ основанія, которыя дали ему право просить Румовскаго о назначеніи его кандидатомъ юридическихъ наукъ въ Казанскій университетъ и высказывать желаніе продолжать въ немъ ученіе „для пріобрѣтенія большаго званія въ упомянутыхъ наукахъ.“ Онъ былъ уже, согласно просьбѣ, назначенъ учителемъ въ Екатеринбургское училище, но назначеніе въ Казань казалось выгоднѣе. „Поелику между воспитанниками Казанскаго университета, представлялъ Румовскій министру, почти никто не оказываетъ охоты къ правовѣдѣнію, а студентъ Срезневскій *прилежалъ къ оному преимущественно*, то польза Казанскаго университета принуждаетъ меня покорнѣйше просить В. С., чтобъ благоволили для Екатеринбургскаго училища опредѣлить изъ педагогическаго института студента съ меньшими въ сравненіи Срезневскаго успѣхами и не имѣющаго охоты далѣе простираться въ ученіи.“ Срезневскій опредѣленъ былъ кандидатомъ 22 іюня 1811 года. Въ августѣ Срезневскій пріѣхалъ въ Казань, а въ маѣ слѣдующаго года поступило въ совѣтъ представленіе адъюнкта умозрительной и практической философіи Лубкина, что кандидатъ юридическихъ наукъ Срезневскій изъявилъ ему желаніе продолжать службу и по части философіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность быть ему помощникомъ въ безостановочномъ преподаваніи ея. Лубкинъ свидѣтельствовалъ, что Срезневскій три раза выслушалъ курсъ философскихъ наукъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ учился, что онъ знаетъ и словесныя науки и разные языки и что онъ получилъ къ философіи „не только вкусъ, но и склонность, какъ и самъ онъ мнѣ открывался.“ Лубкинъ представлялъ его въ магистры философіи, а самъ Срезневскій просилъ совѣтъ подвергнуть его

испытанію на эту степень. Это прошеніе подано было имъ потому, что одновременно профессоръ правъ Финке представлялъ Срезневскаго, вмѣстѣ съ Врангелемъ и Алехинымъ, въ магистры правъ. Онъ писалъ, что Срезневскій „vir eruditus assiduusque, praeclaris ingenii dotibus et doctrinae speciminibus mihi se commendavit,“ что онъ усердно посѣщалъ его лекціи, что на этихъ лекціяхъ онъ упражнялся практически въ римскомъ правѣ и сверхъ того перевелъ на русскій языкъ вторую часть его сочиненія „Естественное право.“ Соглашаясь съ представленіемъ Лубкина и нѣсколько недовольный тѣмъ, что Срезневскій нѣкоторымъ образомъ измѣнилъ ему, Финке, ссылаясь на §§ 93 сл. устава, требовалъ, чтобъ Срезневскій былъ экзаменованъ. Финке говорилъ, что Врангель и Алехинъ подвергались испытанію (examine cum iis rite peracto). Экзаменъ этотъ не замедлилъ собою; Лубкинъ произвелъ его и Срезневскій былъ въ іюлѣ уже удостоенъ степени магистра.

Изъ его примѣра, какъ и изъ разсказанныхъ нами случаевъ производства первыхъ магистровъ въ Казани, легко видѣть какъ случайно давались эти степени, которыя вели къ профессурѣ и на долго дѣлали человѣка единственнымъ представителемъ той или другой важной науки въ университетѣ. Сравнивая это приготовленіе къ профессурѣ нашихъ молодыхъ людей съ тѣмъ, какое получали выдающіеся между иностранцами профессора (нѣкоторые и изъ нихъ тоже случайно конечно попадали на каѳедры), нельзя не видѣть какъ ничтожно было это приготовленіе. Ни одинъ изъ нихъ до профессорства ничего не печаталъ и потомъ смотрѣлъ на это, какъ на непріятную обязанность, которую надобно отбыть. Срезневскій зналъ свою философію лишь по жалкимъ тогдашнимъ семинарскимъ учебникамъ; нѣмецкій профессоръ философіи необходимо долженъ былъ развиться подъ могущественнымъ вліяніемъ широкой развивающейся мысли въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка. Самъ Лубкинъ, рекомендовавшій Срезневскаго, не долго впрочемъ занимавшій каѳедру философіи въ Казани, былъ не больше Срезневскаго приготовленъ. На своего кліента онъ смотрѣлъ какъ на „чиновника“, могущаго занять его должность въ случаѣ его болѣзни или отсутствія и такъ и называлъ его. Дѣйствительно Срезневскій былъ только чиновникомъ, занимающимъ казенное мѣсто съ хорошимъ по тому времени окладомъ и безъ сомнѣнія по-

дній игралъ главную роль въ его стремленіи къ профес-
ръ. Вотъ почему намъ кажется, за исключеніемъ конечно
оеобразной точки зрѣнія, что Магницкій въ своемъ от-
ывѣ вполнѣ вѣрно представилъ печальный успѣхъ его пре-
одаванія: „Профессоръ философіи Срезневскій, говоритъ
онъ, воспитанникъ здѣшняго педагогическаго института, слѣ-
дуя системѣ Якоби, *руководствуется духомъ не весьма по-
лезнымъ*, и, по счастію, преподаетъ лекціи свои такъ дурно,
что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два
часа, спросилъ я студентовъ: въ чемъ лекція того дня со-
стояла и ни одинъ не зналъ сего. Полагая, что присутствіе
мое могло быть причиною сего страннаго разсѣянія, сдѣ-
лалъ я нѣкоторые вопросы изъ исторіи философіи, которую
они прежде слушали, но въ томъ ни отъ одного изъ нихъ
удовлетворительнаго отвѣта не получилъ". Это по большей
части такъ было и потомъ, и не въ одной философіи: между
студентами и выслушиваемой ими наукой рѣдко существо-
вала та духовная связь, которая необходима для успѣха.

Кандидаты и магистры, въ которые по уставу произ-
водились преимущественно казенные студенты, должны были
образовать при университетѣ *педагогическій* или учительскій
институтъ подъ начальствомъ особеннаго директора, изби-
раемаго изъ ординарныхъ профессоровъ. Директоръ этого
учрежденія долженъ былъ представлять совѣту каждые пол-
года *планъ ученія* „сообразный намѣренію сего учрежденія".
А цѣль педагогическаго института заключалась въ томъ,
чтобы приготовить для гимназій и училищъ университетскаго
округа учителей, въ которыхъ сильно нуждались. Магистры
оставлялись въ университетѣ; изъ нихъ должны были вы-
ходить профессора. Каждый магистръ, по истеченіи трехъ
лѣтъ, „если общее собраніе (т. е. совѣтъ) *по надлежащемъ
испытаніи* признаетъ его достойнымъ" (такого испытанія
для магистровъ, на сколько намъ извѣстно, въ Казанскомъ
университетѣ почти не было), производится въ адъюнкты, а
изъ лучшихъ магистровъ, отличившихся въ наукахъ и поведе-
ніи, двое, черезъ каждые два года, отправлялись въ чужіе края
для усовершенствованія. Но педагогическій институтъ при
Казанскомъ университетѣ былъ открытъ лишь въ 1812 году п

первымъ его директоромъ былъ профессоръ Броннеръ, составившій любопытный планъ занятій, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. А до тѣхъ поръ эти занятія, да и вообще положеніе кандидатовъ и магистровъ, самое возведеніе ихъ въ эти званія были вовсе неопредѣлены, зависѣли отъ случайностей, отъ личныхъ вліяній, какъ мы уже видѣли не разъ.

Положеніе кандидатовъ и магистровъ такимъ образомъ было весьма неопредѣленно, особенно ихъ занятія. Только предъ самымъ открытіемъ педагогическаго института, внесшаго нѣкоторую систему въ эти занятія, въ 1811 году стали разсуждать о томъ, чтобъ постановить какія нибудь общія правила. Яковкинъ съ своей стороны представлялъ попечителю, что правила эти должны имѣть цѣлью: *надзоръ за поведеніемъ* (всѣ кандидаты и магистры жили въ университетѣ) и *успѣхи въ занятіяхъ*. Надзоръ надобно или поручить особому чиновнику или инспектору студентовъ. Что касается до занятій, то 1) всѣ кандидаты должны заниматься на дому у профессоровъ два или три раза въ недѣлю; 2) профессоръ долженъ представлять совѣту чрезъ каждые полгода о томъ, чѣмъ занимается у него кандидатъ и какіе успѣхи оказываетъ; 3) всѣ кандидаты, кромѣ избранной ими особой науки, должны усовершенствовать себя въ знаніи языковъ латинскаго и россійскаго, почему профессоры этихъ предметовъ должны назначить особыя лекціи для кандидатовъ по два часа въ недѣлю каждый; 4) успѣхи въ этихъ двухъ предметахъ должны приниматься въ соображеніе при производствѣ въ магистры; 5) преподаватели латинскаго и русскаго языковъ должны также рапортовать въ совѣтъ ежегодно или чрезъ полгода объ успѣхахъ кандидатовъ; 6) кандидатамъ предоставить на волю посѣщать или не посѣщать лекціи тѣхъ наукъ, занятіямъ которыми они посвятили себя, „ибо часто повтореніе того, что кандидатъ зналъ хорошо, будетъ уже излишне“. Совѣтъ согласился съ этимъ, но прибавилъ еще правила для магистровъ. Чтобы и они „не упускали время“, ихъ подчиняли надзору инспектора и того профессора, по части котораго они магистры. Занятія ихъ должны заключаться: 1) въ лекціяхъ для студентовъ; 2) въ помощи профессорамъ и адъюнктамъ, заключающейся въ повтореніи со студентами пройденнаго и въ объясненіи имъ того, чего они не понимаютъ; 3) въ содѣйствіи изданію „Казанскихъ Извѣстій; 4) въ исполненіи порученій, давае-

мыхъ начальствомъ и наконецъ 5) въ собственномъ усовершенствованіи въ избранной спеціальности, для чего они должны находиться въ ближайшемъ и всегдашнемъ сношеніи съ тѣми профессорами и адъюнктами, „коимъ они подвѣдомы“.

Попечитель остался доволенъ этими правилами, особенно по отношенію къ кандидатамъ; онъ видѣлъ въ составленіи ихъ „знакъ попеченія о исполненіи должности“. Что касается до магистровъ, то онъ справедливо замѣтилъ, что магистры преимущественно должны заботиться о своемъ усовершенствованіи въ избранной ими наукѣ, а преподаваніемъ могутъ заниматься лишь тогда, когда профессоръ или боленъ или отсутствуетъ по какой либо причинѣ, повтореніемъ же пройденнаго непремѣнно въ другіе, а не въ тѣ часы, которые назначены для профессора или адъюнкта. Между тѣмъ въ росписаніи преподаваній на 1811—1812 годъ помѣщены и всѣ магистры, съ согласія профессоровъ, по двумъ причинамъ, какъ сообщаетъ Яковкинъ попечителю (11 іюля 1811 года): 1) „дабы ихъ (магистровъ) занявши преподаваніемъ, *понудить* болѣе упражняться каждаго по своей части и 2) дабы имѣть преподаванія и на россійскомъ языкѣ тѣхъ наукъ, кои гг. профессорами преподаются на языкахъ иностранныхъ“. Преподаваніе магистровъ естественно должно было отвлекать ихъ отъ занятій наукою, но при господствовавшемъ тогда легкомъ взглядѣ на университетское преподаваніе, да и вообще на науку, при незначительныхъ требованіяхъ отъ магистровъ, какъ мы видѣли, совѣтъ стоялъ на своемъ и ссылался на § 28 устава, по которому и магистру можно поручить преподаваніе. Магистрамъ поручалось преподаваніе такъ называемыхъ тогда пріуготовительныхъ курсовъ; такъ Шоникъ преподавалъ приготовительный курсъ естественной исторіи, а Кайсаровъ—физики для вновь поступившихъ; такъ преподавалъ Дунаевъ, за неимѣніемъ профессора, Тимьянскій, потому что профессоръ занятъ другою частью. Совѣтъ былъ убѣжденъ, что это преподаваніе магистровъ не только не будетъ мѣшать усовершенствованію ихъ въ своей наукѣ, но „еще болѣе можетъ ускорить оное“. Настаивалъ совѣтъ на необходимости преподаванія магистровъ и потому, что вновь поступившіе, особенно въ началѣ курса, не могутъ понимать преподаванія на иностранныхъ языкахъ. Изъ этого легко вывести заключеніе, что только

весьма незначительное число студентовъ, только понимавшіе новые языки (о латинскомъ мы уже говорили: его никто не зналъ) могли воспользоваться наставленіями иностранныхъ профессоровъ. Совѣтъ ссылался на „мѣстныя обстоятельства" и профессора-иностранцы, по необходимости поддерживали такой взглядъ. Бартельсъ доносилъ совѣту, что Лобачевскій будетъ объяснять слушателямъ его, профессора, то „чего они не доразумѣваютъ". Такую же почти обязанность исполняли у Томаса Булыгинъ и Юнаковъ, однимъ словомъ они являлись чѣмъ то въ родѣ переводчиковъ.

Сказаннаго нами кажется достаточно для того, чтобъ составить себѣ представленіе объ успѣхахъ преподаванія въ описываемое время. Успѣхи эти зависѣли отъ условій времени и мы видимъ какъ трудно давались они, какъ были незначительны сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, когда появились лучшія условія для науки, когда усилились ея требованія. И теперь, не смотря на трудныя условія, университетъ успѣлъ однако приготовить нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ займутъ съ честью мѣсто не только на страницахъ его исторіи, но и въ исторіи развитія науки. На нѣкоторыхъ изъ нихъ правда лежитъ сильный отпечатокъ времени, мѣстной среды, той чиновнической фальши и лицемѣрной фразы, которая сдѣлалась хроническою язвою нашего образованія, но, наша цѣль въ этихъ разсказахъ заключается именно въ томъ, чтобъ показать дѣйствительное состояніе университетской науки, не основываясь на однихъ оффиціальныхъ отчетахъ.

Глава VII.

Отношеніе университета къ разнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. — Ученыя экспедиціи и общества. — Ученыя начинанія Яковкина. Его палеонтологическая экскурсія и собираніе рукописей. — Изобрѣтеніе университетскаго механика Горденина. — Патріотическія пожертвованія.

Не однимъ преподаваніемъ и приготовленіемъ молодыхъ людей къ полезной общественной дѣятельности, на чемъ мы до сихъ поръ останавливались, какъ на главной цѣли университета, заявляетъ онъ свое существованіе. И какъ цѣлое, и отдѣльной дѣятельностью членовъ своей корпораціи онъ представляетъ ту великую силу, которая называется наукою. Такой организмъ, какъ университетъ, гдѣ сосредоточивается самое разнообразное знаніе, долженъ бы былъ, особенно въ глухомъ углу Россіи, какимъ былъ тогда казанскій край, играть первенствующую, - вліятельную роль. Жизнь безусловно и всегда нуждается въ знаніи, но не вдругъ пробуждается въ ней потребность этого знанія, не вдругъ выросла и вліятельная наука, а потому, на первыхъ порахъ существованія университета, мы найдемъ только слабые признаки его участія въ окружающей жизни. Общество интересовалось лишь анекдотическою, сплетническою стороною университетской жизни, тогда какъ университетъ могъ приносить и прямую пользу распространеніемъ знаній въ ихъ практическомъ примѣненіи къ жизни.

Публичныхъ лекцій въ современномъ ихъ смыслѣ въ описываемое нами время въ Казани вовсе не было, а такъ называемые *публичные курсы*, открытые въ университетѣ согласно указу 1809 года, *для чиновниковъ*, представляли собою только жалкое изложеніе ничтожныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ, привлекали очень мало слушателей и весьма часто оставались безъ нихъ; нужно было только записаться на нихъ, чтобъ имѣть право подвергнуться экзамену. Университетская жизнь однако начала по немногу оказывать свое вліяніе на окружающее. Появляются, хотя и съ грѣхомъ по поламъ, ученыя общества, популяризующія науку и знанія, двигающія ихъ впередъ и умѣющія привлечь въ свою среду и лицъ, чуждыхъ университету, или наконецъ чисто литературныя предпріятія и изданія, такъ какъ литературная дѣятельность могла въ ту пору исходить только отъ университета. Съ другой стороны и разныя административныя учрежденія, и частныя лица стали обращаться къ университету за помощью, которую только въ немъ и могли найти. Начало этой общественной роли университета совпадаетъ съ первыми годами его существованія и по нашему мнѣнію оно представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ намъ представленіе о научныхъ силахъ самого университета, объ ихъ характерѣ, и показываетъ, что могъ сдѣлать университетъ для общества и въ чемъ нуждалось послѣднее. Надобно впрочемъ замѣтить, что во всей этой такъ сказать практической дѣятельности университета въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, иниціатива не могла принадлежать самому университету, только что начавшему жить. По недостатку дѣятелей и научныхъ силъ, во всѣхъ почти случаяхъ начинаніе требовалось властью, бумагою попечителя. И самый уставъ вызывалъ эту дѣятельность, одобрялъ ее. Въ его § 9 говорилось: „Къ особливому достоинству университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes). Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніи ихъ хозяйственной суммы“. Естественно, что если цѣлое общество, основываемое при университетѣ должно было приносить ему особливую честь, то и каждый членъ университета дол-

женъ былъ съ своей стороны „ставить себѣ“ въ особливое достоинство свою ученую и литературную дѣятельность въ печати, но ей, на первыхъ порахъ университетета, выдвигались непреоборимыя преграды. Онѣ заключались и въ чиновничьемъ характерѣ университетскихъ членовъ, и въ ихъ неприготовленности къ ученому труду (мы видѣли, что вся ученая дѣятельность выражалась въ переводахъ, да и то запоздалыхъ), и въ непривычкѣ къ литературной дѣятельности, и въ недостаткѣ денегъ на печатаніе, такъ какъ авторъ былъ вполнѣ увѣренъ тогда, что книга его будетъ имѣть самое ничтожное количество читателей и расходы его никакъ не окупятся (и долго спустя ученыя произведенія членовъ университета могли печататься только на казенный счетъ), и въ разныхъ другихъ причинахъ Мы остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ этой дѣятельности университета, такъ какъ въ ней раскрываются черты времени, направленіе и содержаніе тогдашняго образованія.

Первый случай, когда казанская администрація, въ лицѣ губернатора Мансурова, обратилась въ университетъ за научною помощью, произошелъ въ сентябрѣ 1806 года. Казанскія бойни находились тогда на Арскомъ полѣ и въ очень близкомъ разстояніи отъ военнаго госпиталя (это былъ домъ казанскаго губернатора во время Пугачевщины). Какъ долго потомъ, а очень можетъ быть и въ настоящее время, эти бойни распространяли страшное зловоніе, оно доходило и къ больнымъ въ госпиталь, наполняло комнаты, гдѣ они лежали. Губернатору нужно было знать: не приноситъ ли зловоніе боень вредъ больнымъ и не разстраиваетъ ли еще болѣе ихъ здоровье? Совѣтъ весьма сочувственно отнесся къ запросу губернатора и откомандировалъ для совмѣстнаго засѣданія съ врачебной управой весь свой научный персоналъ изъ лицъ, имѣвшихъ какое нибудь отношеніе къ дѣлу: медиковъ Фукса и Каменскаго, Евеста, какъ доктора медицины, и Запольскаго, въ качествѣ адъюнкта физики. Изслѣдованіе сдѣлано было добросовѣстно, на мѣстѣ, и совершенно практически. Университетская коммиссія пришла къ убѣжденію, что зловоніе, временно доносимое вѣтромъ отъ боень въ госпиталь, не можетъ имѣть важнаго вліянія на болѣзни и смертность въ немъ. Такое заключеніе свое члены основывали на томъ, что 1) зловоніе въ госпиталь приносится юго-западнымъ вѣтромъ, случающимся въ Казани вообще очень

рѣдко и притомъ госпиталь защищенъ отъ него садомъ; 2) на городъ собственно зловоніе несетъ восточный вѣтеръ, но граждане, живущіе на открытомъ мѣстѣ, въ ближайшихъ улицахъ, по замѣчанію врачей, не подвержены столько повальнымъ и другимъ важнымъ болѣзнямъ, какъ тѣ, которые живутъ вдали отъ боенъ, въ низкихъ мѣстахъ города, напр. въ улицахъ Засыпкиной и Нижне-Ѳедоровской; 3) бойни расположены на высотѣ и вѣтеръ не дозволяетъ гнилому воздуху оставаться на одномъ мѣстѣ и разноситъ его; 4) хотя въ бойняхъ и господствовалъ сильный гнилой запахъ отъ нечистоты и неопрятности, но коммиссія нашла всѣхъ живущихъ при бойняхъ совершенно здоровыми и въ ихъ числѣ одного, который служилъ тамъ тридцать лѣтъ и ни разу не былъ боленъ и наконецъ 5) еслибы бойни имѣли вредное вліяніе на больныхъ въ госпиталѣ, то необходимо признать, что болѣзни отъ того происходящія, должны быть однообразны, имѣть общія свойства, усиливаться особенно лѣтомъ, когда увеличивается гнилость на бойняхъ, но все это требуетъ особаго изслѣдованія и долговременныхъ наблюденій.

Казанскій городовой магистратъ въ томъ же году обращается къ университету съ просьбою перевести полученное съ почтою на нѣмецкомъ языкѣ письмо и какое-то печатное объявленіе на имя казанскаго купечества, при немъ приложенное. Казанская полиція препровождаетъ въ 1810 году для перевода „арапскую записку, содержащую въ себѣ будто бы чародѣйство и колдовство". Профессоръ Френъ переводитъ ее. Такихъ порученій и просьбъ о переводѣ, напримѣръ манифестовъ 1812 года на татарскій языкъ, встрѣчается много и въ послѣдующіе годы. Интересно *дѣло о громоотводахъ.*

Коммандиръ Казанскаго пороховаго завода генералъ-маіоръ Реслейнъ обратился въ іюнѣ 1812 года въ совѣтъ университета съ просьбою устроить на заводѣ громоотводы, согласно описанію и чертежамъ ихъ, присланнымъ изъ артиллерійскаго департамента, который и предписалъ ему снестись съ университетомъ, въ случаѣ, если онъ не можетъ самъ, подъ своимъ надзоромъ, безъ посторонней помощи, установить громоотводы. Указать, какъ должны быть устроены они, изъявилъ согласіе проф. Броннеръ, но принималъ на себя „только то, что до науки касается". Но такъ какъ генералъ-маіоръ, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, по

нѣмецки не зналъ, то послѣ перваго свиданія съ Броннеромъ, попросилъ и „чиновника для перевода"; въ качествѣ переводчика былъ коммандированъ студентъ-кандидатъ Линдегренъ. Онъ перевелъ планъ и описаніе громоотводовъ, сдѣланное Броннеромъ. Планъ Броннера и описаніе препровождены были Рeслейномъ въ артиллерійскій департаментъ, но послѣдній настаивалъ, чтобъ громоотводы были устроены Броннеромъ или кѣмъ либо другимъ отъ университета, непремѣнно по его собственному описанію и чертежамъ. Броннеръ же заявилъ, что находитъ устройство, предлагаемое департаментомъ, опаснымъ для пороховаго завода. Другіе члены университета, сохраняя достоинство науки, также отказались отъ его исполненія.

Оказывалъ университетъ научную помощь и частнымъ лицамъ, но обращеній къ нему о ней въ первые годы было очень мало. Въ январѣ 1812 года магистръ Дунаевъ заявилъ совѣту „о вновь открывающемся естественномъ произведеніи неизвѣстнаго рода соли въ Оренбургской губерніи, составляющей довольно пространную равнину и о нуждѣ изслѣдовать оное обстоятельно на мѣстѣ". Произведеніе это было открыто въ дачахъ помѣщика Новикова въ „оренбургскихъ областяхъ". Первые опыты надъ этою солью дѣлалъ самъ Дунаевъ, повторить ихъ поручено было профессорамъ Брауну и Эрдману и адъюнкту врачебнаго веществословія Ренарду. Отзывъ Ренарда отличался восторженностью и къ самому открытію этой соли и къ той пользѣ, которую она можетъ принести отечественной промышленности, и къ самому открывателю, магистру Дунаеву. Соль эта есть углекислый натронъ или натръ. „Это важнѣйшій и обильнѣйшій источникъ для сбереженія несмѣтнаго количества лѣсовъ, жертвуемыхъ на добываніе поташа и безъ сего примѣтнымъ образомъ истребляющихся" (вотъ какъ давно уже были жалобы на истребленіе лѣсовъ!). Что натръ для производства несравненно лучше поташа, Ренардъ доказываетъ ссылкою на англійскіе продукты. Однако, чтобы открытіе принесло общую пользу, нужны разныя условія. Необходимо узнать какъ обширна равнина, гдѣ находится эта соль, точно ли въ ней изобиліе соли; существуютъ ли въ окрестности вспомогательныя средства для ея добыванія: воды, лѣса, судоходныя рѣки, необходимыя для устройства мыловаренныхъ и стеклянныхъ заводовъ. Необходимо подробное и об-

стоятельное изслѣдованіе на мѣстѣ и его надобно поручить, по словамъ Ренарда, „тому чиновнику, который довольно побуждаемый духомъ отечественной пользѣ, по обязанности, открылъ купно съ тѣмъ себѣ пространное поле усовершенствовать и утончать свои познанія". Этотъ чиновникъ, „отличающійся способностями и дарованіями", былъ Дунаевъ и, согласно заявленію Ренарда, совѣтъ представилъ попечителю о коммандированіи Дунаева на мѣсто нахожденія соли.

Попечитель, по представленію о семъ совѣта, согласился на коммандированіе Дунаева и на выдачу ему прогоновъ до деревни Новиковки Бугурусланскаго уѣзда и обратно, всего на 886 верстъ — 53 р. 16 коп. и сверхъ того на непредвидимые расходы и дѣланіе опытовъ 200 р. Оренбургскій генералъ-губернаторъ предписалъ также по своему вѣдомству оказывать содѣйствіе въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Дунаеву. Это была первая ученая экспедиція Казанскаго университета. Дунаевъ представилъ совѣту свой рапортъ о поѣздкѣ въ Бугурусланъ въ декабрѣ того же года, но великихъ послѣдствій отъ открытія, ожидаемыхъ Ренардомъ, не было: бугурусланской соли оказалось ничтожное количество.

Въ довольно грандіозныхъ размѣрахъ задумывалась въ 1811 году большая *ученая экспедиція* отъ всего университета, по инціативѣ правительства, какъ видно изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія попечителю. Происхожденіе и цѣль такихъ экспедицій, которыя должны быть посланы отъ каждаго университета, находились въ связи съ объѣздомъ Россіи сенатора Аршеневскаго, о чемъ мы упоминали выше (стр. 447). Румовскій, препровождая копію съ этого предложенія въ совѣтъ (6 іюля 1811 года, № 658), предлагалъ *немедленно* приступить къ исполненію по оному, т. е. составить планъ этой экспедиціи, назначить лицъ, которыя должны ее составлять, и сочинить для нихъ наставленія. Экспедиція должна была изучить разныя губерніи по части естественной исторіи, сельскаго домоводства и технологіи. Съ своей стороны попечитель находилъ, что въ составъ экспедиціи всего удобнѣе войти профессору Вуттигу „по роду его упражненій", а изъ молодыхъ людей магистру Дунаеву по естественной исторіи. Предложеніе попечителя было получено въ вакаціонное время; большинства членовъ совѣта не было на лицо и приступить къ немедленному исполненію было нельзя. Кто былъ въ отпуску, кто такъ

ѣхалъ и Яковкинъ шутливо писалъ попечителю, что мо-
етъ весьма близко сказать по св. писанію: „вси пророци розъидошася и остахся азъ единъ Илія“.

Въ августѣ приступлено было къ обсужденію задачи, предложенной министерствомъ. Попечитель полагалъ и доносилъ министру, что принимая въ соображеніе малое число профессоровъ и адъюнктовъ въ Казанскомъ университетѣ, отъ предполагаетъ, что экспедиціи могутъ принести пользу только Вуттигъ, по минералогіи и технологіи, а по естественной исторіи, т. е. по зоологіи, ботаникѣ и сельскому домоводству назначалъ въ помощь Вуттигу магистра Дунаева. Этихъ лицъ онъ и указалъ въ своемъ предложеніи совѣту, но совѣтъ посмотрѣлъ на дѣло гораздо шире, согласно предложенію министра, хотя и медленно приступилъ къ занятіямъ. Только въ октябрѣ составленъ былъ особый комитетъ по ученой экспедиціи изъ профессоровъ Яковкина, Фукса, Реннера, Эрдмана, Броннера и адъюнктовъ: Петровскаго и Кондырева. Комитетъ этотъ долженъ былъ составить планъ для всей экспедиціи и *сочинить наставленія* для путешественниковъ: 1) По естественной исторіи—*Фуксъ* „особенно, что касается учености и употребленія“ (?); 2) по минералогіи, физикѣ и химіи — *Броннеръ*; 3) по части *смѣшанной математики*, въ разсужденіи машинъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ и въ хозяйствѣ—проф. *Реннеръ*; 4) по части статистики и географіи, особенно какіе продукты иностранные могутъ быть замѣнены отечественными, также какіе отечественные могутъ быть усовершенствованы или умножены или вновь разведе
ны гдѣ, и тому подобное, замѣчанія въ разсужденіи ф
брикъ, мануфактуръ, заводовъ и народной промышленности проф. *Яковкинъ* и вспомоществующій ему адъюнктъ *Кон*
ревъ, подъ его руководствомъ; 5) по части сельскаго до
водства и машинъ, употребляемыхъ въ Россіи—ад. *Пет*
скій; 6) по части медицинскихъ произведеній, какія м
быть замѣнены отечественными и разведены вновь гдѣ
—*Эрдманнъ* и 7) по части *технологіи*—всѣ члены ко
могутъ сообщить свои замѣчанія (Вуттигъ, на котораго
зывалъ попечитель, былъ въ отпуску). Комитетъ имѣлъ
засѣданія, въ теченіе которыхъ выработаны были и пла
ставленія для ученыхъ путешественниковъ. Къ поѣзд
назначались сначала магистры и адъюнкты, но Фукс

заявилъ совѣту о томъ, что онъ самъ желаетъ лично участвовать въ экспедиціи и послалъ отъ себя просьбу о томъ къ попечителю. Онъ говорилъ въ своемъ заявленіи, что давно питаетъ желаніе объѣхать южныя провинціи Россіи, въ особенности губернію Астраханскую и Кавказъ, что онъ употреблялъ всѣ средства и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобъ приготовиться къ этому путешествію. „Кромѣ знанія языковъ ученыхъ, т. е. классическихъ и европейскихъ, облегчающихъ вообще изслѣдованія въ естественной исторіи, кромѣ знакомства съ литературой предмета, я познакомился съ языкомъ русскимъ и въ особенности достаточно изучилъ татарскій, что будетъ мнѣ особенно полезно при изслѣдованіяхъ, говорилъ онъ. По счастливому случаю къ этимъ, такъ сказать приготовительнымъ средствамъ, присоединяется еще одно благопріятное обстоятельство. Я знакомъ и нахожусь въ близкихъ сношеніяхъ съ главою кочующихъ народовъ въ тѣхъ странахъ, съ княземъ Тюменемъ, тайшею Калмыковъ. У меня есть нѣсколько любезныхъ писемъ его, приглашающихъ посѣтить его владѣнія. Это самый могущественный изъ кочевыхъ князей; его владѣнія тянутся отъ Волги до Гурьева; онъ хорошо знакомъ со степью, называемой Рыньпески и никто, даже губернаторы астраханскіе не могутъ проникнуть туда безъ помощи этого князя". Фуксъ желалъ посѣтить губерніи Симбирскую, Саратовскую, Астраханскую и Кавказскую, гдѣ, по его словамъ, онъ надѣется собрать драгоцѣнныя свѣдѣнія для естественной исторіи, технологіи и для исторіи человѣчества.

Но коммиссія, какъ и всякая коммиссія, вела дѣло медленно, такъ что въ ноябрѣ было получено предложеніе попечителя поспѣшить доставленіемъ плана и наставленій для путешественниковъ. Эта медленность происходила и отъ того, что наставленія, составленныя профессорами, каждымъ по своей части, надобно было переводить съ латинскаго языка на русскій. Наконецъ все было готово, представлено попечителю, а симъ послѣднимъ министру народнаго просвѣщенія (20 дек. № 1350).

Ученая экспедиція должна была продолжаться приблизительно два года, хотя срокъ этотъ и не былъ точно обозначенъ. Районъ наблюденій и изслѣдованій—только округъ Казанскаго университета, а потому путь для экспедиціи назначался чрезъ трактъ казанскій въ губерніи Оренбургскую,

Указывая на § 9 устава объ обществахъ при университетѣ, Яковкинъ предложилъ образовать такое общество описанія губерніи Казанской, гдѣ бы каждый членъ взялъ на себя какую либо отдѣльную часть, наименовать этихъ членовъ и ихъ занятія и испросить на то соизволенія попечителя. „Наступающее лѣтнее время, говорилъ онъ, и мѣсячная лѣтняя вакація подадутъ и время и способы для личнаго обозрѣнія и учиненія потребныхъ наблюденій и опытовъ во всемъ, что окажется нужнымъ“. На этотъ вызовъ самъ Яковкинъ заявилъ, что онъ будетъ заниматься географическою и топографическою частью, Фуксъ--зоологіей, ботаникой и экономическими частями, Каменскій—вообще относящимися до врачебной науки предметами; адъюнкты: же Евестъ—беретъ на себя часть химическую, а Запольской—физическую. Совѣтъ опредѣлилъ о такомъ распредѣленіи занятій записать въ протоколъ. Попечитель съ своей стороны одобрилъ начинаніе членовъ совѣта, но высказалъ опасеніе, чтобы занятія по описанію губерніи не отвлекли ихъ отъ прямыхъ обязанностей преподаванія и дозволялъ отсутствіе изъ Казани для наблюденій, опытовъ и личнаго обозрѣнія только въ вакаціонное время. Получивъ это разрѣшеніе попечителя, совѣтъ обратился къ губернатору съ просьбою о томъ, „какія онъ можетъ подать ему пособія по сей части“. Губернаторъ извѣстилъ очень скоро, что открывающееся общество описанія Казанской губерніи можетъ ожидать отъ него всѣхъ тѣхъ пособій, какія только отъ него будутъ зависѣть и какія онъ найдется въ возможности доставить. Только на другой годъ было послано второе отношеніе къ губернатору, въ которомъ требовалась присылка печатныхъ начертаній описанія губерній, т. е. программы для этого дѣла, разосланной вольнымъ экономическимъ обществомъ, а также и всѣхъ протоколовъ и собранныхъ извѣстій учреждавшагося во время губернатора Кацарева комитета для описанія Казанской губерніи. Были получены отъ губернатора два или три старыхъ протокола о началѣ дѣла. Изъ нихъ оказалось, что къ описанію губерніи, согласно программѣ вольнаго экономическаго общества и приступлено не было. Но и университетъ не подвинулъ дѣла впередъ. Въ бумагахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ дѣятельности общества описанія губерніи и его слѣдуетъ признать мертворожденнымъ.

Вообще въ первые годы университетской жизни мы можемъ указать только на Яковкина, какъ на такое лицо, которое бралось за разныя ученыя предпріятія и совершило нѣсколько quasi - ученыхъ поѣздокъ, съ разными цѣлями и въ разныхъ направленіяхъ. Имѣемъ основаніе положительно сказать, что это былъ самый любознательный человѣкъ въ Казани того времени, хотя любознательность эта принадлежала самоучкѣ, а не дѣйствительно строгому ученому и потому исполнена была часто самоувѣренности и фантазированія. Къ сожалѣнію, можетъ быть именно вслѣдствіе такой причины, отъ этой стороны дѣятельности Яковкина осталось очень мало слѣдовъ. Вскорѣ послѣ основанія университета, въ мартѣ 1805 года, по просьбѣ Румовскаго, онъ сообщаетъ ему, что продолжаетъ собирать извѣстія самовидцевъ о нанесенномъ злодѣемъ (Пугачевымъ) несчастіи Казани, „сколько позволяетъ и малый остающійся досугъ. Большую часть самыхъ нужнѣйшихъ свѣдѣній уже въ рукахъ имѣю; надобно только обработать по надлежащему“. Въ тѣ годы этихъ самовидцевъ было довольно и сборникъ Яковкина былъ бы въ настоящее время весьма интереснымъ, но закончилъ ли онъ его и отослалъ ли Румовскому—у насъ нѣтъ свѣдѣній. Еще раньше, въ декабрѣ 1804 года, онъ послалъ попечителю *планы развалинъ Болгаръ* съ описаніемъ, и *нынѣшняго состоянія Казани*, но гдѣ эти планы—не знаемъ. Въ 1808 году онъ переслалъ попечителю планъ Казани въ томъ состояніи, въ какомъ она была при царѣ Иванѣ Грозномъ. Планъ этотъ былъ скопированъ однимъ изъ учениковъ гимназіи. Яковкинъ говоритъ о немъ: „Совершенно согласно съ симъ планомъ покойный г. Штриттеръ описалъ въ своей исторіи покореніе сего города съ царствомъ его. Остатки, или лучше сказать фундаментъ большой башни, бывшей къ Булаку, донынѣ въ томъ самомъ мѣстѣ видны, гдѣ она на планѣ показана, да и соображеніе другихъ зданій съ нынѣшнимъ, во многомъ уже весьма измѣнившимся состояніемъ, доставляютъ сему плану болѣе нежели вѣроятность, если не сущую достовѣрность, хотя онъ и кажется быть сочиненъ въ позднія времена... Точно такой же планъ приказалъ я изготовить для храненія въ библіотекѣ, изъ коей онъ, *подобно нѣкоторымъ прочимъ таковымъ же, никому и ни подъ какимъ предлогомъ даваемъ быть не долженъ*“ (19 Мая).

Любопытною и характерною для ученыхъ пріемовъ Яковкина представляется намъ его *палеонтологическая экскурсія* для открытія *слоноваго костяка*, сдѣланная имъ осенью 1805 года. Въ іюлѣ этого года, съ нарочнымъ изъ деревни Норманки, находящейся въ пяти верстахъ отъ города Тетюши къ западу и принадлежавшей тогда подполковнику Страхову [1], присланы были Яковкину *коренной зубъ* и *клыкъ слоновые* (безъ сомнѣнія мамонта), найденные при копаніи глины для дѣланія кирпичей, на семи аршинахъ глубины. Заинтересованный этою находкою, Яковкинъ немедленно отправился въ Норманку и, разрывая дальше, нашелъ *другой клыкъ*, длиною въ три аршина съ половиною и *черепъ*, но чрезвычайно рыхлые и легко разваливающіеся по слоямъ. Научивъ рабочихъ, съ какою осторожностью нужно разрывать дальше, Яковкинъ воротился въ Казань и немедленно донесъ попечителю о любопытной находкѣ, разсчитывая получить цѣльный костякъ слона и собрать его на проволоку для натуральнаго кабинета университета. И попечитель счелъ находку на столько важною, что донесъ о ней главному правленію училищъ, а Яковкину поручилъ уже оффиціально, сдавъ свои должности, съѣздить на мѣсто для добыванія цѣлаго слоноваго костяка.

---

(1) Этотъ Страховъ, Александръ Васильевичъ, родной дядя обучавшихся тогда въ Казанскомъ университетѣ студентовъ братьевъ Панаевыхъ: Ивана, Александра, Петра и Владиміра, былъ большой и старинный пріятель Яковкина. Онъ называетъ Страхова «многолѣтнимъ другомъ моего дома и кумомъ» и часто навѣщаетъ его въ свободное время. Въ началѣ 1812 года Страховъ очень былъ боленъ и вызывалъ къ себѣ Яковкина для личнаго свиданія «въ намѣреніи, пишетъ онъ, дабы крестницѣ своей, а моей дочери Надеждѣ, укрѣпить нѣкоторую часть изъ благопріобрѣтеннаго своего им!нія». Эта дочь была любимицею отца. «Въ день тезоименитства маленькой моей Надежды», какъ подписалъ Яковкинъ на одномъ изъ писемъ своихъ къ попечителю, какъ бы вызывая его на подарокъ ей, онъ обратился къ нему съ слѣдующею просьбою: «Хотя стыдъ и запрещаетъ, но необходимость вынуждаетъ меня открыться предъ в. п. о настоящемъ моемъ положеніи. Ввѣренное мнѣ в. п. начальство по университету и гимназіи обязывало меня, для удержанія чести и важности занимаемыхъ мною должностей, къ *неминуемымъ излишнимъ расходамъ*, кои прочимъ гг. профессорамъ никакъ неизвѣстны, не будучи сопряжены съ ихъ должностями, такъ что, вмѣсто того, чтобы что нибудь откладывать хотя по немногу для подрастающихъ дочерей, *долги* на мнѣ со временемъ увеличиваясь, возрасли нынѣ до полуторы тысячи рублей. Пріемъ и ознакомленіе съ родителями учениковъ, пріемы по большимъ праздникамъ поздравляющихъ подчиненныхъ по приходѣ отъ обѣдни, пріемы наибольшей части посѣтителей послѣ всякихъ публичныхъ собраній, самое пребываніе мое въ университетскомъ зданіи и *соблюденіе внѣшности по*

Надобно отдать справедливость Яковкину, что добываніе слоновыхъ костей обставлено было имъ всѣми возможными предосторожностями, которыя онъ считалъ необходимыми по важности, придаваемой имъ находкѣ. Надъ всѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагался костякъ, сдѣланъ былъ, при содѣйствіи помѣщика, навѣсъ отъ дождя и снѣга (раскопка происходила въ октябрѣ), земля покрыта была рогожами и соломою (морозы доходили уже до—15°). Подробный протоколъ раскопокъ, съ точнымъ опредѣленіемъ мѣста, размѣровъ его, опредѣленіе слоевъ земли, гдѣ происходила работа и гдѣ найдены были кости и перечисленіе всего того, что вырыто было съ костями слона, но къ слону не принадлежало,— все это свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою осмотрительностью и внимательностью относился Яковкинъ къ своему дѣлу. Къ рапорту приложенъ и раскрашенный планъ всей мѣстности, сдѣланный вчернѣ Яковкинымъ. Вырываемыя кости осторожно и постепенно просушивались для того, чтобъ дать имъ окрѣпнуть; черепъ, наприм. былъ на столько рыхлъ,

---

начальству были всегда главнѣйшими причинами неминуемыхъ излишнихъ издержекъ. Я умалчиваю уже объ издержкахъ по воспитанію дѣтей моихъ, платя Новикову за музыку, Протопопову за рисованіе, студенту Упадышевскому за французскій языкъ, а исторіею, географіею, математикою и словесностью занимается племянникъ Яковкинъ. Ежели правившій прежде меня должность директора г. Лихачевъ, имѣя тысячу душъ крестьянъ, не стыдился безпокоить в. п. просьбою о назначеніи ему жалованья, хотя онъ и въ половину противъ моего не дѣлалъ никакихъ по должности издержекъ, то мнѣ, имѣющему только чистую и спокойную совѣсть, кажется, нѣтъ никакой причины предъ достопочитаемымъ начальникомъ таиться въ моей бѣдности, до которой довели меня необходимыя причины. Аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, удостойте простить моему дерзновенію, извинить понудившія меня къ тому причины и или соблаговолить милостиво снизойти къ моему настоящему положенію, или— предать забвенію сей проступокъ мой. Единое ваше начальственное отеческое ко мнѣ благорасположеніе было мнѣ споручителемъ въ томъ, что я осмѣлился открыться, доносяпри томъ, что единожды на всегда предавшись руководству Провидѣнія, всегда лобызаю десницу Его, чрезъ постановленное надо мною начальство меня руководившую».

Намъ неизвѣстно оставилъ ли что нибудь Страховъ своей крестницѣ изъ благопріобрѣтеннаго имъ имѣнія, но родовое имѣніе его дѣлилось наслѣдниками въ двадцатыхъ годахъ, а какъ дѣлилось—разсказано въ повѣсти внука Страхова И. И Панаева, извѣстнаго издателя Современника въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ, подъ названіемъ «Раздѣлъ наслѣдства» (*Отеч. Зап.* 1840 г. т. VII, отд. III., стр. 158 сл. Въ этой повѣсти старожилы казанскіе находятъ знакомыя имъ лица и въ ней можно встрѣтить даже фигуру тогдашняго попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. — О самомъ Страховѣ подробности въ «Воспоминаніяхъ» его племянника В. И. Панаева (*Вѣстн. Евр.* 1867 г. т. III, глава I).—

того, чтобъ совсѣмъ не испортить, пришлось подр[…]
о и поднимать всею массою. Мало по малу отрыты
и прочія части, принадлежащія къ костяку, „хотя по
инѣ чрезвычайной рыхлости и никакъ не можно было
ать въ цѣлости разныхъ мелкихъ, совершенно уже ист-
вшихъ костей. по крайней мѣрѣ и сіи вынутыя можно бу-
етъ собрать въ чаяніи, что время и обстоятельства откро-
отъ, что случается хотя и рѣдко въ здѣшнихъ странахъ,
еще гдѣ нибудь слоновыя кости, кои можно будетъ употре-
бить для составленія цѣлаго костяка“.

За внимательнымъ и удачнымъ добываніемъ костей на-
чинаются собственныя научныя предположенія Яковкина объ
отдаленномъ прошедшемъ слона: „Изъ всего вышесказан-
наго явствуетъ, что слонъ погрязъ въ глинистомъ жидкомъ
веществѣ сперва вверхъ ногами, и погружался дотолѣ, пока
тяжестію своею дошедъ до известковаго крѣпкаго слоя, пово-
ротился на правой бокъ къ западу, имѣя голову, какъ по-
ложеніе клыковъ доказываетъ, обращенною къ востоку. На
отрытомъ прежде лѣтомъ правомъ клыкѣ находящіеся яв-
ственные порубы подаютъ мнѣніе, что *онъ долженъ быть*
изъ числа употреблявшихся на войнѣ; а рыхлость костянаго
вещества, каковой мнѣ никогда еще видѣть не удавалось,
доказываетъ, что онъ лежитъ въ землѣ болѣе времени, не-
жели другіе извѣстные костяки слоновые“. Яковкинъ спра-
ведливо предполагаетъ, что слонъ уже мертвымъ упалъ въ
глинистую массу, потому что кости не находятся въ ихъ
естественномъ положеніи: передняя правая нога отрыта на
аршинъ разстоянія отъ грудной кости и нѣтъ признаковъ
соединенія ихъ въ глинистой массѣ. Черепокожныя и р[…]
ныя ископаемыя вещества, найденныя при костяхъ, при[…]
дятъ изслѣдователя къ заключенію, что слонъ утонулъ […]
воначально въ водѣ, но его, незнакомаго вовсе съ гео[…]
ческой исторіей волжскаго бассейна, смущаетъ то о[…]
тельство, что мѣсто, гдѣ найденъ былъ костякъ, леж[…]
правомъ высокомъ берегу Волги, въ шести верстахъ […]
и какъ Тетюши, выше волжской поверхности бо[…]
на 30 саженъ, „но по окрестностямъ ямы ник[…]
не могъ я найти достовѣрныхъ признаковъ б[…]
мѣстъ когда либо подъ водою“. Яковкинъ въ зак[…]
ладительнымъ долгомъ“, считаетъ засвидѣтельст[…]
дарность за содѣйствіе помѣщику Страхову.

любви своей къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, съ отмѣннымъ удовольствіемъ, въ продолженіе всей работы, доставлялъ всѣ потребныя пособія и людей, жертвуя споспѣшествованію отрытія костяка даже полевыми нужными работами. Костякъ слоновый не былъ однако собранъ, какъ предполагалъ Яковкинъ, на проволоку, и въ геологическомъ музеѣ университета нѣтъ никакихъ указаній, въ массѣ другихъ костей, на тѣ именно, которыя были отрыты съ участіемъ Яковкина.

Въ вакаціонное время лѣтомъ 1808 года Яковкинъ ѣздилъ дней на десять чрезъ Лаишевъ до Чистополя „для осмотру развалинъ татарскаго бывшаго славнаго города Жукотина.“ Здѣсь онъ „измѣрялъ оставшіяся послѣ него земляныя развалины, снялъ на-черно мѣстоположеніе и лазилъ въ земляную рытвину, имѣющую видъ пещеры, о коей преданіе гласитъ, что въ ней висятъ двѣ большія на цѣпяхъ бочки съ золотомъ, но я въ ней, кромѣ известковаго капельнику и нѣсколькихъ слабыхъ плавиковъ, ничего достопамятнаго не нашелъ, почему и отъ мнимаго золота не побогатѣлъ.“ Во время этой поѣздки къ Жукотину, Яковкинъ поднялся изъ Лаишева вверхъ по Камѣ, и выше селенія Рыбной - Слободы, на правомъ берегу, видѣлъ *„славной камень Плакунъ*, точащій изъ себя безпрестанно известковую воду и имѣющій многія пустоты въ видѣ пещеръ съ накипями извести“. Для университетскихъ кабинетовъ Яковкинъ собралъ подлѣ деревни Березовки, на лѣвомъ берегу Камы, много „окаменѣлостей кремнистыхъ“, а выше Чистополя, изъ Берсутскихъ рудниковъ, добылъ нѣсколько штуфовъ мѣдной руды.

Въ другую лѣтнюю вакацію, Яковкинъ осматривалъ развалины другаго болгарскаго города —Билярска. Вообще почти каждую вакацію онъ дѣлалъ разныя поѣздки, гдѣ всегда была какая нибудь пища его любознательности и о каждой такой поѣздкѣ онъ доводилъ до свѣдѣнія попечителя. Къ сожалѣнію онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ или рукописныхъ статей, въ которыхъ сохранились бы результаты его наблюденій. Конечно всякая поѣздка соединялась съ посѣщеніями знакомыхъ окрестныхъ помѣщиковъ, жившихъ тогда весело и беззаботно. Яковкинъ умѣлъ пользоваться лѣтомъ. „Сіе время (т. е. поѣздки въ Билярскъ), говорилъ онъ, послужитъ нѣкогда доказательствомъ, что и отдохновеніе можно

употреблять на пользу". Въ Билярскѣ впрочемъ онъ ничего не нашелъ неизвѣстнаго „кромѣ описаннаго уже въ путешествіяхъ гг. с.-петербургскихъ академиковъ". Это было на столько вѣрно, что и позднѣйшіе казанскіе археологи, въ своихъ описаніяхъ Билярска, ничего къ прежнему не прибавили. Только одному Френу, при его серьезной учености и при глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ, удалось добыть нѣсколько цѣнныхъ фактовъ для науки не столько изъ обозрѣнія всѣмъ извѣстныхъ развалинъ, въ большинствѣ случаевъ расхищенныхъ, по всей вѣроятности еще съ XVI вѣка, окрестными жителями на печи, сколько изъ изученія монетъ и нѣкоторыхъ вещей. А въ это время можно было бы сдѣлать любопытное собраніе болгарскихъ древностей, съ гораздо болѣе цѣннымъ и важнымъ содержаніемъ, чѣмъ теперь. Но тогда никто объ этомъ не думалъ. И вотъ рѣдкія вещи изъ золота и серебра: сосуды, украшенія, монеты и проч. исчезли безслѣдно; онѣ продавались невѣжественнымъ серебрякамъ въ Казани за цѣну дешевле стоимости металла; архитектурныя украшенія, гончарныя произведенія, какъ не имѣющія цѣнности, истреблялись. Теперь собираютъ только жалкіе кусочки, едва ли могущіе дать какое-либо представленіе о томъ цѣломъ, къ которому они когда-то принадлежали. И то славу Богу.

Есть слѣды, что Яковкинъ собирался написать цѣлое историческое сочиненіе о Казани. „Сегодня я рѣшился отправиться на нѣсколько дней въ Свіяжскъ, писалъ онъ попечителю въ лѣтнюю вакацію 1809 года (17 іюля), для разсмотрѣнія тамошняго монастыря библіотеки и рукописей *по части готовимой мною Казанской и о самозванцѣ Пугачевѣ исторіи*". Сочиненіе это осталось однако лишь въ намѣреніи, но изъ Свіяжскаго монастыря Яковкинъ привезъ три рукописи, чтобъ списать ихъ въ Казани. Эти рукописи были, какъ ихъ описываетъ Яковкинъ: „*Первая* писана 1568 года и содержитъ въ себѣ самое подробное описаніе въ тогдашнемъ Свіяжскѣ всѣхъ публичныхъ зданій съ казенными вещами, всѣхъ частныхъ строеній и окрестныхъ мѣстъ съ ихъ межами, жалованныхъ и владѣемыхъ, во всемъ вѣдомствѣ онаго города. Я никогда не видалъ ее печатную (¹)".

(¹) Это извѣстная Свіяжская *Писцовая книга*, указанная покойнымъ Артемьевымъ въ его «Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета (Спб. 1882), № LX (8416), стр. 100—104. Напрасно

„*Вторая* содержитъ: 1) описаніе нѣкоторымъ плѣннымъ Россіяниномъ произшествій древней Казани и взятія ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ; 2) описаніе взятія Астрахани и 3) описаніе посольства россійскаго въ Грузію и всѣхъ происходившихъ взаимныхъ переговоровъ. Первое изъ нихъ, помнится, я читалъ печатное, а послѣднихъ двухъ еще не видалъ ([1]). Обѣ оныя рукописи писаны старинною скорописью, индѣ съ титлами, довольно легко разбираемою; *третья* писана церковнымъ уставомъ съ киноварью, называемая *Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ*". Судя по подробному и точному изложенію содержанія ея, сдѣланному Яковкинымъ, это извѣстный сборникъ архимандрита Платона Любарскаго ([2]). Копіи со всѣхъ этихъ рукописей, по распоряженію Яковкина, сдѣланы были на счетъ библіотечной суммы и сданы имъ для храненія въ библіотеку.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многочисленность служебныхъ занятій и разнообразныя стремленія любознательности Яковкина мѣшали ему сосредоточиться, хотя бы на томъ историческомъ трудѣ о Казани, о которомъ онъ упомянулъ. Какъ профессоръ исторіи россійской, онъ описывалъ древнія историческія рукописи, а какъ профессоръ въ тоже время статистики, онъ увлекался въ другую сторону. На сколько разнятся тогдашнія представленія о наукѣ статистики отъ настоящихъ, можетъ служить сдѣланное имъ, въ качествѣ профессора этой науки, 17 февраля того же года, когда онъ описывалъ свіяжскія рукописи, представленіе въ совѣтъ: „Поелику въ нынѣшнее только время (въ тотъ годъ какъ разъ въ это время была масляница), по Камѣ рыболовные промыслы находятся въ дѣйствіи, и осмотрѣніе и описаніе ихъ для статистическаго свѣдѣнія о Россійской имперіи полезно и необходимо, то нужнымъ находится онъ отправиться на че-

---

только описатель приписываетъ попечителю Румовскому и находку самой рукописи въ Свіяжскѣ, и распоряженіе о перепискѣ ея.

([1]) Первая рукопись сборника есть «Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка» (Іоанна Глазатаго), изданная при Академіи Наукъ (кн. Щербатовымъ). Спб. 1791. 8°; остальныя части Сборника описаны у Артемьева, № LXII (8418) стр. 107—109.

([2]) Этотъ сборникъ напечатанъ въ приложеніи къ «Православному Собесѣднику». Казань. 1868. 8°. 230 стр.

тыре дня въ городъ Чистополь для осмотрѣнія оныхъ". Результатовъ этого осмотра не было никакихъ. Даже и разныя явленія природы не ускользали отъ его вниманія. Таковы были его „Наблюденія надъ насѣкомыми, выпавшими на снѣгу", сдѣланныя имъ на пути, когда онъ возвращался вмѣстѣ съ семьею съ богомолья изъ Седміозерной пустыни (¹).

Сознаніе принадлежности къ университету, какъ къ средоточію научнаго образованія въ краѣ, невольно поднимало людей въ ихъ собственномъ мнѣніи. Въ большинствѣ случаевъ это были самоучки и какъ самоучки, они очень гордились и своими знаніями, и тѣмъ, что удалось имъ сдѣлать. Мы говорили уже о томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣлъ о своихъ трудахъ студентъ Кондыревъ. Былъ при университетѣ, служившій еще въ гимназіи, механикъ или машинистъ *Горденинъ*. По всей вѣроятности механикѣ научился онъ самъ собою, безъ книгъ и безъ науки. Какъ всѣ самоучки, онъ былъ поэтому изобрѣтателемъ. Мы говорили уже о томъ *химическомъ мѣхѣ*, который былъ сдѣланъ имъ для опытовъ Евеста. Надъ этимъ мѣхомъ, надъ его безполезностью и дороговизною смѣялся пріѣхавшій изъ Москвы профессоръ Каменскій. Яковкинъ былъ однако другаго мнѣнія и сообщалъ, при представленіи этого мѣха на разсмотрѣніе совѣта: „Уповаю, что весь совѣтъ доволенъ будетъ его (Горденина) предпріимчивостью, искусствомъ и работою". Въ декабрѣ 1806 года Горденинъ является къ Яковкину *по секрету* и объявляетъ, что онъ нашелъ, какимъ образомъ *отвращать дѣйствіе французскихъ скрытныхъ* (sic) *губительныхъ баттарей*, и требовалъ отъ него оффиціально, чтобъ его отправили немедленно въ Петербургъ для представленія Государю Императору, чтобы онъ могъ лично объяснить значеніе и пользу своего изобрѣтенія. Яковкинъ не удивился; очевидно онъ вѣрилъ своему машинисту, но посовѣтовалъ ему сходить сначала къ графу Головкину, нашему посланнику въ Китай, находившемуся тогда въ Казани. Головкинъ сказалъ машинисту, что онъ не имѣетъ никакого права входить въ подобныя дѣла и отправилъ изобрѣтателя къ губернатору. Послѣдній обѣщалъ разсмотрѣть

(¹) Они напечатаны въ *Каз. Изв.* 1811 г. № 29 и отвѣтъ наблюдателю, № 32.

изобрѣтеніе Горденина и потребовать его самого бумагою отъ начальства университета. Время однако тянулось и Яковкинъ, „не имѣя никакихъ предписаній ни о новыхъ изобрѣтеніяхъ, особливо не касающихся до ввѣренныхъ мнѣ заведеній, какъ онъ писалъ попечителю, ниже о самихъ изобрѣтателяхъ, не имѣлъ я никакого права ни власти входить въ сіе обстоятельство“, но представилъ рапортомъ попечителю объ изобрѣтеніи все, что рапортомъ же донесъ ему о немъ Горденинъ Запечатанный пакетъ Горденина, съ подлиннымъ описаніемъ сдѣланнаго имъ изобрѣтенія, Румовскій почелъ нужнымъ представить министру народнаго просвѣщенія. Министръ увѣдомилъ съ своей стороны попечителя, что въ рапортѣ Горденина онъ „не нашелъ описанія понимаемой имъ тайны“ и предписывалъ истребовать отъ него объясненіе: „что онъ разумѣетъ подъ *скрытными* баттареями и описаніе о противуположномъ противъ оныхъ способѣ“. Дальше этого, какъ кажется, не пошла переписка объ изобрѣтеніи Горденина и мы лишены возможности что нибудь сказать опредѣленное въ чемъ оно состояло. Горденинъ продолжалъ еще довольно долго служить. Собственно онъ былъ машинистомъ при гимназіи; получалъ 300 р. въ годъ жалованья, на квартиру 60 р. и дровъ на двѣ печи. Для университета онъ былъ необходимъ; новыя потребности преподаванія вызывали новыя работы и онъ сталъ, по рисункамъ пріѣзжихъ профессоровъ, дѣлать инструменты, которыми оставались довольны. Безъ него, по словамъ Яковкина, „некому будетъ и циркуля починить въ Казани“; и онъ выхлопоталъ ему еще 200 рублей жалованья изъ университетской суммы.

Впрочемъ неизвѣстное намъ изобрѣтеніе Горденина совпадало съ военнымъ временемъ. Это было черезъ годъ послѣ Аустерлицкаго пораженія, когда происходили сраженія при Эйлау и Фридландѣ. Воинственно-патріотическое настроеніе, послѣ извѣстныхъ рѣчей Силы Богатырева, высказанныхъ имъ въ „Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“, и подъ вліяніемъ горячихъ возгласовъ С. Глинки въ только что основанномъ имъ „Русскомъ Вѣстникѣ“, распространялось. Въ университетѣ шла патріотическая подписка. Къ членамъ совѣта Яковкинъ обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„При всеобщей угрожающей любезному нашему отечеству опасности, когда довѣренность монарха къ возлюбленному своему народу толико предъ очами цѣлаго свѣта обнаружена, когда любовь народная къ своему монарху толь многими и незабвенными въ исторіи человѣчества опытами пожертвованій доказывается, мы ли, почтеннѣйшіе сочлены Казанскаго университета, мы ли пребудемъ одни въ бездѣйствіи и не потщимся ли собою показать и всѣмъ чиновникамъ Казанской гимназіи примѣръ долга къ своему монарху, истинно сыновней приверженности къ своему отечеству? Почему и предлагаю почтенному совѣту возвѣстить токмо сочленамъ университета и гимназіи, да узрятъ, колико и всѣ они не уступаютъ прочимъ вѣрнымъ сынамъ отечества въ усиліяхъ своимъ и ревности ко благу отечества противу врага всеобщаго спокойствія“.

Въ тотъ же день два студента изъ состоятельныхъ допущены были въ залу совѣтскихъ засѣданій, гдѣ, „съ живѣйшими чувствованіями ревности и усердія къ пользѣ общей, представили въ жертву отечеству каждый по двадцати пяти рублей“. Третій студентъ былъ Кондыревъ, но онъ въ жертву принесъ только свое „Краткое начертаніе статистики Россійской имперіи“. Составлены были списки жертвователей, какъ отъ университета, такъ и отъ гимназіи, заведена была шнуровая книга для пожертвованій и обо всемъ было немедленно донесено по начальству въ Петербургъ, съ просьбою дать ходъ пожертвованіямъ. Но въ представленіи была неясность. Попечитель долженъ былъ обратиться съ вопросомъ для разъясненія: ежегодно ли, въ продолженіе войны, будутъ жертвовать означенною въ росписаніи суммою или это единовременное пожертвованіе. Такъ какъ сумма процентнаго вычета изъ жалованья была довольно значительна, то онъ находилъ, что такое ежегодное жертвованіе для жертвующихъ можетъ быть тягостно, да и неизвѣстно долго ли война продолжится. Онъ совѣтовалъ не означать времени, съ котораго и до котораго приносятся пожертвованія. У кого есть усердіе жертвовать и на будущій годъ, тогда можно возобновить представленіе. „У Мольера, писалъ онъ, есть комедія Mélicerte; въ ней пастухъ, поймавъ воробья и поднося въ клѣткѣ пастушкѣ, говоритъ: J'ai fait tantôt, charmante Mélicerte, Un petit prisonnier, que je garde pour Vous Et dont peut-être un jour je deviendrai jaloux. И заключаетъ:

Le présent n'est pas grand, mais les divinités Ne jettent leurs regards, que sur la volonté; C'est le coeur qui fait tout et jamais les richesses. Въ равномъ положеніи и чиновники, желающіе сдѣлать пожертвованіе, въ разсужденіи государя находятся". Яковкинъ объяснилъ попечителю, что пожертвованія изъ жалованья дѣйствительно сдѣланы на все время войны съ Франціей, „но все сіе начинаніе предали мы на начальственное благоусмотрѣніе в. п.. Ежели соблаговолите доложить Его Сіятельству о пожертвованіяхъ и на одинъ годъ, то и на другой не преминемъ возобновить сіи маловажные знаки преданности нашей къ отечеству и къ возлюбленному государю: чванецъ сего елея не оскудѣетъ". Но пока шла переписка между Казанью и Петербургомъ, былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ и война кончилась. „По заключеніи мира о пожертвованіяхъ гг. профессоровъ и адъюнктовъ представлять министру теперь будетъ не кстати, писалъ Румовскій, и для того совѣтую я теперь отложить сіе благое намѣреніе, а препроводить только куда слѣдуетъ внесенныя студентами деньги". Такимъ образомъ патріотическое рвеніе казанскихъ профессоровъ практическаго исхода не имѣло; все осталось только при благомъ намѣреніи. Внесенные двумя студентами 50 рублей препровождены къ губернатору, а статистика Кондырева осталась ненапечатанною.

Военныя обстоятельства времени, вызвавшія къ сожалѣнію сдѣлавшееся неизвѣстнымъ изобрѣтеніе машиниста Горденина, патріотическое рвеніе профессоровъ и учителей, стремленіе какъ мы видѣли, цѣлой половины студентовъ идти въ военную службу (это случилось уже послѣ заключенія мира и побудительныя причины оставленія университета состояли вовсе не въ патріотическомъ чувствѣ), принесшія не мало непріятностей иностраннымъ профессорамъ мѣры, которыя назывались „разборомъ иностранцевъ", и требованіе отъ нихъ присяги, были причиною и нѣкотораго оживленія въ преподаваніи артиллеріи и фортификаціи въ Казанской гимназіи. Оно учреждено было уставомъ имп. Павла и его велъ въ описываемое нами время адъюнктъ университета, а потомъ и инспекторъ гимназіи Петровскій, часто заступавшій мѣсто архитектора при тогдашнихъ постройкахъ. Дошли до него слухи, что въ размѣрѣ калибровъ тяжелыхъ огнестрѣльныхъ орудій произошли многія перемѣны (по всей вѣроятности то были реформы въ русской

артиллеріи, задуманныя и приводимыя въ исполненіе Аракчеевымъ) и онъ вошелъ въ ноябрѣ 1806 года съ рапортомъ въ совѣтъ о необходимости познакомиться съ ними. Яковкинъ сначала хотѣлъ помочь служебному рвенію Петровскаго казанскими средствами. Послалъ онъ къ своему знакомому полковнику Мауринову, начальнику гарнизонной артиллерійской роты, съ просьбою о доставленіи просимыхъ чертежей по новому размѣру для образца и скопированія, чтобъ познакомиться съ перемѣнами. Но у полковника не нашлось чертежей и ему были неизвѣстны перемѣны въ артиллеріи. Считая необходимымъ доставить ученикамъ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ артиллерійскихъ орудіяхъ, директоръ просилъ попечителя о выпискѣ чертежей на счетъ гимназической суммы изъ С-Петербургской артиллерійской экспедиціи, но Румовскій кажется не предпринялъ для того никакихъ мѣръ.

Глава VIII.

Визитаціи или обозрѣнія училищъ округа профессорами.—Визитація Пензенской гимназіи Яковкинымъ.—Визитація оренбургскихъ училищъ Запольскимъ и Кондыревымъ.

Въ началѣ нашей книги (стр. 13—15) мы говорили о значеніи тѣхъ §§ (160—174) устава 1804 года, которые говорятъ „объ управленіи и надзираніи училищъ". Эти послѣднія должны были находиться въ полной зависимости отъ университета и подъ его управленіемъ. Мы старались въ общихъ чертахъ показать характеръ этого университетскаго управленія, необходимость и неизбѣжность тогда обстоятельства, что оно ввѣрено было до самаго устава 1835 года—университету, мы говорили о томъ, какую пользу въ то время это обстоятельство зависимости гимназій и училищъ отъ университета принесло образованію вообще и какъ оно поддерживало любовь къ нему и уваженіе къ знанію въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ такого громаднаго по пространству учебнаго округа, какимъ былъ въ началѣ этого вѣка Казанскій. По § 166 устава совѣтъ ежегодно посылаетъ изъ членовъ училищнаго комитета *визитаторовъ*

или другихъ профессоровъ, поручая каждому одну или двѣ губерніи по мѣстному положенію для осмотра. Эти визитаціи поддерживали связь гимназій и училищъ съ университетомъ, періодически оживляли людей, заброшенныхъ въ дикую тогдашнюю глушь, будили ихъ нравственно и не дозволяли имъ опускаться въ гнилое болото мѣстной среды и въ рутину. Для самихъ визитаторовъ, большею частью лучшихъ профессоровъ, такія поѣздки иногда, напр. въ сибирскія губерніи, были весьма плодотворны въ отношеніи научномъ. Они дѣлали наблюденія надъ малоизвѣстною природою и надъ невиданными еще ими людьми и обществомъ. Для нѣкоторыхъ, напр. для профессора-медика Эрдмана, о которомъ намъ придется еще говорить, поѣздки эти доставили богатый матеріалъ для научныхъ наблюденій; другіе визитаторы своимъ обозрѣніемъ сохранили много любопытныхъ фактовъ для исторіи образованія страны, почему изучать ихъ донесенія училищному комитету—не безполезно. Къ этому надобно присоединить еще то обстоятельство, что донесенія визитаторовъ обсуждались коллегіально, въ училищномъ комитетѣ, и подлежали контролю совѣта; слѣдовательно имъ была придана тогда нѣкотораго рода гласность, совершенно исчезнувшая потомъ, когда на деньги для поѣздокъ по округу стали смотрѣть какъ на добавочныя къ жалованью, и визитаторы превратились уже въ болѣе или менѣе строгихъ ревизоровъ-начальниковъ, дѣйствія которыхъ и громы были покрыты тайною. За то болѣе снисходительные или добродушные изъ нихъ, еще на нашей памяти, изъ своихъ поѣздокъ вывозили, какъ сувениры или для подарковъ пріятелямъ, мѣстныя произведенія далекихъ странъ округа, въ родѣ колоссальныхъ сибирскихъ рыбъ, бухарскихъ халатовъ изъ Оренбурга, астраханскаго винограда и плодовъ, чугунныхъ произведеній, аметистовъ и камней—съ Урала, изящныхъ вещицъ изъ наростовъ вятской березы и т. п.

Хотя училищный комитетъ при Казанскомъ университетѣ, согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія, былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ Яковкина вмѣсто ректора, лишь въ октябрѣ 1811 года, слѣдовательно дѣйствія его относятся нѣсколько къ позднѣйшему времени, чѣмъ описываемое въ этой части, но и до его открытія мы можемъ указать на двѣ любопытныя во многихъ отношеніяхъ визитаціи, вызванныя особыми обстоятельствами и ис-

полненныя членами совѣта по предложеніямъ попечителя. Донесенія этихъ визитаторовъ вводятъ насъ въ нѣкоторыя интересныя подробности и условія тогдашняго состоянія образованія въ восточномъ краѣ и мы постараемся ихъ извлечь.

Въ началѣ 1807 года министръ предложилъ попечителю отправить кого либо изъ профессоровъ или адъюнктовъ Казанскаго университета для обозрѣнія Пензенской гимназіи, о плохомъ состояніи которой получались неутѣшительныя мѣстныя извѣстія отъ губернатора и другихъ лицъ, особенно дворянъ. Обозрѣніе гимназіи попечитель поручилъ Яковкину, какъ самому довѣренному лицу. Такимъ образомъ первымъ визитаторомъ изъ Казани былъ знаменитый директоръ. Исправлять его многоразличныя должности поручено было на время отлучки Фуксу, „по причинѣ преимущественнаго его разумѣнія россійскаго языка въ разсужденіи прочихъ иностранныхъ гг. профессоровъ“, какъ говорилось въ бумагѣ попечителя совѣту.

Яковкинъ выѣхалъ 17 февраля. Путь его лежалъ черезъ Симбирскъ. Здѣсь не преминулъ онъ осмотрѣть училище, изъ котораго скоро должна была образоваться гимназія. Помѣщеніе его было въ высшей степени неудобно и возмутило Яковкина. Не смотря на давно уже сдѣланное предписаніе министра о сдачѣ этого училищнаго дома въ вѣдѣніе училищнаго начальства, въ лучшей части его, почти во всей половинѣ втораго этажа, расположено было дворянское благородное собраніе или клубъ. При широкой помѣщичьей жизни того времени, собраніе имѣло просторное помѣщеніе: двѣ большія переднія комнаты, зала для карточной игры, другая зала для танцевъ, большая комната „для прохлажденія“, большая столовая для ужина членовъ, пространная проходная буфетная и послѣдняя комната — туалетная. Въ нижнемъ этажѣ, какъ разъ подъ карточною и танцовальною залами, были квартиры двухъ учителей, людей семейныхъ. Въ немъ не было сводовъ, а потому потолки тряслись, штукатурка отваливалась; по вторникамъ особенно, въ дни назначенные для танцовальныхъ вечеровъ, во время подписныхъ обѣдовъ и ужиновъ, учительскимъ семьямъ не было покою. Другая половина втораго этажа заключала шесть классныхъ комнатъ, съ небольшою отгородкою для маленькой библіотеки, минералогическаго кабинета и физическихъ

инструментовъ. Нижній этажъ, по лицевой его сторонѣ, былъ занятъ приказомъ общественнаго призрѣнія, лавкою для продажи картъ и квартирою второкласснаго учителя, состоящею изъ двухъ комнатъ съ перегородками. Особенно возмущало Яковкина, что во всей надворной половинѣ нижняго этажа, въ пяти очень просторныхъ комнатахъ, „располагается содержатель сего трактира, иностранный экономъ, какъ необходимо нужный чиновникъ для весельчаковъ, имѣющій особую на дворѣ пространную для съѣзжающихся обжоръ кухню, хлѣбенную, приспѣшную, людскую, погреба, зимніе и лѣтніе, кладовыя, сараи и конюшню; тремъ же учителямъ предоставлены два въ землѣ подъ домомъ выхода, наполняющіеся еще нынѣ заблаговременно водою, чему я очевидецъ, вмѣсто льду и снѣга для лѣта, кои въ противномъ случаѣ надобно бъ было нынѣ же набивать имъ, индѣ изъ спаленъ, а индѣ изъ первыхъ учительскихъ комнатъ..... Учителя принуждены скудной запасъ свой держать въ коридорѣ, подлѣ спальни, отчего сырость и духота, а съ ними купно и болѣзни.... У бѣднаго Шутихина съ самой осени больны жена и четверо дѣтей, да и самъ онъ, какъ *стѣнь* шатается, когда между тѣмъ иностранный трактирщикъ и для собакъ своихъ, двухъ датскихъ, двухъ охотничьихъ и множества постельныхъ, имѣетъ особые отхожіе покои“....

Въ Пензу пріѣхалъ Яковкинъ 25 февраля и остановился въ домѣ гимназіи, въ квартирѣ своего казанскаго ученика В. Перевощикова. Незадолго передъ тѣмъ умеръ директоръ Захарьинъ. Прежде всего визитатору пришлось привести въ порядокъ дѣла, суммы и имущество гимназическое. Все, хотя и найдено было въ безпорядкѣ, оказалось въ цѣлости, а жалобы на гимназію и на директора, называемыя Яковкинымъ клеветою, по его распросамъ, происходили отъ личныхъ неудовольствій директора съ губернаторомъ и нѣкоторыми дворянами, хотя благомыслящіе изъ нихъ вовсе не думали жаловаться на гимназію. Многіе изъ жаловавшихся сами искали директорскаго мѣста и въ томъ числѣ сынъ губернатора. Яковкинъ совѣтовалъ попечителю, во избѣжаніе личностей, назначить директора со стороны. Какъ на пригодное для того по знаніямъ своимъ и по образованію лицо, онъ указывалъ на профессора Городчанинова, который въ то время не прочь былъ занять мѣсто директора, „потому что по мнительности своей о вредоносномъ климатѣ

казанскомъ, а особливо послѣ смерти адъюнкта Левицкаго (умершаго впрочемъ вслѣдствіе запоя), онъ никакъ не соглашается остаться въ Казани". Прежняго директора Яковкинъ совершенно оправдалъ; всѣ нареканія на него призналъ онъ несправедливыми. За смерть покойнаго, какъ слѣдствіе болѣзни, вызванной огорченіями, многіе виновные должны будутъ отвѣчать, по его словамъ, предъ высшимъ начальствомъ. „Да упокоитъ его душу всевышній Мздовоздатель!"—заканчиваетъ Яковкинъ описаніе болѣзни и смерти директора. Онъ совершенно очищаетъ и память и личность покойнаго директора Захарьина. Изъ донесенія Яковкина видно, что Захарьинъ былъ преданъ дѣлу, любилъ гимназію, былъ вообще человѣкъ образованный и свою библіотеку, заключающую болѣе 1000 томовъ, подарилъ ввѣренному ему заведенію.

Весь слѣдующій день по пріѣздѣ, визитаторъ провелъ въ классахъ, знакомился съ учителями и учениками и способами ученія, и приготовлялъ съ первыми программы публичныхъ экзаменовъ. На третій поѣхалъ съ визитами къ мѣстнымъ властямъ, начиная съ губернатора, которымъ былъ принятъ „отмѣнно почтительно", затѣмъ былъ у вице-губернатора, принявшаго его „съ открытымъ сердцемъ и душею", потомъ у преосвященнаго грузина Гаія и т. д. Еще въ Казани напечаталъ онъ приглашенія на экзаменъ въ Пензѣ и развозилъ и разсылалъ ихъ къ представителямъ общества, а 28 февраля, по прибытіи архіерея и почетныхъ посѣтителей, открылъ экзамены привѣтственною рѣчью; послѣ него говорилъ тоже привѣтствіе В. Перевощиковъ. Экзаменъ начался съ общаго обозрѣнія всѣхъ частей философіи и съ логики. „Прежде сего времени вся здѣшняя публика негодовала, пишетъ Яковкинъ, что присылаютъ учителями такихъ молодыхъ людей; но послѣ экзамена едва меня не задушили благодареніями за успѣхи и отвѣты учащихся, также за знанія учителя (Перевощикова) и толь ясное и ловкое преподаваніе толь трудной науки". Четыре дни продолжались эти публичные экзамены и сопровождались полнымъ успѣхомъ. Торжественность внѣшней обстановки, что такъ любилъ Яковкинъ, была соблюдена вполнѣ. Экзамены наши, пишетъ онъ, г. губернаторъ почтилъ почетнымъ карауломъ изъ четверыхъ солдатъ съ ружьями, что исправно продолжается всякій разъ по утру отъ 10 часовъ до окон-

чанія экзамена и по полудни отъ 4 часовъ также. За сію честь гимназіи оказываемую не премину я засвидѣтельствовать Его Превосходительству благодарность отъ лица гимназіи, при чемъ не оставлю рекомендовать въ его градоначальственное благорасположеніе всѣхъ учителей и самую гимназію". Посѣтителей и посѣтительницъ всякій разъ было довольно; имъ, по словамъ визитатора, нравились въ особенности рѣчи, произносимыя учениками послѣ всякаго экзамена. Однимъ словомъ Яковкинъ своею ловкостью и умѣньемъ показать товаръ лицомъ въ нѣсколько дней поднялъ высоко въ общественномъ мнѣніи города опозоренную гимназію. „Слышны и теперь, говоритъ онъ, уже весьма лестные отзывы объ успѣхахъ гимназіи, о величественности и порядкѣ экзаменовъ, да тутъ же и бѣдному визитатору удивляются за его терпѣніе при всѣхъ экзаменахъ и весьма частое вопрошеніе учениковъ изъ всѣхъ экзаменуемыхъ предметовъ, чего здѣсь прежде не бывало". Эта ловкая косвенная похвала самому себѣ поддерживается и выгоднымъ для него сравненіемъ: „Не произошло бы и прежде никакого нареканія, ни шуму объ гимназіи Пензенской, ежели бы прежній визитаторъ Логвиновъ, какъ я ото всѣхъ наслышался, не посрамилъ званія сего ежедневнымъ пьянствомъ и нерадивымъ обозрѣніемъ; удостойте простить великодушно моей ревности, когда донесу, и донесу сущую правду, что онъ безбожно обманулъ в. п., и не входя ни во что порядочно, писалъ и доносилъ только то, что какъ нибудь походило на обозрѣніе".

Очень ловкую и удачную защиту гимназіи отъ нареканій Яковкинъ сдѣлалъ публично, смутивъ недоброжелателей ея. Въ продолженіе перваго экзамена Яковкину сообщили, что пріѣхалъ губернскій предводитель дворянства, а съ нимъ и уѣздный, и указали ему ихъ между посѣтителями.

«По окончаніи экзамена и послѣ проговоренной ученикомъ къ собранію благодарственной рѣчи за посѣщеніе, проводилъ я преосвященнаго чрезъ два покоя до лѣстницы; а потомъ, возвратившись въ залу, при всемъ собраніи отнесся самымъ учтивымъ образомъ къ г. губернскому предводителю, что ему самому извѣстно, что нѣкоторые гг. уѣздные предводители приносили правительству жалобы на безуспѣшность Пензенской губернской гимназіи,—что я по волѣ высшаго начальства присланъ для изслѣдованія и обнаруженія истины, — что я не имѣю чести знать оныхъ гг. предводителей лично, что по сей причинѣ относясь къ нему, покорнѣйше прошу принять на себя трудъ пригласить ихъ на нынѣшнихъ публичныхъ экзаменахъ присутствовать и *собственными своими во-*

просами удостовѣриться въ успѣшности или безуспѣшности ученія въ гимназіи, тѣмъ паче, что покойный директоръ по причинѣ болѣзни своей и не зная ничего еще о назначеніи визитатора въ Пензу, не имѣлъ времени приготовиться къ экзаменамъ и померъ (за четыре недѣли до пріѣзда Яковкина), — а я, пріѣхавъ только въ понедѣльникъ вечеромъ, также ни мало не имѣлъ времени пріуготовить показать публикѣ одну только маску ученія, а сверхъ того на таковыхъ чрезвычайныхъ публичныхъ экзаменахъ, нынѣ назначенныхъ, и всякій посѣтитель имѣетъ право вопросами своими въ экзаменуемомъ предметѣ удостовѣряться въ успѣхахъ ученія. Съ самаго начала моего приступа весьма примѣтно было крайнее смущеніе на лицѣ его и другаго стоявшаго позади его какого-то чиновника, можетъ быть потому, что еще гораздо прежде моего пріѣзда, не знаю съ чего разнесся въ городѣ слухъ, что визитатору препоручено изслѣдовать доносы предводителей суднымъ порядкомъ и даже самихъ ихъ публично экзаменовать въ ихъ знаніяхъ, какъ о томъ меня послѣ увѣдомилъ Перевощиковъ.— На отношеніе мое г. губернскій предводитель отвѣтствовалъ мнѣ также весьма учтиво, хотя и дрожащимъ отъ смущенія голосомъ, что справедливо, что нѣкоторые гг. предводители подали ему жалобы на безуспѣшность гимназіи,—что онъ таковыхъ оффиціальныхъ бумагъ утаить никакъ не могъ, «а долженъ былъ представить правительству, что приказано ему было сдѣлать такимъ образомъ; но что съ того времени обстоятельства гимназіи совсѣмъ перемѣнились,—что онъ съ особеннымъ сердечнымъ удовольствіемъ радуется видѣннымъ имъ самимъ въ тотъ экзаменъ успѣхамъ,—и что при другомъ начальникѣ надѣются они и всегда быть довольны».

Общее довольство скрѣплено было закускою, на которую Яковкинъ пригласилъ въ занимаемыя имъ въ гимназіи комнаты всѣхъ болѣе важныхъ посѣтителей, „въ числѣ коихъ, сверхъ вице-губернатора, было четверо генераловъ, а всѣхъ болѣе 25 человѣкъ". Но и предводители были отчасти правы, хотя обвиненія ихъ были написаны заднимъ числомъ. Пензенская гимназія только недавно, при началѣ реформъ имп. Александра I, была преобразована изъ главнаго народнаго училища, находившагося въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, а извѣстно въ какомъ печальномъ состояніи находились эти училища передъ самою реформою, особенно по недостатку знающихъ и приготовленныхъ учителей. Пока Казанскій университетъ не доставилъ гимназіи нѣкоторыхъ дѣльныхъ преподавателей, довольствовались прежними. Изъ училища въ гимназію перешло трое учителей. Двое изъ нихъ постепенно падали нравственно; имъ не было мѣста въ окружающемъ обществѣ; они перестали ходить въ классы и забросили обязанности. Одинъ изъ нихъ Базилевъ сходилъ съ ума отъ пьянства, а другой, Кулаковъ, отъ пьянства и умеръ. Третій изъ нихъ Лундбергъ былъ уволенъ покойнымъ директоромъ за безпутство, сдѣлался его врагомъ и помогалъ предводителямъ писать на директора клеветы. По-

ступилъ онъ потомъ домашнимъ учителемъ къ помѣщику Стяшкину, забралъ за полтора года впередъ жалованье и проучивъ только полгода съ небольшимъ, отпросился въ сосѣднiй городъ Саранскъ, гдѣ пропилъ не только всѣ деньги, бывшiя съ нимъ, но и платье. Вернулся онъ въ рубищѣ, и Стяшкинъ не могъ его больше держать при дѣтяхъ, но далъ однако ему денегъ на дорогу въ Москву. Съ свойственнымъ ему апломбомъ, Яковкинъ умѣлъ поддержать значенiе образованiя въ городѣ, куда оно только что начинало входить. Онъ поднялъ въ мнѣнiи города опозоренную гимназiю, а тѣмъ, что уѣзжая, по данному ему полномочiю, намѣревался поручить управленiе гимназiи до назначенiя новаго директора, своему ученику, очень еще молодому человѣку, только что сошедшему съ студентской скамейки, Перевощикову — показалъ какое значенiе долженъ имѣть университетъ. Проникнутый „важностью званiя визитатора“, онъ предполагалъ въ скоромъ времени написать и представить попечителю „Замѣчанiя о званiи визитаторовъ“, какъ бы наставленiе для будущаго. Чтобы отклонить всякую мысль о подготовленности, объ обманѣ, онъ представилъ попечителю классныя упражненiя учениковъ въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ получилъ на публичномъ экзаменѣ. „Страждущая честь публичнаго заведенiя и безпристрастная справедливость, по мнѣнiю моему, того требовали, хотя бы и казалось непростительно похищать драгоцѣннѣйшiя минуты времени, посвященныя важнѣйшимъ общественнымъ упражненiямъ“. Яковкинъ сдѣлалъ подробное донесенiе о каждомъ учителѣ и нѣкоторыхъ счелъ нужнымъ представить къ наградамъ. При недостаткахъ, замѣченныхъ имъ въ преподаванiи, въ употребленiи учебниковъ или въ какой нибудь другой сторонѣ гимназической жизни, онъ указывалъ, какъ на образецъ, на свою, Казанскую гимназiю и старался и здѣсь ввести ея порядки. Такъ какъ должность директора, по старшинству службы, правилъ старшiй учитель исторiи и географiи Раевскiй, очень невыгодно рекомендуемый визитаторомъ и по знанiямъ своимъ и по характеру, то онъ предписалъ ему, „чтобы въ преподаванiи ученiя, учебныхъ книгахъ и внутреннемъ распоряженiи учениковъ гимназiи соображаться съ порядкомъ Казанской гимназiи, какъ извѣстнымъ для обоихъ учителей Перевощикова и Ляпунова и удостоеннымъ начальственнаго одобренiя попечителя“. О Раев-

скомъ, который чуть было своимъ экзаменомъ не нанесъ стыдъ гимназіи, еслибъ онъ не поддержалъ его, визитаторъ выражался такъ: „Человѣкъ молодой, необработанной, привыкшій только искать, а не ожидать заслугами, сердцу моему весьма не понравился, да и послѣ не замедлилъ оправдать мое подозрѣніе“. Мѣсяца черезъ два по отъѣздѣ Яковкина, ему писали изъ Пензы, что Раевскій, не обращая вниманія на его указанія, сталъ все передѣлывать по своему, такъ что визитатору снова пришлось жаловаться попечителю.

Къ 1809 году относится вторая визитація университетская, касающаяся оренбургскихъ училищъ, сохранившая для насъ нѣсколько любопытныхъ, весьма характерныхъ, но къ сожалѣнію и весьма печальныхъ фактовъ изъ исторіи просвѣщенія такого отдаленнаго тогда края какъ Оренбургъ, и вообще изъ исторіи нравовъ тогдашняго учебнаго персонала. Въ засѣданіи совѣта 1 сентября 1809 года заслушано было предложеніе попечителя (19 августа, № 483), что по случаю взаимныхъ жалобъ правящаго въ Оренбургѣ должность директора Протопопова и учителя Румскаго, министръ народнаго просвѣщенія предписалъ ему, попечителю, „для узнанія которая сторона права, основательны ли жалобы Протопопова на Румскаго и доносъ Румскаго на Протопопова, отправить въ Оренбургъ визитатора“. Попечитель, прилагая всѣ бумаги по этому дѣлу, предлагалъ отправить въ Оренбургъ визитаторомъ адъюнкта Запольскаго, а въ помощь ему придать магистра Кондырева, „которымъ, удостовѣрясь на мѣстѣ обо всемъ, что между Протопоповымъ и Румскимъ произошло, доставить ему точныя свѣдѣнія и истинную цѣну поступковъ того и другаго“. Это была главная цѣль визитаціи. Но такъ какъ директору оренбургскихъ училищъ ввѣрены были народныя училища очень обширнаго края, т. е. нынѣшнихъ оренбургской, уфимской и самарской губерній, то попечитель поручалъ визитаторамъ войти въ подробное разсмотрѣніе не только главнаго оренбургскаго училища, „но и всѣхъ въ Оренбургской губерніи находящихся училищъ, ихъ недостатковъ и способовъ оные поправить“. Запольскому выданы были прогоны на три лошади, Кондыреву на двѣ; первому назначалось на путевыя издержки 150

—второму 100 рублей. Визитаторы выѣхали изъ Казани 9 сентября, а воротились 7 ноября. Порученіе свое они исполнили чрезвычайно умѣло и обстоятельно въ отношеніи къ обѣимъ задачамъ, на нихъ возложеннымъ, какъ это можно заключить изъ постоянно и подробно веденнаго ими дневнаго журнала о томъ, что они видѣли и что дѣлали въ теченіе времени своего путешествія, изъ многочисленныхъ рапортовъ ихъ попечителю какъ съ дороги, такъ и изъ Казани и изъ полнаго общаго отчета о ихъ дѣйствіяхъ. Остановимся сначала на первой и главной задачѣ визитаціи и скажемъ о директорѣ Протопоповѣ.

Въ первыхъ числахъ августа 1806 года въ Петербургѣ представлялся директору департамента народнаго просвѣщенія И. И. Мартынову и товарищу министра народнаго просвѣщенія, извѣстному писателю и близкому лицу къ государю М. Н. Муравьеву, передъ отъѣздомъ своимъ въ Оренбургъ, только что утвержденный въ званіи директора оренбургскихъ училищъ губернскій секретарь Павелъ Протопоповъ. Это былъ человѣкъ уже не очень молодой (ему было тридцать пять лѣтъ), составившій себѣ извѣстность музыкою и стихами ([1]). Цѣлый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ

([1]) Въ отличіе отъ большинства тогдашнихъ губернскихъ директоровъ училищъ, Протопоповъ не учился въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, устроенномъ при императрицѣ Екатеринѣ II, но прошелъ иную школу, чуждую педагогикѣ и не совсѣмъ обыкновенную. Отецъ его былъ симбирскимъ мѣщаниномъ, хотя и происходилъ изъ духовнаго званія. Вся семья Протопоповыхъ переселилась въ Казань въ концѣ 80-годовъ прошлаго вѣка, какъ это видно изъ довольно любопытныхъ записокъ меньшаго брата его, Ивана Ивановича, умершаго въ Казани въ 1863 году. Записки эти не напечатаны и, касаясь почти исключительно семейныхъ событій, прерываются на отрочествѣ автора. Для него старшій братъ Павелъ (т. е. директоръ оренбургскихъ училищъ) «замѣчательное въ родствѣ нашемъ лицо»; онъ «дѣлаетъ собою честь всѣмъ намъ—«умомъ», ученостью и другими талантами». Отецъ желалъ доставить сыну духовное званіе «для возобновленія рода нашихъ предковъ» и отвезъ въ 1780 году восьмилѣтняго мальчика въ Казань, представивъ его при прошеніи митрополиту казанскому Веніамину Григоровичу. Образованіе свое началъ Протопоповъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчихъ. Слѣдующіе послѣ Веніамина архіепископы Антоній и Амвросій Подобѣдовъ очень полюбили талантливаго пѣвчаго, имѣвшаго большія музыкальныя способности: онъ скоро выучился играть на скрипкѣ, флейтѣ и гусляхъ. Но, желая образованія, онъ съ трудомъ уговорилъ владыку дозволить ему учиться въ семинаріи, куда и поступилъ въ синтаксическій классъ, будучи 18-ти лѣтъ. Здѣсь, въ семинаріи, его полюбили наставники и префектъ. Въ три года онъ дошелъ до богословія, но тутъ уже раздумалъ идти въ духовное зва-

прихотливымъ и страннымъ названіемъ „Цвѣтникъ для благомыслія и нѣжности", онъ принесъ къ Муравьеву, какъ къ знатоку и любителю словесности. Протопопову хотѣлось посвятить свою книгу имени государя императора. На первомъ листѣ ея стояло слѣдующее стихотворное посвященіе:

«Всеавгустѣйшій царь имперіи Россійской,
Тебѣ подноситъ дань Россіи сынъ Асійской,
Дань генія своихъ талантовъ, сколь ихъ есть:
Въ сей дани все его и счастіе и честь.
Воззри на оную! Яви благоволенье
Безсчастну страннику въ безсмертно утѣшенье!
Царь Россовъ! Снизойди на вопль моей мольбы,
Что я есмь сирота у счастья и судьбы;
Что есть хвалы моимъ: ученью, жизни, службѣ;
Что нѣтъ лишь у меня вельможъ въ родствѣ и дружбѣ;
Что я на свѣтѣ семъ живу съ собой одинъ;
Что не фортуны я—простой природы сынъ;
Что я воспитанъ, взросъ усильствомъ нужды слезной;
Что духъ во мнѣ горитъ отечеству полезный;
Что предразсудковъ корнь и сердце изрубя,
Готовъ я въ жертву несть тебѣ всего себя».

ніе; его увлекло призваніе артиста и музыканта. Въ 1791 году въ Казани впервые начались театральныя представленія, пользовавшіяся особымъ покровительствомъ казанскаго губернатора кн. Сем. Мих. Баратаева. Театръ управлялся бывшимъ придворнымъ актеромъ Бобровскимъ, который и набиралъ въ труппу лицъ разныхъ званій, выбирая таланты. На сценѣ давали оперы. Протопоповъ, еще учась въ семинаріи, сдѣлался капельмейстеромъ и учителемъ пѣнія при театрѣ, съ разрѣшенія своего духовнаго начальства, и въ этомъ званіи онъ оставался до закрытія театровъ по случаю кончины императрицы. Между тѣмъ, при ходатайствѣ губернатора, Протопопову удалось отдѣлаться отъ духовной карьеры и получить мѣсто учителя въ главномъ народномъ училищѣ Казани, чѣмъ и началось его служеніе дѣлу народнаго образованія; «впрочемъ онъ только считался въ должности этой, говорятъ записки брата, получалъ и жалованье, но службы не несъ, а употреблялся на занятія по театру». Веселость характера, музыкальный талантъ сближали его съ множествомъ разнообразныхъ лицъ. Послѣ номинальнаго учительства, Протопоповъ служилъ и въ городовомъ магистратѣ, и въ канцеляріи губернатора, и въ депо коммиссаріатскомъ и провіантскомъ, и секретаремъ въ конторѣ гимназіи, но долго не служилъ нигдѣ: «онъ былъ безпеченъ, нѣсколько лѣнивъ и къ должности являлся почти всегда послѣ начальниковъ»—говоритъ братъ. Директоръ гимназіи, нѣмецъ Пекенъ, уволилъ его и Протопоповъ въ 1803 году отправился въ Петербургъ, гдѣ очень скоро получилъ должность помощника столоначальника въ государственномъ казначействѣ, въ экспедиціи о государственныхъ расходахъ. Въ Петербургѣ, по музыкальному таланту и по литературнымъ опытамъ, Протопоповъ сблизился съ И. А. Дмитревскимъ, знаменитымъ трагикомъ, писателемъ, членомъ россійской академіи, человѣкомъ, котораго зналъ и уважалъ весь тогдашній Петербургъ. Дмитревскій познакомилъ его съ попечителемъ Румовскимъ, который полюбилъ Протопопова, хотя самъ и не былъ поклонникомъ стихотворства, и предложилъ ему мѣсто директора оренбургскихъ училищъ.

Муравьевъ просмотрѣлъ книгу Протопопова, очень благосклонно отнесся къ нему и обѣщалъ представить ее государю, говоря увѣрительно и искренно, какъ казалось Протопопову: „Государю я доложу, но не прежде какъ по возвращеніи его изъ Франціи". Изъ разговора съ Муравьевымъ, Протопоповъ совершенно убѣдился, что получитъ въ награду перстень, примѣрно рублей въ 850, о чемъ не умедлилъ передать своему покровителю Дмитревскому, попечителю Румовскому и Мартынову и, убаюканный мечтами о Высочайшей наградѣ, уѣхалъ въ „дикій край", какъ онъ называлъ мѣсто своего служенія (¹).

Не прошло однако и полугода со времени отъѣзда Протопопова въ Оренбургъ, какъ отъ учителя главнаго Оренбургскаго народнаго училища Василья Топорнина было получено Румовскимъ письмо, въ которомъ личность и поведеніе новаго директора представляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Топорнинъ писалъ, что Протопоповъ, „упиваясь всегда почти горячихъ напитковъ", этимъ „наноситъ позоръ училищу, неудовольствіе гражданамъ, а ему несносныя обиды". Сообщалось нѣсколько фактовъ. Въ день своихъ именинъ, Протопоповъ пригласилъ къ себѣ учителей и пьяный сталъ выговаривать Топорнину: за чѣмъ онъ не встрѣтилъ его при пріѣздѣ привѣтственною рѣчью?—и на оправданіе, что онъ не зналъ о его пріѣздѣ, схватилъ шпагу и чуть не закололъ Топорнина. Съ этого случая директоръ сталъ постоянно придираться къ Топорнину, и въ классѣ, при ученикахъ, говорилъ, что Топорнинъ скоро будетъ смѣненъ, а разъ пришелъ онъ въ классъ совершенно пьяный и сѣвши на стулъ уснулъ и проспалъ съ часъ времени „въ развратномъ видѣ". На другой день поутру, когда стали собираться ученики въ классы, Протопоповъ звалъ къ себѣ въ комнату 13-ти лѣтнюю ученицу, дочь штабъ-лѣкаря Конке, подъ предлогомъ напоить ее чаемъ, но та не послушалась и не пошла, за что получила отъ него строгій выговоръ и со слезами

(¹) Муравьевъ умеръ въ слѣдующемъ году и книга Протопопова осталась въ его бумагахъ или, по выраженію автора, «во тьмѣ и сѣни смертней». Онъ хлопоталъ потомъ чрезъ Мартынова о томъ, чтобъ выручить ее, но кажется не успѣлъ.

ушла домой. Отецъ, возмущенный случаемъ съ дочерью, рѣшился было подать жалобу генералъ-губернатору на обиду, но Топорнинъ, „въ охраненіе училищнаго сословія", по знакомству съ Конке, упросилъ удержаться отъ исполненія этого намѣренія. Отецъ все же не позволилъ дочери ходить больше въ училище. Въ училищѣ директоръ, сообщаетъ Топорнинъ, „завелъ торжище распутства"; учитель татарскаго языка Яшвинъ, на глазахъ учителей, живущихъ рядомъ, водитъ къ нему распутныхъ женщинъ. О Яшвинѣ сообщаетъ возмутительно-безнравственный случай, въ грязныя подробности котораго мы входить не станемъ, но „зазорное для училища сіе происшествіе", сдѣлалось тотчасъ извѣстнымъ всему городу. Сообщивъ многіе невыгодные факты о директорѣ, учитель Топорнинъ, не видя въ будущемъ ничего хорошаго для себя со стороны директора, кромѣ угрозъ несчастіемъ, выраженныхъ въ приводимыхъ имъ въ жалобѣ словахъ Протопопова: „Я де своимъ романическимъ штилемъ лживое представлю справедливымъ и напротивъ справедливое лживымъ, особливо надѣясь на какого-то его протектора Дмитревскаго", подалъ просьбу объ отставкѣ и только ходатайствовалъ о пенсіи „для пропитанія" большой семьи своей.

Къ этимъ фактамъ, свидѣтельствующимъ о зазорномъ поведеніи автора „Цвѣтника благомыслія и нѣжности", другой учитель главнаго Оренбургскаго народнаго училища Петръ Трапезонтовъ, въ трехъ написанныхъ около того же времени и одно за другимъ слѣдующихъ письмахъ къ Румовскому, присоединяетъ и другіе столь же, если не болѣе возмутительные. Трапезонтовъ получилъ образованіе въ петербургской учительской семинаріи и служилъ семнадцать лѣтъ. Но и ему грозило увольненіе: объ оренбургскомъ училищѣ и его персоналѣ попечитель былъ самого невыгоднаго мнѣнія по разнымъ, доходившимъ до него съ мѣста свѣдѣніямъ. Отправляя директора въ Оренбургъ, онъ обѣщалъ ему, что пришлетъ новыхъ лучшихъ учителей (въ 1807 году и былъ такимъ образомъ назначенъ учителемъ въ Оренбургъ одинъ изъ студентовъ Казанскаго университета Честновъ, поступившій въ 1805 году). Этимъ обѣщаніемъ попечителя Протопоповъ безпрестанно пользовался, какъ угрозою противъ старыхъ учителей, чтобы „симъ способомъ ураболѣпить меня себѣ", прибавляетъ Трапезонтовъ, ссылаясь на свои и безъ того уже „какъ бы рабскія услуги" ему. Угрозы свои твердилъ

Протопоповъ безпрестанно, съ самаго прiѣзда своего: „ходя по классамъ, большею частью впрочемъ пьяный, объявлялъ много разъ ученикамъ, что за устарѣнiемъ всѣхъ насъ, дастъ онъ имъ учителей—*молодыхъ живчиковъ*". *Рабскiя услуги* состояли наприм. въ томъ, что Трапезонтовъ и Топорнинъ разъ несли пьянаго до безпамятства директора „изъ однихъ гостей" до училища „чрезъ нарочитое разстоянiе", и онъ надменно, или, какъ выражается Трапезонтовъ, „изъ владѣющей имъ страсти честолюбiя", ставилъ такiя услуги „наряду съ моею должностью". Сердился директоръ на учителей, что они не часто ходятъ къ нему въ его комнату, куда призывая безъ нужды, заставлялъ ихъ пить отъ скуки съ собою, говоря, что „всѣ непьющiе жестокосерды". Но это пьянство доходило до безобразiя. Въ ночь съ 15 на 16 декабря воротился онъ совершенно пьяный и безъ памяти упалъ на пустые штофы и порѣзалъ себѣ руку до самой кости. Только въ 12 часу дня онъ сталъ звать на помощь сосѣдей учителей и просить, чтобъ послали за лѣкаремъ. „Мы ужаснулись, говоритъ Трапезонтовъ, увидя его какъ бы окунутаго въ крови съ рубашкою, и количество истекшей изъ него крови показалось бы каждому неимовѣрнымъ; я счелъ бы то самъ безстыдною ложью и признаюсь усумнился одна ли его только была она; на кожаномъ тюфякѣ лужею стояла кровь ссѣвшись, капотъ, которымъ былъ одѣтъ, весь ею измаранъ, точно самъ онъ не знаетъ и не помнитъ какъ она изъ него текла; весь полъ кровью былъ улитъ; во многихъ мѣстахъ лежала она печеньями, самыя стѣны были ею обрызганы". На сырной недѣлѣ пьяное безобразiе директора дошло до того, что тогдашнiй Оренбургскiй генералъ-губернаторъ князь Г. С. Волконскiй, человѣкъ вообще очень добрый и простой, любившiй Протопопова за его веселость, таланты музыкальные и поэтическiе, принимавшiй его у себя, въ качествѣ впрочемъ домашняго шута и снисходительно смотрѣвшiй на его пьянство, приказалъ ему чрезъ городничаго выѣхать изъ училища на квартиру, но онъ не исполнилъ этого, подъ предлогомъ, что не нашелъ квартиры, и остался. Сосѣди учителя, тѣснившiеся рядомъ съ его комнатами и отдѣленные отъ него только перегородками, приходили по ночамъ въ страхъ. „По часту онъ въ глубокую ночь топочетъ и кричитъ необычайнымъ голосомъ, отъ намѣренiя ли то насъ безпокоить, или отъ находящаго на него умоизступленiя, или отъ непомѣрнаго пьянства". Какъ

мало заботился онъ объ училищѣ, объ ученіи, съ какимъ презрѣніемъ онъ относился къ нему, Трапезонтовъ приводитъ разные факты. Училище, какъ для классовъ, такъ и для помѣщенія учителей, было крайне тѣсно. У учителей было только по одной небольшой комнатѣ. „За худобою и крайнимъ холодомъ классической“ (т. е. классной), учители зимою, кое-какъ тѣснясь, учили дѣтей попеременно въ своихъ жилыхъ комнатахъ; отнявъ комнату у учителя, директоръ заставилъ двоихъ тѣсниться въ одной, такъ что для класса уже не было помѣщенія, и ученики стали понемногу убывать. „Когда и ни одного ученика не будетъ, говорилъ директоръ на донесеніе объ этомъ, — намъ все же станутъ выдавать жалованье“. А въ библіотечной комнатѣ поставилъ для себя с...., распространяющее зловоніе; выносить его приходилось черезъ классы. Полтора мѣсяца въ четвертомъ классѣ вовсе не было ученія, потому что директоръ заставилъ учениковъ учить сочиненныя имъ стихотворныя привѣтствія ко дню именинъ генералъ-губернатора, который не принялъ этихъ привѣтствій; учениковъ принуждаетъ онъ списывать свои сочиненія и разныя разности и тѣмъ безпрерывно отвлекаетъ ихъ отъ ученія и пр.

Правда и самъ Трапезонтовъ былъ не безъ слабостей, какъ огромное большинство учителей народныхъ училищъ Екатерининскаго времени, призванныхъ къ дѣлу, ни въ комъ не находившему сочувствія. Онъ и самъ признается въ своихъ грѣшкахъ: „Не смѣю и не могу сказать, чтобъ изъятъ былъ вовсе отъ обыкновенныхъ всѣмъ слабостей; но злоба, пользуясь симъ, стократно увеличила нѣкоторыя, присвоила мнѣ вовсе чуждыя, и я думаю, что и теперь, онъ, г. Протопоповъ, не подтвердитъ постоянно мною исполняемаго нѣсколько уже мѣсяцевъ, какъ и всѣмъ меня знающимъ извѣстно, твердаго намѣренія къ возможному единственно избѣжанію хотя его подозрѣнія, — вовсе удаляться горячихъ напитковъ“. Но дальнѣйшія жалобы, уже другихъ учителей, и тщательныя изслѣдованія визитаторовъ показали, къ сожалѣнію, что всѣ сообщенныя Топорнинымъ и Трапезонтовымъ свѣдѣнія, на которыя Румовскій въ 1807 году не обратилъ вниманія, считая ихъ лживымъ доносомъ, были вполнѣ справедливы. Оба были доведены до крайности. Трапезонтовъ подалъ также формальное прошеніе объ увольненіи отъ службы за болѣзнью, и оба были уволены. Отставка и торжество директора были для нихъ тяжелымъ ударомъ. Одинъ знако-

мый Яковкину коммиссаріатскій офицеръ, ѣздившій изъ Казани въ Оренбургъ, разсказывалъ ему за достовѣрное, что двое отставляемыхъ учителей приходили ночью къ директору съ оружіемъ и дрекольями, искали умертвить его и выломали даже дверь въ его комнату, но „подоспѣвшая на кричаніе караула стража воспрепятствовала имъ исполнить пагубное ихъ намѣреніе. Послѣ сего благоволящій къ Протопопову военный генералъ-губернаторъ объявилъ ему, что онъ далъ приказъ гауптвахтѣ, что по первому увѣдомленію его доставляема ему будетъ военная помощь противу всякаго насилія" (23 апр. 1807 г.).

Черезъ два года поступили къ попечителю новыя жалобы на директора Протопопова, отъ новыхъ двухъ, послѣ увольненія прежнихъ назначенныхъ, учителей. Одинъ изъ нихъ Румской, писалъ, 1) что директоръ пьяница, нахалъ, всѣми презрѣнъ, служитъ вездѣ шутомъ и музыкантомъ и, какъ говорятъ, проигрываетъ въ карты книги; 2) директоръ не радитъ объ училищѣ; собака его укусила одну служанку, провожавшую въ классъ ученицу; 3) Румской жалуется, что директоръ его отрѣшилъ самовольно, тогда какъ попечитель разрѣшилъ только лишить его квартиры въ училищѣ; 4) директоръ цѣлые три дня пропадалъ изъ училища неизвѣстно гдѣ, о чемъ Румской словесно донесъ военному губернатору. Другой учитель, Медениковъ, въ своей жалобѣ высказывалъ: 1) что директоръ ведетъ нетрезвую жизнь, извѣстную всему городу; 2) отъ такого поведенія директора училище пришло въ неуваженіе, что и естественно слѣдуетъ; 3) дѣлалъ Протопоповъ неблагопристойности предъ его женою, въ чемъ и самъ сознался.

Трудная дѣйствительно задача выпала на долю визитаторовъ разобраться во всей массѣ накопившихся на директора обвиненій и узнать настоящую правду взаимныхъ жалобъ и оправданій. Они сами сознались въ этой трудности. „Для изслѣдованія сихъ жалобъ и доносовъ по формѣ, законами предписанной, предлежали визитаторамъ чрезмѣрныя трудности, какъ въ разсужденіи письмоводства, такъ и необходимыхъ съ оренбургскимъ городническимъ правленіемъ сношеній; притомъ же вызовъ публики къ подтвержденію нетрезваго и неблагопристойнаго поведенія г. Протопопова болѣе, можетъ быть, произвелъ бы соблазна, нежели сколько способствовалъ бы къ открытію истины, не говоря уже о

той трудности, съ какою публика въ формальныя дѣла такого рода входитъ". Попробовали было они сначала, сдѣлавъ копіи съ взаимныхъ жалобъ и доносовъ, предложить каждому написать съ своей стороны объясненія и оправданія, но изъ этого ничего хорошаго не вышло: расплодились только взаимныя оскорбленія, или пустыя увертки, или просто отрицаніе. Такъ, на указаніе Румскаго, что директоръ у кн. Волконскаго служитъ шутомъ и музыкантомъ, Протопоповъ объясняетъ весьма нахально, что его сіятельство приглашаетъ его къ столу для молитвъ и собесѣдованія. На это визитаторы замѣтили, что „приглашенія директора къ столу главнокомандующаго дѣланы были имъ больше *изъ человѣколюбиваго желанія исправить поведеніе г. Протопопова*, нежели изъ особливаго къ нему уваженія, какъ узнали о томъ визитаторы частію отъ самого его сіятельства (не сказать же ему, что онъ забавлялся съ директоромъ, какъ съ шутомъ), частію отъ приближенныхъ къ его особѣ, которые и съ своей стороны споспѣшествовали тому же благому намѣренію (?) господина главнокомандующаго". На обвиненіе учителя Меденикова, что директоръ дѣлалъ неблагопристойности его женѣ, Протопоповъ, между множествомъ грязныхъ инсинуацій, писалъ, что тутъ были взаимныя шутки, что жена учителя никогда не отказывала Протопопову съ собою шутить, что все это нелѣпыя сплетни мужа на него „въ безчисленныхъ мелочахъ по житію въ одномъ домѣ съ обоими супругами, какъ будто неугодный имъ образъ одѣянія моего, разорванные башмаки и рубашка и проч.". Все объяснялъ Протопоповъ слѣпою ревностью мужа, но объяснялъ такъ грубо и оскорбительно для женщины, что визитаторы были возмущены. На эти объясненія они съ своей стороны замѣчали: „Неблагопристойности, дѣланныя г. Протопоповымъ передъ супругою г. Меденикова, хотя и не были предметомъ изслѣдованій визитаторовъ, однакожъ, разсматривая мѣстное положеніе покоевъ, визитаторы не могутъ почитать ихъ, вопреки г. Протопопова, шутками, а полагаютъ прямо въ число оскорбленій, справедливо раздражающихъ обоихъ супруговъ. Что же касается до прочихъ показаній г. Протопопова (объ отношеніяхъ его къ женѣ Меденикова), то подобныя выраженія, на бумагѣ данныя, безъ всякихъ доказательствъ, при похвальномъ поведеніи супруги г. Медени-

соблазнительнѣйшее ко вреду просвѣщенія зрѣлище, допустивъ нарядить себя въ хлѣбный куль, водить по улицѣ, мазать сажею, посадить подъ столъ, и на подобіе пуделя, при подачѣ стакана пунша, дѣлать всѣ его экзерциціи". „Все это слѣдовало бы почесть самою наглѣйшею клеветою, говорятъ визитаторы, но къ сожалѣнію истину произшествія засвидѣтельствовали: бузулуцкій городничій, учители и даже помѣщики въ деревняхъ живущіе, да и самъ Протопоповъ называетъ этотъ случай *одною пріятельскою шуткою*".—Въ Уфѣ разсказывали визитаторамъ, что одинъ холостой его пріятель, разсорясь съ Протопоповымъ за какое-то „непозволенное участіе въ удовольствіяхъ", выбросилъ его изъ окошка своего дома, и на такой поступокъ хозяина всѣ смотрѣли вовсе не какъ на обиду, незаслуженную директоромъ, а что онъ стоилъ того. Наконецъ и визататоры замѣтили, да и самъ попечитель могъ прочитать въ бумагахъ, адресованныхъ къ начальству, „непростительныя грубости, доказывающія дерзновеніе и наглость Протопопова". Собственно Протопоповъ былъ недоволенъ попечителемъ за то, что и онъ, и учителя остаются на жалованьи по старымъ штатамъ, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ введены новые штаты, а у нихъ, въ Оренбургѣ, не можетъ быть никакихъ другихъ посторонних доходовъ. Онъ писалъ въ Петербургъ къ Мартынову, что и онъ и учителя, „мы всѣ вонъ глядимъ", что „моритъ его скупость начальника", жаловался, что послѣ пятнадцати лѣтъ службы, онъ еще „въ подъяческомъ чинѣ", только еще губернскій секретарь!

Осмотръ и ревизія оренбургскаго училища, находившагося въ непосредственномъ вѣдѣніи Протопопова, происходили весьма медленно по его винѣ, такъ какъ онъ дѣломъ вовсе не занимался. Нужно было представить подробный отчетъ. Визитаторы, согласно уставу о народныхъ училищахъ, въ ордерѣ, данномъ ими на имя директора, требовали отъ него свѣдѣній: 1) Краткую исторію училища вообще, т е. когда оно основано, при какомъ директорѣ и учителяхъ? при сколькихъ ученикахъ? Кто и чѣмъ были благотворители? Кто отъ самаго начала училища по настоящее время были директоры и учители, съ показаніемъ времени ихъ поступленія на службу и выхода? Сколько было съ основанія училища учениковъ? Какъ число это потомъ увеличивалось и уменьшалось? Когда было самое большее число ихъ и

когда самое меньшее? 2) Исторію училища съ 1801 года; погодно требовалась подробная вѣдомость объ ученикахъ: изъ какого они званія, съ какими познаніями поступали и съ какими выходили? Сколько кончало курсъ и сколько выходило до окончанія и почему? Какіе были недостатки училища и какъ они были отвращаемы и, если не удалось отвратить ихъ, то почему? и пр. Это были такъ сказать предварительные вопросы. За тѣмъ слѣдовалъ экзаменъ учениковъ, повѣрка наличности библіотеки по документамъ и денегъ, вырученныхъ отъ продажи книгъ, повѣрка по подробному отчету и шнуровымъ книгамъ прихода и расхода денегъ по оренбургскому и другимъ училищамъ губерніи, подробное обозрѣніе училищнаго дома и архива.

Никакихъ сколько нибудь заслуживающихъ вниманія отвѣтовъ на предложенные ему вопросы директоръ не далъ, да и не былъ въ состояніи дать. Вездѣ въ училищѣ визитаторы нашли „водворившійся безпорядокъ". Денежные счеты, библіотека, переписка по училищу—все представляло хаосъ. Никакихъ шнуровыхъ приходо-расходныхъ книгъ не было, а документы и бумаги визитаторы нашли въ комнатѣ Протопопова „несобранными, разсѣянными, подъ столомъ, на столѣ, на полу и по стульямъ", какъ выражаются они. Все это было перемѣшано съ его собственными письмами къ какимъ-то г-жамъ или дѣвицамъ Путиловой, Мансуровой, или съ разными письмами къ нему. Ученики его класса оказали плохіе успѣхи. Домъ училища былъ въ ужасномъ положеніи: ни жить, ни учить въ немъ долѣе было невозможно. Въ своихъ оправданіяхъ, въ поданномъ визитаторамъ рапортѣ, Протопоповъ жаловался больше на попечителя, на неисполненныя его обѣщанія на счетъ прибавки суммы на содержаніе училища и на то, что попечитель обѣщалъ рекомендовать его, „за особенное попеченіе о училищахъ ему ввѣренныхъ, министру въ особливое вниманіе" и не сдѣлалъ этого. Онъ уповалъ, что высшее начальство не обманетъ его обѣщаніями, но тщетная надежда „разстроила его здоровье и нужное для дѣлъ спокойствіе душевное", а особливо послѣ того какъ попечитель, не обращая вниманія на увѣренія князя Волконскаго о достоинствѣ Протопопова, сталъ принимать на него учительскія ябеды и „истязать его требованіями отвѣтовъ противъ всякихъ клеветъ". Свое трехлѣтнее служеніе въ Оренбургѣ Протопоповъ называетъ „страдальческимъ". Это желаніе обвинить

свое начальство въ собственныхъ погрѣшностяхъ визитаторы называютъ „странною наглостью“.

Они положили много труда на приведеніе счетовъ, имущества, книгъ въ порядокъ; печальное положеніе уяснилось, хотя сами они не знали, что дѣлать дальше. На Протопоповѣ оказался недочетъ въ 600 рублей. Если для пополненія денегъ удерживать у Протопопова жалованье и оставить его служить, или сдѣлать оцѣнку его почти ничего не стоющаго имущества, то начальство, по мнѣнію визитаторовъ, получило бы большія непріятности. Но оказавшійся на Протопоповѣ недочетъ былъ однако скоро покрытъ подпискою, устроенною въ пользу его генералъ-губернаторомъ между подчиненными, при чемъ самъ онъ подписалъ сто рублей. Объяснять ли эту подписку русскимъ добродушіемъ, особенно если оно не дорого стоитъ, или любовью князя Волконскаго къ Протопопову, который такъ часто забавлялъ его и у котораго, несмотря на его пьянство, было нѣсколько талантовъ, нравящихся обществу — мы не знаемъ. Но намъ кажется, что въ этомъ участіи общества къ Протопопову выразилось нѣкоторымъ образомъ и сознаніе того вреда, который само это общество принесло ему, человѣку заѣзжему, попавшему въ дикій, по его выраженію, край изъ болѣе интеллигентной сферы столичной. А край былъ дѣйствительно дикій, на сколько можно судить по сохранившимся преданіямъ о томъ времени. Если о гораздо позднѣйшей эпохѣ управленія графа Перовскаго въ Оренбургѣ, существуютъ разсказы, отзывающіеся для насъ чѣмъ то миѳическимъ, то легко себѣ представить что было за сорокъ, за пятьдесятъ лѣтъ до того. На этой далекой степной окраинѣ нашей, посреди разнообразныхъ народностей, полу-дикихъ и кочевыхъ, совсѣмъ еще не тронутыхъ культурою, но получившихъ военную организацію, развертывался ничѣмъ не ограничиваемый произволъ. Все напоминало въ краѣ порядки сатрапіи или пашалыка. Кутежи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и полное безправіе личности были нормальнымъ явленіемъ. Протопопову было легко увлечься общимъ настроеніемъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ выходкахъ его не трудно замѣтить отчасти и какое-то презрѣніе къ тому, что его окружало.

Намъ нѣтъ надобности входить въ тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы визитаторами для приведенія въ порядокъ оренбургскаго училища. Наша цѣль была только по—

казать, въ чемъ состояли и могли состоять визитаціи, посылаемыя университетомъ въ училища, а изъ подробнаго, весьма тщательно составленнаго отчета Запольскимъ и Кондыревымъ, можно видѣть какую пользу могли визитаціи принести въ то время. Обвиняя Протопопова, смотря на него, на его поведеніе, какъ на источникъ всѣхъ золъ, визитаторы однако его личное нерадѣніе объ училищѣ не исключительно ставятъ ему одному въ вину. Недостатки по училищному дому зависятъ и зависѣли большею частію, говорятъ они, отъ оренбургскаго приказа общественнаго призрѣнія, а приказъ этотъ функціонировалъ въ Уфѣ (Оренбургъ былъ уѣзднымъ городомъ), а потому они считаютъ болѣе полезнымъ существованіе главнаго народнаго училища въ этомъ городѣ, гдѣ было только малое училище, чѣмъ въ Оренбургѣ. Тамъ директоръ, будучи самъ членомъ приказа по уставу, своимъ личнымъ участіемъ и вліяніемъ, можетъ гораздо больше принести пользы училищу, чѣмъ на значительномъ разстояніи отъ Уфы—въ Оренбурѣ, сносясь съ приказомъ только бумагами. У визитаторовъ не было большихъ полномочій. Протопопову ничего не оставалось какъ подать просьбу объ отставкѣ, что онъ и сдѣлалъ, ссылаясь на разстройство своей жизни, здоровья и самыхъ душевныхъ силъ. Онъ настаивалъ, чтобъ приняты были отъ него бумаги и данъ былъ видъ на выѣздъ. Визитаторы могли только представить объ его увольненіи попечителю, но, принимая во вниманіе совершенную невозможность оставаться ему на мѣстѣ директора, поручили исправлять его должность старшему учителю Меденикову.

Столь же удовлетворительно исполнили визитаторы и вторую часть возложеннаго на нихъ порученія: осмотръ прочихъ оренбургскихъ училищъ, не смотря на чрезвычайныя трудности путешествія осенью по проселочнымъ дорогамъ. Въ первомъ городѣ Оренбургской губерніи, въ Бугульмѣ, не было училища, но они нашли жителей, желавшихъ чтобъ у нихъ заведено было уѣздное училище, а бугульминскій гость, Льговскій второй гильдіи купецъ Оводовъ вызвался на свой счетъ или построить новый для училища домъ, или купить готовый, хотя бы это стоило ему до двухъ тысячъ. Съ нимъ вмѣстѣ они осмотрѣли два дома, выбрали одинъ

и дали Оводову письменное наставленіе какъ привести въ исполненіе его намѣреніе, сдѣлавъ необходимыя для училища пристройки. Въ Бугурусланѣ тоже еще не было училища и визитаторы проѣхали мимо, остановившись въ имѣніи гвардіи прапорщика Куроѣдова. Этотъ помѣщикъ изъявилъ имъ желаніе устроить училище въ Бугурусланѣ, а такъ какъ визитаторы проѣздомъ находили расположеніе къ этому дѣлу и у другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, то считая Куроѣдова выразителемъ общаго желанія, дали и ему наставленіе на бумагѣ, въ особенности потому, что онъ самъ вызывался говорить и съ предводителемъ уѣзда, и съ другими дворянами, и съ извѣстнымъ уже своими пожертвованіями для оренбургскихъ училищъ Тоузаковымъ. Черезъ два дни они пріѣхали въ Бузулукъ и прежде всего произвели экзаменъ учениковъ въ маломъ народномъ училищѣ. Домъ, гдѣ оно помѣщалось, и по наружному виду, и по тѣснотѣ помѣщенія, „почесть не только не можно домомъ училища, но ниже пристойною почти мѣсту воспитанія квартирою“—пишутъ визитаторы. Но смотритель училища, маіоръ Просвиркинъ, увѣрилъ ихъ, что имѣетъ надежду согласить нѣкоторыхъ дворянъ и обывателей города къ постройкѣ особаго для училища дома и потому они ходили съ нимъ осматривать мѣсто, гдѣ предполагалась постройка. Съ своей стороны визитаторы писали губернатору, чтобы мѣсто это, удобное во всѣхъ отношеніяхъ, не было занято какимъ либо частнымъ лицомъ. Относительно ученія и внутренняго порядка въ училищѣ визитаторы остались совершенно довольны и рекомендовали учителя Адоратскаго особенному вниманію попечителя.

Пребываніе визитаторовъ въ Оренбургѣ продолжалось мѣсяцъ. Выѣхавъ оттуда 22 октября, они остановились сначала въ большой татарской слободѣ Каргали или Сеитово, въ 18 верстахъ отъ Оренбурга гдѣ осматривали татарскія училища. Каргали въ то время, по числу жителей, равнялась Оренбургу. Здѣсь было много богатыхъ купцовъ татарскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали и къ первой и ко второй гильдіи, тогда какъ въ Оренбургѣ такихъ не было. Въ Каргаляхъ было семь каменныхъ мечетей „весьма великолѣпныхъ“ и двѣ деревянныхъ. При каждой мечети было по училищу; эти училища заведены были лѣтъ тридцать тому назадъ. Поразило визитаторовъ, при осмотрѣ этихъ

училищъ, и хорошее устройство ихъ, и множество учащихся (во всѣхъ училищахъ было ихъ болѣе 500), понравились и учителя, разные почтенные ахуны и муллы, учившіеся по большей части въ средоточіи тогдашней средне-азіатской мусульманской науки—въ Бухарѣ, а одинъ былъ даже изъ Багдада. Въ училищѣ при соборной мечети, помѣщавшемся въ каменномъ домѣ, визитаторы видѣли учениковъ изъ Хивы, Бухары и другихъ азіатскихъ княжествъ. Они входили въ подробности преподаванія, въ содержаніе и объемъ его; къ восточнымъ рукописнымъ книгамъ они относились съ большимъ почтеніемъ. „Ученый, разобравъ таковыя книги, нашелъ бы можетъ быть многое полезное для учености, тѣмъ болѣе, что онѣ по большей части получаются изъ Бухаріи",—пишутъ они. Это цвѣтущее состояніе каргалинскихъ училищъ особенно бросалось въ глаза при сравненіи съ тѣмъ, что визитаторы только что оставили въ Оренбургѣ. Тамъ, въ главномъ народномъ училищѣ, въ 4-мъ, т. е. въ высшемъ классѣ, совсѣмъ не было учениковъ, а въ 3-мъ классѣ было всего шесть. Конечно такой неуспѣхъ слѣдуетъ приписать директорству Протопопова, но „большаго числа учащихся, кажется, и быть не можетъ, замѣчаютъ визитаторы, ибо жители Оренбурга, бывъ люди военные и на время пребывающіе, либо по холостой жизни не имѣютъ дѣтей (?), либо нижніе чины отдаютъ дѣтей въ военно-сиротское отдѣленіе, татары имѣютъ свое училище, жителей, даже и въ уѣздѣ не много, въ городѣ мѣщанъ весьма малое количество, да и купцы многіе пребываютъ временно". Только одно изъ каргалинскихъ училищъ, именно для образованія киргизскихъ муллъ, находилось въ очень жалкомъ видѣ (въ немъ было всего 10 учениковъ и „внутренность его нашлась очень нечистою)", но это происходило отъ того, что училище находилось въ вѣдѣніи Оренбургской пограничной коммиссіи, отъ которой и учитель получалъ жалованье.

Въ Уфу, куда лежалъ теперь путь визитаторовъ, они получили къ тамошнему губернатору предписаніе князя Волконскаго, пріемомъ котораго и любезностями не нахвалятся (генералъ-губернаторъ приглашалъ даже жить ихъ въ своемъ домѣ). Это предписаніе, „довольно выразительное", по ихъ словамъ, состояло въ томъ, чтобъ губернаторъ оказывалъ визитаторамъ всякое пособіе и „исполнялъ по дѣламъ училищъ должное точнѣйшимъ образомъ". Въ Уфу пріѣхали они 25 октября. „Весьма

худая дорога, погода—смѣсь лѣтней, осенней и зимней, начинавшіеся бураны и неустановленіе рѣкъ, особливо Бѣлой, принудившей на открытомъ берегу дожидаться нѣсколько времени и потомъ переправляться съ опасностью, разстроили здоровье обоихъ, особливо одного (Запольскаго) весьма много"—пишутъ въ своемъ донесеніи къ попечителю визитаторы. Изъ отчета, поданнаго учителями видно, что въ уфимскомъ маломъ народномъ училищѣ (изъ двухъ классовъ) было 78 учениковъ, 60 въ первомъ и 18 во второмъ), но въ прежніе годы было ихъ значительно больше. Все это были дѣти купцовъ, мѣщанъ, солдатъ, дворовыхъ людей. Смотритель—„мѣщанинъ безъ всякихъ познаній, даже безъ свѣдѣнія читать и писать, однакоже человѣкъ ревностный"; учителями визитаторы остались вполнѣ довольны, но „претерпѣваемые недостатки лишили ихъ способовъ и времени усовершенствовать себя болѣе". Визитаторы ходатайствовали о необходимости прибавки къ ихъ скудному содержанію (210 и 120 р. въ годъ). Деревянный училищный домъ (въ немъ помѣщалась до училища богадѣльня и въ него только недавно перешло училище, а прежній, очень хорошій домъ, принадлежащій приказу, занятъ былъ губернаторомъ) развалился совершенно и потому съ 1 октября ученіе было прекращено и визитаторы никакъ не могли произвести экзамена ученикамъ. Послѣдніе впрочемъ привѣтствовали ихъ рѣчами, выученными на случай пріѣзда. О состояніи училищнаго дома было представляемо губернатору еще въ іюлѣ мѣсяцѣ и онъ два раза приказывалъ починить его, *хотя бы кой-какъ*, но архитекторъ и городничій оба раза доносили ему, что починка дома уже никакъ невозможна.

Представлялись визитаторы и гражданскому губернатору въ Уфѣ, съ письмомъ отъ князя Волконскаго. Онъ обѣщалъ конечно, что все, что зависитъ отъ него или отъ приказа, будетъ исполнено, что онъ уже назначилъ домъ для помѣщенія училища („который однакожъ почти также неудобенъ и ветхъ и неудѣланъ, и клонится къ паденію, какъ настоящій"—замѣчаютъ визитаторы). Бесѣдуя съ ними, губернаторъ сказалъ между прочимъ, что директоръ училищъ состоитъ подъ его начальствомъ. „На это мы учтиво отвѣчали ему, пишутъ визитаторы, отклоняя отъ сей мысли, что Его Императорскому Величеству благоугодно было для управленія училищами составить министерство народнаго просвѣщенія,

и в. п., послѣ господина министра, какъ попечитель Казанскаго университета и учебнаго его округа, есть высшій его и нашъ начальникъ, а какъ у подчиненнаго можетъ быть только одинъ начальникъ, то и единственный".—Но я, продолжалъ онъ, выдавая деньги на содержаніе училища и требуя въ ихъ издержкахъ отчета, неужели только расходчикъ, коимъ быть никакъ не соглашусь?—По крайней мѣрѣ въ прочихъ мѣстахъ, отвѣчали мы, гг. губернаторы не завѣдываютъ частей министерства народнаго просвѣщенія". Между прочимъ, въ разговорѣ съ визитаторами, губернаторъ сказалъ имъ: „якобы Государь Императоръ, между всѣми богоугодными заведеніями приказа, училища соизволяетъ почитать въ числѣ послѣднихъ". Вообще, по словамъ визитаторовъ, пріемъ у губернатора былъ хотя и хорошъ, „но далеко не столь благосклоненъ, какъ у Его С-ства князя Г. С. Волконскаго, который многократно съ отличнымъ уваженіемъ отзывался о начальствѣ министерства народнаго просвѣщенія, особливо о Его С-ствѣ графѣ П. В. Завадовскомъ, какъ своемъ другѣ, и о в. п., также и о народномъ просвѣщеніи, да и на самомъ дѣлѣ показалъ ревность свою къ оному, отдавая, по его словамъ, 40,000 рублей на устроеніе въ Оренбургѣ для азійскихъ племенъ Неплюевскаго училища".

Въ Уфѣ визитаторы развѣдывали также о расположеніи жителей къ устройству гимназіи. Губернаторъ (онъ былъ только что назначенъ) говорилъ, что по недавнему пребыванію на мѣстѣ, не можетъ ничего сказать опредѣленнаго, но не думаетъ, чтобы дворянство могло дать большое пособіе на гимназію. Губернскій же предводитель говорилъ другое. Въ губерніи было много бѣдныхъ дворянъ, для которыхъ воспитаніе дѣтей вдали отъ родины чрезвычайно затруднительно. Цѣль правительства въ то время, когда заводились вездѣ гимназіи и училища, была заохотить къ пожертвованіямъ на просвѣщеніе, особенно дворянство, какъ передовое, болѣе образованное, и въ то время наиболѣе состоятельное сословіе, а потому визитаторы вступили по этому поводу въ подробные переговоры съ губернскимъ предводителемъ (имъ былъ тогда коллежскій ассесоръ Савва Осоргинъ, „достаточный дворянинъ и уважаемый своимъ сословіемъ, человѣкъ съ немалыми свѣдѣніями, повидимому желающій отличить себя и способный для сего дѣла"). При гимназіи, по уставу училищъ, необходимо было открыть и

уѣздное училище, содержимое на счетъ городскихъ суммъ. На все это, какъ на постройку домовъ, такъ и на содержаніе нужны были довольно значительныя средства. Между тѣмъ въ приказѣ не было и 100,000 капитала, а городъ получалъ ничтожные доходы. Привлечь дворянство и богатыхъ уфимскихъ заводчиковъ было необходимостью, и визитаторы взяли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, „желая, какъ они выражаются, поставить его на прочныя основанія". Съ этою цѣлью они и начали переговоры съ Осоргинымъ. „Впрочемъ, говорятъ они, въ самомъ началѣ нельзя полагать, чтобы дворяне въ большомъ количествѣ отдали въ гимназію и училище дѣтей своихъ: для сего потребны примѣры и обыкновенія". Сношенія съ предводителемъ продолжались однако не долго: онъ торопился на рекрутскій наборъ въ Челябу и просилъ писать ему туда. Донося объ этомъ попечителю, визитаторы спрашивали попечителя: приступать ли къ перепискѣ или оставить дѣло до другаго времени, напр.' до устройства университета, когда онъ приметъ въ вѣдѣніе свое училища, „а государственныя сословія между тѣмъ почувствуютъ большую нужду въ просвѣщеніи". Изъ словъ предводителя однако можно было заключить, что дворянство охотно будетъ жертвовать на гимназію, что уже собирается сумма въ 10,000 рублей на постройку дома и будетъ собрана въ теченіе трехъ лѣтъ. Кромѣ того дворянство желало бы на гимназію же употребить такую же сумму, собранную прежде на военное дворянское училище въ Казани, которая остается безъ всякаго употребленія по сіе время.

За болѣзнью Запольскаго, одинъ только Кондыревъ посѣтилъ существовавшій тогда въ Уфѣ пансіонъ Понса, гдѣ произвелъ испытаніе. Этотъ Понсъ былъ 64-лѣтній старикъ, французскій аббатъ, но женатый, тоже на иностранкѣ, знающей нѣсколько языковъ; при нихъ сынъ 24 лѣтъ. Вся семья жила въ Россіи около 25 лѣтъ и жена и сынъ вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ. Пансіонъ былъ очень бѣденъ, плата за ученье весьма незначительная, а учениковъ, во время осмотра, было только 11, изъ которыхъ три женскаго пола. Курса никогда и никто не оканчивалъ. Учитъ вся семья, только катихизису посторонній преподаватель. Кондыревъ счелъ нужнымъ дать нѣкоторыя наставленія Понсу. Всѣ они клонились къ расширенію преподаванія.

Оставивъ въ Уфѣ больнаго товарища, Кондыревъ одинъ выѣхалъ въ Мензелинскъ для осмотра послѣдняго училища оренбургской дирекціи. Здѣсь онъ слушалъ привѣтственныя рѣчи учениковъ, испытывалъ ихъ, былъ на урокахъ учителя. Учащіеся отличились особенно въ знаніи учебника „О должностяхъ человѣка и гражданина", но и вообще успѣхи ихъ Кондыревъ нашелъ весьма удовлетворительными. Въ домѣ училища была чистота; ученики прилично одѣты и вели себя скромно. Но съ помѣщеніемъ училища таже исторія, что и вездѣ. Домъ былъ и новъ и удобенъ, но подъ нимъ находился винный погребъ, служащій фундаментомъ дому; стѣны погреба или сгнили или гніютъ, бревна вываливаются и домъ осѣдаетъ и грозитъ паденіемъ, такъ что и подпорки не помогаютъ. Два предписанія о поправкахъ были сдѣланы губернаторомъ городничему и исправнику, но къ исправленію и не приступали. Визитаторъ представилъ приказу общественнаго призрѣнія о необходимости перебрать домъ училища и перенести его на другое мѣсто. Въ училищѣ было 16 учениковъ — въ первомъ классѣ и 59 — во второмъ. Училище города Мензелинска совершенно походило на сельскую школу. Всѣ ученики были дѣти солдатъ или крестьянъ разнаго рода, въ томъ числѣ вотяки, черемисы и татары. Поступали въ училище совершенно безграмотные и лѣтомъ отвлекались сельскими работами. Любопытно, что татары тогда (не то что теперь, когда имъ даютъ средства не ходить въ русскія училища) охотно учились въ училищѣ, больше узнавали и, по словамъ визитатора, были „особенно остры и понятны". Онъ приводитъ примѣръ одного татарина, который „назадъ тому мѣсяцъ, самъ собою явившись къ учителю, и прося его обучить себя, успѣлъ въ сіе время пройти букварь и нѣсколько читать". И катихизису даже учили ихъ, но визитаторъ „находя сіе для татаръ, по основаніямъ правительства, въ разсужденіи исповѣданія вѣръ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что симъ многіе прочіе удержатся отдавать дѣтей своихъ въ училище, предложилъ словесно учителю отъ сего уклоняться".—Наконецъ Кондыревъ помирилъ довольно давно уже находившихся въ ссорѣ смотрителя съ учителемъ.

Не преминулъ Кондыревъ, проѣздомъ чрезъ Чистополь, „изъ единаго искренняго желанія споспѣшествовать ревнію ко благу общему своего начальства", осмотрѣть и училище

рода, хотя это и выходило изъ рамокъ поруче... ылъ наемный и нанимался у городскаго головы Плав... но помѣщеніе было удобно. Учениковъ въ двухъ клас- было гораздо меньше, чѣмъ въ бѣднѣйшемъ, скорѣе по- эмъ на селеніе, Мензелинскѣ,—только 19. Учитель объ- ялъ, что это происходитъ отъ существованія пяти част- хъ училищъ въ городѣ, гдѣ учится до 50 человѣкъ и „сіе роятно отъ раскола въ вѣрѣ“.

Запольской, поправившись, нѣсколькими часами опередилъ товарища и оба воротились въ Казань 8 ноября.

Университетскія визитаціи, какъ было уже сказано, поднимая нравственнымъ и духовнымъ образомъ тогдашнихъ учителей, разбросанныхъ вдали отъ всякихъ центровъ умственной жизни, въ глухихъ и печальныхъ городахъ и городишкахъ, желали служить также и наукѣ. Еще въ началѣ 1807 годъ адъюнктъ физики Запольской предложилъ въ совѣтѣ о необходимости дѣлать *метеорологическія наблюденія* и пріучать къ нимъ студентовъ. Впослѣдствіи времени, съ 1811 года, эти наблюденія стали печататься въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“. Въ званіи визитатора, онъ и Кондыревъ дали Оренбургскому главному народному училищу подробное наставленіе и образецъ какъ вести метеорологическія наблюденія. Они возлагались преимущественно на учителей главныхъ училищъ, но главныя училища обязаны были съ своей стороны сообщить данныя имъ наставленія и въ малыя народныя училища. Къ метеорологіи визитаторы сдѣлали разныя прибавленія, выражавшія желаніе получить самыя разнообразныя свѣдѣнія: 1) *географическія*, куда входили описанія городовъ, примѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ губерніи или уѣздѣ, рѣкъ, озеръ, горъ, пещеръ, лѣсовъ и проч.; 2) *историческія*, гдѣ между свѣдѣніями о перемѣнахъ, произшедшихъ въ губерніи или уѣздѣ, предлагалось записывать народныя сказанія, случающіяся произшествія между народомъ, которыя могли бы показывать образъ его мыслей или быть вообще достопримѣчательными, переселенія въ губернію и изъ нея. Наконецъ 3) свѣдѣнія *статистическія*, гдѣ изложены подробн... самыя разнообразныя требованія, касающіяся землѣдѣлія, пр... мысловъ, ремеслъ и вообще всей народной жизни, во все... ея объемѣ. При этомъ наставленіе рекомендовало набл... дямъ „всему изыскивать причины“. — Къ общимъ на... визитаторы присоединяли собственно для Оре...

скаго главнаго училища, поставленнаго въ особыя условія, желаніе получить и *мѣстныя* свѣдѣнія, возможныя только въ Оренбургѣ, напр. о киргизахъ: происшествія у нихъ, описаніе избранія хана и его дѣйствій какъ правителя, замѣчательныя хищничества у киргизовъ и пр., или событія и перемѣны въ войскѣ уральскихъ казаковъ, въ сосѣднихъ азіатскихъ государствахъ и. т. п. Нельзя не согласиться, что въ то время, при ничтожной подготовленности учителей вообще, при несуществованіи сколько нибудь доступной для нихъ научной литературы, при дороговизнѣ книгъ, при недостаткѣ вообще чтенія, такое общеніе съ университетомъ, такія задачи съ его стороны должны были невольно возбуждать въ учителяхъ любознательность, держать ихъ сколько нибудь въ сферѣ умственныхъ интересовъ, совершенно чуждыхъ и незнакомыхъ для окружающей ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилось въ наставленіи, „успѣшное и должное исполненіе сказаннаго отличаетъ уже всякаго чиновника и будетъ рекомендовать его ревностнымъ и искуснымъ исполнителемъ постановленій правительства".

Попечитель остался чрезвычайно доволенъ визитаторами. Онъ благодарилъ ихъ двумя весьма любезными письмами, а въ предложеніи совѣту о визитаціи сдѣлалъ очень лестный отзывъ. Оренбургскій генералъ-губернаторъ, съ своей стороны, оффиціально писалъ къ попечителю о томъ, съ какою „неутомимою бдительностью" они входили во всѣ части училищнаго управленія, о ихъ „благоразумномъ обращеніи", говорилъ, что тотчасъ послѣ ихъ отъѣзда оренбургскія училища „приняли совсѣмъ другой видъ" и заключалъ свою бумагу заявленіемъ, что „сіи гг. визитаторы, и въ особенности г. Запольской, дѣлаютъ честь и своему начальству и ученому сословію".

Глава IX.

Литературная дѣятельность при университетѣ. — Общество любителей россійской словесности. — Начало періодической литературы въ Казани. — Цензура.

Для желаемой нами полноты картины старой университетской жизни въ Казани, намъ остается еще говорить о *литературной производительности* описываемаго нами времени, которую естественно ожидать при университетѣ, какъ центрѣ умственной жизни обширнаго края. При немъ понятно должна была образоваться, конечно не вдругъ, умственная атмосфера съ духовными интересами, стоящими выше партій и разныхъ треволненій университетской жизни. Всего естественнѣе и скорѣе слѣдовало бы ожидать этой производительности отъ нѣмецкихъ профессоровъ. Для нихъ она была привычнымъ дѣломъ; вѣковое развитіе научной дѣятельности въ Европѣ, результаты котораго усвоивались ими какъ бы независимо отъ ихъ воли, давались сами собою путемъ преемственности, представляло имъ бóльшую возможность быть производительными, чѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, совершенно не привыкшимъ къ научной дѣятельности и бравшимъ свои знанія случайно, такъ сказать съ вѣтра. Притомъ каждаго русскаго ученаго, если въ немъ былъ талантъ и дѣйствительное, не призрачное стремленіе къ знанію и наукѣ, должна была подавлять масса изучаемаго, парализовать

его собственное творчество. Но иностранцы въ Казани были разобщены съ своею родиною и значительными пространствами, и медленностью и дороговизною даже почтовыхъ сообщеній. Добыть новую заграничную книгу научнаго содержанія было во сто разъ затруднительнѣе тогда въ Казани, чѣмъ теперь. Удаленные отъ пособій и источниковъ научнаго труда, лишенные того наполняющаго бодростью умъ воздуха, который образуется около нѣсколькихъ людей, одинаково настроенныхъ и къ одной цѣли стремящихся, иностранные профессоры, чтобы не разорвать своихъ связей съ наукою, если въ нихъ были жизненныя силы, должны были бѣжать изъ Казани. Лучшіе изъ нихъ такъ и сдѣлали; нѣкоторые, какъ напримѣръ Фуксъ, предпочли практическую сторону дѣятельности, умѣли приспособиться къ новымъ условіямъ и приносить по возможности пользу, другіе же, ординарные захирѣли, зачахли умственно, запили въ Казани. Все это сознавали и сами они. Прежде всего университетская библіотека не давала имъ вовсе средствъ для такой умственной работы, къ какой привыкли они дома. Потемкинское собраніе книгъ, о которомъ мы говорили, составилось случайно; при ихъ собираніи конечно не имѣлось въ виду вовсе научныхъ цѣлей; библіотека лейбъ-медика Франка состояла исключительно изъ медицинскихъ книгъ, и притомъ тогда уже устарѣвшихъ, такъ какъ ни въ одной области знанія такъ быстро не старѣютъ теоріи и книги, какъ въ медицинѣ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ иностранныхъ профессоровъ: „Библіотека совершенно недостаточна для потребностей здѣшнихъ профессоровъ, а имъ настоящая, полная университетская библіотека тѣмъ желательнѣе должна быть, чѣмъ незначительнѣе бываетъ обыкновенно число литературныхъ пособій, которыя въ состояніи, по дальности пути, привезти съ собою ѣдущій изъ за границы ученый. И отпускаемая сумма въ количествѣ 1000 р., которая не была еще ни разу издержана вся, вовсе недостаточна для пріобрѣтенія книгъ и пополненія ими библіотеки, у которой до того много пробѣловъ, что часто цѣлая область знанія (ein Fach) представляется пробѣломъ. Транспортъ книгъ, по отдаленности Казани отъ границы, соединенъ съ величайшими затрудненіями“ (¹). Это обстоятельство для нѣмецкаго профессора, привыкшаго вла-

---

(¹) Intelligenz-Blatt der Jen. Lit. Zeit. 1808. N. 48, S. 394—395.

дѣть полною литературою предмета, составляло главное препятствіе. Но были и другія. „Университетъ не представилъ еще ни программъ (обозрѣній преподаванія), ни диссертацій, ни рѣчей. Послѣднія правда иногда и произносились, но не могли быть напечатаны, такъ какъ университетъ не имѣлъ латинскаго шрифта. Правда есть у него русская типографія, но нѣмецкіе профессора не могутъ ею пользоваться, сообщать же плоды своихъ досуговъ нѣмецкой публикѣ посредствомъ нѣмецкаго типографскаго станка сопряжено, по причинѣ отдаленности, съ чрезвычайными затрудненіями, что нѣкоторые и испытали на себѣ (напр. проф. Вуттигъ и проф. Реннеръ; послѣдній печаталъ свои Disquisitiones ad calculam integralem functionum finitarum spectantes—въ Митавѣ). Кромѣ того другія препятствія представляетъ недостатокъ литературныхъ пособій. Такимъ образомъ прилежный нѣмецкій ученый на Западѣ можетъ объяснить себѣ, почему его братья на Востокѣ такъ непохожи на него и такъ измѣнились, что люди, извѣстные въ Германіи своею литературою дѣятельностью, здѣсь кажется совершенно должны отказаться отъ авторства, какъ напр. между другими, профессоръ римской литературы Германъ, который продолжаетъ однакоже и здѣсь въ тишинѣ свои миѳологическія излѣдованія. И, если Френъ, сочиняя свою книжку по куфической нумизматикѣ, напечатанную имъ въ Казани вскорѣ по пріѣздѣ, прибѣгнулъ къ арабскому языку, то слѣдовать его примѣру можетъ конечно не всякій, да и онъ самъ почувствовалъ все неудобство своей попытки и отложилъ продолженіе труда до полученія университетомъ латинскаго шрифта. Другаго рода неудобства являются тому, кто вздумалъ бы перевести свой трудъ на русскій языкъ. Надѣются однако, когда придутъ латинскіе шрифты, образовать въ Казани общество, которое могло бы въ собственномъ журналѣ сообщать заграничной публикѣ плоды того уединеннаго досуга, въ которомъ живетъ здѣсь ученый“ (1).

Но это не исполнилось. Въ ту пору очень немногіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ, въ бытность свою въ Казани, писали что нибудь, а переводы ихъ учебниковъ и другихъ болѣе спеціальныхъ трудовъ, едва-ли могли достигнуть цѣли:

---

(1) Тотъ же Intelligenz-Blatt, 1811, N. 80, S. 634 — 635.

для русской публики, для студентовъ даже, они не годились. Общество нѣмецкихъ профессоровъ составляло отдѣльный міръ и вовсе не смѣшивалось съ русскими; даже молодые люди изъ русскихъ не сходились съ нѣмцами и послѣднимъ совершенно незнакомы были требованія и желанія русскаго общества; какъ же могли они писать и печатать для него, хотя бы и нашлись переводчики? Тутъ конечно не было ничего похожаго на національную вражду; люди расходились потому, что не имѣли ничего общаго между собою. Сначала еще было что-то похожее на сближеніе, конечно на нейтральной почвѣ, гдѣ могли соединяться всѣ. „Вчера всѣ члены университета, сообщаетъ Яковкинъ попечителю, кушали именинный пирогъ и препровели потомъ въ Тенишевскомъ саду весь день: весьма любопытно и даже пріятно было смотрѣть на сосѣдающихъ, глаголющихъ по апостольски, разными языки и совокупившихся въ Казани“ (21 іюля, 1808). Потомъ борьба изъ за идеи университетскаго самоуправленія, особенно дорогаго для иностранныхъ профессоровъ, борьба съ невыносимымъ самовластіемъ Яковкина разъединила людей. Въ 1810 году нѣмецкіе профессора стали собираться по вечерамъ въ положенные дни у учителя музыки въ гимназіи Неймана, у котораго для того было удобное помѣщеніе. Эти собранія были „eine einfache Thee und Spielgesellschaft“, какъ говоритъ о нихъ Литтровъ, и скоро прекратились. Яковкинъ, самъ дозволившій эти собранія, послѣ совѣтскихъ засѣданій этого года, гдѣ онъ потерпѣлъ пораженіе при выборѣ въ ректоры, сталъ высказывать различныя подозрѣнія на счетъ этихъ собраній, дѣлалъ формальный и строгій допросъ бѣдному учителю, напрасно ссылавшемуся на его собственное дозволеніе и доказывавшему всю невинность собраній, сталъ говорить вездѣ о тайныхъ сборищахъ подозрительныхъ иностранцевъ и наконецъ сдѣлалъ доносъ попечителю. Попечитель писалъ уже въ предложеніи совѣту, что на квартирѣ учителя Неймана „примѣчены по вечерамъ собранія изъ разныхъ лицъ, занимающихся игрою въ карты, музыкою и тому подобнымъ, похожія на клубъ“, что онъ считаетъ все это неприличнымъ ученому мѣсту и запрещаетъ собранія подъ страхомъ отказа учителю отъ казенной квартиры. Даже выписка нѣмецкой газеты, къ которой привыкли нѣмецкіе профессора, не нравится Яковкину: „На выписку Гамбургскаго Корреспондента, пишетъ онъ по-

печителю (28 ноября, 1811 г.) настояли особенно гг. иностранцы, хотя онъ, по невѣрности своей для русскихъ и гроша не стоитъ, какъ и гармонирующая съ нимъ своимъ ложнымъ жужжаніемъ Сѣверная Пчела“.

Въ годъ нашествія на Россію двунадесяти языковъ было особенно много непріятностей для иностранныхъ профессоровъ въ Казани, какъ и вообще для всѣхъ иностранцевъ въ Россіи, хотя бы и обжившихся въ ней. Въ засѣданіи совѣта 24 іюля этого года было заслушано въ предложеніи попечителя Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы *сдѣлать разборъ* всѣхъ вообще иностранцевъ, живущихъ въ предѣлахъ имперіи, какъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ. Въ губерніи должны быть оставлены на мѣстѣ жительства только тѣ иностранцы „въ благонадежности коихъ начальникъ оной совершенно увѣренъ и пріемлетъ на себя точную отвѣтственность въ томъ, что они ни внушеніями личными, ни перепискою или другими какими либо сношеніями не могутъ подавать повода къ нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути порядка россійскихъ подданныхъ“. Что касается до тѣхъ иностранцевъ, которые находятся на службѣ, „то взять свидѣтельства *отъ ихъ начальниковъ* въ тѣхъ же отношеніяхъ, кои выше означены“. Свидѣтельства эти должны быть представлены въ министерство полиціи съ замѣчаніями начальниковъ губерніи. Неблагонадежные высылались въ разные города по усмотрѣнію того же министерства. Понятно какое дѣйствіе должно было произвести въ совѣтѣ Казанскаго университета чтеніе этой высочайшей воли, вызванной тогдашними трудными обстоятельствами. Яковкинъ торжествовалъ. „Какимъ голосомъ, съ какими глазами, прочелъ онъ намъ эту бумагу, пишетъ Литтровъ 12 сент. 1812 года къ Фуссу, тогдашнему непремѣнному секретарю С.-Петербургской Академіи Наукъ. Кто-то изъ насъ, не вполнѣ понявшій предложеніе, спросилъ: неужели весь совѣтъ долженъ ручаться? — „Не совѣтъ, закричалъ онъ: „Я, директоръ!“ Если бы живъ былъ попечитель, то намъ нечего было бы опасаться въ этомъ случаѣ, но именно эта смерть, которая отнимаетъ силу у Яковкина, заставляетъ его бѣситься вдвойнѣ.... Онъ долженъ за насъ ручаться! что ему стоитъ не поручиться, чтобы погубить насъ“ и пр. (¹).

(¹) J. J. Littrow's, Vermischte Schriften. Dritter Band. S. 575.

Таковы были причины, которыя мѣшали ученой и литературной дѣятельности нѣмецкихъ профессоровъ Начало же русской литературной дѣятельности и періодической литературы въ Казани обыкновенно связываютъ неразрывно съ *Обществомъ любителей отечественной словесности.* Не думаемъ, чтобъ ему можно было приписать такое значеніе. Исторія этого общества и его дѣятельность вообще малоизвѣстны и то только по наслышкѣ (¹). Въ послѣднее время, по незнанію, стали даже распространяться преувеличенныя представленія о немъ. Мы постараемся передать по документамъ точныя свѣдѣнія объ исторіи этого общества за первый періодъ времени его существованія, къ которому относится нашъ разсказъ, т. е. до 1814 года, когда вмѣстѣ съ открытіемъ въ полномъ видѣ университета утвержденъ и уставъ общества.

Послѣ предварительныхъ домашнихъ совѣщаній, гдѣ руководящую роль игралъ извѣстный уже намъ учитель Ибрагимовъ, собственно при Казанской гимназіи образовалось *Общество вольныхъ упражненій въ россійской словесности* (таково было его первоначальное названіе). Это было „домашнее“ общество, по словамъ Яковкина. Первыхъ членовъ было пять: Николай Ибрагимовъ, Александръ Васильевъ, Данило Богдановъ (всѣ трое учители русскаго языка и словесности въ гимназіи), и два студента: Василій Перевощиковъ и Петръ Кондыревъ. Уставъ или *положеніе* этого общества, имѣвшее силу нѣкоторое время, было составлено ранѣе и утверждено подписями первыхъ пяти членовъ, такъ что общество, открывая свое *первое* засѣданіе 23 апрѣля 1806 года, въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера, уже дѣйствовало на основаніи своего положенія. Оно состояло изъ слѣдующихъ 11 статей (намъ кажется, что будетъ любопытно ихъ привести, чтобъ показать цѣль и содержаніе „упражненій“):

1) Цѣль составленія сего общества есть ревностное желаніе членовъ его усовершенствовать себя въ литературѣ, но отнюдь не славолюбіе удивлять публику своими первыми

(¹) См. статью *Н. А. Попова* «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, съ 1805 по 1834 годъ». *Русск. Вѣстн.* 1859 г. т. XXIII стр. 52—98. Авторъ не имѣлъ подъ рукою подлинныхъ протоколовъ общества. То, что мы сообщаемъ о дѣятельности этого общества (1806—1814), относится къ стр. 57—58 статьи.

умопроизведеніями. По крайней мѣрѣ до *времени труды ихъ остаются неизвѣстными свѣту.*

2) Всякъ можетъ быть членомъ общества, кто *покажетъ нѣкоторые опыты въ сочиненіяхъ и переводахъ. Общество полагаетъ свою славу не столько во множествѣ членовъ, сколько въ достоинствѣ каждаго.*

3) Члены общества, какъ и всѣ люди, могутъ имѣть дарованія и свѣдѣнія въ различной степени; но отличность котораго нибудь да послужитъ въ пользу прочихъ. Быть лучше всѣхъ есть лестное право всякому помогать.

4) Упражненіями членовъ могутъ быть, по произволу и способности каждаго, сочиненія, переводы и разборъ піесъ постороннихъ.

5) Подаваемыя *упражненія прочитываются всѣми членами* въ засѣданіяхъ, потомъ каждымъ особенно у себя, и наконецъ цѣнятся по общему приговору.

6) Цензура или разборъ упражненій должна быть дружескимъ совѣщаніемъ и не имѣть ничего общаго съ сатирою и насмѣшкою. Можно даже иногда уступить автору, въ чемъ онъ настоитъ сильно; ибо всякій понимаетъ себя больше, нежели другіе его.

7) Труды членовъ вносятся въ журналъ собранія трудовъ собственною рукою сочинителя или переводчика, съ подписаніемъ имени и времени.

8) Члены общества *собираются въ недѣлю* по крайней мѣрѣ *одинъ разъ*, именно *по понедѣльникамъ*, въ 6 часовъ по полудни.

9) Сочиненія и переводы, сколько бы они важны ни были, *должно представлять въ срокъ*, хотя по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ по частямъ.

10) Общество сосредоточивается въ одномъ членѣ—*первомъ*. Онъ наблюдаетъ порядокъ теченія дѣлъ, имѣя въ помощь себѣ кандидата или *втораго* члена и *секретаря*, который подаетъ ему входящія бумаги для пріуготовленія ихъ къ общему разбору и записываетъ въ особенный журналъ текущихъ дѣлъ. Всякое дѣлопроизводство подписывается каждымъ членомъ.

11) Всякій членъ отвѣчаетъ за отсутствіе или за невыполненіе всего возложеннаго на него обществомъ, кромѣ необходимости. Особенно обязывается наблюдать все узако-

ненное въ семъ положеніи и впредь имѣющія быть какія либо правила, въ чемъ и долженъ подписываться.

Таково было простое первоначальное устройство этого общества, имѣвшаго цѣлью усовершенствованіе членовъ въ литературѣ, т. е. въ томъ родѣ умственныхъ занятій и пожалуй—наслажденія, который единственно былъ возможенъ и доступенъ тогда. Замѣчательно, что финансовая сторона, т. е. сборъ съ членовъ, составляющая больное мѣсто позднѣйшихъ обществъ, совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ ничего внѣшняго и никакой торжественности. Нѣкоторыя статьи положенія, напр. первая и вторая таковы, что ихъ слѣдовало бы зарубить себѣ на память инымъ современнымъ обществамъ, гдѣ очень часто можно видѣть членовъ, собранныхъ по поговоркѣ „кто съ борку, кто съ сосенки", ничего не написавшихъ по содержанію занятій общества и ровно ничего общаго не имѣющихъ съ цѣлями и задачами общества, кромѣ такъ называемаго сочувствія, ни къ чему не обязывающаго. Видно, что молодые люди собрались съ искреннимъ влеченіемъ къ любимому дѣлу. Въ первомъ же засѣданіи читано было письмо студента Порфирія Безобразова о принятіи его въ общество: „сіе уважено съ условіемъ, дабы проситель написалъ къ слѣдующему разу какую либо піесу" и онъ представилъ „Отрывокъ". Въ день перваго же засѣданія, Ибрагимовъ отъ лица общества вошелъ къ директору съ рапортомъ, представляя положеніе и прося его начальническаго соизволенія и покровительства. Общество собиралось каждый понедѣльникъ весьма усердно, такъ что въ теченіе перваго года своего существованія, въ 1806 году (оно не собиралось лишь въ мѣсяцъ, посвященный вакаціи), имѣло 31 засѣданіе. Пополнялось оно, хотя и не вдругъ, новыми членами. Въ іюлѣ поступили студенты: Иванъ Панаевъ и Дмитрій Княжевичъ; въ августѣ, по предложенію перваго члена Ибрагимова, „извѣстный по знанію своему и дарованію въ россійской словесности" учитель гимназіи Семенъ Бѣлоусовъ, а въ ноябрѣ студентъ Александръ Панаевъ. Въ началѣ декабря общество получило отъ директора бумагу, что попечитель изъявилъ свое согласіе на учрежденіе *при гимназіи* таковаго „сословія" россійской словесности, что онъ докладывалъ о предпріятіи министру народнаго просвѣщенія и что сей послѣдній „удостоилъ сіе начинаніе похвалы и одобренія". Яковкинъ дѣйствительно представлялъ объ этомъ

„почти дѣтскомъ намѣреніи“ т. е. о началѣ общества къ попечителю, не изъ самохвальства, какъ онъ выражался, но изъ предосторожности, „для избѣжанія обидныхъ и предосудительныхъ толковъ и клеветническихъ нареканій“. Онъ позволилъ собираться учителямъ и студентамъ въ одной изъ комнатъ Тенишевскаго дома, а проф. Цеплинъ, по его разсказу, разъ, идя мимо, зашелъ въ эту комнату и узнавъ отъ присутствующихъ о цѣли собранія, „изъявилъ крайнее негодованіе и при всѣхъ тутъ бывшихъ сказалъ, что въ будущее засѣданіе совѣта донесетъ объ ономъ какъ противозаконномъ, поелику совѣту неизвѣстномъ, скопищѣ“. Попечитель далъ свое согласіе на собранія членовъ и доложилъ о томъ министру. Графъ Завадовскій, по словамъ его, сказалъ: „Хорошо—и присовокупилъ: non erit bene nisi fuerit male“. Въ этомъ и заключалось все одобреніе министра.

Такимъ образомъ первоначальныя собранія участниковъ не были обществомъ при университетѣ, учреждаемымъ на основаніи § 9 устава. О положеніи и уставѣ его не говорилось вовсе, но оно перестало существовать „приватно“, какимъ оно было прежде и получило нѣкоторое оффиціальное право на бытіе. Какъ только это случилось, директоръ Яковкинъ обратился съ письмомъ къ обществу, въ которомъ заявлялъ свое желаніе „соучаствовать въ трудахъ его, сколько и когда прочія мои общественныя, не менѣе важныя должности позволять мнѣ возмогутъ“. Вслѣдъ за начальникомъ и адъюнктъ россійской словесности Городчаниновъ, обрадованный, по его словамъ, что „отечественная словесность, сей цвѣтущій виноградъ, простирающій гроздіе свое по всему саду россійской учености пріобрѣлъ въ васъ (членахъ общества) новую отрасль къ удобренію, обогащенію и усовершенствованію нашего языка“, высказалъ также членамъ общества желаніе „купно съ ними содѣйствовать въ семъ достохвальномъ подвигѣ“, при чемъ препроводилъ два небольшіе опыта своихъ упражненій. Конечно „всеобщее согласіе, изъявленное единодушно“, послѣдовало на высказанное ими желаніе быть членами. Въ послѣднемъ (17 декабря) засѣданіи общества 180
года выслушано было письмо студента *Сергѣя Аксакова*
желаніи его быть членомъ общества, при чемъ было пост
новлено: „какъ г. Аксаковъ не приложилъ при письмѣ
какого опыта своего въ литературѣ упражненія, то из
стить его чрезъ г. секретаря, что до выполненія имъ с

общество не можетъ дать удовлетворительнаго ему отвѣта". Впрочемъ въ слѣдующее же первое засѣданіе (14 янв. 1807 г.) студентъ Иванъ Панаевъ представилъ стихотвореніе Аксакова „Зима" и онъ былъ принятъ въ число членовъ. Аксаковъ представилъ еще стихи „Къ соловью", но присутствовалъ только въ четырехъ засѣданіяхъ и въ мартѣ того же года оставилъ Казань ([1]).

До сихъ поръ общество усердно выполняло свою задачу. Члены собирались аккуратно разъ въ недѣлю, читали или свои произведенія или чужія, печатныя, исправляли взаимныя ошибки, спорили объ этихъ исправленіяхъ, ставили себѣ для рѣшенія разные вопросы, встрѣчающіеся напр. при переводахъ съ иностранныхъ языковъ, такъ какъ и главная дѣятельность заключалась въ переводахъ, въ родѣ вопроса: „какимъ образомъ въ языкахъ, не имѣющихъ членовъ, замѣняется сей недостатокъ и какимъ образомъ переводить?" Во второмъ уже засѣданіи члены предложили другъ другу темы для сочиненій. Эти темы указывали на простыя реторическія упражненія, какія обыкновенно задавались ученикамъ высшихъ классовъ въ гимназіяхъ въ тѣ годы, да и долго спустя. Ибрагимовъ долженъ былъ сочинить „Мысли Вадима о самодержавномъ правленіи предъ его кончиною", Васильевъ—„Какую цѣль имѣла Екатерина II, воздвигая монументъ Петру I?"; Богдановъ—„Рѣчь Святослава къ войску предъ послѣднимъ его сраженіемъ съ печенѣгами"; Перевощиковъ—„Разговоръ Минина съ Пожарскимъ, когда первый, собравъ добровольныя жертвы въ защиту отечества отъ согражданъ своихъ, проситъ послѣдняго быть военачальникомъ"; Кондыревъ—„Разсужденіе о томъ, что высокія дарованія служатъ тѣмъ къ большему вреду государства, если обращены будутъ къ частной пользѣ, обративъ примѣръ на бунтовщиковъ отечества нашего (?)"; Безобразовъ—„Человѣкъ просвѣщенный и съ дарованіями можетъ-ли, безъ нарушенія законовъ совѣсти, оставить служеніе отечеству и жить самъ собой?" Сочиненія эти однакоже не были всѣми написаны; представили ихъ только Безобразовъ и Кондыревъ. Самыми дѣятельными, по

---

[1]) Н. А. Поповъ, въ упомянутой выше статьѣ, указываетъ противорѣчіе «Семейной Хроники» съ печатнымъ спискомъ членовъ (1819 г.) по времени ихъ поступленія. Вѣроятно старческая память измѣнила Аксакову: основателемъ казанскаго общества онъ не былъ.

у представленныхъ ими статей, были Ибрагимовъ и
дыревъ. Тѣмъ не менѣе въ первомъ году существованія
щества представлено было 36 сочиненій, большею частью
ікихъ стихотвореній, да и прозаическія статьи объемомъ
превышали двухъ-трехъ писанныхъ четверокъ. Однимъ
овомъ это было такое общество словесности, какія обы-
новенно составлялись тогда во всѣхъ нашихъ учебныхъ
аведеніяхъ въ началѣ текущаго вѣка. Молодымъ людямъ
желательно было прослыть стихотворцами, тѣмъ болѣе, что
это было не трудно.

По вступленіи Яковкина, а въ слѣдъ за нимъ и Городчанинова въ члены, когда общество получило нѣкоторую оффиціальную санкцію, оно, хотя по прежнему называлось обществомъ состоящимъ при гимназіи, по немногу стало измѣнять свой характеръ. Ибрагимовъ, какъ подчиненный, долженъ былъ уступить свой титулъ *перваго* члена начальнику и сталъ именоваться уже *третьимъ* членомъ; Городчаниновъ по рангу—сдѣлался вторымъ. Впрочемъ Яковкинъ весьма рѣдко ходилъ въ засѣданія общества, хотя и надѣялся, что оно будетъ со временемъ имѣть успѣхъ. „Можетъ быть со временемъ, писалъ онъ къ попечителю, изъ *сего почти дѣтскаго намѣренія* выйдетъ что нибудь полезное отечеству". Кромѣ того, при его содѣйствіи, общество получило особую комнату для собраній, а переписка его съ иногородными членами (нѣкоторые уѣхали на службу въ Петербургъ, другіе получили мѣста учителей) стала посылаться казенными пакетами, подъ печатью гимназической конторы. Общество написало благодарность попечителю и стало ему посылать отчеты о своей дѣятельности и поздравленія съ новымъ годомъ.

Въ слѣдующемъ 1807 году былъ уже измѣненъ одинъ
параграфъ первоначальнаго положенія. По предложенік
Яковкина члены стали собираться по вторникамъ вмѣст
понедѣльниковъ; съ 30 апрѣля *еженедѣльнымъ* собраніям
какъ было опредѣлено, „встрѣтились нѣкоторыя неудобност
изъ коихъ главнѣйшею можетъ почесться та, что мно
члены, сверхъ своихъ собственныхъ обязанностей, имѣ
и должностныя, препятствующія имъ иногда посѣщать соб
нія", почему „для лучшаго теченія дѣлъ" и „облегч
членовъ въ занятіяхъ", постановлено было имѣть собр
разъ въ двѣ недѣли, а съ 3 декабря собраніе членовъ обще

„найдя нужнымъ и необходимымъ, а особливо по причинѣ должностныхъ своихъ занятій“, опредѣлило засѣданіямъ своимъ быть уже *единожды въ мѣсяцъ*. Всѣ согласились съ этимъ, кромѣ секретаря (Кондырева) „усердствующаго всегда къ обществу“, какъ сказано въ протоколѣ. Не смотря на это очевидное уменьшеніе дѣятельности общества (большинство членовъ разъѣхалось или превратилось въ иногородные, которые однако ничего не присылали. Аксаковъ совсѣмъ выбылъ по своему желанію изъ членовъ), общество собиралось 29 разъ, было разобрано 77 пьесъ, конечно всего больше мелкихъ стихотвореній, такъ что внутреннее содержаніе осталось въ сущности столь же ничтожнымъ, какъ и въ первый годъ. За то, по указанію Яковкина, стали привлекаться въ иногородные члены общества директоры училищъ. Такъ въ засѣданіи 22 января принятъ въ число иногородныхъ членовъ, по предложенію Яковкина „извѣстный своими сочиненіями“ директоръ оренбургскихъ училищъ Павелъ Ивановичъ Протопоповъ, похожденія котораго мы разсказывали (стр. 566 и сл.). Общество вступило съ нимъ въ переписку, которая шла теперь вся за подписью перваго члена Яковкина. „Извѣстныя знанія ваши въ отечественной словесности, писало оно къ Протопопову, и достойная похвалы любовь къ таковымъ благороднымъ занятіямъ, побуждаютъ надѣяться, что вы не будете иногда простымъ только зрителемъ трудовъ членовъ его, а всеконечно пожелаете присоединиться трудами своими къ трудамъ сего общества. Протопоповъ отвѣчалъ, что онъ потщится „*въ благопріятные часы или наблюдательнаго Духа или разверзающихся источниковъ Сердца*“ оправдать надежду общества, но просилъ сообщить ему постановленіе общества или уставъ его. Такъ какъ въ „Положеніи“ общества, выше нами приведенномъ, не было никакихъ подробностей о занятіяхъ общества, то секретарь общества, отъ лица его, изложилъ „точный видъ“ его слѣдующими „краткими словами“: „Оно уподобляется теперь еще только малому ручью, бѣгъ коего увеличиваютъ воды другими подобными ручейками и чрезъ нѣкоторое разстояніе малый ручей долженствуетъ составить рѣчку, а можетъ быть и рѣку. Общество подобно разводимому саду, долженствующему впослѣдствіи представить вмѣстѣ и собраніе благовонныхъ цвѣтовъ и красивыхъ и плодовитыхъ деревьевъ: пріятность и польза, веселость и важность суть словесность и философія; словесность и фило-

софія суть предметы занятій членовъ общества; исторія, географія не могутъ быть также исключены изъ сихъ занятій; и отечественный языкъ, отечественная словесность, все отечественное—суть предметы главнаго занятія общества". Все это конечно было въ мечтахъ и нисколько не отвѣчало дѣйствительности. Протопоповъ, получивъ такую широко-вѣщательную программу, обратился снова въ общество съ довольно ехиднымъ вопросомъ: „ожидать ли его запросовъ или самому присылать во оное, что имъ написано для читателей, и скоро ли выйдетъ въ свѣтъ?" Общество конечно предоставило ему писать „во всякомъ извѣстномъ ему родѣ, а о времени выхода въ свѣтъ трудовъ своихъ отозвалось неизвѣстностью. Тогда Протопоповъ прислалъ въ общество одно изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ книжкѣ „Цвѣтникъ для благомыслія и нѣжности", подъ страннымъ названіемъ „Антипилигримъ", а мѣсяцевъ пять послѣ того прозаическую статью изъ того же сборника подъ названіемъ „Богопоклонникъ". Оба эти произведенія оригинальнаго директора оренбургскихъ училищъ привели однако въ большое недоумѣніе общество. О „Богопоклонникѣ" оно писало автору, что „отдавая вамъ въ семъ должную справедливость, съ сожалѣніемъ однакоже увѣдомляетъ, что по предположенной цѣли, въ собраніе трудовъ общества піесы содержанія таковаго помѣщаемы быть не могутъ" ([1]). Что касается до стихотворенія „Антипилигримъ", то общество пожелало отъ автора объясненія „касательно цѣли сочиненія и причину названія „Антипилигримъ". Протопоповъ не замедлилъ отвѣтомъ и объясненіемъ, изъ которыхъ оказалось, что онъ былъ гораздо развитѣе членовъ общества. „Der Pilger oder der Pilgrim, писалъ онъ - странникъ, странствующій по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ, или для поклоненія святымъ мощамъ— un étranger, un voyageur, un pélerin. Есть поэма „Пилигримы" знаменитаго покойнаго стихотворца (Хераскова), въ коей названіе сіе положено не въ смыслѣ странствующихъ по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ или для поклоненія мощамъ, но разумѣя обыкновенныхъ людей, слѣпо гоняющихся по

---

[1]) Это былъ чуть-ли не единственный отказъ со стороны общества, къ сожалѣнію неизвѣстно чѣмъ мотивированный. Не смотря на то, что многія рукописи изъ первоначальныхъ годовъ общества сохранились, въ нихъ не нашлось ни «Антипилигрима», ни «Богопоклонника».

міру за какимъ-то счастіемъ. Я, напротивъ, выставляю въ моей піесѣ человѣка не такимъ, каковъ пилигримъ, но противоположнымъ оному; человѣка, умѣющаго быть счастливымъ, не гоняясь за внѣшними дарами случая, человѣка счастливаго собственнымъ своимъ сердцемъ добрымъ и умомъ просвѣщеннымъ; человѣка, исполняющаго съ вѣрою и любовью обязанности гражданина и христіанина. А потому и назвалъ я его такъ, съ противоположною частицею по гречески *αντὶ*, напр. Antichristus—противникъ Христу" и проч. Что касается до отверженнаго обществомъ „Богопоклонника", то Протопоповъ ссылался на письмо самого общества, предоставлявшее ему право „слѣдуя собственному побужденію, писать во всякомъ извѣстномъ вамъ родѣ". Протопоповъ не обидѣлся отказомъ принять его сочиненіе и „желая угождать обществу", спрашивалъ его: будутъ ли приняты имъ разные сдѣланные имъ съ нѣмецкаго переводы. Общество конечно написало, что приметъ переводы съ благодарностью и понявъ теперь смыслъ „Антипилигрима", не отказывалось болѣе помѣстить его въ собраніе своихъ трудовъ, но просило только исправить или объяснить смыслъ нѣкоторыхъ непонятныхъ ему выраженій. Чтобъ показать содержаніе занятій словесностью въ обществѣ, мы приведемъ нѣкоторыя его стилистическія замѣчанія, отправленныя къ автору. Такъ напр. вмѣсто слова *бѣжитъ* предлагается—*спѣшитъ*, слово *подлецъ*—считается низкимъ; *ужасной вкусъ*—совсѣмъ неупотребительно и непонятно; *а*!—сказано прозаически; *Летою*—баснословіе смѣшано съ христіанствомъ; *царитъ*—говорится княжить, царствовать, но не царить и проч. (1).

(1) Протопоповъ, уволенный въ отставку, кончилъ свою жизнь въ Казани. Здѣсь былъ у него родной младшій братъ, старый учитель рисованія, Иванъ Ивановичъ, извѣстный казанскимъ старожиламъ подъ прозваніемъ «Тека», отецъ профессора фармаціи Казанскаго университета Д. И. Протопопова († 1857). Отрывки изъ его записокъ мы приводили выше на стр. 566—567 и 575. Этотъ учитель рисованія въ гимназіи замѣчателенъ тѣмъ, что выучился искусству, не выѣзжая изъ Казани. Онъ и пріютилъ къ себѣ лишеннаго средствъ отставнаго директора оренбургскихъ училищъ. Переставъ быть членомъ общества любителей, Протопоповъ питалъ однако постоянное желаніе стихотворствовать и печатать съ надеждою на выручку. Доказательствомъ можетъ служить книжка: «Царь и Благодать». Лирическая поэма. Сочиненіе И. Протопопова. Казань. 1816. 8°. IV, 110 стр. Поэма эта сочинена авторомъ, по словамъ предувѣдомленія, еще въ 1813 году. «Побудительною причиною написать ее, говоритъ Протопоповъ, было уязвленное чувство патріота, или слезный взглядъ на потрясенное оте-

Общество въ 1808 году не пріобрѣло никого изъ новыхъ членовъ. Только получивъ отъ С. Глинки первый

чество, а паче всего незаглушимое предчувствіе, что толико сильная, славная, благодатная—можно признаться—и знатнѣйшая часть вселенныя—Россія, на крестѣ высящаяся, крестомъ держимая, не падетъ!» Позднее появленіе поэмы въ печати авторъ объясняетъ бѣдной подпиской, своимъ «угнѣтеннымъ положеніемъ» и затрудненіями со стороны цензуръ: петербургской, московской и казанской. Книга посвящена государю императору Александру Павловичу, но автору не удалось получить высочайшей награды за нее. Незнакомый съ содержаніемъ читатель едвали догадается, что поэма «Царь и благодать» есть исторія крещенія Руси при св. Владимірѣ: Владиміръ во св. крещеніи—Василій, а Василій по греч. значитъ Царь; его супруга, греческая царевна Анна—благодать. Авторъ съ особенною любовью и долго останавливается на сентиментальномъ изображеніи любви Владиміра къ Аннѣ, при чемъ греческій протопопъ Анастасъ, пустившій стрѣлу съ Херсонскихъ стѣнъ и научившій Владиміра «отнять у града водный токъ» («Протопопъ—стрѣлокъ») сравнивается съ Амуромъ:

«Стрѣла.... стрѣлы сей тайна внятна....
Не самъ ли мню стрѣльнулъ Эротъ?
Темна догадка...., но пріятна»....

Послѣ разсказа о просвѣщеніи христіанствомъ Руси, авторъ старается представить въ своихъ стихахъ всю исторію Россіи до послѣдняго времени. Напыщенность, дикій языкъ, отсутствіе всякаго поэтическаго таланта и постоянный, но вымученный и фальшивый восторгъ—вотъ отрицательныя свойства этой поэмы. Pro domo sua Протопоповъ такъ излагаетъ лѣтописный отвѣтъ Владиміра магометанскимъ посламъ:

«Главы превознесенны, троны
Въ винѣ не чтутъ вину, порокъ:
Разсудокъ, опытъ и законы
Лишь мѣру пишутъ въ немъ, урокъ.
И Царь Давидъ, пѣвецъ вѣнчанный
Даетъ вину права избранны:
Кровь веселитъ; въ немъ правду зримъ».

Этому завѣту царя-псалмопѣвца Протопоповъ остался вѣренъ до конца своей мятежной жизни. Послѣ визитаціи Запольскаго и Кондырева, будучи уволенъ отъ службы, Протопоповъ долженъ былъ еще разсчитываться съ приказомъ общественнаго призрѣнія въ Уфѣ и эта причина заставила его года три оставаться въ Оренбургской губерніи. Впрочемъ нѣкоторое время онъ служилъ тамъ по Соляной Экспедиціи, а потомъ училъ дѣтей и управлялъ оркестромъ крѣпостныхъ музыкантовъ у оренбургскаго помѣщика Верстовскаго, съ которымъ сблизился общею обоимъ любовью къ музыкѣ. Въ Казань пріѣхалъ онъ въ 1813 году. Братское чувство руководило автора записокъ, въ тѣхъ мѣстахъ ихъ, гдѣ онъ говоритъ о разнообразныхъ талантахъ оренбургскаго директора, о его знакомствѣ съ древними и новыми языками, о его сочиненіяхъ, оставшихся впрочемъ въ рукописи, кромѣ упомянутой нами поэмы, о его музыкальныхъ способностяхъ. «Въ игрѣ на скрипкѣ и флейтѣ онъ не имѣлъ соперниковъ въ Казани», но кромѣ того онъ владѣлъ віолончелью,

нумеръ его „Русскаго Вѣстника“ за этотъ годъ, отнеслось къ нему съ благодарностью, пригласивъ его участвовать въ своихъ трудахъ. Замѣчено было, что нѣкоторые изъ иногородныхъ членовъ не присылаютъ своихъ упражненій и не даютъ о себѣ никакихъ извѣстій, почему и опредѣлено: „увѣдомить всѣхъ иногородныхъ членовъ, что всѣ тѣ, кои будутъ впредь поступать такъ, и въ теченіе цѣлаго года не пришлютъ ни своихъ упражненій, ни о себѣ извѣщеній, исключатся изъ числа членовъ“. Собраній въ этомъ году было только десять; статей разобрано было только 20, изъ которыхъ больше половины стиховъ, проза же составляла переводы. Только учитель Бѣлоусовъ разомъ задалъ 200 вопросовъ обществу, но въ чемъ было ихъ содержаніе—намъ неизвѣстно.

контрабасомъ, гитарою, фортепьяно и гуслями. Протопоповъ былъ и композиторомъ, положилъ на музыку много духовныхъ стиховъ, всѣ церковныя пѣсни, поемыя на страстной недѣлѣ и довольно пѣсенъ свѣтскихъ какъ своихъ такъ и чужихъ.

Братская любовь заставила его на время забыть «дикодушную, злорадную юдоль асійскую», какъ онъ называлъ оренбургскій край, погубившій своими нравами и обычаями этого человѣка, который можетъ быть былъ бы инымъ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Записки брата говорятъ о его «младенческомъ сердцѣ» и «высокой душѣ», о «дарѣ слова», о простотѣ его жизни («онъ незнакомъ былъ какъ съ приличіями, предупредительностью, осторожностью, такъ и съ притворствомъ, одѣвался всегда небрежно»), но вмѣстѣ съ тѣмъ и о страсти его къ горячимъ напиткамъ, что и испортило талантливую натуру. «Не видя впереди ничего лучшаго, онъ упалъ духомъ; года за два до смерти открылось у него поврежденіе умственныхъ способностей; онъ потерялъ разсудокъ и память». Вино разстроило и тѣлесный организмъ: «Пищу преимущественно любилъ простую, кислую, соленую, горькую. Уксусъ, перецъ и соль шли у него и въ пирожное и въ ерофеичъ. Лукъ, хрѣнъ, рѣдька, чеснокъ, рѣпа, свекла, кислая капуста, соленые грибы и огурцы составляли его лакомство». Самая смерть его, по разсказу брата, была такая, какая нерѣдко достается на долю талантливо - пьяныхъ русскихъ натуръ. «Недѣли за двѣ до смерти онъ какъ-то попалъ въ торговую баню (что была у Казанки за крѣпостью) и нисколько не раздѣвшись и даже не снявъ шапки, забрался на полокъ. Тамъ пробылъ онъ до того, какъ не осталось ужъ ни одного человѣка. Служители, пришедшіе убирать баню, сочли его кто какъ хотѣлъ: пьянымъ, сумасшедшимъ, неблагонамѣреннымъ, выгнали. И онъ насквозь мокрый, прѣлый, ночью, въ 30 градусовъ мороза, пробираясь въ свою квартиру въ Нижне-Ѳедоровской улицѣ, позади крѣпости, по дорогѣ къ мельницѣ, и у ключа, что подъ крѣпостью, сбился съ дороги и блуждалъ, пока караульные на гауптвахтѣ у моста, замѣтивши его бродящаго, не распросили его и не отвели его изъ состраданія домой». Послѣдствіемъ была горячка, которая и свела его въ могилу (январь, 1820 г.).

Еще безплоднѣе и бездѣятельнѣе представляется четвертый годъ существованія общества. Почти всѣ члены разъѣхались, даже и Бѣлоусовъ уѣхалъ учителемъ въ Малмыжъ тотчасъ же послѣ представленія своихъ 200 вопросовъ, повидимому нисколько не интересуясь ихъ дальнѣйшею судьбою и не дожидаясь на нихъ отвѣта, котораго и не послѣдовало. Съ начала года было только четыре члена: Яковкинъ, Ибрагимовъ, Васильевъ и Кондыревъ. Иногородные члены не сообщали ничего и за „несношеніе съ давняго времени“, изъ нихъ двое: Городчаниновъ и Протопоповъ, дѣятельность котораго въ Оренбургѣ секретарь общества могъ во очію изучать во время визитаціи, были исключены изъ членовъ. Еслибы оставалось въ силѣ первоначальное Положеніе общества „вольныхъ упражненій въ словесности“, то конечно не было бы недостатка въ членахъ, поступающихъ изъ студентовъ: литературныя занятія, упражненія въ стихотворствѣ, подъ вліяніемъ времени и господствующихъ тогда вкусовъ, привлекали ихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ общество сдѣлалось въ нѣкоторомъ смыслѣ оффиціальнымъ, съ Яковкинымъ во главѣ, ни одинъ студентъ не поступилъ въ члены. Это видно изъ того, что въ собраніяхъ общества и въ этомъ году и въ прошломъ, не разъ читались стихотворенія самаго младшаго изъ братьевъ Панаевыхъ, студента Владиміра, но въ члены онъ не поступилъ. Разсуждали въ собраніяхъ о недостаткѣ наличныхъ силъ въ обществѣ и о необходимости избранія новыхъ членовъ, но,—страннымъ образомъ,—было по этому поводу постановлено, что „общество полагаетъ, *при нынѣшнихъ его обстоятельствахъ*, избирать только изъ своего корпуса чиновниковъ“. Въ чемъ заключались эти „нынѣшнія обстоятельства“, изъ дѣлъ общества не видно. Такъ по приглашенію общества сдѣлался членомъ адъюнктъ Запольской; изъ иногородныхъ принялъ участіе въ занятіяхъ общества перешедшій на службу въ университетъ В. М. Перевощиковъ, да появлялся въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ, бывшій наѣздомъ въ Казани Дм. Княжевичъ. Въ обществѣ было такъ мало дѣятельныхъ членовъ, что въ тѣ мѣсяцы, когда Запольской и Кондыревъ ѣздили въ Оренбургъ, не было ни одного засѣданія. Разсужденія членовъ въ обществѣ, какъ записано въ протоколахъ его, имѣли совершенно внѣшній характеръ. Разсуждали: 1) о потребности писца; 2) объ изданіи дневника, и опредѣлили просить г. перваго члена представить

о семъ со всѣми подробностями его пр—ству г. попечителю. Наконецъ много разсуждали *о составленіи новаго положенія для общества*, для чего въ засѣданіяхъ читали уставы разныхъ обществъ, даже медицинскихъ, и дѣлали разныя соображенія и даже представляли „предначертанія". Иногда и просто записывалось, что члены „занимались чтеніемъ сочиненій до словесности относящихся" или „разсуждали о различныхъ предметахъ касающихся до словесности". Та широкая программа дѣятельности общества, захватывавшая даже разныя научныя сферы, о которой сообщалъ секретарь Протопопову, существовала только въ фантазіи.

Сочинены и представлены были на обсужденіе членовъ общества два проекта уставовъ: одинъ Ибрагимовымъ, состоящій изъ 37 статей, другой Кондыревымъ—изъ 68. Такимъ образомъ главная дѣятельность общества въ этомъ году состояла въ регламентаціи. И въ томъ и въ другомъ проектѣ въ первый разъ затрогивается вопросъ денежный. Ибрагимовъ, собственно для изданія трудовъ общества, опредѣляетъ, что каждый членъ, *при вступленіи*, обязывается внести десять рублей (о ежегодномъ сборѣ не упомянуто); у Кондырева каждый членъ общества вноситъ при вступленіи пятнадцать рублей, и ежегодно по десяти рублей (но не упомянуто однако, какъ поступать съ тѣми членами, которые перестанутъ вносить ежегодно): сверхъ того проектъ Кондырева требуетъ также по *пяти* рублей ежегодно съ каждаго иногороднаго члена на плату писцу за переписку его сочиненій. По проекту Ибрагимова труды общества издаются на его счетъ и продаются въ пользу учительскихъ вдовъ и сиротъ Казанскаго округа. Болѣе практическій Кондыревъ желаетъ, чтобы изданія общества, въ силу § 9 устава, „если соблаговолитъ начальство", печатались на казенномъ иждивеніи. „Сіе однакожъ не должно быть обременительно для казны, прибавляетъ проектъ: деньги отъ продажи изданія поступаютъ въ казну дотолѣ, пока не наверстаютъ расходы казны, а далѣе поступаютъ въ суммы общества".—Проектъ Ибрагимова очень строго относится къ дѣятельности членовъ общества и дѣлаетъ ее обязательною: „Всякій дѣйствительный и иногородный членъ обязанъ представить одно сочиненіе или переводъ по крайней мѣрѣ въ три мѣсяца, а большія піесы по частно. Кто не доставитъ обществу ни одного упражненія въ круглый годъ, тотъ по-

даетъ о себѣ предосудительную мысль, что не хочетъ быть членомъ онаго, и будетъ исключенъ изъ сословія". Болѣе мягкій и снисходительный къ слабостямъ человѣческой природы Кондыревъ высказываетъ только pia desideria о необходимости дѣятельности со стороны члена: „Хотя каждый членъ, вступивъ въ обязанности, и постарается во всей точности исполнить ихъ, однакожъ очень бы хорошо поступлено было, если бы всякій членъ по крайней мѣрѣ чрезъ три или четыре мѣсяца, представилъ хотя одно изъ своихъ упражненій. Сіе нельзя однакожъ требовать отъ перваго, втораго и третьяго членовъ, секретаря и цензора, кои и безъ того заняты много дѣлами общества.—Что касается *до предмета занятій* общества, то по Ибрагимову это только словесность, состоящая изъ двухъ отдѣленій: стихотворнаго и прозаическаго. Каждое изъ этихъ отдѣленій подраздѣляется еще на нѣсколько статей, согласно господствовавшимъ въ то время теоріямъ піитики и реторики, при чемъ напр. къ дидактической поэзіи отнесены одновременно: эпистолы или посланія, наставленія въ какой либо наукѣ и—загадки. Къ прозѣ относится между прочимъ и исторія гражданская, духовная и натуральная, но только *относительно слогу*. Нѣсколько шире, но за то весьма неопредѣленно, смотритъ на предметъ занятій общества Кондыревъ: „Хотя кажется въ издаваемыхъ трудахъ общества могутъ имѣть мѣсто только упражненія до россійской словесности относящіяся; однакожъ поелику и иностранная словесность имѣетъ или можетъ имѣть связь съ отечественною, да и *прочія нѣкоторыя части учености* почти въ такомъ же отношеніи находятся къ словесности, то и не безполезно иногда принимать въ общество піесы и упомянутыхъ двухъ послѣднихъ родовъ и помѣщать ихъ въ изданіяхъ".

Выбравъ самое существенное изъ двухъ проектовъ, мы нарочно привели ихъ особенности, чтобъ показать тотъ кругъ идей, въ которомъ вращалось общество. Не останавливаемся на подробностяхъ внѣшнихъ, особенно точно регламентированныхъ у Кондырева. На это были всегда большіе мастера русскіе ученые люди, составители уставовъ разныхъ ученыхъ обществъ. Права и преимущества членовъ также не были забыты. По Ибрагимову общество должно имѣть особую залу для собраній, кладовую для казны, книгъ и архива. У общества была печать съ изображеніемъ дракона

(казанскій гербъ), обращеннаго къ восходящему солнцу, съ приличнымъ девизомъ. У Кондырева „наименованіе члена общества вносится въ послужной списокъ". Потомъ былъ прибавленъ еще и университетскій мундиръ. Разсмотрѣніемъ этихъ проектовъ и сопоставленіемъ ихъ, для выработки одного, общество занималось въ теченіе года.

Наконецъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого года поднятъ былъ и вопросъ о необходимости печатанія произведеній членовъ. Яковкинъ заявилъ, что онъ во многихъ случаяхъ замѣтилъ желаніе попечителя, чтобы общество приступило къ изданію періодическаго сочиненія. Собственная слава общества требуетъ того, но печатаніе должно быть на средства общества, а потому и необходимъ сборъ для этой цѣли съ членовъ. Поэтому и слѣдуетъ торопиться составить положеніе или уставъ и просить о его утвержденіи. Дѣйствительно попечитель ждалъ, что скоро начнется печатаніе трудовъ. Уже въ этомъ году отъ него стали поступать въ общество нѣкоторыя сочиненія лучшихъ учителей и учениковъ гимназій округа для помѣщенія „въ будущихъ періодическихъ изданіяхъ общества", такъ что послѣднему, въ своемъ отчетѣ попечителю за этотъ годъ, пришлось говорить о причинахъ почему общество до сихъ поръ медлитъ изданіемъ. Причины эти были, по словамъ отчета: 1) неопредѣленность существованія и дѣйствій общества; 2) денежные недостатки членовъ для печатанія; 3) отчасти другія ихъ должностныя занятія; 4) сомнѣніе издавать ли труды свои соединенно съ предполагаемымъ изданіемъ сочиненій отъ университета и 5) несовершенная устроенность университетской книгопечатни. Вотъ почему общество тогда же обратилось къ попечителю съ ходатайствомъ о томъ, что пока общество приступитъ само, на свои средства, къ печатанію трудовъ, было бы разрѣшено печатаніе ихъ на казенномъ иждивеніи, что, по его мнѣнію, согласно кажется будетъ съ § 9 устава, съ уплатою издержекъ изъ вырученныхъ за продажу книгъ денегъ. Это былъ первый шагъ впередъ со стороны общества. Такими заботами и поглощено было вниманіе общества въ этомъ году. Сочиненій для чтенія и разбора было представлено всего 14; изъ нихъ 6 прозаическихъ, да и изъ стихотворныхъ главное мѣсто занималъ переводъ Овидіевыхъ метаморфозъ, сдѣланный Ибрагимо-

вымъ. Отрывки изъ него переводчикъ нѣсколько лѣтъ сряду читалъ въ засѣданіяхъ.

Почти тою-же, совершенно внѣшнею дѣятельностью занятъ былъ для общества и 1810 годъ. Окончательное составленіе устава поручено было Кондыреву, такъ какъ изъ двухъ прежнихъ проектовъ ни одинъ не былъ принятъ въ полномъ видѣ. Только въ іюлѣ общество одобрило уставъ, составленный Кондыревымъ и препроводило его для утвержденія къ попечителю. Но при этомъ общество не согласилось съ однимъ §, на принятіи котораго сильно настаивалъ Кондыревъ. Этотъ § возвращалъ цѣли общества къ первоначальному положенію 1806 года. У Кондырева, въ числѣ заботъ общества, находилась и слѣдующая: „Общество будетъ споспѣшествовать успѣхамъ отечественной словесности и поощреніями упражняющихся въ оной“. Члены не согласились на включеніе этихъ словъ въ редакцію устава, говоря, что это само собою разумѣется. Очевидно Кондыревъ имѣлъ въ виду работы студентовъ и настаивалъ на включеніе этихъ словъ, чтобъ и молодые люди знали о цѣли общества. Всего важнѣе для общества въ этомъ году было полученное имъ въ февралѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе попечителя о томъ, чтобы труды его членовъ печатались на счетъ гимназіи въ университетской типографіи, въ каждую треть года по одной книгѣ, въ количествѣ шести сотъ экземпляровъ, при чемъ каждая книжка должна состоять изъ шести или семи листовъ. При этомъ попечитель просилъ доставить ему для опредѣленія точной суммы издержекъ, что будетъ стоить печатный листъ. какія мѣры предприметъ общество для сбыванія напечатанныхъ экземпляровъ и какое одобреніе (т. е. по нынѣшнему гонораръ) общество полагаетъ трудящимся и сверхъ сего, какъ бы не довѣряя обществу, попечитель требовалъ, чтобъ каждая книжка сочиненій членовъ, прежде напечатанія, была представляема ему для прочтенія. Общество, обрадованное этимъ извѣщеніемъ, приступило немедленно къ дѣйствіямъ и усиленно занялось рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ печатанія. Вся финансовая сторона дѣла поручена была секретарю Кондыреву, который долженъ былъ представить о ней свои соображенія. Были выбраны два издателя: Ибрагимовъ и Перевощиковъ. Дѣйствительные члены, находившіеся въ Казани, вѣроятно для того, чтобъ въ болѣе приличномъ видѣ появиться въ свѣтъ, взяли свои со-

чиненія для исправленія и объясненія, что изъ нихъ они считаютъ достойнымъ печати, опредѣленъ составъ каждой книжки. Она должна состоять изъ *трехъ* главныхъ частей: 1) *словесности*, т. е. сочиненій и переводовъ какъ членовъ такъ и особъ постороннихъ, какъ стихами такъ и прозою; 2) *наукъ* и *искусствъ*, и 3) *ученыхъ извѣстій* по части словесности и наукъ съ икусствами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Ибрагимовъ представилъ предисловіе къ первой книгѣ трудовъ, а оба издателя оглавленіе всѣхъ піесъ, которыя должны войти въ составъ ея. Но не смотря на эту дѣятельность, изъ протокола послѣдняго засѣданія этого года (21 декабря), изъ доклада секретаря видно, что первая книжка только переписывалась. Ожидаемое печатаніе трудовъ общества было причиною, что сверхъ присланныхъ попечителемъ сочиненій, въ числѣ трехъ, были представлены и отъ директоровъ училищъ также три сочиненія.

Въ теченіе 14 засѣданій этого года, почти исключительно посвященныхъ разсмотрѣнію составляемаго устава и предположеніямъ о печатаніи первой книжки трудовъ, нѣкоторые наличные члены все же иногда читали свои сочиненія. Такъ Перевощиковъ читалъ свой переводъ изъ Лагарпа, Д. Княжевичъ продолжалъ объяснять разные сословы (синонимы) русскаго языка, Кондыревъ — свой переводъ съ нѣмецкаго „Краткое историческое обозрѣніе состоянія и хода наукъ и искусствъ“, Ибрагимовъ — свой переводъ Овидія, или тоже объяснялъ сословы, или читалъ мелкія стихотворенія. Переводъ Метаморфозъ, надъ которымъ онъ трудился уже нѣсколько лѣтъ, но не кончилъ его, былъ имъ представленъ попечителю и вотъ какое мнѣніе далъ о немъ Румовскій, въ письмѣ на имя Яковкина (5 сент. 1810 г. № 657): „Здѣшніе словесники всѣ такого мнѣнія, что ежели кто хочетъ какое нибудь на иностранномъ языкѣ стихами сдѣланное сочиненіе перевести стихами же на россійскій языкъ, то нужно напередъ оное перевести прозою и потомъ уже стараться стихами изобразить мысль творца, держась подлинника. Трудъ г. Ибрагимова безъ сомнѣнія заслуживаетъ похвалу, но во многихъ мѣстахъ для риѳмъ вмѣстилъ онъ то, чего въ подлинникѣ не находится. Для облегченія труда его посылаю переводъ Превращеній въ прозѣ сдѣланный и Россійскою Академіей одобренный“. Этотъ отзывъ попечителя былъ прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій общества; былъ ли имъ до-

воленъ переводчикъ—неизвѣстно. Въ подтвержденіе мнѣнія попечителя приведемъ всѣмъ извѣстное начало Метаморфозъ по Ибрагимову:

«Пою чудесныя отъ древности дѣла,
Какъ въ новыхъ образахъ явилися тѣла.
Всеобщія вещей премѣны бывъ виною,
Вы сами, боги! въ томъ руководите мною,
Да возмогу соткать безпрерывный стихъ
Отъ мірозданія до позднихъ дней моихъ.“

Замѣчательно, что въ этомъ же году одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, именно Сторль, доставилъ обществу свое сочиненіе въ рукописи: „Ueber das Wahre, als Grundbegriff in dem Ausdrucke“, но общество не обратило на него никакого вниманія и даже не поблагодарило автора.

По предложенію Яковкина общество пріобрѣло пять новыхъ членовъ. Это были: ректоръ Казанской академіи архимандритъ Епифаній, архимандритъ Свіяжскій Израиль (первые члены изъ духовенства въ составѣ общества), предсѣдатель уголовной палаты статскій совѣтникъ и кавалеръ св. Анны 2 степ. Иванъ Ивановичъ Сокольскій, профессоръ Фуксъ и учитель историческихъ наукъ въ высшемъ классѣ гимназіи Григорій Яковкинъ (племянникъ директора), давно уже писавшій исторію гимназій въ Казани. Первые трое не принадлежали „къ корпусу чиновниковъ“ и только одинъ изъ нихъ, именно Сокольскій, представилъ двѣ эпиграммы своего сочиненія: „Кто женится—перемѣнится“, „Эпитафію лѣкарю“ и „Надпись кокеткѣ“. Нельзя не порадоваться, хотя и заднимъ числомъ, такимъ упражненіямъ предсѣдателя уголовной палаты. Очень можетъ быть, что мирныя занятія музами, смягчающія нравы, особенно послѣ удачнаго подбора риѳмъ, были причиною иной разъ уменьшенія числа ударовъ кнутомъ, къ которымъ приговаривала уголовная палата. Обогатившись такимъ образомъ новыми дѣятелями, общество потеряло двухъ. Учителю Яковкину удалось быть только въ одномъ засѣданіи, а вслѣдъ за нимъ, черезъ недѣлю, умеръ и Запольской. По поводу этихъ двухъ потерь, Кондыревъ заявилъ обществу о своемъ намѣреніи написать краткое жизнеописаніе покойнаго Яковкина для помѣщенія въ ученыхъ извѣстіяхъ трудовъ общества. По его же предложенію было постановлено дѣлать это по смерти каждаго члена и сверхъ того оказывать „соразмѣрно заслугамъ приличныя награды“

по смерти, какъ то: чтеніе рѣчей въ похвалу умершихъ при торжественномъ собраніи, выставленіе въ комнатѣ собранія портрета, помѣщеніе о смерти въ исторіи общества, сочиненіе стиховъ и иногда чтеніе ихъ въ торжественныхъ собраніяхъ, присутствіе на похоронахъ (Кондыревъ предлагалъ еще „кратковременное ношеніе траура", но на это почему то не согласились). Запольскому, „изъ сердечной привязанности къ умершему", Кондыревъ, кромѣ біографіи, вызвался написать краткую похвальную рѣчь для торжественнаго собранія общества, „ибо сочиненія покойнаго, польза приносимая имъ въ кругу своемъ и знанія содѣлываютъ его сего достойнымъ". Все это однако не вышло изъ области благаго намѣренія.

Съ каждымъ годомъ исчезаетъ въ обществѣ внутренняя жизнь и дѣятельность. Въ 1811 году пришлось доносить попечителю, что общество въ теченіе всего года было занято преимущественно выборомъ новыхъ членовъ (а засѣданій оно имѣло только шесть). За то канцелярская дѣятельность увеличилась чрезвычайно. Общество слушаетъ въ своихъ засѣданіяхъ только письма новыхъ членовъ, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе, просятъ увѣдомить какія ихъ обязанности и обѣщаютъ свое содѣйствіе, да краснорѣчивые отвѣты имъ секретаря. Было избрано, конечно безъ всякой баллотировки, а по заявленію того или другаго члена, хорошаго знакомаго предлагаемому, вновь четырнадцать членовъ, да двое вышедшіе изъ общества вновь пожелали вступить въ него. Это былъ Городчаниновъ, снова назначенный въ университетъ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, представившій въ общество при вступленіи „Надпись ко граду св. Петра", и Аксаковъ, пожелавшій снова вступить въ члены и съ этою цѣлью приславшій басню „Соловей и принцъ". Трудно сказать, что влекло этихъ лицъ къ поступленію въ общество. Вѣроятнѣе всего желаніе примкнуть къ университету, быть участникомъ болѣе интеллигентной жизни или найти любезныхъ цѣнителей своихъ талантовъ, наконецъ титулъ члена университетскаго общества. Для общества собственно они ничего не сдѣлали; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не поступило ни одного труда. Самымъ дѣятельнымъ лицомъ для общества оказался служившій тогда въ коммиссіи для составленія законовъ, издатель журнала „Улей", страстный библіографъ и антикварій *Анаста-*

севичъ (ему принадлежитъ составленіе извѣстнаго Смирдинскаго каталога). Онъ аккуратно присылалъ въ общество свой журналъ и писалъ довольно большія письма, въ которыхъ сообщалъ и литературныя и книжныя новости, но изъ писемъ его общество не сдѣлало никакого употребленія и только выслушивало ихъ въ чтеніи секретаря. Были здѣсь близкіе къ Казани люди: помѣщикъ Цывильскаго уѣзда, извѣстный противникъ Карамзина и составитель лѣтописнаго свода *Н. С. Арцыбашевъ*, искавшій въ Казани для себя общества людей образованныхъ, и *Ѳ. М. Рындовскій*, женатый на сестрѣ Панаевыхъ, писавшій и печатавшій множество ничтожныхъ стихотвореній въ позднѣйшихъ казанскихъ журналахъ. Были здѣсь казанскіе профессора: Петровскій и Никольскій, ничего для общества не сдѣлавшіе; директоръ оренбургскихъ училищъ *Лубкинъ*, послѣ уволеннаго Протопопова, сдѣлавшійся вскорѣ профессоромъ философіи въ Казани; два казанскіе протоіерея, изъ которыхъ одинъ подъ протоколами подписывался протоіереемъ, а другой протопопомъ; дивизіонный докторъ, представившій найденную имъ любопытную рукопись „Вѣроисповѣданіе и обряды извѣстной секты молокановъ, или какъ они изъясняются, духовныхъ христіанъ“, отданной на просмотръ архимандриту Епифанію, но послѣднимъ не возвращенной; оберъ-аудиторъ; депутатъ бугульминскаго дворянства *Федоровъ*, представившій стихотворный переводъ сатиры Буало къ Сорбонскому доктору Морелю; были два малоизвѣстные члена петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, рекомендованные Дм. Княжевичемъ, ничего не приславшіе въ общество; былъ совсѣмъ неизвѣстный членъ и казначей россійской академіи Соколовъ, тогда правитель канцеляріи Румовскаго. (Его не должно смѣшивать съ другимъ Соколовымъ, непремѣннымъ секретаремъ той-же академіи, упоминаемымъ въ сатирѣ Воейкова „Домъ Сумасшедшихъ“ подъ именемъ „Петръ Иванычъ Осударь“). Если что нибудь всѣ эти новые члены и сдѣлали для казанскаго общества, то эта дѣятельность должна принадлежать къ будущимъ разсказамъ нашимъ. Въ 1811 году они только были избраны. Изъ прежнихъ членовъ только архимандритъ Епифаній представилъ свой переводъ съ латинскаго статьи: „Извѣстна ли была древнимъ Америка?“, а изъ новыхъ, кромѣ упомянутаго нами Федорова, Лубкинъ прислалъ свои сословы на букву Б.

Были доставлены въ общество для помѣщенія въ трудахъ его нѣсколько сочиненій постороннихъ лицъ, но общество ими не воспользовалось. О нихъ обыкновенно постановлялось: „будетъ разсматриваться“, или „разсмотрѣть впредь“, или поручалось дать о статьѣ свое мнѣніе такому-то, но мнѣніе это не представлялось. Въ обществѣ во весь годъ читаны были только: шарада Ибрагимова „чело—вѣкъ“, какіе-то „Отрывки“ Кондырева, да стихи Рындовскаго.

Въ послѣднемъ, декабрьскомъ засѣданіи общества 1812 года, секретарь заявилъ собравшимся членамъ, что впрочемъ они и сами хорошо знали, что „доселѣ съ апрѣля мѣсяца собранія быть не могло по причинѣ перестроекъ и поправокъ въ университетскихъ домахъ и военныхъ обстоятельствъ“. Въ этомъ году было только три засѣданія; прочитаны были только: „Амуръ и Гименей“—стихотвореніе Ибрагимова и на трехъ страничкахъ—переводъ съ нѣмецкаго Кондырева „О всеобщемъ языкѣ“ (первый, какъ основатель общества, второй какъ секретарь его, считали, кажется долгомъ, хотя чѣмъ нибудь заявить о своемъ существованіи). Прочіе члены ничего не читали. Изъ чужихъ сочиненій препровождено было для помѣщенія въ трудахъ общества изъ редакціи „Казанскихъ Извѣстій“, куда оно было прислано, изъ Нижняго стихотвореніе ученика гимназіи „Горная Лютня“. Но въ этомъ году была разъ приведена въ исполненіе мысль Кондырева, на которой онъ сильно настаивалъ: объ одобреніи и привлеченіи къ участію въ трудахъ общества молодыхъ, начинающихъ литературныхъ талантовъ. Яковкинъ представилъ собранію двѣ рукописныя книжки, подъ названіемъ „Смѣсь, журналъ 1812 года“, состоящія изъ разныхъ стихотвореній и повѣсти въ духѣ Карамзина „Евгенія и Леонсъ или платье для бала“. Эти книжки заключали произведенія *младшихъ* студентовъ: Перова, Рыбушкина, В. Княжевича, Спиридонова и др. (изъ нихъ второй сдѣлался извѣстнымъ потомъ въ мѣстной литературѣ и былъ адъюнктомъ университета), „безъ всякаго посторонняго участія“. Яковкинъ предлагалъ по исправленіи помѣстить эти произведенія молодыхъ авторовъ въ трудахъ общества и, списавъ съ нихъ копіи „въ такомъ видѣ какъ они есть“ представить попечителю „для большаго одобренія упражняющихся“. Это было сдѣлано и попечитель согласился, самъ исправивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи студентовъ. Библіотека обще-

…ь обогатилась только двумя присланными ей свѣжими …ми графа Хвостова, написанными по случаю побѣдъ …дъ французами въ 1812 году.

Уставъ общества не утверждался. Еще въ концѣ 1810 …ода онъ былъ посланъ къ попечителю, но о судьбѣ его не было извѣстій. Положено въ декабрѣ 1812 года снова ходатайствовать о томъ же, такъ какъ общество доселѣ не видитъ „ни дѣйствительнаго утвержденія начальствомъ онаго (т. е. устава), ни отрицанія". При семъ случаѣ къ прежнимъ статьямъ присовокуплены были новыя: о ношеніи членами общества университетскаго мундира, „поелику общество есть какъ бы часть университета" и о почестяхъ умершимъ членамъ. Эти почести, какъ говорено было уже, заключались между прочимъ въ составленіи некролога умершаго члена и въ напечатаніи его. А для некролога необходимы фактическія свѣдѣнія, почему, по предложенію секретаря, рѣшено было потребовать отъ каждаго члена разные служебные документы въ копіяхъ, труды его, какъ напечатанные такъ и рукописные, и извѣщеніе о намѣреніяхъ сдѣлать то или другое, наконецъ собственное краткое начертаніе жизни. Опредѣлено было отнестись объ этомъ вообще ко всѣмъ членамъ, но представилъ документы и автобіографію только одинъ— харьковскій профессоръ И. Е. Срезневскій; прочихъ можетъ быть остановило соображеніе, что свѣдѣнія собираются въ виду смертнаго часа, для некролога.

Первая книжка общества была, какъ мы видѣли, составлена, переписана и отправлена къ попечителю, но отвѣта какъ и объ уставѣ, не было получено никакого. Еще въ апрѣлѣ поручено было издателямъ составлять 2 и 3 книжки; онѣ и составлялись, но судьба первой безпокоила общество. Деньги на печатаніе отпущены; трудовъ членовъ накопилось уже довольно, а разрѣшенія нѣтъ. Положено было при отчетѣ попечителю за этотъ годъ *упомянуть исторически* и о первой книжкѣ трудовъ. Составленіе 2 и 3 книжекъ вызвал… снова вопросъ о составѣ книжекъ, хотя, какъ мы видѣл… составъ этотъ былъ уже точно опредѣленъ прежде. Бы… снова разсуждаемо: „могутъ ли входить въ труды общест… занимающагося словесностью, и предметы учености?" Рѣш… „могутъ, но *что впрочемъ о нихъ не нужно прилагат… бенн*аго *старанія и хотя бы оныхъ и совсѣмъ не был…*

въ трудахъ можно оставлять статью: науки и искусства и ученыя извѣстія".

Въ декабрѣ только Яковкинъ заявилъ собранію членовъ о смерти попечителя Румовскаго и о назначеніи новаго попечителя Салтыкова. Выслушавъ это заявленіе, члены, согласно поговоркѣ французскихъ роялистовъ: le roi est mort—vive le roi!, постановили отъ имени общества принести новому начальнику поздравленіе со вступленіемъ въ должность и просить „начальственнаго благорасположенія его, вниманія и покровительства къ обществу". Какъ Румовскому посылалось каждый годъ отъ общества поздравленіе съ новымъ годомъ, такъ и Салтыкову послано было такое же съ 1813 годомъ. По поводу ожидаемаго пріѣзда его въ Казань, нѣкоторые изъ членовъ предлагали даже имѣть обществу торжественное собраніе, но постановлено было впрочемъ не дѣлать его, а на случай присутствія въ обществѣ попечителя, „предоставить на волю гг. членамъ написать стихи, рѣчи и разсужденія, секретарю же препоручить написать историческое обозрѣніе общества".

Общество и въ этомъ году обогатилось пятью новыми членами. Изъ извѣстныхъ ему „любителей словесности" приглашены къ соучастію въ трудахъ общества, въ званіи иногородныхъ членовъ: упомянутый нами профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Евсевьевичъ *Срезневскій* (отецъ знаменитаго слависта), и директоръ пермскихъ училищъ Никита Саввичъ *Поповъ*, авторъ „Описанія Пермской губерніи", изданнаго въ 1804 году, присылавшій и прежде нѣкоторыя свои сочиненія въ общество, а въ университетъ штуфы для минералогическаго кабинета, какъ было уже нами упомянуто. Въ званіе *дѣйствительныхъ*, т. е. живущихъ въ Казани членовъ, были избраны: *Срезневскій* Осипъ, магистръ философіи, братъ вышеупомянутаго, богоявленскій священникъ *Таліевъ* и совѣтникъ губернскаго правленія Савва Андреевичъ *Москотильниковъ* (1). Съ 1813 года становится уже весьма за-

(1) Это былъ памятный еще нѣкоторымъ въ Казани собиратель мистическихъ книгъ (у него была почти полная библіотека ихъ), какъ кажется мистикъ по убѣжденіямъ, находившійся въ связяхъ съ Лопухинымъ, Невзоровымъ и другими лицами, сохранившими въ первыя два десятилѣтія текущаго вѣка преданія Новиковскаго кружка. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ въ прозѣ съ французскаго перевода Лебрена поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ (2 части, М. 8°. 1819). Эта зна-

ства обогатилась только двумя присланными ей свѣжими одами графа Хвостова, написанными по случаю побѣдъ надъ французами въ 1812 году.

Уставъ общества не утверждался. Еще въ концѣ 1810 года онъ былъ посланъ къ попечителю, но о судьбѣ его не было извѣстій. Положено въ декабрѣ 1812 года снова ходатайствовать о томъ же, такъ какъ общество доселѣ не видитъ „ни дѣйствительнаго утвержденія начальствомъ онаго (т. е. устава), ни отрицанія“. При семъ случаѣ къ прежнимъ статьямъ присовокуплены были новыя: о ношеніи членами общества университетскаго мундира, „поелику общество есть какъ бы часть университета“ и о почестяхъ умершимъ членамъ. Эти почести, какъ говорено было уже, заключались между прочимъ въ составленіи некролога умершаго члена и въ напечатаніи его. А для некролога необходимы фактическія свѣдѣнія, почему, по предложенію секретаря, рѣшено было потребовать отъ каждаго члена разные служебные документы въ копіяхъ, труды его, какъ напечатанные такъ и рукописные, и извѣщеніе о намѣреніяхъ сдѣлать то или другое, наконецъ собственное краткое начертаніе жизни. Опредѣлено было отнестись объ этомъ вообще ко всѣмъ членамъ, но представилъ документы и автобіографію только одинъ— харьковскій профессоръ И. Е. Срезневскій; прочихъ можетъ быть остановило соображеніе, что свѣдѣнія собираются въ виду смертнаго часа, для некролога.

Первая книжка общества была, какъ мы видѣли, составлена, переписана и отправлена къ попечителю, но отвѣта, какъ и объ уставѣ, не было получено никакого. Еще въ апрѣлѣ поручено было издателямъ составлять 2 и 3 книжки; онѣ и составлялись, но судьба первой безпокоила общество. Деньги на печатаніе отпущены; трудовъ членовъ накопилось уже довольно, а разрѣшенія нѣтъ. Положено было при отчетѣ попечителю за этотъ годъ *упомянуть исторически* и о первой книжкѣ трудовъ. Составленіе 2 и 3 книжекъ вызвало снова вопросъ о составѣ книжекъ, хотя, какъ мы видѣли, составъ этотъ былъ уже точно опредѣленъ прежде. Было снова разсуждаемо: „могутъ ли входить въ труды общества, занимающагося словесностью, и предметы учености?“ Рѣшено: „могутъ, по *что впрочемъ о нихъ не нужно прилагать особеннаго старанія и хотя бы оныхъ и совсѣмъ не было, то*

въ трудахъ можно оставлять статью: науки и искусства и ученыя извѣстія".

Въ декабрѣ только Яковкинъ заявилъ собранію членовъ о смерти попечителя Румовскаго и о назначеніи новаго попечителя Салтыкова. Выслушавъ это заявленіе, члены, согласно поговоркѣ французскихъ роялистовъ: le roi est mort—vive le roi!, постановили отъ имени общества принести новому начальнику поздравленіе со вступленіемъ въ должность и просить „начальственнаго благорасположенія его, вниманія и покровительства къ обществу". Какъ Румовскому посылалось каждый годъ отъ общества поздравленіе съ новымъ годомъ, такъ и Салтыкову послано было такое же съ 1813 годомъ. По поводу ожидаемаго пріѣзда его въ Казань, нѣкоторые изъ членовъ предлагали даже имѣть обществу торжественное собраніе, но постановлено было впрочемъ не дѣлать его, а на случай присутствія въ обществѣ попечителя, „предоставить на волю гг. членамъ написать стихи, рѣчи и разсужденія, секретарю же препоручить написать историческое обозрѣніе общества".

Общество и въ этомъ году обогатилось пятью новыми членами. Изъ извѣстныхъ ему „любителей словесности" приглашены къ соучастію въ трудахъ общества, въ званіи иногородныхъ членовъ: упомянутый нами профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Евсевьевичъ *Срезневскій* (отецъ знаменитаго слависта), и директоръ пермскихъ училищъ Никита Саввичъ *Поповъ*, авторъ „Описанія Пермской губерніи", изданнаго въ 1804 году, присылавшій и прежде нѣкоторыя свои сочиненія въ общество, а въ университетъ штуфы для минералогическаго кабинета, какъ было уже нами упомянуто. Въ званіе *дѣйствительныхъ*, т. е. живущихъ въ Казани членовъ, были избраны: *Срезневскій* Осипъ, магистръ философіи, братъ вышеупомянутаго, богоявленскій священникъ *Талiевъ* и совѣтникъ губернскаго правленія Савва Андреевичъ *Москотильниковъ* ([1]). Съ 1813 года становится уже весьма за-

---

([1]) Это былъ памятный еще нѣкоторымъ въ Казани собиратель мистическихъ книгъ (у него была почти полная библіотека ихъ), какъ кажется мистикъ по убѣжденіямъ, находившійся въ связяхъ съ Лопухинымъ, Невзоровымъ и другими лицами, сохранившими въ первыя два десятилѣтія текущаго вѣка преданія Новиковскаго кружка. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ въ прозѣ съ французскаго перевода Лебрена поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ (2 части, М. 8°. 1819). Эта зна-

труднительнымъ имѣть сколько нибудь точныя свѣдѣнія объ обществѣ: протоколовъ его совсѣмъ не существуетъ и передъ нами только disjecta membra. Изъ сохранившихся повѣстокъ, приглашавшихъ въ засѣданіе, подписанныхъ едва половиною казанскихъ членовъ, да и изъ этой половины многіе отказывались присутствовать, ссылаясь на болѣзни и служебныя занятія, видно, что было только два засѣданія: одно обыкновенное—12 іюня, другое экстраординарное—7 ноября. Рѣ-

---

менитая поэма итальянскаго поэта, психически разстроеннаго и отразившаго въ ней ту католическую и іезуитскую реакцію, которая началась въ Италіи съ XVI вѣка и побѣдила въ ней зародыши реформаціи, должна была нравиться мистикамъ. Изданіе перевода посвящено Москотильниковымъ Казанскому обществу любителей отечественной словесности. Изъ писемъ къ нему довольно извѣстнаго въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго вѣка литератора и казанскаго уроженца Гаврилы Петровича Каменева (1772—1803), связаннаго съ нимъ дружбою и общими литературными вкусами, видно, что переводомъ Тасса Москотильниковъ занимался уже въ 1800 году. (См. «Вчера и Сегодня», литературный сборникъ, составленный гр. В. Соллогубомъ, книга первая. СПБ. 1845., стр. 51). Эти любопытныя письма изъ Москвы въ Казань, изданныя Н. И. Второвымъ, заключаютъ въ себѣ описаніе знакомствъ и бесѣдъ молодаго казанскаго писателя съ тогдашними корифеями мистицизма въ первопрестольной столицѣ: И. В. Лопухинымъ, И. П. Тургеневымъ, Поздѣевымъ и близкими къ нимъ писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Херасковымъ. Въ этотъ избранный кругъ Москвы Каменевъ попалъ, если не ошибаемся, по рекомендаціи Москотильникова, что доказываетъ его давнія связи съ мистиками. Любопытно, что въ некрологѣ Москотильникова (1768—1852), напечатанномъ въ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* (1853 г. №№ 7 и 8), ни объ этихъ связяхъ съ мистиками и масонами, ни о его обширной библіотекѣ, ни о его вліяніи не сказано ни слова: въ то время мистика находилась подъ цензурнымъ запрещеніемъ. Къ сожалѣнію составитель некролога не исполнилъ своего обѣщанія: напечатать находившіяся въ его рукахъ «Воспоминанія» Москотильникова о дѣтствѣ, до поступленія на службу. Москотильниковъ былъ ярославскій уроженецъ, сынъ купца, въ молодости увлекался призваніемъ актера. Очень можетъ быть, что въ это время была еще свѣжа въ его родномъ городѣ память о знаменитомъ основателѣ русскаго театра Ѳ. Г. Волковѣ.

Главная служебная дѣятельность Москотильникова прошла въ Казани. Подъ конецъ жизни онъ былъ однимъ изъ видныхъ чиновниковъ и пользовался уваженіемъ. Послѣ управленія казанскимъ округомъ Магницкаго, изъ друга сдѣлавшагося врагомъ мистицизма, Савва Москотильниковъ сошелся съ нѣкоторыми изъ тѣхъ людей, которые вынесли изъ университета времени Магницкаго духовныя вліянія (впрочемъ этихъ людей было весьма немного); они смотрѣли на него какъ на учителя. Мы помнимъ еще его фигуру, занимавшую насъ, какъ обломокъ стараго времени; на нее, казалось намъ, падала тѣнь Шварца, Новикова, Лопухина; старческіе, уже потухшіе, но умные глаза какъ бы уходили внутрь; сѣдые, длинные до плечъ волосы и тихій, но внушительный голосъ, все заставляло смотрѣть на него съ невольнымъ уваженіемъ... Но вотъ какія біографическія данныя о Москотильниковѣ, когда онъ пожелалъ быть профессоромъ юристомъ

шительно нельзя сказать чѣмъ занимались члены въ теченіе этихъ засѣданій. Нѣтъ слѣдовъ какого либо чтенія на нихъ; не записано ни одного поступившаго въ общество сочиненія.

Въ одномъ изъ этихъ засѣданій общество узнало наконецъ о печальной судьбѣ, постигшей первую книгу его трудовъ, совершенно готовую къ изданію и представленную имъ покойному попечителю еще въ 1810 году. Возвращая ее въ совѣтъ университета, новый попечитель писалъ (предложеніе 20 янв. 1813 г. № 40), что изъ числа статей, составляющихъ эту книгу, бывшимъ попечителемъ, по разсмотрѣніи ихъ, отмѣчены къ напечатанію только *семь* (въ томъ числѣ нѣсколько стихотвореній), да и то изъ нихъ одна переводная, съ замѣчаніемъ „чтобы переводъ сей еще разсмотрѣнъ и исправленъ былъ обществомъ, по причинѣ множества встрѣчающихся въ немъ выраженій и оборотовъ, несвойственныхъ языку россійскому". Хотя эта книга первоначальныхъ трудовъ общества не сохранилась, но мы изъ бу-

---

въ только что основанномъ Казанскомъ университетѣ и написалъ о томъ попечителю, сообщилъ послѣднему Яковкинъ: «Между славящимися казанскими письмоводцами и писателями просьбъ, особенно интересующимся просителямъ (?), находится извѣстный, недавно по газетамъ отставленный съ чиномъ надворнаго совѣтника, Савва Москотильниковъ, игравшій сначала и съ женою своею на казанскомъ вольномъ театрѣ, а по пріѣздѣ моемъ въ 1799 году въ Казань засталъ я его городовымъ секретаремъ въ здѣшнемъ магистратѣ, откуда однако отставленъ. Извѣстное несчастное казанское пожарное дѣло доставило ему чинъ титулярнаго совѣтника, знакомство съ производившимъ оное дѣло генераломъ Альбедилемъ, чинъ коллежскаго ассесора, а отставка—и надворнаго совѣтника. Нигдѣ въ школахъ не обучавшись, занялъ онъ отъ знакомыхъ нѣкоторыя понятія о литературѣ и французскій языкъ, а отъ многолѣтняго упражненія знаніе въ обыкновенной судебной юриспруденціи, которое однако при мнимо тихомъ его характерѣ, не оставило наградить его прозваніемъ *ябедника*, пишущаго обѣимъ спорящимся сторонамъ потребныя бумаги или кто болѣе дастъ. Извѣщенъ я, что онъ изготовилъ диссертацію, по коей бы удостоиться ему званія профессора россійской юриспруденціи въ Казанскомъ университетѣ. Самыя обширнѣйшія наши познанія не важны безъ доброты души, безъ общеуважительныхъ добродѣтелей, а потому, зная его коротко и лично, священною себѣ обязанностью поставляю предварительно донести в. п. объ его качествахъ» (8 янв. 1807 г.). Находился ли всецѣло въ этотъ періодъ жизни Москотильниковъ подъ вліяніемъ мистическихъ и масонскихъ ученій, которыя, говорятъ, нравственно воспитывали людей, или судьбою уже такъ положено, что русскія натуры должны совмѣщать въ себѣ несовмѣстимое—не знаемъ. Зная свойства и характеръ тогдашнихъ законниковъ и юристовъ, мы не имѣемъ основанія заподозрить вѣрность сообщенія, сдѣланнаго Яковкинымъ; провѣрить его фактически—нѣтъ возможности.

маги попечителя можемъ возстановить ея содержаніе. Дозволялись къ печатанію: 1) О вкусѣ и геніи—изъ Лагарпа члена (В. Перевощикова); 2) отрывки изъ Оссіана (члена Ибрагимова); 3) Превращеніе Дафны изъ Овидія (его же); 3) четыре надписи; 5) Историческое обозрѣніе состоянія и хода наукъ, перев. съ нѣм. (Кондырева), 6) Обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи (не члена, директора Миллера), 7) Описаніе города Астрахани (не члена, директора Храповицкаго) и 8) Разныя извѣстія. Что касается до другой, и большей половины книги, то о ней говорилось слѣдующее: „Прочія же статьи имъ (Румовскимъ) не одобрены, какъ то: сужденія о синонимахъ по не русскому слогу и натянутому толкованію, стихи въ альбомъ, другу на именины, логогрифъ, шарады по искаженнымъ и чуждымъ языку русскому и низкимъ выраженіямъ; надписи, эпитафіи, надгробія и *басенникъ со стрекозою* (?)—по недостатку или весьма слабому замыслу, а смѣсь—по страннымъ мыслямъ и не русскому слогу“. Салтыковъ высказывалъ желаніе, чтобы исключенныя статьи были замѣнены другими, полезнѣйшими, „ежели есть таковыя“, чтобъ общество руководствовалось совѣтами Городчанинова, „яко профессора краснорѣчія“ и Лубкина „по усматриваемому мною знанію его языка россійскаго“ и „*впредь наполняло труды свои болѣе полезнѣйшими и хорошимъ русскимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями*“. Говорилось въ предложеніи и о *предисловіи*, въ которомъ „заключены обстоятельства до публики вовсе некасающіяся“, о необходимости его сократить и даже указывалось обществу, что должно быть высказано въ этомъ предисловіи. Таковъ былъ взглядъ начальства на труды общества. Не знаемъ какое впечатлѣніе на членовъ произвели слова и замѣчанія попечителя, но нельзя не согласиться съ его приговоромъ, тѣмъ болѣе, что общество, существуя при университетѣ, прикрываясь его именемъ, обязано было не забывать этого обстоятельства. Едва ли это приходило кому нибудь изъ членовъ общества на мысль и самъ *первый членъ* общества Яковкинъ, не написавшій для него ни строчки, не думалъ объ этомъ. Дѣйствительно общество, изъ педагогическаго почти, какимъ оно было въ началѣ, подъ его предсѣдательствомъ превратилось въ праздную забаву людей, собранныхъ въ одно цѣлое не единствомъ

ясной и благородной цѣли, а всего болѣе мелкимъ самолюбіемъ.

Таже участь постигла и уставъ общества, который составляли цѣлый годъ. Съ его претензіями онъ не могъ быть утвержденъ. Пришлось снова разсматривать этотъ уставъ и дѣлать въ немъ значительныя перемѣны. Эта работа происходила въ ноябрѣ 1813 года и тогда же была представлена попечителю съ ходатайствомъ о необходимости скорѣйшаго утвержденія этого устава, „безъ коего общество ничего твердаго и основательнаго ни предпринять, ни учинить не можетъ". Министръ народнаго просвѣщенія не рѣшился однако самъ собою утвердить этотъ значительно измѣненный уставъ, а препроводилъ его съ этою цѣлью въ комитетъ министровъ „такъ какъ подобныя общества всегда должны быть утверждены правительствомъ". Въ этой инстанціи уставъ былъ наконецъ утвержденъ уже послѣ открытія университета, въ началѣ іюля 1814 года. Между тѣмъ, въ ожиданіи его, общество совершенно бездѣйствовало. Получивъ наконецъ утвержденіе, оно принесло конечно свою благодарность попечителю и прежде всего задумало устроить торжественное собраніе, но устроить его въ лѣтнее время, по отсутствію членовъ, было нельзя, а потому и отложило его до зимы. Засѣданій въ этомъ году, собственно по поводу утвержденнаго устава, для выбора разныхъ должностныхъ членовъ согласно новому уставу, и для разныхъ приготовленій къ торжественному собранію было только два: въ октябрѣ и ноябрѣ. Успѣли еще выбрать девять новыхъ членовъ, трехъ дѣйствительныхъ: младшаго изъ братьевъ Панаевыхъ, Владиміра, сдѣлавшагося въ это время уже кандидатомъ словесности, магистра исторіи *Юнакова* и въ первый разъ появившагося въ этомъ году въ Казани, но столь извѣстнаго въ ней впослѣдствіи *Солнцева*. Это было первое лицо, имѣвшее въ Казани публичный диспутъ и получившее, по открытіи университета въ этомъ году, степень доктора обоихъ правъ. Шесть избранныхъ тогда же новыхъ иногородныхъ членовъ не принесли, да и не могли принести никакой пользы обществу.

Мы разсказали, и разсказали довольно подробно, можетъ быть подробнѣе даже, чѣмъ заслуживалъ то самый предметъ, исторію перваго періода казанскаго общества любителей отечественной словесности, до его *преобразованія*,

какъ выражались лица, стоявшія въ главѣ общества на торжественномъ собраніи, происходившемъ 12 декабря 1814 года ([1]). Въ чемъ однако состояло это преобразованіе— едва ли могли сказать сами члены общества. Уставъ не представлялъ ровно ничего новаго; члены общества остались тѣже, тотъ же предсѣдательствующій и тотъ же секретарь.

Откуда могъ повѣять новый духъ въ это по нашему мнѣнію мертворожденное общество? Откуда могли взяться новыя духовныя стремленія и новая дѣятельность? Читая тѣ „гласы ликованія", которые при открытіи „храма словесности" раздавались „на брегахъ Волги и Камы, на краю Европы и Азіи, близь сей старѣйшей части свѣта, колыбели рода человѣческаго", мы встрѣчаемся не съ новою мыслью, всегда вызываемою всякимъ преобразованіемъ, если оно совершилось для успѣха, а съ тою же пустою, безсодержательною фразою, которая раздавалась и прежде. Въ слѣдующемъ году общество, какъ оно торжественно заявило на собраніи, обѣщало начать изданіе своихъ трудовъ. Мы увидимъ, что это не было выполнено. А между тѣмъ послѣ подъема народнаго духа и страшныхъ усилій войны 1812 года, начиналась въ Россіи новая духовная жизнь, зарождалось политическое сознаніе; мысль невольно пробуждалась и углублялась въ жизнь, хотя съ другой стороны подымала голову и реакція, испуганная пробужденіемъ жизни, прикрываясь то мистицизмомъ, то простою религіозностью. Посреди этихъ, неизвѣстныхъ прежде колебаній духовнаго міра огромной страны, что могли сказать эти люди, безъ особенныхъ талантовъ литературныхъ и безъ знаній, запоздалые переводчики и, какъ мы видѣли, нѣсколько презрительно смотрѣвшіе на науку, собравшіеся только для того, чтобы общими усиліями составить и написать нѣчто въ родѣ *тріолета Лизетѣ?*

Исторія послѣдующей дѣятельности общества выходитъ за предѣлы этой главы.

([1]) Описаніе этого собранія помѣщено въ *Казанскихъ Извѣстіяхъ* 1814 года, №№. 51 и 52 и вышло также отдѣльно, 4°. Кромѣ того напечатана отдѣльно брошюра «Торжество Казанскаго общества любителей отечественной словесности», гдѣ помѣщенъ и уставъ. Каз. 1815. 8°. 16 стр.

Для бóльшей полноты картины изображаемой нами жизни Казанскаго университета въ первые годы его, намъ остается разсказать *о началѣ періодической литературы* въ Казани, починъ которой принадлежалъ, если не обществу любителей отечественной словесности, то во всякомъ случаѣ университету, въ рукахъ котораго и находилось первое казанское періодическое изданіе. Съ большими, тягостными потугами народилось въ Казани это жалкое, рахитическое дитя, извѣстное теперь подъ названіемъ провинціальной прессы, мнящее руководить общественнымъ (?) мнѣніемъ провинціи, какъ ребенокъ, прыгающій на палочкѣ воображаетъ, что скачетъ на настоящемъ конѣ. Еще не была пущена въ ходъ университетская русская типографія, шрифты которой присланы были попечителемъ лѣтомъ 1808 года изъ Петербурга, какъ явился уже проектъ газеты, подъ названіемъ „Казанскія Извѣстія", потребность которой, съ увеличеніемъ города и числа въ немъ грамотныхъ людей, ощущалась всѣми. „Разговаривая съ нѣкоторыми здѣшними жителями объ имѣющей быть при университетѣ типографіи, пишетъ къ попечителю Яковкинъ, получилъ я достовѣрное извѣстіе, что университетъ и нынѣ можетъ имѣть отъ типографіи россійской до двухъ тысячъ рублей прибыли, ежели бы хотя на два листа было россійскихъ литеръ, печатая объявленія о продажахъ, подрядахъ" и проч (11 февраля, 1808 года), почему Яковкинъ и просилъ прислать шрифту хотя бы на два листа съ половиною. Въ августѣ того же года адъюнктъ Запольской представилъ проектъ еженедѣльнаго изданія, подъ названіемъ „Казанскія Извѣстія" и Яковкинъ не умедлилъ отослать его на благоусмотрѣніе и утвержденіе, „если благоугодно будетъ", начальства.

Планъ Запольскаго вовсе не заключалъ въ себѣ политическаго отдѣла и никакихъ современныхъ извѣстій о происшествіяхъ или о распоряженіяхъ правительства. „Извѣстія" должны были удовлетворять только насущной потребности жителей Казани. Правда Запольской приравнивалъ Казань къ столицамъ, имѣющимъ вѣдомости и высказывалъ желаніе, чтобъ и она имѣла ихъ. „Извѣстно всей просвѣщенной россійской публикѣ, что губернскій городъ Казань, по столичнымъ городамъ, занимаетъ въ числѣ лучшихъ городовъ первое мѣсто. Она, будучи средоточіемъ торговли Сибирскаго края, имѣетъ то еще важное предъ прочими преимущество, что содержитъ въ себѣ

весьма знатныя казенныя заведенія, сверхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ то: адмиралтейскую контору, коммиссаріатское и провіантское депо, пороховой заводъ и продажу, удѣльную экспедицію, университетъ и гимназію, духовную академію и консисторію и проч. Все сіе, присовокупя къ тому и многолюдство города, населеннаго великимъ множествомъ купечества, дворянства и другихъ разныхъ классовъ жителями, неминуемо должно поставить отношенія обывателей Казани совершенно почти въ такомъ видѣ, какъ они существуютъ въ самихъ столичныхъ городахъ. А какъ въ сихъ мѣстахъ, для свободнѣйшаго сообщенія *извѣстій о взаимныхъ нуждахъ жителей* попечительное правительство благоволило ввести въ употребленіе повременное издаваніе вѣдомостей, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы и Казань не имѣла нужды въ подобныхъ вѣдомостяхъ, подъ какимъ названіемъ ни были бы онѣ издаваемы". Эту потребность въ вѣдомостяхъ и старается доказать Запольской. „Стоитъ обратить вниманіе съ одной стороны на тѣхъ людей въ Казани, которые пріобрѣтаютъ себѣ даже видимымъ образомъ имущества отъ посредничества при продажахъ и покупкахъ, а съ другой на жалобы самихъ обывателей, которые принуждены бываютъ имъ платить по 10 и болѣе процентовъ съ рубля съ обѣихъ сторонъ, не говоря уже о той важной невыгодѣ, что часто сосѣдъ не знаетъ кому вещь продать, а другой у кого оную выгоднѣе купить". Запольской наконецъ доказываетъ, что онъ вездѣ въ Казани находилъ сочувствіе къ своему намѣренію. Не говоря о губернскомъ начальствѣ, которое совершенно одобрило его мысль, онъ „не находилъ ни въ публикѣ, ни въ частныхъ собраніяхъ ни одного изъ обывателей города, кто бы не почувствовавъ прежде удовольствія нѣкотораго рода отъ моего предложенія, не изъявилъ вмѣстѣ и согласія на подписку таковыхъ вѣдомостей". Недостатка въ матеріалахъ для „Казанскихъ Извѣстій" („еслибы университетскому начальству угодно было ихъ такъ назвать — въ отличіе отъ вѣдомостей столичныхъ, гдѣ помѣщаются и политическія извѣстія")— не могло быть. Эти матеріалы доставлялись бы 1) казенными мѣстами; 2) дворянствомъ, 3) купечествомъ, 4) художниками, мастеровыми и промышленниками, 5) разнаго званія людьми (Запольской входитъ въ подробности о томъ, какого рода матеріалъ можетъ доставляться подъ этими рубриками). За

тѣмъ 6) въ Извѣстіяхъ помѣщаться должны разныя текущія статистическія свѣдѣнія и наконецъ 7) *„дабы сообщить казанскимъ извѣстіямъ и привлекательность*, университетъ не излишнимъ почелъ бы а) сообщать публикѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ термометра, барометра и прочихъ метеорологическихъ явленіяхъ; б) также пополнять ихъ маленькими сочиненьицами, привлекающими любопытство, какъ то: загадками, логогрифами, басенками“ и пр.

Для облегченія собиранія матеріаловъ, особенно оффиціальныхъ, Запольской желалъ, чтобъ свѣдѣніе объ изданіи „Извѣстій“, если оно будетъ разрѣшено правительствомъ, было распространено повсемѣстно, какъ публикаціей въ столичныхъ газетахъ, такъ и широкимъ участіемъ администраціи, къ чему предлагалъ разныя мѣропріятія со стороны университетскаго начальства. „Наконецъ, говорилъ онъ, дабы присутственныя мѣста, по превратному ли о новизнѣ сего изданія понятію или *по худому предубѣжденію противу учебныхъ заведеній*, не могли остановить университетское начальство въ столь ревностномъ расположеніи къ дѣятельности на пользу общую, то начальство сіе весьма облегчило бы трудность своего намѣренія, если бы оно испросило къ тому содѣйствіе министровъ, имѣющихъ непосредственное вліяніе *въ губернскія начальства* (предлогъ. употребленъ по теоріи Шишкова), какъ въ разсужденіи споспѣшествованія въ подпискѣ, такъ не менѣе и въ объявленіяхъ отъ присутственныхъ мѣстъ“.

Въ заключеніе Запольской подробно разсчитываетъ, какую выгоду въ рубляхъ можетъ принести это изданіе университету, говоритъ о подписной цѣнѣ, о форматѣ (по образцу тогдашнихъ Московскихъ вѣдомостей) и подробно останавливается на управленіи газетной части, гдѣ также беретъ за образецъ устройство этого дѣла при Московскомъ университетѣ, который тогда не отдавалъ свою газету на откупъ, а самъ издавалъ.

Таковъ былъ скромный планъ Запольскаго, но онъ не нашелъ сочувствія со стороны попечителя. „Планъ, сообщенный вами „Казанскихъ Извѣстій“ *толь обширенъ* (?), писалъ онъ къ Яковкину, что при настоящемъ вещей положеніи въ дѣйствіе произвести способа не имѣю. Сверхъ сего Извѣстія сіи, *когда правительство оныхъ не требуетъ, могутъ навлечь университету неудовольствіе.* Прочтите въ регламентѣ

Академіи статью 115 (привилегія издавать вѣдомости) и увидите, что Академія можетъ протестовать противъ университета". Ссылка на „Московскія вѣдомости", издаваемыя университетомъ, тоже не имѣла значенія въ глазахъ попечителя: „Московскій университетъ, прежде пожалованныхъ Академіи преимуществъ, издавалъ политическія вѣдомости", писалъ онъ. Казанскому университету, по его словамъ, можно будетъ запретить издавать Извѣстія, какъ не учебныя. Онъ имѣетъ право издавать только то, что служитъ къ просвѣщенію" (5 ноября и 17 дек. 1808 г.). Кажется, что попечитель боялся новаго, незнакомаго ему дѣла и желалъ остаться на почвѣ исключительно болѣе или менѣе научной. Противъ періодическаго изданія вообще онъ былъ однако не прочь и даже самъ сообщилъ планъ такого изданія:

«Въ § 11 утвердительной грамоты университета, писалъ онъ, сказано: въ типографіи печатается все, что по мнѣнію совѣта служитъ къ распространенію знаній въ его округѣ. Почему совѣтовалъ бы я начать изданіемъ какихъ нибудь извѣстій до наукъ относящихся. Такъ напр. сочиненіями, въ собраніи россійской словесности одобренными. Тутъ можно помѣщать извѣстія о количествѣ прибывающей весною воды, метеорологическія въ Казани наблюденія и присылаемыя также изъ другихъ гимназій и училищъ, во всѣхъ училищахъ и при испытаніяхъ въ самой Казанской гимназіи говоренныя рѣчи, кои тисненія будутъ удостоены. На сей конецъ я бы приказалъ сообщать вамъ всѣмъ училищамъ говоренныя рѣчи. Наконецъ полезнобъ было для университета (?) помѣщать сколько въ каждомъ училищѣ въ теченіе года учениковъ обучалось и сколько ихъ выбыло. На первый случай довольно бы было, чтобъ ежегодно одна или двѣ подобныя книжки были издаваемы, и не болѣе 10 или 12 листовъ составляли; въ нихъ можно помѣщать маленькія сочиненія, загадки, эпитафіи, басенки и тому подобное. Предложите мысли мои на разсужденіе совѣта. Можетъ быть и гг. профессора не отрекутся временемъ сообщать что нибудь до наукъ касающееся, какъ напр. испытаніе водъ въ Казани употребляемыхъ, колодезной воды въ Тенишевскомъ домѣ и гимназическомъ, описаніе въ Казани встрѣчающихся древностей и проч., для прославленія имени своего не въ одной Казани. Въ извѣстія сіи не неприлично помѣстить и впредь помѣщать какія университетъ и отъ кого получилъ и получаетъ приращенія въ книгахъ, натуральныхъ вещахъ, инструментахъ и проч. сему подобномъ, не исключая и тѣхъ предметовъ, кои университетъ пріобрѣтаетъ своимъ иждивеніемъ. Ибо первое есть правило nosce te ipsum. Въ сихъ извѣстіяхъ должны быть помѣщаемы объявленія о публичныхъ лекціяхъ, кто, въ какіе дни, сколько часовъ, по какой книгѣ, преподавать будетъ на слѣдующую половину года.

Очевидно попечитель въ предлагаемомъ имъ планѣ извѣстій имѣлъ въ виду подробный отчетъ объ университетской дѣятельности и тѣ ежегодныя изданія университетскія, которыя мало по малу, съ теченіемъ времени, осуществи-

лись, но о которыхъ тогда еще никто не думалъ (первое *обозрѣніе преподаванiй* было напечатано въ 1809 году). Онъ самъ объяснялъ, что такое изданіе собственно принадлежитъ секретарю университета и предлагалъ придать ему въ помощь двухъ кандидатовъ, упражняющихся въ исторіи и словесности. Ему хотѣлось имѣть, какъ онъ самъ выражается въ другомъ мѣстѣ, печатную исторію университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ, что съ заведеніемъ русской типографіи „несомнѣнно надобно печатать университету своимъ иждивеніемъ что нибудь до наукъ касающееся, особливо при началѣ своемъ такое, чтобъ публикѣ приносило удовольствіе и доставляло нѣкоторое свѣдѣніе объ упражненіяхъ въ университетѣ". Но предлагаемый имъ планъ изданія былъ очень далекъ отъ плана Запольскаго: онъ былъ лишенъ общественнаго содержанія и характера, который Запольской желалъ придать предполагаемой имъ газетѣ. Планъ Румовскаго былъ заслушанъ однако въ совѣтѣ и адъюнкту Эриху поручено было перевести его по латыни для раздачи иностраннымъ профессорамъ. Черезъ нѣсколько времени участвовать въ такомъ университетскомъ изданіи, по плану попечителя, изъявили согласіе: Яковкинъ, Фуксъ, Эрихъ, Запольской, Евестъ и Вуттигъ. Предположено было также привлечь къ изданію „Университетскаго Вѣстника" и общество любителей словесности, но оно бездѣйствовало. Дѣло ничѣмъ не кончилось; до практическаго осуществленія оно не дошло.

Между тѣмъ Запольской, видя, что планъ его изданія не нашелъ сочувствія въ попечителѣ, выбралъ другой путь, независимо отъ университета. Онъ обратился за помощью къ губернатору, потому что сама администрація сознавала всю полезность и необходимость такого изданія для себя. Губернаторъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ. „Планъ еженедѣльныхъ сочиненій отъ гражданскаго губернатора представленъ министру внутреннихъ дѣлъ тотъ самый, который Запольской вамъ представлялъ, сообщаетъ Румовскій Яковкину. Печатаніе „Извѣстій" пріемлетъ на себя губернское правленіе, *подъ надзираніемъ г. Запольскаго* и еще какого-то отставнаго капитана (Зиновьева [1]) *не только на русскомъ,*

[1] Этотъ *Зиновьевъ*, Дмитрій Николаевичъ, изъ казанскихъ дворянъ поручикъ въ отставкѣ, переименованный въ титулярные совѣтники, служилъ, вѣроятно по выборамъ отъ дворянства, въ 1809 году, засѣдателемъ въ казанской уголовной палатѣ и долженъ быть причисленъ къ немногимъ

но и на татарскомъ языкѣ. Время покажетъ съ какою трудностію дѣло сіе сопряжено" (4 февр. 1809 г.).

Но и получить разрѣшеніе и начать изданіе представляло тоже значительныя трудности. Это видно изъ того, что только въ концѣ 1810 года, какъ кажется, Запольской и Зиновьевъ получили разрѣшеніе издавать свою газету. Говоримъ это неопредѣленно, потому что не знаемъ какъ велось дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и какъ, и почему предположеніе издавать газету также по татарски не состоялось. „Казанскія Извѣстія стали выходить съ 19 апрѣля

казанскимъ писателямъ, хотя писалъ онъ довольно безграмотно, какъ заключаемъ изъ его писемъ, видѣнныхъ нами. Очевидно это былъ любознательный самоучка, какихъ много являлось тогда, желавшій однако такъ или иначе примкнуть къ ученому сословію, пользовавшемуся уваженіемъ и вниманіемъ, какъ кажется, исключительно со стороны этого рода людей. Имъ напечатаны были и нѣкоторыя сочиненія: 1) «Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда». М. (въ унив-ской типогр.) 1788. 8°; 2) «Торжествующая добродѣтель или жизнь и приключенія гонимаго фортуною Селима, истинная повѣсть». М. 1791 8°. (*Сопик.* № 3198; у *Смирдина* нѣтъ). Геннади (*Справочный словарь*, т. 2, стр. 32) ставитъ это сочиненіе отдѣльно отъ перечисленныхъ имъ сочиненій Д. Зиновьева, потому что передъ фамиліей стоитъ буква Г., но она означаетъ кажется *господинъ*. Мы основываемся на собственномъ указаніи автора; 3) «Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе», издалъ Дмитрій *Зиновьевъ*, М. 1807. 8°. По словамъ Дубровина («Пугачевъ и его сообщники», т. III, стр. 398)—это „выдержка, изъ записки (собственно это письмо къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому) Платона Любарскаго («Сборникъ древностей». Каз. 1868., стр. 130—143), напечатанной потомъ въ „Исторіи Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина» (Сочиненія, изд. восьмое, Анскаго, т. VI, стр 396—403. и 4). «Набатъ по случаю войны съ Французами». Каз. 1807. 4°. (Это была первая книга, напечатанная въ Казани и разсмотрѣнная цензурнымъ комитетомъ при университетѣ.

Зиновьевъ, какъ помѣщикъ, занимался хозяйствомъ и представлялъ разные экономическіе опыты въ Императорское вольное экономическое общество, которое сдѣлало его своимъ членомъ-корреспондентомъ и три раза награждало его золотыми медалями. Еще въ 1806 году Зиновьевъ представилъ въ это общество записку о существованіи и находкѣ имъ какого-то *водяного растенія, приносящаго орѣхи* (въ то время, да и долго спустя, наши самоучки-хозяева почти всегда обращали вниманіе на какія нибудь рѣдкости или придумывали неслыханные источники доходовъ) и общество напечатало программу задачи объ умноженіи и употребленіи этого растенія.—Въ 1807 году Зиновьевъ доставилъ въ Академію Наукъ куски сѣрнаго колчедана, найденные имъ на берегу Камы, близъ Лаишева.—Въ 1809 году, по смерти директора казанскихъ народныхъ училищъ Волынскаго, Зиновьевъ просилъ попечителя опредѣлить его на эту должность, которую желалъ исправлять безъ жалованья, но оставаясь засѣдателемъ въ уголовной палатѣ. Румовскій не согласился. Зиновьевъ содержалъ типографію губернскаго правленія, гдѣ и сталъ съ 1811 года издавать уже одинъ «Извѣстія» (Запольской умеръ въ концѣ 1810 года).

1811 года. За газетою повидимому, какъ за новымъ дѣломъ въ провинціи, слѣдили внимательно въ Петербургѣ и очень скоро, послѣ первыхъ же ея нумеровъ, пришлось издавать ее университету. Не цензурныя погрѣшности замѣтили въ ней, а нѣчто другое, чего бы конечно не было, еслибъ другой издатель, Запольской, былъ живъ. Препровождая въ совѣтъ университета копію съ предписанія министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы во исполненіе высочайшей воли, объявленной ему отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, изданіе выходящей изъ казанской губернской типографіи газеты, подъ названіемъ. „Казанскія Извѣстія", *по усмотрѣнію въ ней ошибокъ не только типографическихъ, но даже противъ языка и слога*, возложено было на какого либо изъ чиновниковъ Казанскаго университета, попечитель предлагалъ (29 мая 1811 года, № 537) совѣту возложить эту обязанность на проф. Городчанинова и адъюнкта В. Перевощикова. О томъ онъ писалъ также и казанскому губернатору. Издателя обязали пока не выпускать ни одного нумера безъ подписи котораго либо изъ назначенныхъ лицъ. Совѣтъ полагалъ сначала, что Городчаниновъ и Перевощиковъ назначены лишь для предварительнаго разсмотрѣнія газеты, какъ въ отношеніи цензурномъ, такъ и по исправленію слога.

Изъ другаго позднѣйшаго предложенія попечителя (26 іюня, № 635), согласно волѣ министра народнаго просвѣщенія, совѣтъ увидѣлъ, что надобно спѣшить *составленіемъ плана* газеты, всецѣло поручаемой университету. Попечитель рекомендовалъ сообразоваться *сколько возможно* съ настоящимъ именемъ газеты и съ тѣмъ, что онъ сообщалъ прежде объ университетскомъ изданіи и что приведено нами выше. Онъ требовалъ свѣдѣній о томъ, что будетъ стоить годовое изданіе, сколько можетъ оно приносить доходу и назначалъ редакторами тѣхъ же лицъ. Для исполненія этого предложенія составлена была коммиссія изъ Броннера, Яковкина, Городчанинова, Кондырева, Перевощикова и Никольскаго. Ей и поручено было составленіе плана, необходимаго тѣмъ болѣе, что въ тоже время пришло еще предписаніе, что министромъ былъ указанъ въ 9 № газеты „Анекдотъ о философѣ Малербѣ", который по неприличности его не слѣдовало пропускать цензурѣ. Городчаниновъ, по старшинству, немедленно вступивъ въ свои обязанности, обратился въ со-

вѣтъ съ рапортомъ, чтобы члены его, а равно кандидаты и магистры доставляли ему матеріалы и потребовалъ выписки „новѣйшихъ иностранныхъ изданій для избранія изъ нихъ нужнаго къ помѣщенію въ Казанскія Извѣстія". Газета стала съ 22 августа, т. е. съ 19 № печататься въ университетской типографіи; отъ губернской пріобрѣли за тридцать рублей только гербъ Казанской губерніи, да знакъ №., котораго не было въ запасѣ. Оказалось, что университетская типографія была уже богаче губернской, старѣйшей: въ послѣдней литеръ едва доставало на полный листъ. Печатный листъ стоилъ на сѣрой бумагѣ—5, а на бѣлой—7 копѣекъ; годовая плата съ подписчиковъ, или за пренумерацію по тогдашнему—5 р.; подписчиковъ же всего было 120.

Какъ трудно было въ тѣ годы издавать даже такую незначительную газету, какъ „Казанскія Извѣстія" и какое это непривычное дѣло было для университета, который впрочемъ желалъ повести его съ достоинствомъ, видно изъ того обстоятельства, что независимо отъ комитета для составленія плана изданія, которое должно пока продолжаться на прежнихъ основаніяхъ, былъ еще образованъ совѣтомъ особый *комитетъ для изданія* „Казанскихъ Извѣстій", въ помощь Городчанинову и Перевощикову. Въ этотъ комитетъ, кромѣ редакторовъ, вошли: Германъ, Фуксъ, Эрдманъ, Броннеръ, Никольскій и Кондыревъ. Цѣлая инструкція изъ 12 пунктовъ была написана для него. Въ ней опредѣлялись всѣ сношенія газеты, съ кѣмъ и для какихъ свѣдѣній, рекомендовалось сдѣлать газету извѣстнѣе, не пропустить ничего изъ виду, что можетъ быть полезно къ извѣщенію или свѣдѣнію публики, принимать въ разсужденіе всякія предположенія для усовершенствованія изданія приложить всяческое попеченіе къ умноженію казенныхъ доходовъ и т. п. Комитетомъ этимъ былъ разсмотрѣнъ и потомъ одобренъ совѣтомъ въ засѣданіи 4 октября и планъ, составленный Броннеромъ и Кондыревымъ. Надобно замѣтить, что каждый изъ нихъ представилъ свой планъ; планъ Броннера, какъ незнакомаго съ языкомъ и обстоятельствами, имѣлъ болѣе отвлеченный характеръ (составитель и вышелъ вслѣдъ за симъ изъ комитета); планъ Кондырева былъ и точнѣе и обстоятельнѣе, и написанъ съ большею реторикою, что тогда нравилось. Кондыревъ исходилъ изъ той главной мысли, что университетъ дол-

женъ оправдать довѣріе государя императора, поручившаго ему изданіе. Существенной разницы въ обоихъ планахъ однако не было; только у Кондырева былъ политическій отдѣлъ. Въ комитетѣ отдѣлъ этотъ исключили вовсе, опредѣливъ, что „къ политическимъ извѣстіямъ вдругъ приступать не намѣрены“- Любопытны наивныя разсужденія Кондырева о политическихъ извѣстіяхъ въ газетѣ, показывающія чего отъ нихъ ждалъ читатель того времени, хотя это было наканунѣ войны 12 года.

«Для того, чтобы «Казанскія Извѣстія» были занимательны, должны они приносить черезъ чтеніе ихъ *пріятность и удовольствіе*, а черезъ помѣщеніе въ оныхъ достойнаго — *пользу*. Пріятность и удовольствіе могутъ происходить преимущественно отъ удовлетворенія человѣческаго любопытства, имѣющаго опять послѣдствіемъ либо пользу, либо кромѣ сего чувствованія почти ничего другаго. При семъ случаѣ извѣстія о занимательнѣйшихъ происшествіяхъ, особенно *политическихъ*, суть для сего необходимѣйшія. Они, занимая публику, доставляютъ ей случай пріятно препровождать иногда праздное время, въ обществѣ чрезъ сужденія и разговоры, и въ уединеніи чрезъ чтеніе и перемѣну образа занятій. Оставляя читателя на происшествіи не исполнившемся въ ожиданіи, побуждаютъ тѣмъ еще болѣе его вниманіе; онъ разсуждаетъ, дѣлаетъ свои заключенія и потомъ, получивъ свѣдѣніе какъ дѣйствительно случилось, поправляетъ ошибки въ сужденіяхъ, чрезъ кои болѣе познаетъ людей и ихъ дѣйствія, а тѣмъ приноситъ самъ себѣ пользу». Политическій отдѣлъ въ газетѣ долженъ быть поэтому *занимателенъ*. «Одни ученыя и сухія извѣстія, говоритъ Кондыревъ, немногихъ могутъ занимать къ чтенію ихъ, извѣстія о нуждахъ общественныхъ и собственныхъ также не всякаго могутъ склонить къ тому, чтобы онъ читалъ сіи извѣстія, по ненадѣянности найти въ нихъ искомое.. Сіе тѣмъ чувствительнѣе въ краяхъ нашихъ, гдѣ нельзя найти многихъ охотниковъ чтенія для пользы въ учености или въ усовершенствованіи чего либо». При помѣщеніи политическихъ извѣстій Кондыревъ старается опровергнуть возраженіе, что все въ этомъ родѣ помѣщаемое въ Казани, при существованіи столичныхъ газетъ, будетъ старо и другое, что «изданіе политическихъ извѣстій университетомъ можетъ навлечь ему множество непріятностей, потому что извѣстія могутъ быть иногда помѣщаемы такія, кои потребно не обнародовать въ Россіи, но сіе будетъ зависѣть отъ выбора чиновниковъ. Всеконечно они строго должны смотрѣть за тѣмъ. Правительство съ своей стороны, когда бы воспослѣдовала таковая ошибка, можетъ сдѣлать замѣчаніе о непомѣщеніи впредь подобнаго; сего рода ошибки могутъ случиться вездѣ и со всякимъ и слѣд. не издавать посему нигдѣ политическихъ извѣстій будетъ заключеніе ложное». Какъ на источники для политическихъ свѣдѣній, Кондыревъ указывалъ, кромѣ столичныхъ, еще на девять иностранныхъ газетъ на разныхъ языкахъ.

На помѣщеніе политическихъ извѣстій по этому плану Кондырева, который онъ однако вообще одобрялъ, попечи-

тель не согласился рѣшительно. „Предложите комитету (составлявшему планъ изданія), писалъ онъ Яковкину (31 августа 1811 года), чтобы до оныхъ не касался, особливо до происшествій въ европейскихъ государствахъ случающихся, во первыхъ потому, что въ „Казанскія Извѣстія“ при правленіи (губернскомъ) издаваемыя, не входили политическія извѣстія и во вторыхъ въ С. Петербургскія вѣдомости помѣщаются они не иначе, какъ по выбору министерства иностранныхъ дѣлъ. Университету предоставлено право выписывать иностранныя вѣдомости не для политическихъ свѣдѣній, но для извѣстій до наукъ касающихся, которыя комитетъ безъ сомнѣнія и въ свои извѣстія помѣщать можетъ... Объ азіатскихъ и внутреннихъ происшествіяхъ я согласенъ, чтобъ комитетъ предписалъ всѣмъ училищамъ своего округа присылать оныхъ описаніе“. Онъ вычеркнулъ политическій отдѣлъ и предложилъ помѣщать только правительственныя постановленія и то „въ случаѣ надобности“. Нашелъ онъ неприличнымъ также, по плану Кондырева, помѣщеніе въ „Извѣстіяхъ“ проповѣдей, романовъ, басенъ, эпиграммъ, логогрифовъ, шарадъ и пр., а также *о смерти торгашей* (?) и высказывалъ мнѣніе, что всего приличнѣе и пристойнѣе помѣщать краткое описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и городовъ, подобно недавно помѣщенному въ Извѣстіяхъ описанію города Свіяжска.

Въ укороченномъ видѣ удержался скромный планъ Запольскаго. *Первое отдѣленіе* заключало въ себѣ постановленія отъ правительства; *второе* — статья занимательнаго (сюда входили: торговля, хозяйство, технологія, статистика, военные предметы и науки, числомъ девять, съ разными подраздѣленіями и подробностями, наконецъ словесность и учебныя заведенія); *третье* отдѣленіе заключало въ себѣ объявленія отъ казенныхъ мѣстъ и отъ разныхъ сословій. Планъ этотъ былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія. Съ своей стороны министръ счелъ нужнымъ изъ наукъ, помѣщенныхъ во второмъ отдѣленіи исключить: 1) *правовѣдѣніе* (по плану въ эту рубрику слѣдовало помѣщать: замѣчательные гражданскіе и уголовные процессы, извѣстія о примѣчательныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ за оныя, особенныя заслуги искусныхъ судей и судебное устройство и законы въ другихъ земляхъ), „потому что подъ

сею статьею предполагаемо было печатать такія извѣстія и разсужденія, которыя подлежатъ другому министерству, а частью и не должны быть всѣмъ извѣстны"; 2) *философію* (сюда входили: извѣстія о примѣчательныхъ, преимущественно о новыхъ философахъ, особенностяхъ ихъ системъ и дѣйствіяхъ), „по причинѣ многихъ различныхъ толкованій, могущихъ дать поводъ къ излишнимъ ученымъ спорамъ съ сочинителями книгъ по сей части" и наконецъ 3) *медицинскія извѣстія* (они заключали въ себѣ: новыя методы лѣченія, медицинскія моды, медицинскія учрежденія, прививаніе простой и коровьей оспы, скотолѣченіе, скотскіе падежи и средства противъ нихъ), „потому что издается отъ Медико-хирургической академіи медицинскій журналъ, въ который могутъ быть сообщаемы статьи по сей части". По исключеніи изъ плана этихъ статей, графъ Разумовскій представилъ его на утвержденіе государя императора и получилъ высочайшее повелѣніе о приведеніи его въ дѣйствіе (8 ноября, 1811 года).

Для распространенія газеты и доставленія ей матеріаловъ, попечитель отнесся о томъ ко всѣмъ начальникамъ губерній, округъ Казанскій составляющихъ и получилъ увѣренія о ихъ распоряженіяхъ въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ и о полной готовности, конечно только на бумагѣ, споспѣшествовать изданію. Съ своей стороны университетъ привлекалъ къ тому же дѣлу подчиненныхъ ему директоровъ училищъ, а для увеличенія доходовъ университета, обязалъ каждое училище, отъ Верхнеудинска до Пензы и отъ Ставрополя кавказскаго до Вятки выписывать „Извѣстія".

Попечитель со вниманіемъ читалъ „Извѣстія" и слѣдилъ за ними, довольно часто дѣлая замѣчанія редакторамъ и совѣту; онъ зналъ, что на эту первую русскую провинціальную газету обращено особое вниманіе правительства. „Усмотрѣвъ изъ объявленія университета (объ изданіи газеты въ 1812 году), пишетъ онъ совѣту (2 окт. № 1066), что между прочимъ положено помѣщать въ „Извѣстіяхъ" *эпиграммы*, и не находя примѣра въ другихъ газетахъ, почитаю несообразнымъ помѣщеніе ихъ". Въ другой разъ онъ замѣтилъ, что статьи „Извѣстій" раздробляются продолженіями на отрывки слишкомъ мелкіе „и отъ такихъ безпрестанныхъ перерывовъ матерій теряется связь и должны оста-

навливаться память и вниманіе". Онъ указываетъ, и довольно часто, что встрѣчаются грамматическія ошибки или предлагаетъ помѣщеніе шарадъ, логогрифовъ, загадокъ и пр. отложить до будущаго времени. Вообще попечитель высказывалъ большое участіе къ изданію. Увольняя Броннера „по незнанію имъ русскаго языка", какъ писалъ онъ въ прошеніи, отъ участія въ издательномъ комитетѣ, попечитель высказывался, что „не только г. Броннеръ, но никто изъ членовъ совѣта, во исполненіе монаршей воли, не отречется сообщать статьи, достойныя для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ", послѣдуя примѣру профессоровъ Эрдмана и Литтрова" (2 ноября). То же самое онъ повторилъ, когда и Эрдманъ попросилъ уволиться отъ издательнаго комитета. Въ особенности попечитель старался побудить членовъ совѣта къ дѣятельности для „Извѣстій", когда оказался, что случилось впрочемъ очень скоро, именно уже въ началѣ 1812 года, положительный недостатокъ матеріаловъ для помѣщенія въ газетѣ. „Никакихъ матеріаловъ, доноситъ издательный комитетъ (28 февраля) ни отъ гг. членовъ совѣта, ни отъ гг. директоровъ, за исключеніемъ пермскаго (Попова) не поступало". Узнавъ объ этомъ, попечитель вновь приглашаетъ членовъ совѣта къ участію. „Не благоугодно ли будетъ, говоритъ онъ, каждому сообщить что либо полезное для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ", чтобъ оправдать сіе возложенное по высочайшей волѣ на университетъ препорученіе" — и ждетъ отвѣта. Увидѣвъ изъ протоколовъ, что совѣтъ, выслушавъ это предложеніе, постановилъ: „записать о семъ въ протоколъ", попечитель дѣлаетъ замѣчаніе совѣту о томъ, что изъ таковаго опредѣленія вовсе не видно — намѣренъ ли совѣтъ содѣйствовать и настаиваетъ, чтобы гг. члены благоволили уважать представленіе совѣта о содѣйствіи комитету для изданія „Извѣстій".

Но и въ самомъ издательномъ комитетѣ произошелъ раздоръ между соредакторами: профессоромъ Городчаниновымъ и его адъюнктомъ В. Перевощиковымъ, на котораго первый смотрѣлъ сверху, какъ начальникъ. На упомянутое выше замѣчаніе попечителя, что статьи „Извѣстій" раздробляются на отрывки слишкомъ мелкіе, Городчаниновъ отвѣчалъ обвиненіемъ Перевощикова, доказывая, что не онъ, Городчаниновъ, а его соредакторъ виноватъ въ томъ. Труды

обоихъ по изданію распредѣлены были помѣсячно и Городчаниновъ писалъ, что перерывы статей приходятся исключительно на срокъ Перевощикова, что онъ помѣщаетъ „статьи совсѣмъ ненужныя и излишнія", а помѣщаемыя имъ, Городчаниновымъ статьи, „кои сами по себѣ для публики важны, ибо одна обратила на себя вниманіе правительства, а о другой пишутъ во всѣхъ газетахъ", въ мѣсяцъ редакторства Перевощикова „непристойно прерываются". Городчаниновъ хотѣлъ быть начальникомъ. Поочередное мѣсячное редактированіе газеты было постановлено комитетомъ для того, чтобы труды обоихъ сдѣлать равномѣрными, а съ самаго начала Городчаниновъ взялъ на себя только выборъ статей, Перевощикову же предоставилъ всю черную работу изданія, т. е. исправленіе слога и языка статей и ихъ корректуру, на что послѣдній и жаловался. Въ объясненіи и оправданіи своемъ попечителю, Перевощиковъ говоритъ слѣдующее:

«Слыша непрестанные отзывы казанской публики, что «Казанскія Извѣстія» незанимательны, я старался всѣми моими силами отвратить такое порицаніе. Для сего я помѣщалъ въ нихъ извѣстія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ, о всѣхъ замѣчательныхъ въ наукахъ и художествахъ изобрѣтеніяхъ, для сего я переводилъ нѣкоторыя статьи изъ Ла-Брюера, для сего написалъ, *желая представить духъ казанской* публики, «Разговоръ на балѣ»; для сего началъ было переводить изъ англійскаго стихотворца Пріора лирическое сочиненіе «Генрихъ и Эмма», но по предписанію в. п. не помѣщать въ Казанскихъ Извѣстіяхъ ничего романическаго, остановился. Если я ошибался въ выборѣ статей, если помѣстилъ что нибудь неприличное, прошу в. п. извинить моей неопытности для добраго намѣренія». Перевощиковъ былъ и образованнѣе и дѣятельнѣе жалкаго Городчанинова, которому онъ не могъ подчиниться, а между тѣмъ онъ «возлагаетъ на меня не токмо трудную работу выправлять въ слогѣ каждую піесу, каждое объявленіе для Казанскихъ Извѣстій, но даже и переписывать ихъ». Перевощиковъ попросилъ увольненія отъ редакторства, ссылаясь на свои занятія по преподаванію и желаніе усовершенствовать себя. «Любя тишину и не желая нарушать ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ считаю за честь служить, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ попечителю, желаю токмо удалиться и предоставить *гонящимъ меня людямъ* дѣйствовать по ихъ произволенію». Попечитель помирилъ редакторовъ и Перевощиковъ на время остался.

Для издательнаго комитета Извѣстій выписывалось нѣсколько исключительно нѣмецкихъ научныхъ и литературныхъ изданій, изъ которыхъ кое-что и заимствовалось, но весьма рѣдко. Комитетъ, котораго подробные протоколы за

первый годъ изданія дошли до насъ, то жаловался на недостатокъ матеріаловъ, то успокоивалъ попечителя въ своихъ донесеніяхъ, что ихъ всегда будетъ довольно: „Отъ одного вспомоществованія гражданскаго начальства, пишетъ онъ, и гг. директоровъ училищъ особенно, можно имѣть новое и весьма любопытное по мѣстнымъ обстоятельствамъ для публики". Оправдывалъ комитетъ и отсутствіе профессоровъ въ числѣ вкладчиковъ изданія, въ чемъ упрекалъ ихъ попечитель: „Многіе изъ гг. профессоровъ не могутъ по своему предмету участвовать въ споспѣшествованіи, наприм. профессоры медицинскихъ, политическихъ, юридическихъ и философскихъ наукъ; другіе, кромѣ учености, не легко могутъ доставлять иныя приличныя для вѣдомостей извѣстія, третьи, хотя и доставятъ таковыя, но по большей части на иностранномъ языкѣ, что требуетъ еще перевода". Такимъ образомъ главный матеріалъ для Извѣстій доставляли директоры училищъ округа и учителя.

Комитетъ въ первый годъ изданія усердно велъ протоколы своихъ засѣданій, гдѣ записывались разныя мѣры или къ полученію матеріаловъ или къ усовершенствованію статей. Нѣкоторые изъ этихъ протоколовъ заканчиваются самовосхваленіемъ. Такъ въ засѣданіи 25 мая 1812 года было записано, что члены „читали №№ 18, 19 и 20 Казанскихъ Извѣстій и нашли, что извѣстія сіи издаются нынѣ совершеннѣе противъ прежняго", или „разсматривали (28 мая) № 21 Извѣстій и нашли въ немъ много любопытнаго для общества". Вообще изъ протоколовъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о характерѣ редакціонной дѣятельности 75 лѣтъ тому назадъ. Попечитель до конца жизни принималъ самое горячее участіе въ журналѣ, зная, что имъ интересуются. Послѣ его смерти и послѣ того, какъ военныя событія 1812—1815 гг. отвлекли вообще вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, Извѣстія были предоставлены самимъ себѣ. Мы желали только разсказать о началѣ повременной литературы въ Казани, непосредственно связанной съ университетомъ и о условіяхъ, при какихъ она началась ([1]).

([1]) Исторія изданія «Казанскихъ Извѣстій» разсказана уже г. Лихачевымъ въ его брошюрѣ «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (При-

Въ заключеніе этой части нашихъ разсказовъ о жизни Казанскаго университета съ перваго года его основанія и того, что мы сказали о литературной дѣятельности, появившейся тогда и вызванной университетомъ, мы должны сказать нѣсколько словъ *о цензурѣ*, такъ какъ уставъ 1804 года возлагалъ на университетъ также и дѣятельность въ этой области. Не смотря на то, что вопросамъ о печатаніи книгъ и цензурѣ, этой неизмѣнной у насъ спутницѣ литературной дѣятельности, въ уставѣ посвящены самые послѣдніе параграфы (175—185), съ перваго же года университетской жизни является довольно обширная переписка университета съ различными цензурными учрежденіями по поводу запрещенія разныхъ книгъ, частію вышедшихъ за границею на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, частію русскихъ, приготовленныхъ къ печати или даже напечатанныхъ. Большое число иностранныхъ книгъ касалось изложенія русскихъ историческихъ событій въ другомъ видѣ, чѣмъ они излагались или должны были излагаться у насъ. Изученіе дѣлъ цензурныхъ комитетовъ, существовавшихъ при университетахъ, можетъ доставить нѣсколько любопытныхъ, имѣющихъ общій интересъ фактовъ. Другая половина цензурной переписки при университетѣ касалась общихъ вопросовъ, разныхъ распоряженій и мѣропріятій цензурныхъ, которыя вводились въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ политическихъ событій. Какъ ни значительно было организовано уже тогда цензурное дѣло, но то были первые годы царствованія Александра I; строгости и преслѣдованія были еще впереди. Если въ самомъ дѣлѣ цензура является у насъ неизмѣнною спутницею литературы, подобно лунѣ, этой вѣчной спутницѣ земнаго шара въ его постоянномъ обращеніи вокругъ источника жизни—солнца, то надобно согласиться, что и цензу-

---

ложеніе, стр. 74—83). Почему-то изданіе этого журнала онъ ставитъ въ неразрывную связь съ дѣятельностью своего героя (мы видѣли, что она была совершенно ничтожна). Свѣдѣнія, нами сообщенныя, основанныя на большемъ количествѣ документовъ, иное измѣняютъ, иное дополняютъ въ сказанномъ г. Лихачевымъ о первомъ годѣ «Извѣстій», который только мы и имѣли въ виду. Содержаніе «Казанскихъ Извѣстій» (1811—1819 гг.) передано въ статьѣ г. *П. Пономарева* «Полный систематическій указатель статей мѣстно-областнаго содержанія, напечатанныхъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ» (приложеніе 1-е къ «Извѣстіямъ Общества археологіи, исторіи» и проч.). Каз. 1880. 8°. 45 стр.

ра, подобно лунѣ, имѣетъ свои фазисы. Тогда была первая четверть цензуры, но все же четверть возрастанія. Литературная дѣятельность была слишкомъ слаба, ничтожна, а потому и цензурѣ дѣла было мало. Самыя запрещенія дѣлались случайно, напр. запрещенія послѣ заключенія Тильзитскаго міра разныхъ историческихъ французскихъ сочиненій о Наполеонѣ, написанныхъ роялистами и даже одной исторіи Бонапарта, переведенной съ французскаго и напечатанной въ Петербургѣ въ типографіи Шнора.

Цензурный комитетъ для книгъ, печатаемыхъ въ университетскомъ округѣ, согласно § 177 устава, открылся въ Казани 30 мая 1807 года, ранѣе многихъ другихъ функцій университета, согласно предписанію попечителя. На первый случай совѣтъ долженъ былъ избрать изъ среды своей трехъ членовъ и сообщить о томъ въ губернскія правленія губерній округъ составляющихъ. Выборовъ, какъ дѣла еще непривычнаго, не было, а изъявили свое согласіе быть членами трое: Германъ, Запольской и Городчаниновъ, которые и были утверждены попечителемъ. Литературная дѣятельность въ губерніяхъ округа была вполнѣ ничтожна. За пять лѣтъ отъ основанія университета было разсмотрѣно только двѣ книги и то университетскіе цензора, какъ и прилично профессорамъ, смотрѣли на порученное имъ дѣло съ другой точки зрѣнія, чѣмъ какъ требовалъ уставъ (§ 178). Первая была „Физіологическія примѣчанія на человѣка“, переводъ, сдѣланный нижегородскимъ священникомъ Іоасафомъ Мартыновичемъ, присланный въ университетъ директоромъ нижегородскихъ училищъ. Мнѣніе о ней цензоровъ Каменскаго и Евеста заключалось въ слѣдующемъ: „Какъ въ книгѣ находятся многія давно уже опроверженныя гипотезы, на которыхъ авторъ основалъ свои объясненія многихъ явленій тѣла жизненностью одареннаго и сверхъ того слогъ на россійскомъ языкѣ для поучительнаго сочиненія во многихъ мѣстахъ не явственнъ, то и не можетъ быть одобрена къ напечатанію“. Цензоры, чтобы смягчить суровость приговора, высказывали съ своей стороны желаніе, „чтобы переводчикъ, въ которомъ трудолюбіе весьма примѣтно, впредь занимаясь въ переводахъ, избиралъ для того книги сообразнѣйшія предполагаемой цѣли“. Другая книга была прислана изъ Екатеринбурга, отъ начальника уральскихъ горныхъ заводовъ. Это было

сочиненіе оберъ-берггауптмана 4 класса Германа „Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи“. Цензоръ Городчаниновъ писалъ, что все сочиненіе состоитъ почти единственно изъ высочайшихъ указовъ, то вѣрность его словъ, по неимѣнію подлинниковъ, онъ (цензоръ) засвидѣтельствовать не можетъ, но въ книгѣ находятся грамматическія ошибки какъ противъ свойства русскаго языка, такъ и противъ правилъ правописанія. „Я разумѣю, прибавляетъ цензоръ, во избѣжаніе двусмысленности, только подлинныя слова сочинителя, каково предисловіе и связи въ повѣствованіяхъ“.

Съ политическимъ оттѣнкомъ представляется только цензурный случай въ сферѣ книгъ, печатавшихся для татарскаго населенія нашей восточной полосы. Этотъ случай конечно чисто мѣстнаго свойства, но тѣмъ болѣе онъ кажется любопытнымъ, что показываетъ проникновеніе общихъ идей цензуры и господствовавшаго направленія въ совершенно оригинальную и повидимому чуждую литературѣ область. Случай восточной цензуры состоялъ въ слѣдующемъ. Въ азіатской типографіи, существовавшей съ 1801 года при гимназіи, а потомъ при университетѣ печатались въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, кромѣ корана и множества религіозныхъ и церковно-юридическихъ мусульманскихъ книгъ, также и книги арабскія, персидскія и турецкія, расходившіяся по всей средней Азіи и доходившія даже до Восточной Индіи. Печатаніе этихъ книгъ доставляло и доставляетъ довольно большой доходъ типографіи университета. Цензура печатаемыхъ восточныхъ книгъ принадлежала въ то время учителю татарскаго языка въ гимназіи Ибрагиму Хальфину, самая же восточная типографія была на откупу у казанскаго купца Апанаева (Впослѣдствіи, собственно для восточныхъ книгъ, была учреждена должность отдѣльнаго цензора). Но въ 1807 году Хальфинъ отказался отъ цензурнаго просмотра шести книгъ, представленныхъ для напечатанія содержателемъ типографіи, ссылаясь на то обстоятельство, что всѣ онѣ касаются магометанской религіи и университетъ отправилъ ихъ въ Оренбургъ въ магометанское духовное собраніе, потому что книги духовнаго, не свѣтскаго содержанія печатались вообще съ одобренія муфтія, а такого одобренія на сказанныхъ книгахъ не было. Изъ шести отосланныхъ въ собраніе книгъ, двѣ возвратились для печата-

нія въ началѣ 1808 года, но съ указаніемъ мѣстъ исключенныхъ для печатанія, которыя „высокостепенный“ муфтій не одобрилъ. Книги были сданы Хальфину для строгаго наблюденія, чтобъ исключенныя мѣста не попали въ печать. Вскорѣ Хальфинъ донесъ рапортомъ совѣту, что просматривая одну изъ одобренныхъ къ печатанію муфтіемъ книгъ, именно „Рисалей Мухамета“, онъ нашелъ въ ней слѣдующую арабскую *сомнительную*, по его выраженію, молитву: „Господи! помоги тому, кто вспомоществуетъ вѣрѣ, изобличи того, кто порочитъ вѣру, помоги мусульманской или единодушной всей портѣ или войску, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ; хвала буди создавшему весь міръ!“ Хальфинъ, сообщая этотъ свой переводъ совѣту университета, высказывалъ предъ лицомъ его сомнѣніе: „не будетъ ли это противно нашему отечеству?“ Совѣтъ, разсматривая эту молитву, нашелъ ее „противною россійскому правительству по настоящимъ обстоятельствамъ“ (тогда шла турецкая война), предписалъ Хальфину, чтобъ она не была напечатана и донесъ о томъ попечителю. „Не безполезно, по мнѣнію моему, писалъ попечитель, сообщить муфтію, что хотя помянутая книга имъ и одобрена къ напечатанію, однакожъ совѣтъ означенной молитвы съ своей стороны позволить напечатать не можетъ и опредѣлилъ оную исключить“. Началась длинная переписка съ магометанскимъ правленіемъ въ Оренбургѣ. Муфтій проситъ возвратить рукопись для сличенія—вѣрно ли Хальфинымъ сдѣланъ переводъ; совѣтъ желаетъ удержать книгу, какъ corpus delicti, распоряжается чтобы Хальфинъ списалъ инкриминованные стихи, а Френъ засвидѣтельствовалъ вѣрность копіи, и отсылаетъ ее къ муфтію. Собраніе въ Оренбургѣ снова требуетъ рукописи въ подлинникѣ, не довѣряя ни копіи, ни переводу Хальфина. Объ этомъ снова доносится попечителю, не смотря на письменное представленіе Френа, который объяснялъ совѣту, что сочинитель книги „Рисалей Мухамета“ писалъ эту молитву во время довольно отдаленное отъ нашего, и притомъ не касаясь ни мало христіанской вѣры и находилъ, что книга можетъ быть поэтому напечатана. Совѣтъ смотрѣлъ иначе и спрашивалъ у попечителя указанія какъ поступить ему, въ виду настойчивыхъ требованій магометанскаго собранія о возвращеніи рукописи. Попечитель совершенно раздѣлилъ взглядъ совѣта и одобрилъ его распоряженіе не отсылать книги, „ибо чрезъ таковую пересылку мо-

жетъ самая книга утратиться“. Онъ совѣтовалъ написать въ магометанское собраніе, чтобы оно поручило кому нибудь изъ казанскихъ магометанскихъ духовныхъ лицъ сличить подлинникъ съ переводомъ и увѣдомить собраніе. Не знаемъ было ли это сдѣлано, а время тянулось. Прошло почти два года со времени сомнѣнія, возбужденнаго Хальфинымъ. Содержатель типографіи жаловался, что книга уже напечатанная не выпускается въ продажу, что онъ терпитъ отъ того убытки. Въ концѣ оренбургское магометанское собраніе осталось побѣдителемъ въ борьбѣ своей съ совѣтомъ Казанскаго университета. Оно настояло на томъ, что сомнительная молитва ни мало не противна обязанностямъ магометанъ, подданныхъ правительству россійскому. Совѣтъ долженъ былъ согласиться и предписалъ выдать книгу Апанаеву.

Конецъ первой части.

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой части.

(Цифры означаютъ страницы).



